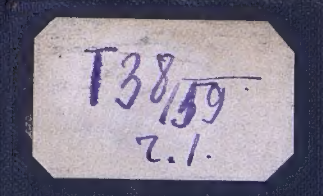
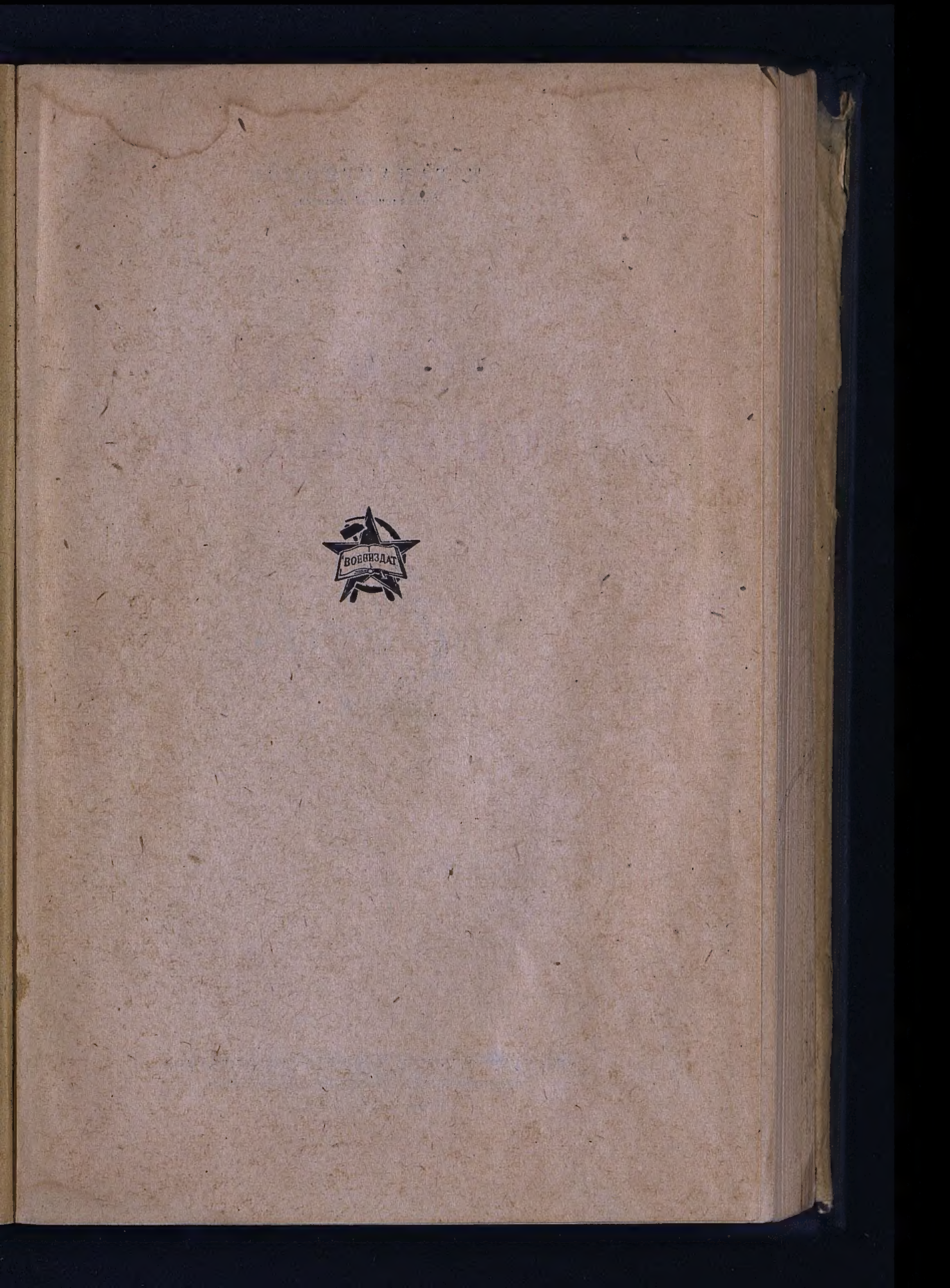

М. ГАЛАКТИОНОВ

ТЕМПЫ ОПЕРАЦИЙ

ВОЕНИЗДАТ

ВОЕНИЗДАТ

М. ГАЛАКТИОНОВ
Дивизионный комиссар

ТЕМПЫ ОПЕРАЦИЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1936

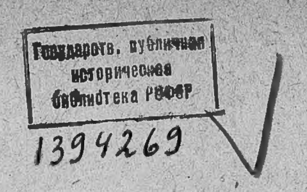
М. ГАЛАКТИОНОВ
Дивизионный комиссар

ТЕМПЫ ОПЕРАЦИЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПАРИЖ—1914

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА—1937

М. Галактионов

ТЕМПЫ ОПЕРАЦИЙ

Настоящий труд освещает проблемы оперативной и тактической подвижности армий на конкретном анализе операций начального периода мировой империалистической войны 1914—1918 гг.

В первой части автор рассматривает маневренный период войны на западноевропейском фронте (1914 г.). В соответствии со своей главной темой автор дает развернутую картину Марнской битвы. Перед читателем проходят „Канун Марны“ — принятие решения французским главнокомандующим и марш германских армий к Парижу; фронт на р. Урк, где уже наметились очертания будущей позиционной войны; марш корпусов 1-й германской армии к р. Урк; наступление союзников и образование Марнской бреши; атака германской гвардии против Фоша; остановка германского наступления на восточной половине фронта Марнского сражения; наконец, драматическая „развязка“ четырехдневной битвы.

Затем кратко излагаются последующие события: преследование и остановка германских армий на р. Эн, „бег к морю“, Фландрская битва и рассматриваются предпосылки перехода к позиционной войне.

Книга рассчитана на старший и высший командный и начальствующий состав РККА. Она представляет интерес и для подготовленного гражданского читателя.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МАРНСКАЯ БИТВА

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА МАРНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

(Схемы 1 и 7)

Уже исполнилось 20-летие сражения, которому «нет прецедента в военных анналах» [1]. В этом сражении французская армия действительно проявила много героизма, физической и моральной выдержки.

Война 1914 — 1918 гг. была вызвана развитием «катастрофических противоречий внутри империализма» [2]. Главным из этих противоречий явилось противоречие между Англией и Германией, которые вели империалистическую политику, борясь за новый передел мира. Но в развязавшейся войне Франции пришлось принять первый удар, и тем самым она была поставлена в трагическое положение. Германские армии катились к Парижу, сея разрушение и опустошение на своем пути. И вот происходит «эта битва, которую квалифицировали, как чудо... Париж, эта крепость, оставленная без внимания и покинутая вопреки всякому смыслу, бросился во фланг Клуку — потоком войск, грузовиков, такси, пушек» [1]. Это — Париж 1914 г.

Полководцы французской армии представляют сражение на Марне, как величайший исторический катаклизм. В их высказываниях каждому шагу, каждому удару и каждому решению в этом сражении придается исключительное значение. Между тем, когда читаешь мемуары организатора и руководителя победы—маршала Жоффра [3], поражаешься простотой и обыденностью происходившего. 5 сентября, когда приказ о битве был уже направлен в войска, Жоффр узнает об отказе англичан принимать участие в общем контрнаступлении. Немедленно он направляется на автомобиле в Мелен (Melun), где

[1] Из речи марш. Петэна по случаю 20-летней годовщины Марнской битвы. См. „France Militaire“, 11 septembre 1934.
[2] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 23.
[3] „Mémoires du Maréchal Joffre“. Tome premier. Paris 1932.

расположена ставка британского главного командования. Но вот автомобиль застопорен: по дороге тянется бесконечная колонна—то 4-й арм. корпус идет к Парижу. «Позавтракаем», — просто говорит Жоффр. И перед лицом предстоящего наступления, результаты которого поставлены под удар неожиданным английским отказом, главнокомандующий французских армий спокойно пережидает конца колонны. «Имел бы Мольтке в этом положении такие нервы?» — спрашивает немецкий историк Марнской битвы [1]. В Мелене происходит крупный разговор. Френч заупрямился. Но когда Жоффр опускает кулак на стол и говорит: «Честь Англии поставлена на карту», упрямый британец заявляет после короткой паузы: «J will do all my possible» («Я сделаю все, что возможно»). Выдержка, спокойствие и здравая рассудительность Жоффра заслуживают изумления. Действительно, немногие могли бы похвастаться такими железными нервами.

1. ФЛАНГОВЫЙ МАНЕВР И РАСЧЛЕНЕНИЕ ФРОНТА НА МАРНЕ

Маршалу Жоффру принадлежит следующее определение, которое в полной мере может считаться классическим:

«Марнская битва, которая была начата с нашей стороны маневром охвата (par une manoeuvre d'enveloppement) правого крыла врага, окончилась расчленением неприятельского расположения (par la dislocation du dispositif adverse), в котором открылись две бреши (brèches): одна между 1-й и 2-й германскими армиями, другая между 2-й и 4-й, причем 3-я армия была разбита на 2 части (en deux tronçons), которые примкнули соответственно к левому флангу Бюлова и правому принца Вюртембергского. Этой неожиданной ситуацией мы воспользовались полностью» [2].

Но по замыслу французского главного командования Марнская операция была задумана как фланговый маневр. Приказ, отданный Жоффром 4 сентября в 22 час., гласил:

«Необходимо воспользоваться опасным положением (la situation aventurée) 1-й германской армии, чтобы сосредоточить (concentrer) на ней усилия крайнего левого крыла (d'extrême gauche) союзных армий».

6 сентября утром Жоффр дал дополнительные указания; они намечали расширение базы этого маневра путем сочетания с ним удара также и по «левому флангу неприятельских сил, которые наступают западнее Аргонн», т. е. эта идея «Канн» имела в виду не более, не менее, как одновременным охватом противника с обоих флангов окружить и уничтожить его главные силы. Однако, этот второй маневр, как это часто бывает, не получил сколько-нибудь серьезного развития

[1] Kabisch, Die Marneschlacht, S. 67, 1914.
[2] Joffre, p. 420—421. Разрядка наша.

в ходе сражения. Поэтому в нашем труде рассматривается в первую очередь фланговый маневр левого союзного крыла. Именно здесь произошли решающие события, повлиявшие на исход битвы.

Союзные армии, по диспозиции к сражению, вечером 5 сентября образовали широкий полукруг протяжением от Парижа до Вердена, несколько выпяченный к северу в центре — у Сезан и Сенгондских болот. «Общий вид этой линии обозначал широкий карман (une vaste poche), в который, казалось, стремились залезть пять германских армий»[1]. 1-я германская армия при этом вырвалась несколько вперед: перейдя Марну, она своими передовыми частями была уже южнее Б. Морена, в районе Куломье. Перед фронтом ее находилась 5-я французская армия, на ее правом фланге — англичане, в тылу, севернее Марны,— 6-я французская армия. В этом именно и заключалось «опасное» положение 1-й германской армии. Задача флангового маневра ген. Жоффра состояла в том, чтобы отрезать 1-ю германскую армию с севера, окружить ее с трех сторон и концентрическим ударом с фланга и фронта уничтожить. 6-я французская армия должна была в соответствии с этим переправиться через р. Урк и наступать на Шато-Тьери (Château-Thierry), англичане и 5-я армия — наступать в общем направлении на Монмирайль (Montmirail).

Но этот план флангового маневра имел д в е различных интерпретации. Одна из них принадлежала ген. Галлиени, который, как известно, был инициатором использования 6-й французской армии для удара во фланг германским армиям со стороны Парижа. Именно наступление этой армии с е в е р н е е Марны Галлиени считал решающим звеном предпринятого маневра. Такая идея реализовала бы «неоспоримый принцип», по выражению Жомини, классической стратегии: «установить свою массу на одном из двух флангов (extrémités) линии противника и избрать для этого тот пункт, который наиболее быстро выводит на его сообщения, для того, чтобы ими овладеть и привлечь крупные шансы на свою сторону»[2].

Однако, Жоффр вполне резонно сомневался в способности 6-й армии произвести такой маневр, учитывая слабость ее сил. По его мнению, решающую роль в успехе флангового маневра должны были сыграть с о е д и н е н н ы е силы левого союзного крыла. Именно потому Жоффр проявил такие большие усилия, чтобы привлечь англичан к участию в наступлении. Очевидно, признавая всю важность сосредоточенного и согласованного удара трех левофланговых армий, Жоффр первоначально считал, что 6-я армия должна наступать ю ж н е е Марны. Разрешив затем 6-й армии наступать севернее Марны, Жоффр приказывает, однако, 8-ю дивизию (4-го корпуса, переброшенного для усиления 6-й армии) направить в промежуток между 6-й и английской армиями.

[1] J o f f r e, p. 396.
[2] J o m i n i, Histoire des guerres de la révolution, t. VII, p. 318.

Галлиени стремился как можно скорее начать наступление, боясь, что немцы сообразят о ловушке, расставленной им, и предпримут контрмеры [1]. Жоффр пишет по этому поводу следующее:

«Я фиксировал на 7 сентября начало нашего наступления [2]. Это решение имело то преимущество, что вынуждало немцев глубже проникнуть во внутрь нашего охватывающего расположения и позволяло закончить перевозку войск с востока» [3] и дальше: «поспешность, привнесенная маневру 6-й армии, заставила меня сделать это достойное сожаления изменение первоначального проекта». Здесь очень важно отметить, что перенос начала наступления с 6-го на 7-е Жоффр связывал не только с тем, что немцы еще глубже залезут в глубь «кармана», но и с тем, что к этому времени будет закончена переброска войск. Действительно, 6-я французская армия начала наступление, когда назначенный для ее усиления 4-й корпус еще не прибыл в район ее сосредоточения.

Опасения Жоффра целиком подтвердились: 6-я французская армия не успела даже форсировать р. Урк и сама попала в опасное положение вследствие контрманевра 1-й германской армии. Этой последней удалось выскользнуть из-под угрозы окружения и избежать разгрома. Подготовленный против нее союзниками маневр окружения не осуществился.

Отсюда следует само собой разумеющийся вывод, что «Марна» вовсе не является типичным случаем проявления флангового маневра в его «чистом» виде. Для «Марны» характерна, напротив, двойственность, отмеченная в приведенном выше определении Жоффра. Вторая стадия сражения в этом определении названа «расчленением неприятельского расположения». Автор одной английской работы [4] устанавливает, что «Марнская битва была an action of dislocation», т. е. процессом расчленения линии фронта. При этом указывается связь между первой и второй стадиями: вследствие удара по крайнему флангу, германское расположение вытянулось в его направлении, результатом чего явилась «the gap of dislocation», брешь, образованная расчленением. По определению официального французского труда, Жоффр «начал сражение маневром окружения (une manoeuvre de débordement), он закончил его маневром прорыва (une manoeuvre de rupture) [5]».

Лиддель-Гарт разделяет эту теорию Марнской битвы [6], причем он, ссылаясь на Камона, видит в ней типичный наполеоновский ма-

---

[1] Приказ германского главного командования от 4 сентября (см. дальше) показывает, что такое опасение имело основания.

[2] Речь идет о первоначальном черновом наброске директивы от 4 сентября.

[3] Joffre, I, 386.

[4] „General Sketch of the European war. The second phase. The battle of the Marne, by Hilaire Belloc".

[5] Les A. F. I[3], 48. Разрядка наша.

[6] Лиддель-Гарт, „Правда о войне 1914—1918 гг.", стр. 85, см. прим.

невр. Однако, Лиддель-Гарт, как и многие другие, механически переносит тактические категории в сферу совершенно иных современных оперативных масштабов. То, что происходило в наполеоновских битвах на линии одной армии, занимавшей легко обозримое поле, нельзя переносить механически на гигантскую линию сражения пяти армий протяжением в 250 км. Французская официальная история войны указывает, что только в начальном периоде войны и в частности на Марне «французы в первый раз получили в действительности опыт «войны армий» (une guerre d'armées)[1], причем в примечании сказано, что «война армий еще только намечалась при Наполеоне I, и армии, сформированные в 1870—1871 гг., всегда действовали отдельно».

Наполеон никогда не имел против себя линии армий, вытянутой на 250 км. Впрочем, не совсем точно было бы сказать, что подобное развертывание нескольких армий совершенно отсутствовало в войнах прежних эпох. Схематически это имело место в ту эпоху в виде кордонного (en cordon) расположения армий. Однако, оно решительно осуждалось крупнейшими мастерами войны. «Неопытные генералы стремятся сохранить все», — говорил Фридрих Великий[2], — и потому размещают войска повсюду». Наполеон по поводу расположения, занятого французскими войсками в войне в Испании в 1808 г., упрекал главный штаб за принятие «системы кордонов» («système des cordons»)[3].

Именно по такой кордонной системе располагались французские армии в первых войнах Великой французской буржуазной революции, когда еще не было опыта правильного использования новых массовых армий: в конце июля 1792 г. 106 000 человек были разбросаны на северо-восточной границе на линии длиной около 140 лье. Подобным же образом располагались и армии коалиций. Жомини резко осуждал эту «кордонную систему Ласки» и требовал сосредоточения в этом случае атакующей массы против центра неприятельского расположения: «Если противник разделил свои корпуса на вытянутой линии с целью обороны, армия, как правило, для операции должна собрать свою массу в центре»[4]. Жомини гораздо правильней, конечно, выражает здесь наполеоновский принцип. В сражении 1796 г. на р. Минчио (после битвы при Лоди) ген. Болье расположился кордоном на правом берегу реки. Наполеон форсировал реку и прорвал австрийский центр. Говоря о действиях австрийского генерала, Наполеон писал: «Разбрасывая свою армию вдоль этой реки, он ослаблял себя»[5].

---

[1] Les A. F. I[3], 1319.

[2] „Военная инструкция короля Пруссии".

[3] Napoléon, „Correspondance militaire", t. V, 409.

[4] Jomini, Histoire critique et militaire des guerres de la révolution, tome sixième, p. 305 (note).

[5] Napoléon, Correspondance militaire, X, 134.

Сам Наполеон следующим образом излагал сущность своего маневра: «Когда с меньшими силами я находился перед противником более многочисленным, быстро (avec rapidité) сосредоточивая свою армию, я обрушивался, как молния, на один из его флангов и опрокидывал его; затем я использовал растерянность, которую этот маневр всегда производил в армии противника, чтобы атаковать его на другом пункте всеми моими силами».

Сен-Сир, говоря о расположении французской и австрийской армий на Рейне в 1800 г., дает следующие комментарии относительно такого кордонного расположения: «Крайняя длина линии, на которой были разбросаны обе армии, представляла огромные преимущества тому из двух генералов, кто способен был собрать в данном пункте наиболее быстро достаточные силы, чтобы раздавить противника» [1].

Мы недаром остановились на этом моменте. Расположение германской и союзных армий в Марнской битве, действительно, напоминало как бы гигантский кордон, протянувшийся от Парижа до Вердена. С точки зрения буржуазной классической стратегии, такое расположение было бы отрицанием элементарных принципов военного искусства и давало в руки активному противнику легкий путь к победе. В 1914 г., разумеется, предпосылки расположения армий по вытянутой на огромном протяжении линии были совершенно иными, чем век тому назад. Но характерно, что оперативное мышление обеих сторон тяготело к принципу: фронт не должен иметь разрывов.

Этот последний момент надо подчеркнуть особо, иначе вся суть проблемы останется неясной. Когда мы говорим об армиях, которые действовали с обеих сторон на Марне, то под «армией» следует понимать нечто иное, чем в прошлых войнах. «Армия» в гораздо меньшей степени трактуется как самостоятельное, раздельно действующее войсковое соединение. В Марнской битве перед нами скорее связанная цепь таких армий, вытянутых в единый фронт. При этом совершенно недвусмысленно выдвигается тенденция к плотному примыканию флангов отдельных армий. Нередки случаи передачи корпусов из одной армии в другую. Фронт на Марне — это скорее непрерывное расположение корпусов, где границы между армиями носили зачастую лишь административный характер. Корпуса в свою очередь расчленены на дивизии, полки и т. д., и весь этот боевой порядок стремится к образованию сплошного, непрерывного фронта. Откуда возникла тенденция всюду прикрыться живым кордоном войск, избегая разрывов в их расположении,—это один из важнейших вопросов настоящего труда. Когда указывают, что брешь на Марне между 1-й и 2-й германскими армиями послужила причиной поражения, то этим в сущ-

---

[1] Gouvion-Saint-Cyr, Mémoires, II, 105.

ности ставится вопрос, который как раз и подлежит исследованию. Почему сыграла такую роковую роль эта пресловутая брешь между 1-й и 2-й армиями? Почему обе стороны, потерпев неудачу в охватывающем маневре, стали искать разрывов в расположении противника, чтобы проникнуть вглубь их?

На огромной части фронта сражения враги противостояли друг другу. Преимуществом союзников явилось охватывающее положение на флангах, что и послужило отправной точкой развития событий в Марнской битве. Но ведь известно, что это преимущество оказалось вовсе не решающим само по себе, так как удар с фланга был быстро и радикально парирован. Сила этого удара вовсе не соответствовала грандиозности расположения войск на сотни километров. Получилась, по аналогии, примерно, такая картина, когда батальон атакует во фланг фронт корпуса; можно ли ожидать отсюда решительного результата? Не окажется ли гораздо более важным то, что происходит на остальной части фронта? На Марне получился именно такой результат: в конце концов удар 6-й армии во фланг германского расположения сам по себе не имел решающего значения — его значение и роль определяются событиями, происходившими одновременно на всем гигантском фронте сражения от Парижа до Вердена.

Анализ усложняется тем, что, в противоположность сражениям эпохи позиционной войны, битва на Марне была начата армиями, которые находились в движении. В известном смысле Марна — грандиозное встречное сражение. Это обстоятельство привело к своеобразному развитию событий на отдельных участках и на фронте в целом. Надо предостеречь также от смешения понятия «фронт» во время Марнской битвы с «фронтом» последующей эпохи позиционной войны. Это еще не был окостеневший, неподвижный фронт; в Марнском сражении лишь выявилась тенденция к его образованию. Уже действовали какие-то силы, которые приостанавливали атаку пехоты, вынуждая ее искать прикрытия, силы, которые побуждали войсковые массы к вытянутому расположению по сплошной линии. Но все же эта линия еще была зыбкой, передвигалась вперед и назад, образуя кое-где разрывы. Это движение необходимо учесть как важный элемент анализа.

Итак, первый разбор привел нас к следующему результату:

— накануне сражения столкнувшиеся армии вытянулись в длинную колеблющуюся ленту от Парижа к Вердену, причем союзники получили преимущество охватывающего положения на флангах;

— битва началась «фланговым маневром» союзников со стороны Парижа и закончилась «расчленением» германского фронта, в результате чего возникли бреши в его расположении;

— между двумя этими стадиями сражения намечается некоторая связь.

В чем эта связь состоит? Осторожный Жоффр в своем определении избегает формулировать ее. Между тем именно здесь — решающее звено дальнейшего анализа.

2. ВАЖНЕЙШИЕ ФАКТОРЫ

а) Численное соотношение сил

Численное соотношение сторон характеризуется следующей таблицей.

Германские армии	Союзные армии
(с запада на восток)	
От Парижа до Вердена	
1-я (ген. Клук) — 10 пех. и 3 кав. див. 2-я (Бюлов) — 8 пех. и 2 кав. див. 3-я (Гаузен) — 6 пех. див. 4-я (герцог Вюртембергский) — 8 пех. див. 5-я (кронпринц германский) — 12 пех. и 2 кав. див.	6-я армия (Монури) — 9 пех. и 3 кав. див. Британская армия (Френч) — 5 пех. и $1^1/_2$ кав. див. 5-я армия (Франше д'Эсперей) — 13 пех. и 3 кав. див. 9-я армия (Фош) — 8 пех. и 1 кав. див. 4-я армия (Лангль) — 8 пех. див. 3-я армия (Саррайль) — 7 пех. и 1 кав. див. Гарнизон Вердена — 2 пех. див. В распоряжении французского главного командования — 21-й арм. корпус (позади фронта 4-й армии) — 2 пех. див. 15-й арм. корпус (позади фронта 3-й армии) — 2 пех. див.
Всего на фронте Марнской битвы: 44 пех. и 7 кав. див., 900 000 чел., 2 928 легких и 436 тяжелых орудий. У Мобежа — 2 пех. див.	56 пех. и $9^1/_2$ кав. див., 1 082 000 чел. (из них 96 000 англичан, 3 000 орудий (из них 184 тяжелых).
Восточнее Вердена	
6-я армия (кронпринц баварский), 7-я армия (Гееринген) — 24 пех. див. и 3 кав. див.	2-я армия (Кастельно), 1-я армия (Дюбайль) — 23 пех. и 2 кав. див.
Всего германских 70 пех. и 10 кав. див. Кроме того 4 рез. дивизии — в Бельгии. Ландверные части не включены в расчет.	Всего французских 74 пех. и 10 кав. див. (сверх того 11 территор. див. вне фронта сражения), английских 5 пех. и $1^1/_2$ кав. див.

Итак, на фронте сражения союзники имели 56 пех. и 9½ кав. дивизий против 44 пех. и 7 кав. германских дивизий. Превосходство значительное, но явно не решающего порядка. Картина, однако, несколько меняется, если рассмотреть распределение этих сил по фронту битвы. На фронте от Эстерней до Вердена, протяжением около 200 км, находились 32 или 33 пех. и 2 кав. дивизии союзников против 34 пех. и 4 кав. дивизий германских; на фронте Эстерней-Куломье-Санли, протяжением около 70 км, 23 или 24 пех. и 7½ кав. дивизий союзников наступали против 10 пех. и 3 кав. дивизий 1-й германской армии.

По данным Рейхсархива [1], в конце сражения левое крыло союзников (6-я, английская, 5-я и 9-я армии) превосходило правое германское крыло (1-я, 2-я и половина 3-й армии) кругло на 200 батальонов и 190 батарей, в то время как в сражении у Монс-Намюр (20—23 августа) правое германское крыло (1-я, 2-я и 3-я армии) превосходило 5-ю армию, противостоявшую ему, и английскую армию больше, чем на 100 батальонов и 175 батарей. Напротив, от Витри-ле-Франсуа до Вердена германцы имели 321 батальон против 277 французских. На востоке от Вердена силы были почти равны: 329 германских батальонов против 316 французских; 2 корпуса (44 батальона с 53 батареями) перед самым началом сражения были изъяты отсюда германским главным командованием для переброски в Бельгию.

Эти данные позволяют дать несколько иное истолкование маневра Жоффра в Марнской битве.

Французский автор, которому принадлежит новейшее исследование о «Марнском маневре», полк. Валарше [2] пишет следующее: «В течение четырех или пяти дней, как д л и л с я э т о т м а н е в р [3], 6-я армия [4] и м е л а в р е м я [5] сосредоточиться, английская армия — получить подкрепления. Но в особенности наши армии левого крыла и центра имели время получить новые корпуса и новые дивизии, которые были взяты из армий в Лотарингии. Таким образом, французское левое крыло и центр насчитывали на 18 дивизий больше, чем в приграничном сражении, тогда как обходящая германская масса насчитывала их [6], — насколько возможно установить, — на 7—8 меньше [7]. «Перед лицом врага, который ослабляется по мере продвижения в глубь страны, сообщения которого частично разрушены,

---

[1] „Der Weltkrieg", IV, 524.

[2] „La manoeuvre de la Marne", par le colonel Valarché.

[3] Речь идет о днях, предшествовавших Марнской битве.

[4] Французская.

[5] Разрядка наша; этот момент — выигрыш времени союзниками для переброски — будет разобран особо.

[6] Т. е. дивизий.

[7] ...„и по крайней мере на 24 меньше, чем было предусмотрено по плану Шлиффена" (примеч. подлинника).

мы увеличили в сильной степени наши шансы на победу»[1]. Через несколько дней франко-британский фронт, противостоявший охватывающей массе немцев, состоял уже из 19 арм. корпусов, 5 активных дивизий, 12 рез. дивизий, 9 кав. дивизий против $18\frac{1}{2}$ германских корпусов и 7 кав. дивизий[2]. Численное превосходство перешло на сторону французского лагеря; оно составляло около 50%, но ведь «победа принадлежит сильным батальонам».

Согласно этой интерпретации, суть флангового маневра союзников на Марне состояла в том, что ими был достигнут численный перевес на решающем участке сражения, который и привел к благоприятному для них исходу. Бесспорно, этот момент сыграл крупную роль, но более внимательный анализ показывает, что и он не являлся решающим. К концу сражения против 1-й германской армии действовали 6-я французская армия и англичане; 5-я армия охватывала расположение 2-й германской армии. 6-я, 5-я и английская армии получили подкрепления; материально и морально сила их возросла. Тем не менее это были те армии, которых 1-я германская армия не раз уже била раньше и отнюдь не путем напряжения всех своих сил, а скорее «мимоходом». Нельзя поэтому сколько-нибудь уверенно утверждать, что именно численный перевес союзников на левом крыле сыграл решающую роль. Впрочем, официальный французский труд по истории мировой войны отнюдь не утверждает этого: «Численное превосходство не является единственным элементом победы»[3]. Автор новейшего капитального труда о мировой войне[4] Пьер Ренувэн прямо пишет:

«Численное превосходство[5] в первый раз с начала войны появилось у франко-англичан. Это незначительное превосходство не является, однако, решающим элементом. Судьбу сражения решила активность командования»[6].

б) Политическая оценка

Работы Ленина и Сталина содержат гениальное истолкование подлинной сути тех событий, которые в данной работе мы исследуем

---

[1] Письмо ген. Жоффра военному министру 3 сентября (примеч. подлинника)

[2] В трудах, изданных у нас, приводятся другие цифры. Зайончковский воспроизводит данные труда Новицкого: у союзников между Парижем и Верденом было 17 корпусов, 16 отд. пех. див. и 10 кав. див., или около 550 000 бойцов; у немцев — $21\frac{1}{4}$ корпус, 1 отд. пех. и 7 кав. див., или около 470 000 бойцов („Мировая война“, стр. 114); плотность (по данным работы т. Мовчина) германского правого крыла (1-й и 2-й армий) снизилась с 10 000 чел. на 1 *км* до 3 000—5 000 (там же, стр. 94).

[3] Les A. F. I[3], 20.

[4] „La crise européenne et la grande guerre (1914—1918)“, par Pierre Renouvin, Paris 1934.

[5] Разрядка наша. Речь идет о численном превосходстве на левом фланге союзников.

[6] Renouvin, 223.

в оперативно-тактическом разрезе. Марнское сражение явилось определенным этапом мировой империалистической войны, а эта последняя в свою очередь весьма важным этапом в развитии противоречий умирающего капитализма. «Значение империалистской войны, разыгравшейся 10 лет тому назад, состоит, между прочим, в том, что она собрала все эти противоречия в один узел и бросила их на чашу весов, ускорив и облегчив революционные битвы пролетариата» [1].

Величайшие учителя трудящегося человечества—Ленин и Сталин — дают непревзойденные образцы конкретности анализа, учитывающего особенности и своеобразие исторического момента и исследуемого явления. Особенность и своеобразие первоначального этапа войны состояли в том, что классовые противоречия еще не были развязаны. Империалистам удалось бросить массы на кровавую бойню, удалось прежде всего и главным образом из-за гнусного предательства II Интернационала: «Кто не помнит, что... перед самым началом войны Базельская резолюция была положена под сукно, а рабочим был дан новый лозунг — истреблять друг друга во славу капиталистического отечества» [2].

На западноевропейском театре войны, которому посвящен наш труд, должна быть учтена еще одна своеобразная особенность. Германский империализм направил сюда в начале войны свой главный удар. Он рассчитывал покончить с Францией в течение каких-нибудь шести недель. Роль германского империализма здесь была открыто и сугубо агрессивной. Напротив, в данном случае французскому империализму пришлось перейти к обороне. Это различие сыграло крупнейшую роль в развитии событий. Французской буржуазии, использовавшей такую ситуацию, удалось поднять массы под лозунгом защиты отечества от нашествия врага.

Марнская битва разыгралась между армией, вторгнувшейся в чужую страну, армией, окруженной ненавистью населения, оторванной от источников пополнений и питания,—и армией, защищавшей сердце Франции — Париж, окруженной поддержкой масс, искренне веривших в то, что они защищают свою родину от посягательства беспощадного врага.

Марнское сражение отличается от величайших битв прошлых эпох грандиозностью своих масштабов. Около 2 млн. человек приняло участие в ней. В бой были брошены огромные войсковые массы с той и с другой стороны. Сравнительная оценка этих масс исключительно важна для понимания конечного результата.

Существует особая трактовка Марнской битвы, которая усматривает главную причину поражения германцев в физической и моральной усталости войск, которые при наличии неорганизованного тыла не

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 4.
[2] Там же, стр. 11.

смогли выдержать тяжести борьбы. Но такая трактовка столь же абстрактна, как и многие другие теории Марнского сражения. Факты показывают, что германские части показали в ходе битвы весьма высокие образцы физической выносливости. Моральный дух войска не был еще подорван: в упоении легкой победой двигались они к Парижу. Напротив, французские армии как раз обнаруживали признаки усталости и некоторого разложения в результате понесенных поражений и тяжелого отступления. Жоффр пишет: «Командующий 2-й армией нарисовал мне очень тяжелую картину положения его армии: имелись тяжелые случаи разложения в одном из его корпусов; войска распустились»[1]. Это отнюдь не было единичным явлением. Выходит, что указанная выше трактовка, казалось, должна была быть перевернута.

Правильная оценка состоит в том, что внезапный переход от упоенности победой к тяжелой кровавой борьбе действительно потряс моральную устойчивость германских войск; тем не менее они показали высокие примеры упорства и героизма в тяжких боях на Марне. С другой стороны, суровые уроки поражений оказались на пользу французам, после того как произошел знаменательный перелом в ходе борьбы — переход союзников в наступление.

Одно из наиболее ярких различий двух армий, столкнувшихся на Марне, ускользнуло от внимания исследователей. Оно тем более важно, что дает единственное объяснение видимой противоположности двух типов командования на Марне.

«Марнская победа — победа командования», — пишет новейший историк войны 1914—1918 гг.[2].

Жоффр пишет: «Вместе с храбростью и стойкостью наших армий, метод французского командования — вот что восторжествовало на Марне»[3].

Генерал Куль, бывший начальником штаба 1-й германской армии во время Марнской битвы, дает следующую оценку причин поражения:

«В 1914 г. мы вступили в войну с лучшей, наиболее блестящей армией, которая когда-либо существовала, и, однако, мы проиграли сражение на Марне, а с ним, может быть, и всю войну, и это только в силу полного отсутствия единства командования»[4].

Чем же объясняется эта разительная противоположность между яркой активностью одного главного командования — французского — и пассивностью другого — германского. Обычно все сводят к психологическому (и даже медицинскому) анализу, выдвигая на первый план роль личностей, возглавлявших враждебные силы. Несомненно, нельзя

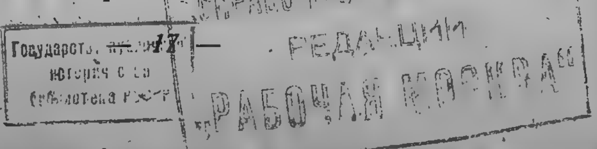
[1] Joffre, 408.
[2] Renouvin, 225.
[3] Joffre, 422.
[4] Сказано в Берлине 16 ноября 1922 г. на заседании Комиссии по расследованию причин поражения германских армий.

отрицать огромную роль главнокомандующих обеих сторон. Но даже при самом внимательном анализе нельзя найти большой разницы между Мольтке и Жоффром. В конечном итоге, они оба не блистали ореолом гениальности. То, что Мольтке потерял управление в самый разгар Марнской битвы, имеет и свои объективные причины. Германские армии быстро двигались вперед, наладить связь было трудно. Сыграл большую роль и тот факт, что германская ставка ошибочно считала победу обеспеченной, и поэтому о связи не очень заботились. Но нужно указать на одно конкретное различие между германской и французской армиями — *политического* порядка.

Даже наши авторы грешат абстрактностью в оценке этих армий. В самом деле, мало еще сказать, что и та и другая были армиями империалистскими, как нельзя смазывать и особых качеств империализма германского и французского.

В германской империи, как известно, наряду с главным и руководящим классом капиталистов, активнейшую роль играл (и играет) помещичий класс — прусское *юнкерство*, — придававший сугубо *реакционный* оттенок политике германского империализма. В германской армии во многом еще царил дух времен Фридриха II с его палочной дисциплиной, культом муштры, резкой гранью между буржуазно-помещичьим офицерством и массой просто «людей» (Mannschaften). *Германское командование*, полностью находившееся в плену традиций Садовой и Седана, оказалось *оторванным* от живой действительности боя и от немецкого солдата. Во французской армии, напротив, господствовал скорее дух *буржуазного демократизма*. Грань между командованием и рядовой массой была здесь менее резка. Основываясь на демагогических лозунгах буржуазной демократии, французское главное командование после первых поражений беспощадным террором (массовыми расстрелами) привело разлагающиеся части к повиновению. С другой стороны, расправа коснулась и французского генералитета. С первых дней войны была произведена крупная смена неспособных генералов, и это обновление явилось крайне живительным, обеспечив Жоффру известное единство и дисциплину в аппарате управления армиями. Этого единства в германском высшем генералитете на Марне уже не было. Достаточно вспомнить о трениях, которые все время имели место между Клуком и Бюловым.

Даже этот схематичный обзор указывает на чрезвычайное *многообразие* фактов, действовавших на Марне. Совершенно очевидно, что нужно прежде всего отвергнуть односторонность и абстрактность ряда теорий, которые бегло изложены нами. К сожалению, даже некоторые наши исследователи скатываются на этот путь, ведущий, разумеется, прочь от марксизма. Например, из общеполитического анализа положения германского империализма в войне 1914—1918 гг. хотят вывести неизбежность его поражения уже в начальной стадии войны.

Но это — позиция фатализма, а не марксизма. Совершенно выпадает значение самой борьбы, этого грандиозного состязания людских масс, оснащенных новой техникой и объединяемых командованием. Усилия этих воль, вносивших свою инициативу, свои стремления в борьбу, сыграли крупнейшую роль. Теория, указывающая на предрешенность поражения германцев в этой борьбе, не имеет никакого отношения к конкретному марксистскому анализу. Неправильность ее станет еще более очевидной читателю, когда он полностью ознакомится с настоящим трудом. Искусство вождения миллионных армий и руководство их борьбой в тяжком столкновении сыграло свою крупную роль в исходе ее. Само собой разумеется, что роль оперативно-стратегического фактора может быть правильно оценена лишь при учете и всех иных факторов, действовавших в этом сложнейшем столкновении многих разнородных сил в Марнском сражении.

Чрезвычайная сложность и разнородность борьбы характерна, таким образом, для Марнской битвы. Тем не менее в ней явственно проступает известное единство и связность явлений. «В своей сложности битва абсолютно едина, управляемая и ведомая с первого до последнего дня генералом Жоффром[1]». Такая трактовка единства борьбы от Парижа до Вердена слишком одностороння. Воздавая должное энергии и твердости французского главного командования, все же неверно обусловливать единство всей борьбы от Парижа до Вердена лишь его руководством. Роль командования должна быть рассмотрена конкретно, и совершенно очевидно, что она — лишь один из факторов, правда, весьма важных,—в этой сложнейшей цепи событий. Выявить закономерность этих событий, установить необходимые связи их — важнейшая задача анализа, ибо только на строго научной базе мы сможем получить ценные выводы и уроки, которые послужат материалом для прогноза на будущее.

в) Тактические факторы

Важнейшее место в исследовании Марнской битвы принадлежит тактическим моментам. Тактика обеих сторон будет предметом самого внимательного и детального рассмотрения в дальнейшем. Нельзя упускать из виду, однако, что тактика эта в сильнейшей степени определялась политическими особенностями обеих армий, их организацией, традициями и т. д. Тактика германских войск в Марнской битве носила брутально-наступательный характер. Напротив, у французов и англичан преобладали элементы стойкой и упорной обороны.

Пехота в Марнской битве осталась решающей силой, но характерно то, что не пехотные бои производят наиболее потрясающее впечатле-

---

[1] Les A. F. I[3], 22.

ние при обзоре грандиозного пространства сражения. Такое впечатление производит, конечно, артиллерия. Она диктовала новые законы ведения боя, она преграждала путь пехоте, она проявляла себя сокрушающей опорой обороны. Никто не ожидал такого неописуемого эффекта, такого страшного итога массирования, тогда еще не слишком обильной артиллерии. В тактическом смысле именно артиллерийский бой, многочасовое, непрерывное, истощающее состязание артогня, определяет лицо Марнской битвы. Мы найдем еще в ней классические образцы неудержимого штыкового удара: в лесках, усеивающих безбрежную равнину, в местечках и на холмах ее дрались, сгрудившись, в рукопашном бою враги, каждый из которых инстинктивно ощущал, что решается судьба кампании. Даже конные атаки с шашками наголо встречаются как отдельные эпизоды. Но не это определяет «ландшафт» великой битвы. Потрясающий, непрерывный гул сотен, тысяч орудий, равномерное нескончаемое падение гранат, осыпающих расположение противника, — вот что определяет тактический фон. Пехота, лежащая под этим свинцовым градом, часто еще неспособна защититься от него, она пытается зарыться в землю, но нет лопат, нет навыка, гордость пехотинца еще протестует против такого укрытия. Тем не менее окопы стихийно возникают всюду.

Печать какой-то тягучести лежит на всех движениях, операциях, боях; что-то сковывает свинцовой цепью порыв частей. Несмотря на доблесть пехоты, рвущейся вперед, храбрость стала безумием, а выдержка — доблестью. Кто встал, тот сражен; но кто выдержит это пребывание в аду рвущихся снарядов, кто удержит за собой позицию, тот может победить. Скупы движения войск на этом гигантском театре битвы; как правило, они происходят лишь там, куда не достигает огонь артиллерии. Чрезвычайно возрастает роль разрывов линии фронта: сюда, в это пространство, где отсутствует смертоносный огонь, стихийно устремляются войска.

Неверно, что Марна — «сражение, которого не было»[1]. Мы ознакомимся еще с этой действительно кровавой борьбой, которая кипела на подступах к Парижу, на берегах Марны, в болотах и лесах Шампани, на Марно-Рейнском канале, у Вердена, в Лотарингии. Битвы такого размаха еще не было в истории. Не одна битва, а целых пять одновременных битв: на Урке, на Б. и М. Морене, у Сенгондских болот, на Марно-Рейнском канале, у Ревиньи и Вердена. И каждая из этих отдельных битв достойна сравнения с большими сражениями минувших эпох.

г) Театр военных действий и тыл

(Схема 1)

Местность играла крупную роль в этом разделении единого в основном сражения на ряд отдельных сражений. Около 250 км от

[1] Лиддель-Гарт, „Правда о войне 1914—1918 гг.“, стр. 71.

Парижа до Вердена — протяжение «поля» битвы. Оно фактически гораздо больше, если измерить действительное, не прямолинейное расположение корпусов. Восточный район, где располагались 3-я и 4-я французские армии, — Баруа (Barrois) и Пертуа (Perthois), возвышенные и лесистые плато — продолжение Аргонн. Реки Эр (Aire), Орнэн (Ornain), Соль (Saulx) и Марна (Marne) пересекают этот театр перпендикулярно к линии фронта. Вдоль фронта — Марно-Рейнский канал и нижнее течение р. Орнэн. К западу — слегка волнистая равнина Шампани (левый фланг 4-й армии и правый — 9-й), многочисленные лески, Сенгондские болота, составляющие трудно проходимую преграду. Западную зону составляет Бри (Brie), к югу от Марны (левое крыло 9-й армии, 5-я армия, англичане) — широкая равнина, покрытая обработанными полями, группами деревьев, многочисленными постройками. Реки Б. Морен, М. Морен, Сюрмелэн (Surmelin), Марна текут с востока на запад, составляя преграды для наступления. Севернее Марны (6-я армия), Мюльтьян (Multien),—открытая равнина в 20 км шириной между Марной и лесами Валуа.

В целом можно сказать, что сражение велось в бассейне (если взять географическое значение этого слова) реки Марны, что оправдывает название, которое ему дано.

Характер местности в основном благоприятствовал маневрированию крупными массами. Имевшиеся естественные преграды, главным образом, реки, болота, леса, отнюдь не являлись трудно преодолимым препятствием, однако, в новых условиях ведения войны они сыграли крупную роль, усиливая оборону.

Важным моментом явилось наличие многочисленных мелких объектов (постройки, лески, холмы), получивших серьезное тактическое значение в происшедших боях.

В отношении т ы л а более благоприятным являлось положение союзников, о чем уже сказано вначале. К этому нужно добавить, что в распоряжении союзников имелись многочисленные рокадные железнодорожные линии, в то время как переброски в тылу германского войска были крайне затруднены. То же самое следует сказать и о средствах связи.

д) Ход Марнской битвы

Впервые в истории битва велась с такими массами войск на таком громадном пространстве. Она поражает поэтому своей с л о ж н о с т ь ю и разнородностью. Тем не менее события протекают в тесной связи друг с другом, образуя некое сложное и противоречивое е д и н с т в о.

Марнская битва началась утром 5 сентября столкновением 6-й французской армии с 4-м германским рез. корпусом севернее Марны и западнее р. Урк. Вечером 4-й рез. корпус отходит за ручей Теруан.

6-го начинается общее наступление союзников от Парижа до Вердена. На Урке весь день происходит ожесточенный бой 6-й французской армии с 4-м рез. корпусом и подошедшим сюда с утра 2-м германским корпусом. 6-я армия не может продвинуться вперед. 5-я французская армия также задержана 3-м и 9-м германскими корпусами (1-я армия) и правофланговыми частями 2-й германской армии.

В промежутке между 5-й и 6-й французскими армиями англичане начинают крайне медленно двигаться на восток. Левое крыло 2-й германской армии наталкивается на сопротивление армии Фоша (9-я); 4-я и 5-я германские армии задержаны 4-й и 3-й французскими армиями на Марно-Рейнском канале и южнее Вердена.

7 сентября к фронту на р. Урк подходит еще 4-й германский корпус, но положение здесь остается без перемен. Клук отводит 3-й и 9-й корпуса сначала южнее Марны, а затем приказывает им итти к р. Урк. В соответствии с этим 2-я германская армия загибает свой правый фланг к Монмирайлю. Левое крыло 5-й французской армии медленно продвигается вслед отступающему противнику вместе с англичанами, выходя на Б. Морен. Фош продолжает удерживать наступление левого крыла 2-й германской армии. 3-я германская армия распределяет свои силы, примыкая ко 2-й и 4-й армиям. Восточнее до Вердена обе стороны не могут продвинуться вперед.

8 сентября ожесточенный бой на р. Урк продолжается; 3-й германский корпус подходит сюда во второй половине дня; 9-й корпус — весь день в пути. 6-я французская армия попрежнему не может продвинуться к р. Урк. Зато англичане и левофланговые корпуса 5-й французской армии движутся в брешь между 1-й и 2-й германскими армиями, достигнув в этот день М. Морена. Под угрозой охвата 2-я германская армия загибает свое правое крыло за р. Вердонель, еще более расширяя брешь. Зато левое ее крыло с частью 3-й армии преодолевает сопротивление армии Фоша и продвигается вперед. Восточнее — положение в основном остается прежнее.

9 сентября подошедший на Урк 9-й корпус начинает успешное наступление на крайнем правом фланге 1-й германской армии. Но англичане с частью сил 5-й французской армии уже перешли Марну, преодолевая сопротивление слабого кавалерийского заслона. Для внутренних флангов 1-й и 2-й германских армий создается крайне опасное положение. После полудня обе они начинают отступление, хотя левое крыло 2-й армии до самого вечера продолжает успешно наступать против армии Фоша. Вечером отдается приказ об отступлении и 3-й армии, 4-я и 5-я германские армии продолжают вести бой, а 5-я даже предпринимает на другой день успешную атаку против 3-й французской армии.

Но уже поздно: участь битвы решена. Германские армии начинают отступление к р. Эн.

3. ДВА ИСТОРИЧЕСКИХ ПРИМЕРА

Уроки прошлого в данном случае полезны потому, что в классически простой форме позволяют нам уяснить себе то, что в Марнском сражении выступило в крайне осложненном и запутанном виде.

В интересной статье ген. Камона, которая будет нам полезна для дальнейшего анализа, «О внезапности на войне» [1] указывается, что именно применением внезапности наполеоновский маневр отличался от маневра Люксембурга и Морица Саксонского: «Внезапность здесь была введена, благодаря лучше осуществленному действию фланговой атаки (l'attaque débordante) и действию артиллерийской массы, подготовляющей главную атаку». Указанные два полководца также применяли фланговую атаку, связанную с главной атакой с фронта, но эта связь была столь тесной, что элемент внезапности отсутствовал. «Противник, который видел, как она (атака) продвигается, был в состоянии во-время парировать ее». Фланговый маневр Наполеона нацеливался издалека и в полной мере добивался преимущества внезапности. Осуществляя маневр вне поля боя, Наполеон мог обеспечить сохранение тайны своих намерений.

а) Иена и Ауэрштедт

Великие мастера военного дела никогда не рассматривали внезапность вне того, чтобы посредством нее не придать могущество своему маневру. В 1806 г. стратегическая обстановка складывалась внешне в пользу Пруссии, которая уже 10 августа начала мобилизацию, а 6 сентября прусская армия вторглась в Саксонию. В начале октября пруссаки расположились в районе Наумбург — Веймар — Эрфурт — Гота, угрожая разгромом еще несосредоточенной наполеоновской армии, разбросанной по квартирам во всей Южной Германии. Итак, на стороне пруссаков был внешне громадный выигрыш времени, но у них не было преимущества внезапности, ибо Наполеон знал об их передвижениях. Между тем, свои приготовления Наполеон осуществил под покровом строгой тайны. Он усыплял бдительность прусского короля переговорами. 20 сентября он послал секретный приказ начальнику штаба Бертье — привести армию в боевую готовность. «Мое стремление,— писал он 30 сентября,— состоит в том, чтобы сосредоточить все мои силы на крайнем правом фланге, оставляя все пространство между Рейном и Бамбергом совершенно очищенным». Несколько дней спустя Наполеон добавляет к этому по адресу пруссаков: «Горе им, если они промедлят и потеряют хоть один день». С своей стороны Наполеон максимально форсирует свои приготовления, упрекая Бертье в том, что они выполняются с «ме-

---

[1] „La surprise à la guerre", par général Camon. „La France Militaire" 9 mai, 1935.

длительностью, которой нет имени». Только 7 октября великая армия переходит в наступление. Но пруссаки в этой обстановке действительно теряют время и топчутся на месте. 8 октября армия Наполеона тремя колоннами проходит через Франконский лес. Пруссаки опаздывают застигнуть врасплох выходящие через дефиле силы французов. Наполеон немедленно вытягивает свой правый фланг к северу, и 12 октября Даву и Бернадотт преграждают пути отхода пруссакам на Дрезден и Берлин. В тот же день Наполеон писал: «Прусская армия застигнута врасплох; она окружена. Все перехваченные письма позволяют видеть, что враг потерял голову. Они совещаются день и ночь и не знают, что им предпринять. Вы видите, что моя армия соединена, что я им преградил дорогу на Дрезден и Берлин». Иена и Ауэрштедт увенчали этот смелый фланговый маневр. Формальному выигрышу времени пруссаками противостоит выигрыш темпа Наполеоном. Этот выигрыш темпа сложился благодаря быстроте маневра, смелости и оригинальности замысла и сохранению внезапности.

До начала Иенской битвы Наполеон успел сосредоточить силы на выгодной стратегической позиции, и когда пруссаки открыли глаза, было уже поздно.

б) Танненберг

В нашу эпоху наполеоновская стратегия была применена Людендорфом в сражении при Танненберге, по времени опередившем Марну.

Это сражение рассматривается как классический пример операции «Канн» эпохи мировой войны. В чем суть этой операции? Почти всегда дается ответ: в окружении, иначе — в пространственной конфигурации. И действительно, кольцо замкнуто, — русские корпуса окружены и уничтожены. Полный разгром Наревской армии. На первый план выдвигается гений руководителей — Гинденбурга и Людендорфа[1]. Русское командование, напротив, совершенно не руково-

[1] Так изображается Танненберг в одной из многочисленных книжек, служащих целям фашистской пропаганды: „Насколько просто идея окружения могла возникнуть в голове у всякого, кто прошел школу генерального штаба, настолько же трудно было принять на себя ответственность за решение, начать ответственное дело и осуществить его в противовес всем возникающим кризисам. В самом деле, во время сражения появились русские войска в тылу германского охватывающего крыла, ложные сообщения приходят в штаб армейского командования, недоразумения перекрещивают намерения Гинденбурга, в центре фронта сражения следуют контрудары, связь с подчиненными прерывается. В этом постоянно нарастающем напряжении приходит сообщение, что армия Ренненкампфа приближается. Он один, полководец, остается непоколебимым, твердо держится принятого решения, спокойно отдает приказы на историческом поле сражения ордена их рыцарей — в Фрегенау — и преодолевает своей непоколебимой волей к победе опасный кризис“ („Hindenburg“ von Max Arendt, S. 61—62, Berlin 1935).

дило сражением, бросив войска на произвол судьбы. Однако, если мы хотим получить более серьезный вывод из этого сражения, надо стать выше легенд и оперативной схемы. Наиболее серьезно сражение трактуется как раз у самого Людендорфа. Он отрицает, что «битва при Танненберге была проведена по заранее твердо установленному плану»[1]. Стержень операции — склонение к югу 1-го рез. и 17-го корпусов: «Все это зависело только от Ренненкампфа. Если бы он захотел использовать свой успех при Гумбиннене и быстро[2] продвигался вперед, это было бы немыслимо». Но... «мало-помалу становилось ясно, что Ренненкампф продвигался вперед совсем медленно». «Решение о битве строилось на предпосылке тяжеловесности русского командования». Все же в ходе сражения «оставалось под вопросом, даст ли противник время для проведения наших планов»[2]. 9 пех. дивизий и 1 кав. дивизия 8-й германской армии, поддержанные слабыми резервными формированиями и ландвером, численностью в 210 000 чел. с 600 орудиями, перед лицом 26 пехотных и 5 кавалерийских дивизий, 1-й и 2-й русских армий, общей численностью в 800 000 чел. с 1,700 орудий[3], одержали победу над 2-й русской армией, по крайней мере равной по численности атакующим силам. Разгадку этой победы надо искать, конечно, в динамике битвы.

Быстрое и внезапное сосредоточение сил против 2-й армии поставило малоподвижные, громоздкие, ничего не знающие, что творится вокруг, русские корпуса перед лицом активных, со всех сторон напирающих неприятельских сил. Эта быстрота маневра во много раз усилила реальную мощность германских войск. Южное звено окружения — 1-й германский корпус — представляло тонкую нить, и то не сплошную, которую легко можно было бы прорвать натиском с севера и с юга. В достаточно энергичном темпе маневра нужно искать разгадку Танненберга. Это сражение, однако, является нетипичным для эпохи сплошных фронтов мировой войны. Следует подчеркнуть раздельность 1-й и 2-й русских армий, не сумевших оказать друг другу помощь и допустивших возможность германского маневра. С этой точки зрения Танненберг можно отнести с соответствующими поправками к Иене и Ауэрштедту, но не к Марне. «Расстояние в два или три дневных перехода» германских корпусов от армии Ренненкампфа определяли время, какое имел в своем распоряжении Людендорф. Риск, конечно, был большой, но возможность победы все же была.

---

[1] Erich Ludendorff, Meine Kriegserrinnerungen 1914—1918, S. 36, Berlin 1920.

[2] Разрядка наша.

[3] Фактически в составе 1-й и 2-й русских армий было сосредоточено в тот момент несколько меньшее число дивизий—около 19.

Выигрыш темпа, стремительность маневра при вялом и неподвижном противнике явились базой Иены. Этот классический образец флангового маневра с его характерными особенностями—быстрота и внезапность сосредоточения, выигрыш темпа, обусловливающий возможность мощного удара в глубину, захождение в тыл и уничтожение врага — в новой обстановке повторился под Танненбергом.

4. ПОНЯТИЕ О „ТЕМПАХ ОПЕРАЦИИ“

Необходимо снова вернуться к исходному пункту, к маневру, предпринятому 6-й французской армией, ибо он в конце концов задал тон всему Марнскому сражению. Несмотря на свою неудачу, этот маневр сохранил непрерывное воздействие на ход событий и предопределил заключительный этап сражения.

Чего же нехватало этому маневру? [1] Почему следует говорить о его неудаче? Нехватало прежде всего мощности. Наступление началось до того, как закончились переброски с востока на запад. 6-я армия почти целиком состояла из второразрядных резервных дивизий. Поэтому странно было бы возлагать на нее маневр широкого оперативного размаха. Почему Жоффр все же сделал это? Быть может, потому, что у него было кое-что от «хитрости», без которой не обходится ни одна победа на войне. Быть может, ставя задачу 6-й армии, он отдавал дань увлечению ген. Галлиени, сам же ждал от нее чего-то другого. Факт остается фактом, что предпринятый на Урке

---

[1] Большой интерес представляет определение цели флангового маневра, которое дает автор большой статьи в „Revue Militaire Française“ 1932—1933, — „Le manoeuvre d'aile“ ген. Луазо (gén. Loizeau): „Если цель войны состоит в уничтожении врага, то средством разбить наиболее быстро и уверенно неприятельские силы было всегда, начиная с наиболее отдаленной эпохи,—сосредоточить неожиданно против чувствительного пункта его расположения мощные средства, создавая угрозу, парировать которую у него не будет времени или которую он сможет парировать только недостаточно. Неожиданное появление на этом слабом пункте сил противника создает внезапность, которая потрясает доверие войска и тяжело поражает его мораль; появление там могущественных средств создает материальное превосходство, которое быстро уменьшает силу сопротивления: эффект моральный и материальный соединяются вместе, чтобы разбить волю противника. Опыт последней войны подтвердил тот факт, что чувствительным пунктом врага является и остается всегда его фланг... На фланге нападающий может развернуть в максимальной степени наступательные средства огня и движения; инициатива его маневра, упреждение (l'avance) (разрядка всюду наша. — *М. Г.*), полученное в расположении, затем в атаке, повышенное моральное состояние, которое дает ему его охватывающая позиция и превосходство его сил, — все способствует подготовке его успеха. Для противника, напротив, фланг составляет зону наименьшего сопротивления, поражаемую сосредоточенным огнем атаки, где защищающийся часто принужден поспешно располагаться на ограниченном поле действия, часто отдаленными резервами: его мораль тем более уязвлена, что наступающий сохранил за собой преимущество внезапности и большую угрозу его сообщениям“.

маневр был лишен основного — крепкой ударной массы, которая его смогла бы выполнить[1].

С этим тесно связан и другой момент. Не имея достаточной мощности, 6-я армия, понятно, и не смогла продвинуться вперед: все сражение она простояла на одном месте. Чтобы оказать решающее влияние на ход сражения, ей нехватило оперативной и тактической подвижности. Но если маневр 6-й армии был лишен этих основных качеств, не правильнее ли сказать, что его не было вообще. В известном смысле так оно и есть. Необходимо, однако, не споря о словах, четко квалифицировать реальное преимущество, полученное союзниками, благодаря удару со стороны Парижа во фланг германскому расположению.

Нужно сказать, что в богатейшей зарубежной литературе нигде нет достаточно ясного указания по этому вопросу. Считают, что фланговое расположение 6-й армии уже давало ей преимущество. Но ведь не всякая потенция превращается в реальность. Между тем в данном случае была, казалось бы, именно лишь возможность, которая не реализовалась. В чем же, наконец, состояло это преимущество?

Обратимся к динамике битвы. Сколько бы нам ни твердили о том, что союзники имели преимущество накануне Марнской битвы, ибо они занимали охватывающее положение, мы можем ценить такое утверждение, не больше как кредитный билет, не имеющий никакого обеспечения реальными ценностями. Следовательно, одна геометрия не поможет. Требуется переход по крайней мере в класс механики.

Как ни слаба была по своей ударной силе 6-я армия, она все же сумела нанести удар по флангу и даже отчасти по тылу 1-й германской армии. Этот удар имел особое качество, которое и составило реальное преимущество для союзного командования. Это качество состояло во внезапности[2]. Однако, конкретность нашего анализа может очень мало выиграть, если одно достаточно неопределенное понятие «фланг» мы заменили другим, также довольно-таки темным понятием «внезапность». В чем состояло реальное действие вне-

---

[1] Луазо в своем анализе Марнской битвы, как флангового маневра („Revue Militaire Française", Janvier 1933), признает, что „фланговому маневру на Урке недоставало мощности", но в то же время считает возможным, что 6-я армия действовала бы успешнее, если бы ей было дано более северное направление — Бетц-Вильер-Коттере и если бы она сразу не жалась к Марне, а стремилась охватить правый фланг 4-го рез. корпуса. На наш взгляд, ошибочно давать 6-й армии самостоятельное направление с отрывом от англичан, так как, по своей слабости, она серьезного успеха не достигла бы, а разрозненные действия трех левофланговых армий союзников не дали бы и того эффекта, который им все же удалось получить.

[2] „Если фланговому маневру на Урке нехватало ни мощности, ни желательного размаха, он обладал тем не менее внезапностью, он обескуражил командование противника, приковал армию Клука, предопределил глубокий распад в знаменитой „схеме" Шлиффена, вызвал отступление противника". Почему? На этот вопрос Луазо не дает ответа.

запности? Его можно было бы определить прежде всего как моральную категорию: противник застигнут врасплох, его построение отнюдь не соответствует направлению полученного удара, он вынужден принять сражение повернутым или перевернутым фронтом, а перестроить армию не так просто, как взвод. Но моральный фактор в данном случае играет все же подчиненную роль: весь вопрос в том, как быстро атакованный справится со своими нервами. Быть может, он и вообще не растеряется, сохранив стальное хладнокровие воина и командира. Но тогда на сцену выступает жестокий и непреклонный фактор, который гораздо хуже поддается усилиям воли: это — время. Время требуется для принятия контрмер, для сообразования действий и сил с новой, неожиданно вскрывшейся ситуацией. Успеет ли атакованный осуществить все требуемое этой ситуацией? Если да, тогда еще вопрос, на чьей стороне окажется преимущество. Но если не успеет? На этот вопрос надо ответить со всей осмотрительностью, ибо такой именно случай произошел на Марне с командующим 1-й германской армией ген. Клуком.

Преимущество, полученное союзниками ударом 6-й армии со стороны Парижа, состояло в выигрыше темпа. Выяснить это понятие здесь очень важно для темы всего нашего труда. Выигрыш темпа нельзя отождествлять с выигрышем времени. Выигрыш времени достигается ведь и простой обороной. В наступлении речь идет об активном времени, — времени, которое не просто течет в ожидании грядущего или, например, в подготовке тыла к будущим операциям. В наступлении ценится такой выигрыш времени, который позволяет двигать всю операцию вперед, использовать невыгоды положения противника для нанесения ему решительного поражения или по крайне мере для получения новых стратегических и тактических преимуществ. Именно в этом состоит особенность термина «выигрыш темпа» по отношению к противнику.

Как видим, это понятие относительное. На войне сталкиваются противоположные силы. Выигрыш темпа определяется поэтому не только нашими искусными действиями, но и контрдействиями противника. Последний может при удаче свести достигнутый нами выигрыш к нулю и в свою очередь даже опередить нас в темпе маневра. Фланговый удар неподвижных и мало активных войск против энергичного и подвижного противника может кончиться катастрофой для нападающего. Именно эту истину и хотел продемонстрировать своему противнику Клук на р. Урк. Следовательно, рассмотрение маневра с указанной точки зрения требует кропотливого и детального, конкретного анализа его, с учетом действий той и другой стороны.

Мы начали наш разбор с пространственных или геометрических категорий и дополнили его рассмотрением сил, действовавших на этом пространстве. Пространство (местность, расположение сторон,

направление удара) и силы — это, казалось бы, исчерпывающие данные, с которыми можно оперировать в дальнейшем анализе. На Марне столкнулись силы двух сторон, приблизительно, равные, но расположенные так, что одна из сторон (союзники) имела преимущество флангового охвата. Но простота здесь кажущаяся. Для подлинного понимания событий необходимо ввести еще третий фактор — время. Только тогда примет реальные очертания динамика гигантской битвы, в которой решающее звено составляло движение масс, сражавшихся в своеобразной конфигурации расположения сторон на Марне. Всю сложность сцепления этих факторов мы предложили выразить в понятии выигрыша темпа.

Приведенные выше исторические примеры помогут нам несколько уяснить вводную часть анализа. Расположение великой армии накануне Иены и Ауэрштедта является классическим примером «чистого» выигрыша темпа в операции. Но сразу видно, насколько далеко от этого образца отступают действия 6-й армии на Марне. Здесь нет и в помине блестящего маневра, которым было достигнуто оперативное преимущество Наполеоном. Самое же главное, в Марнской битве вовсе не было изолированного столкновения 6-й французской и 1-й германской армий; здесь действовали не две армии, как под Иеной — Ауэрштедтом, а целых одиннадцать, каждая из которых оказывала свое воздействие на ход событий. И, наконец, 6-й французской армии противостояло не пассивное руководство одряхлевшей прусской армии той эпохи, а активное командование современного германского войска высокой военной ценности. Эта реакция 1-й германской армии до крайности осложняет анализ, сводя по видимости на-нет полученный 6-й армией выигрыш темпа.

Для уяснения этой второй стороны маневра (реакции противника) полезен пример Танненберга. Положение Клука на Марне очень сходно с положением 8-й германской армии между армиями Самсонова и Ренненкампфа. Клук, подобно Людендорфу, стремился разгромить 6-ю французскую армию до того, как англичане успеют обрушиться на его фланг и тыл. И здесь очевидна основная причина неудачи Клука: темп развития его контрманевра оказался слишком замедленным, он не успел, в противовес Людендорфу при Танненберге, быстро покончить с армией Монури. Однако, и эта аналогия слишком примитивна. На Марне обнаружилось действие новых факторов, которые не сказались еще в битве при Танненберге.

Удар 6-й французской армии севернее Марны оказался неожиданным для Клука. Как создалась именно такая ситуация, имелись ли предпосылки для такой внезапности, или Клук должен был своевременно учесть и парировать угрозу со стороны Парижа — об этом говорится во второй главе. Здесь для нас важен самый факт. Командующий 1-й армией оказался неподготовленным, он был застигнут событиями врасплох. Следовательно, он должен был затратить некоторое

время для контрмер. Вот весь реальный выигрыш, какой имело союзное командование в начале Марнской битвы. Это был выигрыш темпа. Насколько он был, однако, актуален, это предстояло еще решить в ходе сражения.

Допустим, что этот выигрыш активного времени был бы велик. Например, допустим, что 1-я германская армия еще более увлеклась своим преследованием и не могла бы так быстро вернуться назад на северный берег р. Марны. Вспомним рассуждение Жоффра о том, что, назначая началом наступления 7 сентября, он преследовал именно эту цель: глубже завлечь немецкого «зверя» в капкан. Быть может, тогда 6-я французская армия, опрокинув 4-й резервный корпус, смогла бы добраться до Шато-Тьери, и положение немцев могло бы стать опасным. Надо оговорить, однако, что в этом примере была и другая возможность, опасная уже для союзников: пока 6-я армия разгуливала по тылам, 1-й германской армии совместно со 2-й удалось бы достичь решительного результата над англичанами и 5-й французской армией. Все это, конечно, простые предположения, цель которых показать роль «времени» в операции такого типа.

Противоположный случай мог бы возникнуть, если бы Клук 5 сентября утром, узнав о сосредоточении сил 6-й французской армии северо-восточнее Парижа, задержал бы свои корпуса на Марне (в особенности 2-й корпус). Тогда его реакция в случае атаки 6-й армии, не знавшей, предположительно, об этом его решении, была бы чрезвычайно стремительна, и разгром 6-й армии был бы неизбежен.

В действительности события потекли по руслу, неожиданному для той и другой сторон. 5 сентября утром, за сутки до начала общего наступления союзников, 6-я французская армия столкнулась **неожиданно для себя** с 4-м резервным корпусом, оставленным Клуком в качестве прикрытия со стороны Парижа, севернее р. Марны. Внезапность получилась обоюдоострая. Но для 6-й армии она была только **тактической** внезапностью, вследствие которой ей пришлось начать активные действия на сутки раньше, чем было предвидено. Для 1-й германской армии внезапность имела, напротив, **стратегическое** значение, ибо ей пришлось перестраивать весь свой маневр, предпринятый раньше. Союзники все же получили реальный выигрыш времени для активных действий.

Но смогут ли они использовать это выигранное время? Ведь фактор внезапности, дав раз известный результат, теряет свое специфическое качество: противник понял, какая ловушка расставлена ему. Теперь надо действовать быстро, не теряя ни минуты драгоценного времени, которое противник **может** использовать для контрмер. Это очень важно осознать с полной четкостью: **отсчет времени** Марнской битвы ведется с утра 5-го, а не с 6-го, когда она началась «официально». Но союзники начинают наступление лишь 6-го: таким образом, в активе германского главного командования и командования

1-й армии остаются целые сутки для парирования угрозы. Как были они использованы с германской стороны, будет показано дальше.

Таким образом, термин «выигрыш темпа» не претендует стать новым всеобъемлющим военным понятием. Он играет подсобную роль — помочь разобраться в сложном переплете, который образуется в борьбе масс в пространстве и времени, получая, таким образом, особо важное, но специфическое значение.

5. КАНУН МАРНЫ

Официальная французская история рассматривает Марнскую битву как «увенчание отступательного маневра» («couronnement de la manoeuvre en retraite»)[1]. Несколько приукрашивая действительность, французская официальная история представляет все стратегическое руководство Жоффра после приграничного сражения как единую, непрерывную линию, преследующую одну и ту же цель. «Для данного момента важнее всего держаться (durer) перед массами противника, которые распространялись с мощностью удара, увеличенной приобретенной скоростью»[2]. Элемент скорости умножал ударную мощность германского наступления. Это определение имеет важное значение, о чем придется вспомнить при чтении второй главы. Жоффр в своих мемуарах также указывает, что ...«наше положение в коалиции налагало на нас обязанность держаться (durer), удерживая перед собой максимум германских сил, истощать (user) врага наступлениями при всяком удобном случае и избегать всякого решающего ввязывания в сражение, пока мы не получили в нашей игре наибольших шансов успеха».

«Генерал Жоффр, — продолжает официальный труд, — решил прервать сражение и выиграть пространство и время, чтобы перегруппировать свои силы с целью возобновить наступление, как только создадутся благоприятные условия».

Фактически же истина состоит в том, что французское главное командование в течение всего периода отхода на Марну последовательно осуществляло стратегическую и оперативно-тактическую оборону. Нужно признать, что тяжелое положение, сложившееся в результате победоносного наступления немцев, ошибок, допущенных французским главным командованием в начале войны, и тяжелых поражений французских войск, — не поколебало спокойной выдержки ген. Жоффра, который продолжал неуклонно осуществлять все необходимые мероприятия оборонительного порядка. Ему, действительно, удалось выиграть путем отступления пространство и время для организации обо-

[1] Les A. F. I, 2. Термину „manoeuvre en retraite" трудно подыскать соответствующий у нас. Он близко подходит к немецкому „hinhaltender Kampf" — „сдерживающий бой". Речь идет о маневре, где отступление проводится сознательно, чтобы выиграть время для перехода в наступление с намеченного рубежа.

[2] Там же.

роны на новом рубеже. Этот выигрыш дал возможность: во-первых, ускользнуть от непосредственной угрозы разгрома; во-вторых, осуществить некоторую перегруппировку сил и, в-третьих, получить некоторую, правда, ограниченную передышку для восстановления боеспособности войск.

Но вытекало ли отсюда сразу и непосредственно получение оперативного преимущества над противником? Ни в каком случае! Оборона, будучи наиболее сильной формой ведения войны, связана с неизбежной опасностью зависимости от инициативы противника. Жоффр испытал на себе всю справедливость этого положения. Пока немцы сохраняли свое охватывающее преимущество на правом крыле, положение союзников оставалось исключительно рискованным. Только утеря немцами этого важного преобладания, явившаяся результатом крупнейших ошибок германского главного командования, создала новую обстановку. Теперь потенциальное преимущество перешло на сторону союзников, и оно состояло прежде всего в создавшемся охватывающем расположении их по отношению к германским армиям. И только теперь мероприятия Жоффра, которые не выходили из рамок обороны, в частности задач обороны Парижа, получили неожиданно совершенно новое качество. В создавшейся оперативной обстановке уже таилась возможность победы, но не самая победа. Заслуга Жоффра состояла в своевременном принятии крайне ответственного решения о немедленном использовании создавшегося положения. Но и это — не малая, это — историческая заслуга.

Как именно создалась указанная оперативная ситуация на Марне, рассматривается во второй главе. Здесь мы кратко коснемся лишь генезиса плана контрнаступления союзников на Марне.

а) Жоффр переходит к обороне

В своих мемуарах Жоффр пишет: «24 (августа) утром я писал министру (военному), что наше генеральное наступление в Бельгии окончательно потерпело неудачу, что мы осуждены на оборону, опирающуюся на наши крепости и крупные естественные преграды, чтобы держаться (durer) как можно дольше, стараясь истощать (user) врага и возобновить наступление в подходящий момент» [1]. Военный министр в тот же день прислал лаконический ответ: «Мы согласны, держитесь (durez)» [2].

В ночь с 24 на 25 августа Жоффр окончательно уяснил себе причину поразительной мощности германского удара: рядом с активными шли резервные корпуса, численность которых почти вдвое превышала довоенные расчеты французского генерального штаба. Вся тяжесть

[1] Joffre, I, 300.
[2] Там же, 300, примечание.

создавшегося положения, вся глубина допущенного просчета, за которую войска расплачивались теперь своей кровью, предстала перед Жоффром. Что делать? Ближайший его советник ген. Бертело рекомендует повторить первоначальный план — ударить на Маасе по центру обходящего германского крыла, дав возможность правому флангу беспрепятственно осуществлять свой маневр. Но Жоффр хорошо усвоил уроки проигранного сражения. Что будет, если эта операция также кончится неудачей? Французское войско будет окружено. Жоффр ищет другое решение: надо удлинять фронт на запад до тех пор, пока не удастся в свою очередь охватить фланг германцев, а затем переходом в контрнаступление задержать его. Так родилась мысль о создании 6-й армии (приказ о назначении во главе ее ген. Монури был отдан 26 августа) и о перебросках, правда, очень скромных, с востока на запад. 7-й корпус из Эльзаса перебрасывался через Париж к Амьену; 61-я и 62-я резервные дивизии — из Парижа к Аррасу; 55-я и 56-я резервные дивизии — из Лотарингии к Сомме; бригада Дитта (марокканские стрелки), только что прибывшая из Африки, — к Амьену. Инструкция № 2 французского главного командования предусматривала контрнаступление с линии рр. Сомма и Эн: 6-я армия по обе стороны Амьен; английская армия—через Пэрон; 5-я армия—через Сен-Кантен; 4-я армия — через Ретель; 3-я — между Аргоннами и Верденом. Хотя внешне директива и говорит о наступлении, речь по существу шла о мероприятиях оборонительного характера. 3-я армия ведет благоприятное сражение с 5-й германской армией, но она должна все же отойти, пока не будет выполнена намеченная перегруппировка. «Все армии должны на водных преградах сдерживать немцев сильными арьергардами с многочисленной артиллерией, чтобы они (немцы) лишь медленно продвигались вперед». Отсюда делают вывод, что уже в конце августа у Жоффра созрел план флангового контрманевра против германского войска. Но это никак не вяжется с колебаниями и неоднократной переменой рубежа отступления французских армий. Чего действительно Жоффр страстно желал — это остановить германское наступление. Но такую задачу выполнить было невозможно, пока на западе немцы имели подавляющий перевес сил. И вот Жоффр начинает собирать и организовывать силы для контрудара, чтобы уравновесить положение. Замысел Жоффра вначале имел чисто оборонительный характер и таким он оставался вплоть до Марнской битвы. Однако, возникшая под давлением необходимости идея переброски сил с востока на запад оказалась счастливой. По сути дела французы здесь, опережая германцев, начали «бег к морю». И поскольку такое опережение имелось налицо, результаты не замедлили сказаться. Однако, в действительности на крайнем левом фланге Жоффр мог сосредоточить лишь незначительные силы. Самое главное — надо сцементировать то, что здесь уже есть.

Жоффр лично направляется в Сен-Кантен, чтобы подбодрить упавшего духом ген. Ланрезака (командующий 5-й армией); здесь французский главнокомандующий встречается с Френчем. Английский главнокомандующий потерял обычную флегму и неистовствует против 5-й армии, покинувшей его в беде. Жоффру становится ясно, что оставлять Ланрезака во главе 5-й армии нельзя, так как поддержка связи и единство действий с англичанами — абсолютная предпосылка для успеха его планов. К тому же англичане терпят новое поражение при Ле-Като.

В беседе с новым военным министром Мильераном 27 августа Жоффр указывает, что главная трудность — в англичанах; их отступление превращается в бегство; надо подбодрить их, отметив заслуги английской армии перед ее правительством. «Скажите, Жоффр, — спросил Мильеран, — как же все-таки думаете вы справиться с этим положением? Может ли это сделать Монури?» — Монури? — ответил Жоффр. — Напротив, теперь дело идет прежде всего о том, чтобы получить время, с целью дать ему возможность развернуться, и об этом должен позаботиться Ланрезак. Но он все больше разочаровывает меня. Вчера он мне сказал, что он будет наступать, как только его корпуса выйдут из лесной местности, а сегодня рано утром в 7 часов я получаю от него сообщение, что он продолжает дальше отступление. — «Но ведь это ужасно. К чему все это приведет?» — Прежде всего, я ему приказал наступать. Он не должен тащиться на поводу у англичан, а, кроме того, продолжающимся отступлением он разрушит до основания свою собственную армию. Он должен ударить на северо-запад через Сен-Кантен, по левому флангу Клука, который, словно бес, несется за англичанами. Это должно его остановить. В этот момент беседа прерывается приходом ген. Монури, Жоффр принимает его оживленно, с шутками: «Генерал, вы должны снова пустить в ход наше наступление. Вы должны образовать у Амьен наш крайний левый фланг, чтобы охватить Клука с запада. Теперь поезжайте сразу же дальше и ориентируйтесь на месте. Завтра рано утром вызовите меня (по телефону), чтобы переговорить о положении, о ваших мероприятиях». По уходе Монури, Бертело сообщает, что командующий 5-й армией делает серьезные возражения против приказанного ему наступления. «Ответьте ему, что я придаю этому наступлению чрезвычайно большое значение. Завтра утром я сам прибуду к нему в Марль». Затем прибывает офицер генштаба, посланный в 4-ю армию, с сообщением, что ген. Лангль намеревается остановить неприятельские части, которые перешли Маас у Седана. В 23 часа приходит телеграмма Лангля: «Сегодняшние результаты удовлетворительны». Но вслед за тем звонит полк. Гюге (Huguet) о том, что англичане завтра отступают дальше через Уазу и Ла-Фер. К тому же приходит письмо, посланное Гюге еще днем, в котором имеется достаточно красноречивая фраза: «Я могу только сказать, что английская армия в данный момент больше не существует».

Жоффр дает прочитать это письмо Мильерану: «Г. министр, вы должны считаться с тем, что не в очень продолжительном времени немецкая кавалерия появится у Парижа. Вы должны приготовить к этому общественное мнение. Теперь остается одно — держаться и до тех пор оказывать пассивное сопротивление, как только мы будем готовы к новой операции». — Ну, а если и она потерпит неудачу? — «Тогда мы должны взяться за третью. Слава богу, мы имеем благоприятные известия от русских в Восточной Пруссии. Можно надеяться, что благодаря этому немцы будут вынуждены отправить войска отсюда на восток. Тогда мы сможем вздохнуть. Я заверяю вас, что наши армии еще не разбиты, что они способны еще к новому мощному напряжению сил». — Но не забывайте о Париже, — возражает Мильеран. «Я не забываю о Париже. Но послать 3 активных корпуса в Париж, как полагал Мессими, чтобы защищать укрепленный район, — это не выйдет. Париж будет защищать вся полевая армия в бою. Взять три этих корпуса и засадить их в Париже, — это сможет выхватить у нас из рук победу там, где она будет решающей». Но Мильеран настаивает на этом пункте: «Вы должны защищать столицу и должны сделать для этого необходимые распоряжения».

Эта сцена из жизни главной квартиры в критический день — 27 августа — очень характерна. Невозможно ручаться за точность деталей, передаваемых по воспоминаниям участников, однако, в целом она согласуется с фактами, достоверно зафиксированными историей. Не остается сомнений, что руководящей идеей французского главного командования была оборона, однако, для осуществления ее принимались разнообразные меры, включая отдельные контрудары. Становится ясным, что французское главное командование целиком находилось во власти давящего напора событий, и если бы этот напор не ослабел в последующие дни, дело могло бы кончиться катастрофой. Но Жоффр не поддается панике и спокойно делает то, что он может сделать. Пока что он надеется еще задержать немцев на Сомме и Маасе и толкает горемычного Ланрезака на явно опасную авантюру: это необходимо для того, чтобы хоть сколько-нибудь восстановить положение на крайнем левом фланге. Отметим, что Жоффр еще не ставит себе задачей как можно скорей уйти из клещей, которые сжимаются вокруг союзных армий; он вовсе не рассчитывает также на то, что Париж сможет сыграть серьезную роль в ходе событий.

28 августа утром Жоффр осуществляет важное мероприятие: чтобы предотвратить попытки проникновения немцев (3-й германской армии) между 4-й и 5-й армиями, создается арм. группа под командованием ген. Фоша. Ген. Лангль получает приказ не задерживаться больше на Маасе и отступать за р. Эн. В 8 ч. 30 м. Жоффр прибывает в Марль. Ланрезак находится в угнетенном состоянии. Когда ему все же приказано итти в наступление, он просит письменного предписания.

Жоффр обращается к сопровождающему его полк. Гамелэну [1] и диктует: «5-я армия должна как можно быстрее атаковать силы, которые вчера вели бой с англичанами. Она должна прикрываться вправо возможно более слабыми частями и с этой стороны вести разведку на далекое расстояние». Ланрезак заявляет, что завтра он переходит в наступление. Жоффр возвращается в главную квартиру (Витри-ле-Франсуа), пообещав приехать на другой день снова, чтобы проверить исполнение его приказа. От Монури — сначала благоприятные новости, но затем он теряет свои резервные дивизии (61-ю и 62-ю), которые где-то ведут бой с противником. Англичане и думать не хотят о сражении. С Ланглем — другая трудность: он не желает отступать; понадобился категорический приказ, чтобы привести его к повиновению. Ночью не остается больше сомнений, что 6-я армия оказалась под ударом противника раньше, чем смогла развернуться. Видно, придется отступать дальше. Жоффр сообщает военному министру, что гарнизон Парижа в случае необходимости получит подкрепления от 5-й армии; прибывающая из Алжира 45-я дивизия направляется в Париж. Новый губернатор Парижа ген. Галлиени принимается за организацию обороны, но требует войск. Париж во власти чудовищных слухов; открыто говорят об измене в армии.

29 августа утром Жоффр снова в главной квартире 5-й армии. Наступление началось, но протекает не так, как ожидал Жоффр. Атакующая в северо-западном направлении 5-я армия вскоре оказывается под ударом германских сил с севера (2-я германская армия), и сражение развертывается фронтом на север. Монури не может держаться со своими слабыми силами. Он получает приказ отойти на р. Авр (29 августа), а затем к Парижу (30 августа). Англичане 28 августа отошли в район Шони (Chauny) — Нуайон (Noyon). 29 августа они провели в бездействии на бивуаках южнее р. Уазы. Жоффр едет к Френчу; его попытки уговорить английского главнокомандующего, которого тянет за фалды его начальник штаба Мюррей, терпят крах; англичане требуют по крайней мере 48 часов отдыха. Вскоре после отъезда Жоффра командир 2-го английского корпуса Смит-Дорьен заявляет следующее: «Нам не остается ничего другого, как итти к гаваням, чтобы посадить наши войска на суда и отправиться домой. Здесь нечего больше делать». Маршал Френч отклоняет это предложение, но в письме военному министру лорду Китченеру сообщил, что у него пропало всякое доверие к французам, и что ему следовало бы по сути дела отходить к своим базам. Китченер немедленно указывает ему на опасность ухода англичан с линии фронта, что создаст брешь в расположении французов; он сообщает главнокомандующему имеющиеся у него сведения об отправке эшелонов с немецкими войсками на восток (речь идет о переброске двух германских корпусов). 31 ав-

[1] Нынешний начальник французского генерального штаба.

густа английское правительство выносит решение, обязывающее английское главное командование сообразовать свои действия с ген. Жоффром. Френч отвечает новыми жалобами на то, что французы отходят справа и слева от него. Тогда Китченер 1 сентября лично является в Париж. В переговорах вопрос улаживается. Клук отстал от англичан, и они получили передышку. 31 августа английская армия перешла за р. Эн. 3 сентября она отошла за Марну.

29 августа вечером Жоффр получает странное сообщение: «Немцы около полудня прекратили свои атаки против Монури, так что уже начавший отход 7-й корпус смог остаться на Авре. Многочисленные немецкие колонны сосредоточиваются к Сомме, меняя направление марша, видимо, на север». Против слова «север» Жоффр ставит большой вопросительный знак. Ланрезак доносит, что ему удалось отбросить германские части, наступающие с севера, но его левый фланг в свою очередь отброшен противником, наступающим с запада, и находится в опасном положении. Жоффр приказывает 5-й армии 30 августа отступать. Ген. Рюффей, командующий 3-й армией, заменен Саррайлем.

б) Директива № 4

30 августа французский главнокомандующий видит, что фронт его на Сомме — Ла-Фер—Лаон—Верден рассыпается. Германский маневр развивается с непреодолимой силой. Контрудар Ланрезака не может задержать грозного продвижения германского правого крыла; о Монури и англичанах и говорить не приходится. «Стало очевидным в этот момент, что нельзя противопоставить правому германскому крылу достаточных сил, чтобы остановить охватывающее движение (un mouvement enveloppant), которое логически должно было довести врага до Парижа» [1]. Жоффр решает о т с т у п а т ь дальше к югу. 30 августа, до того, как стало известно об историческом повороте Клука на юго-восток, он отдает уже предварительные распоряжения о рубежах отхода союзных армий. В данном случае интерес представляет конечный рубеж, которого должны были достигнуть эти армии. Приведем полностью содержание пояснений, которые французское главное командование 2 сентября вечером дало к директиве № 4, регулирующей отступление. Задачи последнего были сформулированы так:

«а) вырвать армии из-под давления противника, с тем чтобы укрепиться (à s'organiser et se fortifier) в зоне, куда они прибудут к концу отступления;

б) расположить всю совокупность наших сил на общей линии Пон-сюр-Йон (Pont-sur-Yonne), Ножан-сюр-Сейн (Nogent-sur-Seine), Арси-сюр-Об (Arcis-sur-Aube), Бриенн-ле-Шато (Brienne-le-Château), Жуанвиль (Joinville), где они получат подкрепления;

---

[1] J o f f r e, 346.

в) усилить п р а в о е к р ы л о[1] двумя корпусами, взятыми у 1-й и 2-й армий;

г) с этого момента перейти в наступление по всему фронту;

д) прикрыть наш л е в ы й ф л а н г[1] всей кавалерией, имеющейся в распоряжении, между Монтеро (Monterau) и Мелен;

е) просить английскую армию участвовать в маневре; удерживая Сену от Мелен до Жювизи (Juvisy), перейти в наступление с этого фронта одновременно с 5-й армией;

ж) одновременно гарнизон Парижа должен действовать в направлении Мо».

Итак, союзные армии должны были отойти на линию рр. Сена (южнее Парижа больше, чем 50 км), Об, южнее р. Орнэн на Марну (больше, чем 80 км южнее Вердена). О каком маневре могла итти речь в таком случае? Цель отступления сводилась к отводу левого крыла из окружения и к новому расположению в соответствии с этим фронтом, правый фланг которого опирался на Туль и Эпиналь и который был повернут на с е в е р о-з а п а д. По свидетельству Жоффра, он имел в виду угрожать германским сообщениям со своего п р а в о г о фланга: «Положение, перед лицом которого мы находились, вело теперь к тому, чтобы о т к а з а т ь с я о т м а н е в р а п р о т и в к р а й н е г о ф л а н г а п р о т и в н и к а и вернуться к концепции наступательного действия, которое имело бы целью отделить это крыло от остального фронта его»[2]. Иными словами, Жоффр возвращался к первоначальной идее стратегического развертывания, потерпевшей крах в приграничном сражении.

Но и без этого подтверждения Жоффра ясно, что занятое по инструкции № 4 фронтальное расположение союзных армий устраняло всякую возможность флангового маневра. План этот предполагал оставить Париж на произвол судьбы. По свидетельству и Галлиени, и Жоффра, Париж не смог бы защищаться в случае серьезной атаки немцев; 2 сентября правительство покинуло столицу и перебралось в Бордо. Но в таком случае отпала бы возможность флангового удара со стороны Парижа, и в ы и г р ы ш а т е м п а н е п о л у ч и л о с ь б ы.

Нужно сказать, что в этот момент (2 сентября) Жоффр не имел никакой уверенности в том, что немцы оставят Париж на своем фланге, не заняв его. Только 4 сентября он получил твердую уверенность в этом. Критика не может поэтому сурово осудить его решение, так как намерения противника — все же неизвестная величина на войне. Но история должна вынести безапелляционный приговор: до 4 сентября плана Марнского маневра не существовало.

---

[1] Разрядка наша.

[2] J o f f r e, 1, 349. Разрядка наша.

Можно поставить вопрос, прав ли был Жоффр в своем решении оставить Париж немцам, учитывал ли он морально-политический эффект возможности сдачи столицы Франции. Есть все основания думать, что немцы могли бы занять Париж, последовательно осуществляя шлиффеновский план. Кто может доказать обратное? Но в таком случае корпуса, осажденные в Париже, не имея никакой серьезной опоры в укреплениях, которые еще существовали па бумаге, пропали бы в самом деле для решительного боя.

План Жоффра означал также отказ от защиты другой твердыни марнского фронта — Вердена. Изолированный от полевой армии, он едва ли устоял бы долго под огнем германских тяжелых орудий. Следовательно, и другая предпосылка Марнского маневра отпадала.

С точки зрения нашей темы, отступательный маневр Жоффра мог бы быть оправдан быстротой отхода союзных армий за Сену, с тем чтобы вырваться из клещей германского маневра охвата. Однако, объективная истина и здесь не дает возможности дать положительную оценку плану французского главного командования. Дело в том, что одновременно Жоффр дал указания войскам, что намеченный рубеж отступления должен быть достигнут только в результате упорного сопротивления. Отступление задерживалось также загромождением дорог, в частности потоками беженцев с севера.

Как же все-таки сложилась в конце концов обстановка, которая дала жизнь плану Марнского маневра? Оставив в стороне, по выражению одного французского автора, «ганнибаловскую хитрость» французского главнокомандующего, сумевшего будто бы последовательно заманить немцев в ловушку, обратимся к фактам.

в) Начало марнского «чуда»: Клук поворачивает на юго-восток

1 сентября вечером ген. Монури становится очевидным изменение направления марша 1-й германской армии. Он предлагает Жоффру атаковать ее в направлении из Клермон на юго-восток, но французское главное командование отклоняет это предложение. В тот же вечер карта, найденная у пленного немецкого офицера и тотчас же пересланная в главную квартиру из 5-й армии, не оставляла больше сомнений, что вся 1-я германская армия перешла через Уазу. Однако, намерения Клука оставались неясными: он мог ведь еще атаковать Париж.

Жоффр еще 31 августа отдал 5-й армии приказ немедленно отходить за р. Эн. Сверх того, он принимает меры к усилению гарнизона Парижа, куда направляется 6-я армия и перебрасывается 4-й корпус (вместо 18-го корпуса 5-й армии, отправка которого отменяется); 4-й корпус должен выгрузиться в Париже в период 3—7 сентября.

Англичане потерпели очередное поражение от 1-й германской армии севернее Вильер-Котере; весь день они отступают к Марне. Несмотря на это, Френч предлагает дать генеральное сражение севернее Марны, но Жоффр отклоняет и это предложение, считая, что необходимая перегруппировка сил еще не закончена. 5-я армия, отходя на юг от рр. Серр и Эн, совершила в этот день рекордный марш в 50 км, и правое крыло ее достигло вечером Реймса, установив связь с армией Фоша; некоторые же полки 10-го корпуса прошли в этот день около 70 км. Армия Фоша на р. Ля-Ретурн (La Retourne) прикрывала отступление соседних армий за р. Эн, которую 4-я армия перешла без помехи со стороны противника. 3-я армия примкнула к ее правому флангу, причем правофланговый ее 6-й корпус выдержал бой на Маасе с 16-м германским корпусом.

2 сентября армии получили известную инструкцию Жоффра № 4. 6-я армия отошла в район севернее Парижа. Англичане устремились теперь в юго-западном направлении, расположившись между Нантейль-ле-Годуэн и Мо; между ними и 5-й франц. армией образовался незанятый войсками промежуток в 30 км, куда направлялся 9-й герм. корпус. Шато-Тьери оставался незанятым, а между тем он находился на пути отхода 5-й армии. В эту брешь Френч направляет по южному берегу Марны две кав. бригады и одновременно просит Жоффра преградить брешь в восточной части ее. Поздно вечером, когда 8-я кав. дивизия (кав. корпус Конно) вошла в город, она была встречена огнем противника с севера (18-я дивизия 9-го корпуса); артиллерия обстреливала вокзал, мосты и южный берег реки. 8-я кав. дивизия была вынуждена отступить. Вечером 2 сентября 5-я армия находилась еще в 15 км севернее Марны.

9-я и 4-я армии продолжали отступать, оторвавшись от противника. Но 3-я армия отступала крайне медленно. Ген. Саррайль ни в какой степени не разделял взглядов ген. Жоффра на дальнейшее развитие операций и попросту саботировал приказ французского главного командования, стремясь удержаться как можно ближе к Вердену. Это — так называемое «неповиновение Саррайля у Вердена» («désobeissance de Sarrail devant Verdun») сыграло огромную положительную роль, так как благодаря ему оказалась возможной характерная ситуация Марнского сражения.

2 сентября Жоффр добился подчинения ему ген. Галлиени, который по закону был ответственен только перед правительством.

3 сентября 6-я армия, согласно приказу Жоффра, перемещается северо-восточнее Парижа. Ее марш был прерван известием о появлении колонны противника на дороге Вербери (Verberie) — Санли (Senlis) — лес Шантильи (forêt de Chantilly) (2-й германский корпус); другая колонна перешла Уазу у Крейль (Creil), направляясь на Шантильи. 7-й корпус развернулся фронтом на север, но противник не

обращал на этот корпус и на Париж никакого внимания: он проходил мимо 6-й армии, направляясь на юго-восток.

У французского главного командования все больше множились сведения о том, что вся 1-я герм. армия устремляется мимо Парижа в юго-восточном направлении. В 19 час. об этом телефонировал Монури из Ренси (Raincy). В 21 час. то же подтверждалось губернатором Парижа на основании сведений авиационной разведки. В это же время полк. Гюге телефонировал: «По вполне проверенным и совпадающим данным английских летчиков, вся 1-я германская армия, за исключением 4-го рез. корпуса (т. е. 2-й, 3-й и 4-й корпуса и 18-я дивизия), направляется на юго-восток, чтобы перейти Марну между Шато-Тьери и Ла-Ферте-су-Жуар с целью атаковать левый фланг 5-й армии. Его головные отряды, вне сомнения, в этот вечер достигнут реки».

Англичане, перейдя Марну, вечером 3 сентября в соответствии с указаниями Жоффра, заняли линию Ланьи (Lagny) — Мо—Ла-Ферте-су-Жуар.

В то время как кав. корпус Конно сдерживал немцев, пытавшихся распространиться от Шато-Тьери к югу, а 18-й корпус служил прикрытием с фланга, вся 5-я армия переправилась через Марну, восточнее Шато-Тьери.

9-я, 4-я и 3-я армии продолжали свое отступление. В этот день, 3 сентября, 21-й корпус грузился в Эпиналь для следования в 4-ю армию. 15-й корпус двинулся по дороге из Вокулер (Vaucoulcurs) в 3-ю армию. 4-й корпус сосредоточивался севернее Сент-Менегульд (Sainte Menehould) для отправки в Париж.

4 сентября 6-я армия остается на своих позициях северо-восточнее Парижа, которые она укрепляет. Части 7-го корпуса в высшей степени утомлены беспрерывными передвижениями сначала из Эльзаса, затем во время отступления от Соммы. Авиационная разведка, обследовав район к северу от Парижа, нигде не обнаружила противника: вся 1-я германская армия находилась уже восточнее Парижа. 6-я армия повертывается фронтом на восток, не опасаясь за свой левый фланг.

Английская армия располагается юго-восточнее Парижа, где она получает пополнение в 10 000 чел.

5-я армия, перейдя Марну, направляется на юго-запад, пересекая путь движения 1-й герм. армии, которая двигается фронтом на юго-восток. Утром кав. корпус Конно имел столкновения с 9-м и 3-м герм. корпусами. 18-й франц. корпус отходил по дороге Конде-ан-Бри (Condé en Brie), Монмирайль, Ла-Ферте-Гоше; 38-я афрнк. дивизия была атакована частями 9-го герм. корпуса, но ускользнула на юг. 3-й корпус имел столкновение с 10-м резер. корпусом 2-й герм. армии. 1-й и 10-й совершали марш без всяких инцидентов.

9-я, 4-я и 3-я армии продолжали свой отход.

г) 4 сентября

Для перехода оперативно-стратегического преимущества союзников из сферы возможности в сферу реальности исключительно важен был момент принятия решения о переходе союзников к активным действиям, без чего никакого преимущества в действительности не получилось бы.

4 сентября у союзников происходил именно этот процесс созревания решения. В военной литературе мы найдем чрезвычайно много рассуждений, кто именно первый обратил внимание на выгоды охватывающего положения союзников со стороны Парижа. Спор довольно бесцельный, так как можно, даже по имеющимся в нашем распоряжении фактам, назвать слишком много лиц, претендующих на такое первенство. Жоффр утверждает, что это было ему ясно еще с 25 августа, когда он начал формировать в районе Амьен особую группу для охвата правого германского крыла. Эту пальму первенства Галлиени долгое время оспаривал у Жоффра, приписывая себе роль спасителя Франции. Монури предлагал ударить против Клука еще 1 сентября. Даже Френч выступил с предложением дать сражение на Марне. О фланкирующем положении Парижа знали не менее хорошо Мольтке, Клук, Бюлов и т. д. Историческое исследование не может превращаться в психологический анализ того, кому именно пришла в голову мысль о возможности удара со стороны Парижа. Серьезное изучение проблемы может интересоваться лишь вопросом о том, как происходило созревание решения об этом маневре; тогда, естественно, определится роль отдельных участников этого процесса.

В эту плоскость следует перевести и вопрос о том, кому принадлежит главная роль в этой важнейшей подготовительной стадии Марнской битвы: Галлиени или Жоффру. Утверждают, что 4 сентября ген. Галлиени самостоятельно приказал 6-й армии подготовиться к нанесению флангового удара 1-й германской армии через Даммартен. Он донес об этом в главную квартиру, навязав тем самым Жоффру решение форсировать генеральное сражение. Жоффр противопоставляет этому письмо, направленное генералу Галлиени еще в ночь с 3-го на 4-е, в котором он писал, что «теперь часть активных сил ген. Монури может быть направлена на восток, как угроза правому германскому флангу, с тем, чтобы левый фланг англичан чувствовал себя подкрепленным с этой стороны. Было бы полезно дать знать об этом марш. Френчу и поддержать с ним сердечные отношения».

Несколько позже в тот же день, 4 сентября, Жоффр, по его собственному свидетельству [1], нашел офицеров своего штаба за жаркой дискуссией перед картой, где было нанесено взаимное расположение сторон. Клук уходил на юго-восток. Следовало ли немедленно перейти в контрнаступление? «Нет, — сказал Бертело, — дадим немцам еще

---

[1] Joffre, I, 380.

глубже залезть в сеть. 6-я армия не имеет еще всех своих сил. 5-я армия не может еще после кровопролитных боев и отступления наступать, а как раз ее правый фланг в соединении с Френчем должен был бы нанести главный удар. Мы хотели ведь отрезать правое германское крыло ударом от Мааса. Зачем все это изменять? Лучше отвести 5-ю армию на обеспеченные позиции, чем заставлять ее снова наступать». Жоффр колеблется — опасно, с другой стороны, упустить такой блестящий момент. Но Галлиени звонит по телефону: вся 1-я германская армия перешла через Марну, оставив лишь слабое прикрытие. У Галлиени нет теперь никаких сомнений: надо ударить ей во фланг; вчера еще ему было неясно, должна ли 6-я армия наступать на северном или южном берегу Марны — это должен был решить Жоффр, но теперь он решительно высказывается в пользу северного берега. Надо опрокинуть выставленное Клуком прикрытие и обрушиться на его тыловые сообщения. Жоффр оказывается между бурным напором Галлиени, которого поддерживает Монури, и осторожностью Бертело, который все еще считает наступление преждевременным. Однако, не лучше ли все же разрешить Галлиени произвести предварительные мероприятия. В 14 час. Жоффр дает ответ Галлиени: «В принципе согласен. Считаю операцию южнее Марны, а именно южнее Ланьи, для 6-й армии пока что более предпочтительной».

Теперь необходимо было выяснить, готовы ли к наступлению другие армии левого крыла. Жоффр телеграфирует Франше д'Эсперей [1], командующему 5-й армией: «Обстоятельства таковы, что было бы выгодно развернуть завтра или послезавтра сражение всеми силами 5-й армии, совместно с английской и подвижными силами Парижа, против 1-й и 2-й германских армий. Сообщите, считаете ли вы вашу армию способной сделать это с шансами на успех». Другая телеграмма была послана Фошу: «Как оцениваете вы положение с точки зрения возможности наступать».

Французский главнокомандующий ожидал дальнейших сообщений, от которых зависело принятие окончательного решения. Но еще до получения этих ответов была издана инструкция № 5, которая предопределяла распределение сил по фронту в начале сражения на Марне.

3-я армия, кроме имевшихся ранее соединений (5-й, 6-й корпуса, 7-я кав. дивизия, группа Поль Дюрана из 65-й, 67-й и 75-й рез. дивизий), получала еще 15-й (в движении походным порядком из 2-й армии) и 21-й корпуса (5 сентября погрузка из 1-й армии, 7-го — в районе Монтьеранде (Montier-en-Der) — Лонжвиль (Longeville); однако, Жоффр указывает, что 21-й корпус первоначально остается в его распоряжении. 4-я армия—в составе 2-го, 12-го, 17-го и Колониального корпусов. Отряд Фоша превращался в самостоятельную 9-ю ар-

[1] Франше д'Эсперей вступил в командование 5-й армией за несколько дней до Марнской битвы.

мию, куда включалась, кроме 9-го корпуса (из 2-й армии), 18-я дивизия. 5 сентября прибывает в район Труа 11-й корпус, 42-я пех. дивизия, Марокканская дивизия, 52-я и 60-я рез. дивизии, а также 9-я кав. дивизия. Состав 5-й армии: 1-й, 3-й, 10-й, 18-й корпуса, 37-я и 38-я (африканская) пех. дивизии, группа Валабрега (Valabrègue)—51-я, 53-я и 69-я рез. дивизии. Ей придавался на левом фланге вновь образованный кав. корпус Конно — 4-я кав. дивизия (из 5-й армии), 8-я кав. дивизия (из 1-й армии) и 10-я кав. дивизия (из 2-й армии). 4-я армия должна была задержаться на линии Витри-ле-Франсуа — Бриен-Ле-Шато, а 3-я медленно отходить в готовности перейти в наступление в северо-западном направлении.

Еще 4 сентября утром Жоффр в письме ген. Френчу указывал ему на то, что действия английской армии были бы наиболее желательны между Марной и Сеной.

Около 16 час. получена телеграмма от полк. Гюге, сообщавшая о том, что Галлиени посетил Френча, который дал обещание оставаться южнее Марны в готовности действовать совместно с 5-й и 6-й армиями в направлении на восток. Как выяснилось впоследствии, эта телеграмма оказалась плодом недоразумения: Галлиени был действительно в Мелене (главная квартира английской армии), но Френча не видел, получив лишь обещание, что его известят о дальнейшем. На 5 сентября приказ Френча намечал все же дальнейшее отступление. Но телеграмма Гюге подействовала на Жоффра в сторону дальнейшего сдвига к принятию решения о немедленном переходе в контрнаступление. Он снова созывает своих советников. Бертело упорствует — «слишком рано», Белен колеблется. Тогда Жоффр заявляет о своем решении: надо использовать создавшуюся ситуацию; однако, наступление следует начать лишь 7 сентября, для того чтобы дать армиям возможность закончить перегруппировку сил и убедить англичан принять участие в наступлении. В 18 ч. 30 м. Жоффр поручает ген. Гамелену разработать приказ, а сам отправляется ужинать. Часом позднее пришло сообщение одного из офицеров генерального штаба: Франше д'Эсперей только что виделся с ген. Вильсоном, который сообщил ему, что англичане могли бы наступать 6 сентября. Вслед за тем поступают два письма от Франше д'Эсперей, суть которых сводилась к следующему: сражение может быть начато 6-го; 5-я армия 5-го отходит на линию Провэн — Сезан; англичане повертываются фронтом к востоку на линии Шанжи—Куломье и южнее, с тем чтобы вместе с 5-й армией наступать в направлении Монмирайля; но при этом необходимо, чтобы 6-я армия действовала вместе с ними, наступая через р. Урк в направлении на Шато-Тьери. «Моя армия может сражаться 6-го, но она не в блестящем состоянии». Чтобы уяснить эту последнюю фразу, достаточно привести свидетельство только что смененного командующего этой армией ген. Ланрезака: «По моему мнению, никогда ни одна армия не была в таком скверном

положении, как 5-я в период с 30 августа по 4 сентября». Нельзя поэтому не согласиться с оценкой Жоффра: «Роль Франше д'Эсперей в день 4 сентября 1914 г. заслуживает быть подчеркнутой перед историей: это он сделал возможной Марнскую битву»[1]. По своем возвращении в Париж ген. Галлиени нашел письмо от Вильсона, в котором он извещался, что ген. Френч, желая дать место 6-й армии развернуться южнее Марны, приказал сдвинуть английские армии на линию западнее и восточнее Турнан. Кроме того, ген. Галлиени, ознакомившись с приказом Жоффра, не удовлетворен решением, что 6-я армия должна действовать на левом берегу Марны. Он звонит лично ген. Жоффру: «Этого я не могу теперь выполнить. Я уже предписал Монури завтра утром наступать севернее Марны и не могу теперь его повернуть». Жоффр отвечает: «После моей утренней телеграммы я принял решение об общем наступлении; 6-я армия должна принять в нем участие на северном берегу Марны. Приказ будет составлен в соответствии с вашими желаниями».

Этот разговор с ген. Галлиени сыграл, по всей видимости, громадную роль. Побуждаемый неугомонным губернатором Парижа, французский главнокомандующий вынужден вновь пересмотреть дату наступления. Движение 6-й армии на северном берегу Марны, уже предписанное Галлиени, грозит раскрыть весь маневр немцам, и тогда действия англичан и 5-й армии могут запоздать; но ведь Франше д'Эсперей сообщает, что сражение может быть начато 6 сентября. Взвесив все это, Жоффр в наброске приказа меняет дату «7 сентября» на 6-е; в 22 часа приказ подписан и направляется войскам.

Этим не кончилась еще подготовительная стадия Марнской битвы: поздно вечером полк. Гюге сообщает о новых колебаниях ген. Френча. Французскому главнокомандующему пришлось на другой день лично направиться в Мелен, чтобы уговорить упрямого британца; об этом мы уже имели случай говорить.

5 сентября ген. Жоффр информировал военного министра о своих намерениях: «Положение, которое сначала вынуждало меня отвергать решительное сражение и отводить наши армии в южном направлении, изменилось теперь следующим образом: германская 1-я армия покинула направление на Париж и склонилась на юго-восток, чтобы поразить наш левый фланг. Благодаря принятым мерам, ей не удалось захватить этот фланг, и 5-я армия находится теперь севернее Сены в готовности наступать против немецких колонн с фронта. Левее ее сосредоточены между Сеной и Марной английские силы, готовые к наступлению. Они поддерживаются и прикрываются слева подвижными силами парижского гарнизона, которые продвинутся в направлении к Мо, чтобы обеспечить их (англичан) от опасности охвата. Стратегическое положение, таким образом, превосходно, и мы не можем

---

[1] Joffre, I, 388.

рассчитывать на лучшие условия для наступления. Битва, которая должна развернуться, может иметь решительный результат, она может, однако, — в случае неудачи — иметь для страны тягчайшие последствия. Я решил все мои войска до последнего солдата ввести в бой, чтобы достигнуть победы». Военный министр ответил краткой телеграммой: «Никаких возражений против вашего плана операций».

Итак, решение было принято. Мы видели, что оно явилось результатом крайне сложного воздействия на волю французского главнокомандующего. Реализация оперативно-стратегического преимущества в выигрыше темпа резко сдвинулась вперед. В самом деле, опасность упустить момент и потерять все выгоды положения была очень велика. Намерение Жоффра перенести начало сражения на 7 сентября являлось такой опасностью. Поэтому роль Галлиени и Франше д'Эсперей следует оценить очень высоко. Но, как мы еще увидим, трактовка Жоффром всей ситуации в целом была более глубока.

Одним из решающих аргументов в пользу ускорения начала сражения являлось стремление сохранить тайну маневра. В самом деле сутью полученного стратегического преимущества, выигрыша темпа являлась внезапность. Отсрочка могла бы иметь роковые последствия, если бы покров этой тайны был снят. Что произошло в действительности, будет ясно из дальнейшего изложения.

6. ПРИКАЗ ГЕН. ЖОФФРА 4 СЕНТЯБРЯ

Основная идея этого приказа нами уже изложена в начале главы. К 5 час. вечера 5 сентября армии должны были занять следующее расположение: 6-я армия — севернее Марны, в готовности перейти р. Урк и направиться к Шато-Тьери; британская армия — южнее Марны, между этой рекой и Б. Мореном, фронтом к востоку, в готовности вести атаку на Монмирайль; 5-я армия — к югу от Б. Морена, располагаясь под прямым углом к английской армии, фронтом на север, атакуя также на Монмирайль; 9-я армия должна прикрывать правое крыло 5-й армии, удерживая южные выходы Сенгондских болот и выдвинув часть своих сил на плато севернее Сезан. Наступление этих армий должно было начаться 6 сентября утром. Дополнительно было указано 4-й армии дать отпор противнику на высоте Витри-ле-Франсуа (Vitry le François), а 3-й атаковать левый фланг неприятельских сил западнее Аргонн.

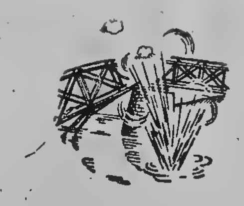
Как мы увидим, директива Жоффра не была выполнена полностью; англичане, например, остались южнее Б. Морена. Но приказ вообще нельзя рассматривать изолированно от всех других мероприятий Жоффра накануне сражения; в особенности важна приведенная выше инструкция № 5. В целом можно составить теперь более широкое и точное понимание того преимущества, которое получили союзники

в начале сражения и которое мы сформулировали как выигрыш темпа.

Мы рассматривали данное преимущество лишь в отношении 6-й армии, и в основном такая точка зрения верна, так как именно в этом разрезе оно получило свое историческое значение в ходе всей битвы. Но если говорить о качестве внезапности, столь характерном для полученного союзниками преимущества, то его следует рассматривать шире. Внезапностью для 1-й германской армии являлось не только наступление 6-й армии, но также и наступление 5-й и позднее английской армий. Дальше будет показано, какое громадное значение получил второй внезапный удар, нанесенный 1-й германской армии с юга. Если итти еще дальше, то внезапным оказался для германского войска переход союзников в наступление в целом на всем фронте от Парижа до Вердена. Само собой разумеется, что действие внезапности в этом расширенном смысле не осталось бесплодным: оно-то и дало в конечном счете тот выигрыш времени, который смог быть активно использован французским главным командованием.

Но это уже другая сторона Марнской битвы, которая пока лишь бегло указана в нашей вводной главе. В конце концов вовсе не фланговый маневр составляет главную характерную особенность этой битвы. Как уже отмечено, маневр если и имел здесь место, то в совершенно особой форме, не похожей на то, что известно нам по классическим примерам. Заслуга Жоффра состоит в том, что он если и не предвидел с полной ясностью, то во всяком случае предчувствовал, угадывал значение новых факторов. Характерно, что по боевой диспозиции большая часть сил, перебрасываемых с востока, вовсе не была направлена на усиление 6-й армии, которой, казалось бы, предназначалась главная роль в фланговом маневре. Жоффр в особенности позаботился о создании крепкого спаянного фронта всего наступления в целом. Без этого не было бы Марнской победы.

Только благодаря этой предпосылке, первоначальный выигрыш темпа, полученный союзниками на левом фланге, привел к «чуду» на Марне.

ГЛАВА ВТОРАЯ

МАРШ К ПАРИЖУ

(Схемы 1, 2, 7 и 17)

Марнское сражение явилось конечным результатом германского марша-маневра в начале войны. К этому решающему этапу немцы пришли с отрицательным знаком. Как и почему это произошло — рассматривается в данной главе.

1. ПЛАН ШЛИФФЕНА В ДЕЙСТВИИ

Путь нашего анализа несколько расходится с общепринятым. Обычно исследование начинают с разбора плана Шлиффена и затем устанавливают отклонения от него, допущенные Мольтке, рассматривая их как главную причину неуспеха маневра в целом. Самый же план Шлиффена не берется под сомнение и никакому критическому анализу не подвергается. Такой метод вызывает серьезнейшие возражения. Как бы велики ни были отклонения от шлиффеновского плана, допущенные германским генеральным штабом в 1914 г., они не могут полностью объяснить поворот, происшедший в ходе операций на Марне. Никак нельзя отрицать, что в основном Мольтке стремился все же осуществить грандиозный замысел своего предшественника. Если он потерпел неудачу, причину ее следует искать на путях строго научного, объективного анализа фактов, а не только плана кампании и тех или иных отступлений от него. Не приведет ли такой анализ к выводу, что критику Мольтке следует продолжить до критики Шлиффена?

Наше утверждение о том, что Мольтке стремился выполнить план Шлиффена, подтверждается директивой германского главного командования, отданной 27 августа, т. е. сразу после окончания пограничного сражения. В директиве этой говорилось: «Все основные французские армейские корпуса уже были введены в бой и потерпели значительные потери. Также и большая часть резервных дивизий тя-

жело потрясена, бельгийская армия — в состоянии разложения. Отсюда следует, что нужно **быстрым продвижением**[1] (durch baldigen Vormarsch) германского войска **на Париж** не дать передышки французской армии и воспрепятствовать новым формированиям. Его величество приказал германскому войску (прежде всего 1-й—5-й армиям) наступать на Париж».

Мольтке считал, таким образом, что в пограничном сражении была одержана решающая победа. Французские армии разбиты. Оставалось лишь путем преследования, в соответствии с основной целью шлифеновского маневра, окружить врага и окончательно добить его. Ген. фон-Плессен, адъютант императора Вильгельма, в своих записках сообщает: «Генерал Мольтке, как, впрочем, и подполковник фон-Таппен, начальник оперативного отдела, считали, что пограничное сражение привело к решающему результату в пользу немцев на западном фронте. Только такой точкой зрения, чересчур оптимистической, можно объяснить решение отправить в Восточную Пруссию гвардейский резервный и 11-й корпуса. 25 августа подполковник фон-Таппен заявил мне буквально следующее: «В шесть недель все дело будет закончено».

Здесь мы видим несколько иные мотивы отправки двух корпусов с правого крыла, чем те, которые обычно приводятся. Учитывая крайнее расстройство сил противника, Мольтке считал, что может произвести эту переброску без всякого ущерба для основной операции. Насколько он был прав, будет видно из дальнейшего, пока же заметим, что Мольтке не задумывался нисколько над формой предстоящей операции: он намеревался точно выполнить предначертания Шлиффена. Он направляет главную массу своих сил в состав окружающего крыла, которое должно совершить грандиозный маневр захождения правым плечом вокруг Вердена, как оси движения. В состав правого крыла выделяется **пять** армий; в составе левого остаются только **две** армии, которые лишь частично могут заполнить пространство между Верденом и швейцарской границей.

Можно ли не увидеть в этом смелом плане выражение основной идеи шлиффеновского плана? Правда, Шлиффен предполагал осуществить его более крупными силами. Но подсчитаем соотношение сил, которое было в действительности в этот момент.

К западу от Вердена последовательно располагались со стороны союзников: 3-я армия — 6-й, 5-й, 4-й корпуса; 4-я армия — 12-й, 17-й, 11-й, 2-й, 9-й и Колониальный корпуса; 5-я армия—1-й, 10-й, 3-й, 18-й корпуса; английская армия—1-й и 2-й корпуса, а всего 15 корпусов: с германской стороны: 5-я армия — 5-й, 16-й, 5-й рез., 6-й рез., 13-й корпуса; 4-я армия—6-й, 18-й рез., 18-й, 8-й рез., 8-й корпуса; 3-я армия—19-й, 12-й, 12-й рез. корпуса; 2-я армия—гвард., 10-й, 10-й рез. и 7-й корпуса; 1-я армия—9-й, 4-й, 4-й рез., 3-й и

[1] Разрядка наша

2-й корпуса, всего 22 корпуса. С учетом резервных дивизий у союзников—37 (в Марнской битве 56), у германцев 44 дивизии. Подавляющее преимущество все еще было на стороне германцев. К этому надо добавить громадное качественное превосходство, в частности: наличие тяжелой полевой артиллерии, которой у союзников не было вовсе. Надо учесть также, что англичане и 5-я франц. армия только что потерпели поражение и не могли оказать серьезного сопротивления.

Согласно директиве, 1-я германская армия должна была наступать западнее р. Уазы к Нижней Сене, т. е. западнее Парижа; 2-я армия—на Париж; 3-я — на Шато-Тьери; 4-я — через Реймс на Эперней; 5-я — на линию Шалон — Витри-ле-Франсуа, в обход Вердена. Взгляд на карту показывает, что 3-я, 4-я, 5-я армии выходили, таким образом, на Марну. После ознакомления с тем, что произошло в Марнском сражении, такое расположение германского войска не может быть оценено иначе, как смелый замысел шлиффеновского размаха. Для 6-й армии в директиве ставилась задача (которая была дана ей раньше) — прорыв укреплений на Мозеле между Туль и Эпиналь.

Однако, в директиве имелось еще одно указание, которое оказалось, так сказать, «ложкой дегтя в бочке меда»: «Все армии должны действовать во взаимном согласии и поддерживать друг друга на отдельных участках. Сильное сопротивление на р. Эн и позднее на р. Марне может потребовать п о в о р о т а а р м и й с ю г о-з а п а д н о г о в ю ж н о е н а п р а в л е н и е». Этим Мольтке дал палец командующим армиями, которые не замедлили вскоре ухватить всю его руку.

Но если эту деталь пока что опустить, чтобы вернуться к ней позже, перед нами шлиффеновский план в действии, основанный уже на базе реальности, возникшей в итоге пограничного столкновения.

Замысел, отраженный в директиве от 27 августа, настолько смел, что невольно возбуждает вопрос, была ли проверена хотя бы на карте его осуществимость; не было ли это одним из продуктов штабного бюрократизма, которых мы еще не мало встретим в ходе событий. Основной вопрос, который встает при самом беглом взгляде на карту,— это расстояние между Витри-ле-Франсуа и Туль, пространство, в верхнем углу которого мы находим Верден. Какие силы мог бы Мольтке двинуть в этот разрыв — из директивы совершенно не ясно. И если директива заострена под кличем «К Парижу», не пренебрег ли он другой твердыней французской обороны — Верденом? Не возникнет ли здесь опасность маневра против тылов и сообщений пяти армий, сдвинутых к западу? Или, может быть, Мольтке рассчитывал, что к тому времени немцам удастся форсировать Мозель, сближая внутренние фланги двух разорванных крыльев германского войска?

Этот вопрос подводит нас к коренной проблеме шлиффеновского маневра. Главная трудность его заключалась в сочетании трех основных факторов: м а с с ы войск, или вооруженные силы; п р о с т р а н с т в о, направление удара и местность; наконец, д в и ж е н и е, или

самый маневр. Обратим наше внимание сначала на два первых фактора. Отличие шлиффеновского маневра от «Канн» в предшествовавших войнах состояло в гигантском размахе всей операции: сотни километров, сотни тысяч людей, миллионная масса, разбросанная на протяжении около 300 км,—такова важнейшая особенность, характеризовавшая операцию войны новой эпохи. 7 армий двинулись в поход, располагаясь по этой гигантской дуге. Вопрос об их расположении на таком громадном пространстве, о распределении сил, получал исключительно важное значение.

Шлиффен предполагал из 72 дивизий, которые он имел в своем распоряжении в 1905 г., выделить 61 дивизию в состав массы, совершающей маневр захождения. Именно такое количество дивизий располагалось по плану Шлиффена 1905 г. на линии Тионвиль—Шарлеруа—Антверпен. Если учесть, что расстояние между этими пунктами составляло 244 км, то на каждую дивизию приходилась полоса движения в 4 км, что соответствовало густоте дорог в районе маневра. Эта узкая полоса вполне была посильна для каждой дивизии. Шлиффен был против создания каких бы то ни было резервов из перволинейных активных частей. Все должно быть брошено на осуществление основной и важнейшей задачи. При таком построении избегалась опасность образования пустот внутри охватывающего крыла и обеспечивалась максимальная быстрота его продвижения вперед. Это были в полном смысле грабли, которые должны были сгрести силы противника на своем пути, не оставляя им возможности проникнуть между зубцами. Все второстепенные задачи возлагались на территориальные бригады, двенадцать из которых предназначались для осады бельгийских и французских крепостей. Сверх того, восемь корпусов эрзатца предполагалось использовать для осады Парижа.

В составе армий, совершавших маневр захождения западнее Вердена, Мольтке имел фактически не 60 дивизий, а меньше на одну треть, всего около 40 дивизий, причем силы противника, противостоявшие на этом участке фронта, благодаря передвижениям, которые успели сделать союзники с начала кампании, были уже в этот момент значительны; это необходимо отметить, ибо Шлиффен в своем плане рассчитывал все же на то, что немцы успеют подойти к Парижу до того, как серьезные силы противника будут сдвинуты к западу. Куда же девались остальные 20 дивизий? Семь из них Мольтке по принятому им плану развертывания переместил на усиление левого крыла; предполагалось, что они будут по мере развития маневра переброшены на правый фланг, но от этой меры по непонятным причинам Мольтке отказался после пограничного сражения, когда он счел вполне достаточными для завершения победы наличные силы на правом крыле. 4 дивизии были переброшены на восточный фронт (11-й и гвардейский резервный корпуса); 4 дивизии осаждали Антверпен (3-й и 9-й рез. корпуса); 2 дивизии — Мобеж (8-й рез. корпус); 1 дивизия — Живе

(24-я рез. дивизия); 2 дивизии находились между Тионвилем и Верденом для предотвращения наступления французов из района Верден—Туль. Наконец, 8 корпусов эрзатца были уже или растрачены, или еще не сформированы.

Могли ли столь ослабленные силы правого заходящего крыла сохранить прежний фронт развертывания в 240 км? Очевидно, нет, — говорят нам. Исходя из указанной нормы, они могли обеспечить фронт лишь в 160 км. Сохраняя направления движения для армий правого крыла согласно плану Шлиффена, Мольтке предрешал возникновение разрывов общим протяжением в 80 км. Такие разрывы и возникли, действительно, в ходе маневра. Они вынудили армии правого крыла непрерывно отклоняться к востоку. В результате 1-я армия, вместо обхода Парижа с запада, должна была пройти мимо Парижа с востока.

Мы согласны, что можно так объяснить рокировку правого крыла к востоку, следствием чего явилось оставление Парижа на правом фланге заходящего крыла, но этим нельзя оправдать оставления такого важного железнодорожного центра и укрепленного района, как Париж, почти без всякого наблюдения. В этом заключается одна из величайших ошибок, допущенных Мольтке.

Ген. Гренер в своей известной работе, посвященной критике стратегии Мольтке [1], делает в связи с этим очень интересные предложения. Чтобы обеспечить маневр захождения пятью армиями правого крыла, следовало, по его мнению, отказаться от всяких активных операций в Лотарингии и Вогезах, тем более что, как показала практика, они все равно неспособны были выполнить главную задачу — сковать силы французов и воспрепятствовать их переброске на запад, не говоря уж о прорыве крепостного пояса. Тогда явилась бы возможность передвинуть 5 корпусов в район Люксембурга—Тионвиль—Мец. Два из них следовало передать 5-й армии, а три оставить против Вердена, западнее Мааса; восточнее этой реки находились бы 33-я рез. дивизия и ландверные бригады. Число корпусов 1-й армии следовало довести до семи, передав ей два из состава 2-й армии. 2-ю и 3-ю армии свести в одну, образовав из этой новой армии и 1-й армии группу армий во главе с ген. Бюловым. При таких условиях план, намеченный в директиве от 27 августа, мог быть осуществлен. Эти предложения Гренера вполне разумны. По его мнению, вместо длинной директивы германского главного командования следовало отдать короткий приказ: «1-я армия, направление: Сена, выше Парижа; 2-я, 3-я, 4-я и 5-я армии: смыкайтесь тесно направо; 6-я и 7-я армии: окопайтесь, отправьте значительные силы на заходящий фронт через Тионвиль—Мец».

Конечно, ослабляя правое крыло, Мольтке допустил крупнейшую стратегическую ошибку. Но этим еще не доказано, что участь пред-

[1] W. Groener, Der Feldherr wider Willen.

принятого им маневра была предрешена. Силы все еще оставались очень крупные и во всяком случае значительно превосходили силы противника на этом участке. В особенности благоприятно было положение 1-й армии, далеко выдвинутой к западу и имевшей на пути своего движения лишь морально подавленные, мало подготовленные отступавшие силы англичан. Заданное Мольтке направление движения 1-й армии выводило ее еще дальше к западу во фланг англичанам. Охват левого фланга союзных войск был, таким образом, вполне реален или, правильнее сказать, обеспечен. Это непрерывное давление с фланга устраняло возможность количественно слабейшему на этом участке противнику задержаться. Развитие маневра в силу этого, бесспорно, сулило немцам полный успех.

У союзников имелось лишь два способа выйти из этого тяжелого стратегического положения: во-первых, сосредоточить на левом их фланге массу, способную остановить продвижение вперед правофланговых германских армий; во-вторых, быстрым отступлением на всем фронте выскользнуть из угрожавшего кольца окружения. Эти два момента контрактивности противника вообще имели решающее значение для судьбы шлиффеновского плана. Такое же значение они имели и для маневра Мольтке 27 августа.

Совершенно очевидно, что решение следовало искать в правильном использовании пяти правофланговых германских армий, двигавшихся к Парижу. По обстановке сила союзников возрастала по мере приближения к Вердену, в районе которого располагалась основная масса их войск; к этому нужно добавить еще устойчивость союзного правого крыла, опиравшегося на крепостной пояс. Чем ближе к Вердену, тем больше возрастает сила сопротивления союзников, и именно здесь следовало ожидать наивысшего тактического напряжения. Но для немцев оно отнюдь не совпадало с напряжением стратегическим, которое целиком и полностью оставалось на их правом фланге. Следовательно, возникало явное противоречие между тактикой, которая тянула немцев к востоку, и стратегией, которая, напротив, диктовала перенесение центра тяжести к западу.

Короче, к 27 августа в новой конкретной обстановке перед Мольтке встала старая шлиффеновская проблема. Разрешения ее следовало искать на пути последовательного осуществления плана Шлиффена; надо было пожертвовать тактическими успехами на востоке во имя высшей стратегической цели на западе.

Здесь необходимо вернуться к трем элементам шлиффеновского маневра. Можно ли ограничиться анализом только пространственного и численного факторов? Очевидно, в таком случае из анализа ускользает душа маневра — движение. Между тем в конечном счете решал именно этот третий фактор.

Стратегическое развертывание германских армий показало всю жизненную мощность шлиффеновского плана. Однако, мы не встречаем

ясности в формулировке полученного в результате его преимущества. Немцы получили в итоге глубокого обходного движения через Бельгию решающее преобладание на своем правом крыле: путь к Парижу преграждался лишь слабыми, наспех собранными силами союзников. Но при этом забывают указать на жизненно важный момент: в этом преимуществе огромную роль играло в р е м я. Не забудем, что общее численное превосходство сил было на стороне союзников: на западном европейском фронте 78 германских дивизий противостояли 82 союзным (71 французской, 5 английским, 6 бельгийским). Оперативное преимущество на правом германском крыле было достигнуто лишь благодаря искусному маневру, основанному на в н е з а п н о с т и, которая состояла в данном случае в непредвиденном французским генеральным штабом размахе и глубине охвата (движение через с е в е р Бельгии) и вводе в боевую линию германских резервных корпусов.

Это был в ы и г р ы ш т е м п а, т. е., иными словами, немцы получили в свое распоряжение время, в течение которого их маневр мог развиваться дальше без достаточно крепкого противодействия союзников. Но это выигранное время было ограничено: ясно, что противник примет контрмеры. Надо, следовательно, н е о с л а б н ы м т е м п о м развивать полученное преимущество, н е д а в а я в р а г у в р е м е н и уравновесить соотношение сил. Решающее значение получал, следовательно, быстрый маневр правого германского крыла. Нам постоянно повторяют шлиффеновскую фразу о том, что это правое крыло должно быть м о щ н ы м, чтобы завершить в о - в р е м я начатый маневр. Но к этому нужно добавить: оно должно было быть также и п о д в и ж н ы м, чтобы этот маневр завершить б ы с т р о.

В том виде, как маневр представлялся самому Шлиффену, предполагалось разделение германского войска на два крыла: левое на востоке с минимумом сил, задача которого состояла в с к о в ы в а н и и находившихся против него сил противника; правое — основная масса, осуществлявшая маневр захождения вокруг Тионвиля. Ц е н т р а, связывавшего эти две части, по сути дела не было.

Директива Мольтке от 27 августа выражала эту тенденцию (разделение на два обособленных крыла) с предельной четкостью. Имела ли она (тенденция) реальную базу? Почему же нет? Если бы на Марне был осуществлен конечный этап маневра захождения, и, овладев Парижем, 5 германских армий стали бы сбивать находившиеся перед ними силы союзников к швейцарской границе, французская армия попала бы в тяжелое положение.

Союзное войско должно было или разорваться на две части, или сгрудиться к восточной крепостной зоне. Не этого ли именно хотел Шлиффен? Можно безошибочно утверждать, что подавленное мощным напором с запада союзное войско неспособно было бы безнаказанно маневрировать. Уйти же целиком на юг оно не успело бы.

Успех шлиффеновского маневра, таким образом, определялся вовсе не равномерным насыщением всего фронта, а зависел от быстроты движения правого крыла, которое должно было обладать и достаточной мощностью. Само собой разумеется, что скорость движения обусловливалась ударной силой массы захождения, достаточной, чтобы быстро преодолеть встречающееся сопротивление. Но при этом забывают об обратной зависимости: мощность правого крыла обусловливалась в свою очередь быстротой его движения. Чем быстрее двигалось правое крыло вперед, тем больше было шансов сохранить выигранный темп, тем меньше оставалось у противника возможностей путем контрманевра достигнуть равновесия на этом решающем фланге сражения.

Две тенденции явно сталкиваются при обсуждении этого вопроса: одна остается на базе маневренной войны, в аспекте которой Шлиффен мыслил осуществить свой план, не заботясь о том, чтобы всюду противопоставить преграду возможному контрманевру противника; другая, предвосхищающая мышление эпохи позиционной войны, основывается на равномерном распределении сил по всему фронту.

Несомненно, у Мольтке проскальзывала эта вторая тенденция, когда он уже в плане стратегического развертывания отступил от шлиффеновского распределения сил между правым и левым крылом. Но эта тенденция была лишь в зародыше. В директиве от 27 августа германское главное командование стремилось обеими ногами стать на почву шлиффеновского замысла. Но соответствовало ли это стремление фактическому положению? Здесь необходимо, хотя бы очень кратко, коснуться результатов пограничного сражения.

2. ПОГРАНИЧНОЕ СРАЖЕНИЕ. ПЕРВЫЙ КРИЗИС ШЛИФФЕНОВСКОГО МАНЕВРА

«Битва на Марне, в целом, есть не что иное, как перевернутое пограничное сражение. Отступательный маневр перенес сражение из Бельгии к Марне и осуществил в то же время полное изменение ситуации. Это изменение не было только материальным [1], стратегическое преимущество также перешло на другую сторону: так же, как во время пограничного сражения, французы, чувствуя опасную угрозу на их левом крыле, бросились, как бы в инстинктивном движении защиты, вперед против германского центра с целью прорвать его, точно так же на Марне, германцы, под давлением опасности со стороны Парижа, ринулись прямо перед собой, чтобы попытаться разорвать французский центр [2]».

[1] Речь идет об изменении численного соотношения сил на решающем западном крыле.

[2] Les A. F. I[3], 23.

Здесь проводится аналогия между двумя крупнейшими и единственными за всю мировую войну сражениями на западноевропейском театре, в которых, действительно, участвовали все силы обеих сторон. Пограничное сражение — предшественник и в известном смысле прообраз Марнской битвы. Оно, однако, гораздо проще и понятнее; поэтому краткий разбор его полезен для уяснения некоторых вопросов, которые в пограничном сражении выявились в более ясной и элементарной форме.

В приведенном выше высказывании подчеркивается вместе с тем и противоположность пограничного сражения и битвы на Марне: оперативно-стратегическое преимущество перешло к другой стороне. Если в начале Марнской битвы выигрыш темпа был у союзников, то в начале пограничного сражения его имели немцы.

Ошибку Мольтке в оценке результатов пограничного сражения до некоторой степени можно объяснить тем, что оно закончилось на всех участках внешней победой немцев. Однако, эта победа скрывала тенденцию, опаснейшую для судеб маневра в целом. Основная особенность пограничного сражения заключалась в том, что вместо единого цельного маневра она представляла собою совокупность разрозненных битв на правом крыле, в центре и на левом фланге германского фронта.

а) Сражение в Лотарингии

(Схема 17)

Шлиффен рассчитывал достигнуть решающего преимущества на правом крыле раньше, чем противник успеет сорганизоваться для отпора. Он учитывал при этом тенденцию французов направить свой удар в восточном и северо-восточном направлениях. Нужна была с их стороны особая прозорливость и смелость, чтобы сдвинуть свое развертывание в Бельгию. Шлиффен имел достаточные основания полагать, что такой смелости у его противника не окажется. Шлиффеновский план был основан поэтому на предпосылке, что сосредоточение главных сил французов будет опираться на мощную крепостную зону. Мало того, Шлиффен вложил в свой план некоторую дозу яда хитрости: пусть французы попытаются наступать в восточном и северо-восточном углу — это даст выигрыш времени для маневра захождения правым плечом. Об этой возможности Шлиффен высказался так:

«Во всяком случае в этом нельзя усмотреть никакой опасности. ...Не изменяя по возможности ни в малейшей части германский оперативный план, во всем остальном необходимо обеспечить нижнее течение Мозеля, пространство между Мозелем и Маасом преградить на высоте Диденгофена [1]. Если французы направятся через Верхний Рейн,

[1] Тионвиль.

им нужно организовать сопротивление в Шварцвальде. Подвезенные из тыла войска необходимо сосредоточить на Майне и Иллере».

Итак, Шлиффен считался с потерей Эльзаса и Лотарингии. Чем глубже засовывали французы свою голову в западню, тем выгоднее казалось это Шлиффену с точки зрения успеха оперативного плана в целом. Если бы французы направились через Эльзас и Лотарингию главными своими силами, Шлиффен считал наиболее целесообразным склонить силы своего правого крыла немедля же прямо на юг (а не на юго-запад), отрезая французов от столицы и нанося им удары в тыл. Основной замысел был бы осуществлен в упрощенной форме.

Но Шлиффен мало рассчитывал на подобный оборот событий. Сосредоточение германских армий заканчивалось на 13-й—17-й день мобилизации. Если бы предположить, что французы могли двинуться внутрь Эльзаса и Лотарингии на 10-й день мобилизации, то им потребовалось бы минимум еще 10 дней, чтобы достигнуть Рейна и Нижнего Мозеля. Разумеется, здесь искусственно принят во внимание исключительно благоприятный для французов ход событий. Но в это время развертывание германских сил было бы закончено, и указанный поворот на юг решил бы судьбу операции.

Разумеется, французы, которые знали, хотя и не точно, о движении германцев в обход через Бельгию, не дали бы себя провести так просто и неизбежно должны были выделить крупные силы для отражения угрозы с севера. Движение французов в Эльзас и Лотарингию можно было при таких условиях расценивать как одну из форм общего противодействия с их стороны выполнению плана противника. Так оно в действительности и произошло.

Иначе подошел к вопросу Мольтке. Соотношение сил в пользу правого крыла, установленное Шлиффеном (1 : 7), казалось ему чрезмерно рискованным, и он изменил его в пользу левого крыла, установив соотношение 1 : 3. Здесь заключалось уже коренное изменение основной идеи шлиффеновского плана. Левому флангу ставилась тем самым задача — не пускать французов вглубь. Поскольку эта задача не выходила за рамки простого сковывания противника, в ней не заключалось еще непосредственной опасности для хода операции на всем фронте, так как, пригвожденные к правому своему флангу, французы были бы обойдены с запада. Гораздо опаснее, если бы французы начали передвижку своих сил с правого фланга на левый (что, как известно, впоследствии и произошло), уклоняясь от каких-либо серьезных операций в Эльзасе и Лотарингии. Наличие мощных рубежей обороны позволило бы им удерживаться со слабыми силами, подготовляя отпор в центре и на своем левом фланге.

Различие между Шлиффеном и Мольтке заключалось не только в измененном распределении сил. Как это ни странно, но, увеличивая свои силы на восточном секторе, Мольтке резко уменьшал свои шансы *сковать* здесь противника: элемент шлиффеновской хитрости вы-

падал из игры. Столкнувшись с крупными силами противника, французы прекращали наступление на восток, а перейдя к обороне, смогли бы начать переброску на запад. Буквально так и случилось в действительном ходе событий.

Первоначально Мольтке намечал для 6-й и 7-й германских армий защиту левого фланга фронта захождения вокруг Мец—Диденгофен; эти армии должны были сковать противника и предупредить передвижку его сил в западном направлении; в случае наступления превосходных сил противника, они должны были отходить, непрерывно следя за тем, чтобы не создалась угроза левому флангу заходящего крыла; однако, в случае наличия слабых сил противника, допускалась возможность контрудара через Мец и южнее на левый берег Мозеля.

В действительности оказалось, что силы противников в этом районе приблизительно были равны: на немецкой стороне — 8 арм. корпусов, 3 эрзац. дивизии, 3 кав. дивизии против 7 арм. корпусов, 3 рез. дивизий, 1 колониальной бригады и 3 кав. дивизий на французской стороне. Располагая столь значительными силами, командующий 6-й армией кронпринц баварский Рупрехт, которому в оперативном отношении была подчинена также и 7-я армия, был полон наступательного духа. Наступление он рассчитывал вести с занятой им оборонительной позиции: Дельм (Delme) — Шато-Сален (Château-Salins) — Бламон (Blâmont) — Сирей (Sirey) против линии рр. Мозель и Мёрт (Meurthe). 11 августа кронпринц баварский запросил мнение германского главного командования, которое сообщило, что предполагаемое наступление не соответствует его видам. 14 августа, получив сведения о скоплении крупных французских сил в Эльзасе и Лотарингии, Мольтке приказал 6-й армии отступить на Верхний Саар. Заняв линию: франц. Нид (Nied) — Баронвейлер (Baronweiler) — Родальбен (Rodalben) — Бургальтдорф (Burgaltdorf)—Кутинген (Kuttingen)—Саарбург (Saarburg) — Лютцельбург (Lützelburg), командующий 6-й армией не оставил мысли о наступлении и стал стягивать силы 7-й армии на свой левый фланг. Между тем 14 августа 2-я французская армия перешла в наступление, которое велось «методично», т. е. крайне медленно и осторожно, выйдя к 20 августа на фронт Шато-Сален (Château-Salins) — Дьез (Dieuse) — Саарбург (Saarburg); наступавшая южнее 1-я французская армия заняла Саарбург и захватила важный пункт — гору Донон. 18 августа германское главное командование сообщило командованию 6-й армии о начавшемся захождении правого крыла; на 6-ю и 7-ю армии попрежнему возлагалась защита его левого фланга; им предлагалось: «продолжать отступать в направлении р. Саар и Нижних Вогез, чтобы затем решительно атаковать противника, зарвавшегося в мешок между рр. Саар и Нид. Следует остерегаться начать атаку с занимаемых теперь позиций (при входе в мешок), так как близость пригpаничных укреплений на французской границе помешала бы использованию успеха».

Однако, когда эта директива прибыла к кронпринцу баварскому, им был уже отдан приказ о наступлении. По словам Рейхсархива, командующий 6-й армией «вовсе не считал вероятным, что противник, опустя голову, полезет в мешок», и он решил убить зверя еще до того, как тот попался в западню. 6-я армия должна была ударить по французам с фронта, а 7-я обойти его через Верхние Вогезы с выходом на тылы. О своих планах он тотчас сообщил в главную квартиру; Мольтке ответил уклончиво, и наступление началось. 2-я французская армия была смята; огонь германской артиллерии причинил ей большие потери, и ген. Кастельно приказал отступать. Но наступление 7-й армии в Вогезах в чрезвычайно трудных условиях горной местности было задержано частями 1-й французской армии, занявшей горные проходы. Тогда кронпринц баварский приказывает 6-й армии склониться на юг, чтобы отрезать французские силы, застрявшие в Вогезах. Однако, и 1-й французской армии удается ускользнуть. Германское главное командование не только утверждает решение кронпринца о движении к югу, но 23 августа отдает приказ преследовать противника, считая на основании данных общей обстановки, что французы «отступят еще в ближайшую ночь». В директиве от 27 августа (см. выше) 6-й и 7-й армиям предлагается прорваться между Тулем и Эпиналем, наступать в направлении на Нефшато; осадить Туль и Нанси; прикрыться против Эпиналя. Однако, теперь французы опираются на зону своих крепостных укреплений, и германское наступление после кровопролитных боев замирает на линии Гран-Куроне (восточнее Нанси) вдоль рр. Мёрты и Мортань (La Mortagne) — Сен-Дие.

В лотарингской битве немцы одержали крупную тактическую победу, но стратегически операция им не удалась. Эта неудача оказалась, однако, гораздо значительней, чем могло показаться с первого взгляда. Мольтке, как мы видели, санкционировал действия кронпринца баварского, который, вместо выполнения задачи, возложенной на него,— защиты левого фланга фронта захождения, перешел в наступление, вынудив французов перейти к обороне на линии крепостных укреплений. В масштабе маневра в целом это означало **выигрыш времени** союзниками для переброски сил на левый свой фланг. Для немцев же действия в Эльзасе и Лотарингии означали **потерю темпа** в выполнении главного своего маневра [1].

[1] Куль в рецензии на книгу „Entscheidung in Lothringen 1914" von Hermann Gackenholz, Berlin, 1933 (рецензия помещена в „Militär-Wochenblatt", 1933, № 15), пишет: „Граф Шлиффен хотел только одного: мощного охвата с севера. Мольтке стремился сразу к двум целям: кроме движения войска через Бельгию и Северную Францию, значительно усиленное левое крыло войска должно было нанести решающий удар наступающему, как предполагалось, правому французскому крылу". Гакенгольц делает вывод, что „тем самым Мольтке на западном фронте стремился в основном приспособиться к образу действий противника". Раздваивая план Шлиффена, Мольтке уже этим проигрывал в мощности маневра

б) Сражение в Арденнах

Маневр захождения пяти германских армий вокруг Мец—Диденгофен представлял собой операцию исключительно деликатного свойства. Как мы уже указывали, эти пять армий должны были, по мысли Шлиффена, образовать единый фронт, движущийся в юго-западном направлении, сметая на своем пути всякое сопротивление противника. Априори уже можно было указать на одну важнейшую трудность, вытекавшую из самой сути маневра: *каждая из пяти армий в момент захождения должна была двигаться с разной скоростью*; 1-й армии предстояло пройти наибольшее расстояние, и потому движение должно было происходить с *максимальной скоростью*; напротив, 5-й армии в это время предстояло несколько повернуться правым своим флангом, как бы обозначая левым шаг на месте; скорость ее движения была бы, следовательно, *минимальной*. Но это — самый элементарный расчет. Во-первых, марш совершался не на плацу, а на обширном пространстве, местность которого представляла крупные различия: на восточном секторе предстояло перейти Арденны, дальше к югу находились Аргонны; сверх того, речная преграда Мааса и других рек; к западу простиралась, напротив, открытая местность, пересеченная лишь речными преградами. Во-вторых, оставались неясными намерения противника, где его силы, какие меры противодействия он предпринимает. Шлиффеновский план строился на гипотезе, что силы французов будут сдвинуты к востоку: следовательно, и по условиям местности, и по предположительной оценке стратегического развертывания противника следовало ожидать наибольшей свободы движения именно для правофланговых армий. На этом базировался весь шлиффеновский замысел. В самой основе его лежало *быстрейшее продвижение крайнего правого фланга* с учетом неизбежной задержки движения левого. В приграничном сражении произошло как раз *обратное*.

Мольтке в разговоре по телефону 21 августа напомнил командующему 5-й армией, кронпринцу германскому, что «его армия, чтобы остаться в генеральном плане операций, должна обороняться, но не атаковать... предоставив противнику самому *влезть* в тиски». Мольтке имел в виду, очевидно, что, продвигаясь в центре, французы тем самым облегчали задачу охвата их правого крыла. Но как далеко

правым крылом, а также в *темпе* его осуществления. *Ждать*, что станет делать противник, это значит упускать благоприятный момент, терять драгоценное время, выигранное внезапностью маневра. Потеря темпа, вызванная операциями немцев в Эльзас-Лотарингии, явилась одной из важнейших причин, приведших к перемещению центра тяжести с флангового маневра правого крыла на фронтальное наступление центра и левого крыла, о чем говорится у нас в дальнейшем изложении.

можно было пустить их вперед? Проблема представлялась исключительно противоречивой.

Захождение пяти германских армий, как уже было упомянуто, началось 18 августа. К вечеру 21 августа 5-я армия находилась по обе стороны Лонгви (Longwy), растянувшись на фронте в 45 км. 4-я армия была разбросана на фронте в 50 км от Нефшато до Живе; правый фланг ее, таким образом, был выдвинут далеко на запад; промежутки между отдельными корпусами составляли около 15 км. До сих пор серьезных встреч с противником не было. Однако, перспектива такой встречи весьма серьезно волновала командование обеих армий, так как трудно было представить себе, как могли реагировать на серьезную атаку сомкнутой массы противника армии, разбросанные на пространстве 100 км, занимавшие к тому же облическую линию, каждый пункт которой был подвержен фланговому удару. В 5-й армии было известно, что передовые посты французов находятся по р. Шьер (La Chiers) и Крюн (La Crusne) на линии Монмеди—Лонгийон (Longuyon) — Мерси-ле-Ба (Mercy le Bas). Авиационная разведка 4-й армии констатировала наличие французских частей к северу от Мааса и Шьер, севернее линии Мезьер—Монмеди. Что замышлял противник и как следовало реагировать на его действия?

В этой крайне неопределенной обстановке кронпринц выносит 21 августа решение немедленно же атаковать противника, находящегося между рр. Шьер и Крюн. Главному командованию это решение было сообщено в невинной форме, как желание обеспечить лучшую связь с Тионвилем; Мольтке апробировал его. В действительности же приказ кронпринца предусматривал поворот фронта движения всей армии к югу, что немедленно же создавало разрыв с 4-й армией в районе Флоренвиля (Florenville).

Командующий 4-й армией был вынужден приказать 6-му корпусу склонить свое движение резко к югу в район Тентиньи (Tintigny).

По французскому плану XVII было предвидено контрнаступление против германских сил, движущихся через Люксембург в направлении Седан—Нефшато. Несмотря на то, что в этот момент уже выяснилась опасность глубокого охвата левого крыла, Жоффр, предпринимая меры к усилению этого последнего, одновременно решает 20 августа, что указанное наступление в центре явится лучшим средством задержать также силы противника, движущиеся через центральную Бельгию, и будет угрожать их флангу и тылу.

В инструкции № 13 от 18 августа говорилось: «Левое крыло прямо противодействует этому движению (германского правого крыла между Живе и Антверпеном), стремясь обойти противника с севера. В это время центр должен атаковать центр противника с целью разбить его. Достигнув этого результата,— 4-я армия должна двинуться тотчас же против левого фланга противника. Враг должен быть атакован всюду, где его встретят».

4-я армия получила направление на Нефшато, т. е. к северо-востоку, однако, ей давалась задача «прижать к Маасу между Динаном — Намюр и р. Урт все силы противника, которые находятся в этом районе»; направление указывалось, таким образом, прямо к северу. 3-я армия должна была наступать в направлении к Арлону (Arlon). Ввиду полной неопределенности обстановки, корпуса обеих армий должны были двигаться уступами по нисходящей лестнице, чтобы быть готовыми вести сражение лицом к северу или к востоку. Но, чтобы выйти на открытые пространства Бельгии и Люксембурга, необходимо было пройти густые Арденнские леса, которые пересечены недостаточным для движения таких масс числом дорог. Продвижение совершалось медленно, войска скрещивались на дорогах, чему способствовала также неясная ориентировка наступления 4-й армии.

В результате наступательных планов обеих сторон, 22 августа разыгрался встречный бой на широком фронте, в котором участвовали по две армии с каждой стороны.

Тактически французы потерпели полное поражение. В районе Лонгви 5 корпусов 5-й германской армии столкнулись с тремя корпусами 3-й французской армии. Разгоревшиеся внезапно, из-за густого тумана, бои носили крайне ожесточенный характер. Германская тяжелая артиллерия одержала верх над французской артиллерией, которую в большинстве случаев даже не успели ввести в бой. Французская пехота понесла громадные потери, атакуя без поддержки артиллерии.

5 корпусов 4-й французской армии двинулись в уступном порядке через Арденнский лес с целью выхода на равнину Нефшато.

4-я германская армия, разбросанная на пространстве между Лонгви и Живе, в связи с наступлением 5-й армии, стала стягиваться к своему левому флангу. 6-й корпус двинулся прямо на юг в направлении к Тентиньи. 18-й рез. корпус получил также приказ двинуться к югу от Нефшато, прикрывая правый фланг 6-го корпуса. Такой же приказ получили 18-й и 8-й рез. корпуса. Крайний правофланговый 8-й корпус также в течение дня передвинулся к югу, хотя и не успел прибыть к месту сражения. Таким образом, 4-я армия, сильно отрываясь от 3-й и резко склоняясь к югу, своей основной массой повисла южнее Нефшато, на фланге движущихся севернее германских корпусов.

Французские части были атакованы внезапно немцами при прохождении через густой Арденнский лес. Часть колониального корпуса была отрезана в Россиньоль (Rossignol), сдалась в плен в составе трех генералов, 2 600 солдат и 39 орудий. Также почти целиком попала в плен в районе Ошамп (Ochamps) 33-я дивизия 17-го корпуса вместе с див. артиллерией; 34-я дивизия, которой див. артиллерия не смогла оказать никакой поддержки, в панике отступила в район Флоренвиля.

Командующий 4-й армией ген. де-Лангль доносит Жоффру о результатах операции в следующих выражениях: «Все корпуса ввязались

в бой с малоудовлетворительными результатами в целом и серьезной неудачей у Тентиньи (Россиньоль) и у Ошамп. Успехи, одержанные у Мессен (11-й корпус) и у Сен-Медар (12-й корпус), не могут быть удержаны».

Французский генерал, несомненно, проявил чрезмерную скромность в оценке размеров своего поражения. В действительности войска были совершенно небоеспособны. Единственным выходом являлся немедленный отход за линию р. Шьер и Маас. Между 6 и 8 часами 23 августа Лангль доносит об этом Жоффру, прося утвердить отступление. Жоффр в своем ответе дал поразительно неверную оценку сил противника (уже после сражения): «Совокупность собранных данных говорит, что перед вашим фронтом (т. е. перед фронтом 4-й армии) имеется только около (!) трех корпусов. Поэтому вам необходимо возобновить наступление как можно скорее». Французское главное командование не знало до сих пор, что на фронте 4-й и 3-й армий сражаются 8-й, 18-й, 5-й и 6-й германские рез. корпуса, т. е. из 10 оно не знало о 4 корпусах. Директива о наступлении 4-й армии не могла быть выполнена, и она продолжала свой отход на вышеуказанную позицию.

4-й германской армии предоставлялась возможность блестяще завершить свой успех, достигнутый накануне. 8-й корпус получил приказ двигаться на Мезьер, чтобы окружить французские части, еще продолжавшие сражаться на равнине Нефшато. Левое крыло должно было быстро продвинуться к западу, через прогалину Флоренвиля, чтобы отрезать французские силы, еще находившиеся в Арденнском лесу. Однако, из этого плана ничего не вышло в силу крайней усталости войск. Кроме того, французам удалось использовать две оставшихся еще свежих дивизии, чтобы задержать движение противника на флангах. На левом германском фланге 6-й корпус продвинулся в прогалине Флоранвилль лишь на 2 км, 8-й корпус — на 6 км. В центре, напротив, продвижение совершалось более энергично; 18-й рез. корпус продвинулся на 15 км. Окружить французские силы в Арденнском лесу не удалось.

Кронпринц германский, получив сообщение о победах, одержанных его соседом, пытался еще раз схватить в объятия ускользающую от него богиню победы. Мольтке окончательно передал ему в руки бразды управления операцией. «5-я армия имеет свободу движения. Маневр, который нужно осуществить: отбросить врага к северу от Вердена, в направлении к западу (Разрядка наша. — М. Г.). Перед 4-й армией несколько корпусов французских армий ведут бой на линии Грэд (Graide), Нефшато, Тентиньи. Правое крыло германского расположения быстро продвигается в направлении на юг». В соответствии с этим кронпринц отдал приказ преследовать противника, «который отступает в полном беспорядке», и «превратить вчерашнее поражение в полный разгром». Однако, и здесь усталые германские части не могли серьезно продвинуться вперед. Левое крыло — 16-й корпус—

и вовсе протопталось на месте, испугавшись мифического сосредоточения крупных французских сил между Спэнкуром и Этен.

В итоге французские армии центра, выбросившиеся к северу и откатившиеся назад, не были разгромлены. Германские армии не были способны их преследовать. Между тем произошли крайне серьезные изменения во всей конфигурации фронта. Германский центр выпятился к югу. Вместо того чтобы, по мысли Шлиффена, отсчитывать шаг на месте, равняясь по правому флангу, он стремительно бросился вперед. Отсюда произошли крайне серьезные последствия.

1. Правое германское крыло осталось оттянутым назад. В районе Живе образовался разрыв между центром и правым германским крылом. Правофланговый в 4-й армии 8-й корпус, получивший приказ возможно быстрее двигаться на юг, к Мезьеру, оставил для связи с 3-й армией один батальон(!).

2. По директиве Мольтке, германские армии центра гнали противника к западу, тогда как Шлиффен настойчиво твердил, что важно ввязывать их максимально больше к востоку. Теперь сами немцы помогали Жоффру консолидировать его левое крыло, нанося своими руками удар своему плану.

В германском стратегическом расположении образовался теперь выпяченный к югу и сдвинутый к востоку центр, сыгравший роковую роль в исходе всего маневра.

в) Шарлеруа

Задача правого германского крыла (1-я, 2-я, 3-я армии), казалось, была стратегически наиболее ясна: двигаться с максимальной быстротой в южном направлении, стремясь обойти левый фланг французов. Первые трудности были преодолены, казалось, благополучно: бельгийская армия потерпела поражение, отойдя к Антверпену; 3 армии правого крыла приближались к французской границе.

Форсировав Маас между Льежем и голландской границей, 1-я и 2-я армии двигались в западном направлении и затем резко склонились на юг. Следовало ли при этом двигаться по прямой в южном направлении, или скорее в юго-западном по дуге гигантской арки, которую описали в своем движении армии правого фланга?

Французский план XVII предусматривал вторжение немцев через Люксембург в направлении Нефшато—Седан. 15 августа бельгийский генеральный штаб сообщил, что 200 000 немцев перешли Маас между Льежем и голландской границей. Германский замысел стал все более выясняться. В инструкции № 10 от 15 августа сообщалось: «Кажется, что враг главный удар наносит своим правым крылом к северу от Живе». Германскому маневру Жоффр противопоставлял контрнаступление 3-й и 4-й армий в центре. Одновременно 5-я армия получила приказ двигаться к северу в район между Самброй и Маасом. Всего на

севере, считая силы этих трех армий, а также английской и бельгийской, Жоффр располагал 15 корпусами, 9 рез. дивизиями и 7 кав. дивизиями. Он рассчитывал здесь иметь численный перевес. «Германские силы, соединенные вокруг Тионвиля, в Люксембурге и в Бельгии, кажется, составляют всего 13—15 корпусов и 6—7 кав. дивизий» (инструкция № 13 от 18 августа). В действительности же здесь было 16 активных и 10 резервных корпусов, т. е. почти вдвое больше.

20 августа 2-я германская армия подошла к р. Самбра; 1-я армия находилась правее, несколько позади; 3-я армия подошла к Маасу, между Живе и Намюр. В углу, образуемом Самброй и Маасом, находилась 5-я французская армия, состоявшая из 5 арм. корпусов, 3 рез. дивизий, 1 кав. корпуса; она занимала участок в 50 км вдоль течения р. Самбра, фронтом на север; правый фланг ее был повернут к востоку, по течению р. Маас, между Намюр и Живе. Английская армия, состоявшая из двух арм. корпусов и одной кав. дивизии, подходила к левому флангу 5-й армии.

Директива Мольтке от 20 августа гласила:

«1-й и 2-й армиям выровняться на линии, достигнутой 20 августа, прикрываясь со стороны Антверпена. Атака Намюра должна быть начата возможно скорее. Предстоящая атака против врага к западу от Мааса должна быть связана с атакой 3-й армии на р. Маас, между Намюром и Живе. Командующие армиями должны согласовать свои действия».

Согласно этой директиве, 2-я германская армия должна была выждать подхода 1-й армии, чтобы выровнять фронт и атаковать 5-ю французскую армию совместно с 3-й, которая еще только подходила к Маасу.

22 августа 1-я германская армия все еще не примкнула к фронту 2-й армии; она получила приказ склониться левее, чтобы поддержать эту последнюю в атаке против 5-й французской армии. Но при этом упускалась из виду английская армия, которая, по данным германского главного командования, должна была находиться в Лилле. Только в полдень было выяснено присутствие англичан в районе Монса. Командующий 1-й армией Клук, учитывая возможность встречи с английской армией, намеревался продолжать свой марш в направлении к юго-западу, чтобы быть готовым принять сражение фронтом к западу, востоку или югу, но получил подтверждение первоначального приказа. По выяснении местоположения англичан Клук намеревался охватить их левый фланг. Между тем, командующий 2-й германской армией Бюлов отдал своей армии приказ немедленно же атаковать французов по ту сторону Самбры, получив от авиации сведения, что перед ним находятся лишь слабые силы противника. На переправах через Самбру начались бои, в результате которых части

2-й армии стали переходить на правый берег реки и продвигаться вперед, оттесняя французов к югу.

Таким образом, ведущая роль в операциях правого крыла германской армии перешла теперь ко 2-й армии. Соответствовало ли это основной идее маневра? По этому вопросу на другой день, 23 августа, возникла дискуссия между командующими 1-й и 2-й армиями. Клук обратился к главному командованию, считая, что подчинение 2-й армии прекращается после перехода Самбры. «Нам кажется, — писал он, — чрезвычайно важным стремиться к охвату левого крыла англичан, совершая широкое движение к западу, в особенности правым крылом армии... Свободная в своей инициативе 1-я армия смогла бы, без сомнения, охватить и зажать англичан, отделить их от Мобежа, отбрасывая на французскую армию, и выйти в тыл этой последней». Клуку было подтверждено подчинение командующему 2-й армией, и ему оставалось добиваться одобрения своих намерений со стороны последнего. Через офицера генерального штаба, посланного к Бюлову, Клук следующим образом излагал свою позицию: «То, что должно быть на первом месте, — это забота не отвлекать 1-ю армию от ее задачи окружения левого крыла противника, т. е. англичан». Однако, Бюлов не согласился с этими доводами, требуя, чтобы 1-я армия примкнула к его правому флангу. «Большой маневр стратегического охвата — задача 1-й армии — на время потерпел крах», — пишет по этому поводу Рейхсархив.

3-я армия не смогла достаточно быстро форсировать Маас, и в результате 5-я французская армия, узнав о поражении 4-й, успела вырваться из окружения.

23 августа Клук вместо выполнения своего замысла — охвата левого крыла англичан — вынужден был атаковать их с фронта по обе стороны Монса. Каналы, пересекавшие местность, дали англичанам возможность организовать довольно упорное сопротивление. Части 4-го корпуса были встречены пулеметным огнем на канале, западнее Сен-Гислена, и залегли, не поднявшись до наступления ночи. Крайний правофланговый 2-й корпус двигался на уступе — 30 км позади; 4-й рез. корпус находился на 35 км позади. Клук рассчитывал еще на движение своего правого фланга к юго-западу, чтобы обойти англичан с тыла. Кав. корпус Марвица быстрым маршем должен был войти в район Денен. Эти мечты были разбиты действительностью следующего дня. К 15 часам 24 августа англичане стали отходить. Германские корпуса двигались медленно. 4-й корпус 24 августа, например, делал всего лишь по 1 км в час; 2-й корпус, имевший задачей опередить англичан и отрезать им отступление, после перехода в 40 км достиг Кондэ, но он все еще был в 10 км позади линии фронта; 4-й рез. корпус находился в 30 км позади кав. корпуса, который, совершив максимально возможный переход, совершенно измотанный, добрался до Мартьенн, на фланге 1-й армии, но до ты-

лов английской армии было еще далеко. Англичане также выскользнули из окружения.

Но по крайней мере путь движения трем правофланговым армиям был теперь открыт. Успех всего германского маневра не был еще скомпрометирован на решающем участке. Напротив, конечная победа теперь становилась реально обоснованной и отчетливо ощутимой. Тем не менее в приграничном сражении германское главное командование получило ряд тревожных сигналов, которые не были им услышаны. Со всей отчетливостью наметился сдвиг центра маневра к востоку, а это было началом потери темпа, началом, отнюдь еще не решающим, но содержавшим опасную тенденцию.

Приграничное сражение — предтеча Марны.

3. БИТВА НА МААСЕ

(Схема 2)

После окончания пограничного сражения 3 германских армии уже находились западнее Мааса: 1-я, 2-я и 3-я. Охватывающее движение их неизбежно вынуждало к отходу рано или поздно 4-ю и 3-ю французские армии, прикрывавшие переправы через Маас южнее Мезьера. Если же эти армии упорно стремились бы удержаться на берегах Мааса, то этим союзники оказали бы, по выражению Шлиффена, «любезную услугу» германскому наступлению, дав возможность себя окружить. Задача 4-й и 5-й германских армий в плане шлиффеновского маневра состояла, казалось бы, в том, чтобы задержать французские армии на Маасе. Связь с 3-й армией могла быть легко установлена путем форсирования Мааса севернее Мезьера, где переправы охранялись лишь слабыми силами французов. Переправившись здесь, силами своего правого фланга 4-я германская армия легко могла бы вынудить к отходу части 4-й французской армии в районе Седана, после чего переход через Маас был бы обеспечен и прочим корпусам 4-й германской армии.

Но командующий армией герцог Альбрехт принял диаметрально противоположное решение и в течение четырех дней (с 25 по 29 августа) Маасского сражения с громадным упорством проводил его в жизнь, при прямом попустительстве германского главного командования. Он жаждет сразиться с врагами и поворачивается лицом к лицу к ним. Оставляя без всякого внимания район севернее Мезьера, где его ждали лишь технические проблемы переправы через Маас, он оттягивает свой правый фланг в район Седана, куда отступают французы, и стремится добить врага, который ускользнул от него в битве в Арденнах (пограничное сражение).

23 августа командующий 4-й армией, преследуя отступающих французов, дает в 16 ч. 45 м. приказ, ориентирующий правый фланг — 8-й корпус — на Мезьер (Méziers) и левый фланг — 6-й корпус — на Маргю (Margut) 8 км юго-восточнее Кариньяна (Carignan).

24 утром он получает сведения (оказавшиеся неправильными), что 4-я французская армия, отступая к югу, оставила на Маасе и р. Шьер лишь слабые арьергарды. Приказ в 10 час. утра подтверждает направление 8-го корпуса на Шарлевиль (Charleville) и западнее, 8-й же рез. корпус получает задачу овладеть Седаном и переправами западнее от него. Прочие корпуса должны форсировать р. Шьер и, поворачиваясь к юго-западу, р. Маас. 25 августа герцог Альбрехт, узнав, что Шарлевиль удерживается лишь слабыми отрядами (это, казалось бы, должно было побудить его к скорейшему овладению переправой именно здесь), но что в районе Седана следует ждать серьезного сопротивления; отдает в 8 час. утра приказ 8-му корпусу резко склониться к югу, выходя к Маасу в районе Вринь-на-Маасе (Vrigne-sur-Meuse) — Глэр (Glaire). Таким образом, переправа в районе Мезьера отклоняется окончательно, и командующий 4-й армией решает форсировать Маас в районе Седана. Это является, как увидим, решением, чреватым последствиями для исхода всего маневра германских армий.

После подхода утром 25 августа к Седану части 8-го рез. корпуса ввязываются в тяжелый уличный бой. Германская пехота не может продвинуться под пулеметным огнем. 8-й корпус, получив приказ о движении к Седану, не может выполнить его из-за усталости пехоты и конницы (лошади 59-го арт. полка не расседлывались в течение 65 час. и получали корм, транспортировавшийся на зарядных ящиках, так как обозы не поспевали). 18-й корпус откладывает форсирование реки Шьер на 24 часа. Другие корпуса подвигаются слишком медленно, и назначенные им объекты не были достигнуты. День (25 августа) пропадает, таким образом, даром. Это едва ли, однако, следует отнести на долю пехоты, крайне утомленной маршами и неспособной лететь по воздуху, как этого хотелось бы командованию 4-й армией.

С французской стороны 52-я рез. дивизия занимала Мезьер, 60-я рез. дивизия растянулась по левому берегу Мааса до Флиза. Оборона выступа, создаваемого течением реки у Седана, была поручена 11-му корпусу. 21-я дивизия должна была укрепиться на высотах левого берега к востоку от Нуайер (Noyers) и югу от Эйликура (Aillicourt); командир корпуса приказал врыть в землю пулеметные гнезда и построить проволочные заграждения. Одна бригада (41-я) должна занять первую линию при поддержке шести дивизионов артиллерии; другая бригада (42-я) располагалась во второй линии, однако, она должна была выдвинуть свои пулеметы в первую линию. 22-я дивизия имела задачей непосредственную оборону Седана и переправы через Маас. Вторая линия состояла из окопов, по склонам, ниспадающим от Френуа (Frénois) к Маасу. 43-я бригада должна была защищать линию Ваделенкур (Wadelincourt) — Торси (Torcy). 44-я Седан — Френуа; для поддержки выделялось 4 дивизиона артиллерии.

Однако, прежде чем были закончены работы по укреплению местности, подошел 8-й германский корпус, и работы производились уже под артиллерийским огнем. В итоге бой пришлось принять, когда имелись только прерывающиеся линии неглубоких окопов, а части были вконец измотаны неделей непрерывных маршей. Связь на этой изборожденной холмами, лесами и оврагами местности была налажена плохо. «Части не имеют отдыха, снабжение затруднительно»,— доносил командир 11-го корпуса штабу 4-й французской армии 25 августа в 18 час. Прочие корпуса отходили от р. Шьер на линию Мааса.

По этому расположению французских частей видно, что полуостров Иж (Iges), образуемый петлей течения р. Маас к югу от Седана, остался незанятым ими. Именно здесь, у дер. Сен-Манж (Saint-Menges), утром 26 августа, пользуясь густым туманом, части 15-й дивизии 8-го германского корпуса наводят мост, переправляются на западный берег Мааса и быстро распространяются к югу, обрушиваясь на фронт 21-й французской дивизии, который распадается под огнем германских гаубиц и ударами германской пехоты. Одновременно 16-я германская дивизия переправляется на левый берег Мааса со стороны Доншери (Donchery), использовав плохо разрушенный железнодорожный мост. 15-я рез. дивизия (8-й рез. корпус) подходит к реке у Глэра, но, встреченная пулеметным огнем с левого берега, вынуждена залечь и начать окапывание. Командир корпуса отдает 16-й рез. дивизии приказ перейти севернее к мосту у Сен-Манж, чтобы начать переправу в этом месте. Таким образом, 8-й корпус на левом берегу реки временно остался предоставленным своим собственным силам. Части 11-го французского корпуса отошли на линию Гарокур (Haraucourt) — Бюльсон (Bulson).

К югу от Мааса завязываются упорные бои. Командир 8-го германского корпуса, считая, что «враг разбит по всей линии», приказывает «преследовать, невзирая на силы людей и лошадей» (характерное выражение для германского командования той эпохи). Артиллерия галопом проходит по мостам, спеша на поддержку пехоте. Но силы людей оказываются ограниченными. Наступление 15-й дивизии идет крайне медленно. Заняв к 14 час. лес Ла-Марфэ (le bois de la Marfée), ее части не могут пробиться за опушку под огнем французских орудий. Севернее Шевёжа (Cheveuges) они даже вынуждены податься назад. Наступающая западнее 16-я дивизия попадает в еще более тяжелое положение. Части ее перемешаны; артиллерия, оставшаяся на северном берегу реки, не имея хороших наблюдательных пунктов и не будучи в состоянии различать своих и чужих, в середине дня вынуждена прекратить огонь. Отряды пехоты бродят по изрезанной местности и, растратив патроны, отходят назад, в поисках своих частей. По просьбе командира 16-й дивизии, ему посылаются на помощь 2 батареи 59-го арт. полка. Но, прибыв на место, эти последние не могут найти пехотного командира, который

был бы в состоянии ориентировать их в обстановке. В 13 час. у Доншери наводятся 2 понтонных моста через Маас. Командир 16-й дивизии немедленно начинает переброску на левый берег обозов и артиллерии. Это совершается в большом беспорядке. Во второй половине дня переправляется, наконец, на левый берег 8-й рез. корпус: 16-я рез. дивизия у Сен-Манж, 15-я рез. у Глэр, где удалось навести мост. После перехода 16-я рез. дивизия развертывается на линии Ваделенкур — Пон-Можи (Pont-Maugis) фронтом к юго-западу. Между тем под огнем французской артиллерии и контратак французских частей положение 16-й дивизии (8-й корпус) становится все более тяжелым; в силу этого она передвигается восточнее, в районе Френуа; 15-я дивизия отводится на вторую линию — полуостров Иж. Измотанные солдаты, без пищи, в темноте передвигаются по незнакомой местности, ночуют на голой земле под проливным дождем. Нагромождение частей на полуострове и на переправах приводит к закупорке движения и беспорядочному смешению частей. «Царит безнадежное смятение...— рассказывает история 8-го кирасирского полка.— В Сен-Манж движение повозок напоминало ад; колонны закупоривались в беспорядке...» Таким образом, немцам удалось удержать за собой тет-депон на левом берегу Мааса, но положение переброшенных частей становилось все более опасным. Между тем левофланговые корпуса не особенно спешили: 18-му корпусу удалось без помехи форсировать р. Шьер, но на берегу Мааса он вынужден был остановиться, убедившись, что без артиллерийской подготовки навести через реку мост невозможно. 18-й рез. корпус достигает Во (Vaux) на правом берегу Мааса; 6-й корпус доходит до Мааса; в ночь на 27 августа 21-й бригаде удается переправиться через реку у Мартенкур (Martincourt). Таким образом, левофланговые корпуса не оказали в этот день активной помощи 8-му и 8-му рез. корпусам и дали время французам беспрепятственно занять левый берег Мааса. 17-й французский корпус уже 26 августа смог часть своих сил выдвинуть на участок Гарокур (Haraucourt) — лес Теллон (Thélonne). Остальные французские корпуса расположились по Маасу вплоть до Стенея.

На 27 августа герцог Вюртембергский отдает приказ 8-му армейскому и резервному корпусам «быстро утвердиться на высотах западнее Седана», а прочим корпусам форсировать Маас и выдвинуться на линию Гарокур (Haraucourt) — Рокур (Raucourt) — Йонк (Ioncq) — Безас (Besace) — Бофор (Beaufort). В свою очередь, ген. де-Лангль предписывает своим корпусам дать решительное сражение и отбросить немцев за Маас. В действительности 8-й германский корпус, измотанный событиями предшествовавшего дня и вынужденный снова тратить время на передвижения (15-я дивизия и артиллерия), не проявляет никакой серьезной активности в этот день. Французская 60-я рез. дивизия, занимающая линию р. Бар (La-Bar), и 22-я дивизия, южнее Шевёжа, также остаются пассивно на своих местах. Ожесточенный

бой завязывается, однако, на фронте 8-го рез. корпуса, где 21-я французская дивизия завладела было дер. Нуайе (у германцев нехватает патронов, так как патронные двуколки не поспевают по холмистой местности), но затем немцы пехотной атакой, под звуки труб и фанфар, снова утверждаются в ней; продвинуться южнее, однако, не удается из-за артиллерийского огня. 18-й корпус переправляется через Маас, не встретив серьезного сопротивления. 6-му корпусу также удается форсировать реку, но 18-й рез. корпус задерживается на правом берегу.

На 28 августа командующий 4-й германской армией вновь предлагает своим правофланговым корпусам форсировать победу, стремясь выходом к Вандрес (Vendresse) обрушиться на тылы 4-й французской армии, все еще продолжающей удерживаться на западном берегу Мааса. Но французам удается подтянуть на свой левый фланг еще одну 52-ю рез. дивизию. Чтобы парировать эту новую угрозу, командир 8-го германского корпуса перебрасывает часть 15-й дивизии на правый берег реки в районе Вивьер. Здесь еще с утра заняла позиции германская тяжелая артиллерия, огонь которой заставил французов податься назад. Тем не менее, в течение всего дня 16-я германская дивизия бездействовала. 8-й рез. корпус атакует противника, но встреченный сильнейшим огнем французской артиллерии вынужден к концу дня отвести свои части на исходные позиции. 18-му корпусу удается продвинуться на линию восточнее Рокур—Флаба (Flaba), где его части окапываются. 18-й рез. корпус выходит на линию Йонк—Бомон (Beaumont). 6-й корпус остается на месте.

В 17 час. авиация сообщает командованию 4-й германской армии об отходе французов. В 21 ч. 30 м. германским корпусам отдается приказ о преследовании противника: 18-му корпусу в направлении Сапонь (Sapogne), 18-му рез. корпусу — на Безас и т. д.

Тактический успех германцев на Маасе является бесспорным: им удалось еще до получения 4-й французской армией приказа об отступлении форсировать Маас. Хотя 8-му и 8-му рез. германским корпусам и не удалось одержать победы над 11-м французским корпусом, самый факт захвата и удержания ими тет-де-пона на левом берегу Мааса сыграл решающую роль, обеспечив своим давлением возможность другим корпусам форсировать Маас. 17-й французский корпус, вынужденный сражаться на два фронта, не мог удержать в своих руках переправы. Надо сказать, что прочие французские корпуса (кроме 11-го) оказали лишь слабое сопротивление. Безотносительно к приказу об отходе, французам не удалось бы удержать германское наступление на западном берегу Мааса, а тем более отбросить немцев за Маас.

Но эти тактические успехи представляются совершенно иными с точки зрения оперативной. Командующий 4-й германской армией руководствовался именно тактическими соображениями в ущерб опе-

ративным. Он поставил себе задачу не только форсировать Маас, но и разбить 4-ю французскую армию на левом берегу его. Исходя из этой цели, он игнорирует возможность перехода Мааса на участке Мезьер—Рокруа, совершенно почти свободном от сил противника, и решает дать сражение лицом к лицу с 4-й французской армией. Для этого он стягивает свои 10 дивизий на нормальный боевой фронт в 40 км (см. «норму», указанную выше, — 4 км на дивизию). Но тем самым создавался р а з р ы в в 50 км между 4-й и 3-й германскими армиями. Но характерно, что германское главное командование не попыталось исправить эту ошибку герцога Альбрехта. Напротив, оно одобрило ее. Как сообщает Рейхсархив, 25 августа «в полдень радио верховного командования, извещая, что левый фланг 5-й армии был атакован значительными силами со стороны Вердена, приказало 4-й армии стянуться к левому флангу, обеспечив быстрое продвижение своего левого фланга в тесной связи с правым крылом 5-й армии, что должно иметь решающее значение». Это было к а п и т а л ь н о й о ш и б к о й. В самом деле, выше было показано, что успех охватывающего маневра полностью зависел от стягивания германских сил к п р а в о м у флангу, хотя бы за счет ослабления левого крыла. Между тем, поддавшись впечатлению мнимой угрозы со стороны В е р д е н а, германское главное командование приказывает стянуть эти силы к левому флангу. В результате в центре охватывающей массы создается р а з р ы в, главные силы все более оттягиваются к в о с т о к у, и тем самым ослабляется п р а в о е крыло.

Но не оправдываются ли действия германского главного командования и командующего 4-й армией тем крупнейшим затруднением, которое встретилось на пути германских армий в виде водной преграды М а а с а? Этот вопрос имеет гораздо более серьезное значение, чем это кажется некоторым исследователям. В самом деле, нельзя отвергнуть этот вопрос простой ссылкой на стратегический план, так как он ставит под сомнение и этот последний. Мы сталкиваемся здесь с одним из крупнейших противоречий между стратегическим замыслом Шлиффена и его о с у щ е с т в л е н и е м. Предвидел ли Ш л и ф ф е н (а также и Мольтке), что Маас окажется столь серьезным фактором при охватывающем движении германских армий? Насколько нам известно, нет. Между тем эта водная преграда сыграла крупную роль как в приграничном сражении, так и в описываемые дни. В обоих случаях союзникам не только удалось з а д е р ж а т ь германское наступление, но и серьезно скомпрометировать его стратегическую диспозицию. Оказалось, что форсирование крупных водных рубежей в новых условиях ведения боя создает серьезные трудности; при наличии крупного промаха со стороны командования 4-й французской армии (оставление без защиты полуострова Ижа), форсирование реки протекало все же с большой медлительностью и в весьма опасных условиях. Эта трудность проистекала из того, что при общем

превосходстве артиллерийских средств германская сторона не смогла быстро использовать их, и в результате преимущество огня было на стороне противника. Факт остается фактом, что даже слабо укрепленная местность, благодаря благоприятным местным условиям, позволила обороняющемуся так расположить свои огневые средства, что германская пехота была блокирована. Эта пехота успешно продвигалась вперед в первые часы, но затем, потеряв поддержку своей артиллерии, она останавливалась и окапывалась. Маневрирование артиллерией с германской стороны было организовано плохо, как видно из изложенных выше фактов. Однако, установка тяжелой артиллерии севернее Доншери позволила отбить опасную фланговую атаку целой французской дивизии. В конце концов форсирование Мааса удалось не лобовой атакой пехоты, а путем маневра (захват переправ на полуострове Иж, давление трех германских корпусов с севера и востока на 11-й и 17-й французские корпуса).

27 августа командующий 4-й германской армией несколько раз обращался за помощью к 3-й армии — в 9 ч. 30 м., 12 ч. 30 м., 16 ч. 15 м., 22 ч. 30 м. и два раза к 5-й — в 12 ч. 20 м. и 22 ч. 30 м. Считая, что форсирование Мааса стало капитальной задачей для германских армий, он весьма основательно решает, что 3-я армия, уже находившаяся по ту сторону Мааса, движением во фланг и тыл 4-й французской армии легко может вынудить ее к отходу. Но ген. фон-Гаузен, командующий 3-й германской армией, пока что твердо помнит свою задачу: 28 августа в 2 ч. 30 м. он сообщает 4-й армии, что по указанию германского главного командования ему надлежит двигаться в юго-западном, а не в юго-восточном направлении. Командующий 5-й армией отвечает, что он сможет достигнуть линии Мааса лишь 29 августа. Однако, герцог Альбрехт не оставляет своих настояний. В 5 ч. 15 м. 28 августа он снова обращается к фон-Гаузену, а в 9 ч. 30 м. требует от германского главного командования, чтобы оно приказало «3-й армии склониться на Вандресс и Ле-Шен, 5-й армии оказать ему поддержку». Вскоре после этого он вновь просит 3-ю армию послать 19-й корпус в направлении на Вандресс и 5-ю — ввести в действие на Маасе в тот же день 13-й корпус. На этот раз Гаузен не устоял перед упорством своего соседа и заявил, что им посылается сильный отряд на Вандресс. Итак, тактическая задача — форсирование р. Маас — одержала победу над задачей стратегической, и 3-я армия примкнула к левому крылу вместо правого. Во второй половине дня (28 августа) 12-й корпус 3-й армии направляется из Синьи-ел-Аббей на Вандресс, в юго-восточном направлении, однако, встречает на своем пути марокканскую дивизию и не может поспеть во-время, чтобы отрезать 4-ю французскую армию. Интервенция 3-й германской армии оказывается запоздалой: 4-я французская армия 29 августа, как сказано, начала свое отступление.

Задача форсирования Мааса исчерпана, но командующий 4-й германской армией втягивается сам и втягивает своего соседа Гаузена в новое предприятие: не дать уйти безнаказанно французам. В полдень 29 августа герцог Вюртембергский отдает приказ своим корпусам: «Чрезвычайно важно не дать врагу никакой передышки, если только мы не хотим встретить его, укрепившегося на новой линии (например, на р. Эн). Надо преследовать его всеми средствами, но главным образом кавалерией, артиллерией и пулеметами».

Обращаем внимание, как оригинально понимались средства преследования в тот период маневренной войны. Однако, из преследования ничего не вышло, так как чрезвычайная жара вынудила остановить войска 29 августа на отдых. 19-й и 12-й корпуса 3-й армии, посланные в этот день в юго-восточном направлении, смогли, задержанные марокканской дивизией, сделать в первую половину дня всего лишь 4 км; после того, под действием палящей жары, они остановились на большой привал и к вечеру прошли еще 4 км. Движение к востоку не имеет больше никакого смысла, так как французы уже уходят за р. Эн. И тот же командующий 4-й армией дает Гаузену другое, южное направление на Ретель и Аттиньи. Гаузену не остается ничего другого, как последовать этому совету. Но перед этим воля его подвергается новому испытанию. Теперь сосед справа — 2-я армия — обращает к нему призыв о помощи; ее левый фланг, обнаженный вследствие отклонения 3-й армии, подвергается серьезной угрозе атаки 5-й французской армии западнее Вервена; 3-я армия приглашается парировать эту угрозу, повернувшись к Вервену, лицом к западу. Но при создавшейся ситуации такой поворот оказывается немыслимым: остается предоставить событиям течь их естественным ходом.

В течение трех последующих дней — 30 и 31 августа и 1 сентября — происходил последний этап сражения на Маасе. 3-я германская армия продвинулась к р. Эн, где ее дальнейшее продвижение сдерживал отряд Фоша, 4-я армия примкнула к ее левому флангу на линии до р. Маас. Центром операции явилось форсирование 5-й германской армией Мааса. Что это было именно так, показывает приказ германского главного командования 1 сентября в 8 час., которым 3-й армии предписывалось «наступать безотлагательно во что бы то ни стало в юго-восточном направлении, от этого зависит успех дня». 4-я и 3-я французские армии оказывали упорное сопротивление, отступив лишь 1 сентября. В этот день все три германские армии находились на левом берегу Мааса. Если считать от начала приграничного сражения, когда началось форсирование Мааса 3-й армией, вся эта операция потребовала десяти дней. Но эта громадная затрата времени дала всего лишь тактический успех: французские армии, тактически потерпев поражение, все же успели уйти, задержав противника. Но самое главное, какой ценой был куплен

этот успех: все три армии сбились к Вердену в восточном направлении, куда переместился центр тяжести сил всего обходящего крыла. Что же делалось в это время с остальными правофланговыми германскими армиями?

4. ПОВОРОТ КЛУКА НА ЮГО-ВОСТОК

После приграничного сражения Клук решает двигаться в юго-западном направлении. У Ле-Като ему удается тремя корпусами охватить 2-й английский корпус и нанести англичанам серьезное поражение, однако, английской армии удается снова выскользнуть и уйти в южном направлении. 27 августа он дает своим корпусам направление к Верхней Сомме по обе стороны Пэрон. Каковы же те цели, которые ставил себе Бюлов, командующий 2-й армией, на которого возлагалось оперативное руководство правым крылом германских армий?[1] Согласно Рейхсархива, ген. Бюлов считал, что «было необходимо фланговым маневром большого размаха правого крыла германского расположения вести ожесточенное преследование с целью захватить противника, которому удалось выскользнуть в ходе битвы, и нанести ему возможно больший урон, мало-по-малу опережая в скорости движения (Разрядка наша. — М. Г.) его левый фланг. С этой целью было необходимо, чтобы 1-я и 2-я армии преследовали врага прямо в юго-западном направлении, смыкаясь к правому флангу, предоставляя 3-й, 4-й и 5-й армиям итти разомкнуто в широком движении захождения всего расположения вокруг Вердена». Здесь превосходно выражены мысли, какие Бюлов должен был бы иметь в тот момент. Это полностью соответствовало плану Шлиффена и приведенной выше директиве германского главного командования от 27 августа. Но хорошие приказы требуют и хорошего выполнения. Можно ли было выполнить эти задачи? 25 августа германское главное командование взяло из состава 2-й армии гвард. рез. корпус и из 3-й армии — 11-й корпус для отправки на восточный фронт. Из 1-й армии для осады Антверпена были выделены 3-й и 9-й рез. корпуса. Вместо 12 дивизий для каждой из трех правофланговых армий 1-я армия имела 10 дивизий, 2-я — 8 и 3-я — 5. Но правое крыло все же далеко превосходило в силах противостоящие силы французов, и если бы выполнить указанные предначертания — смыкаться к правому флангу и опережать противника в быстроте движения, предоставив армиям центра двигаться разомкнуто, — победа все еще могла бы быть достигнута. В отношении 1-й и 2-й армий сомнений как будто не возникало, так как Бюлов мог полностью осуществить свое намерение о сомкнутом движении их в юго-западном направлении. Но с 3-й армией

[1] Подчинение 1-й армии второй было снято германским главным командованием 27 августа.

сразу же возникли трудности. Эта наиболее ослабленная армия — всего лишь из 5 дивизий (24-я рез. дивизия была оставлена на правом берегу Мааса) — должна была связывать две пары фланговых армий заходящего вокруг Вердена крыла германского расположения. Бюлов требовал, чтобы она примкнула к его левому флангу, но мы знаем уже, что 4-я германская армия обращалась к Гаузену с противоположным требованием. Германское главное командование 27 августа подтвердило, что 3-я армия должна двигаться в юго-западном направлении. Исполняя этот приказ, Гаузен оставлял разрывы на своих флангах в 40 км. Понятно, что при такой ситуации 3-я армия двигалась вперед медленно и осторожно. Это вынудило также и 2-ю армию, примыкая правым флангом к 1-й армии, оттягивать левый свой фланг назад.

28 августа правофланговый германский 2-й корпус подвергся нападению 61-й и 62-й рез. французских дивизий, шедших со стороны Арраса, что вызвало задержку движения 1-й армии. Тем не менее она достигла в этот день Соммы, отбросив слабые французские части, прикрывавшие переправы. 2-я армия в силу указанных выше причин оказалась разделенной на 2 части: правофланговые корпуса следовали рядом с 1-й армией к р. Сомме, левофланговые же—9-й и гвардейский корпуса — двигались северо-восточнее с отрывом в несколько десятков километров. При попытке форсировать Уазу они встретились с сильным противодействием противника. 3-я армия, как мы уже знаем, склонилась в юго-восточном направлении. Брешь между 2-й и 3-й армиями стала совершившимся фактом. Обходящее крыло германского расположения западнее Вердена уже не двигалось в том порядке, какой предусматривался директивой 27 августа, которая была привезена в штабы армий 28 августа со специальными офицерами генерального штаба. Оказалось, что и командующий 1-й армией далеко не мыслил свои действия в плане этой директивы. «В штабе 1-й армии, — писал он, — так рассматривают создавшуюся ситуацию: левый фланг французов (5-я армия) отступает к югу и юго-западу перед 2-й и 3-й армиями (германскими). Чрезвычайно важно выйти во фланг этим силам противника, или во время их отхода, или на одной из позиций, которую они займут, потом отбросить их назад, отрезая от Парижа и окружая их. Напротив, менее настоятельно отрезать и отбросить в сторону английскую армию. По этим соображениям, 28-го, в полдень, было предложено командующему 2-й армией совершить вместе с 1-й армией движение захождения к Уазе: 1-й армии — в направлении на Компьен—Нуайон, правому флангу 2-й армии — на Кьерзи и Шони». Этот документ ярко свидетельствует о том, что последующие ошибки Клука вовсе не были случайностью и наметились у него еще в этот день, 28 августа. Тем не менее 29 августа 1-я и 2-я германские армии взяли направление на юго-запад, во исполнение директивы германского главного командования. Клук дал своим корпусам напра-

вление Амьен—Нэль. Подойдя к этому участку, 1-я армия столкнулась с французскими частями, в числе их были части 7-го корпуса, переброшенного с востока. Это была армия Монури, которая формировалась на крайнем левом фланге союзников. Однако, быстрый отход этих частей убедил Клука в том, что они не заслуживают серьезного внимания. Между тем 5-я французская армия перешла в наступление на р. Уазе, что поставило 2-ю германскую армию в тяжелое положение. Ее северный отряд был отделен от южного пустым промежутком около 40 км разрыв между 2-й и 3-й германскими армиями достиг 60 км. В этих условиях прорыв французов к Сен-Кантену угрожал отрезать 10-й и гвардейский корпуса, которые были атакованы у Гюиза. Бюлову удалось сосредоточить несколько дивизий в промежутке между двумя частями его армий и остановить продвижение французов. Он обратился к командующему 1-й армией с предложением склонить свои корпуса к юго-востоку, но Клук отказался, ссылаясь на директиву германского главного командования. Только 17-я дивизия 9-го корпуса была направлена к Сен-Кантену. Обращение командующего 2-й армией к ген. Гаузену, как мы уже знаем, не возымело никакого действия. По счастью, на другой день, 30 августа, оказалось, что 5-я французская армия, ограничившись короткими ударами, продолжает свое отступление к югу.

Однако, пережитый урок заставил Бюлова с крайней серьезностью рассмотреть положение. Можно ли было продолжать движение в направлениях, указанных директивой германского главного командования при наличии все увеличивающегося отрыва от 3-й армии? 30 августа Бюлов задерживает движение своих корпусов и входит в переговоры с Клуком. Последний, как сказано, уже склонялся к мысли о преследовании 5-й французской армии. Эта мысль реализовалась в приказе, отданном им 30 августа: «Нужно отрезать путь отступления врагу, от нас снова требуются форсированные марши». Бюлов в радиотелеграмме, отправленной в тот же день 1-й армии, указывал: «Чтобы завершить эксплоатацию успеха, мы весьма рекомендуем захождение 1-й армии вокруг Шони к Лаон-ля-Феру». Он донес об этом германскому главному командованию, которое одновременно получило сообщение от Клука: «1-я армия склоняется к Уазе и продвигается 31-го вперед, чтобы использовать успех 2-й армии».

Итак, решение о повороте на юго-восток было принято двумя правофланговыми армиями, — решение, фактически отменявшее маневр Шлиффена и противоречившее директиве германского главного командования от 27 августа. Но, может быть, принятое решение не было одобрено германским главным командованием, может быть, оно проводилось в жизнь вопреки ему? Даже по свидетельству Рейхсархива, инициатива 1-й и 2-й армий всецело соответствовала намерениям самого Мольтке, так как все равно другого решения принять было нельзя. «Тогда к вечеру 30 августа, перед поворотными событиями

для армий окружающего фронта, германское главное командование считало возможным заключить, что южное направление является более эффективным для операции преследования армиями правого крыла, чем юго-западное». Еще до того, как Мольтке узнал о решении Клука, он в 21 ч. 10 м. 30 августа послал радио 3-й германской армии: «Утверждаем проект 3-й армии продолжать преследование прямо на юг. 4-я армия должна увязать свое движение с 3-й армией. Левый фланг 2-й армии направляется приблизительно на Реймс». Час спустя было отправлено радио 1-й и 2-й армиям: «3-я армия склоняется на юг, фронтом к р. Эн, атакуя по ту сторону от линии Ретель—Семюй и должна преследовать в направлении на юг. Намерения, сообщенные 1-й и 2-й армиями, целиком соответствуют таковым германского главного командования. Действовать согласованно с 3-й армией, левый фланг 2-й армии — почти на Реймс». Одновременно 4-я армия получила приказ «согласовать свое движение с 3-й армией», а 5-я «прикрывать левый фланг 4-й; поддерживать связь с Мецом, продолжая осаду Вердена».

Оставался вопрос о Париже. Следовало ли все-таки занять его или каким-либо образом обезопасить себя с его стороны? В плане Шлиффена Париж играл если не решающую, то во всяком случае существенную роль. Донесения, получаемые Мольтке, не оставляли сомнений, что какие-то части перебрасываются французами с востока к Парижу. 2 сентября в 21 ч. 30 м. он направляет 1-й и 2-й армиям следующий приказ: «Намерение германского главного командования: отбросить французов к юго-востоку; отрезать их от Парижа; 1-й армии следовать за 2-й уступом справа, обеспечивая охрану фланга шести армий». Поверхностный взгляд мог бы заключить, что Мольтке предусмотрел опасность со стороны Парижа. Но гадать о том, что именно знал и о чем думал Мольтке, дело довольно бесполезное, так как все равно его мысли и намерения не оказывали никакого влияния на ход событий. В этом можно убедиться путем краткого обозрения дальнейшего хода событий вплоть до Марны.

Ближайшим поводом к повороту Клука в юго-восточном направлении было, как мы уже знаем, стремление ударить во фланг и в тыл 5-й французской армии. Но эта последняя быстро отступила, и Клук вскоре убедился в неосуществимости этой задачи. Перейдя Уазу, корпуса 1-й армии резко склоняются к югу на Вербери (Verberie), Амблени (Ambleny), идя, если применить морскую терминологию, на параллельном курсе с 5-й французской армией. 1 сентября передовые отряды 1-й армии переходят через р. Эн и сталкиваются с англичанами. Одновременно происходят схватки на крайнем правом фланге с французами (армия Монури). Таким образом, Клук, казалось, имел совершенно отчетливую ориентировку в отношении сил противника, отступающих перед ним. Как же он представлял себе положение в этот момент, каковы были его дальнейшие намерения? Запись в его днев-

нике от 1 сентября имеет важное значение для последующих наших выводов: «Больше нет никакой надежды достигнуть французов (5-я армия). Они ускользнули без всякой помехи. Так же трудно захватить англичан. Продолжать продвигаться вперед в южном направлении опасно при угрозе правому флангу со стороны Парижа. Необходимо остановиться и перегруппировать армию, чтобы продвинуться в конце концов или к югу, прикрываясь со стороны Парижа, или к Нижней Сене, ниже Парижа... Если мы будем продолжать итти прямо к югу, и если французы будут обороняться на Марне, следует ожидать действий со стороны Парижа против нашего фланга». Можно сказать, что всеведущая мудрость глаголет устами Клука. Нет никакого сомнения, что и Клук, и Мольтке учитывали опасность со стороны Парижа. Да было бы странно не видеть на карте столь крупного центра. Но, очевидно, ни Клук, ни Мольтке не придавали серьезного значения силам, которые могли находиться в Париже. Самое же главное — в этот момент Клук уже не распоряжался событиями даже в пределах своей собственной армии: какая-то неведомая стихия тянула Клука на восток. В 17 час. 1 сентября он доносит германскому главному командованию: «5-я французская армия отступила к югу, левым флангом на Суассон. Бои с англичанами у Вербери (Нери). Намерения на 2 сентября: расположить наши силы на линии Вербери—Ле-Ферте-Милон с целью дальнейшего использования». Как видим, ход мыслей Клука и Мольтке (сообщение командующего 1-й армией было получено им лишь 2 сентября в 23 часа) соответствовали друг другу: Клук собирается как будто задержать свою армию севернее Марны, обеспечивая фланг германских армий,— вскоре события, однако, перехлестнут и через это его решение.

Между тем, 2-я армия находилась позади в двухдневном переходе. 1 сентября она стремилась нагнать свое отставание. В 14 ч. 30 м. Бюлов получает приказ германского главного командования перебросить два левофланговых корпуса к Шато-Порсьяну на помощь 3-й армии. Этот приказ со всей ясностью показывает, куда влекла сила событий германское главное командование вопреки всем его стратегическим замыслам: на в о с т о к. Однако, по сообщению 3-й армии, помощь оказывается уже ненужной, так как французы отступают. Оба корпуса снова получают южное направление, но вынуждены отложить дальнейший марш на другой день. 3-я армия в этот день продолжала медленно продвигаться за р. Эн. 4-я и 5-я армии, н а г р о м о ж д а я к о р п у с а, которые здесь были вовсе н е н у ж н ы, и которых так остро н е х в а т а л о н а п р а в о м к р ы л е, продолжали склоняться в южном и юго-западном направлениях, оставляя Верден на левом фланге. Германское главное командование получает от этих армий (3-й, 4-й, 5-й) победные реляции: враг отступает в беспорядке. Только отсутствие вестей с правого крыла беспокоит безмятежное настроение Мольтке. В 18 час. он посылает радио 1-й армии: «Каково положение? Ответьте немедленно же».

2 сентября Клук, однако, снова увлекается преследованием, на этот раз англичан, которых он хочет захватить в Ля-Ферте-Милон. Но англичане в этот день уже были на М а р н е. События увлекали 1-ю армию все дальше к востоку. Командир правофлангового 9-го корпуса фон-Кваст, узнав, что 5-я французская армия еще не перешла Марну, решает отрезать ее к северу от реки и посылает 18-ю дивизию вперед к Марне, донеся об этом Клуку. Последний не только одобряет намерение Кваста, но приказывает 3-му корпусу следовать на восток к Шато-Тьери. Одновременно он сообщает, однако, германскому главному командованию, что «попытка перехода Марны 1-й армией давала бы сомнительные преимущества». 2-я армия, перейдя р. Эн, тщетно пытается в этот день нагнать 5-ю французскую армию. 3-я армия продолжала медленно продвигаться следом за отрядом Фоша, арьергарды которого оказывали сопротивление. То же происходило и на участках 4-й и 5-й армий. Поступающие донесения указывали на эшелоны, движущиеся в тылу французов с востока на запад и Шалон-на-Марне: это перебрасывался 7-й французский корпус из района Сент-Менегульд.

2 сентября крайний правофланговый 2-й корпус (1-я армия) имел снова стычку с французами (армия Монури) севернее Парижа; Клук оставляет без внимания это новое предостережение. Между тем активные силы армий западнее Вердена продолжали таять: кроме оставленных у Тионвиля 5-го арм. и 5-го рез. корпусов, из 5-й германской армии был выделен 6-й рез. корпус для осады Вердена.

3 сентября 9-й германский корпус, который еще ночью достиг Шато-Тьери, с утра стал переправляться по ту сторону Марны. Но 5-я французская армия еще в полночь успела переправиться через Марну, и 18-й дивизии удалось только атаковать ее левофланговый отряд. 3-й корпус также подошел к Марне у Нантейля и стал переправляться через реку. Клуку, получившему только в этот день директиву германского главного командования о том, что на 1-ю армию возлагается обеспечение правого фланга германских армий со стороны Парижа, не оставалось уже ничего другого, как направить к Марне 4-й корпус, а на другой день и 2-й, а также 2-й кав. корпус. Один только 4-й рез. корпус, оставаясь в Ла-Ферте-Милон, получил приказ прикрывать правый фланг 1-й армии со стороны Парижа. В этот день 5-я французская армия шла мимо левофланговых корпусов 1-й армии в юго-з а п а д н о м направлении. 2-я армия в этот день подошла к Марне[1]. 3-я, 4-я и 5-я армии продолжали движение на юг при тех же условиях, что и накануне; они попрежнему сигнализировали германскому главному командованию о перебросках войск в тылу противника на запад (это передвигался 4-й французский корпус к Парижу).

---

[1] Германское главное командование в 20 ч. 45 м. приказало ей „перейти на южный берег Марны“.

4 сентября 9-й германский корпус, продолжая двигаться в юго-восточном направлении, не встретил никого, так как 5-я французская армия уже проследовала мимо него в юго-западном направлении и теперь находилась не левее, а правее его. 3-й и 4-й корпуса двигались параллельно 9-му, а 2-й вечером перешел Марну. 4-й рез. корпус оставался в Нантейль-ле-Годуэн — против Парижа. 2-я армия, перейдя Марну, склонилась несколько в юго-восточном направлении, чтобы избежать перекрещивания с левофланговыми корпусами 1-й армии, выходя на линию Монмирайль — Вертю. 3-я армия достигла Марны, но ввиду крайнего утомления частей Гаузен решил дать им отдых на другой день, 5 сентября. 4-я армия вышла на линию Шалона, а 5-я продолжала обходить Верден с запада.

5 сентября 5-я армия достигла южной окраины Аргоннского леса, а 4-я вышла на линию р. Орнэн. 3-я оставалась на месте. 1-я и 2-я получили в этот день приказ германского главного командования повернуться фронтом к Парижу. В этот же день началась Марнская битва.

5. ПОТЕРЯ ТЕМПА В ГЕРМАНСКОМ НАСТУПЛЕНИИ

Перелом в ходе развития германского маневра связывают обычно с изменением направления движения 1-й армии с юго-западного на юго-восточное. Однако, этому факту не дается достаточно четкого объяснения [1].

Не было ли решение Клука скорее следствием, чем причиной? Нам говорят, что 30 августа Клук отказался от проведения плана Шлиффена, и принял новый план действий для своей армии [2].

---

[1] Так в труде Новицкого читаем: „Решение неправильное,—решение, ставшее роковым для дальнейших операций германских армий. И германское главное командование, с такой готовностью давшее свое согласие на этот ложный шаг, приняло на себя и всю ответственность за его последствия" (т. I, стр. 459). Итак, „неправильное решение", „ложный шаг". Эта оценка дается без всяких серьезных комментариев. Совершенно не исследуется вопрос, мог ли Клук принять другое решение при наличии такого положения, когда три германских армии завязли далеко у Вердена, а 2-я армия маячила где-то позади под угрозой быть изолированной и разбитой.

[2] „Решение командования 1-й армии отказаться от осуществляемого до того направления операции имело в высшей степени важное значение. Благодаря только (разрядка наша. — *М. Г.*) ему стало возможным положение, из которого возникло Марнское сражение. В самом деле, оно означает отказ от плана Шлиффена, в то время как высшее командование еще 27-го имело намерение проводить его в жизнь. Но слабость правого крыла была слишком велика, чтобы армии приняли другое направление, не нарушая при этом указаний от 27-го (так как в этих указаниях предусматривалась помощь со стороны 1-й армии для 2-й в случае необходимости; см. Reichsarchiv, III, 180.—*М. Г*). Это была не вина 1-й армии, но следствие развертывания и операций в Лотарингии" (Lautemann, S. 47). Неправильно объяснять возникновение ситуации на Марне только поворотом Клука на юго-восток.

Но вот этот новый план, якобы принятый Клуком, вызывает большие сомнения [1]. Клук, сначала задавшийся целью окружить 5-ю французскую армию, очень скоро отказывается от этого намерения и увлекается преследованием англичан. Потерпев и здесь неудачу, он решает встать заслоном против Парижа, но инициатива левофланговых корпусов вынуждает его перейти Марну. Никакого последовательного плана здесь усмотреть невозможно. Действия Клука скорее объясняются наличием и н е р ц и и, влекущей его в восточном направлении. Внешним поводом, как известно, явилось стремление Клука оказать помощь 2-й армии [2]. Этот факт только подтверждает наличие такой инерции.

В свою очередь Бюлов после ряда безуспешных попыток выдержать направление, данное ему в директиве германского главного командования от 27 августа, т. е. к Парижу, получает окончательное направление левым флангом на Реймс. Эта конечная перегруппировка отвечает желаниям в с е х командующих армиями, обезопасивших свои фланги, и утверждается германским главным командованием, которое все еще убеждено, что им одержана победа над союзниками в общестратегическом масштабе. Имеет ли смысл при таком положении вещей приписывать ответственность за создавшееся положение исключительно одному из командующих армиями? Для этого нет никаких оснований, хотя не менее верно, что все они допустили крупные ошибки.

Гораздо важнее выяснить сущность инерции, которая тянула правофланговые армии на восток. Французский исследователь [3] дает следующее объяснение: «Движение налево, осуществленное крылом (правым), приведет к тому, что опасные разрывы окружающего фронта (пять германских армий) исчезнут. Армии, продвигающиеся теперь на нормальном боевом фронте, будут в состоянии преодолеть всякое сопротивление с фронта, если враг снова будет противостоять им. Мольтке и все командующие армиями, таким образом, удовлетво-

---

[1] Куль в своем труде отвергает, что план Шлиффена был необходимо связан с обходом Парижа с запада. Задача плана Шлиффена состояла в том, чтобы оттеснить французов в юго-восточном направлении. Именно эту задачу и осуществляла 1-я армия своим решением от 30 августа (v. K u h l, Marnefeldzug, S. 50, 86, 100, 127 и др.). Передергивание здесь очевидно (см. об этом стр. 84).

[2] Совершенно неправильно при этом, как делает Lautemann, рассматривать действия Клука, как руководимые стратегическими, а Бюлова — тактическими целями. Бесспорно, что Бюлов думал прежде всего о безопасности своей армии, позабыв об общей стратегической цели. Но в такой же мере правильно сказать, что Клук также увлекался ближайшими тактическими задачами в ущерб всему стратегическому плану. Faulde (Historische Untersuchungen zur Marneschlacht, 1914, 13) считает, что инициатива движения 1-й армии к юго-востоку принадлежала 2-й армии. Kuhl, напротив, настаивает, что она всецело исходила от 1-й армии. Спор бесполезный: фактически оба командующие высказали эту идею и пришли к полному согласию.

[3] V a l a r c h é, La manoeuvre de la Marne.

рены. Но как только движение налево осуществлено, фронт окружающей массы сокращается с 240 до 160 км. 160 км — это как раз свободный промежуток между двумя крупными пунктами — Парижем и Верденом. Вся окружающая масса должна, таким образом, разместиться между Парижем и Верденом, и, вместо того чтобы обойти Париж с запада, армия Клука должна сдвинуться к востоку, подставляя фланг Парижу и армии Монури, которую только что видели отступившей к Парижу.

Эта арифметика также не может служить исчерпывающим объяснением. Ее основные предпосылки: недостаток сил охватывающего крыла, создавшиеся в связи с этим разрывы и, наконец, необходимость их устранения — вот что вынудило Мольтке, по мнению Valarché, сдвинуть все шесть армий в промежуток между Парижем и Верденом.

Но, как мы уже указывали, главная масса германских корпусов оказалась прижатой к Вердену, где они не принесли никакой существенной пользы в Марнском сражении. Скопление войск здесь было так велико, что части мешали друг другу. Например, конница 5-й германской армии не могла долго пробиться через запруженные дороги и выйти вперед. Зачем нужна была здесь такая плотная масса? Какие стратегические результаты могли быть достигнуты? Существует точка зрения, что взятие Вердена частями 5-й германской армии могло бы существенно повлиять на исход Марнской битвы. Но овладение Верденом вовсе не имелось в виду, и указанная масса двигалась западнее Вердена. Мольтке попрежнему возлагал на левофланговые корпуса второстепенные задачи[1], сосредоточив, однако, здесь свою главную массу. Почему нельзя было бы осуществить обратного распределения главных сил, сосредоточив эту массу на правом крыле? Дело, таким образом, не только в недостаточности сил, совершавших маневр, но и в неправильном распределении их. Союзники были слабее на левом своем фланге. Именно там угрожала им катастрофа. Именно на это направление возлагал свои надежды Шлиффен, а также и Мольтке (в своей директиве 27 августа). Как же вышло, что главная масса сил была сосредоточена не у Парижа, где решалась судьба маневра, а у Вердена, где никогда не предполагалось достигнуть решающего успеха? Что касается разрыва в центре окружающей массы, то ведь он и явился следствием этого стягивания сил к Вердену.

Вообще говоря, разрывы между армиями отнюдь не являлись фактором решающего значения в маневренной войне. У противника эти разрывы при отступлении к Парижу были и больше и опаснее. Но, конечно, разрыв между 2-й и 3-й германскими армиями, достигший

[1] По крайней мере до 4 сентября, когда 4-й и 5-й армиям были даны новые задачи.

80 км и угрожавший увеличиться еще больше, превращался из фактора тактического в оперативный, и обозначал по сути дела предоставление двух правофланговых армий их собственной судьбе. Конечно, ни Клук, ни Бюлов не могли пуститься на такую авантюру — обходить Париж с запада, когда три левофланговых армии маячат где-то у Вердена. Этот момент упускают из виду критики Клука. 30 августа германское главное командование и командующие двумя правофланговыми армиями находились уже перед лицом вполне конкретной ситуации, когда ставить вопрос о продолжении шлиффеновского маневра было уже поздно. Выше было показано, как именно возникло такое положение. Конкретной причиной явилось сражение на Маасе, приковавшее к этой водной преграде 4-ю и 5-ю армии и побудившее 3-ю армию изменить направление своего движения. Мы не склонны слишком упрощенно толковать значение этих событий. Но бесспорно, что германское главное командование проявило полнейшее безволие перед их лицом. Не последнюю роль играло здесь то обстоятельство, что посты командующих 4-й и 5-й армиями занимали высокопоставленные особы, не очень-то считавшиеся с директивами германского главного командования. Но кто вообще считался с ними?! Пожалуй, ни одна из этих директив не была выполнена за все время кампании. В результате отдельные мероприятия, которые могли быть приняты к облегчению положения, не были проведены. Так, например, форсирование Мааса было бы ускорено, если бы 4-я и 5-я армии больше тяготели именно к западному направлению. Но самое главное, продвижение правофланговых армий в гораздо большей степени обеспечивало бы отход противника, чем упорные бои на Маасе.

Итак, решение Клука 30 августа вовсе нельзя рассматривать, как **случайную** и личную его ошибку, совершенную помимо или тем более вопреки германскому главному командованию. Напротив, оно вполне соответствовало видам германского главного командования, которое «мало-помалу стало смутно чувствовать, что размах его маневра на пространстве между Верхним Мозелем и Нижней Сеной превзошел возможности сил, которыми оно располагало... Оно прибегло к уловке: подтянуть правое крыло к центру расположения, чтобы сократить фронт»[1].

Идея тактического заполнения пространства плотной массой сил одержала, таким образом, победу над идеей стратегического маневра.

Если вспомнить о том, что в начале кампании преимущество немцев состояло в **выигрыше темпа**, то **потеря темпа нарастала именно вследствие того, что все расположение сдвинулось влево**, т. е. туда, где французы были сильнее: при таких условиях союзникам было гораздо легче уравно-

---

[1] Гренер.

весить соотношение сил; преобладание на правом германском крыле терялось.

Возникает вопрос, могла ли германская сторона сохранить свое преимущество в темпе, и какими способами это могло бы быть достигнуто. Ответ можно получить, рассматривая ход событий от начала развертывания до Марнской битвы. В пограничном сражении, имея преимущество на правом крыле, немцы одерживают победу, вынудив противника отступить. Но дальше обнаружилось, что, легко подавляя сопротивление разрозненных сил противника, когда они задерживались, 1-я германская армия была не в состоянии догнать эти силы, когда они переходили в отступление. Тем не менее, факт непрерывного продвижения 1-й армии вперед создавал постоянную угрозу для всего расположения союзников, вынуждая его все более подаваться назад. Например, Жоффр был вынужден отвести свои силы с Мааса независимо от тактических успехов немцев, форсировавших реку. Легко установить следующую зависимость: чем быстрее продвигалась 1-я германская армия в юго-западном направлении, тем меньше времени оставалось в распоряжении французского главного командования для контрманевра. Именно в этом и сказывалось преимущество в темпе. Оценивая быстроту продвижения 1-й армии, следует признать, что она оказывалась достаточной для того, чтобы заставить французов и англичан отходить. Но возникала опасность, что французское главное командование сознательно ускорит темпы отхода, используя это время для передвижки сил в своем тылу и создания крепкого оборонительного фронта. Вот с этой точки зрения темп движения 1-й армии вызывает серьезные сомнения. Успела ли бы она совершить обход Парижа с западной стороны до того, как французскому главному командованию удалось бы сорганизовать оборону на новых позициях? Сомнения эти находят свое подтверждение в том, что фактически 1-й армии не удалось нагнать противника, хотя французы несколько раз задерживались на разных рубежах. Это бесспорно указывает на дефект подвижности крайнего правого германского фланга[1].

Этот момент сыграл немалую роль в решении командующего 1-й армией, или, вернее, германского главного командования, склониться к юго-востоку. Поворот к юго-востоку был, казалось, кратчайшим путем к осуществлению плана Шлиффена. В самом деле, ведь таким путем германские силы короче всего выходили во фланг и в тыл французским армиям. Нужно сказать, что к такому примитивному истолкованию флангового охвата германские армии стремились все время, начиная с приграничного сражения, и каждый раз результаты были мизерны. Шлиффен потому именно выбрал кружный путь

[1] О темпах движения 1-й германской армии см. последнюю главу.

через Бельгию и к западу от Парижа, что он рассчитывал таким путем достигнуть глубокого стратегического охвата и окружения французских армий. Но так же стоял вопрос и в те дни, когда Клук находился на своем стратегическом распутье. Путь в обход Парижа с запада был длиннее по расстоянию, но он был короче в смысле скорейшего достижения главной стратегической цели. Командующий 1-й германской армией и германское главное командование упустили из виду известное указание графа Шлиффена, что маневр охвата может быть эффективен лишь тогда, когда он ориентирован на очень отдаленный пункт тылов противника, а не на «фланг первой линии его расположения» [1]. Только такая ориентировка маневра обеспечивает подлинную оперативную внезапность и дает выигрыш темпа, затрудняя контрманевр противника.

Все дело в том, что, устремившись кратчайшим путем к левому флангу и в тыл 5-й французской армии, Клук вовсе не выполнял шлиффеновских предначертаний, а, наоборот, полностью отверг их; он вовсе не выигрывал в быстроте маневра, а, напротив, безнадежно проигрывал. 5-я французская армия продефилировала у него под носом, и Клук очутился позади. Глубокий стратегический маневр Клук подменил ординарным тактическим, который был рассчитан на слишком уже большую глупость противника. Теперь Жоффр мог отступать, не имея кошмарной угрозы, нависшей на его фланге, сражение в худшем для него случае могло принять ординарный фронтальный характер (в лучшем же случае он сам угрожал флангам противника, как и случилось).

Сдвигая свое расположение к востоку, германское главное командование, следовательно, теряло ранее выигранный темп: шансы обеих сторон уравновешивались. Быть может, это и было наиболее мудрое решение. В самом деле, придя к нормальной плотности боевого расположения, германское главное командование отказывалось от риска, сопряженного со шлиффеновским маневром. Однако, в эти расчеты вклинилось еще одно обстоятельство — Париж, а говоря более широко, также и Верден [2]. Начнем с последнего. Сохраняя в своих руках восточный крепостной район, французы имели крупное преимущество в обороне. Ведь именно этому преимуществу Шлиффен стремился создать стратегический противовес на правом крыле. Неудача германского маневра вовсе не приводила к одному только выравниванию шансов (в смысле чисто оперативном), но механически вела к переходу преимущества на сторону союзников. С Парижем дело по сути обстояло аналогично. При всей своей слабости, как крепость, он все же давал известную опору обороне. Он требовал от немцев

---

[1] Гренер.

[2] Гренер считает, что следовало, произведя некоторую перегруппировку сил, атаковать Париж и Верден, (однако, последствия этих атак предвидеть было невозможно.

издержки времени и сил для овладения им. А такая затрата была теперь очень ощутима при крайней напряженности сил. Нам указывают, что Шлиффен допустил склонение к Уазе девяти корпусов, с тем чтобы 13 было направлено к Нижней Сене. Но в конце концов и расчет сил по директиве 27 августа был вовсе не безосновательным: 2-я армия смогла бы овладеть Парижем. Когда она была направлена к Реймсу, Клуку показалось невозможным затрачивать время и силы на овладение Парижем. Союзники сохраняли мощную опору своей обороны, мощную, главным образом, морально, и действие этого фактора не замедлило сказаться: преимущество в темпе стало переходить к союзникам. Не мог ли Клук парировать эту угрозу своему флангу? Эту возможность исследует один швейцарский автор[1], у которого мы заимствуем некоторые факты и соображения. 2 сентября 1-я германская армия занимала своими 4-м рез., 2-м. 4-м и 3-м корпусами линию Крейль. Санли. Нантейль-ле-Годуэн. Марейль. 18-я дивизия 9-го корпуса продвинулась к Шато-Тьери. 17-я дивизия достигла С.-Реми, южнее Суассона. В этот день в штабе 1-й армии уже знали об опасности, какую мог представить Париж. Было известно о движении двух колонн тех французских войск, с которыми 1-й армии уже приходилось иметь дело при своем марше на юго-запад: одна из этих колонн двигалась из Бовэ на юго-восток, другая из Нантейль-ле-Годуэн на Даммартен. В штабе 1-й армии серьезно обдумывали поэтому вопрос о движении к Парижу, но в конечном счете Клук, по докладу своего начальника штаба (Куль), все же принял решение о движении дальше на юго-восток. Но что, если бы Клук поступил иначе и через Даммартен направился к Парижу? У Даммартен находилась позиция, которая, по германским данным, была укреплена. 2-й корпус 3 сентября получил сообщение, что южнее Даммартен находится в готовности пехотная дивизия противника и из Вилльнева туда же движется артиллерия. 4-й корпус получил сведения о пех. дивизии и кавалерии, идущей с северо-запада к Преси (юго-западного Крейля) с очевидным намерением занять указанную позицию. 6-я французская армия к вечеру 2 сентября находилась: 56-я рез. дивизия — у Бонтарме; 55-я рез. дивизия — у Ламорлей; 14-я пех. дивизия — у Преси на Уазе; 63-я рез. дивизия — у Нейльи-ан-Телль; кав. корпус — западнее нее. 45-я дивизия из Алжира прибывала не ранее 4 сентября. 4-й арм. корпус — не ранее 5-го. Левый фланг англичан 2 сентября находился еще у Даммартена, но маршал Френч уже принял решение двигаться в направлении Мо—Ля-Ферте. В распоряжении ген. Галлиени, если не считать подходивших измученных войск, было лишь несколько территориальных дивизий слабой боевой ценности. Крепость (Париж) была не готова к отражению врага, батареи не были полностью вооружены и снабжены боеприпасами. Позиция у Даммартен не была под-

[1] „Marneschlacht“—„Allgemeine schweizeriche Militär-Zeitung“, September. 1934.

готовлена. В ночь со 2 на 3 сентября 56-я рез. дивизия заняла эту позицию. Другие части 6-й французской армии 3 сентября двигались: 55-я рез. дивизия — к Шенневьер; 14-я пех. дивизия—к Ле-Тремблей; 63-я рез. дивизия — к Ле-Бурже и Ле-Рейнси—ок. Парижа; кав. корпус—южнее Сены на Медон. Таким образом, делается вывод о том, что наступление 1-й армии на Париж не встретило бы серьезного сопротивления, тем более, что она обладала мощной артиллерией: 2-й, 3-й, 4-й, 9-й корпуса имели каждый по 144 полевых пушки и легких гаубицы, всего 576 ор.; 4-й рез. корпус—72; кав. дивизии—54; кроме того, тяжелых полевых гаубиц насчитывалось 64 орудия. С такими силами 1-я армия могла легко прорвать позицию у Даммартен и затем овладеть Парижем. Конечно, образовался бы разрыв со 2-й армией, но 9-й корпус обеспечивал бы его, так как противник отходил. Немецкий автор [1], исследуя это положение, добавляет, что 2-я армия могла бы выдвинуть 7-й корпус к Ля-Ферте, а 9-й корпус — сдвинуться к западу. Но если бы разрыв и получился, то «разрывы в общем можно было бы допустить без особых опасений в операции, когда все войско находится в успешном наступлении, как это было с германским войском в те дни». Нужно добавить, что французское правительство 4 сентября эвакуировалось из Парижа.

Все эти соображения следует поставить в связь с контрнаступлением Клука на р. Урк в Марнской битве. Конечно, если уж иметь в виду новую ситуацию, создавшуюся для германских войск после поворота Клука к юго-востоку, лучше было операцию, впоследствии предпринятую Клуком, начать не 6, а 2 сентября. Выигрыш в несколько дней в данном случае позволил бы начать операцию в несравненно более благоприятных условиях. Но мы еще раз должны со всей силой подчеркнуть, что этим отнюдь не устанавливалось положение, которое было бы создано в случае планомерного движения всех германских армий к объектам, намеченным по директиве 27 августа. Ибо теперь неизбежно понадобилась бы перегруппировка германских армий, а именно сдвижение их к западу, т. е. то, что надо было сделать раньше. Несколько дней было потеряно безвозвратно. 1-й армии не пришлось бы двигаться в пустом пространстве, как это было при ее движении западнее Уазы, а пришлось бы вступить в довольно упорный бой с сосредоточившимися к Парижу частями 6-й армии. Марнская битва началась бы на три дня раньше. Но почти наверняка можно сказать, что и в этих условиях начавшееся сражение вызвало бы общую остановку германских армий в их наступлении. В случае выигрыша таким путем нескольких дней Жоффр успел бы перегруппировать свои силы и перейти в наступление. Однако, сражение по своему типу больше подходило бы к фроп-

---

[1] Wetzell, Vor Paris 1914, — „Militär-Wochenblatt", 1934, № 15.

тальной операции. Война могла бы принять позиционные формы не на р. Эн, а на р. Марне.

Темп немцами был потерян, и восстановить эту потерю оказалось делом исключительной трудности.

6. ДИРЕКТИВА МОЛЬТКЕ ОТ 4 СЕНТЯБРЯ

Директива Мольтке, которая была сообщена армиям через специально посланных офицеров на автомобилях 5 сентября, здесь рассматривается, как заключение ко всей главе; ее роль для хода Марнской битвы будет рассмотрена в следующих главах.

Что произошло за период 27 августа — 4 сентября? В директиве читаем:

«Противник ускользнул от охватывающего наступления (dem umfassend angesetzten Angriff) 1-й и 2-й армий и частью своих сил примкнул к Парижу. По имеющимся сообщениям и проверенным агентурным данным, можно заключить далее, что враг передвигает силы с линии Туль—Бельфор к западу и что он также изымает некоторые части с фронта от 3-й до 5-й армий. Оттеснение всего французского войска к швейцарской границе становится в связи с этим более невозможным. Следует скорее считаться с тем, что враг сосредоточиваст более мощные силы в районе Парижа и подводит новые формирования для защиты столицы, и угрозы правому флангу германского войска».

Печальный итог. Стратегическое преимущество перешло к противнику. Теперь уже он угрожает германскому правому крылу. Германское главное командование вынуждено открыто признать неудачу шлиффеновского маневра.

Какие же меры предлагаются теперь в директиве германского главного командования?

«1-я и 2-я армии остаются против восточного фронта Парижа, чтобы наступательно противостоять действиям противника со стороны Парижа. 1-я армия — между Уазой и Марной. 2-я армия — между Марной и Сеной... Рекомендуется армиям держаться своей массой в таком отдалении от Парижа, чтобы сохранить достаточную свободу движения в их операциях».

Несмотря на словечко «наступательно», ясно, что две правофланговые армии по директиве переходят к обороне. Однако, германское главное командование надеется сохранить еще инициативу в своих руках:

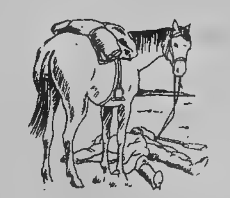
«4-я и 5-я армии находятся еще в соприкосновении с более сильным противником. Они должны стремиться как можно дальше оттеснять его на юго-восток. Этим должен быть также открыт путь через Мозель между Тулем и Эпиналем 6-й армии. Удастся ли здесь силами

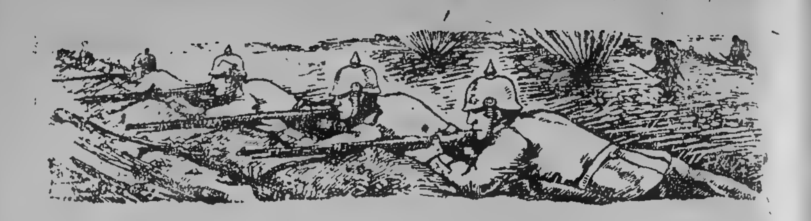
6-й и 7-й армий оттеснить значительные силы противника к швейцарской границе — это будет дальше видно».

В каком урезанном виде представляется здесь шлиффеновский план! Мольтке пожал здесь плоды своей неверной стратегии. Генеральное сражение должно быть разыграно там, где Шлиффен считал предрешенным его неуспех. Этот ублюдок родился в результате горько сложившихся реальных условий: пограничное сражение, Маас—Марна, непрерывный заворот германского центра к востоку — что оставалось Мольтке делать, как не признать свершившийся факт? Его стратегия тащилась в обозе за тактической реальностью.

Наконец, 3-я армия по директиве получала направление на Труа (Troyes) — Вандевр (Vandeuvre) с задачей примкнуть по ходу событий направо или налево.

Директива Мольтке не только является признанием скверной стратегической обстановки, она еще более ухудшала ее. Вместо того чтобы противостать стихии инерции и попытаться сорганизовать прочный оборонительный фронт от Парижа — южнее Вердена — до швейцарской границы, она вела к образованию разрыва между правым крылом и центром, между центром и левым крылом. Негодным выкидышем являлась в этой директиве идея стратегического наступления. Она создала добавочные чрезвычайные трудности германским армиям в Марнской битве, и Мольтке несет свою долю ответственности за ее результаты. В величайшее сражение германские армии вступили дезориентированными, растеряв остатки первоначального оперативно-стратегического преимущества.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ФРОНТ НА Р. УРК

(Схемы 3, 4, 5 и 6)

Мы уже указывали, что наступление 6-й французской армии севернее Марны сыграло исключительную роль потому, что «действием внезапности этой армии начинается сражение»[1] на Марне. Галлиени и Монури трактовали свою задачу довольно элементарно. Впрочем, так она трактовалась и в приказе Жоффра: предполагая, что путь наступления открыт, так как 1-я германская армия перешла через Марну и продвигалась к югу, французское главное командование наметило для 6-й армии — перейти р. Урк и выйти к Шато-Тьерри. Внезапность здесь понималась, так сказать, в «чистом» виде: полученное в результате ее время рассчитывали использовать для удара по тылам противника и одновременно сокрушить 1-ю германскую армию южнее Марны совместными действиями англичан и 5-й французской армии. На самом деле получилось нечто совершенно иное.

В описаниях боев на р. Урк чрезвычайно много места уделяется маневрированию обеих сторон и слишком недостаточное внимание обращается на основную особенность этих боев, имеющих до известной степени историческое значение. Впервые с начала войны атаки в открытом поле встретили непреодолимую преграду. Попытки наступления как с той, так и с другой стороны разбивались об эти преграды, как волны о камни мола. В данном случае вовсе не существовало крепостных сооружений или трудноодолимых естественных препятствий. И тем не менее на р. Урк обнаружилась совершенно бесспорная тенденция к образованию неподвижного фронта.

«Битва на Урке, начатая как наступательный маневр (une manoeuvre offensive), превратилась в битву остановки (bataille d'arrêt)»[2].

Пятидневные бои на правом берегу Урка отличались исключительной ожесточенностью и крайним упорством. Тем более удивительной яви-

---

[1] Les A. F. I³, 73.
[2] Там же.

лась для командования обеих сторон безрезультатность этих боев. В ходе сражения с германской стороны наблюдалось чрезвычайное нагромождение частей и перемешивание их. Составить себе четкое представление о боевом построении 1-й германской армии не так просто. Мы предлагаем поэтому сосредоточить внимание на основном звене, которое получило выдающееся значение для хода Марнского сражения в целом. Через все поле сражения, в тылу которого наблюдалось лихорадочное движение, через все поле сражения, потрясаемое гулом бесчисленных орудий, испещренное взрывами, перекрываемое пехотным огнем, усеянное трупами людей и лошадей, проходил отчетливо обозначенный рубеж, который не смогла в течение боя перешагнуть ни та, ни другая сторона. Этот рубеж провел твердую черту в развертывании Марнской битвы и повлек за собой чрезвычайно серьезные последствия.

Необходимо получить ответ на вопрос — почему эти действия сторон оказались прикованными к узкой полосе, почему все попытки наступать за пределы этой полосы не дали никакого эффекта?

По этому рубежу мы предлагаем читателю произвести рекогносцировку поля сражения.

Рубеж, о котором идет речь, — это дорога, ответвляющаяся от шоссе—Мелен—(Melun)—Мо (Meaux)—Марейль (Mareuil sur Ourcq) у выс. 107. Во время боев 5 сентября она была обсажена тополями, которые, по свидетельству французского историка, уже более не существуют, видимо, они были уничтожены жестоким артиллерийским огнем.

Но прежде, чем начать нашу рекогносцировку, оглянемся на восток: мы увидим реку, именем которой названа вся великая битва, — Марну. В этом месте она делает петлю к северу. На другом берегу — местечко Жерминьи (Germigny), от которого идет дорога к югу на Трильпор (Trilport). По этой дороге пришел на поле сражения 2-й германский корпус. 6 и 7 сентября в Жерминьи нет французских частей, но к 19 час. 8-го сюда подходят передовые части 8-й французской дивизии: фронт на р. Урк оказывается под фланговым ударом с юга.

От выс. 107 наша дорога поднимается к выс. 115 и затем спускается к Этрепильи (Etrepilly). На этом участке пока остановимся. Восточнее дороги на берегу Марны находится местечко Варед (Vareddes).

1. ОБОРОНА ВАРЕД

Местечко Варед расположено на искусственном острове, который образуется с одной стороны течением Марны и с другой — Уркским каналом (Canal de Ourcq), окаймляющим реку. Канал сам по себе является серьезной водной преградой. Севернее и западнее Варед возвышаются холмы около 60 м высоты, которые круто спадают к Марне. Таким образом, правый берег Марны господствует здесь над

левым. Понятно поэтому, какое важное значение имело удержание этого пункта, который являлся левым флангом германского фронта на р. Урк. Сюда вели все пути с юга, откуда грозила опасность удара со стороны союзников. Очевидно также, что оборона Варед

Панорама местечка Варед

заключалась в удержании упомянутых высот, по которым пролегает наша тополевая дорога.

а) 5-я группа резервных дивизий (французская) атакует тополевую дорогу

На правом крыле 6-й французской армии 5 сентября шли 55-я и 56-я рез. дивизии под общим командованием ген. Ламаз (Lamaze) и Марокканская бригада ген. Дитта. Как мы уже знаем, в своем движении к Урку эти части около полудня столкнулись с германским 4-м рез. корпусом.

В силу неожиданности[1] этого столкновения и активности командования 4-го рез. корпуса (см. дальше) бой затянулся до вечера без результата. Находившийся севернее 7-й французский корпус участия в бою не принял.

В 23 часа, после неудачи, понесенной резервными дивизиями[2], Монури напоминает 6-й армии, и в особенности ген. Ламаз, что задачей является наступление до конца (une offensive à fond). Группе резервной дивизии и 7-му корпусу предлагается на другой день или даже ночью возобновить наступление.

---

[1] „Предпринятый 5-го около полудня марш к Урку почти тотчас же наткнулся на непредвиденное сопротивление у Сен-Супле (Saint-Soupplets), Монтио (Monthyon) и Паншар (Penchard), которых не смогли захватить“ (Les A. F. I[3], 84).

[2] Там же.

Но факт оставался фактом. Благодаря смелой инициативе командования 4-го рез. корпуса, 6-я армия была весь день 5-го числа задержана перед указанным рубежом. Выигрыш темпа, благодаря внезапности, оказался сразу же подорванным: германское командование получило почти сутки для осуществления контрмер. Общее наступление союзников, как известно, в этот день еще не начиналось.

Среди ночи ген. Ламаз узнает, что противник эвакуировал свои позиции. Он предписывает своим дивизиям не медля возобновить движение вперед. Но усталые войска идут медленно и осторожно. 56-я дивизия, заняв Сен-Супле, к 9 час. утра 6 сентября подходит к Марсильи (Marcilly). 55-я дивизия, по занятии Монтиона, в 10 ч. 30 м. овладевает, после короткой борьбы со слабым отрядом противника, Барси (Barcy). Марокканская бригада, заняв Паншар, движется в направлении к Шамбри (Chambry). Движущаяся на крайнем правом фланге кавалерийская группа около 10 час. обстреляна артиллерией противника между Паншар и Марной.

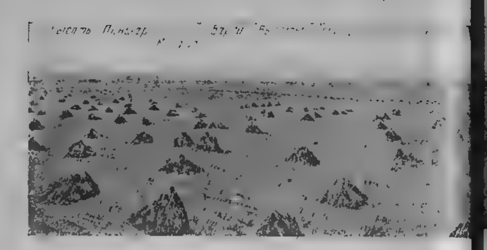
Между тем ген. Монури имеет уже сведения, что задержка наступления 6-й армии дает свои отрицательные плоды. Авиационная разведка сообщает о переправе через Марну сильных колонн противника у Мо и Иль-ле-Мельдез (Isles-les-Meldeuses); севернее Марны противник расположился для обороны. Ген. Монури приказывает 5-й группе рез. дивизий атаковать противника с линии Марсильи — Барси, с целью овладеть дер. Варед и отбросить подходящие с юга германские подкрепления. 7-й корпус продолжает свое движение вперед.

Ген. Ламаз отдает приказ 55-й рез. дивизии атаковать Варед, 56-й занять Этрепильи, двигаясь «с энергией и быстротой; в случае необходимости люди могут сбросить ранцы». Прибывшая 45-я дивизия направляется в Паншар для участия, если понадобится, в атаке на правом фланге.

В 11 час. ген. Монури получает сообщение от 5-й армии, подтверждающее отход сильных колонн противника к Марне: птичка начинает ускользать из когтей. «Исключительно важно, — говорилось в этом сообщении, — чтобы 6-я и английская армии смогли действовать во фланг отходящих немецких колонн».

Продвигаясь к востоку, 56-я рез. дивизия попадает под огонь противника и задерживается к ночи: левым флангом у самой дороги (подразумевается тополевая дорога, указанная нами выше), заняв ферму Полиньи (Poligny), 1 км юго-восточнее Пюизьё (Puisieux) в центре у Шам-Флери (Champ-fleury), правым флангом, который не смог продвинуться несколько восточнее Марсильи.

55-я дивизия, которой поставлена задача овладеть дер. Варед, ведет атаку на выс. 115, через которую проходит наша дорога (2,5 км восточнее Барси); 109-я бригада — прямо от Барси по хребту; 110-я бригада — через лощину фермы Сен-Гобер (Saint-Gobert) и от

Панорама пол[я] сражения на р. Урк

выс. 124. 109-я бригада продвигается быстро; в 14 час. она находится в 600 м от выс. 115, занятой противником, и ввязывается в бой с ним; но уже в 15 час. огонь противника вызывает отход всей линии назад. Более прикрытая от огня противника 110-я бригада к 15 ч. 30 м. выходит к выс. 115, и за ней снова идут вперед развернутые линии 109-й бригады. Атака продолжается до 18 час., когда она терпит полную неудачу; части, отхлынув назад, к ночи занимают линию выс. 124, Барси, выс. 121 [1]. Южнее Марокканская бригада Дитта выдвигается восточнее Паншар и Шамбри [2]. Итак, первая попытка перешагнуть рубеж дороги кончается плачевно; задача — овладеть Варедом — не выполнена.

Ген. Монури приказывает 5-й группе резервных дивизий на ночь о к о п а т ь с я (retrancher) на занятой линии, а с утра возобновить атаку участка между Плесси-Пласи (le Plessis-Placy) и Марной. Ген. Ламаз располагает 56-ю рез. дивизию слева для атаки в направлении на Плесси-Пласи, Вернель (Vernelle, на берегу р. Урк), сохраняя тесную связь с левофланговой дивизией 7-го корпуса; 45-ю дивизию справа — для наступления в направлении Этрепильи, Лизи (Lizy-sur-Ourcq).

---

[1] Официальное французское издание причину неудачи видит в „стрельбе на слишком короткую дистанцию нашей 75-мм пушки“ (F^3, 98). Действительная причина заключалась в сосредоточении немцами на участке мощной группы артиллерии, в том числе и тяжелых гаубиц, о чем дальше.

[2] Официальный французский труд не говорит об участии Марокканской бригады в атаке 6 сентября, хотя другие французские авторы (Koeltz, например) указывают на это. Видимо, марокканские стрелки поддерживали атаку 55-й дивизии своим огнем.

55-я дивизия отводится в тыл наступающей группы, имея «задачей укрепить позицию на случай возможного отступления». Интересно сопоставить такие отдаленные объекты наступления и одновременно осторожную заботу о подготовке к возможному отходу.

С 4 часов 7 сентября 56-я и 45-я дивизии начинают атаку. Но «их продвижение под очень оживленным огнем тяжелой артиллерии происходит с большими трудностями (pénible)». Французская артиллерия не может нащупать немецкую, стреляющую из-за хороших укрытий. К середине дня 56-я рез. дивизия все еще на линии Шамфлери—Рапери (вдоль дороги Барси—Пюизьё). 89-я бригада 45-й дивизии, выйдя из Паншара, наступает под губительным огнем артиллерии и пехоты противника; усталые и полуголодные части к 11 час. доходят лишь до Шамбри; 90-я бригада той же дивизии выдвигается на 600 м к востоку от Барси, но огонь противника заставляет ее отхлынуть назад к этому местечку.

Опасаясь охвата своего правого фланга, ген. Ламаз направляет к Шоконэн (Chauconin) 109-ю бригаду 55-й рез. дивизии.

После полудня атака продолжается. К 18 час. 350-му полку 56-й рез. дивизии удается, наконец, добраться до дороги в окрестностях Этрепильи, но он не может удержаться здесь и отходит к Рапери. 2-й полк зуавов 45-й дивизии вечером проникает в Этрепильи, где происходит ожесточенный штыковой бой; окруженный противником, он с трудом пробивается обратно. 89-я бригада, «истощенная и остановленная очень сильным огневым заграждением артиллерии и пулеметов, не может продвинуться к выс. 115». Один из полков Марокканской бригады, направленный на юго-восток, через Крежи (Crégy), по дороге к Ля-Кантин (la Cantine), атакует вечером выс. 107

(откуда начинается наша дорога), но, отраженный огнем противника, в беспорядке отходит.

8 сентября 5-я группа резервных дивизий сохраняет ту же задачу, что и накануне, и выполняет ее с тем же успехом. «День 8 сентября проходит, а 55-я и 56-я дивизии, приведенные в неподвижность (immobilisées) бомбардировкой, не в состоянии продвинуться вперед». 56-я дивизия «всюду натыкается на укрепленные позиции (positions organisées)». Ночь проводят окопавшись.

45-я дивизия не переходит весь день в наступление, несмотря на полученный приказ. Ген. Дрюд предлагает своим частям «укрепиться оборонительно (s'organiser défensivement), быть осторожными». «У противника как будто мало пехоты, но его оборонительные укрепления (organisation défensive) сильно подвинулись вперед. Он располагает многочисленными пулеметами, почти врытыми в землю (enterrées) и замаскированными, и, кроме того, перед 45-й дивизией—4 батареи тяжелой артиллерии и 8 полевой [1]».

Вечером 9 сентября, когда германские армии уже отступили, 5-я группа резервной дивизии все еще находилась на своих старых позициях, западнее тополевой дороги, которую ей так и не удалось перейти в дни Марнской битвы.

б) 3-я германская дивизия на позициях выс. 107 — выс. 115

Рано утром 5 сентября мы могли бы видеть еще в Трильпоре 3-ю германскую дивизию (2-й корпус), которая выступает к югу; несколько позднее в местечке Варед появляется конный эскадрон 22-й рез. дивизии (4 рез. корпус), который вскоре уходит на запад через Шамбри (Chambry), откуда доносится гром начавшейся Марнской битвы. Всего за несколько часов до этого 3-я дивизия ушла на юг с тем, чтобы на другой день форсированным маршем вернуться на поле боя. Факт немаловажный для хода Марнского сражения. Запомним его.

Вечером гром битвы на западе стихает, и затем в предрассветной мгле появляются части 4-го рез. корпуса, отступающего на восток. 82-й рез. полк, пришедший в Варед, получает приказ удерживать переправы на Марне, чтобы обеспечить выход на поле сражения возвращающемуся 2-му корпусу.

В 5 час. утра 6 сентября командир 2-го корпуса ген. Линзинген и командир 3-й арт. бригады ген. Стамфорд поднимаются на выс. Брэнш (Brinches) юго-восточнее Трильпор. Оттуда видны колонны противника, продвигающиеся к востоку. 3-я дивизия получает приказ двигаться через Жерминьи к переправам на Марне и атаковать против-

---

[1] Les A. F. I[3], 151.

ника всюду, где он будет встречен. Однако, время не ждет, и ген. Линзинген приказывает ген. Стамфорду выдвинуться не медля со всей артиллерией, которая может быть собрана безотлагательно, — вперед севернее Марны. Драгуны 3-го и 12-го полков должны служить ей прикрытием. В 7 ч. 30 м. у Трильпора сосредоточиваются и рысью двигаются вперед 1-й и 2-й дивизионы 38-го арт. полка, 1-й дивизион 2-го артполка и 1-й батальон 15-го полка пешей (тяжелой) артиллерии. В 8 ч. 30 м. ген. Стамфорд находится уже на выс. 114, северо-восточнее Варед. Отсюда он видит линии французской пехоты, спускающиеся с возвышенности Шамбри и далее к северу. Варед, наполненный еще отступающими частями 4-го рез. корпуса, обстреливается артиллерией противника. По приказу Стамфорда, оба дивизиона 38-го арт. полка располагаются у выс. 114; тяжелые (150-мм) гаубицы — несколько восточнее; 1-й арт. дивизион 2-го полка — у Жерминьи. Все орудия открывают огонь по наступающему противнику. Прибывший на выс. 114 ген. Троссель, командир 3-й дивизии, приказывает в 10 час. утра 5-й бригаде (2-й и 9-й гренадерские полки) выдвинуться на возвышенность севернее Варед (отметки 114 и 115); 6-й же бригаде (42-й и 34-й полки) занять возвышенность 107—115, по которой пролегает известная уже нам дорога. Первым идет вперед 3-й батальон 42-го полка, он переходит дорогу в направлении к Барси (Barcy), но попадает под огонь противника, занимающего высоты юго-восточнее Барси (55-я рез. французская дивизия) и вынужден отойти к дороге, вдоль которой стрелки и залегают. Два других батальона того же полка занимают позиции вдоль дороги левее; на выс. 107 выходит 3-й батальон 34-го полка; части сразу же начинают рыть окопы; однако, недостаток лопат и каменистая почва затрудняют возведение прикрытий. Части 5-й бригады держатся несколько восточнее дороги, выдвинув к ней один батальон. 11 батарей у выс. 114 стараются оказать всемерную поддержку обороне. Однако, ведение огня затрудняется трудностью наблюдения; одна из батарей выдвигается прямо к передовой линии на дороге и под огнем артиллерии противника начинает обстрел его пехоты. Противник (55-я рез. дивизия и Марокканская бригада) проявляет чрезвычайную активность, стремясь во что бы то ни стало прорвать фронт, установившийся вдоль дороги. Атаки следуют одна за другой со стороны Барси и Шамбри. Противник угрожает охватом крайнего левого фронта, куда — восточнее выс. 107 — командир 6-й бригады выдвигает приданный ему 1-й батальон 9-го гренадерского полка. С. Б. Морена срочно отзывается оставленный там арьергард: «на фронте нужны все силы вплоть до последней винтовки». Прибывшие части также вводятся на боевую линию. Французская пехота подошла к дороге на 600 м, но наступающая темнота заставила ее прекратить атаку. В одном только 3-м батальоне 42-го полка потери за этот день составили 5 офицеров, 24 унтерофицера, 475 солдат.

Панорама … Варед

Дер. Варед под огнем артиллерии противника горит. Ген. Троссель (командир 3-й дивизии) в 15 час. приказывает пехоте о к о п а т ь с я. В 17 час., по полученным данным, он оценивает положение как «критическое» и предлагает отвести левый фланг уркского фронта назад. Однако, ген. Линзинген приказывает во что бы то ни стало удерживать Варед, чтобы «воспрепятствовать прорыву противника сразу же севернее Марны» и не допустить неблагоприятного морального впечатления на войска. В 19 час. еще одна батарея выдвигается западнее Варед вплотную к линии пехоты; так как огонь противника непрерывно стелется вдоль дороги, приходится выпрячь орудия, которые тащат дальше на канатах; на дистанции в 600 м батарея открывает огонь. Приказ на 7 сентября ставил дивизии задачу обороны на занятых позициях, которые надлежало сильно укрепить.

3-й дивизии удалось таким образом предотвратить разгром германского фронта севернее Марны, угрожавший в случае проникновения противника в Варед, но это было достигнуто тяжелой ценой. Измученные усталостью и голодом, истомленные кровавой жатвой смерти лежали германские солдаты в окопах, наспех вырытых вдоль дороги; им предстояло еще долгих 2 дня оборонять подступы к ней, захват которых грозил продвижением врага в тыл германским армиям, сражавшимся по ту сторону Марны.

С утра 7 сентября в Марнской долине у Варед возобновился ожесточенный артиллерийский бой. Французские гранаты, попадая в реку и канал, поднимали огромные фонтаны. Французская артиллерия вела стрельбу, систематически удлиняя прицел на одно деление, так что вся местность перекрывалась планомерным огнем. На выс. 107 под сильнейшим огнем противника лежали бойцы 34-го полка, 1-го батальона 9-го полка и саперная рота 2-го полка (отряд майора Валерта, командира 34-го полка). Противник, видимо, стремился здесь сбить левый фланг расположения на Урке атакой со стороны Мо. Вдоль дороги Мо—Варед наступали африканские части, встреченные артиллерийским, пехотным и пулеметным огнем. Германская артиллерия вела огонь с позиций у Ге-а-Трем (Gué à Tresmes). Особенно жестоко страдал от огня противника 1-й батальон 9-го полка, оборонявший перекресток национального шоссе и нашей тополевой дороги; знамя батальона пришлось извлекать из груды трупов. На подмогу крайнему левому флангу было выдвинуто несколько рот 2-го гренадерского полка. Атаку африканцев удается остановить. Вдоль тополевой дороги 1-й батальон 34-го полка и 42-й полк несут большие потери из-за «несовершенных прикрытий. Работа лопатой была еще неизвестна солдату 1914 г.[1]». Атаки противника были отбиты главным образом выдвинутыми вплотную к пехотным линиям батареями 3-го и 2-го арт. полков. Варед непрерывно обстреливался противником, и солдаты называли его «адом». Огонь не пощадил и части, находившиеся севернее Вареда. Ген.-лейт. Троссель сообщил представителю командования 2-го корпуса (ген. Линзинген), что без поддержки 3-я дивизия дальше держаться не сможет.

---

[1] „Die Schlacht vor Paris“, 109.

Панорама Монтиона—Панщара—Нефмонтьера

К середине дня бой стихает. Оба противника забились в окопы, разделенные пространством 200—1 000 м друг от друга. На этом пространстве разбросаны трупы французских бойцов, павших в утренней атаке.

В 14 час. французские орудия открывают внезапно бомбардировку. Снаряды в особенности поражают отчетливо видную, благодаря тополям, дорогу и позиции позади нее. Части 2-го и 9-го гренадерского полков на крайнем левом фланге не выдерживают адского огня и откатываются назад. Французская пехота вновь движется редкими цепями по полю боя, но ее встречает огонь винтовок и пулеметов; расположенные непосредственно за передовыми линиями батареи присоединяют свой веский голос. К 18 час. бой снова стихает; надвигается вечер. Вдруг в 21 час. разражается внезапная атака (1-й егерский туземный полк, бригада Дитта) против выс. 107 вдоль дороги Мо — Мелен; она отражается соединенными усилиями гренадеров 2-го и 9-го полков, пулеметной роты 34-го полка и роты 71-го рез. полка, прибывшей из дер. Варед.

В приказе ген. Линзингена (объединившего командование всеми силами 1-й армии, сражающимися севернее Марны), изданном 8 сентября в 9 час., отмечалось, что «южная группа в Вареде удержала свои позиции». Но это было уже последнее усилие.

С утра 8 сентября бомбардировка позиций 3-й дивизии возобновляется.

Немецкие батареи, обстреливавшие пехоту противника на близкой дистанции до 800 м, подверглись жесточайшему обстрелу. На одной из них возник пожар, который тушили песком. Окопавшиеся впереди артиллерийских позиций стрелки переживали тягостные часы под невыносимым артиллерийским огнем противника. Ген. Троссель узнает, что к Трильпору движутся части противника (8-я дивизия). Со

стороны Этрепильи противник угрожает также и правому флангу. Держаться становится все более невозможным. В 8 ч. 35 м. ген. Троссель, в соответствии с указанием армейского приказа на 8 сентября, просит разрешения отступить от Варед. Ген. Линзинген, учитывая общую обстановку, решает эвакуировать Варед и принять новое расположение на левом фланге. В 9 час. части 3-й дивизии покидают позиции, которые с упорством защищали в течение двух дней; поспешно проходят батальоны через Варед, сильно поредевшие, усталые и истощенные; с ними спешат к западу повозки с ранеными. Но часть их остается за невозможностью эвакуации. Выс. 114 удерживается еще, и артиллерия пытается остановить продвижение врага. Нарастают тревожные слухи о подходе неприятельской кавалерии к Марне: часть орудий уже поворачивает свои жерла на юг. Здесь мы обрываем изложение событий на участке 3-й дивизии, так как дальнейшее относится к иной обстановке.

2. ОБОРОНА ТОПОЛЕВОЙ ДОРОГИ
4-Й РЕЗ. КОРПУС НА Р. УРК

Наша дорога проходит через Этрепильи — пункт ожесточеннейших боев, и дальше следует к Аси (Acy-en-Multien). Это — центр фронта сражения на р. Урк. Здесь сражался 4-й рез. корпус под командованием ген. Гронау, которому 7 сентября на северном участке была подчинена также 15-я бригада (8-я дивизия, 4-й корпус).

а) Начало Марнской битвы

Утром 5 сентября 4-й рез. корпус с приданной ему 4-й кав. дивизией следовал двумя колоннами (7-я и 22-я рез. дивизии) к Марне,

Панорама лин… трепильи — Варед

чтобы, во исполнение приказа командующего армии, стать севернее Мо заслоном фронтом к Парижу. Состав корпуса — резервисты и ландвер, еще ни разу не побывавшие в бою; уже три недели они в непрерывном походе; от Рейна пройдено почти 600 км без одного дня отдыха. Вместо 25 батальонов корпус насчитывал всего лишь 16. Один из двух полков каждой бригады не имел пулеметов. В дивизии — 6 батарей легких орудий (вместо 12 — в активных корпусах). Тяжелая артиллерия отсутствовала.

Получив сведения о скоплении сил противника к западу (6-я французская армия), ген. Гронау принимает решение: 5 сентября в 12 ч. 30 м. атаковать противника, чтобы выяснить положение. В 13 час. раздались первые выстрелы: Марнская битва началась. Атака 4-го рез. корпуса развернулась веером из центра — местечко Монтион (Monthyon) по дуге полуокружности, против Сен-Супле, Плеси л'Эвек (Plessy-l'Evêque), Иверни (Iverny). Атакующая пехота была встречена сильным артиллерийским огнем и залегла на полпути к намеченным объектам. К вечеру ей удалось на правом фланге достигнуть Сен-Супле, на левом занять Невмонтье (Neufmontier) и Шоконен. В центре она была задержана. Выяснив, что перед ним находятся превосходные силы противника, Гронау решает ночью отойти за ручей Теруан. Отступление происходит в трудных условиях: нужно было быстро и незаметно снять разбросанные по всему полю сражения части; некоторые из них не получили своевременно приказов об отступлении и блуждали в ночной темноте, едва ускользнув из рук противника. Нехотя идут измученные солдаты назад, на восток. В этом ночном отходе корпус не представлял никакой серьезной боевой силы. Однако, французы не преследовали.

б) Французы переходят тополевую дорогу у Ванси—Маневр

В 5 ч. 30 м. 6 сентября ген. Гронау отдает приказ по корпусу: 7-й рез. дивизии занять линию Пюизьё (Puisieux) — Этрепильи (исключ.); укрепить местность. 22-й рез. дивизии — линию Этрепильи—Варед, где окопаться. Задача корпуса — удержаться на

этом участке протяжением около 10 км до подхода 2-го корпуса. Итак — оборона. Солдатам выдается шанцевый инструмент и впервые они начинают рыть землю, правда, еще не везде и неохотно: страшная усталость сковывает члены: 20 часов люди не ели и теперь, получив паёк (без хлеба!), они спят где попало. Но спать некогда: в 5 ч. 30 м. уже появляются на горизонте патрули противника. Около 8 час., под угрозой охвата правого фланга, ген. Гронау отводит части 7-й рез. дивизии к востоку от Пюизьё. Они переходят тополевую дорогу и располагаются: 66-й рез. полк несколько восточнее ее, на возвышенности Шампфлери; на его левом фланге 3-й батальон 72-го рез. полка, правее 27-й рез. полк; 36-й рез. полк располагается по обе стороны дороги, несколько южнее Аси. Дивизионная артиллерия — вокруг Троси (Trocy). В 10 час. утра французская артиллерия засыпает снарядами позиции 7-й и 22-й рез. дивизий. 3-й батальон 71-го рез. полка очищает Этрепильи. Около 12 час. сильный артиллерийский огонь противника обрушивается на часть 2-го батальона 72-го рез. полка севернее Этрепильи. Еще севернее лежат на высотах, спускающихся к нашей дороге, под палящим солнцем, тонкие линии 66-го рез. полка. Снаряды неприятельской артиллерии падают планомерно и методично на этом участке. 2-й дивизион 7-го рез. арт. полка выдвинул свои батареи вплотную к позициям пехоты. Атака противника задержана на расстоянии 800—1 000 м. «Главный бой велся между артиллерией обоих противников. Немногие немецкие батареи не смогли одержать верх над сильно подавляющей, укрытой неприятельской артиллерией, что оказывало принижающее действие на отданную в жертву огню пехоту, которая не выросла еще до уровня требований этого урагана» [1]. 27-й рез. полк не выдерживает огня противника; отход превращается в бегство и только в лесу, что южнее Розуа (Rozoy en Multién), удается собрать снова роты; этим открыта брешь в 2 км между 66-м и 36-м рез. полками. Части противника (7-й французский корпус) к 10 час. появляются у Буйланси (Bouillancy) и Фос-Мартен (Foss-Martin), юго-западнее Аси,

[1] „Die Schlacht vor Paris“, 70.

угрожая охватом правого фланга 4-го рез. корпуса. Прибытие 2-го корпуса спасает положение. В 11 ч. 30 м. генерал Линзинген принимает на себя командование обоими корпусами. Он прежде всего направляет наличную артиллерию в район Троси и Плесси-Пласи (Plessis-Placy). Только ее огонь сдерживает атаку французов. 4-я дивизия ведет атаку на Аси (см. дальше). Остатки частей 4-го рез. корпуса в районе Венси — Маневр (Manoeuvre), Мольни (Maulny) лежат недвижимо, зарывшись в землю. В 16 час. атака противника направляется против фермы Ножон (Nogeon), отбрасывая части 36-го рез. полка, которые с трудом собираются вновь южнее Аси. Между фермами Ножон и Мольни французам (63-я рез. дивизия 7-го корпуса) удается перейти тополевую дорогу и выйти на 200 м во фланг артиллерийских позиций у этой последней фермы. Только 2 роты егерей удается бросить в прорыв; происходит ожесточенная рукопашная схватка. Артиллерия и мелкие части, которые еще находятся в бреши у тополевой дороги, после ухода 27-го рез. полка с наступлением темноты поспешно отходят на восток. К ночи положение здесь становится чрезвычайно опасным; в тылах начинает распространяться паника. Фронт держит только 66-й рез. полк. 22-я рез. дивизия должна оказать помощь, но в распоряжении ее командира ген. Римана у Троси только 3 батальона 32-го рез. полка и 1 батальон 82-го: им дается приказ перейти в атаку на Этрепильи. Встреченная сильным огнем противника пехота в 17 ч. 45 м. вступает в Этрепильи и, пройдя его, выдвигается на знакомую нам дорогу. Однако, узнав о прорыве фронта у Вэнси, командир 22-й рез. дивизии отзывает свои части на прежние позиции. 66-й рез. полк один остается на линии дороги от Этрепильи к Аси, под угрозой окружения с обоих флангов.

в) Артиллерия блокирует рубеж

Уже двое суток почти без перерыва части 4-го рез. германского корпуса ведут тяжелую борьбу. Остатки его разбросаны по фронту тремя группами: на участке 22-й рез. дивизии 44-я рез. бригада (4 батальона) занимает позиции у Троси; севернее, на участке 7-й рез. дивизии, 3 батальона 66-го рез. полка и 1 батальон 72-го полка в центре; 36-й рез. полк в лесу у Аси. В брешь у Вэнси—Маневр необходимо немедленно же направить новые силы. Наступает утро третьего дня битвы — 7 сентября. 4-й арм. корпус подходит к полю сражения. Прежде всего помощь 4-му рез. корпусу должна быть оказана его артиллерией, которую легче и быстрее можно выбросить вперед. 75-й арт. полк занимает позиции на участке 4-го рез. корпуса. Начальник артиллерии 4-го арм. корпуса генерал Боте принимает на себя командование всей артиллерией на этом участке, которая разделяется на две группы: северная, юго-восточнее Маневр, включает 1-й дивизион 75-го и 2-й дивизион 7-го рез. арт. полков,

южная, восточнее Троси, — 2-й дивизион 75-го, 2-й дивизион 22-го рез. полка, 1-я батарея того же полка и 1-й батальон 4-го полка пешей артиллерии (150-мм гаубицы). Позиция у Троси становится, таким образом, как бы ключом всего расположения частей 1-й армии севернее Марны. Ее охраняют 4 истощенных батальона 22-й рез. дивизии. Командир этой дивизии ген. Риман, находясь сам у передовых линий (в этот день он был ранен), справедливо считает такое положение опасным, пока Этрепильи остается в руках противника (350-й полк 56-й рез. французской дивизии вступил в это местечко в 10 ч.), и приказывает 44-й рез. бригаде вновь овладеть им. Снова пехота 32-го и 82-го рез. полков идет в атаку. После ожесточенной схватки к 11 час. 2 батальона занимают участок нашей дороги севернее Этрепильи и 1 батальон — южнее: вдоль дороги в этом районе снова устанавливается фронт. Атака французов (63-я рез. дивизия) направляется и на участок 66-го рез. полка, но огонь 13 батарей из района Троси, в том числе и тяжелых гаубиц, отражает ее; также удается отразить атаку и 36-му рез. полку (63-я рез. французская дивизия), который все еще удерживается южнее Аси.

Утром 7 сентября 4-му германскому рез. корпусу удалось удержаться на своих позициях только благодаря поддержке мощного (по тем временам) артиллерийского кулака у Троси. Однако, по свидетельству немецких источников [1], превосходства над французской артиллерией достигнуть все же не удалось.

г) Бой 15-й бригады на тополевой аллее 7 сентября

Утром 7 сентября в прорыв у Вэнси спешно направляется 15-я бригада (8-й дивизии 4-го германского корпуса в подчинении ген. Гронау). Уже в 9 час. 2-й батальон 93-го полка стал продвигаться в направлении к ферме Ножон. Отсюда его встречает сильный огонь противника, пулеметы которого действуют также от дороги Аси — западный участок Этрепильи, обсаженной высокими тополями. Однако, в 10 ч. 10 м. батальон достигает этой дороги севернее перекрестка ее с дорогой Вэнси—ферма Ножон, и стрелки окапываются здесь. Другой полк бригады 36-й (не смешивать с 36-м рез. полком, что находится южнее Аси)—в резерве на дороге между Вэнси—Аси.

В 11 час, ген. Линзинген приказывает перейти в атаку по всему фронту, главным образом, правым крылом. Во исполнение этого ген. Гронау в 11 ч. 25 м. отдает приказ, по которому 15-я бригада и 7-я рез. «присоединяются к атаке северной группы по мере ее продвижения вперед. Правый фланг от Вэнси — Маневр на Пюизьё, равнение направо. Тяжелая артиллерия должна под-

[1] „Die Schlacht vor Paris“, 118.

Панорама Троси — Этрепильи — ручья Теруан

держивать атаку, перемещая, в случае необходимости, свою позицию вперед». Командир 15-й бригады решает все свои силы выдвинуть к тополевой дороге, где пока залег 1 батальон 93-го полка; но, когда подходят остальные части полка, они попадают под огонь французской артиллерии. Огнем встречаются и 2 батальона 36-го полка, подходящие к дороге, которые к 16 час., наконец, располагаются вдоль нее, южнее упомянутого перекрестка с дорогой Вэнси—Ножон.

В 18 час. огонь по тополевой аллее со стороны противника усиливается. 93-й полк остается на своих позициях. Командир 36-го полка полк. Эрцен (Oertzen) приказывает атаковать ферму Ножон, откуда идет огонь. Стрелки вытягиваются в линию; пулеметная рота вклинивается тремя отделениями в центре на флангах; в 500—600 м от противника линия под неприятельским огнем останавливается. В 21 час командир полка приказывает итти в штыковую атаку; огонь противника усиливается, и лишь часть бойцов доходит до окраины фермы. Надвигается ночь. Не остается ничего другого, как отступать. 15-я бригада получает приказ отойти к Плесси-Пласи. Только один (2-й) батальон 93-го полка остается до 22 ч. 30 м. на дороге. В 23 часа 36-й полк располагается на ночлег южнее Вэнси. Он пережил кровавый день; в двух батальонах из офицеров остался в живых лишь один командир роты; 3-й батальон потерял 11 офицеров и 203 солдата.

д) Бой в Этрепильи 7 сентября

7-я рез. дивизия севернее Этрепильи была не в состоянии выполнить приказ о переходе в наступление. Тонкие линии пехоты держались с трудом; ее страдания от огня французской артиллерии становились непереносимыми, и в случае новой атаки противника угрожал прорыв. Поддержка своей артиллерии была недостаточна, так как она находилась слишком далеко (по понятиям того времени) от пехоты. Отдается приказ о выдвижении ее вперед к ручью Флуат (Flouats). Галопом вылетают батареи под огнем противника на новые позиции. Здесь почти отсутствует всякое прикрытие; пули французской пехоты ударяются в щиты орудий. Но зато теперь отчетливо видны наступающие с 16 час. линии противника, которые немедленно берутся под обстрел. Французская артиллерия в ответ усиливает огонь. Снаряды ложатся в расположении германской батареи; загораются боеприпасы, раздаются душераздирающие крики заживо горящих раненых; некоторые орудия вовсе прекращают огонь и вынуждены переменить позицию, отмечая свой путь трупами людей и лошадей. Вечером французы прорываются через тополевую дорогу севернее фермы Полиньи; их встречает шрапнельный огонь; егеря бросаются в штыковой бой. Атаку удается отразить. Трупы немцев и французов устилают все поле боя.

В 20 час. разразилась внезапная атака французов на Этрепильи (2-й полк зуавов 45-й дивизии и 350-й рез. полк 56-й рез. дивизии). Зуавам удается ворваться в местечко, и на улицах его происходит ожесточенный ночной бой. С большим трудом немцам удается удержаться в Этрепильи; ночью 44-я рез. бригада получает приказ отойти к Троси.

е) 4-й рез. корпус „превращен в шлак"

В полночь ген. Гронау подводит тяжелые итоги дня: «Армия удержала свои позиции,—говорится в его приказе...— Для армии дело заключается в том, чтобы окопаться и удержаться на

достигнутых позициях. Атака будет продолжена на правом крыле, куда идут 3-й и 9-й корпуса. В 4 часа все войска должны окопаться и быть готовы к бою на своих позициях. Части, которые слишком пострадали от артиллерийского огня на выдвинутой позиции, могут занять позиции позади первоначально занимаемых». Наиболее опасно попрежнему положение в районе Вэнси, где 15-я бригада не смогла удержаться на линии тополевой дороги. 93-й полк получает приказ вернуться с утра к ней. Отряд охраны штаба 1-й армии (батальон пехоты и дивизион артиллерии) выдвигается к юго-западу от Маневра.

В 5 час. утра 8 сентября французы (63-я рез. дивизия) атакуют позиции 36-го рез. и 93-го полков вдоль дороги, но немцы переходят в штыковую контратаку, которая доходит до окраины фермы Ножон. Теперь лишь этот участок тополевой дороги — южнее Аси — да самый южный — западнее Варед — удерживаются германцами: на всем остальном протяжении от Вэнси — Маневр до Этрепильи на ней остались лишь слабые авангарды. 36-й полк западнее Вэнси в своих наспех вырытых окопах подвергся ожесточенному обстрелу артиллерии противника. Полк. Эрцен, чтобы избежать громадных потерь, приказывает отойти в 8 час. утра на позиции восточнее Вэнси, где фюзильеры снова окапываются; саперная рота помогает рыть окопы. В 9 час. французы атакуют обнаженный отходом 36-го полка левый фланг 93-го полка, но контратакой немцы вновь отбивают их. Южнее 7-я рез. дивизия также не может выдержать сильнейшего огня неприятельской артиллерии и отходит восточнее ручья Флуат, где части, попрежнему преследуемые снарядами, начинают окапываться. Этот отход среди дня умножает потери. Скопление сил противника в районе Фосс-Мартен, Пюизьё, Марсильи, планомерный и возрастающий огонь французских батарей вызывают тревогу немецкого командования. Едва ли части 4-го рез. корпуса выдержат новую атаку. Адъютант 9-го батальона 36-го рез. полка, ст.-лейт. Пфейфер сообщает следующее впечатление при объезде частей: «всюду озабоченные лица, везде безнадежность. И, однако, в этот роковой час все проникнуты духом приказа: позиция должна быть удержана при всех обстоятельствах». Ген. Гронау пишет следующее об этом положении: «С 5 сентября пехота и артиллерия почти непрерывно находились в бою против значительно превосходящего врага, почти все силы — в передовой линии, без резервов, проводя день под палящим солнцем, без воды и пищи, напрасно ожидая смены и подкрепления. Многих стала охватывать слабость, и они оказались, как «отставшие», позади фронта. Офицеры моего штаба собирали их и снова вели вперед, поддерживая их добрыми вестями о ходе битвы, подходе прочих корпусов и т. п.».

Теперь только огонь 24 батарей, 138 орудий, на позициях Троси — Вэнси сдерживают натиск французской пехоты. В 5 ч. 15 м.

Гронау доносит, что, если он не получит помощи, прорыв на его фронте неминуем. К 9 час. положение становится еще более напряженным: теперь от огня французской артиллерии, в особенности страдают артпозиции германцев. Троси горит. Толпы «отставших», которые наполняют местечко, охватывает паника; она передается и штабам. В стоящую у Троси 4-ю батарею 75-го арт. полка попадает залп снарядов. «Окровавленные головы, оторванные руки и ноги,— записал тогда свои впечатления лейт. Рихтер,— разнесенные щиты, разбитые прицелы и оси, изогнутые лафеты орудий,— картина, которая всем нам проникла глубоко в сердце». Из 40 чел. батарея потеряла 12 убитыми и 21 ранеными. Полевая жандармерия усиленно наводит порядок в тылу. В 9 ч. 30 м. прибывают, наконец, передовые части 5-й дивизии (3-го германского корпуса), предназначенной для усиления фронта 4-го рез. корпуса. Как и раньше, прежде всего вводится в бой артиллерия. 3-й дивизион 54-го арт. полка занимает позицию северо-западнее Плесси-Пласи, 1-й батальон 2-го гвардейского полка пешей артиллерии — западнее этого пункта. Около 10 час. 16 тяжелых гаубиц открывают огонь, что заставляет французскую артиллерию уменьшить свой огонь. В это же время из Антильи прибывают 2 батальона 72-го полка, на участок западнее Вэнси. В 10 ч. 30 м. командир 22-й рез. дивизии ген. Риман отдает приказ, в котором указывает, что «атака прорыва со стороны противника на линии Вэнси—Маневр отбивается до сих пор с успехом, части должны во что бы то ни стало удержать позиции, которые они занимают до сих пор. Запрещается отводить части назад». Ген. Линзинген направляет прибывшую в его распоряжение 9-ю кав. дивизию в район Вэнси, чтобы подкрепить этот участок до подхода 5-й дивизии. Но бой мало-помалу утихает, и только, по свидетельству французского источника, «артиллерия с обеих сторон продолжает свое разрушительное действие, с методичностью и регулярностью, схожими с позиционной войной». К 11 час. обе бригады 5-й дивизии сосредоточиваются северо-восточнее Бовуар, выдвинув 2 батальона 48-го полка восточнее Вэнси.

Защита остатками 4-го рез. корпуса своих позиций вызывает изумление своим упорством, особенно если вспомнить о составе этого корпуса. Один из участников сражения (командир 8-го лейб-гренадерского полка 5-й дивизии) рассказывает о своей встрече в этот день с командиром 14-й рез. пех. бригады, ген.-майором Винсковским (Wienskowski), которого он нашел в овечьем хлеве среди открытого поля и который так обрисовал ему положение: «Там впереди вы видите наши пехотные окопы (Schützengraben). По большей части вы найдете там одни лишь трупы. Мы превращены в шлак (zur Schlacke ausgebrannt). Из офицеров этого полка все до последнего убиты или небоеспособны».

К ночи на позициях остаются лишь жалкие остатки 4-го рез. кор-

пуса, бойцы которого находятся в состоянии крайнего физического и морального истощения. Продовольственное снабжение функционирует скверно: солдаты не получают даже хлеба. Потери огромны. В течение 8 сентября в тылу 4-го рез. корпуса санитарные отряды подобрали 950 раненых, пришедших с позиций, в Лизи — 900. На фронте 7-й рез. дивизии, чтобы хоть сколько-нибудь укрыться от огня, срубают деревья и телеграфные столбы, используют трупы лошадей. Ген. Гронау, опасаясь новой ночной атаки, получает разрешение выдвинуть на передовые позиции части 5-й дивизии. В таком положении части на участке ген. Гронау ждут исхода атаки на правом крыле.

Утром 9-го, в силу общей сложившейся обстановки, ген. Линзинген отводит свои части за р. Урк.

Французы так и не продвинулись за тополевую аллею: их сдержала, главным образом, немецкая артиллерия.

3. ПОПЫТКИ ОХВАТА СЕВЕРНОГО ФЛАНГА ФРОНТА НА Р. УРК

Столкнувшись в мертвой схватке вдоль дороги выс. 107 — Этрепильи — Аси, обе стороны пытаются вернуть себе свободу маневра путем охвата северного фланга противника. Здесь разыгрывается ряд встречных боев, результат которых обнаруживает, однако, ту же тенденцию. 7 сентября фронт на р. Урк вытягивается к северу вдоль дороги Аси—Бец. 8 сентября он склоняется несколько к востоку, однако, попытки охвата опять терпят неудачи. С германской стороны сюда вводятся в бой все новые силы вплоть до решающего дня — 9 сентября.

а) Неудачная попытка 7-го французского корпуса перейти рубеж

6 сентября с утра 7-й корпус двумя колоннами двигается к востоку. К 11 час. он проходит линию Шевревиль (Chevreville), Брежи (Brégy), направляясь 63-я дивизия — на Фосс-Мартен (Fosse-Martin) и 14-я — на Буйланси (Bouillancy). Обе дивизии имеют приказ «продвигаться вперед, как можно быстрее».

По получении новых директив ген. Монури (см. выше), в связи с переходом через Марну сильных колонн противника, командир корпуса ген. Вотье (Vautier) передает всю артиллерию 63-й дивизии, которая должна помочь, в случае необходимости, группе ген. Ламаз. 14-я дивизия должна ускорить марш, чтобы не дать германцам уйти к северу. Основной задачей остается в течение дня — выход к р. Урк у Круи (Crouy).

После полудня фланговые отряды корпуса занимают Нантейль-Ле-Годуэн (Nanteuil-le-Haudouin) и Бец (Betz).

27-я бригада 14-й дивизии, пройдя Буйланси, в 13 час. овладевает Аси (Acy-en-Multien), но мощная контратака противника выбивает ее оттуда с большими потерями. 28-я бригада обходит Аси с севера; ей удается достигнуть Этавиньи (Etavigny) к 17 час., а некоторым частям проникнуть в Аси, однако, контратака противника на всем фронте бригады выбивает ее из обоих пунктов. На ночь дивизия располагается в Буйланси. «Потери 14-й дивизии серьезны; две батареи уничтожены»[1].

63-я рез. дивизия, пройдя Брежи, под огнем артиллерии противника, идет очень «медленно». В 18 час. она удерживается в Фосс-Мартенги ферме Ножон. Лишь нескольким ротам удается перейти тополевую дорогу, наступая к ферме Мольни (Maulny). «Но немецкие пулеметы вдруг обнаруживают себя и производят столь внезапное действие, что остается только маленькая кучка людей вокруг офицеров».

Ген. Вотье вынужден отказаться от всякой мысли возобновить атаку ночью. Он стремится ободрить свои части, потерпевшие кровавую неудачу, констатируя, что 7-й корпус сыграл свою роль, привлекая на себя силы противника и «не уступая ни пяди земли». Где гордые мечты о бивуаке на берегу р. Урк?

б) Атака 4-й германской дивизии на Аси

Наша дорога привела нас теперь к Аси, на юге которого в лесу, как мы помним, расположился 36-й рез. полк. Утром 6 сентября сюда же подходил 2-й батальон 140-го полка, который был встречен, однако, выстрелами с окраины местечка: Аси уже было занято французами (60-й пех. полк 27-й бригады 14-й дивизии 7-го корпуса). Батальон понес большие потери при попытке продвижения вперед — 9 офицеров и 227 солдат. Ввиду угрожающего положения в районе Аси ген. Линзинген направляет туда 4-ю дивизию, к 11 ч. 30 м. прибывшую в Лизи. К 14 час. правофланговая колонна — 7-я бригада — проходит Мей (May-en-Multien), левофланговая 8-я бригада находится в Плесси-Пласи. Поднявшись на высоту Вэнси, 8-я бригада развертывается для атаки: левее 140-й полк — 2 батальона в одну линию; правее 49-й полк — 2 батальона в первой линии, третий и пулеметная рота — позади правого фланга.

Под огнем противника, неся большие потери, части врываются в Аси, где происходит упорный уличный бой. Тем временем подошедшая справа 7-я бригада ведет атаку в охват Аси с северной стороны.

Очевидец так описывает ее: «Атака полка (149-го), которая развернулась перед моими глазами, была самой волнующей картиной, какую я когда-либо видел. Моментами артиллерийский огонь был адским. Измученные, голодные войска, с трудом пользуясь своим ору-

[1] Les A. F. I³, 95.

жием, двигались вперед спокойно почти в живописном порядке, с развернутыми знаменами, в лучах заходящего солнца, среди облаков желтого дыма снарядов». Подойдя на 700 м к возвышенности восточнее Аси, германская пехота столкнулась с французской (42-й пех. полк). Завязался ожесточенный огневой бой. Немцы продвигаются вперед, и когда они подходят на 300 м, французы — около 17 час. отступают; однако, последние делают еще попытку обойти 149-й полк с северо-востока, но здесь наталкиваются на атаку 14-го и 27-го рез. полков. Все три полка, вытянувшись в одну линию, делают захождение правым плечом, занимая западную окраину Аси. Противник продолжает удерживаться в лесу к северо-западу. В 18 ч. 45 м. бой затихает.

В ночь части 4-й дивизии, опасаясь атаки противника, отошли назад и заняли фронт восточнее и северо-восточнее Аси. Дивизионная артиллерия, в том числе 2 батареи тяжелых гаубиц — в районе Розуа.

Артиллерийская поддержка атаки пехоты была в этот день мало удовлетворительна: не имея точной ориентировки, где находится противник, и не поспевая следить за продвижением пехоты, артиллерия несколько раз била по своим; пехота сигнализировала ей об ошибке склонением знамен. Однако, и французская артиллерия не могла достаточно энергично вмешаться в бой: свои и чужие перемешивались так, что невозможно было различить, где проходит линия фронта. Поэтому получилось так, что бой у Аси 6 сентября еще напоминал о прежних временах. «Это была картина битвы 1870 г., — так описывает атаку 14-го и 27-го рез. полков адъютант 2-го батальона 14-го полка лейт. Берла, — сотни бойцов устремлялись на широком фронте вперед, сотни глоток гремели «Ура!» Но вскоре и на этом участке сражение приняло другой облик.

в) Неудача маневра охвата 6-й армией германского правого крыла 7 сентября

К вечеру 6 сентября ген. Монури видит, что двухдневные бои его армии севернее Марны не дали никакого реального результата: Действие внезапности уже потеряло силу. Противник продолжает усиливаться на фронте р. Урк. От Марны до Аси оба противника сковывают друг друга, заняв позиции, подкрепленные сильной артиллерией, в особенности с германской стороны. Севернее Аси германцы усиливаются и угрожают охватом со стороны Этавиньи — лес Монроль (Montrolles).

Ген. Монури в 22 часа 6 сентября решает бросить сюда свой последний резерв — 61-ю дивизию и прибывший к месту сражения кавалерийский корпус Сордэ (Sordet): 1-я, 3-я и 5-я кав. дивизии. 61-я дивизия должна стремиться к охвату правого крыла противника,

предшествуемая 5-й кав. дивизией; 1-я и 3-я кав. дивизии сосредоточиваются в Нантейле, чтобы «охватить крайний правый фланг противника и обстрелять (cannoner) его тылы». [1] На всем фронте (еще до сосредоточения новых сил на левом крыле) части переходят в атаку с 4 час. утра.

Утром 7 сентября 42-й полк (14-я дивизия) устремляется в атаку от Буйланси. Ему удается пересечь рубеж дороги Аси—Бец, но скопление масс противника останавливает его перед Этавиньи. Южнее 35-й полк пытается обойти Аси, но встреченный сильным огнем окапывается, а затем отходит юго-восточнее Ба-Буйланси (le Bas-Bouillancy). После 11 час. левое крыло 14-й дивизии также «отходит под действием чрезвычайно сильного и очень меткого огня тяжелой артиллерии». [2] Теперь вся 14-я дивизия оттеснена западнее рубежа дороги Аси—Бец. Южнее 63-я дивизия также «приведена в неподвижность»; она не может выйти со своих позиций: «грунтовая дорога, обсаженная деревьями, идущая от Аси к востоку от Пюизьё, занята противником и укреплена оборонительно» (organisé défensivement) [3].

Между тем ген. Вотье получает противоречивые данные о положении противника: с одной стороны, противник как будто «эвакуировал окопы (tranchées) у Вэнси», [4] с другой — авиацией «установлено расположение тяжелой артиллерии противника в районе Этавиньи».

В 8 ч. 30 м. ген. Монури узнает, что вся 1-я германская армия отступает к северу перед фронтом 5-й французской армии. Ряд сильных колонн противника в движении на дорогах к Марне. В 10 ч. 20 м. авиаторы сообщают о скоплении крупных масс противника южнее Ферте-Милон (la Ferté-Milon). В 13 ч. 15 м. Монури, оценивая, таким образом, обстановку, как отступление 1-й германской армии к северу вдоль р. Урк, приказывает возобновить наступление с «крайней энергией по всему фронту» [5]. 5-я группа резервных дивизий и 7-й корпус должны попрежнему стремиться форсировать Урк; 61-й дивизии приказывалось «охватить правое крыло противника, которое, как кажется, находится на возвышенности Этавиньи, Буллар (Boullares), Рувр (Rouvres)». Кавалерийский корпус, «совершая движение охвата (un mouvement enveloppant) севернее 61-й дивизии, должен атаковать крайний правый фланг противника и части, отступающие к востоку и к северу».

Кавалерийский корпус, к 14 час. сосредоточившийся севернее Вильер-Сен-Жене (Villers-St-Genest), пытается совершить глубокий охват правого крыла противника через Барньи (Bargny), но встречен-

---

[1] Les A. F. I[3], 104.
[2] Там же, 111.
[3] Там же, 112. Речь идет о знакомой нам дороге.
[4] Там же, 112. См. выше о действиях 4-го рез. корпуса.
[5] Там же, 119.

ный пехотой противника, поддержанной артиллерией в Вильер-Ле-Поте (Villers-les-Potées), Кюверньон (Cuvergnon) и Бец, отходит назад и к ночи располагается в Нантейле.

61-я дивизия к 14 час. развертывается по обе стороны Вильер-Сен-Жене. Четыре полка идут в атаку. К 15 ч. 30 м. 316-й полк проникает в лес Монроль; 219-й обходит его с юга, направляясь к Этавиньи; 318-й севернее леса переходит дорогу Бец—Аси. Атака протекает при поддержке дивизионной артиллерии. Несмотря на ввод в бой оставшихся двух полков, контратакой противника дивизия отбрасывается назад и продолжает отход до Нантейля, где проводит ночь.

Атака 61-й дивизии французов на лес Монроль является знаком для перехода в наступление 14-й дивизии из района Буйланси. Правофланговая 27-я бригада подвергается огню из немецких окопов, вырытых «вдоль дороги Аси—Этрепильи. Она не может продвинуться вперед» [1]. Левофланговая 28-я бригада также задержана перед дорогой Аси—Бец. В 18 час. противник переходит в яростную контратаку по всему участку. «Поддержанная сильным огнем артиллерии и используя внезапность, она отбрасывает левое крыло дивизии (28-я бригада) на возвышенность Буйланси, западнее ручья Жергонь (la Gergogne)». «Войска измотаны. Потери в офицерах, унтерофицерах и людях очень чувствительны» [2].

Еще южнее 63-я дивизия не может продвинуться вперед. У фермы Ножон — ожесточенный бой, в котором захватывается знамя 36-го германского полка. Части 238-го полка доходят до дороги западнее Мольни и штыковым ударом захватывают окопы, но не могут здесь удержаться.

Маневр охвата ген. Монури терпит тяжелую и кровавую неудачу.

г) Атака 4-го германского корпуса на участке Аси — Бец (Betz) 7 сентября

У Аси наша тополевая дорога кончается. Но как бы ее продолжением служит дорога Аси—Бец, вдоль которой располагался северный участок фронта на р. Урк. Сюда были выдвинуты 7 сентября с утра части вновь прибывшего 4-го германского корпуса, за исключением 15-й бригады, направленной, как нам уже известно, на усиление участка 4-го рез. корпуса. В 10 час. — 7-я дивизия прибыла в район Буллар (Boullares), где расположилась также и ее артиллерия; батарея тяжелых гаубиц — севернее Рувра (Rouvres). В 10 ч. 25 м. командир 4-го корпуса ген. Сикст-Арним, которому была подчинена также и 4-я дивизия, отдает приказ:

«1. Северное крыло противника находится, по имеющимся данным, вблизи Этавиньи (Etavigny). В тылу, у Нантейля (Nanteuille-

---

[1] Les A. F. I³, 125.
[2] Там же.

Haudouin), сосредоточивается и высаживается более, чем бригада; дальше в тылу и севернее левого крыла противника район остается незанятым.

2. 7-я дивизия должна немедленно атаковать северное крыло противника, окружая его и добиваясь решительного результата; на правом крыле эшелоном за ней следует один пехотный полк, но не переходя железной дороги (из Реймса).

3. 26-й пех. полк в моем распоряжении в Буллар.

4. 16-я пех. бригада следует через Мей-ан-Мультьен на Рувр».

Во исполнение этого приказа 14-я пех. бригада (левофланговая 7-й див.—27-й и 165-й полки—устремляются от Буллара в общем направлении на Буйланси (Bouillancy). Артиллерия движется следом за ней и, заняв открытые позиции юго-восточнее леса Монроль (Montrolles), открывает огонь по противнику. Пехота быстро достигает дороги Аси—Бец, но здесь ее встречает сильный ружейный и пулеметный огонь; однако пехота идет вперед, противник (28-я бригада 14-й дивизии) отходит к Буйланси. Правее 66-й полк 13-й бригады одним броском достигает леска южнее Антильи (Antilly); 26-й полк выдвигается к ферме Сент-Уан (St-Ouen). Командир 66-го полка, поднявщись на возвышенность, видит колонны противника по дороге Вильер-Сен-Жене (Villers-St-Genest) — Бец (прибытие 61-й рез. дивизии).

В середине дня из леса Монроль неожиданно открывается ружейный огонь по батареям и тылам вплоть до фермы Сент-Уан (части 61-й рез. французской дивизии). В атаку против них бросаются находившиеся в резерве 3-й батальон 165-го полка, 3-й батальон 149-го и 3-й батальон 26-го, которые проникают в лес и ввязываются в тяжелый лесной бой. Прочие 2 батальона 26-го полка идут по открытой местности вдоль северной опушки леса. В 16 ч. 30 м. первые 3 батальона выходят на западную опушку леса, а 2 батальона 26-го полка достигают дороги Аси—Бец. К этому же времени под жестоким артиллерийским и пулеметным огнем противника 66-й полк достигает дороги и залегает вдоль нее, правее 26-го полка.

Между тем 16-я бригада, прибывшая в 12 ч. 30 м. в Рувр, направляется в Антильи, куда передовые части доходят в 14 час., встреченные артиллерийским огнем противника со стороны Беца. В 14 ч. 30 м. оба полка — 72-й направо, 153-й налево — развертываются и идут в атаку в направлении к Бец и под огнем противника в 16 ч. 30 м. вступают в него.

Части 4-й дивизии, утром находившиеся восточнее Аси, под влиянием продвижения 4-го корпуса, переходят в свою очередь в атаку. 149-й полк из своих окопов подходит, с развернутыми знаменами, к дороге, но здесь под огнем противника залегает, удлиняя фронт 4-го корпуса к югу. Южнее части 4-й дивизии выходят на западную окраину Аси.

д) Фронт вдоль дороги Аси — Бец

Приказом 1-й армии от 2 ч. 30 м. 7 сентября общее командование всеми частями фронта западнее р. Урк было возложено на ген. Линзингена, который еще раньше, в 12 час., по договоренности с ген. Сикст-Арним, отдал приказ об общем наступлении (за исключением крайнего левого фланга). Ген. Линзинген разделил подчиненные ему войска на три группы: северную, под командованием Сикст-Арним,— 7-я и 4-я пех. дивизии, 16-я пех. бригада, 4-я кав. дивизия; центр, под командованием ген. Гронау—15-я пех. бригада, 4-й рез. корпус; южную, под командованием ген. Тросселя — 3-я пех. дивизия. Задача северной группы, состоявшей из свежих войск, заключалась, как мы уже знаем, в охвате северного фланга противника. К полудню, в силу недостаточно точной информации о противнике, царило оптимистическое настроение, но вскоре оно было рассеяно в прах суровой действительностью: противник уже выдвинул сюда свои части и не только оказывает сопротивление, но даже пробует наступать (бой в лесу Монроль).

Продвижение частей северной группы достигло дороги Аси—Бец, но здесь оно было застопорено артиллерией противника. Эта дорога стала играть ту же роль, что и тополевая, — она становилась рубежом, продвинуться за который германские части не могли. Укрепившийся западнее ее противник открыл по пехотным линиям огонь такой силы, что даже пребывание на дороге становилось все более затруднительным. Начался ожесточенный огневой бой, который причинял громадные потери.

Особенно тяжелый и кровавый бой происходил на участке 14-й пех. бригады — южнее леса Монроль. С огромным напряжением, под огнем французов, некоторые части 27-го и 165-го полков выдвинулись западнее дороги, но вскоре отхлынули к шоссе. Офицеры собирали людей и под бой барабана вели их к дороге, где непрерывный огонь противника косил их ряды. Здесь же на разбросанных стогах соломы, под огнем, врачи оказывали первую помощь «необозримому множеству раненых» [1]. Град снарядов осыпал пехотные линии 165-го полка, залегшие в 100 м западнее шоссе. Твердая почва не давала возможности окопаться. Командиры рот и взводов были выбиты почти начисто. Соответственно велики были и потери в бойцах.

Артиллерия не могла оказать полную поддержку расстреливаемой французскими орудиями и пулеметами пехоте. Батареи 40-го арт. полка, выдвинутые на открытые позиции южнее леса Монроль почти вплотную к дороге, стали также жертвами беспощадного огня. Вскоре 4-я батарея немцев прекратила стрельбу; ее потери состав-

---

[1] „Die Schlacht vor Paris", 140.

ляли 3 убитых и 17 раненых. 6-я батарея потеряла 13 убитыми и 30 ранеными.

Только с наступлением темноты прекратился этот адский огонь. Бойцы 27-го и 165-го полков, проделавшие перед этим кровавым днем ночной марш, дошли до последней степени изнеможения. Полк. Бюлов записал в своем дневнике: «Масса лежит неподвижно, смертельно усталая; вскоре, несмотря на шум битвы, послышался кругом громкий храп. Напряжение было слишком велико. Только бы не перешел теперь враг в наступление». Не было никакой возможности и никакого смысла оставлять людей на этой дороге, усеянной трупами, так как несомненно с утра огонь обрушится на нее с новой силой. Командир бригады, переговорив с командирами полков, решает отступить к востоку. В 18 час. батареи 40-го артполка галопом отходят со своих опасных позиций.

Такое же положение и на остальных участках дороги. Хотя частям 4-й дивизии и удалось продвинуться западнее Аси, вплоть даже до Реез (Reez), однако, главная масса также была задержана вдоль дороги огнем противника. С наступлением темноты начинается отход на старые позиции восточнее Аси.

Ген. Сикст-Арним в 16 час., судя по мощности неприятельского огня и другим данным, приходит к выводу об усилении противника на северном участке. Он «не рассчитывает больше на решающий успех в этот день, скорее думая о том, что следует довольствоваться удержанием достигнутых позиций». Приказ по корпусу в 18 ч. 15 м. был составлен в этом духе. Несмотря на это, ночью начинается стихийный отход всех частей с дороги. Части 14-й пех. бригады собираются вокруг фермы Сент-Уан. Как сообщает один из участников, «каждого убитого немца или француза обыскивали, чтобы забрать у него ш а н ц е в ы й и н с т р у м е н т, п о л ь з у к о т о р о г о у з н а л и т е п е р ь в э т о т д е н ь». Только 600 чел. из 27-го полка оказались налицо. С большим трудом разыскивали и будили на дороге спящих мертвым сном людей. Много раненых осталось на месте, так как санитарные повозки не успевали их подбирать. Те, кто мог еще итти, тянулись по дороге в Этавиньи. Полевые лазареты работали в тылу с лихорадочной энергией.

С наступлением ночи 4-я дивизия отходит на свои старые позиции северо-восточнее Аси. Части 4-го корпуса в течение ночи отходят на возвышенность Этавиньи—Антильи. Только слабые аванпосты остаются вдоль дороги. 153-й полк удерживается в Беце. 15 батальонов стоят к утру плечом к плечу от Аси до Антильи и лихорадочно роют окопы. По приказу командира корпуса, «войска должны во что бы то ни стало защищать занятые позиции» до подхода 3-го и 9-го корпусов, которые должны выйти на их правый фланг. В тылу мощная артиллерия должна подкрепить пехоту: 13 батарей у Сент-Уан и еще 13 в районе Розуа.

е) Последняя попытка ген. Монури обойти правое крыло противника 8 сентября

С утра 7 сентября 6-я французская армия, до сих пор подчинявшаяся ген. Галлиени, переходит в непосредственное подчинение французского главного командования. Во второй половине дня ген. Монури получает приказ ген. Жоффра, сообщающий об отступлении 1-й германской армии за Марну и предлагающий армиям левого крыла следовать за ней, но при этом «все время сохранять возможность охвата правого германского крыла» [1]. Эту последнюю задачу может выполнить только 6-я армия. Но для 6-й армии, потерпевшей неудачу на всем ее фронте, не могло быть вопроса о том, чтобы «следовать за противником». Части 6-й армии на ночь окапываются на занятой местности, все еще западнее рубежа дорог, означенных выше.

4-й корпус, который, по замыслу ген. Жоффра, должен был выполнить главную роль в маневре на Урке, наконец, целиком прибыл в Париж. 8-я дивизия еще раньше была использована для установления связи с англичанами, южнее Марны. Остается 7-я дивизия, которая в ночь с 7-го на 8 сентября перебрасывается спешно в район Нантейля: 14-я бригада на автомобилях [2], 13-я бригада — по железной дороге, артиллерия — походным порядком. На вновь прибывшую дивизию, совместно с кавалерийским корпусом, возлагается приказом ген. Манури 7-го вечером задача охвата правого германского крыла: 7-я дивизия и корпусная артиллерия 7-го корпуса должны через Бец выйти в район Тюри-ан-Валуа (Thury-en-Valois) — Марейль (Mareuil-sur-Ourcq), стремясь «охватить правое крыло противника и действовать против его фланга» [3]. Она должна перейти Урк насколько возможно скорее, направляясь далее в район Сен-Кантен и Во-Парфон (Vaux-Parfond). Кавалерийский корпус с севера должен выйти в район ля-Ферте Милон, «все время стремясь обрушиться на тылы противника».

Узнав за ночь о неудаче 61-й див. (стр. 114), утром 8 сентября ген. Монури отдает новый приказ о действиях на этот день. 61-я дивизия (вместе с 7-й) включается в состав 4-го корпуса, который получает общее направление атаки: ле Монроль, Буллар, Рувр, Нефшель и после перехода Урка — Монтиньи. 7-й корпус атакует в направлении Розуа (Rozoy-en-Multien), Круи (Crouy-sur-Ourcq). 5-я группа резервных дивизий принимает участие в общем наступлении. Монури указывал частям 6-й армии, что «дело идет теперь о том, чтобы окончательно выиграть сражение, которое вчера шло по хорошему пути, и для этой цели подготовиться ко всем жертвам».

С утра кавалерийский корпус приступает к выполнению возложенной на него задачи. Однако, 1-я и 3-я кав. дивизии, наткнувшись на

---

[1] Les A. F. I[3], 134.
[2] См. главу четвертую.
[3] Les A. F. I[3], 135.

немецкую пехоту, остаются в районе Левиньян (Lévignen). Зато 5-я кав. дивизия, двигаясь через Крепи (Crépy-en-Valois), Вомуаз (Vomoise), проникает через лес к р. Урк, которую она переходит у Троен (Troësnes), где сталкивается с пехотой противника, что вынуждает ее отойти на северный берег р. Урк в район Фавероль (Faverolles).

Хотя действия кавалерийского корпуса 8 сентября в целом были неудачны, рейд 5-й кав. дивизии сыграл крупную роль в исходе сражения; внезапностью своего появления в тылу 1-й германской армии кав. дивизия оказала большое воздействие на ее командование.)

К 8 час. утра 61-я дивизия занимает исходные позиции для атаки в районе Вильер-Сен-Жене, 122-я бригада ведет наступление на Бец. Продвижение совершается с большим трудом; так как поле атаки находится под обстрелом артиллерии противника. 219-й полк, достигнув выс. 132, залегает на ней и остается всю вторую половину дня под артиллерийским огнем. Части 121-й бригады проникают в лес Монроль, но удерживаются в нем с большим трудом; войска истощены: они не получали пищи уже в течение 2 дней[1]. В начале ночи яростная контратака противника отбрасывает их из леса назад к окраине Вильер-Сен-Жене.

7-я дивизия, которая наступает, согласно новым указаниям к-ра 4-го корпуса ген. Боеля, правее 61-й дивизии, в 8 час. утра выходит из Нантейля, в полдень проходит линию Сенвьер (Sennevières) — Шевревиль (Chevreville), к 15 ч. 30 м. левое крыло ее достигает юго-западного выступа леса Монроль, правое занимает фермы Гё (Gueux) и Ле-Шато (le Château). Огонь батарей противника заставляет ее остановиться. Командир 4-го корпуса ген. Боель (Boëlle) видит, что противник усиливается на его участке. Он откладывает дальнейшее наступление на следующий день, а пока приказывает «удерживаться во что бы то ни стало» на достигнутых рубежах, «цепляясь за землю и усиливая свои позиции серьезными полевыми укреплениями»[2].

На участке 7-го корпуса 14-я дивизия, после безуспешных попыток перейти в наступление, остается на своих позициях, выжидая результатов продвижения 4-го корпуса.

Части 63-й дивизии, наступая с 8 час. утра, в 10 ч. 30 м., подходят к дороге Аси—Этрепильи, пройдя ферму Мольни, выходят к окраинам Вэнси—Маневр. В 11 час. «сильный огонь разрывными снарядами» вызывает паническое отступление к Фос — Мартен. Командование дивизии выжидает результатов наступления слева, и в итоге 63-я дивизия, сильно измотанная огнем «тяжелой артиллерии противника», остается на своих старых позициях, западнее дороги Аси—Этрепильи.

---

[1] Les A. F. I[3], 143.
[2] Там же, 146.

ж) Ген. Сикст-Арним отказывается от наступления 8 сентября

В ночь с 7-го на 8 сентября части 49-го и 149-го полков (4-я германская дивизия) отражают атаку противника на Аси. С утра возобновляется огонь «многочисленных, чрезвычайно искусно расположенных прикрытых французских батарей» [1].

Снова начинаются страдания для 14-го и 140-го полков (той же дивизии) в их жалких прикрытиях на высотах севернее Аси. Ужасающее зрелище представляла куча раненых всего лишь в 100 м от окопов 14-го полка, которую буравила артиллерия противника; помочь было невозможно. Подвоз боеприпасов и продовольствия был сопряжен с громадными трудностями. Западнее Этавиньи начинались окопы 7-й дивизии. Здесь огонь свирепствовал с меньшей силой. Однако, французская артиллерия систематически обстреливала всю местность. 153-й полк (16-я пех. бригада) занимал еще Бец. В 6 ч. 45 м. авиационная разведка сообщает, что колонны противника силою около одной дивизии (7-я французская дивизия) направляются из Нантейля к Бецу. Перед этой новой угрозой ген. Сикст-Арним возлагает все свои надежды на скорейшее прибытие нового подкрепления 6-й дивизии (3-й корпус), поступающей в его подчинение. Артиллерия этой дивизии с 9 ч. 45 м. рысью следует в указанный ей район Вильер-Ле-Поте (Villers-les-Potées) — Антильи. Пехота после форсированного марша в 35 км находится головными частями у Варенфруа (Varinfroy) и Круи, где части располагаются на отдых. В 13 час. огонь французской артиллерии усиливается, и начинается атака со стороны Вильер-Сен-Жене против леса Монроль (61-я рез. дивизия). С германской стороны орудия развивают лихорадочный огонь, чтобы задержать атаку. Тяжелые гаубицы обстреливают хорошо видимые линии французской пехоты. «С радостью смотрят пехотинцы в передовых линиях 4-й пех. дивизии, как теперь враг получает воздаяние за свой адский огонь».

В 16 час. 153-й полк покидает Бец, и одновременно на участок севернее Антильи начинают выходить части 6-й дивизии (3-й корпус). Артиллерия, разместившись в 800 м позади линии пехоты, открывает огонь. Фронт от Аси вытягивается до Кювернъон (Cuvergnon), простираясь теперь на 15 км в длину и упираясь правым флангом в лес Вильер-Котере (Villers-Cotterêts). 10 000 чел. и 108 орудий усиливают его.

Части 7-й дивизии весь день провели залегши в окопах. В 19 час. из леса Монроль открывается внезапно огонь. В ответ на него следует огневой удар германской артиллерии и пехотного огня. Постепенно водворяется тишина, и части продолжают свои работы по укреплению позиций.

---

[1] „Die Schlacht vor Paris", 207.

День 8 сентября северная группа фронта на р. Урк провела в ожидании подхода 3-го и 9-го корпусов. Только 6-я дивизия успела прибыть в назначенный ей район (5-я, как мы знаем, была удержана у Лизи). Эта задержка, как увидим, имела неисчислимые последствия для исхода всей Марнской битвы.

з) Ген. Монури переходит к обороне

К вечеру 8 сентября командующий 6-й армией окончательно убеждается в своем бессилии опрокинуть находящиеся перед его фронтом силы противника. Новых резервов в его распоряжении не имеется. По поступившим за день сообщениям он узнает, что вся 1-я германская армия отошла за Марну. Согласно его оценке, 1-я германская армия выставила против 6-й армии «мощный фланговый отряд», чтобы прикрыть свой левый фланг. 6-я армия не может рассчитывать опрокинуть его. «Но она может стремиться к тому, чтобы удерживаться перед ним, цепляясь крепко за землю и усиливая свои позиции полевыми укреплениями, так, чтобы держаться прочно, если даже противник направит свои атаки против нее» [1]. Если давление противника окажется слишком сильным, левое крыло армии должно быть отогнуто к Нантейлю. В этом духе ген. Монури дает свои инструкции частям 6-й армии.

Итак, по истечении 4 дней ожесточенных боев фланговый маневр 6-й армии окончательно застопорен вдоль рубежа, который намечен указанными нами дорогами. Выигрыш темпа на этом участке Марнской битвы не дал никакого результата; он теперь утерян полностью.

6-я армия оказалась слишком слабой и слишком малоподвижной, чтобы быстро использовать полученное ею преимущество внезапности. Немцы использовали образовавшееся замедление маневра, чтобы парировать угрозу. Теперь уже они угрожают опрокинуть истощенные тяжелыми боями части 6-й армии. Если бы этим элементарным анализом исчерпывалось содержание всей Марнской битвы, вывод был бы очень прост. Но в этом сражении участвовало еще 9 армий с обеих сторон. Целых 4 дня они имели в своем распоряжении, пока шла безрезультатная борьба на р. Урк. С этой точки зрения фронт на р. Урк получил совершенно новое значение для исхода сражения.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наш обзор поля сражения на р. Урк закончен. От Марны мы дошли до леса Вильер-Котере. Почти по прямой линии, плечом к плечу, последовательно пристраивались на этом пространстве германские ба-

[1] Les A. F. I³, 156.

тальоны, пока вся 1-я армия не оказалась сосредоточенной здесь. Выводы, полученные от такого обзора, далеко не сходятся с общераспространенными взглядами на маневренный характер боевых действий на р. Урк.

1. Основной факт заключается в следующем: в то время как линия германских армий на остальных участках находилась в наступательном движении вперед, 1-я армия на р. Урк оказалась прикованной к неподвижной линии, которая, как мы видели, даже геометрически почти совпадала с прямой линией. Эта скованность 1-й армии имела исключительные последствия для исхода Марнской битвы.

2. Этот факт выражал в свою очередь другое важнейшее явление, а именно — переход 1-й германской армии к обороне. Инициатива оказалась на стороне противника. Части 1-й армии не могли продвинуться вперед, но они не могли и отходить назад под угрозой обнажения тыла всего германского фронта.

3. Как мы увидим дальше, в тылу сражения на р. Урк происходило весьма интенсивное движение, но маневр в самом бою был скован новыми условиями ведения боя, которые уже с полной очевидностью сказались здесь. Маневр был ограничен узкими рамками: он сводился в сущности к вводу новых сил на линию фронта со стороны открытого фланга.

Так как противник делал то же самое, реальный результат сводился к удлинению фронта.

4. Неподвижность линии фронта на р. Урк обусловливалась вовсе не стремлением к этому обеих сторон или одной из них: она вызывалась невозможностью для каждой из них продвинуться вперед. Неравенство сил, которое наблюдалось не раз в отдельные моменты сражения, не давало достаточного преимущества и более сильной в данный момент стороне; ни фронтальные атаки, ни фланговые охваты не давали решающего результата.

5. В этом в полной мере сказалась мощь нового фактора: артиллерийского огня. В особенности с германской стороны отчетливо ощущается, насколько могучей оказывалась роль артиллерии в обороне. Были моменты, когда атака противника отражалась почти исключительно артиллерийским огнем. Действие пулеметов еще не получило своего абсолютного выражения, но оно уже явственно сказывается в отражении атаки пехоты. Последняя еще атакует с развернутыми знаменами, так, как учили на плацу в мирное время, но несет огромные потери при весьма посредственных и ограниченных результатах.

6. Характер позиций на р. Урк заставляет уже предугадывать будущее: окопы тянутся почти сплошь вдоль линии фронта, при всей кратковременности ее установления и существования. Пехота

стихийно ищет укрытия, осваивая лучше генералов новые методы боя. За передовой линией пехоты располагаются мощные массивы артиллерии, делающие ее уже почти недоступной для пехотной атаки. Замечательно, что наступающей 6-й армии ни разу не удалось прорвать этой линии при наличии в ней даже незанятых промежутков или очень слабых участков. Пехота, опираясь на мощь современного огня, уже обнаруживает огромную цепкость в обороне.

Все это на р. Урк, было лишь в зародыше, все это мелькнуло чрезвычайно быстро, имело беглый и временный характер. Только дальнейшее изучение позволит нам более конкретно осознать действие новых факторов боя. Но эти промелькнувшие на р. Урк явления получили огромное значение уже тогда.

Таковы выводы, к которым мы приходим на основе объективного разбора того, что происходило на р. Урк. Нельзя сказать, чтобы они были совершенно чужды как французским, так и немецким источникам, о чем свидетельствуют приведенные выше выдержки. Однако, общая картина боя обычно искажается предвзятостью точки зрения, из которой исходят эти источники. Ввиду исключительной важности событий на р. Урк для развития всего Марнского сражения, в этих событиях хотят видеть нечто большее, чем они в действительности заключают, а именно планомерный маневр, осуществляемый той или другой стороной. При этом французские источники имеют мужество признать неудачу задуманного маневра, которая была компенсирована победой в гораздо более широком масштабе. Зато немецкие источники настойчиво проводят идею о том, что на Урке Клуку удалось осуществить успешный, победоносный маневр. Критике этого положения посвящена следующая глава; однако, она не будет понятна без четкого уяснения выводов, которые только что сделаны нами. Неудача маневра Клука в Марнской битве имела две стороны: во-первых, она зависела от общего оперативного руководства командования 1-й армии и маневрирования им всеми своими силами в целом; во-вторых, она коренилась в фактах, имевших место именно на фронте сражения западнее р. Урк. Некоторым оправданием Клуку служит то обстоятельство, что смысл этих фактов не был и не мог быть уяснен в то время, так как они сигнализировали о новых формах, какие принимала война.

Решение командира 6-го рез. корпуса ген. Гронау атаковать силы противника, на которые он наткнулся 5 сентября, имело положительное значение для командования 1-й армии, раскрыв ему глаза на опасность, грозившую со стороны Парижа. Выполнив свою задачу, Гронау принял не менее верное решение — отойти на новые позиции, где на поддержку ему спешил 2-й корпус. 6 сентября против 75 французских батальонов сражаются 42 немецких, но по артиллерии превосходство французов выражается лишь в 14 орудиях; оказывается,

что «средство к решению битвы заключается в пушках»[1] — перед 6-й французской армией положен крепкий барьер. Для выполнения своей задачи 2-й корпус разделяется: 3-я дивизия ограничивается обороной, 4-я ведет наступление, которое останавливается у Аси.

7 сентября французы еще сохраняют численное превосходство: 87 батальонов против 67; однако, с германской стороны введено уже 402 орудия, из них 32 тяжелые гаубицы, против 312 французских. Теперь как будто маневр охвата с севера ясно выступает, как цель германского командования. Ген. Сикст-Арним стремится все свои силы использовать для осуществления этой главной в его представлении задачи; однако, 15-ю пех. бригаду приходится выделить для подкрепления 4-го рез. корпуса. В результате боя в этот день удается только удержать противника; ночью происходит даже небольшой отход северной группы от занятого было рубежа.

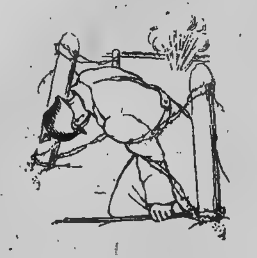
8 сентября подходит 3-й корпус. Но и его приходится также разделить. 5-я дивизия остается у Троси, где угрожает прорыв; только 6-я дивизия выдвигается на крайний северный участок. Ночью подходит и 9-й корпус, из которого выделены на Марну 2 полка и 2 арт. дивизиона; теперь северное германское крыло фронта на р. Урк имеет двойное численное превосходство над противником: 43 батальона и 43 батареи против 20 французских батальонов и 19 батарей. В центре 78½ батальонов и 77 батарей противостоят 95 французским батальонам с 84 батареями. Наконец, на Марне только 11½ батальонов с 12 батареями против 76 английских и французских батальонов с 78 батареями. Только теперь, к утру 9 сентября, достигнуто подавляющее преимущество на северном фланге. Но день 8-го с оперативной стороны прошел в бездействии. «Бушующая битва вылилась преимущественно в артиллерийский бой с обеих сторон»[2]. 9 же сентября со всей силой выявилась угроза на другом фланге — со стороны англичан.

Этот краткий обзор битвы на р. Урк в целом может только подтвердить выводы, сделанные на основе изучения того, что происходило на фронте вдоль рубежей, указанных выше. Эти рубежи не были перейдены ни той, ни другой стороной. 9 сентября лейт. Фрост 3-го бат. 36-го полка дошел с разведкой до «тополевой аллеи», не найдя здесь противника. В тот же день из окопов 14-го пех. полка видели, как французы окапывались вдоль дороги Бец—Аси. И с той и с другой стороны маневр в своем развитии уперся в непреодолимую стену, которую воздвигла артиллерия. Численное превосходство не являлось при этом достаточным основанием для того, чтобы пехота могла преодолеть воздвигнутый ею барьер. Объ-

[1] „Die Schlacht vor Paris", 325.
[2] Там же, 331.

ективно битва на р. Урк свелась к о б о р о н е. Именно требования обороны заставляли разбрасывать силы, которых и так было недостаточно для маневра и охвата.

Независимо от этого стоит факт п о с т е п е н н о г о, «пакетами», ввода сил в бой на р. Урк. Почему вся 1-я армия оказалась здесь лишь 9 сентября утром, а не 8-го и даже 7-го, когда можно было бы достигнуть решающего превосходства? Ответ на этот вопрос дается в следующей главе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МАНЕВР, СКОВАННЫЙ МЕДЛИТЕЛЬНОСТЬЮ

(Схемы 7 и 8)

Исходным пунктом дальнейшего анализа является, таким образом, тот факт, что на р. Урк создалась мертвая хватка двух борющихся армий, каждая из которых в дни 5—8 сентября оказалась бессильной осуществить свой маневр. С точки зрения непосредственных задач, поставленных перед 6-й французской и 1-й германской армиями, обе они потеряли бесплодно четыре дня. Казалось, что они нейтрализовали друг друга; с внешней стороны это было ущербом для 6-й армии, которая потеряла свое первоначальное преимущество; напротив, 1-я армия, парировав угрозу, осталась в выигрыше. Но в действительности эти факты приобретали совершенно иное значение, если на них взглянуть с точки зрения ситуации всего сражения в целом.

В то время, как на Урке стабилизировался фронт, уже напоминавший последующие картины позиционной войны, между Б. Мореном и северным берегом Марны у обеих сторон еще оставалось пространство для свободного маневрирования. Обе стороны лихорадочно стремились использовать здесь время и пространство для перегруппировки и маневра. Факт исключительно важный, так как этим участком по существу ограничивалось поле свободного маневра на всем огромном пространстве Марнского сражения.

Нашему рассмотрению подлежит: во-первых, легенда об организованном контрманевре ген. Клука на Марне; во-вторых, совместные действия союзных армий левого крыла.

1. КОНТРМАНЕВР КЛУКА

а) Марш 3-го и 9-го корпусов 7—8 сентября

Центральной символической картиной Марнской битвы следует считать не грандиозные батальные сцены, а форсированный марш

двух германских корпусов из района Эстерней к полю боя, разгоревшегося севернее Марны. От Эстерней (Esternay) до Ля-Ферте-Милон (La Ferté-Milon) по прямой расстояние около 60 км; фактический маршрут пехоты между этими двумя пунктами был почти вдвое длиннее — около 120 км. Этой цифрой определялось то усилие, которое нужно было сделать для осуществления контрманевра Клука.

8 сентября в 9 ч. 15 м. 9-й арм. корпус во время своего движения получил следующее указание от Клука: «Решение сегодня[1] зависит от ввода в бой (Eingreifen) 9-го арм. корпуса через Ля-Ферте-Милон и Марейль (Mareuil sur Ourcq). Армейский корпус ни в коем случае не должен дать наступающему от Куломье (Coulommiers) противнику отвлечь себя от этой задачи».

Итак, 8 сентября 9-й корпус должен быть уже в боевой линии на Урке. От этого зависит решение четырехдневного сражения на р. Урк.

«Принесет ли день 8 сентября решение? Это должно всецело зависеть от того, смогут ли 3-й и 9-й арм. корпуса своевременно[1] войти в бой (eingreifen). Едва ли это мыслимо! Слишком далеко отстоят еще корпуса, слишком много они уже прошли[2]. Но попытка тем не менее предпринимается»[3].

В полночь с 6 на 7 сентября в штабах 3-го корпуса в Сен-Мартен (St.-Martin du Bochet, западнее Ля-Ферте-Гоше) и 9-го корпуса в Ле-Везьер (Le Vézier) царила лихорадочная деятельность: только что был получен приказ 1-й армии, изданный в 10 час. вечера в Шарли, об отходе корпусов за М. Морен на линию Буатрон (Boitron) севернее Ребе (Rebais), Торай (Toraille) — для 3-го корпуса и западнее Монмирайль для 9-го корпуса. Однако, одновременно пришел приказ командующего 2-й армией: «В согласии с командованием 1-й армии 3-й и 9-й корпуса поступают в мое подчинение. 9-й корпус на рассвете продолжает наступление. 3-й корпус принимает на себя охрану правого крыла усиленной 2-й армии». Кого же слушать в конце концов? Ген. Бюлов, очевидно, имел все основания издать свой приказ. Во второй половине дня 6 сентября, через специально посланного офицера, Клук уведомлял командующего 2-й армией, что 9-й корпус примет участие в наступлении последней; что касается 3-го корпуса, то он останется южнее Марны в случае, если крупные силы противника будут наступать с направления юго-западнее линии Куломье—Провэн (Provins); окончательное решение командование 1-й армии в отношении 3-го корпуса оставляло за собой. Бюлов в письменной форме поставил ген. Клука в известность об отданном им приказе, и только после полуночи он узнал о распоряжениях, которые раньше были даны Клуком.

---

[1] Разрядка наша.
[2] Имеется в виду, что части устали от предыдущих маршей.
[3] Kabisch, 162.

Не оставалось ничего другого, как принять их за свершившийся факт и соответственно отвести правофланговый 10-й рез. корпус 2-й армии за М. Морен.

Эти противоречивые приказы поставили в трудное положение войска, выполнявшие тяжелую задачу отрыва от противника, с которым велся бой накануне. В 3-м корпусе около 1 часа ночи приказ об отступлении уже был сообщен частям, и когда в 4 ч. 45 м. утра был послан другой приказ о возобновлении наступления, главная масса 5-й дивизии находилась уже в пути; к счастью, второй приказ удалось своевременно отменить, и 5-я дивизия продолжала свой отход. Хуже обстояло дело в 6-й дивизии. Здесь произошло в действительности: «ordre, contreordre, désordre»; части скрещивались и перепутывались; 64-й полк отходил, когда уже было светло, около 8 час. утра; только в 10 час. ушел последний солдат с дороги Монсо (Montceaux), Курживо (Courgivaux). В штабе 9-го корпуса, после того как был разработан приказ об отступлении, в 1 ч. 15 м. ночи, было получено телефонное распоряжение 2-й армии — «не отходить». Однако, около 6 час. утра командир корпуса ген. Кваст узнает от офицера связи 2-й армии, что правое крыло ее уже отходит за М. Морен. Надо действовать без промедления, чтобы не оказаться окруженными французами. В 7 час. утра приказ об отходе поступает в части, которые приступили к отходу около 8 час. кое-где под обстрелом неприятельской артиллерии. Благодаря пассивности противника отход произошел благополучно.

В первый раз с начала войны части 3-го и 9-го корпусов шли н а з а д, в северном направлении. Что произошло? Никто не понимал ясно причины отхода. По свидетельству участников, приказ подействовал, как «пощечина», «расслабляюще». Тяжело подействовало на моральное состояние оставление раненых на поле сражения и в лазаретах, эвакуировать которые не было времени. Медленно передвигались бойцы через местечки, которые проходились германскими войсками пару дней назад на крыльях победы. Невесело брели они с израненными от бесконечного похода ногами, обремененные тяжестью ранца. Впрочем, где возможно, применяли «повозки для ранцев». Вечером ген. Кваст записал в своем дневнике: «Я пропустил войско мимо себя, объявляя ему благодарность за его деяния и выражая свое сожаление, что пришлось, из-за нападения врага со стороны Парижа, на основе приказа свыше приказать отступить. Ничего нет удивительного, когда на многих лицах я заметил разочарование».

Командир 3-го корпуса ген. Лохов пишет:

«Для войск и штабов, силы которых были напряжены до крайности, вследствие длительных маршей и тяжелых боевых действий, медленный отход представлял новое испытание. В особенности достойно сожаления, что было допущено многочасовое опоздание, и прохладные ночные и утренние часы были потеряны для движения. Вскоре на-

ступила страшная жара, которая в соединении с сильной пылью заставляла напрягать силы до последней крайности».

После полудня оба корпуса перешли М. Морен. В это время почти одно за другим в штабе 2-й армии были получены два радио из 1-й армии: «2-й, 4-й и 4-й рез. корпуса ведут западнее Нижнего Урка тяжелый бой. Где 3-й и 9-й? Как положение там? Прошу срочно ответить», и вслед за тем: «Настоятельно требуется ввод в бой на Урке 3-го и 9-го корпусов. Враг значительно усиливается. Прошу направить корпуса в направлении на Ля-Ферте-Милон и Круи». Получив эти сообщения о тревожном положении на Урке, Бюлов решает немедленно же направить туда 3-й корпус, оставив 9-й для охраны своего правого фланга. В 12 ч. 40 м. 3-му корпусу дается приказ следовать дальше, не задерживаясь на М. Морене, где он должен был занять оборонительную позицию на линии Буатрон-Монфлажоль (Montflageol) против врага, о появлении которого сообщалось со стороны Куломье и Шуази. 9-й корпус в то же время получил приказ отойти за р. Долло (Dollau), став по ее линии от устья до Фонтенель.

3-й корпус продолжал поэтому движение через Белло (Bellot), Гондевильер (Hondevillers) и затем фланговый марш по отношению к противнику — по большому шоссе Монмирайль — Ля-Ферте-су-Жуар. Корпус достиг Марны около 1 часа ночи 8 сентября, пройдя еще почти 50 км.

Участник этого тяжкого марша, в то время капитан — командир 2-й роты 12-го полка, дает следующее описание его:

«Около полудня состояние войска стало таким, что мы, командиры рот, заявляем майору: нужна остановка для отдыха, иначе половина роты свалится с ног. Вскоре весь полк (12-й) делает привал на лугу. Весь полк? От него не осталось и двух третей. Все лежат в глубоком оцепенении. Ни шуток, ни ругани... Тупая усталость, расслабляющее безразличие. Немыслимо сохранять походный порядок. Ничего не видно, только чувствуешь: рота выбивается из сил. Пробуем ругаться, увещевать, шутить. Никакого эхо, ни одного голоса, не слышно ни смеха, ни ворчания: свинцовая воля, однотонный топот многих сотен израненных, вконец измотанных ног. И часы, о эти часы! Тот, кто требует этого от войска, знает, что требует невозможного. Значит многое, все поставлено на карту. И в конце концов сам ответственный командир, верхом на коне, чувствует, что последний остаток энергии покидает его. Становится кусочком безвольно плетущегося стада. Все равно — все. Часы, о эти часы!» [1]. К 1 часу ночи 8 сент. 5-я пех. дивизия вошла в Ля-Ферте-су-Жуар, 6-я пех. дивизия через Вильнев — Гондевильер — Ножан-л'Арто достигла Шарли.

Вскоре после 6 час. пополудни 7 сентября еще одно радио от 1-й армии вновь настоятельно потребовало переброски 9-го корпуса на р. Урк; сражение приняло здесь такой серьезный оборот, что не-

[1] Walter Bloem, Vormarsch; цитировано в „Die Schlacht vor Paris", 170.

обходим был ввод 9-го корпуса в бой уже на следующий день, т. е. 8-го. В 7 час. вечера к ген. Квасту прибыл офицер из штаба 1-й армии, который должен был провести корпус к месту нового назначения. Около 11 час. вечера было получено подтверждение от 2-й армии.

18-я дивизия шла через Вандьер (Vandières) — Розуа-Бельваль (Bellevalle) — Эсиз (Essise); 17-я — через Фонтенель и Вифор. Пройдя свыше 40 км, они далеко за полночь достигли: 18-я дивизия — Шези-сюр-Марн (Chézy sur Marne) и 17-я дивизия — Вифор.

С 5 час. утра 8 сентября оба корпуса уже снова находились в движении. 5-я дивизия направилась через Кошерль (Cocherel) и Вандрес (Vendrest), имея в виду перейти Урк у Круи. Однако, тяжелое положение 4-го рез. корпуса вынудило Клука отдать приказ о повороте 5-й дивизии на Лизи (Lizy). 6-я дивизия из Шарли через Монрейль-о-Льон (Montreuil aux Lions) — Куломб (Coulombs) направилась к Марейль (Mareuil), перейдя Урк у Круи. Итак, 3-й корпус прибыл на боевую линию еще 8 сентября. Хуже оказалось дело с 9-м корпусом: ему оставалось пройти еще около 40 км.

Приказ 1-й армии предусматривал выступление в поход еще в 2 час. ночи. Однако, ген. Кваст настоял на том, чтобы дать хотя бы двухчасовой отдых людям; части выступили в 5 час. утра. 17-я дивизия шла от Вифор через Шато-Тьери—Монтьер (Monthiers) — Нейльи-сен-Фрон (Neuilly st. Front) на Ля-Ферте-Милон; 18-я — от Шези—Буреш (Boureches) — Торси (Torcy) через долину р. Клиньон (Clignon) на Марейль. От каждой дивизии был оставлен пех. полк и арт. дивизион (бригада Кревеля).

Вскоре немилосердное солнце — все источники отмечают необычайную жару этих грозовых дней — начинает жечь лица и спины идущих, изматывая вконец усталых людей. Офицеры (на лошадях) помогают нести винтовки падающим от изнеможения солдатам. Кое-где пользуются подвернувшимися повозками — жалкий суррогат транспорта, в котором так нуждалась гигантская битва. В одиннадцать часов привал, 2 часа, — нет, он сокращается до часу: нельзя терять ни минуты, решается участь сражения.

«Мне было невыносимо жаль этих измученных людей. Но ничем помочь было нельзя, разве лишь оживить их призывом: «Дело идет о судьбе боя». Тогда бросались они с порывом вперед, и радостное движение оживляло загорелые, истомленные лица».

Эти слова принадлежат не кому другому, как командиру 9-го корпуса ген. Квасту, который записал их в своем дневнике 9 сентября.

В 14 ч. 45 м. командующий 1-й армией вновь подтверждает 9-му корпусу: «Выйти, насколько только возможно в тот же день, севернее 6-й дивизии и охватить фланг противника с этой стороны». 9-й корпус не успел выполнить эту задачу 8 сентября: между 10 и 11 часами обе дивизии делают привал у Бюсиар (Bussiares) и Монтьер (Monthiers). В полдень марш возобновляется. Артиллерия высы-

лается вперед: она прибывает в Марейль в 14 час., пройдя рысью 10 км. В 13 ч. 10 м. ген. Кваст, по приказанию командующего армией, выделяет смешанную бригаду ген. Кревеля для обороны марнских переправ (см. дальше). Начиная с 16 час., 18-я дивизия подходит к Марейлю, где располагается на отдых. 17-я дивизия в это время, выйдя из Нейльи-сен-Фрон, находится в пути к Ла-Ферте-Милон, где «дивизия должна остановиться, расположиться на отдых и на ужин» (из приказа 17-й дивизии в 15 ч. 25 м.). При подходе к городу головной эскадрон наткнулся на... французскую кавалерию (отряд 5-й кав. дивизии, совершавший рейд в тыл 1-й армии из Крепи (Crèpy); в руки ее едва не попал штаб 1-й армии во главе с Клуком. В 22 час. авангард 17-й дивизии вступил в Ля-Ферте-Милон. В тот же час 18-я дивизия, во исполнение боевого приказа на предстоящий день, выступает из Марейль на Ивор (Ivors) и Шавр (Chavres), куда прибывает ночью около 1 часа 9 сентября.

«3-й и 9-й корпуса при сильной жаре и на пыльных дорогах совершили рекордный марш, который должен считаться одним из высших достижений германского западного войска в течение всего этого периода операций. 7 сентября они покрыли около 60 км, и в ночь на 8-е, уже в 2 ч. 10 м. утра, после короткого отдыха, они были подняты снова... С коротким перерывом в полдень войска шли до темноты; в этот день было снова пройдено 60—70 км» [1].

120 км за двое суток! Конечно, это поразительное достижение. И тем не менее 9-й корпус не успел прибыть во-время на поле сражения.

Как ни старается германская официальная версия скрыть роковое значение этих фактов, они слишком бьют в глаза. Бесспорно, гораздо ближе к истине английская оценка:

«В критические дни 7 и 8 сентября целых два корпуса — 3-й и 9-й только маршировали между Марной и Урком и остались вне обеих битв» [2].

б) Первая зарница моторизации

Теперь же, несколько отступая от последовательности изложения, необходимо остановиться на замечательном событии, которое произошло по ту сторону фронта, в ту самую ночь, когда пехота 3-го и 9-го корпусов тщетно пыталась своими ногами нагнать упущенное. В эту ночь бойцы 3-й германской дивизии со своих позиций западнее Вареда с изумлением наблюдали за бесконечной вереницей то появляющихся, то вновь исчезающих движущихся огней далеко за линией неприятель-

---

[1] „Weltkrieg“, IV, 195.

[2] Взято из редакционной статьи „Army Quaterly“, январь 1935, некролог, посвященный Клуку; так как здесь дана сжатая оценка с английской точки зрения действий Клука в 1914 г., в дальнейшем придется к этой статье вернуться.

ских окопов. Тогда немецкие солдаты не могли понять, в чем дело; многие и теперь не могут понять этого.

В ночь с 7 на 8 сентября, впервые в военной истории, была произведена переброска целой французской дивизии — 7-й — посредством автотранспорта. 7 сентября после полудня 7-я дивизия 4-го корпуса прибыла в Париж.

Но до участка боя, куда предназначалась дивизия, оставалось еще 60 км. Переход в походном порядке означал опоздание в лучшем случае на одни сутки. По железной дороге можно было перебросить лишь половину пехоты, около 6 000 чел. Остальные 6 000 нужно было доставить другим путем. Тогда начальнику штаба ген. Галлиени пришла в голову мысль осуществить переброску посредством такси Около 13 час. был издан приказ о реквизиции такси, но он оказался не особенно нужным, так как известие распространилось как молния среди шоферов, которые высаживали пассажиров посреди улиц и охваченные энтузиазмом направлялись к месту сбора. В 6 час. вечера 600 машин выстроились на улицах Ганьи (пригород Парижа). Началась посадка войск под руководством специально прикомандированных офицеров. Ген. Галлиени лично наблюдал за ее ходом. Были приняты меры к организации движения машин. Каждая из них должна была сделать по два рейса; для обратной поездки была назначена другая дорога.

Каждая машина перед поездкой была тщательно осмотрена. В случае поломки машины обгоняются следующими, пока не подойдет вспомогательная машина. В разных местах дороги были установлены пункты с запасом горючего и шин. Переброска была осуществлена с полным успехом. Произошло лишь четыре незначительных поломки. Рано утром 8 сентября вся 7-я дивизия была уже на месте в полной боевой готовности.

Не было и в помине той кошмарной усталости, с которой пришли на исходные позиции немецкие солдаты 3-го и 9-го корпусов, не было вереиц отставших, выбывших из строя людей. Какое значение имело наличие 7-й дивизии на месте утром 8 сентября — уже показано отчасти. Ген. Галлиени в ы и г р а л т е м п выдающегося значения.

в) Перестроение 1-й армии вправо

Рейхсархив сообщает [1], что в ночь с 5-го на 6 сентября, получив донесение о боях 4-го рез. корпуса севернее Марны, Клук отдал приказ:

«Тотчас же (sofort) 1-я армия направо, быстро (rasch) развернуться вправо, наступать через Урк. Передвинуть обозы».

---

[1] „Der Weltkrieg", IV, 37. Рейхсархив в свою очередь в примечании ссылается на сообщение Клука, сделанное им 20 декабря 1925 г.

Даже если не оспаривать подлинность этого приказа, — что в конце концов не имеет серьезного значения,— легко понять, что перестроить так армию несколько труднее, чем батальон.

«Это значило бы: то, что до сих пор было левым флангом, делается теперь правым. Фронт, который до сих пор был направлен к югу, повернут теперь на запад, и все позади фронта также должно совершить этот поворот и передвижку. В точности так не выйдет, будет немало скрипа и треска, пока армия станет в новом положении»[1].

«Треска» оказалось гораздо больше, чем ожидал Клук. Но перейдем к оценке отданного им приказа. Если бы он был выполнен точно, как сформулировано в труде Рейхсархива, пред нами был бы изумительно смелый и верный маневр. В самом деле, возьмем обстановку, как она представлялась Клуку в полночь с 5 на 6 сентября, когда он уже знал о серьезности атаки севернее Марны. На р. Урк наступают со стороны Парижа силы французов неизвестной численности, но, видимо, довольно значительного состава; нельзя ни в каком случае допустить их в тыл 1-й армии — это слишком очевидно; за М. Мореном отступает к югу 5-я французская армия, которую преследуют корпуса 1-й и 2-й германских армий. Между ней и Парижем — англичане. Мы знаем, что такой в основном и была в действительности обстановка. Клук 6 сентября не знал только о начавшемся генеральном наступлении союзников. Как быстрее всего ликвидировать угрозу со стороны Парижа? Сосредоточить все силы и одним ударом покончить с ней. Англичане? Но они не имеют боевой ценности (здесь Клук переоценил свои предшествовавшие успехи против англичан), находятся еще слишком далеко (6 сентября это было верно), и, кроме того, опрокинув парижский заслон французов, 1-я армия выходила на левый фланг англичан. 5-я французская армия? Но она отступает (в этом Клук ошибся) и, кроме того, быстро разгромив противника на р. Урк, 1-я германская армия имела бы еще время повернуться снова фронтом к ней. Пока же левый фланг фронта 1-й армии на р. Урк может быть прикрыт кавалерией и небольшими пехотными заслонами. Расчет верен: имея дело с тремя пока еще разрозненными силами противника, самое верное — бить их по частям, использовать высокую маневренность своей армии для быстрого разгрома сначала самого опасного противника — на фланге, а затем обратиться против остальных.

Все эти соображения сделаны за Клука. Очень сомнительно, руководствовался ли он ими в действительности. Нам изображают дело так, что Клук не только отдал приказ, но и выполнил его. Например:

«1-я армия вечером 5 сентября получила благодаря удару 4-го рез. корпуса ясное представление об опасности, угрожающей ее правому флангу; после первоначального продолжения наступления 2-го, 4-го,

[1] Kabisch, 86.

3-го и 9-го арм. корпусов в южном направлении, что привело 6 сентября к первым столкновениям с французской 5-й армией, ген. Клук принял решение броситься главной своей силой на армию Монури. Против английской армии были оставлены только незначительные силы; масса же армии была в образцовых построениях (Dispositionen) и при самоотверженном порыве всех войск переброшена по-эшелонно (staffelweise) с правого крыла на север. 8 сентября наступательная сила Монури разбилась. В то время, как англичане лишь медленно продвигались, левое крыло армии Франше (т. е. 5-я) энергичнее устремилось в возникшую при этом брешь между 1-й и 2-й армией, Клук, успешно осуществляя принятое решение, бросил все силы до последнего бойца для решающего охвата северного крыла противника. 9 сентября этот фланговый удар (Umfassungsangriff) был приведен в исполнение, но одновременно правое крыло англичан перешло Марну восточнее Ла-Ферте-су-Жуар, и левое крыло французской 5-й армии угрожало правому крылу немецкой 2-й армии. Поэтому командование 2-й и представитель главнокомандования сочли положение 1-й армии неустойчивым (unhaltbar), и был отдан приказ 2-й армии об отступлении» [1].

Так создается официальная легенда! Действия Клука причесываются под последовательные и даже «образцовые». Но вся эта версия построена на передержках: Клук принимает решение, тут же осуществляет его и достигает полного успеха. Но почему же в таком случае получилось поражение?

Передержка состоит в том, что умалчивается, как осуществлял Клук принятое решение. Время выпадает в таком изложении. Но ведь даже в приказе, который приведен в Рейхсархиве, ясно сказано, что 1-я армия должна повернуться «тотчас же» и «быстро» развернуться вправо. На это «быстрое» перестроение армии потребовалось трое суток при условии величайшего напряжения со стороны войск. Армия действительно не батальон. Поэтому вышло так, что фланговый удар Клука 9 сентября совпал по времени с переходом англичанами и французами Марны, что означало провал всего маневра, предпринятого Клуком.

Если проверять по фактам, возникает сомнение, существовал ли в действительности этот маневр как нечто цельное, единое и законченное или было что-то совсем иное, к чему такое наименование не подходит. Указание на характер образа действий Клука на Марне дано отчасти в словечке «по-эшелонно»; иначе говоря, Клук вводил в бой на Урке свои части «пакетами», что было показано уже выше.

«Искусный маневр с отходом на р. Урк и быстрый переход от обороны к наступлению с охватом фланга в тяжелом кризисе, созданном внезапным нападением противника, является шедевром немецкого опе-

[1] „Der grosse Krieg“, 256.

ративного искусства»[1]. Такова оценка руководящих военных кругов германского фашизма. Но возьмем более деловое изложение той же хвалебной оценки:

«1-я армия неизменно и твердо придерживалась своих решений в течение всей Марнской битвы, несмотря на ряд очень тяжелых кризисов. Она осуществляла тактический охват 6-й французской армии при всех благоприятных обстоятельствах и пошла на большую опасность для ее левого крыла. Продвижение вперед 5-й французской и английской армий представляло для нее сначала только тактическую опасность, так как до оперативной действенности этого противника еще должно было пройти некоторое время[2]. Армия ожидала, что всякое решение последует лишь в результате ее наступления против Монури»[3].

Здесь по крайней мере более ясно выражена идея маневра, которая приписывается — неосновательно — Клуку. Она заключалась в том, чтобы достигнуть решающего оперативного успеха на р. Урк раньше, чем тактические бои с англичанами получили бы оперативное значение. Иначе говоря, операцию на р. Урк требовалось провести в таком быстром темпе, чтобы на ней не почувствовалось оперативное давление наступления союзников с юга. Выше уже указывалось, что 1-я германская армия имела намерение разбить армию ген. Монури, а затем вновь повернуться на юг против англичан. Хорошая идея, которую, однако, нельзя было осуществить. Куль в своем труде подтверждает, что он рассчитывал удержать англичан на Марне на такой срок, чтобы получить развязанные руки против них, после поражения 6-й французской армии. Именно на этом строится оправдание оперативного руководства 1-й армии в Марнской битве; иначе как можно объяснить такие тяжелые промахи, как оголение фланга соседа, открытие свободного пути наступающим союзникам к Марне?

Для оценки контрманевра ген. Клука важно поэтому не только констатировать самый факт переброски всех сил 1-й германской армии на р. Урк для разгрома 6-й французской армии, но и установить, когда эта переброска была осуществлена. Именно темп развития операции, а не только ее идея, имеет в данном случае решающее значение.

г) „Привидение со стороны Парижа облекается в плоть и кровь"

Мы уже не раз указывали на то, что первоначальное преимущество союзников в Марнской битве состояло в эффекте внезапности нападения со стороны Парижа, так как этим давался выигрыш вре-

---

[1] Wetzell, Generaloberst von Kluck, „Militär-Wochenblatt," 1934, № 16.
[2] Разрядка наша.
[3] Lautemann, 101.

мени, или разбег для успешного завершения предпринятого маневра. Контрманевр Клука должен был,— в идее — лишить противника полученного им преимущества, т. е. не дать ему выиграть времени, быстро осуществить нужные контрмероприятия и в свою очередь взять инициативу в свои руки. Осуществить эту идею было возможно, но не так, как она была проведена в действительности.

Возможность удара со стороны Парижа вовсе не была тайной для командования 1-й германской армии. Оно понимало, что идет на некоторый риск, оставляя на фланге столицу Франции. Однако, оно сознательно оценивало эту угрозу, как недостаточно актуальную для данного момента. По выражению начальника штаба 1-й армии ген. Куля (его высказывания от 4 сентября), «привидение со стороны Парижа до той поры не должно страшить армию, пока оно не облечется в плоть и кровь»[1]. 1-я армия в силу этого продолжала преследование на юго-восток от Парижа. Однако, еще до получения известий в полном объеме о боях 4-го рез. корпуса, 5 сентября произошли некоторые изменения, которые необходимо учесть со всей точностью.

Еще согласно директиве германского главного командования от 2 сентября, 1-я армия должна была взять на себя охрану правого фланга германского фронта со стороны Парижа. По приказу от 4 сентября, в 9.15 вечера, главная масса 1-й германской армии — 4-й, 3-й и 9-й корпуса — должна была продолжать преследование с выходом на линию Шуази — Эстерней; кав. корпусу Марвица предстояло продвинуться к Провен, чтобы атаковать французские части при переправе через Сену. 2-й корпус был удержан на Б. Морене в районе Куломье, а 4-й рез. корпус — севернее Марны, имея в виду прикрытие со стороны Парижа. С утра 5 сентября корпуса двинулись в указанных им направлениях. В 7 час. 15 м. утра было получено радио германского главного командования с указанием, что 1-я армия должна повернуться фронтом к Парижу между Уазой и Марной. Однако, корпуса 1-й армии шли уже за Марной. «Мы не могли оставаться между Уазой и Марной, мы могли туда только отступить. О новых передвижениях французских войск мы ничего не знали»...— пишет Куль[2]. В 10 час. 30 м. командование 1-й армией шлет радио в главную квартиру: «1-я армия в силу прежних указаний верховного командования продвигается через Ребе—Монмирайль к Сене. Два арм. корпуса прикрывают по обе стороны Марны фланг армии против Парижа... Если предписанное окружение Парижа провести, то... противник приобретет свободу действий против Труа (!). В Париже более мощные силы, вероятно, лишь в стадии сосредоточения... Считаю оставление позади весьма боеспособной полевой армии и передвижку 1-й и 2-й армий

---

[1] „Die Schlacht vor Paris“, 8.
[2] Kuhl, 127.

в данный момент менее всего благоприятными. Предлагаю: провести преследование до Сены, а затем окружить Париж». Куль считает невозможным остановить движение корпусов, кроме 4-го рез.; поворот в сторону Парижа может быть осуществлен лишь приказом вечером 5 сентября. В соответствии с этим был отдан в 9 час. утра приказ остановиться лишь 4-му рез. корпусу; кав. корпусу было дано указание не переходить шоссе Розуа — Бетон-Базош (Beton Bazoches). С этого момента начинается расчленение 1-й германской армии на две группы: группу преследования — 4-й, 3-й и 9-й корпуса; к вечеру 4-й корпус находился на линии Амильи (Amillis) — Шуази, 3-й — Санси (Sancy) — Монсо (Montceaux), 9-й — Неви (Neuvy) — Эстерней; и группу прикрытия: 2-й корпус к вечеру 5 сентября на линии Ля-Сель (La Celle) — Сент-Огюстэн (St. Augustin) и 4-й рез. корпус.

Однако, последовали новые подтверждения угрозы со стороны Парижа. От Бюлова пришло письмо, в котором пессимистически оценивалось положение 1-й армии [1]. В 2 час. дня прибыл представитель германского главного командования подполк. Хенч, устно изложивший содержание директивы от 4 сентября. Под влиянием всех этих сообщений, командование 1-й армии решает начать передвижку своих сил фронтом к Парижу. Но как это сделать? «Это было не так просто, — пишет Куль, — можно было перейти к новому расположению или путем захождения назад (Zurückschwenken), или путем контрмарша (Kontremarsch). Движения тылов и обозов необходимо было тщательно рассчитать». В конце концов принимается решение об отходе по-эшелонно (staffelweise). Хенч выразил свое согласие с таким образом действия. Приказ был отдан в 11 час. вечера 5 сентября. После изложения задачи, поставленной новой директивой германского главного командования, даны направления движения корпусам. 2-й корпус идет в район Жерминьи (Germigny) и Иль-ле-Мельдез (Isles les Meldeuses), т. е. на Марну, 4-й — в район Ду (Doue), 3-й — в Ла-Ферте-Гоше (La Ferté Gaücher); 9-й корпус остается на месте в районе Эстерней; кав. корпус выдвигается на линию Люминьи (Lumigny) — Розуа.

Итак, можно считать доказанным, что впервые директива о движении назад к Марне была продиктована не непосредственно боями, начавшимися 5 сентября севернее Марны, а общестратегической обстановкой. Но при этом твердого решения повернуться к Парижу всей армией не принимается. Отход происходит «по-эшелонно». Корпуса получают противоречивые приказы. 3-й и 9-й корпуса теряют минимум полтора суток и затем вместо удара по 6-й французской армии «быстро» двигаются вне поля боя. В этом вся суть. Установив этот факт, перейдем теперь к более точному уяснению, в какой форме вылилось воздействие боев на р. Урк.

---

[1] Об этом см. главу пятую.

д) 2-й и 4-й германские корпуса идут на Урк

Уже в 5 час. 45 м. пополудни 5 сентября авиационная разведка 2-го корпуса выяснила, что 4-й рез. корпус ведет бой с противником со стороны Парижа. Это сообщение было немедленно передано по телефону в штаб армии, где ему не придали серьезного значения. Около полуночи командир 2-го корпуса вновь донес о том, что 4-й рез. корпус наткнулся на превосходные силы и отходит за ручей Теруан. Только после того (т. е. когда приказ на 6-е пошел уже войскам) командование 1-й армией начинает осознавать серьезность угрозы со стороны Парижа. Но в какой степени? Что предпримет оно теперь? Во всяком случае того наполеоновского приказа, о котором сообщает рейхсархив, Клуком отдано не было. Это совершенно неоспоримый факт. В полночь посылается распоряжение одному только 2-му корпусу: «...2-й корпус, по получении этого приказа, как можно быстрее выступает в направлении к мостам через Марну у Лизи—Жерминьи на поддержку 4-му рез. корпусу, кавалерия и артиллерия вперед; тотчас установить связь с 4-м рез. корпусом; занять мост у Жерминьи. Выслать вперед тяжелую артиллерию. На Б. Морене оставить слабые арьергарды». Уже после отсылки приказа является в штаб армии задержавшийся в пути офицер из 4-го рез. корпуса с подробным донесением о бое 5 сентября.

Получив приказ, командир 2-го корпуса ген. Линзинген немедленно же поднимает на ноги свои дивизии. В 4 часа утра 4-я пех. дивизия выступает из Муру (Mouroux), 3-я — из Мезонсель (Maisoncelles) на Лизи и Жерминьи. Артиллерия 3-й дивизии высылается вперед. Около 11 час. утра 3-я дивизия находится уже в районе Варед, где вступает в бой. 4-я дивизия прибывает к Лизи.

В 9 час. утра 6 сентября штаб армии переходит в Шарли. Клук лично является на высоты восточнее Лизи. Обзор положения успокаивающе действует на него: боя не слышно. Он считает предпринятые мероприятия достаточными.

Здесь-то и начинается роковое воздействие событий на р. Урк на волю командования 1-й армии. Быть может, лучше было бы для него, если бы 6-й французской армии удалось сразу достигнуть более осязательного успеха. Карты были бы тогда по крайней мере раскрыты. Удар армии Монури севернее Марны оказывается роковым для Клука в конце концов вовсе не в силу реальной опасности, какую он представлял, а скорее в силу своей внезапности и той неизвестности, которой он был окутан вначале. Вследствие пассивности и недостаточных успехов 6-й армии, Клук догадывается, что угроза очень серьезна, ибо даже небольшие части, прорвавшиеся в тыл, грозят разгромом обозов и сообщений 1-й армии. Но размеры этой угрозы остаются неясными. Клук рассчитывает справиться с ней силами двух корпусов. Поэтому остальным он оставляет пока их преж-

ние задачи. Какой же маневр в конце концов осуществляет Клук? Командующий 1-й германской армией, несомненно, имел целью разбить противника на р. Урк; он руководствовался также директивой Мольтке — встать фронтом к Парижу; наконец, он, видимо, не оставил идеи и преследования совместно со 2-й армией 5-й французской армии, о чем свидетельствует оставление на месте 9-го германского корпуса. Три идеи вместо одной.

Существует удачное сравнение армии Монури с пиявкой, которая присосалась к армии Клука. Казалось бы мелочь: схватить и вырвать ее прочь. Но первые попытки показывают, что задача не столь проста, а оставлять ее нельзя, так как пиявка угрожает высосать всю кровь. Вскоре офицер связи, посланный Клуком на Урк, в корне разрушает его оптимистическое настроение, полученное при обзоре с высот у Лизи: от Аси до Марны кипит жаркий бой. Авиационная разведка сообщает об охватывающем движении противника к северу. В 12 час. Клук отдает приказ 4-му корпусу выслать немедленно артиллерийский полк 8-й дивизии на Трильпор, чтобы помочь 4-му рез. корпусу. В 17 час. новые тяжелые известия с фронта на р. Урк. Не начнет ли хотя бы теперь Клук свой генеральный маневр? Нет, в 17 час. 30 м. он приказывает одному лишь 4-му корпусу передвинуться к Марне в район к северу от Ла-Ферте-су-Жуар. «Все еще не было получено полной ясности о силе наступающего со стороны Парижа противника; но оказалось, что он превосходит в численности; направление его наступления было угрожающим для 1-й армии. Во всяком случае было установлено, что утром 7 сентября будут стоять в боевой готовности западнее р. Урк 3 корпуса и 1 кав. дивизия» [1].

С 10 час. утра 4-й германский корпус находился на стоянках в Ду (8-я пех. дивизия) и Ребе (7-я пех. дивизия). В 9 час. вечера он возобновляет свой марш к северу — день потерян, таким образом, даром, в силу проволочки в решении командования 1-й армии. «Если в самом ночном марше не было вообще ничего приятного, то настроение падает все больше и больше, по мере того как движению не видно никакого конца. Только механически ноги выполняют еще свою службу. Все разговоры мало-помалу прекращаются. Серебряный блеск луны освещает ландшафт, обрисовывая великолепные картины живописной Марнской долины. Но едва ли кто-либо способен воспринять эту поэзию. С некоторым удивлением узнают бойцы, что они идут назад по той же самой дороге, по которой несколько дней тому назад шли вперед в южном направлении. Но всеобщее истощение слишком сильно, чтобы думать об этом. Проходит час за часом, во время которых не видно ничего, кроме качающихся теней рядом идущих людей. В каком-то полусне шагают вперед. Возглас «штык выше» прерывает время от времени однотонное лязганье сапог о твердую землю. По

---

1 „Die Schlacht vor Paris", 104.

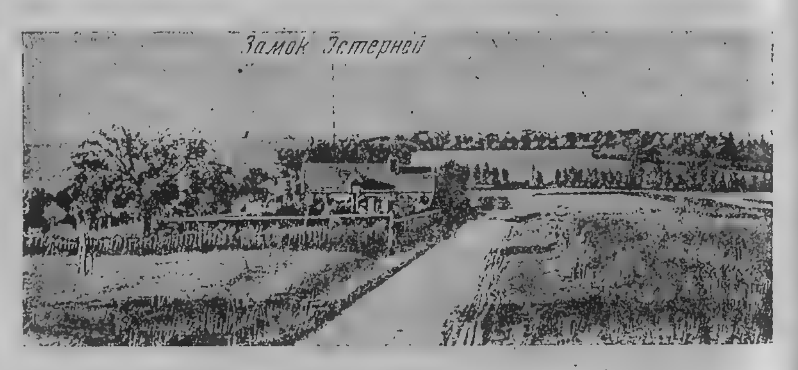
временам слышится принужденный короткий смех: заснувший споткнулся и угодил носом в котелок впереди идущего. Там отставший из колонны, тяжело дыша, опирается на винтовку; его убеждают собрать все силы, чтобы не попасть в руки врагу... Но к чему теперь напрягать последние силы людей и лошадей именно для марша назад — это непонятно. Проходит много времени, пока далеко растянутая колонна останавливается на короткую передышку. Каждый падает тогда на землю там, где стоит. Но сейчас же командиры будят изнемогающих людей: Дальше... дальше...» [1].

8-я дивизия идет на Кошерль, через Ля-Ферте-су-Жуар: 7-я дивизия — на Дюизи, через Орли. Клук торопит генерала Сикст фон-Арним, предложив ему к утру 7 сентября быть на правом фланге фронта р. Урк. В 22 часа обстановка заставляет направить 8-ю дивизию к Троси (центр фронта на р. Урк). На другой день обе дивизии вступают в бой (см. выше). 7-я дивизия прошла всего 60 км!

Но эти сверхчеловеческие усилия возвращают командующему 1-й армией по крайней мере уверенность в успехе. В своей квартире в Шарли он предвкушает победу завтра на р. Урк. 4-й германский корпус даст решающий поворот затянувшейся здесь битве.

е) Удар с юга

5 сентября утром 1-я германская армия столкнулась с наступающим противником на своем правом фланге, севернее Марны; 6-го она

Панорама позиций у Эстерней

была атакована — и притом столь же внезапно — превосходными силами противника на своем левом фланге, южнее Марны. Этим началось контрнаступление 5-й французской армии.

[1] „Die Schlacht vor Paris“, 104.

6 сентября 9-й германский корпус должен был оставаться в районе Эстерней. День отдыха после стольких тяжелых дней непрерывного марша и сражения! Никто не подозревал, какие суровые испытания готовил корпусу этот воскресный день.

Утром 6 сентября артиллерия французов внезапно стала обстреливать Эстерней и северные подступы к местечку. В своем дневнике Кваст записал:

Панорама позиций у Шатильона

«Мы думали сначала, что имеем дело снова с проходящей мимо, оставшейся позади колонной противника, которая ударом стремится облегчить свое положение. Но так как огонь становился все сильнее, я приказал бить тревогу».

Посланный на разведку самолет принес изумительное известие: крупные силы противника продвигались на север. Ген. Кваст, который 7 сентября собирался на основании приказа армии следовать к Марне, решил, что эту задачу он сможет выполнить, лишь разбив противостоящего ему противника. «Я считал невозможным дать врагу наступать против себя без того, чтобы не нанести контрудара». В 10 час.

40 м. ген. Кваст приказал обеим своим дивизиям наступать. 18-й дивизии — правая граница: линия Неви (Neuvy) — Эскард (Escardes) — Шоме (Chommé); левая граница: линия высота 200 (юго-западнее Эстерней)—Лез-Эсарт (Les Essarts) (южней Эстерней); 17-й дивизии наступать, примыкая к 18-й, левая граница: Шатильон (Châtillon)—Ля-Форестьер (La Forestière) с сильным эшелонированием слева для защиты левого фланга.

17-я дивизия достигла шоссе Курживо (Courgivaux) — Сезан (Sézanne), но дальнейшее продвижение оказалось невозможным; части окопались и весь день удерживали свои позиции под сильнейшим огнем неприятельской артиллерии. Юго-восточнее Эстерней был взят Шатильон, который вскоре был атакован французской пехотой; весь день здесь шел кровавый бой, в результате которого деревню пришлось отдать. В упорном сопротивлении немецкие части удерживали замок Эстерней. 33-я пех. бригада стояла теперь на линии Ретурнлу (Retourneloup) — замок, с отогнутым левым флангом на шоссе Эстерней — Сезан. Севернее Эстерней—Вивье (Vivier) фронтом на восток стояла 34-я пех. бригада, сдерживая наступление противника с востока. Северо-восточнее правый фланг 10-го рез. корпуса вел бой в районе Ле-Рекуд (Le-Recoude).

Более подробно остановимся на боях, которые вела в этот день 18-я дивизия, так как они дают наиболее яркое представление о характере внезапно развернувшейся битвы.

Выполняя приказ корпуса, командир дивизии ген.-лейт. Клуге приказал 36-й пех. бригаде сосредоточиться восточнее леса у Ле Пре (Bois des Près), 35-й и всей артиллерии—восточнее Неви. По окончании передвижений был отдан приказ о наступлении; разграничительная линия между бригадами Ножантель (Nogentel) — Ле-Го-д'Эскард (Le Haut d'Escardes). Новая задержка получилась по получении известия, что Курживо, очищенный частями 3-го корпуса, занят французами, наступающими к северу. Только в 3 час. 15 м. дня обе бригады получили окончательный приказ о наступлении, причем для овладения Курживо была выделена специальная ударная группа. Наступление началось с левого фланга.

Командир 35-й пехотной бригады, наступающей слева, полк. Оберниц дал своим двум полкам следующие зоны для наступления: 84-му пех. полку — восточная граница Ольней (Aulnay) — Ле-Го-д'Эскард—левее фермы Грегуар (Grégoire Fe) — буква «п» фермы Ле-Понасек (Le Pont-à-Sec Fe); 86-му полку — примкнуть слева к 84-му, левая граница: высота 200 — восточная опушка леса Пре-дю-Бю (Bois de Près du But).

84-й полк еще в 1 час. 45 м. дня начал свое движение из Неви вдоль ручья, что течет от Ножантель; пересекши через час парижское шоссе, два передовых батальона — 1-й и 2-й — углубились в лесок восточнее Ножантель, стремясь как можно скорее выйти на шоссе

Курживо—Ретурнлу. Густой кустарник, болотистая почва и страшная жара затрудняли движение. Артиллерия французов вела методический огонь по площадям. Гранаты и шрапнель осыпали лес. Как только немецкие части стали выходить на шоссе, к артиллерийскому огню присоединился огонь невидимой французской пехоты. Вышедшие первыми бойцы залегли вдоль рва дороги, поджидая отставших и неся тяжелые потери. В 3—4 км вдали виднелись плотные колонны противника, наступавшего спокойно, не подвергаясь обстрелу. Вскоре французы появились в лесках на расстоянии 400—600 м. С германской стороны артиллерия отсутствовала; только пулеметная рота сумела преодолеть лесное пространство почти одновременно с пехотой.

«Многочисленные легкие батареи противника стреляли большей частью с открытой позиции; был ясно виден блеск выстрелов, так что мы пытались начать стрельбу по орудиям из пулеметов. Наша артиллерия совершенно отсутствовала. Часто слышал я настойчивый вопрос: «Г-н лейтенант, что же у нас нет совсем артиллерии?» (сообщение лейт. Эбелинг, адъютанта 2-го батальона 86-го полка).

Несмотря на такую рискованную ситуацию, командование не нашло ничего лучшего, как послать батальоны вперед. Около 4 час. вся линия «стрелков королевы» («Königin-Füsiliere» — так назывались пехотинцы 86-го полка) под градом шрапнелей устремляется к югу от дороги; только пулеметы остаются, продолжая вести огонь с занятых позиций. В этот момент приближаются к дороге части 84-го и 31-го полков и также следуют дальше.

«Я никогда не видел, чтобы мои шлезвиг-голштинцы делали такие большие прыжки, — рассказывает один из участников. — Быстро вперед через левее лежащий лесок... противник занял лес в 600—700 м впереди. Теперь сильный артиллерийский огонь противника обрушивается на нас. В течение часа — одна граната за другой, непрерывный потрясающий грохот».

Французов удается выбить из леска. Но, пройдя его, наступающие видят поле, через которое удается сделать несколько перебежек. Теперь вся артиллерия противника обрушивается на них. Дальше продвигаться невозможно. Отовсюду слышатся требования об артиллерии. Но о ней ни слуху, ни духу! Залегшие в 600—700 м от дороги, «стрелки королевы» остались беззащитными против обрушившейся на них лавины снарядов.

84-й полк, проходя лес у Ножантель, также попал под обстрел французской артиллерии.

«Как только батальон вступил в лес, который весь был покрыт густым непролазным кустарником и который можно было пройти лишь по просекам, на него обрушился неслыханный по силе огонь французской артиллерии. Невозможно было больше различить отдельные разрывы. Казалось, что сильная гроза бушует в верхушках де-

ревьев, и молнии, одна за другой сверкают в лесу» (кап. Гюльземан, командир 6-й роты 84-го полка).

В 5-й роте одним попаданием была выведена из строя целая группа (отделение). Выйдя из леса на дорогу Курживо—Ретурнлу, роты 84-го полка с криками «ура» устремляются дальше и залегают рядом с линией «стрелков королевы».

31-й полк (36-я пех. бригада) благополучно добрался до дороги и отсюда с барабанным боем, под звуки горнистов перебегает в лес в 600 м южнее шоссе; противник уходит прочь; кое-где начинают падать снаряды. Вслед за тем огонь французской артиллерии обрушивается с бешеной силой. Только 2-й и 3-й батальоны 31-го полка потеряли здесь 207 человек.

С 5 час. линия трех полков лежала в 600—800 м впереди дороги Курживо — Эстерней под ураганным огнем, «сила которого превосходила все пережитое до сих пор». Все еще ждали подхода своей артиллерии. Но ее не было.

Около 700 «стрелков королевы» осталось лежать на месте.

Между 6 ч. 30 м. — 7 час. исчезла всякая надежда. Началось стремительное и беспорядочное отступление всей линии назад к дороге.

«Приходящие из передовой линии люди были совершенно расстроены» (кап. Гюзельман).

Но и на дороге до наступления темноты огонь противника был чрезвычайно сильным. Начали подбирать раненых. Большая часть их, однако, попала в плен.

Наступавший на крайнем правом фланге 18-й дивизии 85-й полк (36-я пех. бригада), состоявший всего лишь из пяти рот, отстал и потерял связь с 31-м полком. Около 5 час. роты находились приблизительно в одном километре от Курживо, занятом французами, и были встречены артогнем неслыханной доселе силы, а также пулеметным и ружейным огнем. Продвигаться вперед, без артиллерийской поддержки, было невозможно. С германской стороны вела огонь лишь одна батарея, которая ничего не могла поделать с неприятельской артиллерией.

Западнее наступала против Курживо ударная группа майора Гувальда (батальон 31-го полка без одной роты и 1-й батальон 85-го). Около 5 ч. 30 м. отряд овладел фермой Шамплонг (Champlong). Здесь он подвергся также сильнейшему обстрелу французской артиллерии, что не помешало, однако, ударной группе захватить высоту 190, покрытую лесом.

«Здесь огонь противника усилился в высшей степени. Казалось, что ад разверзся под нами. В самом лесу стоял такой сильный шум от сыплющихся гранат и осколков, от треска ветвей и стонов многих раненых, что мои приказы были едва слышны. Я решился тогда, не обращая внимания на соседей, пробиваться вперед и бросился с остатками первого взвода. В 200 м от опушки леса я приказал залечь

и открыть огонь. Теперь нас особенно сильно обстреливали два пулемета. Очень тяжелые потери, дальнейшее продвижение вперед здесь исключено» (лейт. Манициус, командир 2-й роты 31-го полка).

И здесь артиллерийской поддержки почти не было. 3-я батарея 45-го арт. полка в начале наступления вела огонь с позиции южнее Артильо (Artillot), но наблюдение ей было затруднено многочисленными лесками. Некоторые снаряды попали по своим. Наконец, батарея перешла на позицию высота 203 и тогда смогла открыть действительный огонь по Курживо; французская артиллерия продолжала стрелять, однако, без всякой помехи.

Тем не менее роты ударной группы продолжали наступать, и около 6 ч. 15 м. им удалось выбить французов из Курживо. Это сразу облегчило положение и остальных застрявших левее рот 85-го полка, которые выдвинулись восточнее Курживо.

Только теперь подоспели, наконец, две батареи 9-го арт. полка, занявшие в 6 ч. 45 м. позиции северо-восточнее Курживо. Атака Курживо стоила потери 228 чел.

«Отступление 31-го, 84-го и 86-го полков, вызванное отсутствием артиллерийской поддержки, подавило дух войск. Впервые за всю войну не смогли удержать захваченную местность»[1].

«Это было чертовски скверно: итти назад в первый раз за всю войну!» (Facce, 5-я рота 86-го полка).

Командир 35-й пех. бригады, считая невозможным удерживаться дальше на дороге Курживо—Ретурнлу, приказал отступать к Неви. За нею последовали и некоторые части 36-й бригады. Группа Гувальда осталась в Курживо; восточнее от нее несколько рот 31-го полка остались лежать на дороге; из-за сильных потерь 9-ю и 10-ю роту пришлось свести в одну.

Однако, злосчастной 35-й бригаде не пришлось долго отдыхать в Неви: ей было приказано вновь занять только что оставленную позицию у дороги. Между 1 ч. 30 м. — 2 ч. 30 м. ночи тронулись измученные бойцы в поход. Но не было больше сил снова итти через лес; бригада осталась на высотах севернее фермы Грегуар, где стала окапываться.

Таков один из эпизодов «битвы, которой не было».

Как видим, это последнее изречение также должно быть отнесено к числу легенд. 18-я дивизия понесла тяжелое поражение 6 сентября. Правда, германская пехота отнюдь не была разбита в открытом бою, но она оказалась бессильной в неравной борьбе с превосходно действовавшей артиллерией французов. С германской стороны артиллерийская поддержка отсутствовала полностью. Отчасти это объясняется тем, что с начала сражения часть артиллерии 18-й дивизии была использована для поддержки соседней 17-й дивизии; отчасти тем, что

---

[1] „Das Marnedrama", I, 101.

движение батарей было затруднено невозможностью двигаться непосредственно вслед за пехотой, наступавшей через лес; 2-й дивизион 22-го арт. полка, приданный 18-й дивизии из состава 7-го корп. (2-я армия), находился слишком далеко у Монмирайль и не поспел во-время. И тем не менее задержку некоторых батарей, неудачный выбор ими позиций попросту нечем объяснить, кроме как нераспорядительностью. 2-й дивизион 45-го арт. полка остался на своей позиции северо-восточнее Неви. «Почему он не был выдвинут вперед, установить невозможно»[1]. Очевидно, у германского командования еще твердо было убеждение, что пехота может атаковать и без всякой артиллерийской поддержки. За эти предрассудки штабов германская пехота заплатила 6 сентября своей кровью.

3-й корпус 6 сентября должен был уйти в район Ля-Ферте-Гоше. Отход был уже начат, когда около 8 ч. утра командир корпуса ген. Лохов получил сообщение о том, что 9-й корпус подвергся сильному нападению. Вслед за тем командование 9-го корпуса обратилось с просьбой о поддержке. Тогда ген. Лохов приказывает 6-й пех. дивизии быть в готовности к наступлению севернее Монсо, 5-й — севернее Санси. Однако, на всем фронте 3-го корпуса вела уже огонь французская артиллерия, и немецкие батареи ввязались в бой с ней. 12-й пех. бригада получила приказ немедленно наступать через лес восточнее Мезонсель (Maisoncelles) для оказания непосредственной поддержки 9-му корпусу. В 13 ч. 00 м. был отдан приказ обеим дивизиям наступать к югу. 6-я пех. дивизия в это время уже ввязалась в бой. Части корпуса продвинулись к дороге Санси—Монсо—Курживо, но здесь были задержаны огнем неприятельской артиллерии и залегли. В 8 час. вечера ген. Лохов отдал приказ удерживать эти позиции, обеспечивая правый фланг 9-го корпуса.

Вечером 6 сентября оба левофланговых корпуса 1-й германской армии оказались на далеко выдвинутой к югу позиции в жарком бою с превосходными силами противника. Клук пожал плоды разбрасывания своих сил на широком фронте от Эстерней до Троси: противник атаковал на двух флангах его разъединенные силы.

2. МАРНСКАЯ БРЕШЬ

а) Брешь внутри 1-й армии 6 сентября

Во вступительной главе было уже указано на фетишистский характер воззрений, широко распространенных по вопросу о бреши, решившей судьбу Марнского сражения. В основе этих воззрений заложена идея, что современные армии не могут действовать вне тесного и непосредственного примыкания друг к другу. Но ведь этим отрицается маневренный характер действий армий, который предполагает свободу движения их. В высшей степени важно

[1] „Das Marnedrama“, I, 101.

поэтому установить, что же собственно произошло на решающем участке Марнской битвы.

Начать следует с того факта, что брешь возникла первоначально **внутри** самой 1-й армии. Предпосылкой явилось расчленение 1-й армии на **две** группы, одна из которых имела оборонительное (заслон против Парижа), а другая наступательное (преследование французов, отступающих к Сене) назначение.

Клук вместо проведения **единого**, смелого и верного в основном замысла проводил фактически **две** различных и даже противоположных по своему характеру операции. Это **раздвоение** вызвало и соответствующее расчленение его сил.

Один из новейших немецких исследователей Марнской битвы пытается дать логическое истолкование [1] действий Клука.

Командование 1-й армии первоначально рассматривало нападение французов на р. Урк как демонстрацию (Ablenkungsangriff), имеющую целью отвлечь германские армии от преследования отступающих за р. Сену союзников. «Без сомнения, по воззрению командования 1-й армии, центр тяжести операции все еще находился южнее Марны, а то, что произошло севернее реки, было только необходимой защитой при осуществлении главной операции... Оно, таким образом, вовсе не собиралось по получении известия о боях 4-го рез. корпуса развернуть операцию в полной силе, ибо тогда оставление обоих корпусов (т. е. 3-го и 9-го) должно было оцениваться иначе. Учитывая «очевидную опасность, которую должно было принести даже ограниченное нападение из Парижа», Клук принял «решение противостоять навязанному противником тактическому решению посредством большей половины армии». Таким путем Клук рассчитывал достигнуть еще 7 сентября решительного результата на р. Урк.

Здесь верно то, что первоначально, а именно в течение 6 сентября, Клук главной своей оперативной задачей считал преследование союзников; бои же на Урке он рассматривал скорее как второстепенную тактическую скоропреходящую задачу. Но сюда следует отнести еще одну существенную поправку: Клук уже 6 сентября рассматривал участие 3-го и 9-го германских корпусов в операции преследования 2-й армии условно, т. е. только в том случае, если Бюлов действительно будет продолжать наступательные действия. Эта условность явно указывает на то, что у Клука уже 6-го были сомнения в этом. Подтверждение легко найти в фактических распоряжениях командующего 1-й армии. На 6-е уже предусматривался постепенный отход к Марне всех корпусов, кроме 9-го, во исполнение директивы германского главного командования. Однако, и в этот планомерный отход был внесен элемент суматохи и нервозности, вызванный обострением обстановки на р. Урк (ускорение движения 2-го корпуса, приказ

---

[1] Lautemann, 94—95.

о срочной передвижке 4-го корпуса)[1]. С другой стороны, бой у Эстерней потребовал отмены предусмотренного приказом передвижения 3-го корпуса. Так создалось положение, когда вместо равномерного распределения корпусов по линии Мо—Эстерней получилось две группировки их: севернее и южнее Марны.

1-я армия 6 сентября сражалась с наступающим противником в районах, отделенных промежутком минимум в 50 км. Оба сражения возникли внезапно, непредвиденно и носили крайне серьезный характер. Командующему 1-й армией оставалось одно: признать факты. В 16 час. он получает донесение о боях 3-го и 9-го корпусов и в 17 ч. 45 м. приказывает 3-му корпусу остаться на месте, прикрывая правый фланг 9-го корпуса, вместо того чтобы передвинуться к Ля-Ферте-Гоше. В 18 час. он посылает офицера связи к командующему 2-й армией, чтобы установить способ дальнейшего использования 3-го и 9-го корпусов; в случае необходимости 2-я армия может располагать ими, отдавая им приказы непосредственно. В 19 час. Клук узнает о новой опасности: крупные силы противника вышли с линии лес Креси (Crécy) — Розуа и двигаются к востоку, угрожая открытому флангу 3-го корпуса. Клук просит командующего 2-й армией выдвинуть сюда 7-й и 10-й рез. корпуса и одновременно поручает 2-му кав. корпусу Марвица воспрепятствовать движению противника между Мо и Ля-Ферте-Гоше. Между тем ген. Бюлов, получив через посланного Клуком офицера предложение о подчинении ему двух корпусов 2-й армии, тотчас же принял его и послал в 22 часа радио в штаб 1-й армии о своем согласии. Это радио было получено, однако, лишь на другой день. Не имея ответа, Клук решил, что положение 3-го и 9-го корпусов слишком опасно, и в 22 часа приказал им отойти к северу: 9-му корпусу западнее Монмирайль и 3-му — к Буатрон (Boitron), думая, что они примкнут, таким образом, к правому флангу 2-й германской армии (7-й корпус)[2].

При этом оба корпуса были оставлены в подчинении 2-й армии. Между тем командование этой последней уже отдало приказ на 7 сентября, по которому 3-й корпус должен был прикрывать правый фланг 2-й армии, 9-му же, 13-й дивизии, 10-му рез. корпусу продолжать наступление с линии, занимаемой ими 6 сентября. Узнав о приказе Клука—3-му и 9-му корпусам отойти в район Монмирайль—Буатрон, Бюлов счел это «очевидным вмешательством в права командования 2-й армии» и был очень удивлен, получив подтверждение о том, что оба корпуса остаются в его подчинении. Вскоре после 22 час. прибывший из штаба 2-й армии офицер связи разъясняет Клуку положение на южном участке, но командующий 1-й армией не меняет своих распоряжений, считая, что новая линия расположения корпусов южнее

---

[1] По оценке Рейхсархива, центр тяжести операций 1-й армии в течение 6 сентября передвинулся, бесспорно, с Марны на Урк („Der Weltkrieg", IV, 45).

[2] „Der Weltkrieg", IV, 47 и 74.

Марны более выгодна: брешь между двумя половинами 1-й армии сократится с 50 до 30 км. Как защитить эту брешь? Клук предлагает Бюлову поручить ее охрану двум кав. корпусам: 2-му (1-я армия) и 1-му (2-я армия); получив согласие Бюлова, он в 23 часа отдает соответствующий приказ, не назначив, однако, общего начальника над двумя кав. корпусами.

К полуночи 6 сентября положение 1-й армии представлялось в следующем виде: севернее Марны развернуты 4-й рез. и 2-й корпуса, 4-й корпус на переправах через Марну у Ля-Ферте-су-Жуар и Сааси (Saacy); в тылу его юго-западнее Куломье (Coulommiers) — две дивизии 2-го кав. корпуса; 3-й и 9-й корпуса — пока еще на старых позициях Монсо—Эстерней.

Весьма важно, что командование 1-й армии учитывало уже наличие бреши в своем расположении. В указаниях ген. Куля полковнику Бюрману, посланному для установления связи в штаб 2-й армии, говорится следующее: «В силу этого (передвижка 4-го рез., 2-го и 4-го корпусов на р. Урк и оставление 3-го и 9-го на правом фланге 2-й армии) возникает брешь в 1-й армии, которая, однако, обеспечивается командованием 2-го и 1-го кав. корпусов. Многократно разбитые англичане едва ли способны быстро предпринять активное наступление». Несмотря на то, что этот документ не может претендовать на полное отражение действительных мнений командования 1-й армии 6 сентября [1], изложенные в нем соображения очень характерны.

По Рейхсархиву [2] «брешь почти в 50 км шириной [3], которая возникла внутри 1-й армии благодаря отходу 2-го и 4-го корпусов, оборонялась двумя кав. корпусами; пространственное разделение между главной массой 1-й армии и 3-м и 9-м корпусами было велико и затрудняло единое руководство сражением».

Брешь внутри 1-й армии явилась, таким образом, результатом раздвоения воли командования 1-й армии, которое нашло свое отражение уже в приказе его вечером 5 сентября и которое было усугублено внезапным одновременным развертыванием двух сражений—севернее и южнее Марны.

б) Возникновение бреши между 1-й и 2-й армиями 7 сентября

Итак, факты ясно показывают, что 6 сентября Клук не осуществлял единого контрманевра, который будто бы был намечен им еще 5-го ночью. В действительности 1-я армия вела в этот день два маневра: один южнее Марны — преследование отступающего к Сене

[1] Сообщение кап. Бюрманом было сделано 1 ноября 1925 г. на основе сохранившихся записей.

[2] „Der Weltkrieg", IV, 48.

[3] Считая от левого фланга 3-й пех. дивизии у Варед до правого фланга 3-го германского корпуса у Санси.

противника (3-й и 9-й корпуса совместно со 2-й армией), который рассматривался как главный; второй — севернее Марны — с задачей уничтожения атакующих сил со стороны Парижа. Этот второй маневр рассматривался Клуком 6 сентября как вспомогательная операция, имеющая целью отразить частную угрозу противника, который хотел этим облегчить отступление главных сил за Сену (Entlastungsoffensive). Поэтому на р. Урк считалось вполне достаточным сосредоточение трех корпусов — 4-го рез., 2-го и 4-го, — которые 7 сентября должны были покончить здесь с противником.

В ночь с 6 на 7 сентября в главной квартире 1-й армии в Шарли царит в связи с этим уверенное настроение. На левом фланге, хотя и пришлось отвести 3-й и 9-й корпуса за М. Морен, положение кажется очень прочным. Нижнее течение Б. Морена нигде еще не перейдено противником. 2-я армия отогнула свой правый фланг на М. Морен.

«Около полудня 7 сентября в силу передвижений, согласно отданным приказам, позади этой линии (М. Морена) от Бюсьер (Bussières), через Монмирайль до Ле-Туль (Le Thoult) возник единый связный фронт (eine zusammenhängende Front) (3-й, 9-й арм. корпуса, 13-я пех. дивизия, 10-й рез. корпус) и была осуществлена связь с левым флангом сражающихся севернее Марны частей 1-й армии»[1].

Командующие 1-й и 2-й армиями, достигнув согласия, могли, казалось, облегченно вздохнуть: после горьких сюрпризов опасность миновала! Но их обоих ждало еще горшее разочарование в ближайшие же часы!

Между 9 и 10 часами 7 сентября ген. Клук — после переезда в новую главную квартиру армии, в Вандрес (Vendrest), что уже указывало на значение, которое командование 1-й армии придавало фронту на р. Урк, — получил радио от германского главного командования, сообщающее о переходе союзников в общее наступление. По свидетельству Куля[2], это заставило совершенно по-иному оценить бои на р. Урк. Не могло быть и речи больше о проведении на р. Урк только вспомогательной операции: в упорном натиске французов севернее Марны командование 1-й армии усматривало теперь стремление союзников именно здесь нанести решающий удар с выходом в тыл германским армиям, наступающим южнее Марны. 6 сентября еще была надежда, что уже 7-го удастся покончить с силами противника севернее Марны. Теперь эта надежда исчезла: надо было сосредоточивать все силы армии для борьбы на решающем участке. Тогда, по утверждению Куля, можно было рассчитывать на достижение решительного результата 9 сентября[3].

---

[1] „Der grosse Krieg“, 231. Разрядка наша.

[2] Kuhl, Marnefeldzug, 198—203.

[3] Здесь Куль вступает в противоречие с документами, свидетельствующими о том, что командование 1-й армии рассчитывало на решительную интервенцию 3-го и 9-го корпусов еще 8 сентября.

«Решение оттянуть 3-й и 9-й корпуса было принято только теперь, под впечатлением известия германского главного командования. Вредные последствия отвода обоих корпусов были настолько явственны и так велики, что принятое решение можно объяснить лишь изменившейся в корне оценкой 6-й французской армии; ясно, что именно против 1-й армии враг готовит решительный удар» [1].

Официальная история всеми силами стремится внушить нам, что и теперь, как это было уже раз 5 сентября, ген. Клук и его начальник штаба спокойно взвешивают обстановку и хладнокровно выносят смелое решение. Обсуждается вопрос об отступлении за р. Урк, но эта идея отвергается: стиснутая между Урком и Марной 1-я армия попала бы в еще более тяжелое положение. Противник, не связанный уже больше на фронте, образовавшемся западнее р. Урк, получил бы свободу действий и мог бы с успехом возобновить операцию охвата с севера. Следовательно, надо покончить с ним, сосредоточив все силы до единого солдата западнее р. Урк.

«В ясном сознании грозной опасности ген. Клук принял решение, несмотря на все опасения, разрешить тяжелое положение наступлением» [2].

Решение смелое и импонирующее. Но который раз читаем мы уже о нем. 5-го, 6-го, 7-го принимается оно командованием 1-й армии. Но разве это опоздание в принятии окончательного решения не имело никакого значения? Прежде чем ответить на этот вопрос, мы должны еще точно установить, когда же все-таки оно было принято. Казалось бы, это совершенно ясно. Если сообщение германского главного командования о генеральном наступлении союзников являлось последним толчком к принятию решения, то оно, стало быть, было принято немедленно же, утром 7 сентября. Но это совершенно не соответствует истине.

Беда в том, что теперь, 7-го, опасность стала реальной и ощутимой не только севернее, но и южнее Марны.

Поэтому, прежде чем принять окончательное решение, Клук запрашивает в 10 ч. 10 м. 2-ю армию о положении дел: «2-й, 4-й и 4-й рез. корпуса ведут западнее р. Урк тяжелый бой. Где 3-й и 9-й корпуса? Каково положение там?» В 10 ч. 45 м. получается радио от 2-й армии: «2-я армия продолжает бой; решение еще не достигнуто». В 11 час. Клук посылает 2-й армии новое радио: «Ввод 3-го и 9-го корпусов в бой р. Урк настоятельно необходим. Противник серьезно усиливается. Просьба направить оба корпуса к Ля-Ферте-Милон и Круи». Бюлов соглашается отпустить 3-й корпус, но в отношении 9-го он упорствует. Весь день 7 сентября вопрос об этом

---

[1] Lautemann, Marneschlacht, 99.
[2] „Der Weltkrieg“, IV, 54.

корпусе остается неопределенным. В начале этой главы уже было показано, к чему вела эта неопределенность. Если фактически 9-й корпус все же двигался к северу, то п у т а н и ц а, внесенная командованием 1-й армии в вопрос об его подчинении, сыграла немалую роль в задержке маневра. До сих пор, как мы видели, Клук лишь вел переговоры об отправке корпусов на сев. берег Марны, но приказа им все еще не было отдано. Почему? Потому что командование 1-й армии продолжают одолевать сомнения: что же может произойти в б р е ш и, которая откроется между 1-й и 2-й армией благодаря отходу корпуса. В 11 ч. 20 м. посылается указание обоим кав. корпусам — безусловно удерживать при наступлении противника течение М. Морена от Ля-Ферте-су-Жуар до Буатрон. Но хватит ли сил этих корпусов для выполнения такой задачи?

В эти ч а с ы к о л е б а н и й решение было вырвано у командования 1-й армии новым обострением положения на р. Урк. Да, опять этот фронт, внезапно и стихийно выросший здесь, продиктовал командованию 1-й армии необходимость принять окончательное решение. Он действительно высасывал из артерий 1-й армии ее кровь, он порабощал и сковывал волю ее командования. Когда к ночи успокаивался гул страшной битвы, которая шла здесь, в штабе 1-й армии водворялось спокойствие и рассудительность. Но стоило лишь ему усилиться, как нервы командования 1-й армии сдавали, оставляя жить лишь одну мысль, одно непреоборимое стремление: скорее бросить туда то, что ближе, невзирая ни на что. Так было в ночь с 5-го на 6-е, так было утром 6-го. То же самое произошло и 7-го. Разница лишь в том, что на этот раз известия об угрозе п р а в о м у флангу фронта на р. Урк акцентируются сведениями об опасности также и его л е в о м у флангу.

От 2-го кав. корпуса и от авиационной разведки поступают сведения о продвижении англичан. В 10 час. утра их передовые части обнаружены у Куломье. Но отмечается также выгрузка новых войск противника в Нантейль-ле-Годуэн. Французы, видимо, стремятся к охвату северного германского крыла. Между 12-ю и 13-ю часами прибывает офицер связи кап. Шютц из расположения 3-й пех. дивизии и сообщает, что она не сможет продержаться без поддержки: сильнейший артогонь со стороны Мо. Это сообщение заставляет командование 1-й армии потерять всякое равновесие духа. В 12 ч. 15 м. 2-му кав. корпусу отдается приказ немедленно же направить артиллерию в Трильпор для поддержки левого фланга фронта на р. Урк. Командование 1-й армии бросает на фронт и части, охраняющие штаб армии. Вскоре после полудня 2-я армия сообщает, что 3-й и 9-й корпуса отправлены, сама армия ведет тяжелый бой между Монмирайлем и Фер-Шампенуазом. В 1 ч. 15 м. направляется приказ обоим корпусам ускорить их движение «насколько только возможно» («soweit als möglich»). 3-й корпус должен направить пех. бригаду с тяжелой

артиллерией на Трильпор. Ген. Марвиц получает приказ прикрывать нижнее течение Б. Морена.

Днем с фронта на р. Урк поступают успокоительные сведения. Только 3-я дивизия попрежнему находится в тяжелом положении. Ген. Марвиц сообщает в 4 час. дня, что он направил всю 9-ю кав. дивизию на Трильпор. Но тем самым охрана бреши между 1-й и 2-й армиями ослабляется еще больше. Донесение Марвица говорит о продвижении в эту брешь только английской кавалерии и создает у Клука ошибочную иллюзию, что главные силы англичан еще далеко.

В 5 час. дня в главную квартиру направляется следующее радио 1-й армии: «Продвижение 2-го и 4-го рез. корпусов, благодаря вводу 4-го корпуса, развивается успешно на линии восточнее Нантейля — Мо. 3-й и 9-й корпуса подходят. Наступление будет продолжено завтра с видами на успех. 2-й кав. корпус прикрывает линию Мо—Куломье, где нет продвижения крупных сил противника. Враг применяет много тяжелой артиллерии, очевидно, из Парижа. Противник — английские силы и, кажется, 5-й и 7-й французские корпуса. Главная квартира армии — Вандрес, юго-восточнее Круи».

В этом сообщении обращают на себя внимание данные о тяжелой артиллерии, которой в действительности у французов на р. Урк не было. Здесь же отмечены англичане — на основании ложной информации от 3-й дивизии. 5-го корпуса в действительности в составе 6-й французской армии не было. Легко представить, в какой мере взвинчивали настроение в штабе 1-й армии подобные донесения с фронта, которые штаб принимал наверу. Из сообщений видно, что командование 1-й армии считало еще отдаленной угрозу продвижения англичан в бреши.

Но вскоре и эта иллюзия разрушена. В 4 часа дня английская пехота отмечена в движении на Куломье; в 5 час. авиационная разведка наблюдала большой бивуак пехоты на северо-восточной окраине леса Креси (la Forêt de Crécy), у Фармутье (Faremoutiers), Ля-Сель (la Celle) и Морсерф (Mortcerf). То были 2-й и 3-й английские корпуса. Движение этих сил во фланг фронту на р. Урк грозило бы взорвать его. А между тем продолжали поступать сведения о расположении крупных сил противника также и в районе Нантейль-ле-Годуэн.

Положение становится исключительно серьезным. Надо действовать быстро и решительно. В 9 ч. 15 м. вечера Клук отдает приказ на 8 сентября. 2-й, 4-й и 4-й рез. корпуса под командованием ген. Линзингена должны о к о п а т ь с я и у д е р ж и в а т ь с я н а м е с т е. Левое крыло от Вареда должно быть отведено на более удобные позиции. На правом крыле должно быть осуществлено наступление по прибытии подкреплений. 3-й и 9-й корпуса должны возобновить движение в 2 часа ночи, чтобы вступить в боевую линию севернее Антильи; 3-й корпус — из Монтрейль-о-Льон (Montreuil aux Lions) через Марейль (Mareuil); 6-я пех. дивизия — из Шарли на Марейль и 5-я

пех. дивизия из Ля-Ферте-су-Жуар через Круи; 9-й корпус—из района Шато-Тьери на Ля-Ферте-Милон; 2-й кав. корпус обеспечивает нижнее течение Б. Морена и против Куломье.

Таким образом, лишь 7 сентября вечером командование 1-й армии отдало приказ, реализующий идею контрманевра на Урке всеми силами армии. Должны пройти, однако, еще сутки, пока закончатся все намеченные передвижения, и лишь 9-го может быть начато наступление. Какое же значение имело это опоздание на двое суток в принятии решения,— эти сомнения и колебания командования 1-й армии, это раздвоение его оперативной мысли, эти проволочки с передвижкой всех сил на север?

Между Варед и Монмирайль зияла теперь брешь в 50 км, охраняемая только кавалерийскими частями. Она имела теперь особый оперативный смысл, которого не могла иметь в начале Марнской битвы. Теперь в нее уже проникали крупные силы противника, которых остановить было уже почти невозможно. Эта тяжелая обстановка создалась по вине Клука.

Во-первых, затянув на двое суток перевод двух корпусов на фронт р. Урк, Клук сильнейшим образом подорвал свои шансы на успех на этом отрезке Марнской битвы; он теперь был скован боями и повернуться против англичан не мог.

Во-вторых, отсутствие твердого решения у командующего армией сразу же, как выяснилась картина боев 4-го рез. корпуса, привело к вовлечению 9-го и 3-го корпусов в бои с 5-й французской армией и склонению к югу правого фланга 2-й армии. Отозвание двух корпусов в тот момент, когда 2-я армия использовала их в обеспечение своего правого фланга у Монмирайль, ставило Бюлова в чрезвычайно тяжелое положение. 6 сентября 2-я армия, в случае ухода всей 1-й армии на р. Урк, еще сохраняла свободу маневра, 7-го она уже была скована наступающим противником.

Конечно, не самая брешь, а именно эта скованность обеих армий боями в противоположных направлениях представляла грозную опасность. Обе армии не могли оторваться от районов, где их корпуса вели ожесточенную борьбу. Оставался лишь один выход — добиться победы на каждом из фронтов раньше, чем опасность проникновения врага в брешь между двумя армиями примет реальные очертания. Но именно шансы этой победы и были чрезвычайно ухудшены оттяжкой и колебаниями Клука в решении его относительно двух корпусов, находившихся еще южнее Марны.

в) Конница затыкает брешь

В том, что в течение Марнской битвы с обеих сторон были допущены многочисленные ошибки, ничего удивительного нет. Вести такую сложную борьбу в условиях неизвестности и опасности несколько

труднее, чем спокойно анализировать обстановку post factum. Но странно, когда эти ошибки пытаются оправдать, спустя двадцать лет. Этим занимается в частности ген. Куль, все еще стараясь реабилитироваться в старых грехах.

Одна из таких наиболее поразительных и грубых ошибок, свершенных в ходе сражения, была с германской стороны идея остановки наступления союзников в брешь между 1-й и 2-й армиями посредством кавалерии.

На кавалерию пытались возложить совершенно непосильную задачу — заткнуть прорыв шириной в 50 км и задержать на несколько дней значительно превосходящие силы противника. Такую задачу даже 2 кав. корпуса, естественно, выполнить не могли.

Останавливаясь на одной из новейших французских работ[1], Куль вспоминает[2], как вечером 6 сентября был отдан уже упомянутый нами приказ, по которому двум кав. корпусам поручалась охрана подступов к Марне. Принадлежавший к 1-й армии 2-й кав. корпус ген. Марвица (v. der Marwitz) состоял в тот момент из 2-й и 9-й кав. дивизий с четырьмя егерскими батальонами и велобатальоном[3]. Принадлежавший ко 2-й армии 1-й кав. корпус ген. Рихтгофена (Richthofen) состоял из гвардейской и 5-й кав. дивизий с гвард. стрелковым и гвард. егерским батальонами. Огневая сила одного такого кав. корпуса не превосходила смешанной пех. бригады (6 пех. батальонов и 1 арт. полк)[4]. На 2-й кав. корпус, говорит Куль, «мною было возложено воспрепятствовать (zu verhindern) продвижению (Vorgehen) противника между Мо и Ля-Ферте-Гоше». Командиру 2-го кав. корпуса было предложено «договориться (sich ins Einvernehmen setzen) с 1-м кав. корпусом об общей защите возникшей бреши. «Потом я получил согласие на это командования 2-й армии. Эти факты не подлежат оспариванию. Как это соглашение было проведено в жизнь, я не могу сказать, но я определенно вспоминаю, что полное подчинение 1-го кав. корпуса 1-й армии приказом не было осуществлено». Отсутствие единого командования сказалось в высшей степени отрицательно на действиях обоих корпусов. «Несмотря на это, обоим кав. корпусам без единого командования, с их ограниченными средствами удалось в критические дни 7, 8 и 9 сентября у д е р ж а т ь[5] (aufzuhalten) всю британскую армию, кав. корпус Конно и левое крыло 5-й французской армии». Еще категоричнее Куль формулирует задачу кав. корпусов в день 9 сентября, когда «должно было обнаружиться, удастся ли усиленным обоим немецким кав. корпусам так долго з а г р а д и т ь

---

[1] Lieut.-colonel P u g e u s, Deux corps de cavalerie à la bataille de la Marne, 6—9 septembre 1914, Paris 1934.

[2] „Neues über die „Lücke in der Marneschlacht“, von Gen. der Inf. a. D. v. Kuhl. „Militär-Wochenblatt“, 1934, № 41.

[3] 4-я кав. див. того же корпуса находилась на р. Урк.

[4] K a b i s c h, 152.

[5] Разрядка наша.

брешь[1] (die Lücke zu sperren) между 1-й и 2-й армиями, чтобы уже пробившая себе путь победа была осуществлена».

Вопрос о том, какая именно задача была возложена на оба кав. корпуса, действовавшие в разрыве между 1-й и 2-й армиями, настолько важен, что необходимо привести формулировку немецкого исследователя[2]. «Дело шло уже не только о том, чтобы ввести в заблуждение столь превосходящего по силе противника, но также по мере возможности замедлить (zu verlangsamen) продвижение вперед и в конце концов воспрепятствовать (zu verhindern) ему». Итак, «замедлить» или «заградить»? Очень существенная разница! Цитируемый нами автор, в противоположность Кулю, усматривает, что «способность быстро ускользать от противника и быстро появляться снова в другом месте придавала этим конным массам бо́льшую возможность действия, поскольку дело шло об обмане, завесе (Verschleiern), задержке[3] (Hinzögern)».

В последнем случае явно выражена новейшая немецкая точка зрения о «задерживающем бое» (hinhaltender Kampf), в котором кавалерии уделяется виднейшая роль. Но были ли на Марне условия для такого образа действий? Очевидно, нет, по той простой причине, что не было достаточно пространства, где кавалерия имела бы возможность отходить с боями, задерживающими противника. Истина заключается в том, что кавалерии на Марне была поставлена иная задача, совершенно ей не свойственная, а именно «заткнуть дыру» («die Lücke zu sperren»). Конечно, может быть, Клуку ничего другого не оставалось, как пойти на такую меру. И все же кавалерия не могла выполнить явно чуждой ей задачи.

Затыкая дыру, кавалерия должна была дать Клуку возможность выиграть время для завершения его контрманевра на р. Урк.

5 сентября командование 1-й армии возложило на 2-й кав. корпус задачу маскировки отхода армии (см. выше) фронтом на юго-восток от Парижа и на Нижнюю Сену, продвигаясь в район Люминьи—Розуа. Что касается корпуса Рихтгофена, то ему было приказано (командованием 2-й армии) даже перерезать железную дорогу Париж—Лион между Меленом и Море (Moret) и между Море и Монтро (Montereau), для чего ему нужно было пройти к югу 40—50 км. Таким образом, 5 сентября оба кавалерийских корпуса получили весьма активную наступательную задачу, которая была радикально, но не четко изменена 6 сентября. Брошенные 5 сентября к югу патрули 1-го кав. корпуса были или захвачены в плен французами, или отступили; только среди дня (6-го) корпус был остановлен на высоте Шампсене (Champcenest); у Куртасона (Courtaçon) 1-й кав. корпус вошел в соприкосновение с кав. корпусом Конно и задержал его движение вперед.

[1] Разрядка наша.
[2] Kabisch, 152.
[3] Разрядка наша.

Что касается 2-го кав. корпуса, то 2-я кав. дивизия, двигаясь к югу на Водуа (Vaudoy), у Песи (Pécy) столкнулась с английской кавалерией и потеснила ее. Сводный отряд велорот атаковал англичан у Розуа (Rozoy); на помощь им направляется лейбгусарская бригада. 12-й гусар. полк под Ле-Жарьель (Le Jariel) попадает под огонь английской батареи южнее Песи; в полку возникает паника, которую лишь с трудом удается ликвидировать. 9-я кав. дивизия между тем следует на Тукэн (Touquin); с п е ш и в ш и с ь, все три бригады атакуют местечко и овладевают им. Но как только уланы, кирасиры и гусары выходят на западную окраину его, они попадают под сильный артиллерийский и пехотный огонь.

Марвиц, видя перед собой крупные силы противника, дает приказ об отходе. Однако, он не уяснил себе, что перед ним наступает вся английская армия: главная задача кавалерии — р а з в е д к а — была не выполнена, и этим на целые сутки было отдалено полное уяснение Клуком оперативной обстановки.

Бесспорно, что 6 сентября обоим кав. корпусам удалось задержать, вернее замедлить, продвижение союзников. Ген. Хейг, командир 1-го английского корпуса, думая, что перед ним значительные силы противника, приостанавливает наступление и зовет на помощь соседей. Только поздним вечером достигли английские 2-й и 3-й корпуса Б. Морена; 1-й корпус почти все время затратил на передвижение вправо; линия расположения англичан к концу дня проходила от Вильера (Villers sur Morin, 3 км западнее Креси) до Водуа с фронтом на северо-восток. Однако, приостановить наступление союзников кавалерия была не в состоянии. С этой точки зрения гораздо важнее, пожалуй, было, если бы на с у т к и р а н ь ш е Клук имел от своего кав. корпуса точную информацию о наступлении в с е й английской армии. Тогда бы он смог сделать распоряжения, отданные им 7-го, еще 6 сентября, т. е. в ы и г р а л б ы ц е л ы е с у т к и в т е м п е р а з в и т и я м а н е в р а. Фактически же полученный выигрыш времени от задержки английского наступления 6 сентября был мало актуален, ибо левый фланг англичан отстоял от Жерминьи (левый фланг германского фронта на р. Урк), всего на 20 км, т. е. на суточный переход. Ночью 6-го обе дивизии 2-го кав. корпуса расположились в районе Куломье; восточнее их — 5-я и гвард. кав. дивизии Рихтгофена.

События 7 сентября не вызывают Куля на откровенность. Вполне понятно: с этим днем связаны наиболее неприятные воспоминания в руководстве кавалерией, действовавшей в промежутке между 1-й и 2-й армиями. «Сначала все было целесообразно направлено к з а г р а ж д е н и ю (zur Sperrung) переходов через Б. Морен» [1]. Но когда 9-я кав. дивизия попыталась задержать англичан, уже переправив-

---

[1] **Kabisch**, 153.

шихся через Б. Морен, она убедилась в невозможности противостоять столь подавляющим силам и была отведена Марвицем на север, к Пьер-Леве (Pierre Levée); на левом фланге англичане могли совершенно беспрепятственно продвигаться вперед. Восточнее — у Куломье и Буасси (Boissy) — задача «заградить» путь англичанам осуществлялась более основательно: егеря и спешенные кавалеристы (2-я кав. дивизия) возвели позиции с помощью лопаты (verschanzte Stellungen), т. е. окопы, которые должны были быть удержаны «до последнего человека»; артиллерия обстреливала наступающего противника. Но в середине дня 2-я кав. дивизия получает неожиданно приказ отступить к Пьер-Леве! Что произошло? Оказывается, 9-я кав. дивизия ушла на северный берег Марны!

7 сентября, утром, как мы уже знаем, нервозность командования 1-й армии достигает высшей точки. Перепуганное информацией о генеральном наступлении союзников и реальной перспективой прорыва французов через р. Урк, оно подтягивает все, что осталось еще в его распоряжении, на фронт севернее Марны. Отдав в 10 час. утра приказ о передвижке сюда 3-го и 9-го корпусов, Клук в 10 ч. 20 м. обращается по радио к кав. корпусам: «Где находятся кав. корпуса? В случае нападения, абсолютно необходимо удерживать отрезок М. Морена между Ля-Ферте-су-Жуар и Буатрон и постоянно наблюдать за линией Марны от Мо до Ля-Ферте-су-Жуар. Занять в частности прочно переход у Ля-Ферте. 2-й, 4-й и 4-й рез. корпуса ведут бой на р. Урк». Директива, казалось бы, очень ясная: блокировать подходы к Марне, которые теперь будут вполне обнажены с уходом 3-го и 9-го корпусов. Но достаточно вчитаться в текст, чтобы сразу увидеть, что Клук объят мыслью только о прикрытии своего левого фланга на р. Урк: оба кавалерийских корпуса сжимаются к западу, ни слова также о прикрытии фланга 2-й армии. «Восточнее 1-го кав. корпуса вплоть до отогнутого к Фонтенель (Fontenelle, севернее Монмирайль) правого фланга 2-й армии (13-я пех. дивизия) остается открытой брешь в 15 км» [1]. Но фактически и эта директива, которую дал Клук, остается пустой фразой: события на р. Урк решительно поработили его волю. Между 11—12 час. он узнает об опасном положении 3-й пех. дивизии на левом фланге фронта р. Урк. И хотя ему уже известно о продвижении к Марне сильных колонн англичан, он приказывает 2-му кав. корпусу помочь 3-й дивизии, в частности всей своей артиллерией, в районе Трильпор. В 11 ч. 30 м. ген. Марвиц направляет всю 9-ю кав. дивизию в указанный район, а 2-ю — передвигает в Пьер-Леве. Прибыв в район Трильпор к 16 час., 9-я кавдивизия не находит здесь никакого применения, так как огонь французской артиллерии не позволяет ей продвинуться вперед. Она располагается в районе Мари (Mary) и Танкру (Tancrou)

[1] Kuhl, статья „Neues über die Lücke in der Marneschlacht".

на северном берегу Марны. «В 18 ч. 15 м. в штаб 2-й кав. див. у Пьер-Леве прискакал вестовой с тяжелой раной в животе. Умирая, храбрец пролепетал, что английская колонна достигла Ля-От-Мезон (La Haute Maison), усадьба 5 км юго-западнее» [1]. 2-я кав. дивизия в свою очередь отступает за Марну и располагается на ее правом берегу севернее Ля-Ферте-су-Жуар. 1-й кав. корпус также отходит за М. Морен, где он располагается в Сен-Сир-Бюссьер (5-я див.)— Буатрон (гвард. дивизия). «Вся местность вплоть до Марны с утра была без боя сдана англичанам» [2].

г) Маневр Клука снова раздваивается. 8 сентября

Итак, 7 сентября оперативное руководство 1-й армии вступило, наконец, на твердый путь: теперь уже ясно, что фронт на р. Урк является главным, что необходимо именно здесь в кратчайший срок добиться решения путем маневра. Однако, на этот раз действительность не желает считаться с намерениями командования 1-й армии.

С утра положение на р. Урк представляется до крайности напряженным. Офицер связи кап. Шютц, посланный к ген. Линзингену, докладывает ген. Клуку о том, что у Троси угрожает прорыв и необходимо немедленно же послать туда помощь через Лизи. «С тяжелым сердцем» решает Клук в 7 час. утра направить 5-ю дивизию на Лизи в распоряжение ген. Линзингена. Тем самым 3-й корпус для маневра на северном крыле ослабляется наполовину. Зато 9-му корпусу посылается приказ, приведенный в начале главы, о том, что на нем лежит решающая задача дня и он не должен отвлекаться противником, наступающим на Куломье. «Приказ показывает, как твердо придерживались своей точки зрения ген. Клук и его советники — достигнуть решения путем охвата справа широкого размаха» [3]. Но так ли твердо придерживается своего собственного замысла ген. Клук даже в этот момент, когда обстановка им уже уяснена? Увы, эта обстановка никак уже не содействует цельности действий: в тот же момент Клук предписывает 9-му корпусу выделить из 18-й дивизии в его распоряжение резерв в составе пехотного полка и артиллерийского дивизиона, который должен быть сосредоточен в Монрейль-о-Льон. Это распоряжение было вызвано нарастанием опасности в бреши между 1-й и 2-й армиями.

8 сентября обе кав. дивизии 1-го кав. корпуса прикрывают Марну у Ля-Ферте-су-Жуар и западнее; однако, вскоре 9-я кав. дивизия вновь отвлекается к центру фронта на р. Урк, где опять-таки не находит себе никакого применения. 1-й кав. корпус прикрывает течение

---

[1] Kabisch, 154.
[2] „Die Schlacht vor Paris“, 175.
[3] „Die Schlacht vor Paris“, 196.

М. Морена у Саблонньер (Sablonnieres) и Вильнев (Villneuve). «Оба отрезка находились твердо в руках у кав. корпусов. К сожалению, отсутствовало единое командование» [1]. Последующие события показали, что переходы через М. Морен удерживались далеко не так твердо. Против 1-го кав. корпуса шли 2 английских корпуса и 4½ французских и английских кав. дивизий. В первой половине дня французская кавалерия переправилась через М. Морен у Белло, а 1-й английский корпус опрокинул сопротивление егерей гвардии; вскоре после полудня Буатрон был уже в руках у англичан; контратака немцев здесь не имела успеха. У Орли перешла реку 3-я английская пех. дивизия. Удерживать М. Морен больше не было возможности. Однако ген. Рихтгофен выпустил из рук свои дивизии, которые отскочили по расходящимся направлениям: гвард. дивизия на Конде (Condé en Brie), а 5-я кав. дивизия—на северный берег Марны к Мариньи (Marigny), 10 км севернее Марны. На участке 2-го кав. корпуса в 10 ч. 10 м. 8 сентября авиационная разведка сообщила о движении трех длинных колонн противника, две из которых направлялись к Нижнему Морену, а одна к Марне, ниже Ля-Ферте-су-Жуар. Так как кавалерия явным образом не могла сдержать продвижение таких сил, Клук вынужден был, наконец, отказаться от идеи защиты одной лишь кавалерией промежутка между двумя армиями. Но откуда взять новые силы? Их не было, и Клук прибегает к ослаблению последнего своего маневренного ресурса — 9-го корпуса. На этот корпус снова возлагается охрана бреши, в которой он сражался уже в начале битвы. В 11 ч. 20 м. Клук приказывает ген. Квасту направить две пехотных бригады с двумя артиллерийскими полками на оборону переправ. Это — половина всех сил корпуса, и без того ослабленных. Что же в конце концов больше озабочивает теперь Клука — контрманевр на р. Урк или продвижение союзников к Марне? Если так опасно положение в разрыве между 1-й и 2-й армиями, то почему отсюда были изъяты 2 корпуса — 3-й и 9-й? Если главное — маневр на р. Урк, — то не ставится ли он под удар таким ослаблением атакующего правого крыла? Командование 1-й армии явно мечется между двумя опасностями, разбрасывая свои силы то на один, то на другой участок. Однако, ген. Кваст существенно изменяет приказ своего командующего. Он выделяет в особый отряд для защиты переправ на р. Марне только одну смешанную бригаду под командованием ген. Кревеля (V. Kräwel): 89-й гренад. полк со 2-м дивизионом 60-го арт. полка и 84-й пех. полк со 2-м дивизионом 45-го арт. полка.

Обоим кав. корпусам и 2-й армии штабом 1-й армии посылается следующее радио:

«Летчики подтверждают движение двух неприятельских колонн силой, кажется, в одну дивизию через Ребе-Ду на север. Следующая

[1] „Der grosse Krieg“, 239.

колонна продвигается от Ля-От-Мезон (La Haute Maison) на северо-восток. Линия Марны должна быть удержана во что бы то ни стало. Эта задача возлагается на командование 2-го кав. корпуса с четырьмя егерскими батальонами и одним пех. батальоном у Ля-Ферте и западнее и на две смешанные бригады 9-го корпуса между Ля-Ферте и Шези. Мосты через Марну должны быть в случае нападения противника разрушены. Наступление врага перед фронтом 1-й армии остановлено».

Во 2-й армии это радио было получено в сильно искаженном виде.

Этими мероприятиями Клук, казалось бы, мог быть успокоен за свой левый фланг. Он соглашается с решением ген. Кваста о выделении отряда меньшей силы для охраны переправ через Марну, так как в случае необходимости для отражения противника здесь может быть использована и 5-я пех. дивизия. Таким образом, эта последняя оказалась окончательно потерянной для главного маневра.

Но правый фланг 1-й армии снова вызывает тревогу. Авиационная разведка в 11 ч. 30 м. утра доносит о скоплении крупных сил противника у Маклин (Macquelines); противник силою в одну дивизию продвигается от Нантейль и Буаси-Френуа (Boissy-Fresnoy) на Левиньян (Lèvignen). Не грозит ли и отсюда угроза охвата? Можно ли ждать с приходом 6-й пех. дивизии и 9-го корпуса до следующего дня? В 3 ч. 45 м. пополудни посылается новый приказ 9-му корпусу, «насколько возможно, еще сегодня» вступить в бой и окружить противника.

В 16 час. Клук, убедившись в бесполезности марша 9-й кав. дивизии вдоль р. Урк, где «она не принесла никакой пользы» [1], возвращает ее ген. Марвицу, который располагает ее, правее 2-й дивизии между Лизи и Юси (Ussy), куда она приходит лишь с наступлением ночи.

Вечером 8 сентября Клук доносит главному командованию: «Армия продолжала удерживаться сегодня против превосходных сил противника западнее р. Урк на линии Антильи—Конжи. 3-й и 9-й корпуса прибыли во второй половине дня на правое крыло и завтра рано утром атакуют, чтобы охватить противника с фланга. Линия Марны от Лизи до Ножан (Nogent) защищается 2-м кав. корпусом и смешанной бригадой против нападения со стороны Куломье. Правое крыло 2-й армии отведено на Монмирайль—Фонтенель».

Такова оптимистическая оценка командующим 1-й армией положения накануне последнего дня сражения. Но в действительности правое крыло 2-й армии находилось не на линии, указанной в сводке, а на 12 км восточнее у Марньи — ле Туль. На протяжении двадцати километров от Марньи до Шато-Тьери находятся всего 24 эскадрона гвардейской кавалерийской дивизии, силою всего 80 сабель каждый, 1 егерский батальон и 3 батареи; эти измотанные части никакой

---

[1] Kuhl, в статье. «Neues über die Lücke in der Marneschlacht».

серьезной преградой служить не могут. Остальные 40 км от Лизи до Шато-Тьери охраняются указанными выше силами. Могут ли они в этой бреши шириной в 60 км сдержать наступление десяти пехотных дивизий и четырех кавалерийских дивизий противника? Даже простая арифметика говорит об обратном.

Но знает ли, кроме этого, Клук, как проведены его приказы о заграждении противнику переходов через Марну? Что касается 2-го кав. корпуса, то он действительно занял кавалерийскими отрядами переправы у Ля-Ферте и западнее по реке до Лизи. Но что происходит с бригадой Кревеля? Клук в своем приказе действительно указал, что ею должны быть заняты и, в случае необходимости, взорваны мосты от Ля-Ферте до Шези. Это было подтверждено и в приказе ген. Кваста в 1 ч. 10 м. Только к 17 ч. 45 м. ген. Кревелю удается собрать свою бригаду у Монтрейль-о-Льон. Наступает вечер, войска невероятно устали. Кревель не решается в этих условиях на разбивку сил и приказывает заночевать в указанном пункте. Мосты на Марне, находившиеся всего лишь в 7—11 км от Монтрейль, — у Ножан л'Арто, Нантейль, Мери — остались незанятыми. Ничего не было подготовлено также и к взрыву их.

В бреши между 1-й и 2-й армиями кавалерии была поставлена невыполнимая задача, которую она и не выполнила. Отсутствие единого командования, противоречивость и нечеткость оперативного руководства со стороны командования 1-й армии, — это только одна сторона причин, приведших к неудаче. Более глубокое основание последней заключалось в том, что кавалерия не могла по своей природе создать сплошной и достаточно прочный фронт, преграждающий путь союзникам. Она могла лишь дать некоторый в ы и г р ы ш в р е м е н и, но оказалось, что противник, во-первых, слишком превосходит в силах, во-вторых, не было пространства для маневрирования. В конечном итоге серьезного выигрыша времени не получилось, и по всей совокупности оправдывается вывод, что Клук в данном случае просто утешался иллюзией.

Итак, накануне решающего дня Марнской битвы, когда Клук рассчитывал осуществить победоносно свой контрманевр на р. Урк, противник вплотную стоял уже на Марне, имея перед собой ничтожное прикрытие, а на большом протяжении бреши — полную свободу перехода на северный берег реки. С о с т я з а н и е в т е м п е р а з в и т и я м а н е в р а кончилось, следовательно, не в пользу Клука. Полностью причины этого могут быть установлены лишь в дальнейшем изложении. Но здесь нужно подчеркнуть, что руководство 1-й армией не сумело осуществить единого, твердого маневра. П о с л е д н и й о с у щ е с т в л я л с я с у д о р о ж н ы м и т о л ч к а м и, что вызвало переброску «пакетами» частей 1-й армии на р. Урк. Скованный здесь, Клук п р о м е д л и л в принятии радикального решения. Эта п о т е р я в р е м е н и привела к роковым последствиям. Закрыть

брешь между 1-й и 2-й армиями не было уже ни времени, ни сил. Самый маневр был сорван отвлечением части сил для защиты левого фланга. К этому присоединилось действие и других факторов, которые командование 1-й армии не смогло оценить в силу их новизны: резкое снижение тактической подвижности войск под губительным огнем артиллерии и пулеметов и несоответствие оперативной подвижности войск новым условиям развития маневра.

В целом все это привело к замедлению маневра и к проигрышу битвы.

д) Разногласие между Клуком и Бюловым

8 сентября, после того как 3-й и 9-й корпуса ушли с южного берега Марны, наличие опасной бреши между 1-й и 2-й армиями стало очевидным и неоспоримым фактом. Однако, союзники перешли Марну лишь на другой день. Следовательно, в распоряжении германского командования оставались еще целые сутки для предотвращения этой угрозы. Чрезвычайно важно сосредоточить свое внимание на указанной дате — 8 сентября, — т. е. на четвертом дне с момента фактического начала битвы.

Официальная история утверждает, что «при согласованном действии обоих командующих (1-й и 2-й армиями) путем использования всех наличных резервов, — в особенности 14-й пех. дивизии 2-й армии, — строгой организации защиты Марны, установления ясных, единых отношений командования и устройства преграждений и разрушения переправ через Марну, удалось бы преградить (zu sperren) продвижение в брешь наступающей ощупью английской армии до той поры, пока 1-я армия не достигла бы успеха» [1]. В виде примера приводятся в частности бои на переправах через Маас.

Итак, возможности были. Однако, они оказались неиспользованными. Почему? В силу несогласованности действий командования 1-й и 2-й армий, гласит официальная легенда.

«Всюду выступает недостаток единого руководства 1-й и 2-й армий. Переговоры, посылка туда и сюда офицеров мало помогали и часто вносили лишь путаницу» [2].

Оспаривать правильность этих утверждений не приходится. Отсутствие единства в управлении двумя правофланговыми армиями, несогласованность действий их командующих — слишком очевидный факт. Но вместо того, чтобы тщательно и конкретно проанализировать, в чем же именно выразилось влияние этих фактов на ход событий, пытаются ими объяснить все.

При этом, извращая исторические факты, создают целую теорию. У Клука и Бюлова, дескать, были совершенно разные воззрения на

---

[1] „Der Weltkrieg", IV, 520—521.
[2] Kuhl.

11*

способ действия в Марнском сражении. «Ген. Бюлов усматривал в смелом наступательном решении ген. Клука с самого начала опасную затею. Только в оборонительной защите правого фланга фронта видел он задачу 1-й армии; ее разрешение следовало, по его мнению, искать в отходе за р. Урк и непосредственном тесном примыкании к правому флангу 2-й армии. В каждой бреши боевого фронта он видел, как и в битвах на р. Самбре и у Сен-Кантена, угрожающую опасность»[1]. Что касается Клука, то ему приписывается «стойкое следование стратегической инициативе»[2].

Но верно ли, что все дело было в различии взглядов? Дальше будет показано, что это различие по меньшей мере преувеличено. Но если бы оно и существовало, нельзя рассматривать взаимоотношения Клука и Бюлова в ходе сражения как теоретическую дискуссию в уютной обстановке кабинета. Первоначально брешь внутри 1-й армии возникла в силу внезапного удара на двух флангах. Но, говоря о левом фланге 1-й армии, мы искусственно оторвали 3-й и 9-й корпуса от 2-й армии, правый фланг которой они одновременно составляли. Эти два корпуса в начале сражения на Марне продолжали преследовать противника на юг вместе с правофланговыми корпусами 2-й армии. Что касается левофланговых корпусов 2-й армии, то они в течение всей Марнской битвы продолжали преследование противника, подвергнувшись внезапной атаке также и на левом фланге. Раздвоение оперативной мысли, столь характерное для командования 1-й армии, должно быть в полной мере перенесено и на командование 2-й армии. Раздвоение мысли привело с помощью противника к раздвоению оперативных направлений в действиях 1-й и 2-й армий.

Обе армии вели тяжелый бой — одна на р. Урк, другая у Сенгондских болот. Обе они рассчитывали на победу; обе применили наступательный образ действий, обе упорно продолжали проводить свою линию, невзирая на предупредительные сигналы. Это давление боевой действительности на сознание командования той и другой армий — фактор первостепенного значения. Так ли просто и легко было 8 сентября вывести войска из боя? Не было ли бы такое решение сигналом для общего отступления? Не были ли, короче говоря, и Клук, и Бюлов оперативно скованы — один на р. Урк, другой у Сенгондских болот? Марнская брешь в конечном итоге — это не только чисто пространственное понятие, это — естественный результат двух усилий, действовавших в противоположных направлениях. Концентрируя массу своих сил на двух крайних флангах, обе армии, понятно, оголяли центральную зону.

Объяснить происхождение марнской бреши, значит не только сказать о разногласиях между Клуком и Бюловым, которые в конце кон-

---

[1] „Der Weltkrieg“, 521.
[2] Там же, 522.

цов были только внешним отражением более глубоких явлений. Объяснение надо искать прежде всего в неясности общей обстановки, в состоянии неизвестности, отличительной особенности войны, во внезапности ударов, которые получили германские армии в течение 6—7 сентября. Если бы Клук сразу уяснил себе обстановку на р. Урк, ему не пришлось бы дергать свои корпуса порывистыми и нервозными толчками. Он сумел бы тогда и более четко ориентировать соседа. В действительности, запутавшись сам, он запутал и 2-ю армию. Но и Бюлов вовсе не принадлежал к «рыцарям без страха и упрека». Он продолжал преследование тогда, когда враг уже наступал на него. Даже уяснив себе этот последний факт, он вовсе не отказался от идеи преследования. Попав в водоворот противодействующих стихий, он и сам в конце концов не знал, что предпринять, и еще меньше мог оценить, какого образа действий следовало придерживаться его соседу.

Внезапность французского удара, казалось бы, обезвреженная на р. Урк и у Эстерней, все же привела к путанице, невязкам, дерганию войск, потере времени и растрате сил. Конечно, не будь этой растерянности, неувязки, противоречивых распоряжений, не было бы и марнской бреши — ее удалось бы затереть. Вот именно! Вся суть как раз в том, что паника — плод внезапного удара — распространялась в тылу германского фронта, воздействуя на нервы армейского командования. Можно ли было ее избежать? Конечно, да. Но в этом-то и состоит трудность противодействия внезапным фланговым ударам. Историческое исследование изучает факты, а не только возможности. Факты же ясно указывают на то, что Марнская брешь явилась результатом оперативной скованности 1-й и 2-й армий, созданной неожиданным контрнаступлением превосходных сил противника.

Могли ли германское главное командование и штабы 1-й и 2-й армий своевременно выяснить обстановку? Узнать о готовящемся ударе из района Париж, о готовящемся переходе в наступление английской и 5-й французской армий? Конечно, могли. Для этого нужно было вести надлежащую разведку всеми средствами, а не подчинять свои мысли и волю обманчивой иллюзии, что противник уже разгромлен.

3. НАСТУПЛЕНИЕ АРМИЙ ЛЕВОГО КРЫЛА СОЮЗНИКОВ 6—8 СЕНТЯБРЯ

Вспомним первоначальный план маневра, выраженный в приказе ген. Жоффра 4 сентября. 5-я французская армия должна была к вечеру 5 сентября расположиться на линии Куртасон, Эстерней, Сезан, чтобы наступать к северу. Английская армия должна была занять линию Шанжи (Changis) — Куломье, фронтом к востоку, с задачей наступать на Монмирайль.

«5-я французская армия должна была атаковать, таким образом, 1-ю германскую армию 6 сентября с фронта, в то время как британские силы и 6-я армия направятся на ее фланг» [1].

Предполагалось, что 5-я французская армия в случае, если 1-я германская окажет серьезное сопротивление, свяжет ее, а в это время 6-я французская армия и англичане, пользуясь эффектом внезапности, обрушатся на ее фланг и тыл.

По замыслу, стало быть, на 5-ю французскую армию выпала сковывающая роль. Роль активной маневренной группы должна была сыграть 6-я армия совместно с англичанами. Скованную с фронта 1-ю германскую армию должны были уничтожить ударами «во фланг и с тыла».

Начавшиеся 5 сентября бои на р. Урк изменили всю картину. Эффект внезапности произвел, правда, свое действие, заставив Клука все в большей степени терять равновесие, но германцы были предупреждены о готовящейся ловушке, и силы 1-й германской армии стали уходить на северный берег Марны. Идея первоначального флангового маневра повисла в воздухе: 5-я армия и англичане шли в пустое пространство.

Разумеется, и союзники далеко не сразу учли это коренное изменение обстановки. Когда стал несомненным отход 1-й германской армии за Марну, оставалось неясным, является ли это действительным отступлением или только перегруппировкой сил. Но все возрастающий размах боев на р. Урк и образование здесь неподвижного фронта показали, что Клук вовлек сюда свои главные силы.

Оказалось, что не 5-я, а 6-я армия сковывала армию Клука. Последняя оказалась связанной здесь наихудшим образом: она не могла опрокинуть своего противника и в то же время не могла и оторваться от него, так как это значило бы открыть тыл всего германского фронта.

В результате то, что казалось ген. Галлиени и Монури тяжелой неудачей, в действительности было главным козырем союзного командования на новом этапе сражения.

Первоначальный выигрыш темпа 6-й французской армией, благодаря воздействию внезапности, в действительности привел к выигрышу времени в 4 дня; это время могло быть использовано другими армиями союзного левого крыла, получившими свободу маневра. К вечеру 8 сентября 6-я армия окончательно перешла к обороне. Но большего с нее теперь и не требовалось. Она свою роль выполнила.

1-я германская армия могла уйти без серьезного риска. Продолжая же оставаться на Урке, она подставляла под удар свой фланг и тыл, но уже не с запада, а с востока.

[1] Les A. F. I[3], 209.

Так коренным образом изменился характер маневра левого союзного крыла. Выше мы уже привели различные оценки этой перемены. Все сводят обычно к бреши между 1-й и 2-й армиями, которую открыл Клук, уведя свои силы на север. Поэтому и утверждают, что «фланговый маневр» превратился в «маневр прорыва». Однако, для полноты анализа нужно учесть и то обстоятельство, что фланговый маневр левым крылом трех наступающих против 1-й германской союзных армий фактически превратился в маневр правым крылом. Это чрезвычайно важно уяснить с точки зрения правильной оценки динамики битвы на западном ее участке, и в частности — роли темпов. Здесь необходимо уточнить еще несколько моментов.

Выше говорилось о роли внезапности удара со стороны только 6-й французской армии. Но не следует ли ее расширить воздействием внезапности удара всех трех армий союзного левого крыла? Бесспорно для этого имеются основания. Ведь только 7 сентября Клук узнал об общем наступлении союзников, и это внесло основное замешательство в действия командования 1-й германской армии. Удар у Эстерней 6 сентября был совершенно неожиданным и оказал немалое влияние на ход событий. В широком смысле слова тот выигрыш темпа, который был получен союзниками в начале сражения, явился результатом общего оперативного положения, сложившегося на всем левом крыле союзников. Решающая роль в этом выигрыше темпа принадлежала 6-й армии. Она сковала армию Клука на р. Урк и обеспечила союзникам реальный выигрыш времени в 4 дня, без которых Марнское сражение получило бы совершенно иной вид, а, может быть, привело бы и к другому исходу.

Если действия 5-й французской армии и англичан рассматривать безотносительно к этому огромному преимуществу во времени в результате боев на Урке, то они не только не означали выигрыша темпа, а напротив потерю его. Это объясняется исключительной медлительностью их действий. Нужен был значительный запас времени, чтобы благополучно завершить захождение английской и 5-й французской армий в брешь между 1-й и 2-й германскими армиями.

а) Наступление сомкнутым строем

Установившееся понятие о «фланговом маневре» на Марне вообще вызывает критику. С одинаковым правом можно сказать, что его в сущности не было. Как против правого фланга 1-й германской армии, так и против левого фланга ее союзники не создали ударной маневренной массы. Наступление трех левофланговых союзных армий велось сплошной движущейся стеной корпусов, с более или менее равномерным распределением по всему фронту. Наиболее насы-

щен был участок наступления 5-й французской армии, которая, по идее маневра, играла сковывающую роль.

Если, как указывают, замысел флангового маневра со стороны Парижа возник у ген. Галлиени, то бесспорно, что идея наступления сомкнутым строем всецело принадлежит ген. Жоффру. Из этого многие делают вывод о превосходстве Галлиени. Едва ли это верно. Конечно, смелому, решительному маневру невольно отдаешь предпочтение перед методическим и равномерным движением наступающего сомкнутого фронта. Но нельзя забывать конкретной обстановки и эпохи, к которым относятся события. Попытки свободного маневра, которые имели место в ходе Марнского сражения, потерпели неудачу. 6-я французская армия была остановлена западнее Урка. Ничего не получилось и из контрманевра Клука. Ген. Жоффр, начиная наступление главных сил на Марне, очевидно, хорошо помнил о предшествовавших кровавых неудачах. Мог ли он твердо рассчитывать на молниеносные успехи войск, которые эти неудачи терпели? Ведь новые пополнения были введены в армии левого крыла в самом ограниченном размере. Вполне понятно, что успех он возлагал на совместные действия трех левофланговых армий, понимая под этим тесное их взаимодействие и непосредственную взаимную связь.

Конечно, такой образ действий не обещал решающего успеха и полного разгрома противника. Но были ли реальные силы и возможности устроить «Седан» германским армиям на Марне? Объективный анализ бесспорно приводит к отрицательному ответу. Основная задача состояла, по сути дела, в том, чтобы положить предел стремлению германских армий наступать в глубь страны и заставить их отойти. Эта задача в широком смысле была оборонительного порядка. Жоффра недаром назвали «мастером обороны». В этом есть изрядная доля истины. Не следует видеть в такой оценке нечто отрицательное. В той обстановке она означала, что французский главнокомандующий, быть может, быстрее всех осознал новые условия ведения войны. Очевидно, маневр вообще переживал какой-то глубокий кризис. Очевидно, старые формы ведения маневра оказались в высшей степени рискованными и сулили мало успеха. Поэтому Жоффр применил последовательно и методично идею наступления сомкнутым фронтом.

Суть этой идеи заключалась в том, что задачи наступления неразрывно связывались с требованиями крепкой обороны в случае контратак противника.

«Все усилия должны быть применены для того, чтобы атаковать и отбросить врага. Войско, которое не может более продвигаться вперед, должно во что бы то ни стало сохранять завоеванную территорию и скорее дать себя убить на месте, чем отступать» (из приказа ген. Жоффра войскам накануне битвы).

Этот принцип сыграл выдающуюся роль в исходе Марнской битвы,

б) Фланговый маневр застопорен на обоих флангах

Если план ген. Жоффра был проникнут осторожностью, то ген. Франше д'Эспере возвел в принцип «благоразумие и метод». Так как операция будет длиться несколько дней, «командиры корпусов должны следить, чтобы вся их пехота не была введена в бой с самого начала». Корпуса должны итти «сомкнутым фронтом атаки», оставляя, если нужно, интервалы между собой. Нужно во что бы то ни стало избегать атаки против нескольких объектов сразу. Сначала следует наступать небольшими группами пехоты, при поддержке всей артиллерии. «Как только какой-либо опорный пункт будет занят, войска, овладевшие им, должны прочно его укрепить (l'organiseront fortement)» [1].

Довольно странно видеть наступление, проникнутое в такой степени заботой об обороне. Тем не менее предосторожности не оказались излишними. В тот самый день, 6 сентября, когда 6-я французская армия была задержана на рубеже дороги выс. 107— Этрепильи — Аси, правое крыло наступавших трех левофланговых армий было застопорено перед дорогой Эстерней — Монсо (Montceaux-les Provins) — Куртасон.

С утра корпуса 5-й французской армии начинают медленно и осторожно продвигаться к северу. Командир 18-го корпуса ген. Модюи (de Maud'huy) приказывает каждой из дивизий «выслать вперед авангард с артиллерией, который, достигнув назначенных объектов, о к а п ы в а е т с я, ожидая новых распоряжений; в это время дивизии укрепляют свою линию фронта [2] (organiseront leur ligne de front). Вскоре разведка сообщает о «непрерывной линии окопов» противника вдоль большой дороги западнее Монсо.

3-й корпус также получил сведения о том, что противник занимает Монсо и его окрестности, сильно укрепившись. У Сен-Бон (Saint-Bon) наступающие части попадают под огонь тяжелой артиллерии. 1-й корпус ведет наступление на Эстерней, обходя его одной из дивизий с востока. Перед Шатильон (Châtillon) 84-й полк остановлен пулеметным огнем противника. Вскоре вся 1-я дивизия, несмотря на поддержку корпусной артиллерии, задержана крупными силами немцев, позиции которых тянутся к югу от Эстерней. 10-й корпус, наступающий севернее Сезан, легко продвигается вперед, не встречая противника; части его миновали Эсарт (les Essarts-les Sézanne), Лаши (Lachy).

Около полудня ген. Франше д'Эспере предлагает своим корпусам продолжать наступление, однако, устанавливает рубеж, который лежит в 4—5 км от достигнутых частями пунктов, по линии Купердрикс (Couperdrix) [в 2 км к югу от Ожер (Augers)], Монсо, Курживо (Courgivaux), Эстерней, Шарлевиль (Charleville). Достигнув этого рубежа,

---

[1] Les A. F. I³, 211.
[2] Там же, 213.

части окапываются очень тщательно, чтобы противостоять во что бы то ни стало «всякой контратаке противника» [1].

Находящийся на левом фланге кавалерийский корпус достигает линии несколько южнее Жуи-Ле-Шатель (Jouy le Chatel) — Вильганьон (Villegagnon). Ожесточенный бой завязывается между тем у Монсо, который атакует 6-я дивизия (3-й корпус). «Вся дивизионная артиллерия, усиленная дивизионом корпусной артиллерии; тяжелыми батареями и частью артиллерии 69-й дивизии, открыв сильнейший огонь, прокладывает дорогу пехоте и заставляет германские батареи, установленные в районе Монсо, ослабить свой огонь» [2]. Объятый пламенем Монсо занимается французской пехотой. Одновременно 5-я дивизия овладевает Курживо. Но в 16 час. германцы переходят в атаку, отбросив весь 3-й корпус на исходные позиции, с которых было начато наступление; части удерживаются в приготовленных ими днем окопах. Однако, поздно вечером, в 22 часа, Монсо занимается соседним (слева) 18-м корпусом. 1-й корпус тщетно пытался весь день проникнуть в Эстерней. 10-й корпус, пройдя лес Голь (Gault), подвергся мощной атаке противника, отбросившей его к юго-восточной опушке леса. Правое крыло достигло и удержало за собой Шарлевиль.

Таким образом, 6 сентября продвижение 5-й французской армии также было задержано. Зато англичане имели полную возможность двигаться вперед.

в) Жоффр дает направление на северо-восток

В течение 6 сентября ген. Жоффр получил данные о том, что наступление 6-й армии и левого крыла 5-й задержано. Стало также известно, что противник перебрасывает свои силы севернее Марны, ускользая из окружения. Роль английской армии стала решающей.

Утром 5 сентября английские корпуса находились: 1-й корпус в районе Розуа и западнее, 2-й корпус в районе Турнан (Tournan), 3-й корпус в районе Озуар-Ля-Ферьер (Ozoir la Ferrière). По приказу Жоффра, они должны были занять исходное положение для наступления между Марной и Б. Мореном, на линии Шанжи—Куломье. Но, по приказу ген. Френча 5 сентября в 17 час. 15 м., исходная линия была намечена Розуа—Бейльи (Bailly), т. е. на 15—18 км западнее. Вечером 5 сентября английская армия выдвинулась на эту линию. Кавалерийская дивизия—между Жуи-Ле-Шатель (Jouy le Chatel) и Куломье; 3-я и 5-я кав. бригады восточнее Куломье устанавливают связь с 5-й армией.

1-й корпус должен был к 9 час. 6 сентября достигнуть линии Ля-Шапель Йжер (la Chapelle Jger) — Люминьи (Lumigny); прочие 2 корпуса к 10 час.— линии Ля-Гусси (la Houssaye) — Вильнев — Ле-Конт (Villeneuve—le Conte) — Бейльи. Но еще раньше произошло упомяну-

[1] Les A. F. I[3], 221.
[2] Там же, 224.

тое уже столкновение английской кавалерии с германской, которое вызвало сдвиг корпусов к востоку. Однако, немецкая кавалерия вскоре отошла, и движение англичан происходило беспрепятственно. К вечеру 1-й корпус достиг района Водуа (Voudoy) — Тукен (Touquin) — Пезарш (Pezarches); 2-й корпус — Люминьи, Фармутье (Farmoutier) и Морсерф (Mortcerf); 3-й — Вильер-сюр-Морен (Villers sur Morin) — Вильнев; 1-я, 2-я и 4-я кав. бригады расположились на отдых в Жуи-Ле-Шатель; 3-я и 5-я — в Пезарш и Люминьи.

По сведениям, полученным ген. Френчем: 6-я французская армия натолкнулась на сильное сопротивление и не могла перейти р. Урк; 2-й германский корпус отошел к северу; 4-й германский корпус — у Ребэ; 3-й и 9-й ведут бой с 5-й французской армией. Несмотря на то, что перед фронтом англичан не оказывалось, таким образом, крупных германских сил, ген. Френч не отдал приказа о наступлении на другой день, а ограничился указанием — быть в готовности к дальнейшему движению вперед по получении нового приказа.

Это вносило изменения в планы Жоффра. Еще утром он вынужден был согласиться с предложением английского штаба о наступлении англичан южнее Б. Морена (а не севернее); 6-я армия должна была соответственно сдвинуть фронт своего наступления к югу между Марной и Б. Мореном. В течение 6 сентября оказалось, что английская армия, наступая, образовала своим фронтом не прямой, а скорее тупой угол в отношении расположения 5-й французской армии. Дальнейшее движение англичан к югу от Б. Морена выводило их на фронт 5-й армии, которая должна была итти к северу. В соответствии с этим Жоффр пишет маршалу Френчу в 21 час. 6 сентября:

«Продолжение наступления подчиненных вам сил сильно облегчит наступление 5-й армии в течение завтрашнего дня. Но мне кажется, что ваше действие можно было бы с большей пользой направить немного более к северу, ориентируя наступление против правого германского крыла... возможно, что направление вашего наступления следует склонить еще больше к северу, если противник отступит на Марну. Во всяком случае, 6-я армия поддержит ваш левый фланг, и вы можете требовать от нее более активного участия в вашем наступлении».

Одновременно Жоффр дает соответствующую директиву ген. Монури: «Весьма важно, в частности, чтобы вы постоянно поддерживали активным образом левый фланг британской армии» (телеграмма 6 сентября в 18 час.). В ночь с 6 на 7 сентября в штаб английской армии была послана директива Жоффра о действиях на 7 сентября (получена утром 7-го). В ней указывалось, что невозможно еще точно определить численность сил, которые имеет против себя 5-я французская армия. Но английская армия должна во всяком случае стремиться атаковать их во фланг; 5-я французская армия на крайнем левом фланге имеет аналогичную задачу. В соответствии с этим необходимо, чтобы английская армия двигалась в несколько более се-

верном направлении. Ее левый фланг должен быть несколько выдвинут вперед, чтобы быстро перестроиться вправо в случае необходимости. Если 1-я германская армия отступит к северу, то английская армия должна образовать выдвинутый вперед эшелон на левом крыле 5-й армии, имея осью движения Куломье—Ля-Ферте-су-Жуар, левым флангом к Урку; 6-я армия составила бы тогда выдвинутый вперед эшелон на левом крыле английской армии. «Но первой задачей остается все время участие в битве, которую немцы смогут принять перед 5-й армией».

Утром 7 сентября английская армия была в готовности продолжать движение с линии, достигнутой к вечеру 6-го. Кавалерия двинулась в разведку: кавалерийская дивизия (1-я, 2-я, 4-я кавбригады) к линии Ледон (Leudon) — Шуази; 3-я и 5-я кав. бригады — Шайльи-ан-Бри (Chailly en Brie) — Куломье. Только при Даньи (Dagny) произошло небольшое столкновение со слабым кавалерийским отрядом. Отряд 2-го корпуса имел бой в 6 час. утра у Ле-Шарнуа ((Le Charnoy, северо-западнее Фармутье) со спешенной кавалерией противника, которая, однако, отошла вскоре к северу. Данные воздушной разведки указывали на отступление германских сил в северном направлении; только в районе Ля-Ферте-Гоше отмечалось наличие сильной пехоты противника. В 8 час. утра маршал Френч отдал приказ о возобновлении наступления с общим направлением на Ребэ. Первоначально корпуса должны были достигнуть линии Даньи — Куломье — Мэзонсель (Maisoncelles) и там ждать дальнейших указаний. Британская кавалерия шла развернутым фронтом впереди и нашла Ля-Ферте-Гоше свободным от противника. В 17 час. 5-я кав. бригада заняла Ребэ. 3-я кав. бригада после короткого боя достигла Куломье и Ду. Корпуса, достигнув назначенной им линии, двинулись дальше, и к вечеру 2 корпуса подошли к Б. Морену. 1-й корпус находился между Жуи (Jouy sur Morin) и Сен-Симон (St. Simeon). 2-й—между Шофри (Chauffry) и Куломье. 3-й корпус переправился через Б. Морен и находился в районе Жирмутьера (Giremoutiers)—Ля-Гот-Мезон (La Haute Maison).

Утром 7 сентября ген. Жоффр получает все более учащающиеся сообщения об отступлении 1-й германской армии в северном направлении. Между 10 и 11 час., по донесениям британской авиации, «вся германская армия перед фронтом 5-й армии отступает с боем к северу». В свою очередь 5-я французская армия сообщает, что она начинает преследование «1-й германской армии, которая отступает к северу на всем фронте Эстерней — Куртасон».

В 15 ч. 45 м. 7 сентября ген. Жоффр отдает новый приказ всем армиям: «1-я германская армия, как кажется, отступает к северо-востоку перед лицом комбинированных усилий союзных армий левого крыла.

Эти последние должны следовать за противником всеми своими силами таким образом, чтобы все время сохранять возможность охвата правого германского крыла.

Движение должно совершаться в общем направлении на северо-восток и в таком расположении, которое позволило бы дать бой, если враг вознамерится задержаться (si l'ennemi marque un temps d'arrêt), и так, чтобы не дать ему времени (sans lui laisser le temps) основательно укрепиться. Для этого 6-я армия должна последовательно выиграть местность к северу на правом берегу р. Урк, Британские силы должны стремиться последовательно перейти через Б. Морен, М. Морен и Марну. 5-я армия должна ускорить движение своего левого крыла, оказывая на правом поддержку 9-й армии.

Эта последняя должна стремиться удерживаться на занимаемом ею фронте до того момента, когда прибытие резервных сил 4-й армии на ее правом фланге даст ей возможность продвинуться вперед.

Разграничительная линия между 5-й и английской армиями: Даньи, Саблоньер, Гондевильер (Hondevillers), Ножан л'Арто, Шато-Тьери (эта дорога для английской армии)».

По данным разведки в 18 час., положение 1-й германской армии представляется тяжелым; она разделена на две части, между которыми зияет широкая брешь.

В соответствии с указаниями Жоффра, маршал Френч отдает между 21 и 22 час. приказ о преследовании английской армией отступающей 1-й германской армии, правым флангом на Ножан л'Арто, левым на Жуар (Jouarre).

К вечеру 7 сентября на правом фланге английская армия соприкасается с 5-й армией, на левом ее фланге, южнее Марны выходит 8-я дивизия 6-й французской армии. Таким образом, устанавливается непрерывный фронт трех армий левого союзного крыла.

Английская армия устремляется против левого фланга 1-й германской армии. Так 1-я германская армия, повернувшись всеми силами против 6-й французской армии, оказалась теперь под ударом уже не на правом, а на левом своем фланге.

г) Рекорд медлительности маршала Френча

От Куломье до Ля-Ферте-су-Жуар на Марне меньше 20 км. 7 сентября британская армия, перейдя Б. Морен у Куломье и выше, продвигается к М. Морену. Но задержанная кавалерийской завесой германцев она вскоре останавливается, пройдя за день в среднем около 7 км.

8 сентября — решающий день. На р. Урк истекает кровью 6-я французская армия, бессильная опрокинуть противника, которому англичане выходят на фланг. Всего несколько километров отделяют их от Марны. Через Ля-Ферте-су-Жуар лежит путь 3-го германского корпуса, спешащего на помощь частям 1-й германской армии. Занять мосты через Марну, разрезать 1-ю германскую армию окончательно на две части, бить их по частям — таковы перспективы победы, до которой, можно сказать, «рукой подать».

Но ген. Френч упорно избегал решительного боя с немцами, занимая лишь то пространство, которое последние освобождали, и прибегая только к частным атакам.

Жоффр требует от англичан энергичного продвижения вперед: перед их фронтом, как он полагает, находится лишь часть 4-го германского корпуса и 3 или 4 кав. дивизии: «Чрезвычайно важно,— телеграфирует он 8 сентября в 9 час. утра своему представителю в британской главной квартире,— чтобы британские силы как можно скорее перешли на северный берег М. Морена и Марны, чтобы затруднить отступление противника и помешать ему остановиться позади многочисленных преград этих рек». В 15 ч. 30 м. Жоффр телефонирует маршалу Френчу: «Германские силы, которые находятся перед британскими армиями, направляются к северу против нашей 6-й армии. Для того, чтобы эта последняя не была вынуждена отступить, я считаю необходимым, чтобы британские силы атаковали Ля-Ферте-су-Жуар и еще сегодня вечером вышли севернее Марны». Но англичане, вновь задержанные призраком в лице легких завес германской кавалерии, только к вечеру переходят М. Морен; лишь отдельные их отряды подходят к Ля-Ферте-су-Жуар. Под самым носом у них проскальзывают части 3-го германского корпуса на северный берег Марны. За ночь мосты разрушены и в этом пункте англичанам не удается перебраться через Марну весь день 9 сентября.

Рано утром 8 сентября английская кавалерия приходит в движение: кавалерийская дивизия против линии Белло (Bellot) — Ля-Третуар (La Trétoire), 3-я и 5-я кав. бригады — Ля-Третуар — Сен-Сир (St. Cyr). При подходе к М. Морену выяснилось, что переправы обороняются немецкими егерями и кавалерией. У Белло и Саблоньер путь прегражден огнем германской артиллерии. У Шамплион (Champlion) удается оттеснить немецкий отряд, но артиллерия и здесь не дает возможности форсировать реку. 3-я кав. бригада врывается в Сен-Сир, но оттуда ее выбивают немецкие егеря. Около 8 ч. 30 м. кавалерия прекращает свои попытки сломить сопротивление противника и ожидает подхода пехоты.

Около 9 час. утра части 1-го корпуса овладевают Белло и переходят М. Морен, но егеря и спешенная кавалерия останавливают их. Только после подхода главных сил около 13 час. удается завладеть Саблоньер. Противник отходит к северу. У Ля-Третуар 2-я дивизия, подавив артиллерию противника, остановлена пулеметным огнем; только около полудня ей удается перейти через реку; около 14 час. противник отступает. 3-я и 5-я дивизии 2-го корпуса вступают в бой около 9 час. утра у Шамплион и Сен-Сир. Противник здесь окопался, и для его обстрела приходится подвезти гаубицы. В 15 час. англичанам удается переправиться у Орли (Orly); около 16 час. это местечко берется штурмом. Бои шли также у Сент-Уан (Saint Ouen) и Сен-Сир, которыми удается овладеть лишь после

сильной артподготовки. К вечеру обе дивизии достигают района Ружвиль (Rougeville). 12-я и 19-я пех. бригады 3-го корпуса осторожно продвигаются с утра к линии Жуар—Синьи-Синьет (Signy-Signets). До 13 час. происходит артиллерийская перестрелка на р. М. Морен. Около 14 час. переправа у Курсель (Courcelle) очищена противником, который разрушил, однако, мосты. У Ля-Ферте-су-Жуар немцы оказывают упорное сопротивление; происходит уличный бой, в результате которого англичане овладевают южной частью города. Синьи-Синьет удается занять без дальнейших осложнений.

К вечеру английская армия расположилась передовыми отрядами на линии: Реплонж (Replonges) — кавалерийская дивизия; Басвель (Bassvelle) — 1-й корпус; Фешер (Feuchères) — Ружвиль — 2-й корпус; южная часть Ля-Ферте-су-Жуар — Синьи-Синьет — 3-й корпус.

Таким образом, решающее звено союзного маневра делает по нескольку километров в сутки, не имея перед собой никаких серьезных сил противника, кроме слабой кавалерийской завесы. Про действия этих кавчастей французский автор пишет:

«Они задержали и ввели в заблуждение союзников, они заставили всю британскую армию, кавалерийский корпус Конно и левое крыло 5-й французской армии затратить 3 дня, чтобы достигнуть Марны».

20 км за 3 дня! 7 км в сутки! Действительно, рекорд медлительности. И удивительно, что победу одержали именно те, кто этот рекорд побил. Показавшие же изумительные достижения в марше части 1-й германской армии потерпели поражение.

Странное сражение! Однако, чудес не бывает, не было их и в данном случае. Имелись кое-какие основания и для медлительности маршала Френча. Это оказывается также был «метод»!

д) Оформление флангового маневра на новом направлении

Между 19 и 20 час. 8 сентября Жоффр отдает третий по счету во время Марнской битвы общий приказ всем армиям.

Первая часть его посвящена оценке положения правого крыла германского фронта по имевшимся к этому моменту в распоряжении французского главного командования данным:

«I. Перед комбинированными усилиями союзных армий левого крыла германские силы отступили, образуя две различные группы:

— одна, как кажется, состоит из 4-го рез. корпуса, 2-го и 4-го арм. корпусов,—сражается на Урке, фронтом против нашей 6-й армии, которую она стремится даже охватить с севера;

— другая, состоящая из остальной части 1-й германской армии (3-й и 9-й арм. корпуса) и 2-й и 3-й германских армий,—противостоит 5-й и 9-й французским армиям, попрежнему фронтом на юг.

Связь между двумя этими группами обеспечивается только несколькими кавалерийскими дивизиями, поддержанными отрядами всех родов оружия, перед британскими войсками».

Французскому главнокомандующему, оказывается, еще не было известно, что 3-й и 9-й германские корпуса уже ушли на р. Урк. Тем не менее в основном оценка верна.

В следующей части изложена идея маневра в его новой форме:

«II. Кажется весьма важным покончить с крайним правым германским флангом раньше, чем он может быть усилен другими частями, которые, возможно, будут свободны после падения Мобежа. Эта задача возлагается на 6-ю армию и британские силы.

Для этого 6-я армия должна удерживать перед собой войска, которые ей противостоят на правом берегу Урка; английские силы, перейдя Марну между Ножан л'Арто и Ля-Ферте-су-Жуар, направляются против левого фланга и тылов противника, который находится на Урке».

Здесь избегается название «1-я германская армия», так как французский главнокомандующий все еще считает ее расколотой на две части. Объектом маневра, стало быть, избирается противник, ведущий бой на Урке. 6-я французская армия сковывает его, в то время как англичане обрушиваются на его левый фланг и в тыл. Итак, первоначальная идея Марнского маневра — фланговый удар — вновь воскресает после первоначальной неудачи, но уже в совершенно другом виде, т. е. против другого фланга.

Задача 5-й армии формулируется так:

«III. 5-я армия прикрывает правый фланг английской армии, направляя сильный отряд к Ази (Azy), Шато-Тьери.

Кавалерийский корпус, перейдя Марну, в случае необходимости, позади этого отряда и позади английских колонн, обеспечивает действительным образом связь между английской и 5-й армиями.

На своем правом крыле 5-я армия продолжает поддерживать 9-ю армию, чтобы помочь ей перейти в наступление. Главные силы 5-й армии, двигаясь прямо к северу, должны отбросить по ту сторону Марны силы, которые ей противостоят».

В чем же состояла в конце концов общая идея нового маневра, предпринятого французским главным командованием? Приведем прежде оценку, которая дается в официальном французском труде [1]:

«Таким образом, наступательный маневр изменяет свой характер. От 6-й армии требуется лишь удерживать силы, которые находятся перед ней. Решающая роль переходит к британской армии и к 5-й армии, которые должны проникнуть клином (en coin) в расположение противника, воспользовавшись открытой брешью. Первая (т. е. англичане) должна ударить с фланга и с тыла (à revers) германскую группировку на Урке, вторая (5-я), задачи которой многообразны (прикрытие англичан, движение к северу, поддержка 9-й армии), охватывает центр противника. 9-я армия, освобожденная таким образом, сможет распространить наступление к востоку».

---

[1] Les A. F. I³, 41.

Здесь несомненно идея маневра толкуется распространительно, в соответствии с картиной сражения, как она представляется теперь. Но такой ясности у Жоффра не было к вечеру 8 сентября. Он считал, что 3-й и 9-й германские корпуса находятся еще южнее Марны: в этом случае брешь не могла иметь такого серьезного значения, как это оказалось в действительности. Словом, мы хотим сказать, что идея прорыва через брешь германского расположения вовсе не представлялась еще в тот момент с полной ясностью. Ведь в приказе четко говорится, что 5-я армия должна отбросить находившиеся перед ней силы, в частности 3-й и 9-й корпуса, за Марну, т. е. вести фронтальное наступление, а вовсе не маневр охвата германского центра.

В приказе Жоффра 8 сентября ясно выражена лишь одна идея: маневр против левого фланга германских сил, ведущих бой на р. Урк. В целом же французский главнокомандующий сохраняет прежнюю свою концепцию — наступать всюду, где возможно, сомкнутым строем. В телеграмме, посланной армиям 9 сентября утром, говорилось:

«Наступательное усилие должно продолжаться со всей энергией и необходимой быстротой; в пунктах, где обнаруживаются превосходные силы противника, следует удерживаться на занятых позициях, укрепляя их. Битва начата в хороших условиях, она должна вестись до решительного результата. Главнокомандующий уверен, что каждый выполнит больше, чем повелевает ему долг».

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В начале Марнской битвы лишь на крайнем западном фланге оказалось свободное пространство для проведения маневра; на остальном пространстве движение оказалось застопоренным почти всюду, а без движения нельзя говорить и о маневре. Однако, и на западном участке поле маневра в ходе сражения оказалось ограниченным. В первоначальном своем виде маневр 6-й французской армии не осуществился, и на Урке образовался неподвижный (относительно) фронт. Маневр принял две формы: 1) контрманевр Клука путем переброски всех своих сил на р. Урк; 2) новый фланговый маневр английской армии против левого фланга 1-й германской армии.

Оба маневра, хотя и по разным причинам, выявили одинаковые характерные черты.

1. Маневр в обоих случаях развивался с крайней медлительностью. Эту медлительность только в отношении англичан следует отнести к медлительности движения войск. Напротив, германские части показали рекордные темпы марша пехоты. Однако, в этом случае оказалось ясным, что даже эти максимальные темпы отнюдь не соответствовали требованиям темпа осуществления операции.

2. Медлительность темпа развития маневра обусловливалась неясностью обстановки. Мы видели, что только к вечеру 8 сентября в обоих случаях окончательно созрела идея операции. Имевшиеся в распоряжении противников 4 дня не были использованы достаточно целесообразно: маневр запоздал с обеих сторон. Но полезно все же вспомнить, что Клук требовал от 3-го и 9-го корпусов решительного результата еще 8 сентября; Жоффр требовал того же от англичан. Но упущенного уже нельзя было вернуть.

3. Задержки в осуществлении маневра вызывались и тем, что, встречая сопротивление, войска останавливались в своем движении. Пример англичан в этом отношении особенно поучителен.

4. Кавалерия не обнаружила своей подвижности для ускорения маневра. С обеих сторон она использовалась как ездящая пехота.

5. Только в качестве предварительного вывода — к этому мы вернемся в заключительной главе — следует указать, что перевозка на автомашинах разрешила бы в ряде случаев возникшие трудности. Какое ускорение маневра было бы получено Клуком в случае использования мотосредств! В несколько часов 2 корпуса были бы уже на Урке. Тем знаменательнее первое использование этих средств французами для переброски одной дивизии из Парижа к фронту на Урке.

При таких условиях можно спросить, был ли в конце концов осуществлен хоть один из предпринятых маневров на Марне? На этот вопрос ответ уже был дан. Маневр 6-й французской и контрманевр 1-й германской армий на р. Урк не увенчались успехом. Клук оказался не только скованным на р. Урк, не только не сумел своевременно вновь повернуться на юг против англичан, но вследствие всего этого сам подставил под удар свой левый фланг. Наступление же англичан, хотя и рекордное по медлительности, свою роль сыграло. Окончательное уяснение всех этих этапов сложной операции возможно лишь в результате рассмотрения всего сражения в целом.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОСТАНОВКА ГЕРМАНСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ НА МАРНЕ

(Схемы 7—17)

До сих пор наше внимание сосредоточивалось исключительно на событиях, происходивших на западном крыле фронта Марнской битвы. Нами установлено, что с самого начала сражения союзники получили выигрыш темпа, в силу внезапности атаки 6-й французской армии. Хотя сама по себе эта атака успеха не имела, но она привлекла, а затем приковала к себе силы 1-й германской армии. В результате союзники получили время и свободное пространство для завершения маневра левого крыла, который в противном случае, в силу медлительности, не имел бы шансов на успех. Выигрыш темпа реализовался выигрышем времени для нового маневра против левого фланга армии Клука. Следовательно, разрыв (брешь) между 1-й и 2-й германскими армиями вовсе не абсолютно, а относительно обеспечивал успех союзников. Эта относительность определялась временем, в течение которого союзники могли эту брешь использовать. Союзники имели в своем распоряжении целых 4 дня. Но если бы Клуку так, как он хотел. в самом деле удалось разгромить 6-ю армию, допустим, 7 сентября, очевидно, он не только бы имел время и возможность задержать на Марне движение англичан, но и занял бы в отношении их угрожающее положение. Отсюда следует прямой вывод, что геометрические построения нужно рассматривать в свете маневра, динамики, активности сил, которые способны придать этим соотношениям совершенно иной вид.

Но указанная относительность должна пониматься еще шире.

Прочие армии, участвовавшие в сражении, могли внести коренное изменение своими действиями. Это касается прежде всего 2-й германской армии. Если Клук был скован на Урке, то эта другая армия в начале сражения во всяком случае сохраняла свободу маневра. По-

чему бы, например, она не могла отойти к Марне, перегруппироваться и взять на себя защиту линии этой реки, не допуская проникновения сил противника в тыл 1-й германской армии. Тогда положение вещей вновь изменилось бы коренным образом: союзники были бы задержаны, быть может, временно, но этого времени, возможно, оказалось бы достаточно для того, чтобы Клук завершил свой контрманевр против 6-й армии. Выгоды выигрыша темпа перешли бы на сторону германцев.

Где же была 2-я германская армия в эти решающие дни? Почему она своей активностью не внесла это коренное изменение в борьбу на берегах Марны?

На эти вопросы ответ дается в дальнейшем изложении. Но вернемся к общей ситуации всех германских армий, участвовавших в сражении. Здесь сразу же должен быть подчеркнут один решающий момент.

После пограничного сражения германские армии находились в непрерывном движении вперед — к югу. 4 сентября германское главное командование дало директиву о частичной приостановке этого наступления: две правофланговые армии должны были стать между Уазой и Сеной фронтом к Парижу. Но, во-первых, и по этой директиве прочие германские армии должны были продолжать наступление: 3-я армия должна была выйти в район Труа; во-вторых, когда начались бои на р. Урк, германские армии еще продолжали наступать, лишь частично начав выполнять указания главного германского командования. Этот факт имеет огромнейшее значение для понимания сути Марнской битвы. Приведем один пример.

Сравним удар, произведенный 6-й французской армией на Урке, со схватыванием за руку человека. Если последний стоит на месте, то такое внезапное схватывание может, конечно, поставить его в затруднительное положение, но все же он имеет значительную свободу для парирования удара. Но допустим, что человек схвачен за руку на бегу. Это сразу поставит его в опасное положение: крепко схваченный противником, он по инерции подается вперед, и остановка, которая все-таки неизбежна, связана с потерей равновесия.

Как ни слаба эта аналогия, она все же полезна для уяснения того, что произошло на Марне. Если бы в момент удара германские армии стояли на месте, эффект от флангового удара ген. Монури был бы очень ограничен. Но все дело в том, что германские армии продолжали свое наступление по инерции, даже в тот момент, когда 1-я германская армия была уже остановлена и прикована к фронту на р. Урк. Этот факт имел неисчислимые последствия. В этот момент германский фронт в целом потерял свою стойкость и равновесие.

Соответственно этому по-разному сложилась обстановка и на фронте союзников. 6 сентября утром на всем протяжении от Парижа до Вердена они перешли в наступление. Но в то время, когда левое

крыло получило возможность движения вперед, прочие французские армии столкнулись с наступающими германскими. Результатом грандиозного встречного сражения явилась остановка на месте германского наступления. Это дало основание французскому официальному труду применить термин «bataille d'arrêt» («битва остановки») для характеристики сражения на фронте 9-й, 4-й и 3-й французских армий.

Но следует ли ограничивать применение этого термина только пределами этих армий? Не явилась ли Марнская битва в целом именно «bataille d'arrêt»? Не заключался ли главный смысл ее в остановке германского наступления? Так оно и было в действительности.

В самом деле, союзники достигли успеха на своем левом крыле, использовав преимущества выигрыша темпа. Но это оказалось возможным лишь потому, что на остальном фронте сражения им удалось нейтрализовать маневренную энергию германских армий. Вслед за этим события западного крыла оказали свое воздействие и на весь германский фронт и прежде всего на 2-ю германскую армию. Они вынудили отход этой последней, а затем и других армий. Но этот отход не был результатом разгрома. Поэтому германские армии смогли остановиться и организовать оборону на новом рубеже.

Рассмотрим подробнее:

во-первых, бег по инерции всех германских армий, кроме 1-й, в Марнском сражении;

во-вторых, остановку их наступающими навстречу французскими армиями.

1. УТРЕННЯЯ АТАКА ПРУССКОЙ ГВАРДИИ 8 СЕНТЯБРЯ

Гвардейский корпус наступал на крайнем левом фланге 2-й армии. Это было отборное войско, превосходно вооруженное, располагающее двумя кавалерийскими полками [1]. 5 сентября корпус сделал сравнительно небольшой переход, так как соседняя 3-я армия отставала, и к вечеру достиг своей цели: района Вертю (Vertus) и западнее. Поход казался скорее военной прогулкой, утомительной, но увлекательной. Кровавый кошмар войны еще не коснулся своим уничтожающим воздействием гвардии [2]. 1-я гв. пех. дивизия расположилась бивуаком вокруг Шальтре-о-Буа (Chaltrait aux Bois) и Виллер-о-Буа (Villiers aux

[1] Состав гвардейского корпуса см. приложение 3.

[2] Гвардия участвовала в бою у Колонфей (Colonfay)—сражение у Гиз—Сен-Кантен. Атака здесь происходила без артиллерийской поддержки, и хотя потери были велики (в 1-м гв. полку выбыло около 1/3 состава—26 офицеров, 1170 солдат), но была одержана победа, и потому бой не подорвал морального состояния частей и даже поднял их дух в связи с последующим победоносным движением вперед.

Bois). Картина лагеря скорей напоминала о маневрах мирного времени, чем о боевом расположении во вражеской стране. Люди отдыхали, мылись, чистили лошадей. Пришла почта и первые газеты с родины. Заиграла полковая музыка.

Вдруг раздалось стрекотание мотора сверху — в те дни это было еще большой редкостью. Самолет! Вслед за тем шипение и оглушительный треск: первая авиационная бомба упала среди расположения дивизии — жертвы и кровь. Молчание охватило весь лагерь; нарастало смутное ощущение, что с врагом еще не покончено, что впереди еще тяжелая кровавая борьба. Далеко вперед посланы конные разъезды. Противник занимает Колиньи (Colligny). Тотчас выделяются батарея и небольшой отряд в замок Гравель (Château de la Gravelle); после беглого обстрела французы очищают Колиньи. Но поздно вечером неожиданная атака обрушивается на замок Гравель. Как оказалось, она велась всего лишь одной французской ротой, однако, нападение взбудоражило не только маленький гарнизон замка, но и соседние части до штаба дивизии. Противник проявляет активность!

Никто не мог и помыслить, что эти первые незначительные признаки предвещают тяжелый четырехдневный кровавый бой, в котором полягут лучшие, долгими годами сколоченные кадры прусской гвардии. Этот бой — характернейший момент Марнской битвы, который дает очень яркое представление о том, что творилось на полях грандиозного сражения.

а) Наступление гвардии остановлено 6—7 сентября

(Схемы 9, 10 и 11)

6 сентября 2-я армия должна была совершить захождение левым крылом, чтобы стать фронтом к Парижу, как предписывала директива германского главного командования. Гвардейскому корпусу, как левофланговому, предстояло, понятно, сделать самый большой переход. Правая колонна (1-я гв. пех. дивизия) должна была через Вер-Ля-Гравель (Vert la Gravelle), Брусси-Ле-Гран (Broussy le Grand) выйти к Гейи (Gaye), юго-восточнее Сезан; левая (2-я гв. пех. дивизия) — через Фер-Шампенуаз (Fère-Champenoise) на Мариньи-Ле-Гран (Marigny le Grand); линию Банн (Bannes) — Морен-Ле-Пти (Morains le Petit) надлежало перейти уже в 8 час. утра.

Однако, ночные происшествия не вселяли уверенности частям 1-й гв. пех. дивизии в том, что 6 сентября удастся попрежнему ограничиться преследованием противника. И действительно, с утра 6-го французская артиллерия стала обстреливать замок Гравель и район позади него. Наступавшие 1-й и 2-й гв. полки, достигнув дороги Этож (Etoges) — Бержер (Bergères), попали под огонь и сосредоточились в лесу Шармон (Charmont), северо-восточнее замка.

«Грохот рвущихся снарядов, падающие ветви, отзвук в лесу, который не давал, однако, никакого прикрытия, действовали истощающе

и били тем больше по нервам, что части были осуждены на бездействие»[1]. В 9 ч. 20 м. ген. Гутье, командир 1-й гв. дивизии, отдал приказ о наступлении на противника, занимающего позиции в районе Вер-Ля-Гравель. К полудню сравнительно легко части достигли линии: дорога Тулон-Ля-Монтань (Toulon la Montagne)—Вер-Ля-Гравель—высоты восточнее этого местечка. Дальше предстояло перейти Сен-гондские болота. Но можно ли было среди бела дня перейти по узкой дороге, которая целиком находилась бы под обстрелом французской артиллерии? Около 12 час. командование корпусом отдало приказ 1-й гв. дивизии ограничиться занятием северного берега болот, выжидая охватывающего действия 2-й гв. дивизии восточнее болот. Около 14 часов, заняв местечко Ольнизе (Aulnizeux), 1-я дивизия остановила свое продвижение.

При продвижении к югу из района Вертю полк кайзера Франца (2-й гв. гренадерский полк 2-й пех. гв. дивизии) наткнулся на противника, занявшего позицию в районе Морен-Ле-Пти. Артиллерийский огонь становился все сильнее и вынудил роты к продвижению перебежками (Zum sprungweise Vorgehen).

Становилось ясным, что начинается серьезный бой. Вскоре командир 2-й гв. дивизии ген. Винклер выяснил, что линия сопротивления противника протягивается к востоку, к Экюри-Ле-Репо (Ecury le Repos); Кламанж (Clamanges) также занят французами. Между тем огонь артиллерии противника вынудил роты полка Франца расчлениться и наступать редкими волнами (in lichte Schützenwellen aufzulösen); они залегли в леске в 1 км севернее Морен-Ле-Пти, выжидая прекращения артиллерийского огня; тяжелые гаубицы открыли огонь по местечку, но артиллерия противника продолжала обстреливать роты в леске, нанося им существенные потери.

Левее со стороны Пьер-Морен (Pierre-Morains) наступал полк королевы Августы (4-й гв. гренадерский полк 2-й пех. дивизии). Немедленно артиллерия противника взяла его под обстрел, который велся «с поразительной точностью». Вскоре немецкая пехота везде перед фронтом Морен-Ле-Пти была остановлена; тем ожесточеннее развертывался артиллерийский бой, в котором французская артиллерия явно превосходила немецкую по численности полевых батарей.

Командир гвардейского корпуса ген. Плеттенберг, получив сведения о положении, прежде всего был обеспокоен возможностью охвата своего левого фланга со стороны Кламанж. Командиру 12-го арм. корпуса (3-я армия) была направлена просьба возможно скорее выйти в этот район: 32-я дивизия, совершавшая марш в направлении Сен-Мар (St. Mard) — Жерминон (Germinon), уже по своей инициативе склонила направление своего движения на Трекон (Trécon) — Кламанж.

---

[1] „Das Marnedrama“, 3[1], 22.

Между тем ген. Винклер решил своими силами покончить с угрозой левому флангу; направленный к Кламанж полк королевы Елизаветы (3-й гв. гренадерский полк) нашел местечко очищенным противником. Полк кайзера Александра (1-й гв. гренадерский) получил направление на Экюри. Ввиду скорого приближения 32-й дивизии, около полудня был отдан приказ 3-й пех. гв. бригаде (1-й и 3-й гв. гренадерский полки) наступать в юго-западном направлении, на фронт Экюри — Норме (Normée), обеспечивая свой фланг с востока. В это время полки Франца и Августы жестоко страдали от огня скрытых батарей противника, «которых наши батареи не могли подавить»[1]. Под этим «истощающим нервы градом шрапнели и гранат» пехота удерживалась с трудом. Лучше штыковая атака, чем это бездействие, каждый миг которого нес смерть новым бойцам. Невидимые батареи противника до крайности возбуждали беззащитных стрелков. Начинаются попытки, которые не раз имели место в эти дни: найти и захватить батарею. Один из офицеров 7-й роты полка Франца получает разрешение предпринять разведку. Ему действительно удается раскрыть местопребывание французской батареи, но она отстоит слишком далеко к югу, чтобы можно было добраться до нее пехоте.

Полк Александра начал свое продвижение к Экюри. Одна из батарей, сопровождавших его наступление, выдвинулась вперед на позицию в 1 км от местечка, обстреливая его в упор; но вскоре на нее посыпались снаряды, вырывая одного за другим обслуживающий состав и вынуждая ее к молчанию. Правофланговый 3-й батальон сравнительно легко достиг местечка и залег на южной его окраине; в лесу, южнее, находились, видимо, окопы противника, так как отсюда был немедленно открыт огонь по Экюри. 2-й батальон сразу же попал под обстрел артиллерии, которая, очевидно, узнала о его движении по поднятой пыли. Безжалостно обрушились снаряды на 7-ю роту. В несколько минут рота потеряла треть унтерофицеров и людей. Два командира взвода были убиты, третий ранен. Положение рот 2-го батальона стало ужасным: накрытые сильнейшим артиллерийским, ружейным и пулеметным огнем противника, они лежали неподвижно, не имея никакой возможности сделать хоть один шаг вперед или назад. «Всюду в пехотной линии с горечью ощущали, что в этом тяжелом бою полностью отсутствует поддержка своей собственной артиллерии»[2]. В 1-й батарее, о которой упомянуто выше, только отдельные канониры оставались еще у орудий, остальных не было видно вообще. Около 15 час. наступление полка Александра было остановлено на всем фронте.

Полк Елизаветы в 12 ч. 45 м. начал наступать от Кламанж на Норме. Как только роты вышли с опушки леса между выс. 154 и 167,

---

[1] „Das Marnedrama“, 3[1], 35.
[2] Там же. 35.

они попали под «неслыханно сильный шрапнельный и гранатный огонь французских батарей... Все бросаются в стороны из сомкнутых соединений; команд при страшном грохоте не слышно. Броситься и искать прикрытия — первое инстинктивное действие всех» [1]. Некоторые не выдержали и бросились обратно в лес. На выс. 144 выходит 2-й дивизион (легкие гаубицы) 2-го гв. полка полевой артиллерии; однако, нигде не удается отыскать удобные наблюдательные пункты, с которых было бы возможно раскрыть местоположение французских батарей. Пехота не получает активной артиллерийской поддержки. К 15 час. полк Елизаветы остановлен в продвижении па опушке леса от выс. 161 до 154.

Около 14 час. части полков Франца и Августы не в состоянии больше выдержать тяжелое бездействие под огнем и бросаются в атаку. Несколько батарей, подвинувшись вплотную к пехоте, обстреливают пространство юго-западнее Экюри, где предположительно расположены батареи противника. «С развернутыми знаменами, сверкающими штыками, под бой барабанов и звуки труб делают немцы последний бросок» [2]. Однако, французы сопротивляются до конца. Окопы взяты. Тотчас же они снова попадают под обстрел отошедших на новые позиции французских батарей. Части врываются в Морен-Ле-Пти, которое уже под огнем. Опять вызываются охотники захватить французскую батарею и снова, убедившись, что она слишком далеко, с трудом уходят назад. Немецкая батарея галопом занимает открытую позицию в 600 м северо-восточнее Морен-Ле-Пти. Теперь французские орудия скрылись в дыму и пламени, но их огонь продолжается, пока не наступила темнота.

Полк Александра начинает в свою очередь продвигаться вперед. Здесь также происходит любопытный случай единоборства пехоты с артиллерией. Одному взводу удается добраться до неприятельской батареи, но с сильными потерями он вынужден все же отойти. Однако, этот смелый поступок поднял настроение частей. К вечеру полк выходит на дорогу Экюри — Норме. «Наступательная сила полка Александра была настолько подорвана многочасовым пребыванием под сильнейшим артиллерийским, пехотным и пулеметным огнем, а также ожесточенным лесным боем, что нечего было и думать о дальнейшем продвижении вперед... Не оставалось ничего другого, как пока окопаться на названной дороге» [3]. Здесь следует привести следующее свидетельство фельдфебеля 1-й роты Киндермана:

«Окопаться! Это было как будто простое дело. На 50 см вкопались мы в землю, и затем — конец. Чем копать глубже? Пресловутых «бригадных вилок» (пик) и лопат у нас ведь больше не было, они

---

[1] „Das Marnedrama“, 3[1],42.
[2] Там же, 45.
[3] Там же, 3[1], 50.

постепенно пропали. Орудовали только пальцами, штыками, кружками. Но в конце концов кой-чего достигали и таким способом».

Полк Елизаветы продолжал продвигаться медленно, перебежками, используя прикрытия. С 600—700 м был открыт огонь по отчаянно защищавшемуся противнику. Одну из батарей протащили через лес и поставили на открытой позиции для обстрела Норме в упор. Тотчас же командир батареи был ранен; сверх того батарея потеряла 3 убитыми и 14 ранеными. В 17 ч. 45 м. через поле, усеянное трупами французов, немецкая пехота ворвалась в Норме. Но поле наступления было покрыто и трупами многих немецких солдат и унтерофицеров: «особенно чувствительны были потери в офицерах»[1]. Попытки продвижения дальше к югу кончились неудачей; французы закрепились вдоль железнодорожной насыпи и открыли огонь по наступавшим; фронт французов протягивался дальше к Ланаре (Lenharrée). Между тем, 32-я дивизия, несмотря на сильнейшее напряжение, не успела достигнуть линии фронта, лишь ее артиллерия вступила в бой.

В 18 ч. 30 м. командование гвардейского корпуса отдало следующий приказ:

«Корпус завтра продолжает наступать с линии Морен-Ле-Пти — Норме. 12-й арм. корпус продвигается, примыкая, дальше к востоку, 10-й арм. корпус западнее болот — на юг.

Еще сегодня вечером надлежит занять следующие позиции:

1-я гв. пех. дивизия — на линии Морен-Ле-Пти — Экюри (включ.). В Ольнизё (Aulnizeux) и Ольней остаются сильные отряды.

2-я гв. пех. дивизия на линии Экюри (исключ.) — Норме (включ.) с сильным эшелонированием налево и в соприкосновении с 12-м арм. корпусом.

Каждой дивизии придаются 2 батареи тяжелых гаубиц».

Таким образом, 1-я гв. дивизия должна была значительно склониться влево к востоку, оставляя болота на своем правом фланге. Между нею и 10-м корпусом открылась брешь больше, чем в 15 км. Части обеих дивизий должны были совершить в темноте значительные переходы, которые сильно сократили немногие часы ночного сна. Только около 1—2 час. ночи были закончены передвижения, после чего пришлось еще окапываться. «Пласт земли был только в 40—50 см глубиной, а потом шел твердый каменистый грунт, который представлял непреодолимое препятствие для малочисленного и слишком малого по размерам шанцевого инструмента».

Командир гвардейского корпуса связывал переход в наступление с выдвижением на боевую линию 12-го германского корпуса, который все еще, однако, был в пути. Поэтому начало атаки 7 сентября было передвинуто на 8 час., когда должна быть пройдена линия Морен-Ле-Пти — Норме. 1-я пех. гв. дивизия должна была наступать

[1] „Das Marnedrama“, 3[1], 51.

в границах: справа Морен-Ле-Пти—Монт-У (Mont-Août), слева Экюри— ферма Гозе (Ferme de Hozet) в 5,5 км западнее Фер-Шампенуаз. 2-я гв. пех. дивизия, примыкая к 1-й, левая граница — Норме — Фер-Шампенуаз (исключ.) — Конантр (исключ.). Наступление, следовательно, должно было вестись с поворотом на 45°.

Приказ содержал, на основе горького опыта 6 сентября, указания о том, что полевая и тяжелая артиллерия должна быть подведена близко к пехоте и всеми средствами стремиться облегчить пехоте продвижение вперед.

Получив новые данные о задержке наступления 12-го германского корпуса, ген. Плеттенберг решает отсрочить наступление своего корпуса. Новый его приказ не был доставлен всюду своевременно. 2-я пех. гв. бригада западнее Экюри уже начала наступление. Несколько рот начали перебежками продвигаться к югу. 500—600 м удалось пройти благополучно, но затем части попали под сильнейший огонь. «С грохотом падали первые гранаты, потрясая землю; пыль, огонь, чад стоят над полем боя. И затем в непрерывной последовательности — гранаты и шрапнели; молотит пулеметный огонь; хлещут пули. Сразу же смешиваются с этим ураганом вскрики раненых, стоны умирающих. Лихорадочно впиваются в землю, разрывая ее штыком и котелком, перочинным ножом, каблуками царапают поверхность, чтобы глубже врезаться в землю» [1].

Только 2 роты — 10-я и 12-я 2-го гв. пех. полка — потеряли в этой кровавой бане 27 убитыми и 96 ранеными; большие потери понес офицерский состав. На этом участке ни одна немецкая батарея не поддержала своим огнем истекающую кровью пехоту! Артиллерия была сдвинута дальше к западу, телефонная связь с ней отсутствовала. К вечеру все части 1-й гв. дивизии были возвращены на исходные позиции.

Кое-где были предприняты еще попытки наступать, но они отражались убийственным огнем французской артиллерии, которая явно господствовала над полем сражения. Обстрелу подверглась вся линия гвардейского корпуса от Морен-Ле-Пти до Норме.

б) Саксонцы спешат на помощь. 6 сентября

(Схема 12)

32-я пех. дивизия (12-й германский арм. корпус) вместе со всей 3-й армией провела день 5 сентября на отдыхе. Когда дивизия 6 сентября с утра выступила в поход по дороге Сен-Мар—Шентри (Chaintrix) — Жерминон, сказались отрицательные последствия этого однодневного перерыва в движении. Люди, набросившиеся на свежие фрукты, страдали от желудочных заболеваний, с трудом расправляли мускулы; жара и пыль казались еще более невыносимыми, чем раньше. Но худшее было еще впереди.

[1] „Das Marnedrama", 3[1], 82.

В Сен-Мар командир дивизии ген. Планиц получил сообщение, что гвардия ведет тяжелый бой; его просили о поддержке быстрейшим движением на Кламанж. Тотчас же был отдан приказ максимально ускорить движение с поворотом от Жерминон на юго-запад, чтобы поддержать левый фланг гвардии. Это ускорение марша в условиях страшной жары, под тяжестью походной нагрузки вскоре крайне мучительно стало отражаться на людях. Появилась масса отставших, которые ложились в рвы вдоль дороги, отказываясь итти дальше. В 12 час., после перехода 35—40 км, был дан короткий отдых, после чего части стали выходить через лес к указанной им боевой позиции на линии Норме — Ланаре, т. е. по берегу ручья Сомм. Один из батальонов 178-го полка оказался неспособным к дальнейшему движению: с утра 4 сентября полк прошел, выполняя одно задание, около 100 км.

Переходя через лес южнее Вильсене (Villeseneux), части перемешались. Вместо точных маршрутов были даны направления; в некоторых местах войска попадали в непроходимую зону и вынуждены были возвращаться и обходить. На единственном шоссе произошли заторы. Как только был перейден ручей Мон (Rivière du Mont), дивизия попала под обстрел французской артиллерии.

Неся значительные потери, двигавшийся на крайнем правом фланге дивизии 3-й батальон 178-го полка к вечеру достиг Норме, установив связь с гвардией. 6 батарей дивизионной артиллерии заняли позиции в районе выс. 167. Но они должны были ограничиться обстрелом пехотных целей. Скрытая в лесу, позади железной дороги, французская артиллерия оставалась невидимой. Напротив немецкие батареи тотчас же были накрыты ее огнем. Части 63-й пех. бригады вышли в район выс. 165, но здесь залегли под сильнейшим огнем противника. Пехота требовала артиллерийской поддержки. В 6 ч. 45 м. на выс. 165 выдвинулся один взвод (2 орудия) 6-й батареи 28-го арт. полка. Орудия открыли огонь прямой наводкой по леску, откуда бил пулемет, но тут же сами попали под обстрел неприятельской артиллерии. 64-я пех. бригада чрезвычайно медленно продвигалась через лес. Как только части показались на опушке, вокруг засвистели гранаты. «Снова мы должны были получить урок, что французы имеют отличное артиллерийское наблюдение и, в ожидании противника, уже пристрелялись по определенным линиям» (сообщение лейт. Гольфельд, 3-й р. 178-го полка). Внизу за дорогой, по южному берегу Соммы, тянулись окопы противника, откуда велся оживленный огонь. Артиллерийский огонь преградил немецкой пехоте дальнейшее продвижение. Ни одна батарея не поддержала ее на этом участке.

Ведущий разведку левее 18-й гусарский полк наткнулся на противника в районе Васимон (Vassimont). 5-й эскадрон бросился в атаку с шашками наголо. «В 6 час. вечера он совершил свой смертный марш, — рассказывает участник Луке. — Мы скакали как только

могли кони сквозь французскую пехоту, которая бежала назад к местечку Васимон, а эскадрон гнал ее через деревню». Но здесь гусары были встречены артиллерийским и пулеметным огнем; эскадрон был разбит: лишь немногие вернулись назад, большая часть попала в плен.

Поставленная перед 32-й дивизией цель — захватить отрезок р. Сомм — не была достигнута. «В первый раз с начала войны мы не могли продвинуться прямо вперед и, что особенно снижало настроение, в первый раз своя артиллерия... не смогла выступить против неприя-

Вассимон (после сражения)

тельской и преодолеть ее действие»[1]. Надо было окапываться, но этой задаче не придали должного значения, так как думали завтра наступать дальше, а кроме того пехота была в состоянии полного изнеможения. «Вечером в передовой линии появились «стрелковые окопы» (Schützengräben), как их тогда называли» (лейт. Фишер, 1-го батальона 102-го полка). «Слишком скоро пришлось нам пожалеть, что мы не подготовили основательней наших стрелковых ям (Schützenlöcher). Недостаток шанцевого инструмента впервые оказался в высшей степени неприятно ощутимым. Очень многие, кто считал при форсированных маршах, при палящем солнце, свою маленькую ю-

[1] „Das Marnedrama“ 3[1], 71.

пату, как ненужный баласт, теперь познал ее высокую цену» (Гейниц, лейт. 5-й р. 177-го полка).

Измученная, страдающая от голода и жажды (воду доставали в ряде мест с трудом) пехота осталась ночью на своих позициях (выс. 154, 165, 168). Не было принято мер и к перемене неудачных артиллерийских позиций. «Было невозможно установить местоположение скрытой артиллерии противника, чтобы взять ее под прицельный огонь» (кап. Фойгтлэндер-Тецнер, командир 3-й батареи 64-го арт. полка).

По расчетам ген.-лейт. Планиц, соседняя 23-я дивизия (12-й арм. корпус) должна была наступать на Ватри (Vatry). Однако, командование корпуса, не имея точной информации, считало, что противник перед фронтом 32-й дивизии не представляет серьезной опасности. Напротив положение слева на фронте 19-го корпуса обострялось. В 17 ч. 50 м. 23-я дивизия была направлена на восток по дороге Суде-Сент-Круа (Soudé Ste Croy) — Коль (Coole). Был оставлен только 3-й батальон 108-го полка, который и занял Ватри. Между двумя дивизиями 12-го германского корпуса образовался разрыв в 20 км. Левый фланг 32-й дивизии повис в воздухе.

в) Кровавая бойня у Норме — Ланаре 7 сентября

(Схема 13)

Вечером 6 сентября ген. Планицу стало известно, что левее его расположения, в направлении на Сомесу (Sommesous), будет введена в бой 23-я рез. дивизия. По его просьбе 100-й гренадерский рез. полк был тотчас направлен через Вильсене для подкрепления левого фланга 32-й дивизии. В ожидании подхода частей 23-й рез. дивизии ген. Планиц перенес начало наступления 32-й дивизии на 8 час. утра.

Однако, французская артиллерия уже с раннего утра возобновила обстрел по всему фронту расположения дивизии. Чуть вырытые углубления в земле не давали никакого укрытия. После 8 час. 2 правофланговых батальона — 2-й батальон 102-го полка и 2-й батальон 103-го полка — стали скачками продвигаться вперед. «Противник имел против нас пулеметы, щиты которых ясно различались через бинокль. Наши пули не действовали против этих щитов» (лейт. Гольцгаузен — 8-й р. 102-го полка). Но вскоре всякое продвижение было приостановлено артиллерийским огнем. В обоих наступающих ротах 102-го полка были сразу же выбиты все офицеры. В некоторых местах линия стрелков была уничтожена начисто. 8-я рота 103-го полка выдвинулась вперед на выс. 138 (на Сомме), но здесь была почти целиком уничтожена; все офицеры были выбиты; командование приняли два оставшихся еще в живых вицефельдфебеля. Адъютант 2-го батальона 103-го полка лейт. Монзе пишет: «Этот день был ужасным для батальона. Меня не раз посылали в полк и бригаду

с просьбой подавить артиллерию противника. Но ничего поделать было нельзя, так как наши батареи не могли найти неприятельские или не могли их достать. Высота все время находилась под таким огнем, что сквозь дым и пыль ничего не было видно». Капитан Луттерот, командир 6-й батареи 28-го арт. полка, подтверждает это сообщение: «Злой день! Мы были забросаны гранатами Az; к счастью много было неразорвавшихся. Мы видели, как тяжко страдала наша пехота под артогнем противника, но не могли открыть его батареи». По сообщению майора Бентхин, командира 2-го дивизиона 24-го рез. арт. полка, «неприятельскую артиллерию трудно было распознать: она занимала исключительно удачную позицию в маленьких лесах юго-западнее Ланаре и южнее Норме, скрытая от наблюдения лежащим впереди лесом». Когда 2 батареи 24-го рез. арт. полка выехали галопом на позицию восточнее выс. 165, они тотчас же были обстреляны артиллерией противника и потеряли 3 чел. убитыми и 7 ранеными. Хотя батареи сделали свыше 1 300 выстрелов, никакого облегчения для пехоты не последовало. В результате части 63-й пех. бригады стали отходить назад к лесу. Во многих случаях этот отход сводился попросту к паническому бегству. По свидетельству одного из участников, «неприятельский артиллерийский огонь свирепствовал перед 102-м пех. полком с исключительной силой. Видно было, как отдельные люди 102-го полка бежали назад».

Вскоре после 11 час. ген.-лейт. Винклер, командир 2-й гв. пех. дивизии, получил от 63-й бригады сообщение, что ее части жестоко страдают от неприятельского артиллерийского огня, и просьбу выдвинуть свои силы позади левого фланга бригады. Итак, саксонцы, спешившие на помощь гвардии, теперь сами просят ее помощи! Утром 7 сентября севернее Норме находились 3 полка 2-й гв. пех. дивизии: полк Елизаветы, полк Франца, полк Августы. Полк Франца был переброшен сюда в течение ночи из Морен-Ле-Пти. Он шел по дороге через Пьер-Морен, где в немногих уцелевших от пожара домах бойцы увидели тяжелую картину ближайшего тыла ожесточенного боя: длинными рядами лежали жертвы потрясающего огня французской артиллерии; невозможно было всех их обслужить, и душераздирающие крики и мольбы дать воды проникали глубоко в душу. По приходе в Кламанж 1-й батальон остался в дивизионном резерве у выс. 144. 2-й и F батальоны (Füsiliers) были выдвинуты к выс. 154. Что касается полка Августы, то 2-й батальон его также выдвинулся к выс. 154, а два остались несколько севернее у выс. 167. 2-й и F батальоны оказались против Норме, южнее дороги Норме — Вильсене, 1-й — на шоссе к северо-западу. Полк Александра занимал Экюри, вытянувшись к востоку вдоль дороги Экюри — Норме. Между полками Александра и Елизаветы зияла, таким образом, брешь. Чтобы заполнить ее, в 8 ч. 45 м. был двинут к югу 1-й батальон полка Елизаветы; бойцы стремительно добежали до высоты, что господствует

северо-западнее над Норме, и здесь залегли. Правее них был брошен 2-й батальон полка Франца, которому посчастливилось благополучно достигнуть дороги Экюри — Норме, переправившись на другой берег Соммы. В таком расположении части 2-й гв. пех. дивизии ожидали дальнейших событий у саксонцев.

Получив просьбу о помощи от ген.-майора Герсдорфа (командир 63-й пех. бригады), ген. Винклер тотчас передал в его распоряжение 2-й батальон полка Августы, который с выс. 154 через выс. 167 был переброшен восточнее дороги Кламанж — Сомесу в тыл 63-й пех. бригады; кроме того, были переданы 2 батареи. Но после полудня ген. Винклер узнает, что саксонцы бегут назад (см. выше). Тотчас он приказывает двум оставшимся батальонам полка Августы — 1-му и F — развернуться по выходе из леса и атаковать в южном направлении. «Каменистый северо-западный подъем выс. 165 был взят с разбегу». Но здесь атакующую гвардию ждала кровавая участь.

Среди огня и дыма на высоте стоят саксонские орудия. В этот ад бросаются первые волны атакующих; офицеры с шашками впереди. Но лишь немногие достигли лежащей южнее лощины; через усеянное убитыми и ранеными поле идут в атаку следующие волны. Саксонцы бегут назад, увлекая за собой и часть гвардейцев. Всего в нескольких стах метрах лежат неприятельские окопы; по ним открывают огонь. «Без результата! Невозможно попасть по искусно рассыпанным среди лесков и кустарника маленьким боевым группам и пулеметным гнездам противника» [1].

Скопившиеся в ложбине группы стрелков истребляются неприятельским огнем. Тщетно стараются они использовать малейшие прикрытия, залегая позади кустов, трупов, в лесках. Все пространство атаки усеяно убитыми и ранеными. Командиры рот и взводов поголовно выбиты из строя. 40 убитых и 186 раненых в F батальоне; не меньше в 1-м батальоне.

Между тем 1-й батальон полка Елизаветы, пользуясь тем, что внимание противника было отвлечено событиями, происходившими восточнее, переходит в 14 ч. 45 м. дня в атаку западнее дороги Норме-Вильсене и достигает берега Соммы. Здесь он получает приказ остановиться до новых указаний. Огонь французской артиллерии продолжал свирепствовать не только в передовых линиях гвардии, но и в тылу до Кламанжа, что делало почти невозможной передачу приказов.

Приказ 64-й пех. бригады на 7 сентября очень характерен: «Бригада прежде всего удерживает свои позиции. Как только наступление 2-й гв. дивизии станет ощутимым, следует итти вперед».

Итак, гвардия и саксонцы ждали, кто первым будет наступать; в итоге те и другие оставались на месте под убийственным огнем

---

[1] „Das Marnedrama“, 3^1, 113.

артиллерии противника. Весь день 7 сентября 4 батальона 64-й пех. бригады, выдвинутые в передовую линию, оставались на высотах против Ланаре, достигнутых накануне. Здесь наблюдалась та же картина, что и на участке соседней бригады.

Лейт. Каульфус из 4-й р. 178-го полка пишет:

«Мы прошли около 600—700 м и достигли высоты севернее Ланаре, когда артиллерия противника взяла нас под такой огонь, что мы должны были залечь. В невыносимо быстрой последовательности разрывались гранаты вокруг нас, выбрасывая гигантские столбы черно-желтого дыма и пыли. Плотно прижатые к земле,

Дорога в лощину Ланарэ.

впервые за войну были мы вынуждены взять лопаты и поочередно подкапывать себя. Потери множились. Французская артиллерия стреляла с поразительной точностью и с исключительно высокой тратой боеприпасов. Нашей артиллерии не удалось достигнуть превосходства огня».

Немецкая артиллерия попрежнему не могла найти удобных наблюдательных пунктов. По сообщению командира 5-й батареи 28-го арт. полка кап. Бекер, Ланаре, лежащее в углублении, за высотами не было видно; пристрелке по колокольне мешал лес. Нехватало телефонного провода; передавать указания с наблюдательных пунктов приходилось через живую цепочку. Не было карты. Приходилось ограничиваться стрельбой по живым появляющимся впереди Ланаре целям.

«Когда темнота окутала пропитанное кровью поле боя 32-й пех. дивизии, огонь с обеих сторон смолк. 7 сентября был самым тяжелым днем с начала войны для войска, в особенности для пехоты дивизии. Французская артиллерия оказала действие, о каком не подозревали, и осталась неоспоримым победителем. Намеченное наступление всюду было задушено в зародыше, местами не смогли удержать даже исходных позиций» [1].

В 3 часа дня ген.-лейт. Планиц приказал всюду приостановить наступление, которое и без того было застопорено.

Весь вечер и ночь ушли на то, чтобы собрать части, обескровленные в этом тяжком бою; полного порядка не удалось достигнуть до самого утра.

г) Решение ген. Гаузена 7 сентября

7 сентября вечером командующий 3-й герм. армией ген. Гаузен должен был разрешить тяжелую задачу. Две его дивизии справа—32-я пех. (12-й арм. корпус) и 23-я рез. (12-й рез. корпус) — вели бой на линии Норме, Ланаре, Сомесу. Восточнее 23-я пех. дивизия (12-й арм. корпус) достигла района южнее Сомпюи (Sompuis), но здесь ее остановил артогонь противника; еще дальше к востоку 19-й арм. корпус сражается в упорном бою в районе Глан (Glannes), сохраняя связь с 8-м арм. корпусом 4-й армии. В тылу 24-я рез. дивизия (12-й рез. корпус), освободившаяся после падения Мобежа, спешит к фронту; вечером она достигла Марны в 25 км ниже Шалона.

Гаузену известно, что находящиеся восточнее его 4-я и 5-я армии ведут тяжелые бои, не будучи в состоянии преодолеть сопротивление противника. Перед правым крылом 4-й армии противник явно усиливается [2]. Соседняя армия справа (2-я) также подверглась нападению противника по всей линии. Ген. Бюлов требует активной поддержки на своем левом фланге. Из перехваченного и переданного главной квартирой приказа ген. Жоффра Гаузену известно, что удар приходится главным образом на западном крыле всего германского расположения. Враг атакует на западе и на востоке: где же в конце концов он ослабил свои силы? Очевидно, в центре, как раз против фронта 3-й армии. Следовательно, надо наступать именно здесь. Гаузен сообщает всем своим частям, справа и слева: «Я намерен завтра рано утром наступать», и обращается к Бюлову: «Я прошу подчинить 2-ю гв. дивизию (гвардейский корпус) командованию 12-го рез. корпуса с целью общего наступления с двумя моими дивизиями». К командующему 4-й армией герцогу Альбрехту: «Я прошу направить

---

[1] „Das Marnedrama“, 3[1], 122.

[2] Сюда действительно подошел 21-й французский корпус.

8-й арм. корпус в наступление совместно с моими 1½ корпусами» (т. е. 19-й арм. корп. и 23-я пех. дивизия). Гаузен получает согласие от обоих соседей. Это решение командования 3-й армии квалифицируется немецкими исследователями как «неслыханная отвага» [1]. Однако, сам Гаузен, приняв его, переживал некоторые сомнения. Причиной их явилась активность неприятельской артиллерии. Корпуса сообщали одно и то же: «Против подавляющего огня артиллерии противника невозможно наступать [2]; наша артиллерия не находит ее (т. е. артиллерию) и не может нам помочь». На полях Марнской битвы уже накоплялся тяжелый опыт, купленный кровью. Все более вырисовывалось лицо гигантского сражения: отнюдь не бескровная битва, как утверждают некоторые, а тяжелая кровавая борьба.

«Гигантская артиллерийская битва» [3] — в этой оценке Марнского сражения гораздо больше истины, чем во многих глубокомысленных оперативных анализах. На Урке артиллерия сковала маневр с обеих сторон. У Эстерней она парализовала атаку 9-го германского корпуса. Один день сражения (7 сентября) принес Гаузену тоже горькое поучение. Как наступать? Как «обмануть» артиллерию противника? Гаузену кажется, что рецепт найти не трудно: надо воспользоваться ночью, чтобы подвести пехоту возможно ближе к позициям врага, и на рассвете атаковать его. Этой идее — перехитрить суровую логику новой фазы войны — суждено было жить еще некоторое время в маневренном периоде войны, пока факты не разоблачили ее. В 23 ч. 15 м. Гаузен сообщает германскому главному командованию: «8 сентября в утренние сумерки я приказал всем войскам предпринять штыковую атаку [4]. Примыкающие фланги 2-й и 4-й армий наступают совместно».

Приказ ген. Гаузена был отдан 7 сентября в 17 час. и начинался следующими словами:

«Враг наступает на всем фронте перед германскими армиями. На правом германском крыле находятся превосходные силы французов. Противник не может быть поэтому сильным и превосходить нас на всем фронте. Только новое, энергичное наступление с фронта может выяснить положение противника, прорвать его фронт там, где он должен быть слабым, и парировать наступление превосходных сил противника на правом германском крыле. Чтобы в наибольшей степени избавить атаку пехоты от действия французской артиллерии, необходимо провести ее в утренние сумерки, достигнув штыковым ударом неприятельской артиллерии».

---

[1] Kabisch, 99.
[2] Разрядка наша.
[3] Kabisch, 88.
[4] Bajonett-Angriff. Разрядка наша.

Как видим, Гаузен задумал сочетать смелую тактику с широким оперативным размахом. Он не учел при этом одного фактора: **времени**, да и не мог, по правде сказать, учесть его, не располагая данными о ходе гигантского сражения в целом. **Прошло уже два дня** сражения, в течение которых произошли важнейшие события на правом крыле. **Наступление гвардии и саксонцев было задержано** на эти два дня. Не поздно ли задуман контрманевр ген. Гаузеном?

На командиров соединений, которым предстояло осуществить этот замысел, приказ командующего 3-й армией произвел сильнейшее впечатление. Ген. Плеттенберг лично явился в Шалон, чтобы выразить свои опасения; однако, Гаузен оставался тверд в своем намерении, согласившись лишь перенести начало атаки с 4 час. на 4 ч. 30 м. утра.

Ген.-лейт. Винклер пишет по поводу приказа:

«Я не могу отрицать, что я с тяжелым сердцем передал его дальше. Хотя я и приветствовал мужественное решение атаковать в утренние сумерки, что было единственным средством избежать тяжело воспринятого действия неприятельской артиллерии 6 и 7 сентября, но мне было ясно, что этот приказ означает также и истребление моей дивизии».

В 8 ч. 30 м. вечера ген. Кирхбах издал в Ватри приказ, согласно которому 32-я пех. дивизия должна была наступать через линию Ланаре—Васимон (оба включ.) до линии Ворфруа (Vaurefroy)—Монтепре (Montépreux) (оба исключ.); 23-я рез. дивизия — через линию Госимон (Haussimont)—Сомесу (включ.) до линии Монтепре (включ.)—западная окраина Майли (Mailly). Р. Сомм должна быть перейдена в 4 час. утра.

2-я гв. пех. дивизия, которая получила приказ в 11 ч. 45 м. вечера в Кламанже, должна была наступать, примыкая к 32-й пех. дивизии, левым флангом через Норме на середину Конантрай (Connantray).

1-я гв. пех. дивизия получила от командования 2-й армии приказ примкнуть к наступлению группы Кирхбаха. Начало наступления ген. Плеттенберг назначил первоначально на 4 ч. 15 м.

д) Фер-Шампенуаз — 8 сентября

(Схема 14)

Согласно приказа ген.-лейт. Винклера в 1 ч. 30 м. ночи, 3-я гв. пех. бригада (полки Александра и Елизаветы) и находящийся впереди батальон Франца тотчас же переходят Сомму и выстраиваются для атаки южнее ручья. Наступление назначалось в 4 часа утра — правым крылом на Фер-Шампенуаз, левым—на Конантрей. Два другие батальона Франца и соединенные роты Августы следуют во вто-

рой линии справа и слева от шоссе Вильсене—Норме—Фер-Шампенуаз. Артиллерия частью должна быть готова следовать за пехотой, по мере ее продвижения, частью же вести огонь с позиции севернее Соммы.

Участники следующим образом высказываются о впечатлении, произведенном полученным приказом:

«3 ч. 20 м. утра. Нас будят: офицеры к майору. «Господа! Чтобы избежать действия неприятельской артиллерии, отдан приказ о всеобщей штыковой атаке (allgemeiner Bajonettangriff). Всякое сопротивление разбивать без рассуждения. Ни одного патрона в стволе, примкнуть штыки, музыканты впереди рот. Я желаю батальону большого успеха». Мои мысли: «Приготовься к смерти». Но для размышлений нет времени. Люди подняты, вещи застегнуты, роты собраны и приведены в готовность» (лейт. Фибан, 5-я р. Александра).

Части получают приказ, поспешно отпечатанный на нескольких листах; при свете карманного фонаря трудно разобрать спутывающиеся строки. Направление атаки, местоположение противника—все это неясно: «Наступать. Направление на месяц, стоящий глубоко на юго-западе». Затворы у винтовок вынуты.

Без помехи со стороны французов полки Александра, Франца и Елизаветы заняли свои исходные позиции. Но, вследствие неодновременного получения приказа и некоторых задержек, части выступили в разное время, из-за чего связь между ними была потеряна и сомкнутого наступления не получилось.

Непосредственно восточнее Экюри наступал полк Александра через лес, к югу от дороги Экюри—Норме.

Сначала все было тихо. Но затем начинается бешеная ружейная трескотня. Роты бросаются вперед с криком «ура!» Крик этот отдается далеко к востоку: 2 корпуса сомкнуто наступают рядом друг с другом.

Пройдена первая линия окопов. Французская артиллерия все еще молчит. Передовые части уже натыкаются на сомкнутые соединения противника, который обращается в бегство.

На широкой поперечной прогалине — небольшая пауза. Уже совсем светло. Заряжают винтовки. Наконец, редеет лес, и первые линии выходят на опушку: французы бегут, атакующие за ними, нет времени стрелять. Но вот раздаются первые выстрелы французской артиллерии, которая бьет в это скопище своих и чужих со все нарастающей силой. Немецкая артиллерия осталась позади и молчит. Продвигаясь дальше, части полка Александра достигают железнодорожной насыпи, вдоль которой и располагаются, обстреливая группы беспорядочно отходящего противника. Справа и слева атака соседей отстала. Полк первым продвинулся на 2,5 км в глубь расположения противника. «Только одного не удалось достигнуть: захвата фран-

цузских батарей; неприятельская артиллерия ускользнула». Дальше без артиллерийской поддержки продвигаться невозможно. Только позднее начинают подтягиваться свои батареи, и около 11 час. три из них открыли огонь; но неприятельской пехоты уже не видно. Французская артиллерия ведет огонь по насыпи, причиняя значительные потери.

Через четверть часа, в 4 ч. 15. м. утра, начал свою атаку 2-й батальон Франца. Уже через 15 мин. 6-я рота наткнулась на французов, которые открыли сильный огонь. Со штыками наперевес, под звуки труб, бой барабанов и крики «ура!» бросилась вперед 6-я рота; 2 пулемета сопровождали атаку. Противник смят, 100 пленных. Только тогда люди заряжают винтовки. Командир 6-й роты кап. Розенберг рассказывает, что единственный раз за войну ему пришлось шашкой разрубить голову французу. 5-й роте противник оказал ожесточенное сопротивление, но также был сбит. Первый удар 2-го батальона Франца прошел, таким образом, вполне удачно. Но дальше противник стал оказывать возрастающее сопротивление, хотя полк Александра был уже далеко впереди: видимо, атака этого полка предупредила французов, и они несколько оправились. 7-я рота напоролась вскоре на засаду и была встречена уничтожающими залпами. В несколько мгновений рота потеряла 3 командиров взвода, 4 унтерофицеров и 27 гренадер убитыми, 3 унтерофицеров и 34 гренадер ранеными. Люди с незаряженными еще винтовками бросились назад за прикрытие. Только после этого тяжелого урока командир батальона приказал зарядить винтовки. Продолжая продвижение вперед, роты 2-го батальона Франца перешли железную дорогу и вышли около 7 ч. 30 м. утра на шоссе Фер-Шампенуаз—Норме, где и остановились. Беспорядочные группы противника отступали к Фер-Шампенуазу. Однако, французская артиллерия начала обстреливать и этот участок.

Левей через Норме и восточнее наступали с 4 ч. 45 м. остальные части 2-й гв. пех. дивизии. Они встретили несравненно более серьезное сопротивление противника. В лесу разгорелся ожесточенный кровавый бой. В особенности крепко оборонялись французы вдоль шоссе Фер-Шампенуаз—Норме, которое находилось под обстрелом французской артиллерии. Здесь несколько линий окопов следовали одна за другой, были устроены засеки, проволочные заграждения, засады для фланкирующего обстрела; в лесу восточнее дороги противник также оказывал сильнейшее противодействие.

Единое руководство боем было, естественно, невозможно; все зависело от инициативы унтерофицеров, которые впрочем показали себя с лучшей стороны. В лесу и кустарнике сражались врукопашную группами в 5—10 чел. Потери атакующих частей были громадны, в особенности в отношении офицерского состава. Три роты F батальона Франца остались к концу боя без единого офицера: «Потери

в командирах были исключительно велики». При атаке части совершенно перемешались; оставшиеся в живых офицеры и унтерофицеры собирали вокруг себя людей, невзирая на то, к какой части они принадлежат, и бросались снова в бой. В тылу у наступающих оказывались целые соединения французов, которые открывали внезапно огонь с тыла, с боем пробиваясь к своим. К середине дня, подорвав сопротивление противника на железнодорожной насыпи, части 2-й гв. пех. дивизии, наступая через лес, вышли на линию вдоль по течению ручья Вор (Vaure).

Французы бежали к Фер-Шампенуазу; потери их были потрясающи: «как красный мак», острили гренадеры, выглядит все поле сражения до железнодорожной насыпи, так густо усеяно оно было трупами в красных штанах.

Немецкая артиллерия и в этом бою не оказала существенной помощи своей пехоте. Причина, главным образом, заключалась в неизвестности, где собственно находилась в данный момент передовая линия атаки; как только батареи открывали огонь по предполагаемому противнику, раздавался сигнал: «das Ganze halt» (прекратить стрельбу)—оказывается, артиллерия била по своим.

Наступление 1-й гв. пех. дивизии во многом носило те же самые черты, что и наступление 2-й. Таким же порядком состоялось выступление на рассвете; затворы от винтовок были спрятаны в хлебных мешках. Те же штыковые атаки и тяжелые потери под огнем противника. 8-я рота 1-го гв. полка попала сначала под пулеметный огонь. «Я вижу, как люди падают, словно скошенные», рассказывает Бешвиц, командир роты. Затем, вступив в небольшой лесок, она попадает под огонь артиллерии, «Это был настоящий лесок смерти». Полк, уже в августе потерявший 1 600 чел., понес новые потери, в особенности в офицерах. Следует, однако, отметить то обстоятельство, что, благодаря внезапности атаки и быстроте продвижения, 2-му гв. полку удалось захватить 2 неприятельских батареи. Здесь в использовании артиллерии были те же недочеты: вся тяжесть атаки легла на плечи пехоты.

Между 10 и 10 ч. 30 м. частям 1-й дивизии удалось продвинуться значительно вперед западнее железной дороги Колиньи—Фер-Шампенуаз. Передовые части вплотную подошли к Фер-Шампенуазу, заняв вокзал.

Только с 13 ч. 30 м. стала подтягиваться артиллерия в район выс. 166, открыв огонь по Фер-Шампенуазу и подступам к нему. Единого руководства ею в смысле поддержки пехотной атаки попрежнему не было.

Около полудня 2-я гв. пех. дивизия снова была передана (из группы Кирбаха) в подчинение командиру гвардейского корпуса ген. Плеттенбергу, который, в соответствии с указаниями командо-

вания 2-й армии, дал обеим дивизиям юго-западное направление атаки: 1-й гв. дивизии на Лент (Linthes) и 2-й через Фер-Шампенуаз на Плер (Pleurs). Атака 1-й гв. дивизии в этот день, однако, уже не состоялась, вследствие утомления частей и, главное, неподготовленности артиллерии к ее поддержке.

Части 2-й гв. дивизии, возобновив продвижение во второй половине дня, без боя овладели Фер-Шампенуазом. Измученные, изголодавшиеся, обескровленные части гвардии расположились вокруг этого местечка. До поздней ночи продолжались мелкие стычки с блуждающими отрядами противника. Пошел дождь, который усилил страдания

Окрестности Фер-Шампенуаза. Могилы павших в бою

бесчисленных раненых, разбросанных на полях и в лесу, подобрать которых не было никакой физической возможности.

Остается несколько слов добавить об атаковавшей левее 32-й дивизии, подробное описание боя которой выходит из рамок нашей работы. После ожесточенного штыкового боя саксонцам удалось овладеть Ланаре и продвинуться до железнодорожной насыпи. Однако, дальнейшее наступление приказом дивизии было приостановлено указанием ждать продвижения 23-й рез. дивизии.

О потерях за 3 дня сражения (с 6 по 8 сентября) в частях на фронте 32-й дивизии дает представление следующая табличка:

177-й пех. полк — 20 офиц., 592 унтерофицеров и солдат.
178-й пех. полк — 20 офиц., 518 унтерофицеров и солдат.
2-й батальон Августы — 11 офиц., 205 унтерофицеров и солдат.

Чтобы получить достаточно беспристрастную картину боя, приведем свидетельство и другой стороны. Фош пишет в своих воспоминаниях [1]:

«8-го, до рассвета, 11-й корпус подвергся одной из самых ожесточенных атак. Воспользовавшись ночью, чтобы приблизиться к нашим линиям, не подвергаясь огню нашей артиллерии, противник построил свои массы для атаки в нескольких сотнях метров от нашей пехоты и внезапно, в 4 ч. 30 м., еще ночью, без артиллерийской подготовки, направил их к югу от Морен-Ле-Пти и Экюри-Ле-Репо. 21-я дивизия, на левом крыле нашего 11-го арм. корпуса, отхлынула на Фер-Шампенуаз, вовлекая в свое беспорядочное движение часть 52-й рез. дивизии и часть 18-й див. 22-я дивизия в свою очередь потеряла свои позиции в районе Ланаре».

По другим французским источникам [2]: «Несмотря на героизм и бешеное сопротивление, о чем свидетельствовали потом груды трупов, найденных на линии защиты, 21-я и 22-я дивизии были опрокинуты и в беспорядке отхлынули назад, вовлекая части 35-й бригады (18-я дивизия)».

Итак, план Гаузена осуществился, хитрость его имела успех, ему удалось «обмануть» неприятельскую артиллерию. Победа была полная. Но как удивлен был бы командующий 3-й армии, если бы ему сказали, что эта победа была одной из важнейших причин германского поражения на Марне! Об этом ген. Гаузен узнал только позднее.

е) Единственная идея ген. Мольтке. Прорыв союзного центра

Известно, что германское главное командование в ходе Марнского сражения не дало никаких директив своим армиям. Они сражались каждая на свой риск и страх. Однако, накануне сражения, одновременно с приказом ген. Жоффра, Мольтке дал директиву германским армиям, которую, при известном желании и воображении, можно положить в основу их действий в Марнском сражении.

Согласно этой директиве, как уже сказано выше, 1-я и 2-я армии должны были стать фронтом к Парижу, 4-я и 5-я армии должны были наступать в юго-восточном направлении, чтобы этим открыть 6-й армии переход через Мозель между Тулем и Эпиналем. И, наконец, 3-й армии предстояло продвинуться далеко к югу в направлении Труа (Troyes)—Вандевр (Vandeuvre). «В этом находит себе ясное выражение намерение главного командования достигнуть прорыва в центре» [3].

Такой вывод, сколько он ни натянут, все же снимает по видимости с германского главного командования обвинение в чудовищной пас-

---

[1] Foch, I, 114.
[2] Palat, VI, 266.
[3] „Der grosse Krieg“, 258.

сивности во время сражения, решившего судьбу всей кампании. Однако, ближайшее рассмотрение этой директивы указывает на нелепость всего этого предприятия. Если германское главное командование и в самом деле придавало решающее значение прорыву центра союзного расположения, то на кого возлагалась эта центральная задача: на армию, которая имела всего лишь два активных и один резервный корпус! В довершение всего эта «ударная группа» (Stossgruppe), вместо того чтобы проникнуть в разрыв между 9-й и 4-й французскими армиями от Майли (Mailly) до Сомпюи (Sompuis), разделяет свои силы на две части, направляя их на фланги соседей; в конце концов в распоряжении командующего 3-й армией остается одна резервная дивизия! Наш вывод о том, что пехотные атаки в Марнском сражении всюду были остановлены артиллерией, получает еще одно крепкое доказательство. Возрастающее могущество артиллерийского огня — вот что обнаружилось в боях прусской гвардии 6—8 сентября. Победа была одержана ею благодаря смелой и хитрой уловке, посредством которой удалось обмануть артиллерию. Но кому же не ясно было, что такая уловка может удаться раз, другой — не больше, что обретенная на миг тактическая внезапность будет утеряна вновь.

Против артиллерии оказалось бессильным и беспомощным лучшее германское войско — отборная гвардия. Победа ее 8 сентября была поистине пирровой победой. Ценой неслыханных кровавых потерь продвижение в несколько километров — это уже позиционная норма! Противник разбит, но преследовать его нет сил, и завтра он будет драться уже на новых позициях. Блестящий тактический успех как будто открывал двери сильным надеждам на большую победу в стратегическом масштабе. Но безжалостно выступала на первый план прежняя проблема темпов. Французская артиллерия задержала гвардию на 2 дня; 8 сентября гвардия прошла всего несколько километров, купленных потоками крови. При таких темпах дело не обещало быстрой развязки. А она уже назрела на другом участке Марнской битвы.

В Марнской битве прусская гвардия была обескровлена; в сущности только жалкие остатки блестящих полков стали на ночной бивуак у Фер-Шампенуаза. Эпоха лихих «дел» шашкой и штыком канула в безвозвратное прошлое! [1]

[1] В современной немецкой прессе некоторые исследователи стремятся дать объективную критику этой попытки „прорыва“ центра союзного расположения в Марнской битве. Автор одной из таких статей указывает, что Мольтке, преследовавший с начала кампании не один, а два плана (охват правым крылом и разгром французских сил в Лотарингии), 4 сентября вынужден признать крах обоих планов и предпринимает новый „прорыв неприятельского фронта“. Однако, силы германского войска, благодаря предшествовавшим боям и напряженному маршу, сократились до 50% и больше. Попытка прорыва 3-й армией была

2. 2-я ГЕРМАНСКАЯ АРМИЯ ПОД ДЕЙСТВИЕМ ЦЕНТРОБЕЖНЫХ СИЛ

(Схемы 7, 8 и 15)

Если традиция выставляет ген. Клука как носителя идеи маневра, то ген. Бюлова она изображает как провозвестника новых форм ведения сражения нескольких армий в сомкнутом строю. Рейхсархив говорит о стремлении Бюлова побудить 1-ю германскую армию примкнуть к его правому флангу: этим «было бы достигнуто тесное смыкание (der enge Zusammenschluss), которое он всегда проповедывал» [1]. Такова была «idée fixe» ген. Бюлова [2]; «он всегда был большим приверженцем сомкнутого действия (Zusammenhalten) всех войск. «Плечом к плечу!»—это было для него первой предпосылкой для победоносного боя» [3].

Но все это легенда. Если Бюлов требовал, чтобы соседи потесней примыкали к нему, это только потому, что он хотел, чтобы победа приписана была его армии, а не какой-либо другой! «Мне нужна поддержка — обращался он к соседям, — вы должны мне помочь» [4]. Пользуясь в мирное время славой как выдающийся генерал и расцениваемый Мольтке как крупнейший военный авторитет, он считал свои идеи не подлежащими оспариванию и с крайним пренебрежением взирал на замыслы своих соседей. Он не стеснялся сводить личные счеты с неугодными ему командирами. Так, ген. Эммих, командир 10-го корпуса, с которым у него было столкновение еще до войны, получил жестокий выговор после битвы при Сен-Кантене [5].

В особенности неодобрительно смотрел ген. Бюлов на инициативу, которую проявлял ген. Клук, освободившийся наконец-таки из-под его опеки.

Но в действительности ген. Бюлов по своим воззрениям и образу действия полностью принадлежал к той же категории военачальников, что и Клук. Огульное наступление, без учета особенностей ситуации и новых условий войны,—это было подлинной «idée fixe» Бюлова, как и подавляющего большинства немецких генералов. Марнская битва целиком подтверждает такую оценку.

осуждена на неудачу. „Широко распространенное в невоенных кругах мнение о том что тогда могла быть вполне одержана большая победа, рушится при беспристрастном исследовании". Хотя частям, действовавшим на левом крыле 2-й армии, и удалось достигнуть успеха, „отсутствовала сильная немецкая кавалерия" для его использования. Автор, считает, что победы не удалось бы достигнуть и на правом фланге (1-я армия), если бы битва не была прервана („Deutscher Durchbruchsversuch in der Marneschlacht", von Schach, „Deutsche Wehr", 1935. № 24).

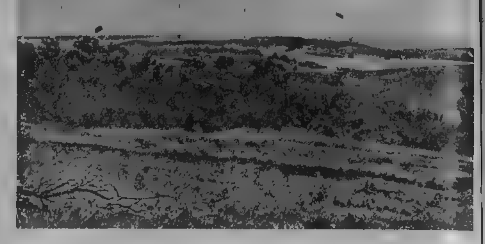
[1] „Der Weltkrieg", IV, 75.

[2] Lautemann, 96.

[3] Kabisch, 78.

[4] Там же, 132.

[5] Bircher, «Marnekriese.»

Панорама Сен-Гондских болот

В самом деле, в действиях Бюлова в критические дни 5—9 сентября можно найти лишь одну последовательность: наступать во что бы то ни стало и вопреки всему. Все остальное — легенда, сложенная впоследствии, чтобы как-нибудь оправдать неудачливого генерала.

По директиве германского главного командования от 4 сентября 2-я армия должна была встать фронтом к Парижу, между Марной и Сеной, удерживая переправы на Сене от Ножан до Мери (Méry) 1-я армия должна была примкнуть к ее правому флангу, от Марны до Уазы. Быть может, в этом приказе можно почерпнуть руководящую нить для объяснения действий ген. Бюлова?

Легенда сообщает нам о следующем диалоге. В 13 час. 5 сентября представитель штаба 1-й германской армии кап. Бюрман (Bührmann) явился к Бюлову: «Я имею поручение передать вам мнение его превосходительства Клука. 1-я армия должна прежде всего отбросить три английские дивизии, которые стоят непосредственно перед нами. Иначе мы не сможем отойти. Лучше всего было бы продолжить преследование до Сены. Если мы прочно завоюем на ней отрезок к югу, можно будет осуществить марш отхода, которого требует приказ Мольтке». Таково безрассудство смелых, не видящих угрозы их тылу. А вот мудрая рассудительность осторожности: «Вы слишком слабы со стороны Парижа», отвечает командующий 2-й армии. «Мы будем 5 и 6 сентября следовать дальше к Сене с постепенным захождением направо, чтобы овладеть, как приказывает Мольтке, мостами через Сену, однако, для вас дело будет становиться с каждым часом хуже». Как только кап. Бюрман уехал, пришло следующее сообщение от авиаразведки 2-й армии: «Мое впечатление: противник перебрасывает войска перед фронтом 2-й армии на запад» (это было передвижение 4-го французского корпуса к Парижу). Бюлов доносит в главную квартиру: «Кажется, противник не хочет принять решительный бой перед фронтом; напротив, он собирает, видимо, все силы, какими еще располагает в районе Парижа и севернее, для мощного удара против правого фланга нашего войска».

Это последнее донесение является документом; все же разговоры, которые велись представителями командования во время Марнской битвы, нельзя принимать на веру, так как записи их субъективны, тенденциозны и, возможно, подправлены впоследствии. Если судить по тому, что только что изложено, Бюлов 5 сентября давал себе полный и ясный отчет в обстановке. Следующая запись дает представление о том, что у него также был вполне твердый план действий. При вторичном посещении кап. Бюрмана в тот же день ген. Бюлов будто бы сказал:

«Мы ожидаем сильного сопротивления на Сене и одновременно сильного нападения со стороны Парижа против 1-й армии. Своим центром и левым крылом мы будем сегодня и завтра вести энергичное преследование до Сены, но правое крыло удержим позади, чтобы таким образом уже начать захождение к Парижу. 6 сентября мы будем проводить это захождение. Обратите внимание его превосходи-

тельства Клука, при вашем докладе, на то, что 1-я армия должна прикрывать правый фланг всего войска со стороны Парижа, однако, при этом не должно возникнуть никакой бреши (keine Lücke) между ним и нами. Скажите ему, я считаю его положение неблагоприятным. В Париже собирается гроза, и англичане будут, вероятно, также снова продвигаться вперед».

Посмотрим, с точки зрения этой гипотезы, по которой предусмотрительность Бюлова доходила вплоть до заботы о прикрытии бреши между 1-й и 2-й армиями, на ход действительных событий.

Можно предположить, что утром 6 сентября ген. Бюлов твердо придерживался своего плана действий. Правофланговый 7-й германский корпус задерживается у Артонж (Artonges), севернее Монмирайля. 10-й рез. корпус выходит в район Монмирайль—Ле-Голь, и вся армия совершает захождение левым крылом вокруг Монмирайля через Морен-Ле-Пти. Предполагается, что 1-я армия восточным крылом отойдет за М. Морен и Марну, во исполнение приказа германского главного командования. Но этому ли маневру захождения левым плечом придает Бюлов преимущественное значение в ходе борьбы 6 сентября? Нет, главное, чем он увлечен, это преследование противника, которого он считает разбитым. В полдень 6 сентября им отдается следующий приказ:

«Севернее Сены находятся только прикрытия противника. Требуются безоглядная (rücksichtslose) энергия и преследование для уничтожения этих сил и разрушения переправ в долине Сены. Соответственно с этим — дальнейшее преследование».

Преследование «без оглядки»—такова действительная идея, а вернее, страсть, которая руководила командованием 2-й армии 6 сентября. В самом деле, достаточно было войскам натолкнуться на серьезное сопротивление противника, который считался уже разбитым, чтобы все умные схемы и построения рассудительного генерала полетели к чорту. Он бросает в бой без оглядки и без удержу все свои силы.

Если Бюлов действительно рассчитывал на то, что 1-я армия должна была примкнуть к его правому флангу у Марны, то почему он так легко и радостно соглашается на оставление 3-го и 9-го корпусов у Эстерней? 10-й рез. корпус развертывается в боевом порядке южнее Монмирайля, а чтобы установить связь между ним и 9-м корпусом, сюда спешит 13-я пех. дивизия из 7-го корпуса. На 7 сентября Бюлов приказывает фронту, образовавшемуся из 3-го, 9-го, 7-го и 10-го рез. корпусов, продолжать решительное наступление на юг.

Следовательно, мудрый стратегический план ген. Бюлова оказался при первом же соприкосновении с действительностью пустой болтовней. В пылу сражения, мечтая о лаврах, Бюлов забывает сразу же и о приказе германского главного командования, и о Париже, и о 1-й германской армии. Как может быть теперь заполнена брешь

между Эстернеем и Урком? Куда отходить трем корпусам 1-й армии, сражающимся на Урке?

Левое крыло 2-й армии, исходя из указанной гипотезы, должно было совершить захождение левым плечом. И здесь с полной очевидностью выступает плацпарадная стратегия и тактика германских генералов, живших опытом 1870/71 г. В самом деле, если уж такой маневр задуман, не мешало бы подумать, где и как он происходит. Простой взгляд на карту показывает, что если даже противник оставит слабые отряды на северном берегу Сены, продвижение по такой местности будет невозможно совершить в течение 1—

Панорама высоты Пуарье и леса Ботре

2 дней. Восточнее Шарлевиля берега М. Морена покрыты густым, почти непроходимым для крупных войсковых частей лесом. Далее к востоку тянутся непроходимые Сен-Гондские болота. Южнее их гористая местность образует преграду, которую легко оборонять. Движение по всей этой местности возможно лишь по дорогам. Но что если противник блокирует их даже небольшими силами?

10-й арм. корпус имел на 6 сентября задачу продолжать преследование. Был выделен даже летучий отряд из дивизионной кавалерии, велосипедистов и артиллерии, который должен был быстро выдвинуться в долину Сены. Но в действительности при первых попытках продвинуться вперед корпус наткнулся на ожесточенное сопротивление (42-я дивизия армии Фоша). 19-я дивизия у Корфеликс (Corfe-

lix) и Ле-Реклю (Le Reclus) переправилась через М. Морен, но здесь попала в трудно проходимую лесную зону, где и застряла.

74-й пех. полк 6 сентября вел атаку по ту сторону реки М. Морен, восточнее Суази (Soizy aux Bois).

Здесь лес Ботре (Bois de Botrait) ниспадает круто к М. Морену по склону выс. 50—60 м. Плотный кустарник был почти непроходим и к тому же переплетен зарослью дикой ежевики. В этом непроницаемом сплетении бойцы взбирались на крутую гору, с тяжелыми ранцами, при жгучей жаре. Лишь только 3-я рота достигла вершины, как попала, по свидетельству участников, «под неприятельский артиллерийский огонь невиданной силы».

Деревня Вильнев-Ле-Шарлевиль (Villeneuve les Charleville) переходила из рук в руки. Наконец, во второй половине дня немецкая пехота, при поддержке мощного артиллерийского огня, овладела ею и удержала за собою до конца дня. В результате неимоверно тяжелых боев, в которых обе стороны понесли большие потери, 10-му корпусу удалось подвинуться всего на каких-либо 4 км к югу от М. Морена.

Восточнее 20-я пех. дивизия и прусская гвардия остановились перед Сен-Гондскими болотами, через которые вели только несколько узких дорог и форсировать которые можно было только с одновременным охватом с востока.

Этим и кончился маневр захождения левым плечом 2-й армии 6 сентября. Как и в случае с Клуком, оказалось, что подобные перестроения для армии в новых условиях ведения войны—дело несколько потруднее, чем повороты батальона.

6 сентября Бюлов еще мог пребывать в царстве сладких иллюзий, считая, что французы уже очистили правый берег Сены. Конец этого тяжелого дня должен был поколебать его безмятежную уверенность. На другой день, 7-го, после того как приказ Жоффра стал известен, жестокая действительность выступила во всей своей неприглядной наготе. Силы гигантского сражения начинают оказывать свое непреодолимое действие. 3-й и 9-й германские корпуса уходят с правого фланга 2-й армии к северу. Мечты о блестящем успехе на Сене развеяны впрах. С негодованием и злобой узнает Бюлов о новом сумасбродстве неистового Клука. Этим известием он «полностью выбит из состояния равновесия» [1]. Как пишет сам Бюлов в воспоминаниях, только теперь ему стало ясным, «что 1-я армия своими 2-м, 4-м и 4-м рез. корпусами ведет контрнаступление против врага через Урк» [2]. Это решение командования 1-й армии он считает тяжелой ошибкой, так как «только примыкание 1-й армии к правому флангу 2-й у Шато-Тьери могло бы образовать фронт, которого он

---

[1] Kabisch, 98.
[2] Bülow, 56.

(противник) не мог бы ни прорвать, ни обойти»[1]. Бюлов высказывает убеждение, что если бы даже 1-я армия имела успех в своих действиях против Монури, она все равно не смогла бы использовать его, упершись в укрепления Парижа. Сказано очень хорошо, но все это является несомненно позднейшим вуалированием действительного поведения ген. Бюлова в эти критические дни. Что дало бы отступление 1-й армии к Шато-Тьери, если Бюлов стянул все свои силы к югу и оголил таким образом Марну, к которой ведь, по директиве германского главного командования, должен был примкнуть его правый фланг. Не ясно ли, что забота о примыкании друг к другу флангов обеих армий возникла у него только тогда, когда он убедился в неверности своего первоначального намерения разгромить французов на Сене. Совершенно очевидно, что Бюлов не имел никакого отчетливого представления об общей обстановке, что он не понимал значения боев на Урке, в которые Клук был вовлечен далеко не по своей вине.

Итак, день 6 сентября пропал даром для командования 2-й армии. Преследование кончилось безрезультатно, а для выправления общей оперативной ситуации ничего не было сделано. Мало того, командующий 2-й армии снял с Марны последние прикрытия и тем во много раз обострил угрозу проникновения сил противника в свой тыл, хотя опасность со стороны Парижа ясно сигнализировалась в директиве германского главного командования и в его собственных донесениях главной квартире.

Но допустим, что ошибки, сделанные командованием 2-й армии 6 сентября, должны быть отнесены за счет запутанности и неясности обстановки, так как неизвестность — неизбежный спутник войны. Какие меры должен был принять ген. Бюлов 7 сентября, когда он знал уже об общем наступлении союзников (сообщение германского главного командования было получено в штабе 2-й армии в 7 час. утра), о тяжелом положении Клука на Урке, об угрозе перехода союзников через Марну в брешь, открывшуюся в расположении 1-й германской армии? Совершенно очевидно, что первым и главным решением должно быть — отказаться от ложной идеи преследования противника, который сам перешел в наступление. Если Клук оказался прикованным к Урку, то 2-я армия должна была сохранить за собой свободу маневрирования. Другой вопрос, как использовать эту свободу. Здесь могли быть приняты различные решения. Самое простое из них — отказавшись от перехода Сен-Гондских болот, закрепиться на их северной окраине и сдвинуться вправо, занять своими корпусами линию М. Морена, правым флангом упираясь к Марне у Ла-Ферте-су-Жуар. Тогда гвардейский корпус вместе с 3-й армией удерживал бы армию Фоша, мало способную к наступлению. Три других корпуса 2-й армии и, допустим, один из состава 1-й сдержали бы

[1] Bülow, 56.

Панорама Сен-Гондских болот

наступление 6 приблизительно корпусов союзников. Само собой разумеется, что германское главное командование должно было одновременно принять меры к немедленной передвижке сил на запад, например из 3-й или 4-й армий. Словом, ген. Бюлов должен был серьезно оценить общую обстановку, которая ему была известна, прекратить наступление и перейти к обороне, перегруппировавшись к правому флангу.

Но все дело в том, что ген. Бюлов вовсе не думает отказываться от своей авантюры на левом крыле. 7 сентября 10-й германский корпус продолжает свое упорное вгрызание в лес южнее М. Морена. Здесь «ганноверцы ведут чисто индейскую войну». В густом лесу им приходится прорубать топором дорогу. То там, то здесь возникают бои с отдельными группами противника. Части были измучены и напрягали свои силы до последней крайности. Однако, наступление продвигается вперед. Французская пехота уже в послеобеденные часы отошла в район Мондемана (Mondement), артиллерийский огонь стихает. Путь к ключу позиции Фоша, казалось, свободен. К ночи 19-я дивизия выходит на линию Вильнев-Ле-Шарлевиль — Монтиживру (Montigivroux). 20-я дивизия и гвардейский корпус вели в этот день безуспешную борьбу за переходы через Сен-Гондские болота.

Застряв своим левым крылом в лесу и болотах, Бюлов все же крайне обеспокоен общим положением. Соглашаясь отпустить 3-й корпус, он настаивает, чтобы по крайней мере 9-й остался позади р. Долло (Dollau). Но и это не удается. Положение на правом фланге 2-й армии становится крайне опасным. 10-й рез. корпус отводится к Монмирайлю. Севернее остается лишь одна 13-я дивизия, которая располагается уступами от Фонтенель (Fontenelle) до Монмирайля. Командующий 7-м корпусом ген. Эйнем крайне озабочен положением своей дивизии, которой угрожают несколько корпусов противника, проникающих в марнскую брешь. К тому же собственно 13-я дивизия состоит всего из одной бригады, так как другая осталась у Мобежа. Что касается 14-й дивизии, то ее удерживает в своем распоряжении ген. Бюлов. Ген. Эйнем отправляется к командующему армией и высказывает ему свои опасения: «Безусловно необходимо, чтобы мой корпус завтра стоял в боевой готовности, чтобы отразить неприятельский прорыв между 1-й и 2-й армиями. Я должен получить обратно 14-ю дивизию. Тогда, в соединении с обоими кавалерийскими корпусами, дело пойдет». «Вы должны получить обратно вашу дивизию», отвечает Бюлов, — и успокоенный ген. Эйнем уезжает обратно. Но командующий 2-й армией имеет совсем другие виды на 14-ю дивизию и в тот же день перебрасывает ее на левый фланг, между 10-м и гвардейским корпусами, против Сен-Гондских болот. Однако, позиция 10-го корпуса — в лесах на другом берегу М. Морена — представляется Бюлову слишком рискованной, и он приказывает 19-й дивизии в ночь с 7-го на 8 сентября отойти на северный берег реки.

Итак, еще один день пропал даром. Атака левого крыла попрежнему не дала никакого результата, а между тем поло-

жение на Марне стало исключительно опасным. Откажется ли командование 2-й армии 8 сентября продолжать наступление левым крылом, чтобы принять какие-то меры для ликвидации этой опасности? Как раз наоборот, именно 8 сентября предпринимается «утренняя атака» против Фоша, о которой сказано выше. 14-я дивизия форсирует Сен-Гондские болота. Почти непрерывно идет она 7 сентября к новому пункту своего расположения и ночью приходит в Жош (Joches) на северном берегу Сен-Гондских болот. 8 сентября начинается тяжелая атака. Пехота кое-как перебирается по узкой гати, за ней должна следовать артиллерия. Перебросить орудия по гати почти в 1 км длиной под огнем противника и перед лицом неприятельской пехоты и пулеметов — предприятие крайне рискованное. Малейшего уклонения в сторону достаточно, чтобы кони и орудия безнадежно завязли в болоте, а падение одной запряжки на дороге означает остановку всех следующих за ней. Об отступлении не может быть и речи. Тем не менее операция протекает благополучно. 14-я дивизия утверждается на южном берегу Сен-Гондских болот. Тогда и 10-му корпусу снова приходится перейти в наступление, чтобы вернуть оставленное раньше пространство, но теперь его продвижение совершается с еще большим трудом.

Но увязывает ли в конце концов как-нибудь командующий 2-й армией свои действия на левом и правом флангах?

Некоторый свет на это обстоятельство бросает его обращение к Кирхбаху в середине дня 8 сентября: «Так как 2-я армия должна вести тяжелые бои против сильно превосходящих сил противника, ген. Кирхбаху следует направить свое наступление возможно больше к западу, чтобы таким образом облегчить положение п р а в о г о крыла 2-й армии». Ген. Кирхбах возвращает тогда 2-ю гв. дивизию ее командованию, а сам продолжает с двумя дивизиями наступать на юг.

Итак, теперь Бюлов смотрит на наступление своим левым крылом, как на средство — ударом с запада заставить французов прекратить свое продвижение в марнскую брешь. С к о л ь к о в р е м е н и требуется, однако, для такого маневра, если даже признать достаточными те силы, которыми располагает Бюлов (а их, конечно, совершенно недостаточно). Требуется преодолеть трудно доступную и гористую местность в центре Шампани и затем вести борьбу с превосходящими силами 5-й французской армии. Бюлов вскоре убеждается, что он снова во власти несбыточных мечтаний, ибо положение на правом крыле, видимо, не оставляет уже н и к а к о г о в р е м е н и в его распоряжении. 8 сентября 2 французские дивизии уже наступают на 13-ю. Они проникают ей в тыл. Начальник штаба 7-го германского корпуса звонит в штаб армии: «Французы прорвались на фронте 13-й дивизии, бригада Унру отступает. Ген. Эйнем предлагает отвести правое крыло назад». Ген. Бюлов дает согласие, так как «у нас нет больше резервов». Отдается приказ: «13-я пех. дивизия отходит по-

зади р. Вердонель (Verdonelle; впадает в Марну в 10 км восточнее Шато-Тьери), 10-й рез. корпус примыкает к ней». К ночи правое крыло 2-й армии располагается на фронте Марньи — Ле-Туль. Марнская брешь увеличилась еще на 15 км. Положение стало явно безнадежным и пессимизм Бюлова вполне основательным.

Если он не отдал уже 8 сентября приказа об отступлении его армии к Марне, то только потому, что считал возможным еще один выход из положения: 1-я армия должна отступать на восток, примкнув к правому флангу 2-й, примерно, на линии Шато-Тьери — Ля-Ферте-Милон. По его мнению, 1-я армия в этом случае смогла бы противодействовать попыткам обхода или прорыва ее фронта. Разумеется, такое предположение остается крайне сомнительным, так как 6-я французская армия немедленно предприняла бы новую попытку охвата правого фланга. Но во всяком случае этого примыкания 1-й армии не произошло в действительности.

2-я армия оказалась в течение 3 дней — 6, 7 и 8 сентября — скованной, как и 1-я. Но если эта последняя действительно потеряла свободу маневра, в силу внезапного удара со стороны Парижа, то командующий 2-й армией добровольно отказался от инициативы. Он сам себя пригвоздил к Сен-Гондским болотам, куда загнал лучшие свои силы, осуществляя ненужную и опасную авантюру. Подлинным мотивом его действий оставалась идея огульного наступления, «преследования» противника. На более сложное маневрирование он оказался неспособным. В результате 3 дня были потеряны, при фактическом бездействии командования 2-й армии на решающем участке сражения, и союзники получили время и возможность беспрепятственного продвижения в марнскую брешь.

3. 5-я и 9-я ФРАНЦУЗСКИЕ АРМИИ 7—8 СЕНТЯБРЯ

(Схемы 7, 8 и 15)

а) 5-я французская армия охватывает правое крыло 2-й германской армии

Утром 7 сентября командующий 5-й французской армией узнал от своей авиации об отходе главной массы сил противника по всему его фронту. Об этом свидетельствовали многочисленные колонны немцев, движущиеся к северу и отмеченные в районе Ребэ (Rebais), Куртасон, Эстерней, лес Ле-Голь, Монмирайль. В окопах противника, видимо, остались лишь арьергарды. Англичане ночью достигли линии Креси (Crécy en Brie, 10 км к югу от Мо), Водуа (Vodoy), к востоку от Жуи-Ле-Шатель (Jouy le Châtel); направление их движения на 7 сентября — Ферте, Гоше, Ребэ. В 9 час. французское главное командование предлагает командованию 5-й армии ускорить движение левого крыла, чтобы выйти на высоту правого фланга англичан. Ген. Франше д'Эспере дает соответствующие указания 18-му, 3-му и

1-му корпусам выдвинуться вперед, равняясь по левому соседу; 10-му корпусу остановиться, помогая 1-му выйти к северу от Эстерней. Но командующий 5-й армией попрежнему требует осторожности и согласованности в действиях.

«Немцы имеют обыкновение, после того как наши войска атакуют их утром, пытаться произвести к концу дня контратаку (un retour offensif); мы должны предвидеть это и принять соответствующие меры; всякая захваченная позиция должна быть солидно укреплена. Сделав это, не следует возобновлять движение вперед, пока не оказана помощь всеми средствами продвижению соседних корпусов»[1].

Руководствуясь этими указаниями, задержанные боями с арьергардами немцев, прикрывавшими отход главных сил, части 5-й французской армии с утра продвигаются вперед крайне медленно и осторожно. Командир 1-го корпуса ген. Делиньи (Deligny) приказывает, например, возобновить движение в 7 час. утра, «экономя свои силы так, чтобы быть в состоянии держаться (durer) по крайней мере 48 час. (!), однако, будучи готовым сковать противника в случае, если он станет отходить, чтобы освободиться»[2]. Но противник в 9 ч. 30 м. эвакуирует Эстерней, и в 10 час. 2-я дивизия занимает его. «Войска останавливаются и приводят себя в порядок»[3].

К 11 час. Франше д' Эспере, окончательно убедившийся в отходе германцев, приказывает своим корпусам в тот же день выйти на линию М. Морена. «Движение вначале совершается с осторожностью и поэтому очень медленно»[4]. Кавалерийский корпус Конно и 18-й корпус к концу дня—все еще южнее Б. Морена. 3-й корпус, переправившись через эту реку, находится в районе Трефоль (Trefols). Зато 1-й корпус, энергично продвинувшись за день вперед, занял вечером район Рьё (Rieux) — Маклонэй (Maclaunay), непосредственно к югу от Монмирайля. Его артиллерия обменивается выстрелами с артиллерией противника. 10-й корпус получил задачу поддержать соседнюю 42-ю дивизию 9-й армии, его 19-я дивизия находится к вечеру на линии северной опушки леса Ле-Голь, Кло-Ле-Руа (Clos le Roi), 20-я дивизия — в районе Шарлевиля и 51-я — в районе Лаши.

Учитывая начавшийся отход корпусов 1-й германской армии, французское главное командование во второй половине дня предложило армиям левого крыла следовать за противником всеми своими силами, сохраняя все время возможность охвата правого германского фланга. Общее направление движения — на северо-восток; движение должно совершаться в порядке, который обеспечивал бы возможность дать бой противнику, как только он остановится. Англичане должны последовательно перейти Б. Морен, М. Морен и Марну; справа границей их

---

[1] 5-e armée. Note à éléments subordonés, 10 h, 7 sept. 1914.
[2] Les A. F. I³, 244.
[3] Там же, 245.
[4] Там же, 252.

движения должна быть дорога Сен-Реми (Saint Rémy, 6 км западнее Ля-Ферте-Гоше), Саблоньер (Sablonnières), Ножан л'Арто, Шато-Тьери. 5-я армия должна усилить движение своего левого крыла, правым же поддерживать 9-ю армию [1].

В соответствии с этим ген. Франше д'Эспере отдает в 19 ч. 30 м. приказ возобновить наступление 8 сентября, причем оси движения, которые раньше были направлены на север, теперь слегка отклоняются к северо-востоку: 18-й корпус—на Фонтенель, 3-й—на Вердон (Verdon), 1-й — на Вошамп — Виль-су-Орбэ (Ville sous Orbais), 10-й — на Ля-Шапель-су-Орбе (la Chapelle sous Orbais), однако, без нового приказа он не должен переходить севернее дороги Монмирайль — Шампобер (Champaubert); главная задача 10-го корпуса — охватить с фланга через Банней (Bannay) германские силы, находящиеся у Сен-При (St-Prix) и Суази.

Этот приказ чрезвычайно важен в свете того, что мы уже знаем о положении 2-й германской армии. В самом деле, все корпуса 5-й французской армии нацелены на ее правое крыло, оторванное от левого, которое завязло в боях с 9-й французской армией. 8 дивизий, которыми располагал Бюлов, разбились приблизительно пополам; таким образом, 4 дивизиям правого крыла предстояло 8 сентября принять на себя удар 4 французских корпусов. Но мы видели, с какой медлительностью двигались корпуса 5-й французской армии; ведь 2 левофланговых все еще находились на Б. Морене. Однако, 2-я германская армия скована до такой степени, что она стоит на М. Морене и ж д е т, пока французы выполнят свой маневр.

Ждать приходится недолго. Правда, кавалерийский корпус Конно достигает только к концу дня М. Морена и на нем проводит ночь с 8-го на 9 сентября. Но исключительно важное значение получает движение отставшего 18-го корпуса. Подходя к М. Морену, командир корпуса ген. Модюи получает сведения, что противник занимает сильно укрепленную позицию, с батареями тяжелой артиллерии в районе Марше-ан-Бри (Marchais en Brie, северо-западнее Монмирайля). Он предписывает своим дивизиям приближаться к этой позиции с осторожностью; атаковать только после разведки и сильной артиллерийской подготовки (préparation d'artillerie). Около 15 час. авангарды 35-й правофланговой дивизии, подходящие к М. Морену, попадают под огонь артиллерии противника; командир дивизии останавливает движение и вводит в действие артиллерию; вечером одна из бригад переходит М. Морен и располагается на другом берегу.

Продвижение левофланговой 36-й дивизии совершалось гораздо быстрее, и к 11 ч. 15 м. один из ее полков (34-й) беспрепятственно переправляется через М. Морен и продвигается к Вандьер (Vendières). Восточнее слышна канонада, но к северу путь свободен.

---

[1] G. Q. g. Ordre général № 7, 15, h. 45, 7 sept. 1914.

Командир дивизии ген. Жуаник (Jouannic) решает атаковать Марше-ан-Бри, охватывая его с севера. 34-й полк атакует вдоль грунтовой дороги Вандьер—Марше; он изгоняет немцев из леска, что юго-západнее Марше, но на опушке его останавливает огонь противника. Левее 34-го полка ведут наступление 49-й и 18-й полки; разразившаяся гроза вносит замешательство, но затем ночью оба полка возобновляют атаку и овладевают окопами немцев севернее Марше,

Высоты Сен-При.

достигнув перекрестка двух дорог. Патруль, посланный на разведку, находит Марше-ан-Бри очищенным от противника.

Это и был тот самый удар, который вызвал отвод правого германского крыла на р. Вердонель в ночь с 8-го на 9 сентября.

3-й корпус, подойдя во второй половине дня к Монмирайлю с юго-запада, находит его попрежнему занятым противником, сильно укрепившимся и располагающим мощной артиллерией. Корпус не может переправиться через М. Морен; попытки овладеть мостом юго-западнее Монмирайля отражаются пулеметным огнем немцев.

1-й французский корпус, который, как мы уже знаем, еще 7 сентября вечером находился в окрестностях Монмирайля, сдвигается к востоку южнее Бержер (Bergères), чтобы дать дорогу 3-му корпусу. Все утро он проводит на новых позициях, ожидая выхода 3-го кор-

пуса, левее него. Противник занимает восточнее Монмирайля укрепленные позиции в Курбето (Courbetaux), Бержер и далее по течению М. Морена. В 1,5 км восточнее Монмирайля — тяжелая артиллерия противника. При попытке атаковать, около 13 час., 1-я и 2-я дивизии задержаны перед двумя указанными деревнями. В 14 час. 1-я бригада, однако, овладевает Курбето; севернее деревни части 1-й дивизии вновь останавливаются перед немецкими окопами, насыщенными пуле-

Высоты Сен-При

метами. 2-я дивизия не может овладеть Бержер; ее артиллерия ведет борьбу с тяжелой артиллерией противника. Части 1-го французского корпуса, таким образом, застопорены, и до конца дня все попытки продвинуться вперед отражаются пулеметным огнем противника.

На участке 10-го корпуса 19-я дивизия окапывается в районе Суаньи. Перед фронтом 20-й дивизии Ле-Туль и Корфеликс кажутся свободными от немцев. Но восточнее и юго-восточнее Ле-Туля опушка леса и все возвышенности правого берега М. Морена усеяны окопами. Район Буаси также занят противником. В течение дня 20-я дивизия французов выходит на возвышенность Ля-Помероз (la Pommerose) и здесь окапывается. Ночью разведка выясняет, что Ле-Туль очищен противником, который отошел севернее М. Морена. Восточнее 51-я дивизия продвигается в течение дня к Корфеликс, которым овла-

девает только ночью. Окопы немцев проходят в 800 м севернее. Артиллерия противника ночью продолжает стрельбу.

Чтобы покончить с действиями 5-й французской армии в течение 7—8 сентября, надо привести еще основные моменты приказа, отданного ее командующим в 20 ч. 15 м. Утром 9 сентября 5-я армия, занимая фронт левым флангом вперед, должна продолжать свое наступление к Марне. Ей предстоит быстро выдвинуться к руслу р. Сюрмелен (Surmelin), выбросив авангарды на правый берег ее, чтобы занять выходы к северо-востоку. В таком расположении армия должна быть готова к действиям или прямо на север или на северо-восток. Кавалерийский корпус должен перебросить передовые части на правый берег Марны восточнее Ножан л'Арто. 18-й корпус выдвигается в район Вифор, готовый действовать или в направлении Шато-Тьери или Мези. 3-й корпус через Коробер (Corrobert), Вердон направляется на Монтиньи-Ле-Конде (Montigny les Condé), готовый двигаться или на Дорман (Dormans) или правее 18-го корпуса на Шато-Тьери. 1-й корпус — направление движения на Брейль (Breuil) через Вошами; он должен остановить свой авангард в Гранж-Гоше (la Grange-Gaucher, 4 км северо-восточнее Брейля), готовясь продолжить свой марш на Марейль-ле-Пор (Mareuil-le Port), 10-й корпус выдвигается севернее большой дороги — в район Фромантьер (Fromentières) — Ля-Шапель-су-Орбе, Ле-Дезер (les Deserts), авангарды в Орбе, Ля-Кор (la Caure), Шампобер, будучи готовым двигаться через Орбе на Дамери или к востоку на Этож (Etoges).

Взгляд на карту покажет, что означали направления движения корпусов 5-й французской армии для правого крыла 2-й германской армии. Охватывая ее с севера, востока и юга, части 5-й армии угрожали ей разгромом. Мог ли ген. Бюлов позволить себе роскошь — терять время и дальше?

б) Выигрыш времени — выигрыш сражения

9-я французская армия под командованием ген. Фоша получила от французского главного командования задачу удерживать выходы к югу через Сен-Гондские болота, выдвинув часть своих сил на возвышенности северное Сезана. Задача, таким образом, — чисто оборонительная. Ген. Фош на 6 сентября ставит следующие задачи своим частям: 42-й дивизии, занимающей к вечеру 5 сентября фронт Вильнев-Ле-Шарлевиль, Сен-При, с главными силами в районе Уа (Oyes), Рев (Reuve), Мондеман, Шаптон (Chapton), «завоевать и удерживать М. Морен»; 9-му корпусу занять «оборонительно» линию Сен-Гондских болот от Уа до Банн (Bannes), с выдвижением сильно укрепившихся авангардов к северу от болот. 11-му корпусу занять оборонительно линию от Морен-ле-Пти до Ланаре, чтобы «безусловно преградить (barrer) противнику дороги, ведущие от Шалона и Вертю (Vertus)»; 9-я кав. дивизия прикрывает правый фланг армии.

42-я дивизия, как мы уже знаем, в течение 6 сентября подвергалась яростным атакам немцев. В 13 час. ген. Фош отдает следующий приказ этой дивизии: «5-я армия останавливается и укрепляется на занятых позициях. 10-й корпус на ее правом фланге находится у Кло-ле-Руа и имеет приказ выдвинуться вплоть до Шарлевиля, где он останавливается и окапывается. 42-я дивизия также останавливается и сильно укрепляется на местности, которую она занимает, тесно связываясь с 9-м корпусом. Остановка 5-й армии не вызвана превосходством противника: ее задача — дать время англичанам действ-

Панорама северного берега Сен-Гондских болот.

вовать в направлении Монмирайля и севернее, и 6-й армии — в направлении Шато-Тьери».

Это отчетливое понимание Фошем своей задачи выиграть время имело выдающееся значение в исходе Марнской битвы.

В боях 6-го числа 42-я дивизия, отступая перед превосходными силами немцев, которые ввели в дело мощную артиллерию, используя трудно доступную для наступления местность, удержала выходы из лесов по южному берегу М. Морена в районе Суази.

9-й корпус в 8 ч. 30 м. получает дополнительную инструкцию от Фоша, непрерывно и активно руководившего операциями подчиненных ему войск:

«9-й корпус прочно закрепляется своими авангардами (вытянутые и глубокие позиции) на линии Гравель (la Gravelle), Тулон-ля-Монтань (Toulon la Montagne), Конжи (Congy) и все леса. Сделав это, он

(9-й корпус) выбрасывает авангард в Бейи (Baye) и обеспечивает связь с 42-й дивизией налево и с 11-м корпусом направо; осуществив эту задачу, он должен тщательно взвесить, нельзя ли всю оборону Сен-Гондских болот перенести севернее Сен-Гондских болот, оставив защиту южного берега резервным войскам».

Авангарды 9-го корпуса, выдвинутые на указанную линию, оказываются перед лицом «превосходной артиллерии противника, очень хорошо расположенной, и пехотой, укрывшейся в окопах» [1], и в свою очередь окапываются. По всему фронту 9-го корпуса завязывается энергичный артиллерийский бой. С утра противник (прусская гвардия) атакует и занимает Тулон-ля-Монтань и Вер-ля-Гравель, отбрасывая французов, которые с большими потерями отходят на южный берег болот. В 12 час. Фош приказывает корпусу занять и крепко удерживать оборонительную позицию южнее болот и сверх того атаковать и занять Сен-При. Марокканская дивизия (полк стрелков) не может овладеть этим пунктом, прочно занятым немцами, и укрепляется в районе фермы Монталар (Montalard) к востоку от Суази. 9-й корпус к вечеру укрепляется на линии Бруси-ле-Пти, Бруси-ле-Гран (Broussy le Grand), Банн.

11-й корпус также подвергается ожесточенной артиллерийской бомбардировке и атаке противника (гвардия и 12-й корпус саксонцев), который занимает Морен-ле-Пти, Экюри-ле-Репо (Écurie le Repos), Норме; однако, немцы не могут продвинуться южнее этих пунктов и окапываются. Восточнее 11-й французский корпус удерживается в Ланаре, Васимон (Vassimont), Сомесу.

9-я кав. дивизия, теснимая немцами, откатывается к Сомесу. Между 9-й и 4-й французскими армиями образуется брешь в 10 км.

В 4 часа 7 сентября Фош издает новый приказ, в котором ободряет свои войска благоприятными новостями с других участков Марнского сражения. За частями сохраняются оборонительные задачи, однако, Фош требует выполнять их, наступая вперед.

42-я дивизия вновь подвергается атаке немцев, наступающих под прикрытием артиллерийского и пулеметного огня. Утром они овладевают Суази. Попытка контратаки кончается неудачей, так как противник, окопавшись, встречает наступающих французов смертоносным огнем. К вечеру дивизия занимает позиции по обе стороны большой дороги от Вильнев до Монтиживру (Montigivroux). 10-й корпус, по просьбе Фоша к командующему 5-й армией, сдвигается к востоку на помощь 42-й дивизии.

На участке Марокканской дивизии всю ночь и с утра продолжается бой. Противник, поведя атаку крупными силами из Сен-При, овладевает Уа, но Марокканская дивизия удерживает его продвижение со стороны Монтиживру и Рев.

---

[1] Les A. F. I[3], 328.

Фош 3 раза между 8 и 10 ч. 30 м. указывает командиру 9-го корпуса на опасность прорыва у Мондеман; резервы 9-го корпуса передвигаются в район Алеман (Allemant) — Бруа (Broyes).

На участке 11-го корпуса артиллерия немцев продолжает с утра вести сильный огонь по его позиции. Авиационная разведка сообщает о присутствии батареи тяжелых гаубиц, скоплений пехоты между Пьер-Морен (Pierre-Morains), Кламанж и окопов в 2 000 м севернее Ланаре. В 13 ч. 50 м. Фош приказывает 11-му корпусу перейти в наступление, вводя 18-ю дивизию из армейского резерва на линию севернее Конантрей. Но только 21-я дивизия на левом фланге достигает окраины Морен-ле-Пти. На правом крыле, напротив, немцы переходят в атаку при поддержке тяжелой артиллерии и овладевают Васимон. Весь день на участке 11-го корпуса «непрерывный огонь тяжелых немецких батарей, причиняющий частям серьезные потери» [1].

В 17 ч. 30 м. 9-я армия получает приказ французского главного командования, предписывающий ей удержаться на занятом фронте до подхода подкреплений.

Разрыв между 9-й и 4-й французскими армиями достигает 20 км.

На 8 сентября Фош приказывает войскам быть в готовности возобновить наступление, задачи остаются прежние.

События 8 сентября уже отчасти описаны выше [2]. Тем не менее нужно еще раз остановиться на них, чтобы составить себе представление о замечательном руководстве частями 9-й армии, которое осуществлял Фош в эти критические дни.

11-й корпус, потерпев жестокое поражение, откатывается к югу и к вечеру занимает участок Коруа (Corroy), Гургансон (Gourganson), Семуэн (Semoine); правее вдоль дороги Семуэн — Мейли (Mailly le Camp) 60-я дивизия, которая почти в течение всего дня удерживалась в районе Монтепре (Montépreux). На правом фланге 9-я кав. дивизия входит в связь с подошедшим в разрыв 21-м корпусом.

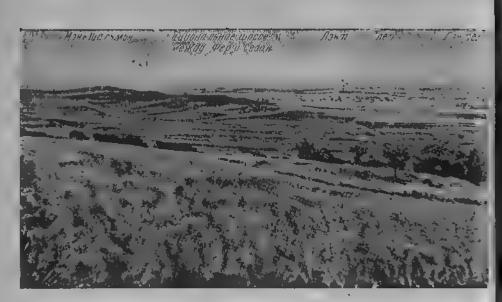
В 7 ч. 30 м. ген. Фош обращается за поддержкой к 5-й армии: «На правом крыле 9-й армии (11-й корпус) — комбинированное действие 12-го саксонского и гвардейского корпусов, большая часть этого последнего — на фронте центра (9-й корпус). Это правое крыло не может быть поддержано в течение дня 4-й армией. Просьба к 5-й армии возобновить, если возможно, в связи с 42-й дивизией и с левым крылом 9-го корпуса наступление в район западнее Шампобер, с тем, чтобы освободить правое крыло 9-й армии».

Но наступление на левом крыле развивается исключительно медленно, хотя очевидно, что противник здесь подался назад. Немцы удерживаются в Белен и по южной опушке леса Реклю; они укрепили капонирную позицию (une position en caponnière) на северо-за-

---

[1] Les A. F. I[3], 355.

[2] В начале главы.

Панорама равнины Фер-Шампенуаза

падном выступе леса Ом-Бланк (de l'Homme Blanc, южнее М. Морена); дальше к востоку они занимают северную опушку леса Ботре. Деревня Талю сильно укреплена несколькими группами пулеметов. Артиллерия противника не дает возможности частям продвинуться вперед. 42-я дивизия овладевает Ле-Кюло (les Culots) и Суази, но не может продвинуться в глубь лесов.

Правее Марокканская дивизия, объектом наступления которой является Сен-При, не может продвинуться до этого пункта и закрепляется на возвышенности Пуарье (Poirier). Однако, в середине дня ее положение все больше определяется событиями на правом крыле и в центре 9-й армии.

Рано утром атака германской гвардии из района Морен-ле-Пти отбрасывает правое крыло 9-го корпуса, которое отгибается на запад по линии Банн, Монт-У, Конантр. Связь с 11-м корпусом утеряна. Фош приказывает 9-му корпусу атаковать в направлении на Фер-Шампенуаз; он должен сосредоточить на своем правом крыле все силы, какие только возможно. Но командир корпуса ген. Дюбуа боится слишком ослабить свой левый фланг. В 12 ч. 30 м. Фош телефонирует ему: «9-му корпусу нечего бояться за свой левый фланг; 42-я дивизия и 10-й корпус легко продвигаются к северу; главная масса пехоты противника отошла этой ночью; канонада, которую слышит ген. Дюбуа к западу, — это артиллерия 42-й дивизии; 9-й корпус может, следовательно, располагать значительными силами, чтобы поддержать 11-й у Фер-Шампенуаз».

Но в центре 9-й армии надвинулась новая гроза. К 16 час. канонада противника на участке бригады Блонда (Blondat) Марокканской дивизии, у которой уже нехватает боеприпасов, становится все более и более сильной. Бруси-ле-Пти в огне. Немцы атакуют через проходы Сен-Гондских болот и выходят на южный берег. На левом фланге части Марокканской дивизии также подвергаются сильнейшей бомбардировке. Командир дивизии ген. Эмбер (Humbert) приказывает своим частям занять фронт Монтиживру, Мондеман, Аллеман, где они и закрепляются на ночь.

К вечеру правое крыло 9-го корпуса и части 11-го корпуса, согласно приказу Фоша, переходят в наступление на Фер-Шампенуаз, но продвигаются под огнем противника очень медленно и к ночи находятся на полпути к нему.

Положение 9-й французской армии исключительно тяжелое. Противник грозит, используя прорыв в центре и на правом крыле, уничтожить в конец истощенные тяжелой трехдневной борьбой части, которые понесли в этот день кровавые потери. Но в штабе 9-й армии царит дух бодрой надежды. Фош уверен, что яростное наступление немцев на фронте 9-й армии не имеет никакой другой цели, как прикрыть отступление правого германского крыла (1-я и часть 2-й армии) [1]. В 21 час он отдает приказ на 9 сентября: все части должны прежде всего сильно закрепиться на занятых позициях, 11-й корпус должен

[1] 9-e armée „Bulletin renseignements du 8 septembre".

овладеть Фер-Шампенуазом. 9-й корпус атакует севернее этого пункта. В 21 ч. 40 м. 10-й корпус, по просьбе Фоша, передается из 5-й армии в 9-ю. Фош приказывает ему занять участок 42-й дивизии, которой предлагает перейти на правый фланг в резерв армии, в районе Лент (Linthes), Плер (Pleurs).

Три дня прошло. 9-я армия, сильно пострадавшая от атак противника, плохо ли, хорошо ли удерживает центр расположения союзных армий. Сомнительно, выдержит ли она натиск противника и дальше. Но Фош выиграл время; то, что 9-я армия еще держится, нужно отнести к умелому руководству Фоша, его оптимизму, непреклонной энергии и гибкости. Но не означает ли этот выигрыш времени также и выигрыш сражения?

4. ОТ МАРНЫ ДО ВЕРДЕНА

(Схема 16)

а) 4-я и 5-я германские армии наступают на юго-восток

Выше были указаны задачи, которые возлагались на 4-ю и 5-ю германские армии по директиве Мольтке от 4 сентября. В той же директиве давались направления движения этих армий: правый фланг 4-й армии через Витри-ле-Франсуа и Монтьеранде (Montierender); правый фланг 5-й армии через Ревиньи (Revigny), Стенвиль (Stainville)—Морлей (Morley). На левый фланг 5-й армии возлагалось обеспечение против Маасских укреплений и взятие фортов Труайон (Troyon), Ле-Парош (les Paroches) и Камп-де-Ромен (Camp des Romains).

Как сообщает Рейхсархив [1], директива не вызвала никаких серьезных изменений в расположении и направлении движения 4-й и 5-й армий, так как она просто санкционировала уже свершившийся факт. В Марнском сражении эти армии продолжали преследование противостоящих им французских армий, которые германское командование считало уже неспособными к серьезному сопротивлению. Тем большее изумление вызвало нежданное противодействие и стойкость, проявленные ими в течение 5-го и в особенности 6 сентября. Командующий 4-й армией доносил в главную квартиру в 17 час. пополудни 6 сентября, что, по сведениям 8-го арм. корпуса, речь идет не об арьергардных боях, а «об отчаянных контрударах людей, которые не могут уже итти дальше. Положение 4-й армии представляется хорошим» [2]. Но не прошло и часа, как на участке 30-й пех. бригады в районе Фриньикура (Frignicourt) было найдено уже известное нам воззвание Жоффра, которое сразу осветило истинное положение вещей.

Не имело ли, однако, германское командование основания рассчитывать на успех в борьбе с противником, которого оно преследовало с 20 августа, вынуждая его к непрерывному отходу. Факт остановки

[1] „Der Weltkrieg“ IV, 103.
[2] Там же, 109.

германского наступления в Марнской битве на пространстве от верхней Марны до Мааса представляется на первый взгляд необъяснимым. Приходится прибегать к такому аргументу, как крайняя усталость германских частей и задержка их обозов; это несомненно сыграло свою роль. Но чем лучше было состояние французских армий, над которыми тяготел сверх того тяжелый гнет поражений и непрерывного отступления? Явление носило бы загадочный характер и невольно побуждало бы вводить в анализ категорию «чуда». Но в действительности никакого чуда и здесь не произошло. Мы просим читателя вспомнить картину сражения на Маасе: если уже там 4-я французская армия смогла задержать противника на несколько дней, по-

Вид на Бозе

чему это не могло случиться на Марнско-Рейнском канале? Разница заключается в том, что общее стратегическое положение изменилось не в пользу германцев; фактор утомления меньше вредил обороняющимся на своей территории французам, которые к тому же получили подкрепления; наконец, эволюция тактических форм боя сделала значительный шаг вперед с дней Маасской битвы, и эта эволюция опять-таки не была плюсом для наступающего.

Если сравнить взаимное расположение армий обеих сторон на рассматриваемом участке сражения, то 28 августа 4-я и 3-я французские армии были повернуты фронтом на северо-восток, а 4-я и 5-я германские армии — на юго-запад. К 5 сентября положение изменилось полностью: 4-я и 3-я французские армии обращены к северо-западу, а 4-я и 5-я германские к юго-востоку. В Марнском сражении расположение германских армий на данном участке было следующим: на

крайнем правом фланге части 3-й германской армии, примкнувшие к 4-й,—23-я дивизия и 19-й корпус на левом берегу Марны, чуть южнее канала от Сомпюи (Sompuis) до Гюирона (Huiron). Дальше следовали части 4-й армии; правое крыло ее, овладев Витри-ле-Франсуа, с начала битвы успело переправиться через канал; левое переправилось через него во второй половине сражения, когда фронт проходил в нескольких километрах к югу от канала и занимался последовательно: 8-м корпусом (по обе стороны Марны), 8-м рез. и 18-м; между 18-м и 18-м рез. корпусами имелся некоторый разрыв (около 10 км) в районе Сермез (Sermaise); 21-я рез. дивизия (18-й рез. корпус) находилась на крайнем левом фланге 4-й армии в районе Контрисон (Contrisson); другая дивизия того же корпуса, 25-я рез. дивизия, после взятия ею Ревиньи, устремилась в восточном направлении, составляя правый фланг 5-й армии (она была в ходе сражения подчинена 6-му корпусу). Дальше расположение германского войска почти под прямым углом поднималось к северу; 9 сентября через Лемон (Laimon) — 25-я рез. дивизия, Лупи-ле-Шато — 11-я дивизия (6-й корпус), Лиль-ан-Баруа (Lille en Barrois) — 12-я дивизия, Ле-Мершин (les Merchines) — 12-я рез. дивизия, Сомен (Sommaisne) — 27-я (13-й корпус) и 26-я дивизия, Бозе (Beauzée) — 34-я дивизия (16-й корпус), Сент-Андре (St. André) — 33-я дивизия, Ипекур (Ippecourt) — 11-я рез. дивизия (6-й рез. корпус). Дальше германское расположение шло западнее, севернее и восточнее Вердена, окаймляя его дугой из ландверных частей и 5-го рез. корпуса; наконец, на Маасских высотах (восточный берег Мааса) находился 5-й корпус.

Чем же объясняется такая конфигурация германского расположения? Ведь обе армии по указанию Мольтке должны были двигаться на юго-восток к верхнему Маасу, стремясь выйти в тыл крепостей Туль — Эпиналь и открыть путь через р. Мозель 6-й и 7-й армиям. В действительности 5-я армия оказалась повернутой прямо на восток. Причина состоит в том, что 4-я германская армия оказалась более свободной в своем продвижении к югу, чем 5-я, которая непрерывно задерживалась. Совершенно очевидно, почему произошло это выпячивание германского расположения к северу. Причиной был В е р д е н. Поскольку крепость и ее форты по Маасу не были взяты, 5-я армия все время была вынуждена обеспечивать свой фланг против нее. К тому же 3-я французская армия вместо отхода к югу продолжала упорно цепляться за крепость, получив в ее сооружениях крепкую опору фланга и тыла. Стратегически получилось такое положение, что главная масса германского войска оказалась изолированной от битвы у Парижа, где решалась судьба всего маневра в целом, и занялась преодолением крепостного пояса, воздвигнутого на востоке. Но, может быть, несмотря ни на что, здесь можно было одержать крупный стратегический успех, как это замышлял Мольтке? Возможно, но для этого требовалось м н о г о в р е м е н и и огромная затрата сил. Поэтому

и оказалось, что в конце Марнского сражения 4-я и 5-я германские армии находились все еще в начальной стадии борьбы за преодоление крепостного района; а за это время правофланговые армии уже понесли поражения. Главная предпосылка шлиффеновского плана получила блестящее подтверждение; участь кампании решалась глубоким маневром охвата, а не непосредственной атакой восточных крепостей, в которой легко было безнадежно завязнуть. Подтвердив эту неоспоримую истину, Мольтке тем самым продемонстрировал свою неспособность осуществить замысел Шлиффена, так как конечный результат германского наступления оказался в корне противоположным ему.

В Марнском сражении 4-я и 5-я германские армии фронтально столкнулись с 4-й и 3-й французскими. Благодаря искусной перегруппировке французского командования, соотношение сил на этом фронте оказалось приблизительно равным. Было бы действительно чудом, если бы германским армиям удалось быстро разбить при таких условиях сопротивление противника. Такого чуда не произошло: как и во всех фронтальных столкновениях начальной стадии войны наступающий сразу же был задержан. Силой, которая производила это задерживающее действие, как и в других описанных уже случаях, явилась артиллерия.

6 сентября 15-я пех. дивизия (8-й германский корпус), перейдя канал у Люксемон (Luxémont), была задержана подавляющим фланкирующим артиллерийским огнем французов. Широкие открытые долины Рейн-Марнского канала не давали удобных позиций для своей артиллерии, поддержка которой отсутствовала. Попытки 18-го германского корпуса перейти р. Соль (Saulx) были также отражены превосходным огнем артиллерии противника. Та же картина наблюдалась и на фронте 5-й армии. 26-я дивизия при попытке атаковать французов понесла тяжелые потери от огня артиллерии. 34-я дивизия лишь очень медленно продвигалась вперед и в конце концов стала окапываться. К концу дня командование обеих германских армий убедилось, что намеченные объекты наступления — около 20 км от исходных пунктов — непосильны для частей. Но оно еще верило в возможность преодолеть сопротивление врага упорным нажимом.

7 сентября немецкая пехота 23-й пех. дивизии, 19-го, 8-го и 8-го рез. корпусов залегла в наскоро вырытых окопах. Только 18-му корпусу удалось переправиться через канал, овладев Сермезом. Части 6-го корпуса в районе Вильот (Villotte) были встречены сильнейшим огнем французской артиллерии, тогда как германская не оказывала поддержки пехоте за отсутствием удобных позиций на местности, покрытой мелким лесом. Также и на участке 13-го корпуса пехота продвигалась с мучительным трудом и большими потерями и после незначительного продвижения вперед стала окапываться; на участке 16-го

корпуса сражение свелось к артиллерийскому бою, причем с германской стороны севернее Флери (Fleury) были установлены мортиры.

К концу дня командующий 4-й германской армией получает от ген. Гаузена (3-я армия) предложение предпринять атаку в утренние сумерки, чтобы избежать потерь от огня артиллерии. Он решает принять участие в этом наступлении. В приказе 4-й армии 7 сентября отмечается, что «продвижения были лишь незначительны», и говорится о «сильном враге», противостоящем армии: «Армия атакует завтра утром пред рассветом. «Я надеюсь,— обращался герцог вюртембергский к командирам корпусов,—что приготовления к этому наступлению будут осуществлены заблаговременно и настолько планомерно, что его при всех обстоятельствах можно будет провести в утренние сумерки. Необходимо при этом проникнуть по крайней мере до неприятельской артиллерии. Быстрое, непрерывное продвижение вперед[1] 18-го арм. корпуса облегчит при этом задачу 8-го корпуса». Этот документ вещает уже наречием позиционной войны!

Однако, никакого серьезного успеха новая атака корпусов 4-й армии не имела. На левом берегу Марны, например на участке 8-го корпуса, ожесточенный бой свелся к борьбе за отдельные объекты — выс. 130 и 153; выс. 153 была очищена немцами, так как она была буквально вспахана снарядами. Наступление, хотя и имевшее кое-где незначительные успехи, снова разбилось перед подавляющим огнем французской артиллерии. Несмотря на такой результат, командующий 4-й армии потребовал продолжения атаки и на следующий день, 9 сентября, снова рекомендуя захватить в темноте неприятельские батареи штыковой атакой, — средство, которое гвардейский корпус применил в предшествовавшую ночь с «музыкой и барабанным боем,— добившись полного успеха». Но, видимо, труба и барабан были слишком недостаточным оружием в новых условиях боя. 9 сентября шла упорная борьба за отдельные высоты, лески, строения, причем немецкая пехота попрежнему жестоко страдала под огнем артиллерии противника. Штыковая атака вовсе не состоялась, так как для подготовки не оказалось времени. Впрочем, французам было не легче: отбив выс. 153, они в свою очередь не могли остаться на ней из-за артиллерийского огня. Дер. Фаврес (Favresse) и Домпреми (Dompremy), превращенные в груду развалин, лежали незанятыми между линиями обоих противников, так как держаться в них было немыслимо.

На фронте 5-й армии 6-й корпус 8 сентября окопался на занятых позициях. 11-я пех. дивизия, занимавшая позиции в лесу, осыпалась гранатами. 13-й корпус, также удерживаясь на достигнутой линии, жестоко страдал от сильного огня французской артиллерии. Французы атаковали позиции 27-й пех. дивизии; атака была отбита огнем

[1] Разрядка наша.

выдвинутой вперед полевой артиллерии; однако, последняя была бессильна выбить французов из стрелковых гнезд (Schützennester) в Лемершин. В штаб армии стекались донесения командиров корпусов, из которых явствовало, что немецкая пехота сохраняет свое превосходство над французской, но ее атаки подавлялись превосходной артиллерией противника, которая применяла корректировку огня при помощи самолетов. Это оказывало сильнейшее моральное воздействие на немецкую пехоту, измученную трехдневным боем, жарой, недостатком воды и перебоями в питании; распространялось мнение, что немецкая артиллерия бессильна в борьбе с французской. В такой обстановке командование 5-й армии решило применить рецепт ген. Гаузена: атака пред рассветом, чтобы еще в темноте захватить артиллерию противника.

Три дня на фронте 4-й и 5-й германских армий прошли в упорной борьбе, которая не дала никакого серьезного успеха: части в основном оставались на достигнутых в самом начале сражения рубежах. К вечеру 9 сентября пришло потрясающее известие об отходе правофланговых армий. Итак, великая битва была окончена? В 6 ч. 40 м. вечера явился в штаб 4-й армии подполк. Хенч и дал указания об отступлении; однако, здесь он встретил противодействие. Наконец, в 9 ч. вечера было получено радио германского главного командования: «3-я армия остается южнее Шалона в готовности возобновить наступление. 5-я армия атакует в ночь с 9-го на 10-е. 4-я армия, если имеются виды на успех, должна также атаковать, сохраняя связь с 3-й армией». Однако, наступление 4-й армии 10 сентября было столь же мало успешным, как и в предшествовавшие дни. Вечером 10-го был получен от германского главного командования приказ отойти к северу от канала.

Между тем, в 2 часа пополудни 9 сентября в 5-й армии был уже разработан приказ о ночной атаке. Когда о предполагаемом наступлении было сообщено германскому главному командованию, последнее ответило, что оно не соответствует его намерениям. Вскоре были получены сведения о неблагоприятном ходе событий на правом крыле. Кронпринц германский лично сносится с главной квартирой и получает согласие на проведение в жизнь своего плана.

В 2 часа ночи (с 9-го на 10 сентября) немецкая пехота начинает свое продвижение вперед с незаряженными винтовками и с примкнутыми штыками. Результаты ночного движения оказываются, однако, незначительными: части брели ощупью, не имея отчетливого направления, и перемешались между собой. Захватить артиллерию противника немцам не удалось, и она открыла с рассветом огонь. Завязался ожесточенный бой, в ходе которого немецкая пехота значительно продвинулась вперед, особенно в центре, где продвижение составляло около 10 км. Вечером 10 сентября линия фронта проходила от высоты севернее Рамберкур через выс. 309 — Курсель — восточный край леса

южнее Серокур — высоты западнее Риньокур и Гейп и отклонялась назад к Ипекур.

В 9 час. утра 10 сентября в штаб 5-й армии прибыл подполк. Хенч, изобразивший в черных красках положение на правом крыле и потребовавший отхода армии на линию Сен-Менегуль—Клермон. Однако, у него потребовали письменного приказа германского главного командования. Командование 5-й армии, на основании поступавших в течение дня (10 сентября) донесений, могло составить себе представление о крупном успехе войск; пехота противника была потрясена и казалась небоеспособной. Но и части 5-й армии были измотаны вконец. Был отдан приказ о прекращении наступления. «Армия безусловно нуждается в отдыхе и пополнении», говорилось в донесении главной квартире.

На правом берегу Мааса 5-й корпус 8 сентября начал бомбардировку тяжелыми орудиями форта Труайон, однако, до исхода сражения взять его не удалось.

«Если обозреть положение 4-й и 5-й армий в течение двух последних дней (9 и 10 сентября), получается картина, что на фронте от Витри-ле-Франсуа до Ипекура **оба противника сохраняли равновесие**. Должно было обнаружиться, кто из них имеет более крепкие нервы и способен дольше продержаться в этом аду артиллерийского огня, терпя голод и жажду» [1]. И дальше официальная германская история продолжает, что стоило немцам выдержать еще немного, и 11 сентября победа была бы обеспечена.

Здесь попросту маскируется выдающаяся роль **времени** в ходе грандиозной схватки. Разве не безразлично, **когда** именно был бы одержан этот успех? Бесспорно, например, что, направив крупные силы на Верден, германцы овладели бы им. Однако, были ведь какие-то основания, по которым германское главное командование предложило выставить заслон против крепости и двигаться к югу. Основания состояли в том, что атака Вердена потребовала бы отвлечения значительных сил и затраты времени. Между тем, по германскому плану войны, решение следовало искать не в лобовой атаке крепости, а в широком маневре охвата. Успех наступления 5-й армии указывает на то, что, вообще говоря, успехи на восточном секторе были возможны. Но не означало ли это продвижение 5-й армии **на восток** новую **потерю темпа** в стратегическом масштабе, впрочем, тогда, когда участь сражения была уже решена. Основная идея Шлиффена подтверждалась еще и еще раз.

Фронтальное сражение на Рейн-Марнском канале и южнее Вердена не могло дать ощутительного стратегического эффекта. Кризисы возникали на флангах. Командующий 4-й армией рассчитывал обойти фланг 4-й французской армии, по левому берегу Марны, тем более,

---

[1] „Der Weltkrieg", IV, 310. Разрядка наша.

что здесь у Мейльи в расположении союзников зияла брешь. Однако, 19-й корпус и 23-я дивизия встретили на своем пути переброшенные туда части французов. Обнадеживающим было также положение на стыке 4-й и 5-й армий в направлении на Бар-ле-Дюк, где в расположении французов также обнаружилось слабое место. Однако, и сюда французы подбросили свежие силы, и кризис грозил уже скорее германцам. Слабые попытки маневра потерпели, таким образом, неудачу, а лобовая схватка не сулила быстрого успеха из-за возрастающей мощи артиллерийского огня.

Оставленные в своем продвижении на юго-восток 4-я и 5-я германские армии в общем плане Марнской битвы оказались скованными: они были оторваны и изолированы от решающей схватки у стен Парижа.

б) Остановка германского наступления на Марнском канале (4-я французская армия 6—9 сентября)

5 сентября вечером 4-я французская армия была разбросана на фронте протяжением около 50 км. Ее арьергарды находились к востоку от Мейли (17-й корпус), к югу от Витри-ле-Франсуа (Vitry le François) (12-й корпус) и на канале Марна — Рейн (колониальный и 2-й корпуса). Левофланговые корпуса (17-й и 12-й) массой своих сил были сдвинуты далеко к югу до р. Об (Aube). Таким образом, 4-я армия была обращена фронтом на северо-запад, образуя значительный угол с расположением 9-й армии; на востоке линия расположения 4-й армии примыкала к 3-й у Ревиньи (Révigny). Ген. Лангль, командующий 4-й армией, уже после сражения (11 сентября) дал следующую оценку состояния своих войск накануне битвы: «Корпуса были истощены, личный состав сокращен, в особенности в кадрах; моральное состояние войск подверглось неизбежному действию длительного отступления, перемежающегося с бесплодными усилиями». 4-я армия получила 5 сентября директиву французского главного командования — приостановить отступление к югу, противостать врагу и быть в готовности возобновить наступление совместно с 3-й армией, которая, выйдя из района Ревиньи, должна атаковать на запад. В соответствии с этим ген. Лангль приказывает 2-му и колониальному корпусам удерживать противника на переправах через Марнский канал, «уступая возможно меньше местности и действуя преимущественно артиллерией, сберегая пехоту» [1]. В это время левофланговые корпуса подтягиваются к северу, выравнивая фронт со 2-м и колониальным корпусами.

Трудность положения 4-й французской армии в Марнском сражении состояла в том, что она должна была обеспечивать стык между двумя армиями, положение которых представлялось очень сложным и кото-

[1] Les A. F. I[3], 423.

рые, в силу сложившейся обстановки, тяготели в сторону от флангов 4-й армии. 9-я армия была прикована к Сен-Гондским болотам, 3-я — к Вердену и к Маасским фортам. Поэтому командующему 4-й армией пришлось метаться между двумя флангами. Однако, он нашел в себе достаточно силы для того, чтобы прежде всего обеспечить свой центр. Яростная атака немцев южнее Витри-ле-Франсуа, восточнее Марны, при поддержке тяжелой артиллерии вскоре остановилась по течению речки Вильот (Villotte). Командующий колониальным корпусом ген. Лефевр (Lefèvre) приказывает «держаться любой ценой, окапываясь в случае необходимости и используя главным образом артиллерию» [1].

Но справа колониальный корпус может быть поддержан лишь одним 2-м корпусом, который растянулся вдоль Марнского канала, с трудом удерживая Сермез (Sermaize). Противник, заняв Ревиньи, атакует яростно этот пункт. В 19 час. ген. Лангль просит поддержки у командующего 5-й армией, но последний отвечает, что его корпуса, ведя тяжелую борьбу, не могут этого сделать, по крайней мере немедленно.

На левом фланге, западнее Марны, положение еще серьезнее. Только арьергарды 12-го корпуса сдерживают здесь наступающих немцев, очистив к ночи дер. Курдеманж (Courdemange). Ген. Жоффр обращает внимание Лангля на то, что наиболее важно остановить противника, обходящего правое крыло 9-й армии; сюда нужно сосредоточить сильные резервы, поэтому в распоряжение командующего 4-й армией передается 21-й корпус, находящийся в районе Васси (Wassy), Монтьеандер (Montier en Der). Ген. Лангль приказывает корпусу передвинуться в район Маржери (Margerie) — Ганкур (Hancourt). Но в то же время ген. Жоффр предлагает Ланглю помочь соседней 3-й армии, действуя на Ревиньи или на Контрисон (Contrisson). Командующий 4-й армией заявляет, что этого он сделать не в состоянии. К ночи его части занимают линию Мей-Тьерселен (Meix-Tiercelin), Курдеманж, Шатель-Рауль (Châtel-Raould), Экриен (Ecriennes), Домпреми (Dompremy), Парньи (Pargny), Сермез.

7 сентября противник атакует к югу от Сомпюи (Sompuis). Но теперь в район Эмбовиля (Humbauville) выдвигается 17-й корпус, который останавливает продвижение немцев к югу. Однако, положение левого крыла 4-й армии продолжает оставаться опасным. 21-й корпус в течение дня успевает выбросить в назначенный ему район сосредоточения (Маржери—Ганкур) только артиллерию и передовые части. Ген. Лангль приказывает 12-му корпусу одну из своих дивизий (23-ю) передвинуть в район Сент-Уен (Saint Ouën). Из 13-й дивизии 21-го корпуса, 23-й дивизии и отряда 17-го корпуса должна быть создана ударная группа, которая, сосредоточившись на возвышенности Марен (les monts Marains), между речками Пюи (Puits) и Люитрель (Lhuitrelle), поведет наступление в обхват правого фланга противника у Сомпюи.

---

[1] Les A. F. I³, 427.

В середине дня ген. Жоффр вновь обращает внимание Лангля на необходимость активной поддержки соседних армий на флангах. Вечером французский главнокомандующий настаивает ускорить ввод резервов на левом фланге армии, чтобы помочь 9-й армии.

Между тем, в центре позиции удерживаются, несмотря на громадную активность германской артиллерии; в особенности сильно обстреливаются Биньикур (Bignicourt) и Матиньикур (Matignicourt),— попытка атак с обеих сторон кончается неудачей. 2-й корпус продолжает

Вид на поле сражения у Морюп

оказывать помощь колониальному, предприняв атаку против Воклер (Vauclerc), которая отражена пулеметами и окопавшейся пехотой немцев; понеся сильные потери, французы отходят на исходные позиции. На правом крыле тяжелые гаубицы противника обстреливают Тюилери (Tuileries) и Морюп (Maurupt) с высот Вильер-ле-Сек (Villers le Sec) и со стороны Этрепи (Etrépy). В 8 час. утра сильная атака противника обрушивается на Сермез, который очищается отрядом ген. Манжена (Mangin). Парньи занято противником в 15 час. Он овладевает также Андерней (Andernay) и Контрисон, устремляясь в обхват и в глубь леса Труа-Фонтен (les Trois Fontaines).

Несмотря на обострившееся положение на правом фланге, наибольшие заботы ген. Лангля в течение 8 сентября вызывает его левое

крыло. 9-я армия сбита со своих позиций у Ланаре и откатывается к югу от Фер-Шампенуаза. Фош просит помощи. Но ген. Лангль сообщает ему, что 21-й корпус еще только сосредоточивается в районе Маренских холмов и ему поставлена задача атаковать на Сомпюи. В 10 час. снова призыв от Фоша с просьбой направить 21-й корпус в район Сомесу. Ген. Лангль подтверждает, что его левое крыло (17-й корпус) атаковано противником; 13-я дивизия, пройдя 32 км, должна наступать к Сомпюи; 43-я дивизия, пройдя 50 км, подошла к Дампьер (Dampièrre), откуда она не может 8 сентября достигнуть Сомесу.

Опоздание в движении 13-й и 23-й дивизий не позволяет, однако, в тот же день предпринять намеченный ген. Ланглем маневр. Только к вечеру они подходят западнее Эмбовиля, где 17-й корпус в течение дня выдерживал яростные атаки немцев со стороны Сомпюи; ночью ему удается ворваться в деревню, но контратакой части 17-го корпуса восстанавливают положение.

Восточнее, на левом берегу Марны, вдоль дороги к югу от Витри, жестокая борьба продолжается весь день. Немцы овладевают Курдеманжем. Части 12-го французского корпуса сосредоточиваются в районе Шатель-Рауль. Ген. Лангль прибывает сюда лично, чтобы подтвердить необходимость «прочно удерживать все позиции и вести на фронте борьбу на истощение (une lutte d'usure), чтобы дать время выполнить подготовленный маневр» [1]. На своих новых позициях части 12-го корпуса подвергаются вновь жестокой бомбардировке, которую приостанавливает только сильная гроза. Пехота измучена в конец тяжелыми трехдневными боями; потери ее тяжелы.

Центр 4-й армии в течение 8 сентября удерживается на месте, зато 2-й корпус подвергается жестокой атаке одновременно на обоих своих флангах. На левом фланге немцам удается захватить Фаврес (Favresse) и Домпреми, но к ночи они покидают их, отходя к северу. На правом фланге противник, овладев Парньи, продолжает наступать при поддержке сильного артиллерийского огня; французы отходят, задерживая противника в лесу, к Морюп, который, однако, уже утром переходит в руки немцев. Только во второй половине дня удается задержать их продвижение. На крайнем правом фланге отряд Манжена удерживается в Шеминоне (Cheminon).

К концу дня ген. Лангль направляет Жоффру следующее письмо:

«Поздний час не позволит, без сомнения, сегодня достигнуть решительного результата, но есть все шансы достигнуть его завтра, если я смогу использовать 43-ю дивизию так же, как и 13-ю.

Сведения, которые мною получены в отношении 9-й армии, показывают, что ее правое крыло отведено в район Фер-Шампенуаза, т. е. на 40 км по птичьему полету от Домпьер, которого 43-я дивизия достигнет только этим вечером после перехода 50 км.

---

[1] Les A. F. I[3], 481.

Эта дивизия тем меньше сможет действовать против сил, которые атакуют правое крыло 9-й армии, что противник, конечно, постарается прикрыть себя слева отрядом, который должен ее задержать (мне сообщают о колонне противника в движении из Сомесу на Монтепре).

43-я дивизия окажется наверно завтра бесполезной между двумя битвами.

Если отсутствие 43-й дивизии на левом фланге 4-й армии будет иметь последствием поражение моей армии, враг сможет всеми силами обратиться против 9-й армии.

Я считаю своим долгом сообщить вам об этой ситуации и просить вас, если вы все же решите, что 43-я дивизия будет завтра направлена на правый фланг 9-й армии, предписать мне это официальным приказом».

Ген. Жоффр оставил 43-ю дивизию за 4-й армией, согласившись с предложениями ген. Лангля. Утром 9 сентября главнокомандующий подтверждает, что главная задача 4-й армии — атаковать противника в северо-западном направлении на своем левом фланге, чтобы помочь 9-й армии; 3-й армии предложено продвигаться к западу, чтобы освободить правое крыло 4-й.

С утра 9 сентября части 21-го корпуса приступают к выполнению возложенных на них задач. 43-я дивизия продвигается в северном направлении; она должна обойти Сомпюи с запада и выйти севернее него в район Мезон-ан-Шампань (Maison en Champagne). 13-я и 23-я дивизии должны атаковать Сомпюи с юга.

К 11 час. авиационная разведка и захваченный приказ позволяют уточнить расположение частей противника. В районе Мейли находится левое (восточное) крыло 12-го рез. корпуса, западнее ручья Пюи — 23-я дивизия (германская), продолженная к востоку 19-м корпусом. Ни Труан-ле-Пти, ни Труан-ле-Гран, ни Пуавр (Poivres) не заняты противником, который, напротив, удерживается в Монтепре и Сомесу. Вдоль железной дороги Сомесу — Сомпюи немецкой пехотой вырыты окопы.

23-я дивизия (21-го французского корпуса) в течение дня продвигается к Сомпюи, по обоим берегам ручья Пюи. На западном берегу она подходит в 17 час. к городу, с окраин которого ее обстреливает артиллерия противника; пехоты, однако, не видно. На правом берегу у Эмбовиля продвинуться не удается, так как противник, окопавшись севернее деревни, удерживается на позициях при поддержке сильного артиллерийского огня. 43-я дивизия за день подходит к Пуавр, но, убедившись в том, что он занят немцами, останавливает свое движение. Маневр, задуманный ген. Лангль, остается невыполненным.

На участке 17-го корпуса между дорогами Сомпюи — Домпьер и Витри — Маржери противник прочно удерживается, заняв высоты южнее железной дороги Сомпюи — Витри. Попытки французов продвинуться вперед терпят неудачу из-за пулеметного огня. Командир

корпуса доносит командующему армией, что он вынужден «поместить на линию все свои резервы, из которых некоторые понесли большие потери, сильно сократившие их состав»; он требует подкреплений.

На участке 12-го корпуса, прикрывающего попрежнему дорогу Витри—Маржери в районе Шатель-Рауль, противник, кажется, утомлен своими атаками накануне и окопался. Но его артиллерия продолжает проявлять высокую активность.

На участке колониального корпуса, протяжением около 10 км, сражение приняло характер артиллерийской борьбы; противник удерживается в своих окопах на фронте Люксемон, Вильот, Воклер и не атакует. Тяжелая артиллерия проявляет некоторую активность, но меньшую, чем в предшествовавшие дни. Однако, попытка французов атаковать Экриен также не дала результата из-за огня противника.

На участке 2-го корпуса, на левом фланге, французы удерживают Фаврес; противник проявляет себя только артиллерийским огнем. В районе Морюп канонада противника становится все более яростной: деревни разрушены и горят, части несут большие потери. Немцы продолжают просачиваться в лес Труа-Фонтен; но сюда подошел уже отряд, выделенный 15-м корпусом (3-я армия); французы удерживаются в 1 км севернее Шеминон.

Вечером ген. Лангль принимает меры к новому усилению своего левого крыла: из колониального корпуса выделяется одна дивизия и из 2-го — одна бригада.

Таким образом, за 4 дня сражения 4-я армия удержалась на занятом ею фронте к югу от Марнского канала. Наступление 4-й германской армии было остановлено. В общем ходе сражения этот факт не имел бы сам по себе особого значения, так как исход сражения не привел к решительному результату; здесь так же, как и на р. Урк, создался неподвижный фронт, который обе стороны не могли преодолеть. Но значение этого факта было совершенно различно для двух противников. С германской стороны он означал остановку наступления и, следовательно, невозможность выполнить задачу, поставленную директивой германского главного командования от 4 сентября. С французской же стороны он означал выигрыш времени, в течение которого левофланговые армии смогли достигнуть победы.

Теперь мы можем более основательно представить себе положение, сложившееся в центре расположения союзников. Очевидно, что здесь не было достаточных сил для удержания фронта в случае прорыва мощной ударной германской группы. 4-я французская армия эту задачу выполнить не смогла бы, как ясно показывает приведенное выше письмо ген. Лангля. Однако, у германцев отсутствовали здесь серьезные силы: германская армия билась в бесплодных попытках прорыва на Марнском канале, тогда как в районе Мейли зияла брешь между 4-й и 9-й французскими армиями. В то время как французское

командование упорно сдвигало свои силы к западу, 4-я германская армия атаковала на восток, не использовав возможностей, открывавшихся в центре Марнской битвы.

в) Оборона Вердена (3-я французская армия 6—10 сентября)

Вечером 5 сентября арьергарды 3-й французской армии находятся на линии Нуайер (Noyers), Лаейкур (Laheycourt), Прец-ан-Аргон (Pretz en Argonne) — 5-й корпус; Бозе (Beauzée) и Амбленкур (Amblaincourt) — 6-й корпус. Фронтом на северо-запад армия прикрывает, таким образом, район Ревиньи и фронтом на север находится по обе стороны р. Эр (Aire), в 20 км юго-западнее от Вердена. На правый фланг армии 6 сентября должна выйти 3-я группа резервных дивизий (в 3 дивизии), а на левый фланг — 15-й корпус, который находится еще в районе Туля.

О противнике (5-я германская армия) известно, что его колонны в движении к югу от Сент-Менегуль (Ste Menehould) и Клермона (Clermont), т. е. по обе стороны Аргонн. Один из корпусов (5-й резервный) — на правом берегу Мааса.

3-я армия получила приказ от французского главного командования, прикрываясь к северу и северо-западу, выйти 6 сентября на запад, чтобы атаковать левый фланг сил противника, движущихся западнее Аргонн.

Однако, ген. Саррайль (Sarrail) счел, что первая его задача—атаковать германский корпус (16-й), идущий восточнее Аргонн. Поэтому он принимает решение: частью своего 5-го корпуса встретить противника, наступающего с запада, в районе Брабан (Brabant), Нуайер, Лемон (Laimont), Лупи (Louppy), т. е. блокировать проходы у Ревиньи; главные же силы (одна 17-я бригада 5-го корпуса, 2 дивизии с резервной бригадой 6-го и 3 резервных дивизии) направить против сил противника, идущих с севера. Гарнизон Вердена должен одновременно выйти на его тылы.

Но с утра 6 сентября 5-й корпус подвергается яростной атаке противника, наступающего с северо-запада (18-й рез. и 6-й германские корпуса), который, захватив Ревиньи, отбрасывает французские части к Невиллю (Neville sur Ornain).

6-й корпус первоначально продвигается вперед, но между 14 и 15 час. он остановлен перед Эвр (Evres), Буленвиль (Boulainville), Сен-Андре (St. André), Ипекур (Ippécourt) и вечером, под натиском противника, отходит к северо-западу от Рамберкур (Rembercourt) и Серокур (Séraucourt), на несколько километров назад от исходных позиций. Группа резервных дивизий удерживается северо-западнее Суйльи (Souilly), установив связь с 72-й дивизией, вышедшей из Вердена, которая, ведя в течение дня бой с противником, вечером находится в районе Жюбекура (Jubecourt).

Панорама местности у Ревиньи

В 22 ч. 25 м. 6 сентября ген. Саррайль отправляет следующее донесение в главную квартиру.

«Мы рассчитывали на поддержку 4-й армии, которая, отойдя, создала разрыв между собой и нами. Мы вели очень серьезный бой весь день. Ночью фронт армии проходит через Васенкур (Vassincourt), Невиль (Neuville), Лемон, Вильот-деван-Лупии (Villotte devant Louppy), Мершин (les Merchines), Сомен (Sommaisne), Денуд-деван-Бозе (Deux-nouds devant Beauzée), опушку леса д'Агей (d'Ahaye), западнее Сульи, Ош (Osches), Виль-сюр-Кузанс (Ville sur Cousances). Мы рассчитываем возобновить наступление завтра при поддержке головной дивизии 15-го корпуса, которая будет действовать в районе непосредственно западнее Бар-ле-Дюк (Bar le Duc). Но нам известно о наличии нового корпуса противника, который сначала направлялся на юго-восток и который к концу дня повернул к Сен-Мар-сюр-ле-Мон (Saint Mard sur le Mont), Нетанкур (Nettancourt). Важно поэтому, чтобы завтра 4-я армия приступила к действию».

7 сентября наиболее напряженным является положение в районе юго-восточнее Ревиньи. 5-й корпус разбит здесь на две части, связь между которыми поддерживается с трудом. 10-я дивизия удерживает переправы через Орнен (Ornain) у Невиля и Мюсей (Mussey). К ночи немцы овладевают Васенкуром. 15-й корпус успевает выдвинуть лишь одну бригаду в Кувонж (Couvonges). Севернее 18-я бригада подвергается жестокой атаке противника, наступающего с запада и овладевшего уже Лупи-ле-Шато. Однако, Вильот и Лупи-ле-Пти удерживаются 18-й бригадой; весь сектор ее расположения осыпается снарядами.

6-й корпус в течение дня пытается перейти в атаку, но после 14 час. немцы переходят в общее наступление при поддержке мощного артиллерийского огня и овладевают Амбленкуром и Денудом, вынудив части 6-го корпуса податься на 2—3 км назад от линии, занимаемой накануне.

Севернее 3 резервных дивизии пытаются продвинуться вперед, но вскоре их останавливает артиллерийский и пулеметный огонь немцев. К ночи фронт на правом фланге проходит впереди Сен-Андре, где артиллерия противника заняла удобные позиции для обстрела правого фланга 6-го корпуса, и далее восточнее Ипекура и Жюльвекура.

Ген. Саррайль в 21 ч. 30 м. получает следующие донесения от 6-го корпуса:

«40-я дивизия понесла сильные потери от действия неприятельской артиллерии. 65-я дивизия также. В общем положение таково же, как и вчера. 12-я дивизия, сильно пострадавшая, имеет силу 4—5 батальонов. 40-я и 65-я дивизии в состоянии держаться завтра. Остальные части требуют поддержки свежих войск. Окапываются на пунктах, занятых этим вечером. Противник: 16-й и 6-й рез. и часть 13-го корпуса».

Командующий 3-й армией в свою очередь доносит главной квартире: «Битва, завязавшаяся поздним утром, продолжалась весь день с разными переменами на общем фронте Васенкур, Вильо-деван-Лупи, Бозе, Ипекур, Жюбекур. Ничего решительного сегодня. Атака возобновляется завтра по всему фронту».

Главнокомандующий не особенно обрадован таким результатом. В 8 ч. 30 м. он телефонировал ген. Саррайлю:

«По имеющимся у меня данным, выходит, что силы, которые вам противостоят, исчисляются в два активных и один резервный корпус. С силами, которыми вы располагаете теперь или которые вы можете иметь сегодня, вы в состоянии не только противостоять врагу, но и нанести ему поражение. Вы окажете этим ценную помощь 4-й армии, которая имеет перед собой значительные силы врага и которая сверх того должна создать на своем левом фланге сильные резервы, чтобы контратаковать противника, продвигающегося против 9-й армии. Вы сообщили мне об использовании гарнизона Вердена против тылов про-

тивника, которые движутся восточнее Аргонн, я поздравляю коменданта Вердена с предпринятым действием; он должен продолжать непрестанно беспокоить сообщения противника, проходящего перед ним; при нынешних обстоятельствах и при отсутствии мер предосторожности с его стороны это действие может дать себя почувствовать на очень обширном расстоянии».

В 16 ч. 15 м. ген. Жоффр вновь обращает внимание командующего 3-й армией на опасность быть отрезанным от 4-й армии: «поскольку 4-я армия должна поддержать правое крыло 9-й, постольку вы должны дать почувствовать свое действие на правом фланге 4-й, прикрываясь в то же время от действий врага против вашего правого фланга».

Эта последняя опасность действительно начинает ощущаться вполне отчетливо: командующий 3-й армией получил сообщение, что противник сосредоточивает значительные силы в районе Ганонвиль-су-ле-Кот (Hannonville sous les Côtes) на правом берегу Мааса, в 15 км от форта Труайон (Troyon).

8 сентября прибытие 15-го корпуса французов сказывается на левом фланге в том, что с помощью его измотанные части 5-го корпуса удерживают свои позиции. Атаки против деревни Васенкур, которая, впрочем, сожжена и не занимается германцами, остаются безуспешными. Под огнем тяжелой артиллерии противника, который длится вплоть до позднего вечера, части 10-й дивизии удерживают переправы у Невиля и Мюсей. Вокруг Васенкура немцы вырыли окопы, которые заняты сильной пехотой.

Севернее 18-я бригада пытается вернуть обратно Лупи-ле-Шато, но огонь тяжелой артиллерии из района Лаейкур и из лесов севернее останавливает всякое продвижение вперед; требуется артиллерийская подготовка, но она не может быть осуществлена в этот день. Со стороны Вильот немцы продвигаются вперед, вынудив 313-й полк отойти к Лиль-ан-Баруа (Lisle en Barrois).

Еще с утра распространяется слух, что немцы на стыке 5-го и 6-го корпусов прорвались до Конде. Это приковывает части 6-го корпуса к месту; они удерживают за день старые позиции. Части устали и истощены тяжелыми потерями. Некоторое облегчение вносят искусные действия ген. Эра (Herr), который, установив артиллерию 6-го корпуса на позициях южнее дороги Сомен—Бозе, на фронте около 1 800 м, и выяснив с помощью авиации расположение позиций артиллерии противника, в 17 час. открывает огонь по неприятельским батареям, приведя их к молчанию.

Резервные дивизии 2 раза в течение дня атакуют противника, но каждый раз огонь артиллерии и пулеметов останавливает их при выходе из лесов на правом берегу р. Кузанс (la Cousance).

Угроза с правого берега р. Маас принимает реальные очертания: началась бомбардировка форта Труайон. Колонны противника движутся также к Сен-Миелю (Saint Mihiel).

Защитники форта Труайон отстреливаются, и его комендант обещает продержаться 48 час.; однако, 120-мм орудия не могут состязаться с тяжелыми немецкими орудиями, и положение становится все более критическим. Ген. Саррайль, тылам которого угрожает прорыв немцев (5-й корпус) с востока, приказывает взорвать мосты через Маас. Кавалерийские эскадроны посылаются для наблюдения за берегами Мааса.

Учитывая серьезность положения 3-й армии, ген. Жоффр посылает вечером Саррайлю телеграмму: «Я разрешаю вам, если вы найдете необходимым, отвести назад ваше правое крыло, чтобы обеспечить ваши сообщения и чтобы придать большую мощность действию вашего левого крыла. Важно не позволить отрезать 4-ю армию».

9 сентября продолжались бои за овладение Васенкур. Немцы укрепились на возвышенности западнее этой деревни, покрыв ее окопами и проволокой. Командир 15-го корпуса предписывает 29-й дивизии атаковать позицию лишь после артиллерийской подготовки. Еще ночью 111-й пех. полк пытался перейти в атаку, но был остановлен сильным ружейным и пулеметным огнем; полк, понеся тяжелые потери, отхлынул назад на исходные позиции. Но и после артподготовки результат второй атаки тот же самый. 112-й полк не мог даже выйти из леса, что южнее Васенкур, так как всю местность сплошь перекрывал пулеметный огонь немцев. Командир дивизии приказывает подвести ближе артиллерию и обстреливать немцев с короткой дистанции. Но «если французской артиллерии удается заставить немецкие батареи, расположенные западнее Васенкур, прекратить свой огонь, она не в состоянии разрушить пулеметы, расставленные на окраинах деревни, и заставить пехоту противника выйти из окопов, в которых она укрылась»[1].

По приказу Саррайля, 15-й корпус выделяет для установления непосредственной связи с 4-й армией сильный отряд, который проникает в глубь леса Труа-Фонтен.

Части 19-й бригады (5-й корпус), удерживавшие до сих пор переправы на Орнен, уходят утром на 3 км назад к мосту Варней (Varnay). На р. Ше (Chée), где держится 18-я бригада, немцы, стремясь развить достигнутый накануне успех, стараются просочиться через леса к востоку, непрерывно ведя артиллерийский обстрел позиций французов.

На участке 6-го корпуса обе стороны укрепляют свои позиции. Немцы не проявляют видимой активности, но все учащаются сведения о скоплении масс пехоты и артиллерии в тылу их позиции.

75-я рез. дивизия делает попытку наступать к югу от р. Кузанс, но оказывается перед окопами, занятыми пехотой и пулеметами немцев. Вечером противник при поддержке сильного артиллерийского и пулеметного огня обрушивается на позиции дивизии и заставляет ее отойти к Ош и Сульи.

---

[1] Les A. F. I³, 625.

На левом берегу Мааса противник не обнаружен. На другом берегу он продолжает бомбардировать форт Труайон из тяжелых орудий. Форт не отвечает, но защитники его, несмотря на разрешение, полученное от коменданта Вердена, отказываются сдаться. Когда немецкая пехота подходит вплотную, гарнизон сосредоточивается у орудий, готовясь защищаться до последней капли крови. Немцы обстреливают также форт Женикур.

Ген. Жоффр в своей телеграмме, посланной в 9 час. утра, советует не придавать особого значения активности немцев на Маасе. Самое важное «все больше и больше продвигаться к западу, в особенности на вашем левом фланге, чтобы последовательно оттеснить противника и высвободить правое крыло 4-й армии. Наступательное усилие должно продолжаться со всей энергией и необходимой быстротой; в пунктах, где противник обнаруживает превосходные силы, следует удерживаться на занятых позициях, укрепляя их. Битва ведется в хороших условиях, она должна привести к решительному результату. Главнокомандующий рассчитывает, что каждый сделает больше, чем требует долг».

Итак, в течение 4 дней 3-я французская армия удерживала противника юго-западнее Вердена. 9 сентября на левом крыле союзников был достигнут решительный результат. Можно было бы считать, что этим ее роль в Марнской битве исчерпана. Однако, для подведения итога нельзя пройти мимо событий 10 сентября, которые угрожали поставить на карту все достигнутое до сих пор. 15-й корпус 10 сентября овладевает лесом Труа-Фонтен и дер. Васенкур, но дальнейшее продвижение к Андерней и Ревиньи остановлено немцами.

В ночь с 9-го на 10 сентября 3 корпуса 5-й германской армии атакуют центр и правый фланг 3-й французской армии. С восходом солнца немцы овладевают Рамберкуром и, направляя атаку на северо-восток, переходят р. Эр и вторгаются в Курсель. 40-я дивизия отходит на фронт Шомон (Chaumont sur Aire) — Невиль-ан-Верденуа (Neuville en Verdunois). 12-я дивизия отброшена на высоты северо-восточнее Мара (Marats) и 9-я дивизия к востоку от Конде (Condé en Barrois). 65-я рез. дивизия—северо-восточнее Невиля. Хотя отход 6-го корпуса составлял всего 3—4 км, части потерпели жестокий урон; дождливая, темная ночь способствовала разбрасыванию частей, которые в беспорядке отступали до начала дня. Однако, немцы не развивали своего успеха в силу страшного переутомления войск.

Овладев Серокуром и Дену, немцы в 4 часа были уже в Эйпе (Heippes). Группа резервных дивизий находилась под угрозой быть отрезанной от 6-го корпуса. В результате обе дивизии отводятся на правый фланг нового расположения 6-го корпуса. 75-я дивизия через Нисей (Nicey), Виль-деван-Бельрен (Ville devant Belrain), Вильот (Villot devant St. Mihiel) с отрядом, выдвинутым в Рюп (Rupt devant St. Mihiel); 67-я дивизия занимает участок Курувр, Лагаймей (Lahay-

meix); главные силы — в Пьерфит (Pierrefitte). 72-я дивизия отошла к Вердену; между ним и 6-й армией находится теперь незанятый промежуток ок. 20 км. Форт Труайон продолжает держаться. 5-й корпус, также атакованный утром, обеспечивает связь между 15-м и 6-м корпусами в основном на своих прежних позициях.

Ген. Жоффр утверждает новое расположение частей 6-го корпуса и даже разрешает, в случае необходимости, отвести назад 6-й корпус. Задача правого крыла 3-й армии — держаться («durer» — тянуть). В своем приказе на 11 сентября ген. Саррайль предлагает центру и правому крылу занять выжидательную позицию, а 6-му корпусу, в случае слишком сильного давления противника, отходить, но не дальше линии Гаржевиль (Hargéville), Сейньель (Seigneulles), Бельрен.

События 10 сентября еще ярче подчеркнули главную роль 3-й армии — выиграть время, пока на левом крыле не будет достигнут решительный результат. Эта задача ею была выполнена [1].

5. ВОСТОЧНОЕ КРЫЛО В ДНИ 5—9 СЕНТЯБРЯ

(Схема 17)

а) 6-я и 7-я германские армии скованы в Эльзас-Лотарингии

Еще 27 августа германское главное командование отдало приказ кронпринцу баварскому Рупрехту форсировать Мозель между Тулем и Эпиналем. Это было подтверждено в директиве от 4 сентября.

К началу Марнской битвы выяснилась, однако, неудача этого предприятия. Германская тяжелая артиллерия оказалась бессильной перед цепью укреплений крепостного типа, оснащенной прекрасно пристрелявшейся артиллерией и обороняемой двумя армиями. Тяжелые потери немецкой пехоты оказались бесплодными [2]. Удивительно только одно — сколько времени понадобилось германскому главному командованию, чтобы уяснить этот очевидный факт. Для исхода Марнского сражения это промедление имело роковое значение. Только с этой точки зрения и заслуживает рассмотрения восточный сектор в дни 5—9 сентября, так как само по себе положение сторон осталось здесь почти неизменным.

---

[1] В статье „War Verdun im september 1914 einzuschliessen und einzunehmen?" („Можно ли было окружить и взять Верден в 1914 г.?") Альтман дает утвердительный ответ на этот вопрос. Приведем его мотивировку: „1. Саррайль своим упрямством и неповиновением Жоффру, без сомнения, задержал окружение Вердена армией кронпринца. 2. Если бы не произошло отнюдь не вызванное необходимостью германское отступление, Саррайль и его 3-я французская армия не смогли бы помешать ни окружению, ни позднейшему взятию Вердена; напротив, они сами стояли перед катастрофой" („Militär Wochenblatt", 1934, № 9). Подчеркнутые нами слова в этой цитате подтверждают полностью сказанное в тексте. Все дело именно в этой задержке и в этом опоздании.

[2] На 27 августа, по данным Рупрехта баварского, потери 1-го баварского рез. корпуса составили 300 офицеров и 10 000 бойцов, 21-го корпуса — 300 офицеров и 11 000 бойцов.

5 сентября 6-я германская армия занимала фронт Ланфруакур (Lanfroicourt) — эрзац-корпус; Эрбевиллер (Erbéviller) — 3-й баварский корпус; Мекс (Maixe) — 1-й баварский рез. корпус; Люневиль — восточнее Жербевиллер (Gerbéviller) — 2-й баварский корпус; Муайан (Moyen) — Донтель (Domptail)—21-й корпус; Ксафевиллер (Xaffeviller) — 1-й баварский корпус. 7-я армия: восточнее Рамбервильер (Rambervillier) — 14-й и 15-й корпуса; лес Сен-Дие (St. Dié) — 14-й рез. корпус, Ля-Круа (La Croix) — корпус Эбергардта и дальше в Эльзасе — отдельные мелкие части.

Всего 10 корпусов, бесплодно простоявших перед восточным поясом крепостей в дни Марнской битвы! Единственно полезная их роль, казалось, состояла в сковывании ими французских сил. Однако, уже 3 сентября французы начали переброску с этого участка на запад 15-го и 21-го корпусов; мы знаем уже, какую важную роль сыграли они в Марнской битве. В полдень 5 сентября начинает, наконец, действовать в этом направлении и германское главное командование. Командование 6-й армии запрашивается из главной квартиры — нет ли возможности выделить один корпус для переброски в Бельгию. Нет, кронпринц баварский считает это невозможным. Он ограничивается запросом командующему 7-й армией ген. Геерингену. Но, к его удивлению, этот последний соглашается выделить для переброски 15-й корпус, о чем и сообщает непосредственно германскому главному командованию. Последнее, несмотря на протесты Рупрехта, отдает приказ о переброске 8 сентября на запад командования 7-й армии (с непосредственным подчинением оставшихся корпусов командующему 6-й армии) и 7-й кав. дивизии; днем позже должна быть начата отправка 15-го корпуса; и, наконец, через 2 дня 6-я армия должна выделить для переброски еще один корпус. Но все эти корпуса не смогут уже принять участие в Марнской битве: они проведут эти решающие дни в дороге.

6 сентября кронпринц баварский предпринимает новую атаку против укреплений Нанси, но, несмотря на превосходство германской артиллерии, сопротивление противника оказывается слишком сильным. Гарнизон Меца, заняв на крайнем правом фланге армии Понт-а-Муссон (Pont à Mousson), продвигается до р. Аш (Ache); французы очищают важную позицию Сент-Женевьев (Sainte Geneviève), однако, немцы не занимают ее. Корпуса 7-й армии ждут, когда продвижение 4-й и 5-й армий откроет им путь через Мозель. Вечером 6 сентября в штаб 6-й армии является начальник боевого снабжения ген.-лейт. Зигер и ставит вопрос об изъятии для других участков тяжелых гаубиц и мортирных снарядов[1]. Командование 6-й армии опять протестует, но Зигер во всяком случае требует ограничения расхода снарядов.

[1] По данным Грепера, на восточном участке всего находилось 1 716 орудий против 1 000 французских.

7 сентября в штабе 6-й армии, в связи с продвижением 4-й и 5-й армий на юго-восток, оживают надежды на возможность частичного окружения сил противника. 3-му баварскому корпусу удается овладеть Шампену (Champenoux), но его продвижение вскоре остановлено. 1-му баварскому рез. корпусу французы оказывают стойкое сопротивление. Для переброски на запад командование 6-й армии выделяет 1-й баварский корпус.

8 сентября французская артиллерия усилила свою активность во многих пунктах; французская пехота переходила в небольшие атаки, которые были отбиты. 3-й баварский корпус несколько продвинулся в направлении к позициям Нанси, но это продвижение было, однако, вновь остановлено. Французская пехота казалась ослабленной, но артиллерия оказывала попрежнему удачное и стойкое противодействие. Между тем, по требованию главной квартиры, началась отправка боеприпасов для тяжелых орудий в район 5-й армии. Кронпринц баварский, видя, что база для дальнейших наступательных предприятий все больше размывается, решает лично направиться в главную квартиру. В его отсутствие представитель германского главного командования привез новый приказ. В нем говорилось:

«Так как не приходится больше рассчитывать на быстрое продвижение 4-й и 5-й армий в направлении Нефшато (Heufchâteau) — Мирекур (Mirecourt) и так как быстрое форсирование 6-й армией верхнего Мозеля стоит под вопросом, требуется дальнейшее изъятие крупных сил из 6-й армии. Необходимо немедленно же приступить к подготовке этого мероприятия. Не входящая организационно в состав армии тяжелая артиллерия, в особенности изъятая из Меца, должна быть возможно скорее освобождена для иного использования». Оставшиеся после изъятия силы должны были отойти на линию Мец—Саарбург.

Это был конец всяким надеждам достигнуть решения наступлением с востока. Но не предвидел ли еще Шлиффен беспочвенности таких надежд? Только после горького опыта Мольтке понял, что для успеха операции требуется не только располагать силами и нацелить их в определенных направлениях, но также и б ы с т р о выполнить намеченный маневр [1].

---

[1] Непоследовательность действий Мольтке на восточном участке удачно показана в статье „La manoeuvre de Lorraine“, par le colonel Pugens („Revue Militair Française“, novembre — décembre 1934): „Германское главное командование в начале операции, казалось, решилось не переходить р. Мерты, чтобы не наткнуться на укрепления французских крепостей; оно следует, таким образом, разумным предостережениям Шлиффена. Потом, опьяненное своим успехом 20 августа, оно запутывается само. Отбросив прочь первоначальный план, германское главное командование пускается с этого времени в маневр, который не был предусмотрен, хотя Мольтке всегда тайно лелеял его. Под давлением обстоятельств он был принужден съимпровизировать на левом крыле новую операцию. В то же время 4 сентября он пытается восстановить общее положение посредством этого нового маневра“.

Командование 6-й армии еще пыталось спасти остатки ресурсов для возобновления в перспективе большого наступления. Но 9 сентября в 1 час пополудни прибыл новый приказ германского главного командования: «Его величество повелел: не проводить наступления против передовых позиций Нанси. Отсюда следует, что все излишние части 6-й армии надлежит выделить для другого назначения. Необходимо немедленно предпринять подготовительные меры для занятия тыловой оборонительной позиции».

В заключение следует привести выдержку из дневника начальника штаба 6-й арм. ген.-майора Крафта, руководившего подготовкой артиллерии в операциях против Нанси:

«Надежды, выросшие у артиллеристов на основе их опыта против старых верков бельгийских крепостей, оказались здесь обманчивыми. Враг имеет большие пространства для движения. Он мог передвигать свои батареи по рельсовым путям туда и сюда и мог быстро ускользнуть от всякого действия... Поэтому никогда нельзя было добиться решительного действия против него. В высшей степени важно, что наше наступление было направлено не против изолированной крепости, но против такой крепости, фронт которой составлял часть боевого расположения армии. Атака велась против мощных сил армии, которая сумела использовать все силы и средства крепостей».

б) Гран-Куроне (Grand-Couronné)

4 сентября 2-я французская армия выделила, согласно приказу французского главного командования, 15-й и части 9-го корпуса (главным образом, 18-ю дивизию) для переброски на запад. В ее составе оставалось 2 активных корпуса (по 3 дивизии) и несколько резервных дивизий; всего 10 пех. и 1 кав. дивизия численностью 4 800 офицеров и 225 000 солдат. За счет крепости Туля армия значительно была усилена тяжелыми орудиями (120- и 155-мм), всего до 100 орудий. Однако, недостаток снарядов уже сказывался; 120-мм калибра нехватало. 9 сентября французское главное командование разрешило пользоваться запасами крепостей. С начала сентября 1-я и 2-я французские армии удерживались восточнее крепостного пояса Туль, Нанси, Эпиналь. 2-я армия опиралась на возвышенности, которые господствуют над Нанси и получили название Гран-Куроне: Сент-Женевьев (Sainte Geneviève), гора Тулон (mont Toulon), Гран Мон д'Аманс (Grand Mont d'Amance), выс. 410 и Рамбетан (Rambetant). В мирное время эти высоты не были укреплены, но с начала войны здесь было сооружено несколько укрепленных оборонительных линий. Высоты Гран-Куроне занимала 2-я группа резервных дивизий (59-я, 64-я и 68-я); на правом фланге к ней примыкал 20-й корпус (70-я рез., 39-я и 11-я дивизии); наконец, южнее находился 16-й арм. корпус (74-я рез., 32-я и 31-я дивизии), поддерживая связь с 1-й ар-

мией. Против 2-й французской действовала 6-я германская армия, которая занимала сильные укрепленные позиции: «серия центров сопротивления, взаимно фланкирующих и оснащенных тяжелой артиллерией» [1]; немцы имели здесь 2 активных корпуса, 1 резервный и эрзац-формирования, всего около 9 дивизий; однако, в артиллерии немцы имели превосходство: против 536 орудий 2-й французской армии находилось 650 орудий 6-й германской, из них значительная часть тяжелых. Ген. Кастельно, командующий 2-й армией, рассчитывал на осадную войну (une guerre de siège).

С вечера 4 сентября немцы начинают бомбардировку по всему фронту; в течение 5 сентября завязываются бои, в результате которых части 2-й французской армии терпят значительное поражение. Центр 20-го корпуса отходит на 5 км назад и левым своим крылом подходит вплотную к высотам Гран-Куроне, 73-я рез. дивизия отходит на 7 км от Пон-а-Мусон к югу, открывая фланг группы резервных дивизий. Артиллерия противника превосходит огнем французскую. Ген. Кастельно намечает эвакуацию Гран-Куроне и последовательный отход с задержкой на рубежах, о чем доносит главной квартире. Между 2-й и 3-й французскими армиями — открытый промежуток в 25—30 км. Противник здесь начинает проявлять активность.

6 сентября 20-му корпусу удается частично восстановить положение, вернув утраченные накануне позиции. Но на левом берегу Мозеля положение обостряется: 73-я рез. дивизия отходит еще на 6 км. Противник угрожает бомбардировкой крепости Туль. Сент-Женевьев обстреливается из тяжелых орудий и горит. Противник бомбардирует также все позиции Гран-Куроне; на Гран-Мон-д'Аманс в ночь с 6-го на 7 сентября упало 3 000 снарядов крупного калибра. Эвакуация Гран-Куроне в таких условиях грозила бы тяжелой катастрофой. Ген. Кастельно надеется, что части 2-й армии удержатся на своих позициях.

7 сентября немцы возобновляют прямую атаку Нанси. Бомбардировка Сент-Женевьев прекращается в 3 часа: бригада 33-й германской дивизии атакует окопы. 314-й полк не выдержал ее натиска и отошел к Виль-о-Валь (Ville au Val). В 6 час. утра немецкая пехота силой в одну бригаду ведет атаку вдоль дороги Шато-Салэн — Нанси против окопов, занятых 136-й бригадой (68-я рез. дивизия), при поддержке одного полка полевой артиллерии и 8 батарей тяжелой. Французы оставляют Шампену (Champenoux). Прибывшая на подмогу 135-я бригада попадает под губительный огонь немецкой пехоты, сопровождаемый огневым валом (un barrage d'artillerie); к 8 час., понеся тяжелые потери, она доходит до фермы Фурас (Fourasse), 3,5 км северо-восточнее Ланевелот (Laneuvelotte), откуда ее отбрасывает сильная контратака немцев. Французские батареи Аманса и Рошет (la Rochette) разгромлены тяжелой артиллерией противника, который

[1] Les A. F. I[3], 1163.

овладевает этими важными позициями и Ланевелот. Лишь гора Аманс в руках французов.

На участке 20-го корпуса противник обстреливает возвышенность к востоку от Желенонкур (Gelenoncourt), занятую 39-й дивизией. В 17 час. немецкая пехота, спускаясь по склонам западнее дороги Друвиль (Drouville) — Курбесо (Courbessaux), сбивает дивизию с занятых высот и вынуждает ее отойти к Гарокуру (Haraucourt); однако, противник не может продвинуться дальше высот, что в 500 м к юго-западу от Желенонкур.

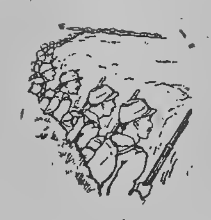
На левом берегу р. Мозель немцы выдвинули из крепости Мец смешанную бригаду с артиллерией, которая расположилась на позициях севернее р. Аш (Ache), на линии северо-восточнее Манонвиль (Manonville) и Новьан-о-Пре (Noviant-aux-Prés), Флирей (Flirey). 73-я дивизия удерживается в Дьелуар (Dieulouard) и на местности между рр. Мозель и Аш. Западнее в Воевре (Woëvre) нарастает, однако, активность противника, угрожающая 3-й армии. Ген. Жоффр приказывает направить сюда 24-ю кав. дивизию в район Бомон (Beaumont).

8 сентября противник не обнаруживает активности на фронте 2-й армии. Только тяжелая артиллерия причиняет жестокие страдания защитникам подступов к Нанси. Кажется, что немцы уводят с фронта свои части. Кое-где войска продвигаются даже вперед. На участке 16-го корпуса обнаружены окопы, эвакуированные противником в ночь с 7-го на 8 сентября; эти окопы занимаются французами во второй половине дня. В район Воевра ген. Кастельно выделяет смешанную бригаду, которая направляется вместе со 2-й кав. дивизией.

9 сентября противник возобновляет бомбардировку и атаки против Нанси, которые не вносят, однако, существенного изменения в расположение сторон. В ночь с 9-го на 10 сентября Нанси обстреливается из 130-см орудий.

10 сентября 2-я французская армия переходит в частичное наступление, которое дает небольшой выигрыш пространства.

Атака немцев против Гран-Куроне в дни Марнской битвы не дала результата: они продвинулись всего на 3—4 км, не захватив, однако, нигде решающих узлов сопротивления.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

РАЗВЯЗКА

(9 сентября на Марне)

(Схемы 5, 6, 15, 18 и 19).

Девятого сентября произошел исторический перелом в ходе войны: германские армии отступили от Парижа. Нам предстоит теперь исследовать, как в этот роковой день нарастало и осуществлялось это величайшей важности событие. Нам придется неизбежно коснуться легенд, которыми успащена история этого дня, и в частности легенды о пресловутом посланце германского главного командования—подполк. Хенче (Oberstleutenant Hentsch). 8 и 9 сентября, по поручению ген. Мольтке, он объехал слева направо все германские армии от Вердена до Парижа. Мы предлагаем читателю последовать за ним в этой поездке и рассмотреть положение на участке каждой из этих армий.

1. ЛЮКСЕМБУРГ

До сих пор наше изложение обходилось почти без всякого упоминания о Мольтке, фактически осуществлявшем командование всеми германскими армиями; в этом просто не было нужды, так как никаких директив германское главное командование в ходе сражения не дало. Мольтке сидел в далеком Люксембурге, на расстоянии около 180 км от главного очага боевого пожарища. Сама обстановка в главной квартире как бы символизировала обреченную бездеятельность начальника штаба германского войска. В небольшом доме «школы для девиц» в большой тесноте разместились основные отделы штаба; вместо столов — доски, положенные на козлы; наконец, вместо электрического освещения — скудный свет лампы. Все это германскими источниками используется для поэтических сравнений: в этих потемках сгущалось ощущение тревожной неизвестности и тяжелого одиночества ген. Мольтке. Поэтическая фантазия официальных историографов работает и дальше, подавая нам неплохо скомпанованный образ чувстви-

тельного мечтателя, принципиального противника войны, болезненного старого человека, который был неспособен управлять миллионными армиями в кровавой упорной борьбе.

Ген. Гоффман в своей известной книге пишет следующее:

«Мы должны были бы выиграть войну на западе, если бы она велась по первоначальному плану Шлиффена, т. е. если бы мы после прорыва через Бельгию усилили и продолжили правое крыло всеми силами, какими располагали. Этого не было сделано; напротив, с правого фланга были взяты войска для переброски на восточный фронт. Вот, вне всякого сомнения, провал первого высшего командования.

Несмотря на это, контрудар на Марне не должен был иметь места, и тем не менее он произошел. Если кризис 2-й армии не был преодолен энергичным действием, если наступление, предпринятое 1-й армией с тем, чтобы покончить с возникшими трудностями, не было поддержано, если, наконец, роковая миссия Хенча, носителя маловразумительного словесного приказа и неопределенных полномочий, сделала возможным чудо на Марне, непонятное для французов, — все это составляет в еще большей степени провал высшего командования Мольтке».

Гренер в своем произведении «Der Feldherr wider Willen» пишет о Мольтке так: «Он... никогда не умел справиться с колебаниями своего недостаточно твердого духа. Знатный, прямой, любезный человек совершенно терялся при малейшем душевном потрясении. Пылающий огонек воли отсутствовал, когда обстоятельства складывались не так, как он ожидал. Главною чертой его характера было болезненное, терпеливое, уклончивое отношение к проявлению своей воли... Смелость мысли пугала его так же, как и проявление воли».

Вот как рисует нам портрет Мольтке ген. Бауер[1]: «Ген. фон-Мольтке был умным и просвещенным человеком; несмотря на свою внешнюю холодность, он был очень чувствителен, быть может, чересчур. Он принял на себя обязанности начальника генерального штаба с чувством полной лойяльности в отношении императора; он не имел, к несчастью, темперамента вождя. Это был нерешительный человек; он, кроме того, был очень болен в начале войны. Его назначение на наиболее важный пост в армии было роковой ошибкой».

Итак, «роковая ошибка»! Кроме громкого имени и некоторых качеств неплохого вообще человека, у Мольтке не оказалось никаких данных для осуществления высоких функций, к которым он был предназначен. Чтобы окончательно убедить нас в этом, даже официальные немецкие труды используют такого рода «документы», как письма Мольтке к его жене. 7 сентября он писал из Люксембурга:

«Сегодня день большого решения, все наше войско от Парижа до верхнего Эльзаса находится со вчерашнего дня в бою. О, если бы я мог сегодня отдать свою жизнь, чтобы этим завоевать победу, я сде-

---

[1] „Великая война на фронте“, 1923.

лал бы это с величайшей радостью, как это вновь делают тысячи наших братьев и тысячи уже сделали. Какие потоки крови уже пролились, какое неописуемое бедствие пронеслось над бесчисленными невинными людьми, у которых сожжен и опустошен дом и двор. Меня охватывает часто ужас, когда я подумаю об этом, и у меня появляется мысль, что ответственность за весь этот ужас лежит на мне, и, однако, я не мог бы действовать иначе, как произошло».

Составители трудов Рейхсархива, видимо, считают, что невозможно в одно и то же время твердой рукой руководить сражением и писать чувствительные письма своей жене. Но для чего же вскрывается вся эта подноготная жизнь Мольтке в роковые дни, причем психологические экскурсы выдаются всерьез за исторический анализ? Не для того ли, чтобы скрыть и замаскировать подлинно важные и существенные факты?

Почему в самом деле начальник штаба германского войска оказался изолированным от живой действительности, происходившей на полях сражения? В этом сыграли роль вовсе не только личные ошибки Мольтке, в этом сыграл роль и метод руководства войсками германского главного командования. Напрасно при этом отгораживают Мольтке от Шлиффена. В данном случае он просто выполнял предначертания Шлиффена. Не Шлиффен ли писал в своем очерке «Полководец» (1906 г.) следующие строки:

«Он находится д а л е к о в доме с вместительными канцеляриями, где телеграфные установки и радио, телефоны и сигнальные аппараты находятся под рукой, толпы велосипедистов и мотоциклистов, подготовленных к самым дальним поездкам, ждут приказов. Там, на удобном стуле перед широким столом, н о в ы й А л е к с а н д р[1] имеет на карте все поле сражения перед собой. Оттуда он передает по телефону зажигательные слова, там получает он сообщения командующих армиями и командиров корпусов, привязных аэростатов и управляемых воздушных кораблей, которые вдоль всей линии наблюдают за движением противника, следят за его позициями. Самая существенная задача руководителя сражением выполнена, когда он задолго до того, как последовало столкновение с врагом, дает пути движения и направление всем командующим армиями и командирам корпусов, по которым они должны итти вперед, и указывает им приблизительно дневные цели».

Мольтке лишь выполнил буквально до карикатурности эти предписания, в которых он видел признак «нового Александра».

Конечно, тот факт, что Мольтке не отдал в ходе Марнской битвы почти ни одного распоряжения, является беспримерным в военной истории. Но так же обстояло дело в трех пограничных сражениях: при форсировании 4-й германской армии Мааса, в сражении при Сен-

---

[1] Разрядка наша.

Кантене, Гизе. Поскольку в этих сражениях германцами был одержан успех, Мольтке мог даже считать, что такой принцип, основанный на предоставлении полной инициативы командующим армиями, является безусловно верным и надежным. Во всяком случае с упорством, которое по крайней мере требует внести поправку в легенду о полном его безволии, Мольтке придерживался усвоенного им метода до конца. По этому поводу полк. Таппен (начальник оперативного отдела штаба германского главного командования) в 1925 г. пишет следующее:

«Ген. Мольтке упорствовал в своей прежней точке зрения, что руководство сражением на основе директив главного командования следует передать испытанным командующим армиями и не вмешиваться самому в это руководство, в особенности потому, что в распоряжении германского главного командования не было резервов, и что немецкий боевой фронт был прежде связан наступлением противника, которое, повидимому, велось численно преобладающими силами»[1].

Во всей деятельности германского главного командования в начале войны явственно выступает тенденция к разрыву между стратегией и тактикой, между высшим оперативным руководством и тактическим руководством сражением. В результате руководство самого германского главного командования принимало формально схематический характер, превращалось в схоластическое творчество штабной бюрократии. Такая тенденция вовсе не появилась случайно во время войны, а, напротив, была традицией минувших войн и мирного времени. Творчество Шлиффена не было свободно целиком от этого мертвящего схематизма: разрыв между стратегией и тактикой заключался, как мы видели, в самом шлиффеновском плане. Мольтке продолжал эту традицию, на которой был воспитан. Он считал чем-то само собой разумеющимся, что дело высшего командования «чистая» стратегия, тактика же была передана в ведение командующих армиями и ниже. Мольтке почти не интересовался тем, что же собственно происходило на полях сражения, каковы новые условия ведения боя; считалось, что все это давным-давно известно и идет, как положено, по-старинке. Уроки Маасского сражения не были, например, учтены, а ведь здесь было кое-что полезное и для предвидения того, что произошло на Марне.

Этот метод, родившийся в мертвящей обстановке высших штабов, где война приобретает вид схем, жестоко отомстил тем, кто его культивировал. Мольтке ни разу до исхода Марнской битвы не посетил фронта (впервые необходимость тесного общения с боевой действительностью учел сам верховный главнокомандующий имп. Вильгельм, который сделал неудачную «вылазку» в Шалон 8 сентября). Но не это самое худшее — гораздо хуже, что Мольтке свою теорию «невмешательства» возводил в принцип. Невнимание к тому, что делали

---

[1] „Der Weltkrieg“, IV, 135, примечание.

корпуса, дивизии, полки и батальоны, привело к тому, что начальник штаба германского главного командования оказался оторванным и от армии. Дело не в том, что сам он сидел в 180 км от наиболее важного участка фронта; здесь надо напомнить, что французская главная квартира находилась в Шатильоне на Сене в 100—150 км от фронта, и что Жоффр после начала сражения не покидал ни разу ее. Гораздо серьезнее тот факт, что связь с командующими 1-й, 2-й и 3-й армиями почти совершенно отсутствовала. Здесь Мольтке забыл предуказания Шлиффена, забыл вообще азбуку стратегического руководства. Начав с того, что командующие армиями не нуждаются в его опеке и в срочном случае поступят по своему разумению, Мольтке кончил тем, что вообще ничего не знал о положении этих армий. Телеграфной связи с тремя указанными армиями не было вовсе. Радиосвязь работала совершенно неудовлетворительно; сообщение Клука от 31 августа в 22 часа было, вследствие помех, передано с радиостанции 1-й армии лишь 1 сентября в 16 ч. 30 м. и принято в Люксембурге в штабе только поздно ночью 2 сентября. Это было обычным явлением. Германское главное командование питалось главным образом перехваченными радио, которыми обменивались между собой армии, сомнительными агентурными данными и... газетами. Понятно теперь, как получилось нелепое положение, когда начальник штаба германского главного командования не знал, что делается с его армиями и даже, где собственно они находятся.

а) Посылка подполк. Хенча 8 сентября

Директива Мольтке от 4 сентября ясно указывала на то, что нарастание опасности на правом крыле стало лейт-мотивом его стратегического руководства. Уже эта директива предписывала переход к обороне на западе, сохраняя наступательную задачу лишь армиям восточного крыла. Этот момент нужно здесь подчеркнуть, так как от него тянется нить к конечному решению об отступлении. 5 сентября в 11 ч. поступает радио от 1-й армии, в котором она сообщает о продолжении преследования противника южнее Марны. Мольтке по обыкновению опасается немедленного и активного вмешательства в действия командующего армией. Но так как продолжают поступать данные о переброске французских транспортов к Парижу, в штаб 1-й армии посылается подполк. Хенч с поручением «побудить 1-ю армию к отступлению позади Марны». Вскоре сообщение от 2-й армии подтверждает опасность наступления крупных сил противника со стороны Парижа. Помимо того, еще неприятные сообщения: угрожает десант англичан в Бельгии; из Архангельска отправляются сюда же русские войска. Это последнее и гнетущее сообщение было передано начальнику штаба все тем же подполк. Хенчем, начальником разведывательного отдела, с особой отметкой о его важности. Мольтке крайне обеспо-

коен этой угрозой сообщениям германского войска. Неоднократно он указывал своим сотрудникам на красное пятно, обозначающее город Лилль, со словами: «Отсюда грозит опасность». Во второй половине дня получено донесение от 1-й армии, посланное 4 сентября; в нем между прочим Клук просит о посылке ему подкреплений. 3-я армия осталась 5 сентября на месте, чтобы дать отдых войскам, без всякого протеста со стороны Мольтке.

6 сентября, благодаря случайно захваченному на участке 30-й пех. бригады (4-я армия) экземпляру приказа Жоффра, Мольтке узнает о том, что союзники перешли в общее наступление. Мольтке немедленно сообщил об этом командующим армиями без всяких дополнительных указаний со своей стороны. Можно строить какие угодно предположения о том, чем объясняется этот поразительный п а р а л и ч в о л и германского главного командования в такой ответственный момент. Само собой разумеется, что оно имело в своем распоряжении достаточно возможностей, чтобы со всей энергией реагировать на полученное известие. Нет смысла заниматься такими предположениями — важнее установить связь этого нового проявления невмешательства германского главного комадования в события с предшествующими фактами. Надо учесть, что Мольтке попрежнему не знал о конкретной обстановке на фронте армий правого крыла. Скудные известия, получаемые от них за день, были пополнены информацией вернувшегося Хенча, который сообщил о боях 4-го рез. корпуса на Урке и предстоявшем подходе сюда 2-го корпуса. Мольтке не решился что-либо предпринять, не имея более точных данных. Решение у него уже назревало, но оно было слишком ответственно, чтобы принять его, не взвесив всех оставшихся шансов; это решение вытекало из п е с с и м и с т и ч е с к о й оценки общего положения, которое уже было выражено в директиве 4 сентября и означало не больше не меньше как необходимость о т с т у п л е н и я армий правого крыла.

7 сентября рано утром были получены более точные данные о положении 1-й армии. Утешительного мало: тремя корпусами армия пытается противостоять наступлению союзников со стороны Парижа, а два ведут тяжелый бой на юге. Позднее поступают сообщения, что и эти два корпуса отходят на р. Урк. Все эти сообщения рисовали возрастающую путаницу на правом крыле; между 1-й и 2-й армиями нет согласованности в действиях; с отводом 3-го и 9-го корпусов возникает брешь. Но Мольтке опять не дает никаких распоряжений. Посетивший его в этот день командующий 7-й армией ген. Гееринген сообщает об «угнетенном, страдающем, пессимистическом» состоянии духа начальника штаба германского главного командования. Видимо, он не видел иного выхода, как отступление армий правого крыла, положение которых становилось все более опасным.

С утра 8 сентября в главной германской квартире продолжает нарастать это мрачное настроение в связи с новыми известиями о поло-

жении правого крыла. Правда, в полученном в 4 часа утра радио от 1-й германской армии сообщалось об уверенности ее командующего в благополучном исходе сражения 8 сентября (отправлено из штаба 1-й армии 7-го в 17 час.). Одновременно в этом сообщении указывалось, однако, что «командир 2-го кав. корпуса прикрывает линию Мо—Куломье, где продвижение крупных сил противника отсутствует...» Именно этот момент — наличие бреши между 1-й и 2-й армиями — привлек особое внимание ген. Мольтке; только кавалерия прикрывает разрыв, 2-я армия также сообщила отнюдь не обескураживающие известия о своем положении: она удерживается на самих позициях и собирается 8 сентября продолжить наступление на своем левом фланге. Однако, и здесь ложка дегтя была примешана к бочке с медом: «Вследствие сильных потерь 2-я армия имеет боевую силу всего в три корпуса». Впоследствии выяснилось, что эта фраза в конце донесения была прибавлена лично ген. Бюловым. Несмотря на то, что в ней по сути дела ничего нового и поразительного не сообщалось, она также произвела на ген. Мольтке тяжелое впечатление. В 7 час. утра было перехвачено радио 2-й армии, в котором ген. Рихтгофену предлагалось принять безотлагательно меры к обеспечению правого фланга этой армии севернее Монмирайля. В 9 час. — ответное радио 1-го кав. корпуса, в котором сообщалось, что линия М. Морена прорвана, и что корпус отходит за р. Долло.

Правда, одновременно были получены успокоительные сведения о положении на побережьи и в Бельгии; вновь формируемая 7-я армия получила приказ передвинуться в район Сен-Кантена, чтобы укрепить правое крыло.

Мольтке созывает утром 8 сентября совещание, на котором присутствуют: начальник оперативного отдела полк. Таппен (Tappen), начальник политического отдела полк. Домес (Dommes) и начальник разведывательного отдела подполк. Хенч. Два первых высказывают оптимистическое суждение о положении. Хенч молчит. О чем он думал в этот момент? Каково было его мнение по поводу полученных сообщений? Об этом можно только догадываться. По свидетельству его подчиненного кап. Кениг (König), взгляды Хенча на положение германских армий были пессимистичны с начала войны; во всех сообщениях, прибывающих с фронта, он видел только худшее; у него уже в то время созрело мнение, что выправить положение можно только отступлением германских армий, флангу которых Париж создавал серьезную угрозу. Во всяком случае, на указанном совещании вопрос об отступлении не ставился. Мольтке решает лишь послать представителя генерального штаба для точной информации положения на правом крыле. Выбор его останавливается на подполк. Хенче.

Дальше мы попадаем в область таинственной и темной истории. Сам Хенч в документе, написанном им 15 сентября, сообщает, что им были получены от Мольтке полномочия («Gemächtigung») «в слу-

чае нужды отдать приказ об отступлении 1-й —5-й армий за р. Вель и на высоту северного края Аргонн». Мольтке же впоследствии (вероятно, в феврале 1915 г.) на актах 1-й армии сделал надпись: «Полк. Хенч имел только поручение передать 1-й армии, что, если ее отход станет необходимым,—она должна отойти на линию Суассон—Фим, чтобы таким образом снова примкнуть ко 2-й армии. Он никоим образом не имел задания сказать, что отступление неизбежно. Приказ об отступлении 1-й армии не отдавался мною. Также и приказ об отступлении 2-й армии».

Дальнейших документов не имеет смысла цитировать. Поскольку письменного приказа Хенч не получил, мы остаемся в сфере гаданий. Но общая картина не вызывает сомнений. Лицо главнокомандующего (фактически) германскими армиями в этот ответственнейший момент, даже если судить по его собственному свидетельству, выявляется слишком отчетливо: армии отступают без его приказа, причем—удивительным образом — он воспринимает это как должное. Подобный способ сложить с себя ответственность может вызвать лишь усмешку. Рейхсархив, на основании сличения разных показаний, приходит к выводу, что между Мольтке и Хенчем произошла беседа с глазу на глаз перед отъездом последнего. Иначе, конечно, и быть не могло. Почему, например, Хенч не едет к правому флангу германского расположения, как было условлено на совещании, а объезжает все армии, начиная с левого фланга? Очевидно, им были получены специальные инструкции лично от самого Мольтке. В какой форме? Это установить невозможно. Но ясно, что речь шла *только об отступлении*, о неизбежном или возможном—другой вопрос.

Мы ни в каком случае не присоединяемся к мнению, что отступление германских армий 9 сентября было неотвратимо и неизбежно. При самом неблагоприятном стратегическом положении исход борьбы решается столкновением живой силы, вооруженной техническими средствами. Сильная и уверенная в себе, сознательная воля главнокомандующего могла бы во много крат повысить динамику битвы, устранить помехи маневру, внести согласованность, — словом, направить события по иному руслу. Такой вариант был вполне возможен, а кто может определить пределы осознавшей себя и всю обстановку твердой и непоколебимой воли, в особенности такого могущественного аппарата, каким было германское главное командование? Но действительность дала иной вариант: в главной квартире царит не бодрая уверенность в победе, а капитулянтские настроения. И вот они начинают *принижающе* действовать на пружины всего сражения от Парижа к Вердену; они *ослабляют*, а не укрепляют волю командующих армиями в тяжелых испытаниях. Можно поверить, что 8 сентября утром еще не был отдан приказ об отступлении. И в самом деле, зачем посылать представителя германского главного командования во все армии, если такой приказ мог бы быть передан просто по

радио? С другой стороны, если бы по прибытии в 1-ю армию Хенч нашел завершенную победу ее частей, конечно, приказа об отступлении отдано не было бы. Но маневр 1-й армии шел на тормозах, соседи ей не помогали, стратегическая обстановка ухудшалась, и в такой обстановке пессимизм Хенча перешел на страницы истории.

Вместо развязывания и способствования живым динамическим силам гигантской битвы германское главное командование тормозило их, с тем чтобы в конечном итоге дать обратный ход.

б) Левый фланг Марнской битвы

В 11 час. утра Хенч выехал на автомобиле из Люксембурга в сопровождении капитанов генерального штаба Кенига и Кеппена (Koeppen). Дорогой он будто бы сказал, что его сделают «козлом отпущения» за чужие грехи. Так оно, по правде сказать, и вышло. Однако, официальная немецкая история проделала это с большой осмотрительностью. Взвалив на Хенча всю ответственность за отступление, она в то же время старается не слишком измельчить и принизить тщательно разработанный ею образ злополучной тени ген. Мольтке, отсиживавшегося в своем «прекрасном далеке». Иначе вся концепция выходила бы уж очень неправдоподобной.

В 14 час. дня Хенч прибыл в Варен (Varennes), где находился штаб 5-й армии. Здесь ему изложили в благоприятном свете положение на фронте: после взятия фортов Труайон и Ле-Парош рассчитывали на решительный успех. Хенч своего мнения не высказал, но обещал еще раз заехать на обратном пути.

В 16 ч. 15 м. Хенч был уже в Куртизоле (Courtisol) — в штабе 4-й армии. Здесь также царило оптимистическое настроение, и Хенч по телефону (из этого пункта была прямая телефонная связь) сообщил благоприятную оценку в главную квартиру.

В 17 ч. 45 м. Хенч прибывает в Шалон — штаб 3-й армии. Здесь составлено уже вечернее донесение главному командованию; в конце него стоит, однако, неприятная фраза: «На правом крыле 2-й армии дело, должно быть, обстоит неблагоприятно: угрожает охват». Из песни слова не выкинешь! А оно сильно портит цельность официальной легенды. В самом деле, если 8 сентября к вечеру в штабе 3-й армии понимали, что 2-й армии угрожает охват справа, как можно утверждать, что собственно и 9 сентября 2-й армии на ее правом крыле никакой серьезной угрозы не было? Хенч делает к донесению приписку: «Положение и настроение в 3-й армии весьма благоприятны».

Впоследствии, в штабе 1-й армии, Хенч дал противоположную оценку положения на левом крыле Марнской битвы. В самом деле, если 4-я и 5-я армии действительно продвигались вперед в отдельных районах, если в центре сражения французскому расположению

угрожал прорыв, что все это означало в общей картине гигантского сражения? Разрыв между правым и левым крылом германского расположения: правое крыло фронтом все больше повертывалось на запад; левое же—на восток. Но поскольку правое крыло было сковано наступлением союзников и именно здесь чрезвычайно быстро назревал кризис, наступление левого крыла, даже если оно и протекало бы успешно, только обостряло этот кризис в еще большей степени. Все меньше оставалось надежды быстро сдвинуть расположение к западу, усилив крайний правый фланг. Можно понять, таким образом, почему черные мысли все настойчивей осаждали Хенча по мере того, как он двигался к правому флангу. Напрасно нам намекают на болезненную неврастению, обострившуюся якобы у Хенча в это время: несомненно были и объективные условия, которые могли больно бить по нервам.

2. МОНМОР (MONTMORT)

(Схемы 15 и 18)

а) Отступление 2-й армии предрешено

В 19 ч. 45 м. вечера 8 сентября Хенч прибывает в Монмор, где находился штаб 2-й армии. Пребывание его здесь до утра следующего дня ярко расцвечено легендой, которая должна заменить научное истолкование событий. Официальная история стремится приковать наше внимание к максимально точному и беспристрастному воспроизведению всех мелочей, относящихся к Хенчу, и разговорам, происходившим вечером 8-го и утром 9 сентября.

Но для научной критики все это представляет чрезвычайно ничтожный интерес. Когда вы приняли какое-либо решение, оно представляется как очень простой и вполне понятный факт; но попробуйте вспомнить, как принималось вами это решение; даже в самых элементарных случаях процесс осложняется множеством деталей — переживаний, ассоциаций, случайно возникших при этом впечатлениях и т. д.

Можно буквально потонуть, или, вернее, утопить истину, если приняться за добросовестное собирание мелочей жизни Монмора в эти критические часы. Что именно было сказано? Кем? Когда? Конечно, все участники сообщают по-разному о происшедшем, и здесь, возможно, вовсе нет сознательного надувательства, так как каждый воспринимал события с особым оттенком, зависевшим от множества случайных причин. Но стоит применить научный критерий, вскрыть объективное содержание этих бесед, и все станет ясным: в Монморе вечером 8-го и утром 9 сентября нарождалось мучительно и противоречиво решение об отступлении.

Всегда в таких случаях можно найти деталь, которая служит символом, как бы предуказанием рока. Подъезжая к штабу 2-й армии,

Хенч видит обоз, дышла которого повернуты на север. Не очень изящный образ, но за неимением более подходящего и он используется официальной немецкой историей для постепенного развертывания мистического покрывала, которым должна быть прикрыта подлинная суть событий. Конечно, Хенча разуверяют и успокаивают: это личное распоряжение молодого офицера, не знающего обстановки, но на Хенча будто бы это действует как некий перст, указующий ему путь грядущего. Дальше нас хотят уверить, что до приезда Хенча никто об отступлении в Монморе и не думал. Все наполнено здесь бодрым оптимизмом. Ген. Бюлов только что вернулся с фронта, и настроение войск вселило и в него уверенность в прочности положения. Хенч — вот кто произнес впервые слово об отступлении. Полк. Матес (Matthes) сообщает следующее о беседе начальника штаба 2-й армии ген.-лейт. Лауенштейна (Lauenstein) с Хенчем: «Когда я приблизительно через десять минут подошел к обоим, ген.-лейт. Лауенштейн сказал мне, что после всего, что он слышал от полк. Хенча, положение 1-й армии представляется, очевидно, гораздо более серьезным, чем мы думали. По мнению полк. Хенча, нельзя, очевидно, считаться больше с тем, что 1-я армия может покончить полностью с противником, который наступает из Парижа, и затем отразить противника, прорвавшегося между 1-й и 2-й армиями. Как ни тяжело, но, по мнению главного командования, следует считаться с возможностью отступления за Марну. Здесь впервые было сказано слово об отступлении... На меня, понятно, эта внезапная мысль об отступлении произвела сильнейшее впечатление, и я сейчас же указал на роковые последствия такового. Вместо ген.-лейт. Лауенштейна мне на это возразил полк. Хенч, что, к сожалению, ничего другого не осталось бы, если враг большими силами прорвется между 1-й и 2-й армиями. Он прибавил еще к этому, что, по воззрению главного командования, своевременный добровольный отвод (Zurücknahme) правого крыла войска был бы далеко не таким роковым, как если 1-я армия будет охвачена прорвавшимся врагом с тыла и совершенно разгромлена. Тогда отступление всего прочего войска стало бы необходимым совсем в иных масштабах» [1].

Может быть, все это записано и верно. Может быть, Матес несколько сгладил выражения. Все это серьезного значения не имеет. Для нас безразлично, кто первый сказал роковое слово «отступление». Важно, что оно было сказано не случайно, потому что в дальнейшем все участники неизбежно возвращаются к обсуждению все той же печальной, но неотвратимой перспективы. Понятно, что Бюлов подчеркивает, что его армия находится на левом своем фланге в превосходном положении; другое дело — правое крыло, и здесь он взваливает вину за создавшуюся ситуацию на 1-ю армию. Темным местом

[1] „Der Weltkrieg“, IV, 234.

являются пущенное кем-то в беседе крылатое словечко «превращена в шлак». Сказано ли оно было о 2-й или 1-й армии — установить немыслимо. Нужно подчеркнуть один момент, что даже в изложении Рейхсархива Бюлову приписаны слова о том, что «зияющая, благодаря отводу 3-го и 9-го арм. корпусов, брешь между 1-й и 2-й армиями ставит в опасность фланги обеих армий»[1]. Две неприятельских колонны уже обнаружены в движении к Марне. Хенч в своем выступлении говорит преимущественно об опасном положении 1-й армии, видимо, из вежливости избегая указывать, что не менее опасно положение также и 2-й армии. Но, по всей вероятности, мрачная оценка Бюловым положения 1-й армии подлила масла в огонь. Кап. Кениг пишет: «Я должен сказать, что именно командование 2-й армии изображало положение 1-й армии как отчаянное». Бюлов якобы заявил, что прорыв врага в брешь пока не является фактом, и 1-я армия имеет еще возможность примкнуть к его правому флангу, примерно, на линии Ля-Ферте-Милон — Шато-Тьери. Однако, Хенч возразил, что это уже невозможно. В ходе беседы настроение Бюлова становится все более пессимистичным. «Переходя к ходу мыслей Хенча, он заметил, что тогда (в случае прорыва) положение не только 1-й, но и 2-й армии станет сомнительным, так как нигде не оказалось бы больше резервов, чтобы напасть на прорвавшегося через Марну противника и отразить его. Этот противник имел бы тогда две возможности: он или обратился бы против левого фланга и тыла 1-й или против правого фланга 2-й армии; и то и другое могло бы привести к катастрофе»[2]. В конце концов совещание приходит к выводу, что в случае прорыва врага через Марну должна отойти и 2-я армия. Бюлов якобы предложил, что приказ об отступлении будет им отдан лишь по получении соответствующего извещения от Хенча, после его прибытия в штаб 1-й армии. Но Хенч в ответ на это заявил, что командование 2-й армии должно, не дожидаясь его сообщений, отдать приказ об отступлении в случае перехода Марны крупными силами противника. Короче говоря, вечером 8 сентября в Монморе было предрешено отступление 2-й армии 9 сентября.

В главную квартиру Хенч вечером 8 сентября передает лишь краткое сообщение по радио: «Положение 2-й армии серьезно, но не безнадежно (nicht aussichtlos)»[3]. Хенч не отправился немедленно же в штаб 1-й армии, а остался ночевать в Монморе. Историки много мудрствуют над объяснением этого промедления в столь критический

---

[1] „Der Weltkrieg", IV, 236.

[2] „Der Weltkrieg", IV, 239.

[3] Почему-то в более раннем издании „Der grosse Krieg" текст радиограммы дан с некоторыми изменениями: „Положение правого крыла 2-й армии серьезно, но не безнадежно (nicht hoffnungslos)". При столь вольном обращении с документами, чего можно ожидать от мемуаров, написанных по памяти?

момент. Но объяснение очень просто: Хенч после тяжелого дня предпочел провести ночь в постели, чем трепаться по опасным дорогам в темноте. Немецкие солдаты, изнемогавшие на позициях у Троси, могли и подождать. А ведь сам Хенч как будто бы считал, что всякое промедление могло повлечь катастрофу.

Утром Хенч имел еще одну беседу с Лауенштейном; из 1-й армии новых сообщений не поступило. В 7 час. утра он отбыл в Марейль. Но мы останемся пока в Монморе, чтобы проследить дальнейший ход событий во 2-й армии. Изложение их в немецких источниках опять-таки нарочито запутано и тенденциозно. Но нельзя скрыть одного: решение об отступлении 2-й армии принимало все более реальный облик, оно нарождалось, конечно, в тяжелых муках, но неотвратимо. Вот, например, утренняя беседа Бюлова с принцем Августом Вильгельмом прусским. Бюлов снова указывает на серьезное положение 1-й армии; но дальше оказывается, что его хотят принудить к отступлению: «Я должен отступить, а я не хочу, так как не считаю положение таким скверным»[1]. Кто же вынуждает Бюлова отойти: Клук, главное командование, Хенч или его собственный штаб, — остается неясным. Но это все муки родов — Бюлову уже ясно, что отступить придется, он хочет только, чтобы в этом решении проскочила незаметной его собственная доля вины, весьма изрядная в Марнском поражении.

б) Приказ об отступлении 2-й армии

Совершенно невозможно с точностью установить, когда же закончились мучительные предродовые схватки и появился на свет роковой документ об отступлении 2-й армии. Факты являются здесь более надежным компасом, чем путаные психологические исследования Рейхсархива. Около 9 час. утра в штабе 2-й армии перехватывается радио кавалерийского корпуса Марвица, адресованное 1-й армии: «Сильные колонны (противника) из Ля-Ферте (су-Жуар) в восточном направлении». Донесение летчика лейт. Бертольда около 10 час. утра не оставляет больше места никаким сомнениям. Пять неприятельских колонн обнаружено между Ля-Ферте-су-Жуар — Монмирайль в движении в северном направлении по следующим дорогам:

Сен-Сир (St Cyr) — Сааси (Saacy), в 9 ч. 15 м. у Сааси;
Орли (Orly) — Нантейль, в 9 ч. 15 м. у Нантейля;
Буатрон (Boitron) — Паван (Pavant), в 9 ч. 10 м. у Паван;
Саблоньер — Ножан, в 9 ч. 10 м. у Ножан л'Арто;
Вьель — Мезон (Viels-Maisons) — Шези (Chézy), в 9 час. у Шези.

Кроме того, сильные скопления войск у Бюссьера и Реплонж (Replonge); сильные части кавалерии восточнее Эсиз (Essise) и у Ку-

---

[1] „Der Weltkrieg“, IV, 245.

фремо (Coufremaux). В районе между Шато-Тьери — Монмирайль — Конде (Condé en Brie) противника не обнаружено.

Итак, в 9 час. противник подошел к Марне; в 10 час. он, возможно, уже перешел реку. «Опасность прорыва казалась в этом пункте угрожающе близка. Силами для ее отражения 2-я армия не располагала... ее правое крыло оказывалось, таким образом, совершенно беззащитным...»[1].

Подводя читателя таким путем к неизбежному исходу, официальный труд Рейхсархива всячески маскирует истину. Он «забывает» указать точную дату издания приказа об отступлении. В 11 ч. 02 м. Бюлов посылает радио 1-й армии: «Летчики сообщают о продвижении четырех длинных колонн (противника) через Марну. Около 9 час. — у Нантейля, Ситри, Паван, Ножан л'Арто. 2-я армия начинает отступление, правым флангом на Дамери». Кажется, ясно. Но официальная история продолжает ткать легенду. В радиотелеграмме по ошибке, дескать, не были переданы заключительные слова «каково положение у 1-й армии?» Допустим, что это верно: что же меняется? Разве не ясно сказано, что 2-я армия начинает отступление? Нет, оказывается, что Бюлов ждет еще ответа от 1-й армии, и до того момента приказ об отступлении задержан исполнением. Около 1 часу дня Бюлов получает или, вернее, ему кажется, что получает, долгожданный ответ от 1-й армии: «Левое крыло армии отходит через Круи — Куломб к Монтиньи — Ганделю. 2-й кав. корпус прикрывает это движение против противника, который переходит (Марну) у Шарли, насколько возможно путем нападения». И опять происходит недоразумение: 1-я армия вовсе не имела в виду этим общее отступление. Бюлов же понял сообщение именно в таком смысле, и только тогда приводит в действие свой приказ об отступлении.

Эта забывчивость Рейхсархива тем более непонятна, что по другим официальным и его же собственным изданиям время выпуска и содержание приказов 2-й армии устанавливаются очень легко: приказ был передан по радио корпусам в 11 ч. 45 м.[2] Приказ гласил: «В интересах всей операции армия после достигнутого успеха обращается к выполнению новой задачи на северном берегу Марны и занимает с этой целью сначала линию Дамери — Тур (Tours) севернее Марны.

Движение должно быть начато с левого фланга. Гвардейский корпус и состоящие под командованием ген. Кирхбаха саксонские дивизии (32-я пех., 23-я и 24-я рез. дивизии) начинают движение в 1 час пополудни, гвардейский корпус по дороге Фер-Шампенуаз — Вертю (Vertus) — перекресток дорог восточнее Авиз (Avize) — Ати (Athis) — Тур; ген. Кирхбах со своими войсками восточнее этой дороги.

---

[1] „Der Weltkrieg", IV, 268.

[2] Reichsarchiv. Das Marnedrama, 1914, 2. Abschnitt des 3 Teiles. Der Ausgang der Schlacht, S. 136.

Для лучшего отрыва от противника оставить перед ним от всех дивизий арьергарды, по крайней мере до наступления темноты.

Движение главных сил 14-й пех. дивизии и 10-го арм. корпуса должно быть начато не раньше 2 часов пополудни, 10-го рез. корпуса и 13-й пех. дивизии не раньше 3 час.

До начала отхода порыв наступления не должен быть ослаблен ни в одном пункте».

Итак, приказ совершенно ясно указывал, что отступление 2-й армии должно быть начато в 1 час дня, без всяких оговорок о возможной отмене приказа или задержке его. И потому клубок событий легко распутать, идя с конца и научно располагая цепь причин. с устранением мелких и случайных деталей.

Конечное звено: приказ об отступлении, отданный 2-й армией в 11 ч. 45 м. 9 сентября.

2-е звено: принятие решения об отступлении; оно происходило мучительно, напряженно и противоречиво, путем скрещивания мнений, обсуждений, раздумий и пр. Но люди, в особенности при такой ответственной обстановке, мыслят, отправляясь от фактов и окружающей действительности, которые и форсировали решение.

3-е звено: безнадежное положение на правом фланге 2-й армии. Мы привели достаточно цитат, чтобы показать очевидность этой истины и с точки зрения участников, и с точки зрения официальной истории. Это не мешает, однако, вносить путаницу и в это ясное положение, что, вопреки своим же высказываниям,охотно поддерживает Рейхсархив. Но в особенности маскируется дальнейшая связь причин, которая ведет к —

4-му звену: безнадежность положения на правом фланге обусловливалась не только причинами, лежащими вне 2-й армии, но также и в ней самой. Бюлов разбросал свои силы, увлекшись бесполезным наступлением южнее Сен-Гондских болот, и именно потому он оказался без резервов в решающий момент.

Здесь анализ вливается в широкое русло научного исследования всей Марнской битвы. Суть заключается в том, что 2-я армия оказалась оперативно скованной и неспособной к тому маневру, который требовался всей обстановкой. Бюлов без всякой пользы потерял 4 дня, когда судьба сражения решалась на правом фланге битвы. Стратегический баланс его действий оказался равным нулю.

Это вовсе не значит, что мы хотим взвалить на Бюлова всю вину за поражение. Он несет ответственность в своей доле, которая оказалась немалой. Впрочем, и эту вину следует рассматривать не в личном, а в историческом аспекте. Субъективно Бюлов был глубоко убежден, что надо наступать там, где только возможно и насколько возможно, и в этом отношении совершенно неверно противопоставлять Бюлова и Клука. Оба они питались воззрениями старой романтической

эпохи германских освободительных войн. Новых условий войны они не поняли совершенно, не поняли даже относительно, чего, бесспорно, нельзя сказать о противоположной стороне. Бюлову казалось немыслимым и даже преступным упустить такой шанс, как разгром центра союзников. И он пошел на авантюру, упустив, что такая операция совершается в новых условиях ведения войны не в несколько часов, как было в старых войнах, а в течение значительного числа дней. В итоге оказалось, что продвижение немцев на запад к Сезану не успело оказать своего влияния на положение правого фланга германской армии, где события развернулись скорее и раньше.

Роль отдельных личностей, стоявших на командных вышках Марнского сражения, не может быть оставлена без учета и оценки: будь во главе 2-й армии не такой старомодный и самовлюбленный ретроград, каким являлся Бюлов, возможно, было бы своевременно принято верное решение — вытягиваться направо, а не налево. Но эту роль надо рассматривать в рамках основного русла событий, которое заключалось в сложной динамике сражения. С этой точки зрения вину Бюлова следует считать относительной: он внес свою долю в торможение стратегической реакции на наступление союзников. Это тем более важно подчеркнуть, что, если, по Рейхсархиву, положение 2-й армии вовсе не требовало отхода ее (противоречащие этому признания указаны выше), и Бюлов отдал свой приказ в силу ряда недоразумений, то в германских исследованиях встречается и другая концепция, возлагающая всю вину на Бюлова. Но какое же обвинение предъявляется ему? Оказывается, он наступал недостаточно энергично на юг и в частности 7 сентября отвел 10-й корпус назад. «Тайной военного искусства, — заявляет нам один из таких критиков действий Бюлова [1], — является вести дальше наступление там, где оно идет вперед, не тормозить катящегося шара, но без помехи дать ему двигаться по наклонной плоскости». Бюлов никак не заслуживает такого обвинения: он дал возможность катиться шару достаточно далеко. Но местность вокруг Сезан вовсе нельзя уподобить наклонной плоскости, и шар стал систематически застревать. Чем больше Бюлов увязал в болотах, лесах и холмах, плохо ли, хорошо ли обороняемых Фошем, тем больше подставлял свою армию под удар подавляющих сил противника с запада. Наступление, победоносно движущееся вперед, является мощной сокрушающей силой. Но бывают случаи, когда эта сила становится отрицательной величиной. И это именно такой случай, когда выигрыш темпа, который нормально содержит в себе наступление, означает потерю времени относительно всей стратегической обстановки. Бюлов выигрывал на левом фланге гораздо медленнее, чем проигрывал на правом, где события развернулись раньше и острее. Так, Шлиффен жаждал насту-

---

[1] Kabisch,

пления французов в Эльзас-Лотарингии, рассчитывая достигнуть победы на правом фланге раньше, чем даст осязательные результаты медленное продвижение врага через горы. Эпигоны шлиффеновской школы так и не поняли глубины мысли своего учителя.

в) Наступление гвардии 9 сентября

(Схема 19)

Не имеет смысла детально останавливаться на боях 9 сентября на фронте 2-й армии, так как никаких новых поучительных моментов в дополнение к сказанному раньше мы здесь не найдем. Ограничимся поэтому лишь общим разбором положения на фронте 2-й армии.

Нарастающая угроза на правом крыле отнюдь не заставила Бюлова прекратить опасное движение к югу от Сен-Гондских болот. Этому движению придается, однако, теперь уже вполне отчетливо западное направление. Можно сильно сомневаться, действительно ли у Бюлова имелась к вечеру 8 сентября твердая уверенность в том, что здесь удастся достигнуть результата, который отразился бы на положении правого крыла 2-й армии. Крупнейший немецкий военный писатель Зольдан в своем очерке [1], к которому нам придется еще вернуться, утверждает, что командование 2-й армии уже не рассматривало операцию к югу от Сен-Гондских болот «с точки зрения решительного сражения, после того как 10-й арм. корпус без настоятельного основания был отведен позади М. Морена» [2], т. е. с ночи 7—8 сентября. Крепкая воля ген. Гаузена увлекла за собой ген. Бюлова, но вечером 8 сентября сомнения снова одолели его. Бесспорный факт, что воля командующего 2-й армией раздвоилась, и это было объективным выражением положения этой армии. Сознание опасности на правом фланге пробивает себе дорогу через всю сложную гамму переживаний и идей; Бюлов в глубине души сознает, что единственное, что он может сделать,— это отдать приказ об отступлении. Но решения он принять еще не может, нет последнего окончательного аргумента, который позволил бы взвалить на свои плечи тяжкое бремя ответственности.

Не приняв такого решения, Бюлов, однако, бессилен приостановить наступление левого крыла, так как это означало бы необходимость прервать сражение и отходить. Вот почему 8 сентября вечером дается задача 10-му, гвардейскому корпусам и саксонским дивизиям — наступать в направлении на Сезан. «После 10 час. утра (9 сентября), т. е. в час, когда его решение отступить, вследствие почти одновременно сообщенного и ожидаемого продвижения крупных сил противника в брешь между 1-й и 2-й армиями, принимало все более осяза-

---

[1] „Rückblick und Betrachtungen zu Teil 1—3" von Archivrat George Soldan „Das Marnedrama 1914" 2. Abschnitt des 3 Teiles.

[2] „Das Marnedrama", 3², 228.

тельную форму, ген. Бюлов по телефону приказывает гвардейскому корпусу со всей энергией продвигаться на Сезан; уже своеобразная форма приказа указывает на растущую тревогу»[1]. Чувствуется, что нервозность в штабе 2-й армии возрастает. В заключительном приказе об отступлении все еще предлагается не ослаблять наступательного порыва, но на этот раз, очевидно, просто для того, чтобы благополучно вывести войска из боя.

Прусская гвардия 9 сентября наступала по обе стороны дороги Фер-Шампенуаз — Сезан. Детали происходивших боев не могут быть здесь освещены, да это и излишне. Наша задача состоит лишь в том, чтобы показать, чего можно было ожидать от этого наступления с точки зрения общей ситуации 2-й армии. Совершенно очевидно, что обстановка требовала крайне быстрого и решительного результата, например, захвата Сезана еще до того, как кризис назрел на правом фланге. Крайне сомнительно, чтобы и этот, безусловно запоздавший уже результат, мог бы повернуть события на Марне по новому руслу. Но можно было рассчитывать по крайней мере на эффект морального удара по нервам французского главного командования, поколебать его волю и задержать наступление к марнским переправам; здесь можно было бы одновременно пытаться создать преграду движению союзных сил. Однако, командование 2-й армии, если оно и лелеяло еще такую мечту, ничему не научилось за 3 дня тяжелых боев. Простого взгляда на карту достаточно, чтобы показать бесплодность наступления гвардии 9 сентября.

Противник находил здесь превосходные, следующие одна за другой, линии сопротивления; в его распоряжении было сколько угодно прекрасных артиллерийских позиций. В особенности мощным опорным пунктом являлся главенствующий над местностью горный выступ Монт-У (Mont Août), с вершины которого можно было далеко на север и на восток видеть движение немецких войск по выходе из леса. Судя же по германским источникам, французы не только оборонялись, но при первом удобном случае переходили в контратаку, ставя атакующего подчас в критическое положение.

Используя ряд узких лесных полос, французские стрелки сильно затрудняли наступление немцев фланкирующим огнем. Гвардейские части наступали перебежками, каждый раз по возможности окапываясь. Наступление замедлялось также многочисленными засеками, которые устраивали французы.

Кап. Плеве (Plehwe), командир пулеметной роты 3-го гв. полка, рассказывает следующее об одной из французских атак:

«Противник устремился против наших пулеметов в таких густых массах, что невозможно было распознать расчленение на линии стрелков. Атака последовала с расстояния 800 м, с большой лихо-

---

[1] „Das Marnedrama", 3², 228.

стью (Schneid), офицеры с саблями наголо перед фронтом. Ясно слышатся возгласы: «En avant! Vive la France!» Мы подпустили их на 500 м, затем короткий приказ, пулеметы застрекотали и открыли уничтожающий огонь. Действие было неописуемым: в мгновение ока местность покрылась бесчисленными павшими, и только остатки несчастного полка могли уйти из этой кровавой бани» [1].

Хотя все эти примеры поданы к вящшей славе немецкого оружия, они не могут скрыть тяжести условий, в которых вела наступление гвардия, и героического сопротивления французов, несмотря на поражения сохранивших высокий моральный подъем. Наступление 1-й гв.

Панорама Сен-Гондских болот и их южного берега

дивизии совершалось при поддержке огня 70 орудий. Тяжелая артиллерия обстреливала Монт-У. В 14 ч. 30 м. гвардия подошла к Конантру. Противник очистил Монт-У, на которой были установлены немецкие батареи.

Командир 1-го гв. полка принц Эйтель-Фридрих прусский так описывает этот момент:

«Гора (Монт-У) была твердо в наших руках. Было видно, как в долине западнее фермы Гозе (Ferme de Hozet) отступали редкие ряды французов; все поле кишело ими. Между ними скакали отдельные всадники, неслись галопом орудия. Батальная картина старых времен».

---

[1] „Das Marnedrama“, 3[2], 49.

В 10 час. утра ген. Бюлов послал гвардейскому корпусу приказ:

«Я не могу «заграждающий» характер Монт-У считать достаточным основанием для задержки наступательного движения гвардейского корпуса. Необходимо, подавляя Монт-У огнем тяжелых гаубиц, со всей энергией пробиваться через Лепт к Сезану».

Но было легче приказать это, чем выполнить. Гвардия сделала все, что могла, и все же она была еще далеко от Сезана.

Сверх того ген. Бюлов послал ст.-лейт. Эган-Кригера (Egan Krieger), чтобы поторопить продвижение вперед. Эган-Кригер об'ехал фронт гвардии и саксонцев и, убедившись, что «господствующие высоты Монт-У захвачены немецкой пехотой» и что «последние силы французов обратились в бегство», поспешил обратно в штаб 2-й армии, сказав шоферу, чтобы «он ехал, как если бы дело шло об его жизни».

Но было уже поздно. Бесспорно, что на левом фланге 2-й армии 9 сентября был одержан крупный успех. 10-й германский корпус овладел замком Мондеман, гвардия — Монт-У, саксонцы — Мейльи. Однако, все эти успехи не могли помочь тяжелой беде на правом крыле 2-й армии. Сверхчеловеческие усилия войск остались бесплодными. Можно поверить немецким источникам, когда они описывают негодование офицеров и солдат, которым было приказано добровольно бросить позиции, завоеванные тяжелой ценой крови.

г) Положение на правом крыле утром 9 сентября

Но, быть может, положение на правом фланге не было еще таким отчаянным? Все немецкие источники без исключения стараются представить дело так, что, прояви Бюлов силу характера, чтобы добиться решающей победы на левом фланге, можно было и не отступать. Перед отступлением 2-я армия занимала фронт от Марны до Конантра, фронтом на юго-запад, почти по прямой линии. На этой линии находилось всего 8 дивизий. Им противостояли непосредственно на указанной линии 8 французских дивизий (9-й корпус: 17-я, 52-я и Марокканская дивизии: 10-й корпус: 19-я, 20-я и 51-я дивизии; 1-й корпус: 1-я, 2-я дивизии). Левый фланг 2-й армии примыкал непосредственно к группе Кирхбаха и имел, таким образом, прочную опору. Но сверх перечисленных сил французы имели еще 3-й корпус, который непосредственно охватывал правый фланг 2-й армии. Дальше к западу находились в движении к Марне 18-й корпус, кавалерийский корпус Конно и английская армия. Таким образом, 3-й французский корпус являлся непосредственной угрозой, которой Бюлов мог противопоставить лишь одну гв. кав. дивизию. Одновременно французы, заняв Шато-Тьери, легко могли распространиться к востоку, захватывая переправы через Марну. Что могла противопоставить 2-я армия этой угрозе ее тылу? Ничего, ибо ее силы были скованы наступлением, ко-

торое не сулило никакой близкой перспективы. Положение настолько элементарно, что не нуждается в разборе. 2-й армии угрожал разгром, а чтобы избежать его, она должна была вывести свои части из боя и перегруппироваться на новых позициях. Это неизбежно было началом общего отступления, так как немедленно же вынуждена была начать отход по крайней мере и 3-я армия. Сам по себе такой отход, независимо от глубины, означал банкротство руководства 2-й армии: зачем было залезать в Сен-Гондский район, если теперь неизбежно надо было отсюда уходить? Своим огульным наступлением Бюлов сковал сам себя и потерял свободу маневра.

Мог ли все же Бюлов 9 сентября остаться на своих позициях, продолжая наступление левым крылом? Разумеется, мог. Он пошел бы в таком случае на страшный риск. Рассматривать подобные «возможности», значит, однако, сходить с пути научного исследования. Чрезвычайно трудно предвидеть, а вернее, невозможно учесть все те случайности, которые принес бы ход событий в таком случае. Быть может, союзники, например, не разобравшись в сложной ситуации, не использовали бы выгод своего положения на Марне. Но это слишком маловероятная перспектива. Что сказать о таких выкладках, когда Зольдан осуждает решение Бюлова, исходя из того, что вечером 9 сентября левое крыло 2-й армии (и группы Кирхбаха) заняло бы уже линию Вильнев — Сезан — Англюр. Тогда-де французское главное командование вынуждено было бы бросить сюда 18-й корпус (!) или корпус Конно и ослабить таким образом давление на Марне[1].

Но ведь от Конантра, где гвардия была к 14 час. дня, до Сезана 15 км, а до Англюр и все 20 км. Думать, что немецкие войска преодолели бы это пространство с боями в течение нескольких часов, значило бы снять со счетов армию Фоша. А какие к этому основания? Подобное рассуждение предполагает дальше, что французское главное командование потеряло бы спокойствие, но на это меньше всего можно было рассчитывать после успешного продвижения союзников к Марне, которое, конечно, подняло сильно их дух. Дальше, зачем было бы перебрасывать 18-й корпус, когда рядом находился свежий 21-й корпус, который Жоффр, в случае крайней нужды, передал бы Фошу, предоставив 4-й армии выкручиваться своими силами, что было вполне возможно.

3. МАРЕЙЛЬ

(Схемы 6 и 18)

а) Принятие решения об отступлении 1-й армии

Из Монмора Хенч отправился через Реймс, Фим (Fismes), Фер-ан-Тарденуа (Fère-en-Tardenois) в Марейль (Mareuil sur Ourcq), куда с 8 час. утра 9 сентября переместилась главная квартира 1-й армии.

[1] «Das Marnedrama», 4, 338.

Впечатления, которые получил Хенч во время этой поездки, выражены им в его докладе от 15 сентября 1914 г. и являются важным источником для суждения о действительном положении 1-й армии в этот критический день.

«Впечатление, которое я получил во время моей поездки... к командованию 1-й армии, не было благоприятным. Повсюду я наталкивался на отступающие с дикой поспешностью обозы кавалерийских дивизий; все они имели направление на Фер-ан-Тарденуа. Толпы раненых устремились в том же направлении, они опасались быть отрезанными. В Нейльи Сен-Фрон (Neuilly St Front) все было забито транспортом; атака самолета вызвала полную панику. Снова и снова должен был я вылезать из машины, чтобы насильно пробить себе путь. У Нейльи я повернул к югу, чтобы достигнуть Марейля через Круи. У Брюмеца я вынужден был повернуть, так как английская кавалерия была уже вблизи. Только в полдень удалось мне через Шези (Chèzy en Orxois) достигнуть Марейля. По дороге я слышал, что противник отогнал нашу кавалерию от Марны и уже перешел через реку» [1].

Довольно естественно, что вся эта картина произвела скверное впечатление на Хенча. Если у него и было предвзятое пессимистическое представление о положении 1-й армии, то надо признать, что содержание только что приведенной цитаты соответствовало действительности.

По прибытии Хенча в Марейль последовали переговоры его с начальником штаба 1-й армии ген. Кулем. Все сообщения об этих переговорах носят мифический характер, так как о них можно судить на основании сообщений их участников, чрезвычайно заинтересованных во вполне определенном освещении событий. Никакого доверия эти сообщения не заслуживают и ими можно пользоваться лишь для косвенного подтверждения фактов, установленных иным путем. Путаница, противоречия, явное стремление затемнить истину — вот что мы здесь находим. И тем не менее научный анализ и в данном случае пробивает себе путь; достаточно лишь поставить вопрос об о б ъ е к т и в н о м содержании бесед, которые велись в штабе 1-й армии 9 сентября, и событий, происходивших вокруг. Это объективное содержание, как уже показано в отношении Монмора, состояло в вызревании решения об о т с т у п л е н и и.

Например, все показания Куля и его литературные работы, написанные впоследствии, являются его личной апологией. Но как ни тонко сплетена эта сеть самооправдания, она не в состоянии прикрыть основное объективное содержание хода мыслей и действий его самого 9 сентября. Куль утверждает, что он лично был против отступления, что мысль об отступлении была вообще привнесена Хенчем, что до его приезда об отступлении вообще не думали. Когда Хенч за-

[1] „Der Weltkrieg“, IV, 256.

говорил об отступлении, Куль усиленно будто бы возражал. Доводы, которые, по его собственному изложению, приводились им, весьма характерны для суждения о действительном положении 1-й армии. «Отступление в этом положении было бы очень опасным, в особенности если учесть, что части армии совершенно перемешались бы, и она (армия) до крайности была бы истощена» [1]. Несмотря на условную форму этого суждения, оно ясно указывает на чрезвычайно тяжелую ситуацию 1-й армии. Но дальше Рейхсархив сообщает нам еще более поразительную весть: «Генерал-квартирмейстер поддержал соображения ген. Куля весьма настойчиво и указал в особенности на то, что для проведения наступления сил достаточно, но при отступлении они могут отказать» [1]. Это какой-то анекдот. Армия истощена до такой степени, что отступать не может, а может держаться, лишь наступая. Если такие выражения были допущены в той тяжелой обстановке, это еще можно понять, но приводить их всерьез теперь значит смешить людей. Но и другой аргумент в своем роде замечателен, тем более, что он подтверждается последовавшим приказом. 1-я армия, по заявлению ее начальника штаба, не могла отступать левым крылом на Фим, как предлагал от имени германского главного командования Хенч, но только на Суассон (что и имело место в действительности). Почему же 1-я армия не могла отступить к Фим? Очевидно потому, что противник, уже переправившийся через Марну, не дал бы сделать этого. Тем самым Куль подтверждает, что еще до согласия его с приказанием Хенча была очевидна невозможность примкнуть ко 2-й армии где-то у Марны, так как прорыв в брешь стал реальным фактом. Запомнив это, посмотрим, как мотивирует Куль свое согласие выполнить приказ Хенча. Оно последовало якобы лишь после того, как Хенч заявил о том, что 2-я армия уж начала отступать, и что она была «превращена в шлак» (опять выплыло это крылатое словечко). При этих обстоятельствах ген.-майор Куль счел себя обязанным подчиниться, как он пишет, «не потому, что дело шло именно о приказе — я не побоялся бы его отклонить, — но потому, что после определенных указаний о положении «разбитой» и отступающей 2-й армии оставление 1-й армии на Урке было бы уже невозможным. Даже победа над Монури не могла бы нас спасти от охвата превосходными силами на левом фланге и от того, чтобы быть отрезанными от всего войска. 1-я армия стояла бы тогда обособленной» [2]. Отсюда ясно видно, что ссылка на приказ, отданный Хенчем от имени германского главного командования, вообще ни к чему: Куль считал вполне возможным отвергнуть его. Но еще более интересно указание на то, что обособленно 1-я армия не могла бы держаться, ввиду наличия подавляющих сил противника на ее левом фланге; и

[1] „Der Weltkrieg“, IV, 261.
[2] „Der Weltkrieg“, IV, 264—265.

это даже в случае победы правого крыла. Но ведь 1-я армия была уже обособлена 9 сентября; как заявил сам Куль, 1-я и 2-я армии уже не могли непосредственно примкнуть к флангу. Значит, оставалось лишь отступать, совершенно независимо от приказа, отданного Хенчем. О том, что всё складывалось к принятию решения об отступлении, говорит и полное отсутствие со стороны Куля попытки проверить действительное положение во 2-й армии и снестись непосредственно с германским главным командованием.

Линия поведения подполк. Хенча была наиболее последовательной и четкой. Для него, очевидно, была совершенно ясна необходимость отступления 1-й армии еще до начала переговоров с Кулем. Обычно приводимая при изложении событий тирада, в которой мотивировалась необходимость отступления, нами не воспроизводится, так как ничем нельзя доказать, что она действительно была сказана. Но это не имеет никакого значения, так как основное содержание выступлений Хенча в Марейле совершенно очевидно: от имени главного командования он приказал отступать левым крылом на Суассон (а не на Фим, как намечалось первоначально).

Роль Клука свелась к утверждению решения об отступлении. Поскольку нам известна уже самостоятельность действий этого генерала, ясно, что необходимость приказа не вызвала у него и тени сомнения.

Словом, как и в Монморе, в Марейль все вертелось вокруг мысли об отступлении. Все, что уже потом выдвигалось для доказательства того, что были и обратные мнения, опирается на абсолютно недоказуемые свидетельства заинтересованных лиц. Но не стоит труда обвинять их в преднамеренной лжи. Очень возможно, что в ходе дискуссии выставлялись различные аргументы, высказывались разные мнения. Но кому это интересно в конце концов? Конечно, в данном случае были возможны и другие решения. Командование 1-й армии могло бы, несмотря ни на что, принять решение: драться там, где стоим; атаковать врага, вырвать победу из его рук. Невозможно предусмотреть, какие плоды могла принести такая суровая и непоколебимая решимость драться до конца. Риск был бы громаден, но нельзя забывать, что и положение союзников было далеко не блестящим. То обстоятельство, что у германского командования такой решимости не оказалось, очевидно, подтверждает пессимистическую оценку положения 1-й армии 9 сентября.

б) Приказ об отступлении

Около 14 час. Хенч покинул главную квартиру 1-й армии. В 14 час. было послано радио 4-й кав. дивизии: «2-я армия отступает в направлении Эперней. 1-я армия также отступает левым флангом в направлении Суассона. 4-я кав. дивизия должна немедленно направиться к р. Эн, занять мосты у Суассона и западнее до

Атиши (Attichy) включительно...». Здесь уже ясно выступает официальная интерпретация событий, сваливающая ответственность за отступление на 2-ю армию. Вслед за тем по радио и через командированных офицеров сообщаются указания войскам:

«Положение 2-й армии требует ее отвода севернее Марны по обе стороны Эпернея. По приказу главного командования 1-я армия отводится для прикрытия фланга в общем направлении на Суассон. При Сен-Кантене будет собрана новая германская армия. Движение 1-й армии должно быть начато еще сегодня. Поэтому левое крыло армии под командованием ген. Линзингена, включая группу ген. Лохова, сначала должно быть отведено позади линии Монтиньи л'Аллье (Montigny l'Allier) — Брюмец. Группа ген. Сикст-Армина присоединяется к этому движению в соответствии с положением боя позади линии Антильи—Марейль. Наступательное движение группы ген. Кваста должно проводиться лишь постольку, поскольку это требуется для отрыва от противника, так, чтобы возможно было примкнуть к движению всей армии».

Этот приказ очень важен для анализа не только самого факта отступления, но и предшествовавших событий. Отметим важнейшие его черты: 1) вина еще более категорично сваливается на 2-ю армию; 2) отход 1-й армии совершается по приказу германского главного командования; 3) передается, очевидно, для поднятия настроения, сообщение, полученное через Хенча, о сформировании новой армии в районе Сен-Кантена; 4) особого внимания требуют указания на первоначальные рубежи отхода; 5) группе Кваста ставится задача наступлением прикрыть отход 1-й армии.

Формально командование 1-й армии как будто имело основание свалить вину на 2-ю, так как в 13 ч. 04 м. от последней было получено уже известное нам радио, сообщавшее о переходе через Марну колонн противника еще в 9 час. утра и о начавшемся отступлении 2-й армии. Командование 1-й армии, выходит, вовсе и не думало об отступлении до прибытия Хенча и получения упомянутого радио. Но упрямые факты вдребезги разбивают эту легенду. Мы переходим к изложению документов, которые ставят официальную германскую историю, вынужденную считаться с ними, в очень неловкое положение.

в) Отступление 1-й армии было предрешено до прибытия Хенча

Дело в том, что еще раньше, около 11 час., когда Хенча еще не было в Марейле, Клук, у которого все больше накоплялось данных о переходе Марны союзниками, принял решение об отводе левого крыла на линию Монтиньи л'Аллье — Брюмец, т. е. на линию, указанную в приказе об отступлении. Один из офицеров генштаба, получив указания от ген. Куля, разработал проект директивы, которая не-

медленно была передана по телефону ген. Линзингену и получена им в 11 ч. 40 м. Содержание записи принятого радио, сохранившейся в архивах, таково:

«2-я армия отвела свой правый фланг через Монмирайль значительно на восток. Вследствие этого (!), по полученным сообщениям, англичане сегодня в 11 час. крупными силами переходят Марну у Шарли и Нантейля. Ген. Линзинген, включая подчиненную группу ген. Лохова, должен тотчас же отойти в направлении Круи, прикрывая свой фланг, через Куломб в направлении Ля-Ферте-Милон — Нейли-Сен-Фрон. 2-й кав. корпус с бригадой Кревеля получил приказ — прикрывать фланг. Группа ген. Сикст-Армина получает приказ прикрыть отход и соответственно этому отойти за линию Марейль — Антильи. Группа ген. Кваста прикрывает движение, продвигаясь в направлении Нантейля»[1].

Документ — буквально уничтожающий для официальной германской истории, ибо он ниспровергает всю легенду о том, что отступление 1-й армии произошло в силу простого недоразумения. В документе обращает внимание прежде всего полоса отступления для группы Линзингена; она отводится далеко назад. Но в особенности поражает сходство указания рубежей отступления прочих групп с приведенным окончательным приказом об отступлении. И совершенно уже непереносимо для гордости германской армии указание на то, что группа Кваста имела уже в 11 час. утра чисто оборонительную задачу. Официальная история заверяет нас, что посылка радио явилась плодом недоразумения[2].

В 11 ч. 30 м. кавалерийскому корпусу Марвица было передано следующее радио из штаба армии:

«Левое крыло армии отходит через Круи — Куломб на линию Монтиньи — Ганделю. Командование 2-го кав. корпуса должно прикрывать это движение против врага, который переправляется у Шарли, насколько возможно путем нападения».

Радио было передано одновременно 2-й армии и создало там, как уже сказано, впечатление о начавшемся общем отступлении 1-й армии.

Дальше следует очень загадочная история с приказом, который был отдан около 12 час. дня. Подлинника приказа в архиве 1-й армии не оказалось, сохранилась лишь копия, отпечатанная на машинке и датированная в 11 ч. 30 м.[3]. Конечно, такой «документ» не может

---

[1] Этот документ и излагаемые здесь факты приведены в официальном издании Рейхсархива „Das Marnedrama", 4, 257—258. См. также „Der Weltkrieg", IV, 208—210.

[2] Куль утверждает, что ему стало известно о передаче этого приказа только после войны. Еще до его возвращения в штаб он был отменен ген.-оберквартирмейстером, который счел излишним доложить об этом начальнику штаба.

[3] „Der Weltkrieg", IV, 210, примечание.

считаться полновесным. Но и его содержание отнюдь не подкрепляет утвержденный Куля о том, что в штабе 1-й армии не было и мысли об отступлении до прибытия Хенча. Вот текст этого документа.

«Левое крыло армии, ген. Линзинген, включая подчиненную группу ген. Лохова, должно атаковать 5-й дивизией в направлении на Дюизи (Dhuisy), остальными силами сначала отходить в район Круи — Куломб. Командование 2-го кав. корпуса с бригадой Кревеля получает приказ прикрыть фланг. Группе ген. Сикст-Армина приказано прикрыть движение, атакуя в направлении Вильерсен-Жене-Аси. Группа ген. Кваста должна содействовать (mitwirken) ударом в направлении Нантейль-ле-Годуэн»[1].

Этот текст опять уличает командование 1-й армии. В нем явно говорится об отступлении всей армии. Левый фланг лишь сначала отводится в район Круи — Куломб. Группа Сикст-Армина прикрывает отступление. Группе Кваста не ставится задачи решительного наступления, а лишь задача содействия отступательному движению главных сил.

Ген. Куль впоследствии, в 1925 г., пишет следующее: «Форма приказа ни в каком случае не является удачной. Насколько я помню, он не мыслился как общий приказ по армии, а главным образом как приказ для левого фланга, которому разъяснялось, что его отход прикрывается продвижением вперед центра и правого фланга»[2]. Рейхсархив также говорит о «не совсем удачно избранной форме этого приказа».

Странные вещи творились в штабе 1-й армии утром 9 сентября! Командование ее, по официальной версии, объято полной уверенностью в победе, которую должно принести наступление правого крыла, но упорно редактирует приказы так, что в них говорится об отступлении всей армии. Вернее всего, объяснение этому следует искать в том, что командование 1-й армии находилось еще в стадии колебаний, воля его непрерывно подрывалась тревожными сообщениями, и неотвратимо назревала идея об отступлении. Опять-таки и здесь приведенным приказам нельзя придавать решающего значения. Истина происходившей драмы не в них, а в живой динамике событий. Приказы могли быть и иные, приказы, продиктованные смелой и уверенной волей к победе. Но можно ли обойти молчанием тот факт, что таких приказов командованием 1-й армии отдано не было, что сохранившиеся документы являются не чем иным, как первоначальными набросками окончательной директивы об отступлении, причем эти наброски были сделаны работниками штаба 1-й армии еще до приезда Хенча.

---

[1] „Der Weltkrieg", IV, 210.
[2] Там же, примечание 3.

г) Утро 9 сентября на Марне

Какие же сообщения выводили командование 1-й армии из состояния равновесия? Они касались «ахиллесовой пяты армии — Марны»[1]. В 7 ч. 30 м. утра было получено радио 2-й армии:

«Правый фланг 2-й армии девятого отведен к Марньи—ле-Туль. Гвардейская кавдивизия удерживалась еще 8-го вечером на Долло, отходит под давлением противника в район Конде-ан-Бри. 5-я кав. дивизия оттеснена севернее Марны». Одновременно 5-я кав. дивизия сообщила, что она находится у Мариньи-ан-Орксуа.

Итак, 2-я армия без боя сдала важнейшую дорогу к Шато-Тьери, расширив брешь между двумя армиями на 30 км. Такие действия с ее стороны могут быть объяснены только одним — она, очевидно, неспособна больше к сопротивлению врагу; в штабе 1-й армии не знали, что командование 2-й армии сознательно не принимало никаких мер к заграждению переправ через Марну, увлекшись наступлением на своем левом крыле. Однако, весь трагизм положения еще неизвестен командованию 1-й армии, которое считает, что бригада Кревеля охраняет марнские переправы и своевременно примет меры к взрыву мостов. Но в действительности для движения союзников были совершенно свободны следующие переправы: один железнодорожный и два дорожных моста у Мери (Méry), железнодорожный и дорожный мосты у Нантейля, три моста у Шарли, Ножан л'Арто, Шези.

В 10 ч. 28 м. в штабе 1-й армии получено радио от гвардейского кав. дивизиона: «Сильная пехота противника с артиллерией у Шарли через мост на Марне». Одновременно радио от Марвица: «Сильная пехота противника движется вперед через Шарли к Нантейль. 5-я кавдивизия Кране и 2-я кав. дивизия получили приказ — атаковать».

Теперь уж нет никаких сомнений: противник беспрепятственно переправляется через Марну в пунктах, где его должен был задержать Кревель.

Именно эти сообщения создают в штабе 1-й армии крайне нервозную обстановку. Немецкие источники пытаются изобразить последующие события как строго логичную и последовательную цепь действий командующего 1-й армией и командиров групп и частей. Но это неверно: истина состоит в том, что с указанного момента, около 11 час. утра, в еще большей степени, чем в предшествующие дни, в этих действиях не было никакого единства и согласованности. Начинался опаснейший разброд, который так характерен при появлении в н е з а п н о й опасности. Стихийно выплыла мысль об отступлении, которую один из офицеров штаба поспешно воплощает в приказе, переданном Линзингену. Изданный армией приказ средактирован наспех и весь проникнут стремлением как можно скорей уйти от опасности на левом фланге. Очень возможно, что еще лелеют надежду на победу

[1] „Das Marnedrama", 4, 257.

группы Кваста, но это лишь подтверждает отсутствие единой оперативной мысли, властно руководящей событиями.

Поэтому надо в высшей степени критически подойти к официальной трактовке мыслей и действий командования 1-й армии, в которой упускается, наверное — сознательно, опаснейший момент растерянности и раздвоенности оперативного руководства в эти часы.

«Скверные дела происходили на Марне. Отсюда одно плохое известие следовало за другим. Если противник пробьется здесь в тыл 1-й армии, положение на Урке станет непереносимым; лелеемая победа правого крыла придет слишком поздно[1]. Фундамент, на котором построена вся операция, — защита левого фланга на Марне, — казалось, был разрушен. Всему смелому плану грозил крах. Новый поворот от надежды к сомнению был быстрым и внезапным. В этом высшем напряжении легко могло одолеть сомнение. Было ли еще вообще возможно довести борьбу до победы? Не благоразумнее ли своевременным[2] отходом спасти армии из кажущегося[2] невыносимым положения? Пятидневная битва достигла высшей точки. Положение требовало быстрого[1] решения. Немногие минуты[2] решали судьбу. В этой неизвестности, в этом темном положении одно оставалось твердым: воля и сила действия командования»[3].

Конечно, официальная история старается представить дело так, что воля немецкого командования выдержала испытание. Командование 1-й армии принимает быстрое и целесообразное решение: отвести свой левый фланг назад (см. выше) и тем временем форсировать победу на правом крыле.

Французский автор[4] следующим образом излагает эту официальную концепцию: в силу внезапно всплывшей угрозы «левое крыло не могло держаться на Марне до того момента[1], когда правое дало бы возможность почувствовать его действие. Ген. Куль тотчас собрал своих главных сотрудников, чтобы рассмотреть положение. После короткой дискуссии он решает продолжать наступление правого крыла, и, чтобы выиграть необходимое время, отвести группу ген. Линзингена на линию Монтиньи л'Аллье — Брюмец, в то время как Марвиц атакует англичан, чтобы отбросить их на Марну».

Автор новейшего немецкого исследования о Марне[5] дает нам более обстоятельное освещение идеи этого маневра, который 1-я армия осуществляла будто бы 9 сентября.

«Тем, что Марвиц при этих обстоятельствах мог бы доставить достаточное время[6], противостоя англичанам, обольщаться

[1] Разрядка наша.
[2] Выделено в подлиннике.
[3] „Der Weltkrieg", IV, 207.
[4] Koeltz.
[5] Kabisch.
[6] Разрядка наша.

не приходилось; на это невозможно было пойти. Еще меньше можно было рассчитывать на то, чтобы вести наступление на Монури, повернувшись против англичан: это могло кончиться только тем, что 1-я армия была бы заперта меж двумя армиями противника. Следовательно, было необходимо армию, обращенную на крайнем южном крыле фронтом на запад, отвести приблизительно с середины назад, фронтом на юг, против англичан. Одновременно северное крыло с ведущими 9-м корпусом и 6-й пех. дивизией должно было выдвинуться на юго-запад; ведь больше чем полчаса тому назад ген. Кваст сообщил, что его войска перешли в наступление. Общая картина 1-й армии в полуденные часы представляла бы грандиозный поворот вокруг оси, картину твердо соединенных друг с другом крыльев ветряной мельницы, из которых одно движется назад, другое вперед, середина же крепко стоит на месте».

В предыдущем изложении нами было уже показано, что весь маневр Клука на р. Урк был построен на стремлении опрокинуть 6-ю французскую армию до того, как угроза продвижения англичан к Марне примет реальные очертания. Это было с о с т я з а н и е в т е м п е между обоими противниками. Теперь нам хотят доказать, что утром 9 сентября Клук предпринял н о в ы й м а н е в р, в гораздо худшей обстановке, построенный на той же идее: в ы и г р а т ь в р е м я на левом фланге, пока не будет одержана победа правым крылом. Нет, однако, никаких доказательств тому, что такой новый маневр сознательно проводился командованием 1-й армии. Документы скорее говорят о другом и, возможно, более верна английская оценка.

«Клук и его начальник штаба утверждали, что они выиграли битву против Монури 9-го, когда полк. Хенч отдал приказ об отступлении. На страницах этого журнала было показано в разное время, что они приказали отступать до прибытия Хенча. Собственные приказы Клука показывают, что атака 9-го корпуса на правом крыле была им предложена не как решительный удар, с целью одержать победу, но для того, чтобы прикрыть отступление» [1].

Наше мнение уже высказано: мы считаем, что утром 9 сентября (около 11 час.) в штабе 1-й армии царил уже разброд, стихийно побеждала идея отступления, которая еще не реализовалась, однако, перемешиваясь и борясь с прежней идеей — сокрушить 6-ю французскую армию атакой правого крыла. Действительный ход событий подтверждает именно нашу точку зрения.

Дело в том, что построения левого крыла в соответствии с приказом вовсе не получилось.

5-я дивизия уже была направлена по своей инициативе ген. Линзингеном к Дюизи, чтобы помочь бригаде Кревеля, которая вела бой с англичанами. «В конце концов предпринятое перестроение получило

---

[1] „Army Quarterly", January 1935.

такой вид, что новый фронт шел приблизительно от середины прежнего на восточный берег р. Урк и дальше вытягивался на 5 км так, что его продолжение попало бы в Шато-Тьери»[1]. Но этого продолжения как раз и не получилось, так как 5-я дивизия, бригада Кревеля и корпус ген. Марвица вели бой южнее, на линии от Шанжи на Марне до Куломба: 1-я армия все же очутилась между двумя армиями противника и ей угрожала опасность быть сдавленной в тисках.

Немецкие источники упорно стремятся доказать, что эти части (кавалерийский корпус Марвица, бригада Кревеля и 5-я дивизия) могли бы сдержать англичан[2], но ход событий 9 сентября не оправдывает этого утверждения. Бригада Кревеля, по утверждению самого Рейхсархива[3], попала в тяжелое положение, атакованная все более и более усиливающимся противником; ее артиллерия была приведена к молчанию. Попытки 9-й кав. дивизии продвинуться от Кошерель (Cocherel) к Марне были застопорены артогнем противника. Что касается 5-й дивизии, то она сначала была двинута на правый фланг бригады Кревеля, но, когда было получено известие о продвижении крупных сил англичан к северу от Шарли, она была отведена обратно в Дюизи. «...В движениях туда и сюда было потеряно драгоценное время», говорит Рейхсархив. Гораздо вернее сказать, что в этом выражалась невозможность для перечисленных частей «заткнуть дыру»: ведь дальше на восток через Марну продвигались все новые и новые силы противника.

Части группы Линзингена начали отход вскоре после полудня, без помехи со стороны противника. К вечеру 7-я рез. дивизия и части 8-й дивизии (группа Лохова) находились в районе Мей-ан-Мюльтян, 22-я рез. дивизия в районе Фюсси (Fussy), 3-я пех. дивизия в районе Куломба.

5-я кав. дивизия продолжала весь день свои поразительные блуждания, бросаясь из стороны в сторону перед наступающим противником; только она одна и оставалась на всем протяжении бреши между 1-й и 2-й армиями.

д) Крах контрманевра Клука

Что же происходило в это время на правом крыле? Напомним прежде всего цель операции, предпринятой здесь Клуком.

---

[1] Kabisch, 174.

[2] Куль, например, в уже упомянутой статье пишет: „Командование 1-й армии приняло действительные меры, чтобы противостать угрозе прорыва на Марне. После известия о том, что англичане перешли Марну, левое крыло армии было отведено назад. Бригада Кревеля защищалась у Монтрайль-о-Льон. 5-я пех. дивизия была послана на поддержку к Марне; ген. Марвиц, на которого было возложено единое командование, принял решение перейти в атаку, чтобы отбросить англичан за Марну". Сам Кревель даже утверждает („Militär-Wochenblatt", 1919), что еще и 10 сентября можно было сдержать противника.

[3] „Der Weltkrieg", IV, 212.

Приказ 1-й армии вечером 8 сентября гласил:

«1-я армия будет добиваться завтра решительного результата посредством атаки с охватом фланга северного крыла под командованием ген. фон-Кваста (9-й корпус, 6-я дивизия и 4-я кав. дивизия), отправляясь из района севернее Кювернъона (Cuvergnon). Резервная бригада Лепеля имеет приказ направиться завтра из Вербери (Verberie) на Бароп (Baron, западнее Нантейля), 2-й кав. корпус (со 2-й и 9-й кав. дивизиями и смешанной бригадой 9-го корпуса, прибывшей сегодня в Монрейль) должен обеспечить прикрытие левого фланга армии на Марне».

Как протекала атака северного крыла 9 сентября? Была ли она похожа на сокрушающий молот, как это рисовалось в воображении командования 1-й армии? Были ли достигнуты решительные результаты на этом участке к концу сражения?

Изображение событий и конечный их результат даются в противоположном освещении немецкими и французскими источниками. Истину установить поэтому трудно.

По немецким источникам[1]: «Нет никакого сомнения, здесь достигнут боевой успех; армия Монури разбита. Клук касается рукой венка на своей голове». Бригада Лепеля «в 16 час. победоносно довела наступление к вокзалу Нантейля»; по французским же источникам[2], атака бригады Лепеля на Нантейль потерпела кровавую неудачу. «Восточнее, по немецким источникам, 17-я и 18-я дивизии непрерывно продвигаются вперед. Мекленбуржцы, ганзейцы и шлезвиг-голштинцы дышат воздухом победы. В 18 час. взято Буаси; части находятся в 6 км от Нантейля»[3]. Наконец, 6-я дивизия, по немецким источникам, заняла Вильер-Сен-Жене, тогда как, по французским, только «в середине ночи» (?) туда проникло несколько немецких патрулей, хотя местечко было эвакуировано еще в 15 час.

Совершенно бесспорен факт, что при общем перевесе немцев на северном участке их продвижение 9 сентября было малозначительным. Все источники единодушно констатируют медлительность наступления. Рейхсархив приводит свидетельство офицера генштаба 6-й дивизии майора Фирека: «Солнечный осенний день и направление марша к Парижу поднимает общее настроение. Наступление, хотя и медленно[4], но хорошо и без больших потерь, продвигается вперед, так что в штабе дивизии господствовало впечатление всеобщего и полного успеха дня». По отзыву другого немецкого капитального труда[5], «на северном крыле немецкие войска медленно[4], но непрестанно шли вперед, и победа определенно предвиделась».

---

[1] Kabisch, 177.
[2] Koeltz.
[3] Kabisch, 177.
[4] Разрядка наша.
[5] „Der grosse Krieg“, 244.

Каковы же были причины этого медленного темпа развития событий на северном крыле? Во-первых, конечно, сказывалась измотанность переходами обеих дивизий 9-го корпуса; утром 9 сентября 17-я дивизия, до занятия исходных позиций, прошла еще 20 км. Но, кроме того, оказывается, ген. Кваст учел уже уроки Эстернея. В приказе 9-го корпуса (8 сентября 21 ч. 45 м.) можно прочитать следующие знаменательные строки:

«Артиллерийские позиции должны быть установлены на рассвете; огонь открыть возможно раньше; пехота должна атаковать только тогда, когда будет известно, что артиллерия произвела свое действие, в особенности против местечек и лесных опушек».

Исполняя приказ, пехота не начинает наступления, пока позади нее между 9 и 11 час. развертывается артиллерия.

Наступление началось фактически в 12 час. дня, когда части (17-я, 18-я и 6-я пех. дивизии) вышли, встретив незначительное сопротивление противника, на дорогу Левиньян (Lévignen) — Бец. Вслед затем началось продвижение через лес Руа (Le Bois du Roi) по нескольким узким лесным дорогам. Только в 3 часа дня, т. е. после того, как уже был отдан приказ об отступлении 1-й армии, наступающее крыло достигло железной дороги Ормуа (Ormoy)— Бец.

К 15 ч. 30 м. ударная группа развертывается вдоль южной опушки леса Руа — всего 35 батальонов и 36 батарей (208 орудий, из которых 36 легких гаубиц и 16 тяжелых). Пока эта весьма внушительная масса артиллерии (1 батарея на батальон) не открывает огня, пехота не начинает атаки против Буаси. А вот как очевидец описывает действие французской артиллерии, которая, конечно, была несравненно слабее на этом участке: это была «бомбардировка такой силы и сеяла такой ужас среди бойцов 17-й дивизии, которые уже испытали 3 дня тому назад шквал под Эстерней, что еще никогда не видели ничего подобного; бомбардировка эта заставляла предвкушать огневые завесы будущих годов». Огонь противника порождает частичную панику. Вечером части 17-й дивизии, занявшие Буаси-Френуа, роют окопы.

Установить, каким было действительное положение ударной группы 1-й армии к концу Марнского сражения, очень трудно. Слишком мало оснований верить правдивости оценки, которая давалась участниками боя и которая впоследствии прошла через соответствующий фильтр. Очень может быть, что бойцы 64-го и 24-го полков (6-я дивизия) и в самом деле хохотали, видя удирающих французов, со снопами на спине, которые использовались как прикрытие. В 35-м полку, возможно, отпускали шуточки по поводу слишком высоко разрывавшейся шрапнели. Кап. Боде, командир 7-й роты 90-го полка, рассказывает, что его рота наступала (после выхода из леса) так, что очевидцы затруднялись сказать, шла ли в атаку на Буаси пехота или кон-

ница. Но, наряду с этим, в 8-й роте того же полка во время этой атаки «потери составили 40 человек, потому что теперь противодействие врага уже сказывалось» [1].

В 12 ч. 30 м. ген. Клук получил от группы Кваста донесение о том, что в 11 ч. 45 м. она заняла исходную линию западнее Гондревиль—Ормуа-ле-Давьен—Антильи и перешла в наступление на Левиньен—Бец. Получив это сообщение, Клук сказал будто бы окружающим его: «Сегодня вечером правое крыло будет вблизи Дамартен. Тогда мы выиграем все» [2]. Можно согласиться, что такой глубокий охват левого фланга союзного войска действительно имел бы крупнейшее оперативное значение. Было ли бы оно также и решающим — остается под вопросом. Но немецкие генералы, как мы уже установили в отношении атаки левого крыла 2-й армии на Сезан, плохо учитывали важнейший фактор — время. Уже тогда, когда началась фактически атака группы ген. Кваста, около 12 час. 9 сентября, было по сути дела уже поздно, так как союзники перешли Марну. От исходной линии до Даммартен около 25 км. По данным Рейхсархива, Буаси-Френуа был взят в 18 час. Немецкие части прошли около 10 км — оставалось еще 15 км. Этот расчет поважней сообщений о действиях отдельных частей группы Кваста. Но война уже в те дни показала новые мерила для определения быстроты продвижения войск, темпа развития операции. С этой стороны совершенно бесспорным является тот факт, что наступление правого крыла 1-й армии безнадежно запоздало.

Было уже поздно! Без понуждения со стороны врага группы Сикст-Армина и ген. Линзингена покидали свои боевые позиции, обагренные кровью. «Во все это время, — пишет ген. Куль [3], — французские снаряды и шрапнель ложились на то самое место, что и раньше. Ни одного врага нигде не было видно. Когда в Бовуар не осталось больше никого, я отправился в Мей-ан-Мюльтьян и поднялся на очень высокую колокольню. На ясном вечернем небе на юго-западе стояла Эйфелева башня».

Париж был так близко, а немецкое войско на всем гигантском поле великой битвы начало свое историческое отступление к северу. Париж не был взят во-время, и потому его не удалось взять до конца войны.

4. ФРОНТ НАСТУПЛЕНИЯ СОЮЗНИКОВ 9 СЕНТЯБРЯ

(Схема 8)

Окончательные выводы о результате Марнской битвы можно сделать, лишь ознакомившись с положением к концу ее на противной стороне. Но здесь нет нужды в особой детализации. Гораздо важнее

---

[1] „Das Marnedrama“, 4, 283.
[2] Там же, 259.
[3] „Der Marnefeldzug, 1914“, 217.

подчеркнуть один основной факт: в то время, как германское войско оказалось разорванным на части, союзный фронт наступления представлял почти сплошную стену корпусов, медленно, но во взаимодействии, плечом к плечу, продвигавшуюся вперед. Если бы стена наткнулась на такую же стену германских корпусов, если бы произошло чисто фронтальное столкновение между двумя войсками, Марнской битвы, как таковой, не существовало бы. Только благодаря удару 6-й французской армии в тыл 1-й германской армии, последняя отошла назад, за Марну. Образование марнской бреши является результатом сложных перипетий борьбы, живой динамики столкновения многообразных сил. Почему именно сплошная цепь корпусов союзников — построение, скорее свойственное обороне, чем наступательному маневру, — получила такое преимущество? Это также имеет свое объяснение в новых условиях ведения боя: нигде на всем протяжении Марнской битвы атака против живой силы противника не дала серьезного результата, способного привести к решению. Продвижение решающего порядка было осуществлено лишь там, где противник не смог своевременно организовать сопротивление. Этот вывод уже подводит вплотную к эпохе позиционной войны, и в сплошном фронте союзников во время наступления на Марну можно видеть отчетливый зародыш этой эпохи.

а) 6-я французская армия 9 сентября

(Схема 6)

Официальная французская история не скрывает, что положение крайнего левого фланга союзников 9 сентября было очень тяжелым:

«В течение дня 9 сентября враг, оказывая с фронта сильное давление на левый фланг армии (6-й), сумел окружить этот фланг, принудив во второй половине дня кавалерийский корпус, 4-й корпус и дивизию слева 7-го корпуса к достаточно заметному отходу. Вечером положение с этой стороны является критическим» [1].

Итак, едва ли стоило затрачивать немецким авторам столько усилий, чтобы доказать бесспорный тактический успех 1-й армии в районе Нантейль—Бец. Гораздо труднее, конечно, доказать, что этот успех имел также и стратегическое значение.

9 сентября к 5 час. утра ген. Монури получил директиву главного командования, в которой говорилось:

«Необходимо покончить с правым германским крылом раньше, чем оно может быть усилено другими частями, которые могут освободиться после падения Мобежа. Эта задача должна быть осуществлена 6-й армией и английскими силами. 6-я армия должна удерживать силы, находящиеся против нее на правом берегу Урка. Английская армия, перейдя через Марну между Ножан л'Арто и Ля-Ферте-су-Жуар,

[1] Les A. F. I[3], 157.

должна обратиться против левого фланга и тылов противника, находящегося на Урке».

Действия кавалерийского корпуса ген. Бриду в течение 9 сентября так же поразительно разбросаны и скованы, как и в предшествующие дни. Всего удивительнее, что корпус получил задание — двигаться ни мало, ни много, как к Суассону. В действительности 1-я и 3-я кав. дивизии, действуя южнее Крепи, попадают под огонь наступающей пехоты с востока, а отчасти и с запада (бригада Лепеля) и в итоге оказались к ночи далеко в тылу (1-я дивизия Эрменонвиль (Ermenonville); 3-я дивизия — Сен-Патю (Saint Pathus) — Маршеморе (Marchémoret). 5-я кав. дивизия, благополучно вернувшись из своего рейда, располагается на ночлег в Верин (Verrines). Значительная конная масса на левом фланге союзников, действуя разрозненно, не сумела достигнуть серьезного оперативного успеха. Однако, как ни беспорядочны были движения кавдивизий, они сыграли некоторую роль в задержке наступления группы Кваста и оказали свое влияние на волю командования 1-й армии, не знавшего точно, с какими силами ему приходится иметь дело и куда может быть направлен их удар.

4-й корпус, в случае, если натиск противника невозможно было бы удержать, имел указание отходить к Даммартену — пункту, к которому, как мы помним, по расчету Клука, должна была выйти к вечеру группа Кваста. Но до этого дело не дошло. Напротив, командование корпусом в ходе разгоревшегося сражения дает указания — во что бы то ни стало удерживать свои позиции. Однако, обе дивизии не выдерживают натиска, и к 19 час. 61-я располагается вдоль дороги Нантейль (который был очищен французами, но, по французским источникам, не был занят немцами за исключением вокзала) — Сеневьер (Sennevières). 7-я дивизия позади нее в районе Сильи Ле-Лонг (Silly le Long), Онь (Ognes) и Шевревиль (Chevreville). К ночи 61-я дивизия, пройдя через расположение 7-й, отходит еще южнее в район Уасери (Oissery) и Сен-Патю.

Как бы ни было значительно это отступление, оно могло дать оперативные плоды лишь в случае глубокого проникновения противника в тыл частям, занимавшим фронт на западном берегу р. Урк. По сути дела дорога Нантейль — Даммартен была свободна, но немцы даже не вступили (по французским данным) в Нантейль: их энергия была уже затрачена на тяжелые усилия в первой половине дня. Французы получали время для перегруппировки. Ген. Монури, в связи с указанным отходом 4-го корпуса, отдал приказ об отводе также и частей 7-го корпуса на новую линию сопротивления, которая должна была итти от Шевревиля к Фос-Мартен — ферма Полиньи [южнее Пюизье (Puisieux)]. На случай дальнейшего отхода 4-го корпуса местечко Онь должно было удерживаться во что бы то ни стало. К 23 час. 14-я дивизия, отгибая к югу свой левый фланг, отошла к Буйланси (Bouillancy), правым флангом упираясь к ферме Ножон (юго-восточнее Буй-

ланси). Эта последняя являлась опорным пунктом фронта на Урке и осталась в руках французов (63-я дивизия). Таким образом, к утру 10 сентября немцы имели бы дело с новым фронтом, который, правда, занимался частями, истощенными трехдневными боями; тем не менее перспективы на быстрый успех были слишком проблематичны. Между тем, перед фронтом 63-й дивизии и дальше к югу немцы уже очищали свои позиции, некоторые признаки чего были замечены французами уже 9 сентября.

54-я, 55-я и 45-я дивизии удерживались 9 сентября на своих позициях.

8-я дивизия занимала 9-го луку р. Марны у Жерминьи л'Эвек (Germigny l'Evêque), правый ее фланг на берегу Марны против сильных позиций немцев Шанжи — Юсси (на другом берегу); кавбригада у Синьи-Синьет (Signy-Signets) обеспечивала непосредственную связь с англичанами.

Этот факт — установление сплошного фронта 6-й армии и англичан на Марне — имел очень крупное значение. Давление, осуществляемое немцами на левое крыло 6-й армии, при таких условиях вызывало лишь отклонение последнего к югу; однако, оно получало устойчивость, благодаря поддержке, получаемой справа. Для Клука было уже поздно разбить 6-ю армию оторванно от англичан: теперь ему противостоял на Марне сомкнутый фронт союзников. Самое разумное при таких условиях для немцев было бы противопоставить этому фронту свой фронт, для чего требовалось сомкнуть внутренние фланги 1-й и 2-й армий. Но это было уже невозможно.

Часы испытаний для 6-й армии, таким образом, миновали, ибо она была теперь уже не одинока перед сосредоточенной 1-й германской армией, а примыкала к главным силам союзников. Ген. Жоффр дал разрешение ей, в случае необходимости, отходить к Парижу до получения подкреплений. Но с подходом англичан к Марне это было уже излишне. Клук должен был считаться с наличием перед своей армией соединенных сил союзников.

9 сентября эта новая обстановка была еще неясна французскому главному командованию. Поэтому оно приняло специальные меры к укреплению 6-й армии. 62-я дивизия уже подошла к Даммартену и расположилась для обороны этого пункта. Несмотря на слабость этой дивизии, иллюзия Клука об овладении Даммартеном еще 9 сентября становилась все более несбыточной. Кроме того, Монури, по договоренности с Френчем, к концу дня приказал 8-й дивизии передвинуться на левый фланг в район Кюизи (Cuisy). Не довольствуясь этим, Жоффр изъял из 5-й армии 37-ю дивизию (3-й корпус), которая 10 сентября должна была начать высадку в районе Парижа. Ген. Дюбайлю с той же целью было предложено выделить корпус.

Эти мероприятия, бесспорно, свидетельствуют об отсутствии ясной стратегической линии у французского главного командования в день

9 сентября. Если главной задачей теперь являлся прорыв между двумя правофланговыми германскими армиями, почему с этого решающего участка снимаются 2 дивизии (8-я и 37-я) и направляются на левый фланг? Но дело в том, что 9-го эти передвижения еще не были осуществлены, а 10-го победа стала очевидной.

1-я германская армия не оказалась окруженной справа, как это первоначально мыслилось французским главным командованием, напротив, здесь она сама угрожала смять левый фланг союзников. Однако, в этот момент она очутилась перед сплошной линией союзных корпусов, которые через Марну продвигались вперед. Клук был не в состоянии оказать ей сопротивление повсюду и одновременно. Он вынужден был прекратить свое давление в центре — против 55-й и 56-й французских дивизий — и начал отходить на левом своем фланге.

Таким образом, французы были обязаны своим успехом не стратегическому маневру, который в первоначальной форме оказался неудавшимся, а тому факту, что наступление велось сплошным фронтом: благодаря этому удалось нащупать слабое звено германского расположения и проникнуть внутрь него.

6-я французская армия удержалась на месте 9 сентября, хотя перед фронтом ее находились подавляющие силы 1-й германской армии, наконец-то сосредоточившейся на Урке. 9-го Клук, атакуя своим правым крылом, вынужден был ослабить свое давление, отвлеченный появлением новых сил врага. Таким образом, весь его контрманевр оказался подорванным в корне, и не оставалось ничего другого, как отступать.

Не так представлялось в этот день дело ген. Монури. Его войска приготовлялись к упорной обороне на спешно укрепляемых позициях. Даже тот факт, что противник перед правым флангом 6-й армии уже исчез, не разубедил командующего в том, что опасность миновала. Кавалерийская разведка во второй половине дня уже обнаружила, что между фермами Полиньи и Шамп-Флери противник покинул свои позиции; Троси эвакуировано в 16 ч. 30 м.; то же было обнаружено и на участках южнее. В 20 час. командир 90-й бригады (45-я дивизия) донес командиру дивизии о том, что противник отступил перед его фронтом, и просил разрешения немедля начать преследование. Ответ ген. Дрюда весьма показателен: «Положение не уточнено еще с полной ясностью; не следует начинать неосмотрительно преследование. Этот отход, быть может, скрывает ловушку (!). Сохраняйте тесный контакт с противником. Свяжитесь с 89-й бригадой и сообщайте ей ваши впечатления. Никакого общего движения вперед без моего и 6-й армии приказа» [1]. 45-я дивизия осталась на ночь на своих позициях, хотя противник уже с утра отступил перед ней.

[1] Les A. F. I[3], 178.

На 10 сентября ген. Монури приказал 55-й, 56-й и 45-й дивизиям продвигаться к северо-востоку, «с осторожностью, чтобы не попасть под обстрел артиллерии на восточном берегу Урка» [1]; 7-й и 4-й корпуса должны остаться на месте, ожидая подхода 8-й дивизии.

Но вечером командующий 6-й армией уже получил от Жоффра поздравления с победой:

«Удерживая на фронте Урка значительную часть германских сил, вы оказали огромную поддержку развитию операций союзных армий в направлении, которого я желал» [2].

б) Английская армия 9 сентября

Англичане утром 9 сентября подошли, наконец, к Марне. Их левофланговый 3-й корпус нашел, однако, мосты у Ля-Ферте-су-Жуар разрушенными, а северный берег занятым противником. Только во второй половине дня нескольким батальонам удалось переправиться на плотах и перейти по плотине; в 9 час. вечера началась постройка мостов. 2-й корпус нашел, напротив, переправы у Нантейля и Сааси незанятыми и перешел через реку. Левофланговая 5-я дивизия направилась к северу. 15-я бригада достигла леса восточнее Монрейль-о-Льон, 14-я бригада у Ле-Лимон; обе бригады вступили в бой с противником и до вечера дальше не продвинулись. 3-я дивизия правее достигла дороги Монрейль-о-Льон, Шато-Тьери. 1-й корпус также без всякой помехи переправился через реку у Шарли и Ножан и около 11 час. утра дошел до района Домптен (Domptin) — Вильер-сюр-Марн (Villers sur Marne). К вечеру корпус находился на линии Ле-Тиоле, Купрю. Конные части достигли района Люси-ле-Бокаж (Lucy le Bocage). В общем английская армия продвинулась за день не свыше, чем на 13 км, не дальше параллели Шато-Тьери. Характерно, что в ожидании контрудара противника части, оставшиеся на южном берегу Марны, рыли окопы. Приказ Жоффра на 10 сентября предусматривал продвижение англичан до р. Клиньон.

в) 5-я армия 9 сентября

(Схема 15)

Справа английская армия вплотную примыкала к 5-й французской. Действия и расположение этой последней в конце сражения имели громадное значение для его исхода.

Мы уже знаем, что задачи, которые были даны корпусам 5-й армии, на 9 сентября имели двоякий характер: они должны были быть готовыми к продвижению как в северном, так и в северо-восточном направлении. Обстановка французскому главному командованию была еще неясна. Очевидно, что англичане должны были обрушиться с тыла на германские силы, которые вели борьбу на Урке. Но ока-

[1] Les A. F. 1[3],

[2] Там же, 188.

жется ли у них достаточно сил для того, чтобы справиться с противником? Не понадобится ли им поддержка, которую в таком случае должна была оказать 5-я армия. Таким образом, для левого крыла этой армии представилось необходимым перейти Марну, поддерживая контакт с англичанами. Но в такой же степени сохраняло силу северо-восточное направление для окружения 2-й германской армии (Жоффру было неизвестно, находились ли еще на правом фланге последней 3-й и 9-й германские корпуса). Было еще одно осложняющее обстоятельство: положение 9-й французской армии становилось все более тяжелым. В помощь ей Жоффр передал из 5-й армии 10-й корпус. Неизбежно было склонение правого фланга 5-й армии к югу. Это были третья задача и третье направление. Не угрожала ли 5-й армии опасность рассредоточения ее усилий и расчленения?

Надо сказать, что из этого сложного положения французское командование вышло с честью, придерживаясь все того же принципа — движения плечом к плечу и сохранением непрерывности фронта наступления. Посмотрим, как была выполнена эта трудная задача в течение 9 сентября.

В 13 час. кавалерийский корпус Конно получил приказ перейти Марну у Ази вместе со смешанной бригадой 18-го корпуса, чтобы действовать против отступающих германских сил, прикрыть правый фланг англичан и обеспечить переправу 18-го корпуса на другой берег реки. По имевшимся данным, значительные силы противника находились в районе Безю—Сен-Жермен (Bézu—Saint Germain), в 7 км к северу (от Шато-Тьери). В соответствии с этим 4-я кав. дивизия около 14 ч. 30 м. переходит Марну, устанавливает связь с английской кавалерией и к вечеру находится в 3 км юго-западнее Шато-Тьери. 10-я кав. дивизия вступает в Шато-Тьери. 8-я дивизия продвигается вдоль южного берега реки к Ножантель (Nogentel).

Утром 9 сентября 18-й корпус находился со своими передовыми частями в районе Вифор (Viffort), откуда разветвляются дороги — на север к Шато-Тьери и на северо-восток к Курбуэн (Courboin). Френч обращается к Жоффру и Франше д'Эспере с просьбой двинуть 18-й корпус к Шато-Тьери на поддержку английской армии. Как мы уже знаем, кавалерийский корпус и одна смешанная бригада были направлены на северный берег реки. В 14 ч. 10 м. Жоффр обращается к командующему 5-й армией с указанием, что он считает «существенным, чтобы 18-й корпус в тот же вечер перешел Марну в окрестностях Шато-Тьери, чтобы активно поддержать колонны англичан, перешедшие через реку». 9 сентября переходят через Марну упомянутая смешанная бригада у Ази и 1-й полк зуавов в Шато-Тьери.

В 3-м корпусе 37-я дивизия была в течение дня изъята для направления на поддержку 6-й армии (см. выше). 5-я дивизия направляется на северо-восток по дороге из Монмирайля на Коробер (Corrobert), 6-я дивизия — из Монмирайля к ферме Ланде (Landais).

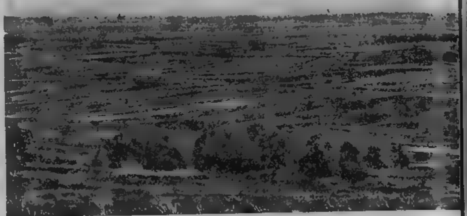
В 15 ч. 30 м. 5-я дивизия занимает Коробер; противник отходит, не вступая в бой; 6-я дивизия достигает Ля-Шармуаз (la Charmoise) и Ле-Груазильер (les Groisillers), на южной опушке леса Парньи (Bois de Pargny). В 18 час. 6-я дивизия выступает дальше к Монмансон (Montmançon); 5-я встречает на своем пути сопротивление небольших отрядов противника и достигает Виолэн (Violaine). К ночи 6-я дивизия занимает фронт ферма Фонтен (Fontaine Fe), Монмансон, Романди (Romandie). 5-я дивизия, остановленная артиллерией противника, не может достигнуть Брейля (Breuil), заняв фронт Романди—Курбео (Courbehaut); одна из ее бригад — в Вердоне (Verdon).

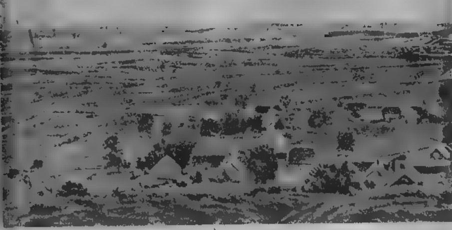
После перехода 10-го корпуса в состав 9-й армии 19-я дивизия из этого корпуса передается 1-му. Задача последнего — прикрывать правый фланг 5-й армии фронтом на восток и северо-восток. С утра 1-й корпус должен был начать движение по дороге Вошамп (Vauchamps) — Орбе (Orbais). Однако, утром же ген. Делиньи (Deligny) узнает, что путь его движения прегражден крупными силами противника. Фонтен-Шакен (Fontaine-Chacun) занят окопавшейся пехотой с пулеметами. У Орбе отряд противника силою около 3 000 чел., Марньи также занят немецкой пехотой, окопы идут вдоль ручья Марньи. Одновременно корпус получает указание остановиться на линии Марньи—Жанвильер (Janvillers). 19-я дивизия должна быть направлена к Фромантьер (Fromantières); эти распоряжения вызваны тяжелым положением 9-й армии. В 13 час. 1-я дивизия подошла к лесу Фурно (le Bois des Fourneaux) в 1 500 м к югу от Марньи; 1-я бригада у фермы Шамп-Мартен (Champ Martin Fe). В 2 км восточнее Коробер 2-я дивизия остановлена у Жанвильер артогнем противника. 19-я дивизия не может продвинуться дальше северо-западной опушки леса Туль (Bois du Thoul) севернее дер. Ле-Туль. Ген. Делиньи получает сначала указание направить максимум своих сил к Шампобер, а в 15 ч. 10 м., ввиду сильной атаки противника против 9-й армии, склониться к юго-востоку, атакуя в направлении Байи (Baye), Вильвенар (Villevenard). Однако, давление противника уже начинает ослабевать, и склонение к югу становится излишним. К концу дня 1-я дивизия занимает фронт Марньи—Фонтен—Шакен, где она окапывается; 2-я дивизия — у фермы Молино (les Molinots Fe) и у Жанвильер; 19-я доходит до Ля-Шапель и Ле-Дезер.

г) 9-я французская армия 9 сентября

(Схема 15)

10-й корпус 9 сентября действовал в составе 9-й армии. 20-я дивизия провела ночь вокруг Ля-Помероз (la Pommerose), уже 8-го вечером заняв разведывательным отрядом деревню Ле-Туль Тронуа (Le Thoult Trosnois). 9 сентября она должна была продвигаться в направлении на Шампобер. Однако, с утра артиллерия противника откры-

Панорама равнины р. Об

вает ожесточенный огонь, который причиняет 40-й бригаде большие потери и препятствует ей продвинуться дальше Ле-Туль. Только к концу дня, медленно продвигаясь вперед перед подающимся назад противником, 40-я бригада занимает Баней (Bannay) в 18 ч. 30 м.; правофланговая 39-я бригада, обстреливаемая артиллерией противника на высотах западнее Корфеликс (Corfélix) — Ле-Кюло (les Culots), занимает эти деревни лишь в 18 час. 51-я дивизия утром сменяет 42-ю, которая поступает в распоряжение Фоша на участке Ле-Кюло, Суази-о-Буа, Монживру. Справа противник яростно атакует Мондеман. В 15 ч. 30 м. дивизия получает приказ наступать в направлении Талю-Сен-При (Talus St Prix) — Байи (Baye), чтобы облегчить положение частей 9-й армии южнее болот. Противник подается назад; к ночи дивизия — в Сен-При.

42-я дивизия направляется к Сен-Луп (Saint Loup) через Бруа (Broyes).

Между тем, сведения с фронта, получаемые Фошем, были далеко не обнадеживающие. На участке 9-го корпуса немцы, поведя с утра яростную атаку на Мондеман, овладели деревней и замком. Артиллерия противника обстреливает с возрастающей силой позиции Марокканской дивизии у Монживру, лес Мондеман, Аллеман. 77-й полк (17-я дивизия), посланный ген. Дюбуа на подмогу, атакует выходы с северной опушки леса Алемана и северо-восточнее леса Мондеман, но из-за отсутствия взаимодействия пехоты и артиллерии атака терпит неудачу; артиллерия не может разрушить стены замка Мондеман, и с тяжелыми потерями полк отбрасывается назад. Только в 19 ч. 30 м. удается овладеть замком, когда противник отходит на всем участке Марокканской дивизии.

С утра 9 сентября противник яростно атакует со стороны Фер-Шампенуаз также линию 17-й и 52-й дивизий. Ген. Дюбуа в 10 час. доносит Фошу: «Я прилагаю усилия, чтобы закрепиться возможно более прочно на линии Монт-У, ферма Сен-Софи, южная окраина Конантра. Конантр очень сильно обстреливается, так же как и весь мой фронт, к Монт-У и Мондеман. Я использовал все свои резервы, и мое положение становится трудным» [1].

В ответ Фош сообщает, что 42-я дивизия спешит на поддержку с задачей атаковать в направлении Конантра.

Но положение 17-й и 52-й дивизий становится все более тяжелым. В 13 ч. 30 м. 104-я бригада очищает Монт-У, который подвергается жестокому обстрелу артиллерией противника, и отступает к выс. 182 и Шальмон (Chalmont). Противник овладевает разрушенной мельницей Конантр (на западной окраине города) и начинает продвижение к Плер (Pleurs). От Шальмон линия 9-го корпуса проходит через выс. 134 [северо-восточнее Лент (Linthes)] и дальше к югу от дороги Конантр—Сезан.

---

[1] Les A. F. I^3, 400.

Бруа

Панорама Аллемана.

42-я дивизия приходит к вечеру в район Лент и здесь проводит ночь, не принимая участия в бою. 17-я и 52-я дивизии начинают продвигаться вперед перед отходящим противником и вновь занимают Монт-У.

11-й корпус был также отброшен атакой немцев к югу от линии Коруа (Corroy), Гургансон (Gourgançon), Семуан (Semoine) с тяжелыми потерями. Мейли занят противником, кавалерия которого продвигается к Труа.

К вечеру начинается отход немцев, которые очистили Майльи в 18 час.

д) Оценка положения на левом крыле 9 сентября

Мы подошли к концу левой половины союзного фронта в день 9 сентября. Интерес этого разбора состоит в ответе на вопрос, насколько расположение союзников в момент окончания сражения обеспечивало успешный для них исход. Решающее значение имело выпячивание этого расположения в центре через Марну, что разделяло друг от друга 1-ю и 2-ю германские армии. Однако, германское командование рассчитывало на то, что этой угрозе противопоставлен удар по западному (6-я французская армия) и восточному (9-я французская армия) концам этой гигантской дуги наступательного фронта

союзников от Парижа до Майльи. Опасность для союзников состояла в том, что, вследствие этого удара, они вынуждены были рассредоточить силы центра (Марнская брешь) по флангам; тогда отпала бы угроза для внутренних флангов 1-й и 2-й германских армий. Отчасти такая опасность действительно имела место, что вынудило Жоффра сдвигать свои силы на угрожаемые восточный фланг (армия Фоша) и западный (переброска на запад 8-й и 37-й дивизий). Тем не менее в основном французскому главному командованию удалось сохранить непрерывность своего наступательного фронта, что придало ему прочность; атакуемые немцами 7-й и 4-й корпуса на левом фланге, 9-й и 11-й на правом только отводились назад, получая опору в соприкосновении со своими соседями. На 10 сентября Жоффр приказал частям, перешедшим Марну, двигаться к р. Клиньон, а частям 5-й армии занять Марну между Шато-Тьери и Дорман. Это угрожало окружением как 1-й, так и 2-й германским армиям. Одним из наиболее рискованных моментов сражения был приказ днем 9 сентября 1-му корпусу атаковать в юго-восточном направлении; это грозило всю линию корпусов 5-й армии сдвинуть к югу. Гораздо больше стратегического разума проявил Фош, приказав 10-му корпусу атаковать не в юго-восточном, а в северо-восточном направлении. Элементы стратегической растерянности под воздействием ударов немцев на крайних флангах в руководстве французского главного командования 9 сентя-

Панорама Мондемана

бря были несомненно налицо. Однако, события зашли уже слишком далеко, чтобы германцы могли использовать эти колебания, о которых они, конечно, в тот день и не знали.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Было бы излишне повторять те выводы, которые делались в соответствующих разделах первой главы нашего труда. Нам остается лишь кратко напомнить читателю главнейшие моменты анализа.

I. Еще во введении было установлено, что с начала Марнского сражения союзники получили преимущество выигрыша темпа в силу внезапности удара 6-й армии со стороны Парижа. В дальнейшем выяснилось, что это преимущество не получило непосредственной реализации: 6-я армия была застопорена на Урке. Но это не значит, что оно (преимущество) не оказало глубокого влияния на дальнейший ход событий: оно вызвало замешательство в руководстве 1-й германской армии, а также оказало воздействие на волю германского главного командования. В результате реакция противника протекала с перебоями. Союзники сохранили выигрыш активного времени, но уже для маневра другим своим флангом (англичане) против 1-й германской армии. Это решило судьбу сражения.

II. Однако, сам по себе указанный выигрыш темпа еще не предрешал исхода битвы. Для того, чтобы действие его сохранило силу и привело к такому результату, понадобился ряд дополнительных

условий. После того, как 6-я армия оказалась остановленной на Урке и в свою очередь сковывала 1-ю германскую армию, в пространстве между расположением двух германских правофланговых армий (марнская брешь) развернулся маневр, для которого это пространство оказалось единственным полем в Марнском сражении. Маневр заключался, во-первых, в переброске Клуком своих сил на Урк с целью сокрушить здесь французов и, во-вторых, в наступлении англичан с целью выхода в тыл 1-й германской армии, скованной на Урке. Как показано выше, маневр на Марне характеризовался медлительностью. У англичан она совпадала с крайней медлительностью их продвижения; у Клука она выразилась в несоответствии темпа развития маневра с оперативной целью (которая к тому же была поставлена слишком поздно и неотчетливо). В результате Клук не успел развить свой контрудар. Оказалось, что даже максимальные темпы движения пехоты в современном сражении неспособны обеспечить требуемую быстроту маневра. Неотвратимо напрашивалось применение мотора для переброски войска и их тяжелого оснащения в современном сражении, которое ведется огромными массами на громадном пространстве. Неудача Клука есть результат применения старых методов оперативного искусства в обстановке, где они уже не могли иметь успеха без соответствующей новой технической базы. Символом новой эпохи явилась переброска 7-й французской дивизии из Парижа посредством автотранспорта. В итоге контрманевр Клука не был в состоянии снять преимущество союзников в выигрыше темпа, несмотря на всю медлительность продвижения англичан. В целом состязание в темпе развертывания операции кончилось в пользу союзников.

III. Однако, такой исход оказался возможным лишь в силу изоляции 1-й германской армии, которая не получила поддержки от своего соседа слева — 2-й германской армии — и от других армий. В конечном счете все германские армии оказались скованными и лишились свободы маневра. Выше были детально показаны причины такого явления, без которого победа союзников была бы немыслима. Совершенно правильно германские источники отмечают, что все германские армии наступали в Марнском сражении; но они маскируют вопрос о том, как велось это наступление. Германское главное командование выпустило из рук руководство своими армиями; его директива от 4 сентября, единственная общая директива для германского войска в Марнском сражении, сыграла только отрицательную роль. Главная масса германских сил была нацелена на восточный крепостной район; правое крыло оказалось изолированным. На Марне германцы вели огульное наступление, не считаясь с изменением конкретной обстановки. Хотя это наступление и дало положительные результаты в ряде пунктов, и в особенности в центре сра-

жения, объективно оно привело к сковыванию своих собственных сил и в особенности 2-й германской армии; вследствие этого 1-я армия оказалась без поддержки и изолированной. Единственный шанс для выхода из тяжелой оперативной обстановки на западном секторе сражения — сдвижение всего расположения вправо — оказался в силу этого упущенным. Кроме ошибок оперативного порядка, скованность германских армий обусловливалась и другим фактором: наступление их на полях завязавшихся битв протекало крайне медленно. Это относится, однако, в такой же мере и к их противнику. Нигде в Марнской битве не было достигнуто серьезного результата в продвижении вперед с боем. Тактическая подвижность войск стремилась к нулю. Этот факт объясняется, как показано выше, в первую голову действием артиллерии. Пулеметов было еще мало, хотя они и проявили уже свою силу. Зато эффект артогня был потрясающим; пехота, как правило, при наступлении не выдерживала его. Все громадное поле Марнского сражения стихийно покрывалось цепью окопов; на Урке возник уже относительно неподвижный позиционный фронт. На остальных участках сражение также приводило к состоянию равновесия, которое было еще зыбким, но определенно намечалось. Только в одном случае, в «утренней атаке» Гаузена, удалось «обмануть» артиллерию, и это дало некоторые тактические результаты.

В целом германское наступление, всюду наткнувшись на сопротивление противника, было застопорено, а армии, упорно продолжавшие бить лбом о стену, оказались скованными. Марна — la bataille d'arrêt — остановка германского наступления. В этом факте не последнюю роль сыграли, конечно, и истощение сил германского войска, разрушение сообщений и средств связи в его тылу. Однако, эти причины еще не предрешали неудачи, если бы германское командование само не сковало своих сил, ведя огульное наступление в оперативно бесплодных направлениях. Главное — неслыханная потеря оперативного темпа, которая вызвала изоляцию 1-й германской армии и вынудила германское войско к общему отступлению.

IV. В сложной цепи причин, приведших к конечному исходу Марнского сражения, особого внимания заслуживает тот факт, что наступление союзников выиграло путем применения методов, характерных скорее для обороны. В целом Марнская битва со стороны союзников была именно грандиозным оборонительным сражением. Отнюдь нельзя сказать, что на Марне победил маневр союзников. Ведь этот маневр, указанный в Марнской директиве ген. Жоффра от 4 сентября, был застопорен в самом начале. Нами уже достаточно показано, что при принятии элементарных мер к парированию слабой, по оценке самого Жоффра, угрозы 6-й французской армии из замысла французского главного командования ничего не вышло бы. Решающую

роль сыграл не этот маневр, а методы наступления ген. Жоффра, методы, так осуждаемые всеми исследователями, в том числе и французскими. Жоффр, применив эти методы, в полной мере заслуживает звания «мастера обороны». Он верно оценил суровые уроки начала войны и, отнюдь не уповая на силу маневра, противопоставил врагу сомкнутый фронт наступления. Главное — держаться на месте там, где противник напирает, и двигаться вперед в непосредственной связи с соседями там, где есть возможность. Эта исключительная осторожность и дала успех. Конечно, предпосылкой для него явилась стратегическая пассивность врага. Но фактов вычеркнуть нельзя. Жоффр проявил мудрую предусмотрительность, выдвинув новые корпуса на стыки армий. Им, а также такими людьми, как Фош, была проявлена железная воля в директивах — держаться во что бы то ни стало, не уступая пространства врагу. Помощь, оказанная 5-й армией своему соседу, попавшему в тяжелую беду, является классическим примером. Сомкнутый фронт корпусов союзного войска оказался непреодолимой преградой для германских атак, и он же втиснулся в дыру, образовавшуюся в германском расположении. Без флангового удара 6-й армии эта брешь не могла бы возникнуть, не могло бы получиться то своеобразное положение, когда англичане получили время для перехода через Марну. Поэтому наш первый тезис о роли выигрыша темпа союзниками в Марнском сражении остается в силе. Но использование этого преимущества стало возможным лишь потому, что германцы разбросали свои силы, а союзники двигались сомкнутым строем. В этом можно усмотреть лишь одно: маневр на Марне, хотя и существовал, играл уже подчиненную роль; маневр на Марне показал уже свою растущую немощь. Победа союзниками была одержана потому, что Жоффр с проницательностью усвоил новую грамоту позиционной войны, полагаясь не на маневр, а на силу сплошного позиционного фронта, который в этом случае был в поступательном движении вперед. Этим путем Жоффр сохранил преимущество выигрыша темпа на своей стороне: он преградил наступление германских армий всюду, где они атаковали, и использовал их скованность для охвата внутренних флангов 1-й и 2-й германских армий. Эту победу можно лишь условно рассматривать как успех маневра: успех этот был одержан только на базе применения новых позиционных по своей сути методов войны.

Не случайно, что Марнское сражение закончилось продвижением там, где ему не было поставлено серьезной препоны, т. е. в марнской бреши. Подчеркивая этот внешний факт, не видят серьезности его предпосылок. Главная из этих предпосылок состояла в том, что маневр с боем был уже осужден на неудачу в силу ничтожной тактической подвижности войск. Клук и Бюлов этого не

поняли, свято храня традиции 1870/71 г. Жоффр поступил мудро, готовясь на всякий случай к упорной обороне, если немцы остановят его продвижение вперед. Может быть, мы преувеличиваем сознательность действий французского главнокомандующего в этом случае, но важны в конце концов факты. Построив свои корпуса сомкнутым строем, Жоффр, по сути дела, вел фронтальное наступление, а это есть отрицание маневра. Если бы немцы быстро сдвинулись вправо и прикрыли брешь на Марне, наступление союзников было бы остановлено. В этом случае фронт позиционной войны, быть может, возник бы не на р. Эн, а на Марне. Однако, вызывает большое сомнение, рассчитывал ли Жоффр и в самом деле сокрушить все германское войско на Марне. Скорее всего он ставил себе задачу остановить германское наступление, и в этой остановке состоит в конце концов объективный смысл Марнского сражения. Благодаря ошибкам германцев, маневр союзников нашел себе выход в бреши на Марне, и выигрыш темпа реализовался.

Было бы слишком примитивно успех обороны французских армий на Марне, давший им в конечном счете стратегическую победу, рассматривать только как результат оперативно-тактических факторов. В основе лежал высокий моральный подъем французского бойца. В ту пору он еще не отдавал себе ясного отчета в истинных, империалистических целях господствующих классов Франции в войне. Он был убежден в том, что защищает с оружием в руках свою родину от нападения врага. И это придало огромную силу сопротивления французскому войску.

Жоффр сумел использовать этот высокий подъем на гигантском поле сражения. В этом его историческая заслуга перед французской буржуазией.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПЕРЕХОД К ПОЗИЦИОННОЙ ВОЙНЕ

1. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ И ОСТАНОВКА НА Р. ЭН

(Схема 18)

События, последовавшие вслед за Марнской битвой, подводят итоги тенденциям, которые уже четко обнаружились в ее ходе. Маневр, уже на Марне получивший весьма ограниченное значение, окончательно уступает место растущей тяжеловесности армий той и другой стороны, скованных усталостью и неспособных к быстрым передвижениям, которых требовала обстановка. Стремление к оседанию на месте, к образованию сплошного, неподвижного фронта проявляется со все более непреодолимой силой. Истощение оперативной энергии обеих сторон приводит к остановке на р. Эн, где окончательно создается позиционный фронт.

а) Катастрофическое положение германских армий после Марны

Такая оценка, пожалуй, будет неожиданна для читателя, ознакомившегося с предшествовавшими главами и знающего о благополучном завершении германского отхода на р. Эн. Признаться, эта оценка действительно исходит скорее из понятий минувших войн: хаос, царивший на правом крыле германских армий после Марны и вызванный не столько натиском союзных войск, сколько перемешиванием частей, неожиданностью приказа об отступлении и неналаженностью управления, этот хаос несколько походил на то, что творилось в гораздо меньшем масштабе сто лет назад на большой дороге от Иены на север. Если катастрофы все же не произошло, в этом следует видеть особенность новых условий ведения войны.

В предшествовавшей главе было показано, что пессимизм, царивший в германском главном командовании, сыграл роль одного из

факторов, совокупность которых привела к отступлению правофланговых армий. Эти черные настроения главного командования пресловутый Хенч несет в штабы 2-й и 1-й армий, где имелись уже достаточные основания для принятия роковых решений. Если бы германское главное командование своевременно вмешалось в ход битвы с директивами иного порядка, они, возможно, оказали бы противоположное воздействие на исход событий, и дело приняло бы другой оборот. Но исторический факт остается незыблемым: в ставке главного командования отступление германских армий было по существу запредрешено, и попытки официального труда доказать обратное, запутать до невероятности изложение подлинных событий не достигают своей цели. После отъезда Хенча германское главное командование как бы вновь выключается из цепи величайшей битвы, которая стихийно движется своим чередом. Но нельзя думать, что у Мольтке отсутствовала своя, пусть сбивчивая и противоречивая оценка происходившего на фронте гигантской схватки. Истина все-таки просачивалась через скудные и противоречащие друг другу сведения, которые доходили до него. Начальнику штаба главного командования стало очевидным, что его план от 4 сентября, в котором он отступил от прямых и ясных указаний Шлиффена, потерпел жалкое фиаско. 4-я и 5-я германские армии почти не двигались вперед, стало быть, нечего было и думать о быстром выдвижении их на линию Нефшато—Миркур. Еще меньше оставалось шансов на успешное форсирование 6-й армией Верхнего Мозеля. 8 сентября Мольтке принимает решение приостановить бесплодные атаки французской крепостной линии и перебросить освободившиеся силы на правое крыло (см. пятую главу). Прибывший в Спа кронпринц Рупрехт сообщает о своей беседе с Мольтке вечером 8 сентября. Начальник штаба изобразил ему положение германских армий в мрачных красках: «5-я армия находится перед укрепленной позицей и не так-то быстро продвигается вперед... 4-я армия также находится перед окопавшимся на своих позициях противником», 2-я и 3-я армии ведут тяжелые бои и находятся под угрозой быть смятыми с правого фланга. 9 сентября утром получаются новые подтверждения (радио 2-й армии, см. шестую главу) того, что крупные силы союзников движутся в брешь между 1-й и 2-й армиями. Для начальника генерального штаба нет больше никаких сомнений, что правое крыло германского фронта должно отступить, притом возможно скорее, а это по существу означает отход и прочих армий. Именно такое предложение — о всеобщем отступлении — Мольтке делает во время своего доклада кайзеру. Этот доклад по времени совпадает как раз с отдачей Хенчем 1-й армии от имени Мольтке приказа об отходе; «своеобразное совпадение», замечает по этому поводу Рейхсархив[1]. Но удивляться здесь нечему, так как

[1] „Der Weltkrieg", IV, 317

существовали веские объективные причины для подобного совпадающего решения. Весьма характерно, что, по свидетельству присутствовавшего при докладе ген. Линкера, Мольтке сослался на то, что «ген. Бюлов придерживается мысли о необходимости отступления. Он — один из опытнейших генералов армии». Но драматизм момента заключается в том, что предложение Мольтке утверждено не было, а события по решению Хенча остановить уже нельзя было — три правофланговых германских армии днем 9 сентября уже отступили. В 4 ч. 45 м. было получено первое донесение об этом от 2-й армии. В донесении говорилось, что 1-я армия отступает левым флангом через Куломб—Ганделю, «2-я армия, согласованно с Хенчем, приостановила медленно продвигающееся вперед наступление и выходит на северный берег Марны, правым флангом на Дорман. Скорейшее пополнение в людях настоятельно необходимо». Сообщение это, означавшее начало перелома в ходе всей войны, не только не произвело обескураживающего впечатления на главное командование, а, напротив, подняло его настроение. Вечером 9 сентября отдается приказ о переходе 10-го во всеобщее... наступление. 1-й армии было послано следующее указание: «2-я армия отошла позади Марны, правым крылом на Дорман. 1-я армия должна расположиться за ней уступом, препятствуя охвату правого фланга 2-й армии наступлением». 3-я, 4-я и 5-я армии должны были 10 сентября также возможно скорее возобновить наступление. Таким образом, германское главное командование оказалось вновь совершенно неосведомленным о том, что творилось с его армиями.

К утру 10 сентября было получено, наконец, донесение от 1-й армии, в котором констатируется, что она отступает за р. Эн. Вскоре последовало дополнительное сообщение и от 2-й армии. Ссылаясь на оголение своего правого фланга, ген. Бюлов доносил о том, что он продолжает отступление и притом совместно с 3-й армией. Немедленно же был послан приказ 1-й армии с настойчивым подтверждением главной ее задачи — обеспечение правого фланга 2-й армии. Во всяком случае положение на правом крыле постепенно выяснялось. В 11 час. утра получена более обстоятельная информация от командующего 2-й армией: «В согласии с Хенчем я так оцениваю положение: отступление 1-й армии за р. Эн вынуждено оперативным и тактическим положением. 2-я армия должна поддержать 1-ю армию севернее Марны, иначе правое крыло войска будет оттеснено и смято с фланга. Сегодня сильные арьергарды занимают южнее Марны линию Дорман—Авиз (Avize), примыкая к 3-й армии. Жду указаний». Эта казуистическая реляция все же подтверждает, что отступление правого крыла — свершившийся факт, хотя и неоформленный пока еще приказом свыше. В новом докладе кайзеру Мольтке, видимо, настаивал на необходимости признать этот факт. Ген. Линкер так излагает его соображения: «Армии вытянулись тонкой линией на громадной дуге

от Вогез до Парижа. Нигде не сосредоточены более мощные силы. Потери очень велики. Очень сомнительно, могут ли 1-я и 2-я армии противостоять наступлению. Мысль об отступлении подступает ближе, если уже не подступила».

В 3 часа пополудни возвращается, наконец, Хенч и делает подробный доклад о происшедшем сначала Мольтке, а затем кайзеру. Вся вина за отступление сваливается на командование 1-й армии, которое уводом 3-го и 9-го корпусов создало брешь на Марне, куда проникли крупные силы противника. Хенч утверждал, что по приезде в штаб 1-й армии он уже нашел готовый приказ об отступлении. 1-я армия отступает на линию Суассон—Фим, 2-я — за р. Вель, 3-я — по обе стороны от Шалона. Сообщение Хенча вызвало вздох облегчения из груди Мольтке: «Слава богу, дело выглядит значительно лучше, чем я думал». Самый факт отступления правофланговых армий меньше всего удивил Мольтке — лишнее подтверждение того, что инструкции, данные Хенчу при его отъезде 8 сентября, целиком соответствовали намерениям Мольтке. На основе сделанной Хенчем информации отдается в 5 ч. 30 м. вечера приказ, санкционирующий, наконец, отход правого крыла германского войска: «2-я армия отходит за р. Вель, левым флангом на Тюизи (Thuizy); 1-я армия получает указания от 2-й армии; 3-я армия примыкает ко 2-й на линии Мурмелон-ле-Пти (Mourmelon le Petit) — Франшвиль (Francheville, юго-восточнее Шалон на Марне); 4-я армия примыкает к 3-й севернее Рейн-Марнского канала до района Ревиньи; 5-я армия остается на достигнутых позициях. 5-й арм. корпус и главный резерв Меца атакуют форты Труайон, Парош и Камп-де-Ромен. Занятые армиями позиции — укреплять и удерживать. Первые части 7-й армии — 15-й арм. корпус и 7-й рез. корпус — около 12 сентября в полдень достигнут района Сен-Кантен—Сиси (Sissy)».

Но вскоре иллюзия, созданная информацией Хенча и выраженная в приказе, о сравнительно благополучном выходе из кризиса на Марне, была развеяна впрах. Поздно вечером было получено сообщение от 1-й армии, в котором говорилось об отходе ее севернее леса Виллер-Коттере (Villers-Cotterêts) и продвижении крупных сил противника к северу от Шато-Тьери в направлении на Ульши (Oulchy) — Нейльи-Сен-Фрон. «Части сильно перемешаны, армия измотана пятидневным боем и приказанным отступлением. Будет готова к наступлению самое раннее 12-го». Итак, 1-я армия отходит левым флангом вовсе не на Фим, а на Суассон, и иначе отступать не может, так как между нею и 2-й армией уже вклинились крупные силы противника. Марнский кризис, оказывается, вовсе не преодолен, а, напротив, развивается с новой силой. Брешь между двумя армиями составляет 40 км.

1-я армия, несмотря на внешне благополучный выход из кризиса, в действительности являла все признаки армии, потерпевшей поражение. Люди дошли до крайней степени физического изнеможения;

многие оставались лежать вдоль дороги. Обозы, несмотря на принятые меры к упорядочению их движения, все же преграждали дороги, части сталкивались друг с другом, происходили закупорки, царил беспорядок, сопутствующий внезапному и неподготовленному отступлению.

В 11 ч. 30 м. ночи 10 сентября 1-я армия дополнительно сообщила: «1-я армия утром располагается на р. Эн от Вик (Vic) до Суассон; арьергарды находятся южнее. Противник продвигается вперед от Шато-Тьери и западнее, силами по меньшей мере до двух корпусов и нескольких кавалерийских дивизий». Утром 11 сентября в штаб 1-й армии поступило указание ген. Бюлова, согласно которому 1-я армия, вновь подчиненная Бюлову, должна была 11-го перейти обратно через р. Эн и 12—13 сентября примкнуть слева к правому флангу 2-й армии. Отрезок р. Вель у Брен (Braisne) и Фим 11 сентября должен быть прегражден смешанной бригадой 2-й армии.

Утром 11 сентября Мольтке выехал на фронт — в штаб 3-й, 4-й и 5-й армий. Это мероприятие начальнику генерального штаба следовало осуществить гораздо раньше. Первое его впечатление было вполне благоприятным. Но здесь на сцену выступает снова... Бюлов: запутав окончательно положение справа, он теперь сосредоточивает свое внимание на левом фланге. 10 сентября вечером штаб 2-й армии получил сведения о движении неприятельской колонны по дороге Шампобер (Champaubert) — Бержер (Bergères) на восток. Бюлов сообщает главному командованию, что враг явно угрожает ударить во фланг массе германского войска, еще задержавшейся на своих позициях, и предлагает отвести ее на линию Сюип (Suippes) — Сент-Менегульд (Sainte Ménehould). Это сообщение окончательно убеждает Мольтке в необходимости отступления в с е х германских армий, и в 2 ч. 30 м. дня 11 сентября им отдается без доклада кайзеру соответствующий приказ. После указания на угрозу со стороны крупных сил противника левому флангу 2-й и 3-й армий, последней предлагалось отойти на линию Тюизи—Сюип, примыкая ко 2-й армии у Тюизи; 4-й армии — отступить на линию Сюип-Сент-Менегульд; 5-й — на линию Сент-Менегульд и восточнее. «Достигнутые линии — укреплять и удерживать. Армиям сохранять при отходе фланговое примыкание». К этому Мольтке добавил устно, что 3-я армия должна свои позиции «п о с т р о и т ь, к а к к р е п о с т ь», а 4-я армия — «укрепить линию Сюип—Сент-Менегульд». По настоянию германского кронпринца (командующего 5-й армией), новый фронт германских армий был отнесен несколько севернее. В течение 13—14 сентября левофланговые армии, идя форсированными маршами, заняли указанные им позиции. К вечеру 14 сентября фронт проходил восточнее Реймса, вдоль дороги Реймс—Суэн (Souaine) — 3-я армия; от Суэн до Бинарвиль (Binarville) — 4-я армия; через Аргонны связь по дороге, охраняемой постами, с 5-й армией; Апремон (Apremont) — Монфокон (Montfaucon) —

Консанвуа (Consenvoye) — Азан (Azannes) — Этен (Etain) — Конфлан (Conflans) — 5-я армия.

Достигаемое таким путем укорочение и выпрямление фронта необходимо было осуществлять возможно быстрее, так как на правом крыле вновь надвигалась гроза. Следующий неотступно за германскими армиями противник 12 сентября с утра опрокинул слабое прикрытие на р. Вель и стал продвигаться в 40-км брешь между 1-й и 2-й армиями. Французы, перейдя реку у Мюизон (Muizon), достигли Мерфи (Merfy) западнее Реймса. Бюлов приказал 10-му рез. корпусу отойти к востоку от Реймса, сдавая город противнику. Между тем, 1-я армия, сдвинувшись, согласно полученным инструкциям, к востоку, достигала своим левым флангом лишь Конде (Condé) у устья р. Вель. В 2 часа дня в штабе 1-й армии было получено указание командования 2-й армии: «Противник, оттеснив вправо фланговую дивизию, перешел р. Вель и занял высоты Сен-Тьери (St-Thierry, северо-западнее Реймса); 1-я армия еще сегодня должна послать крупные силы в тыл противнику в направлении на Сен-Тьери». Но по фронту 1-й армии уже начался артиллерийский бой, и командованию 2-й армии был послан следующий ответ: «1-я армия сильно атакована на линии Атиши—Суассон, ждет завтра боя, удерживает северный берег р. Эн от Атиши до Конде. Может еще продлить левый фланг, но продвижение к Сен-Тьери невозможно».

Марнские события в новой обстановке начали воспроизводиться с опасной последовательностью. Брешь, от которой бежали правофланговые армии 9 сентября, 12-го вновь зияла в расположении германского фронта. И оба командующих армиями вновь сваливали друг на друга ответственность за этот прорыв.

В силу отсутствия единого твердого руководства положение германского фронта представлялось, непосредственно после Марны, таким, что, имей союзники крупные п о д в и ж н ы е силы, они могли бы разрезать его на части, выйти во фланг и в тыл отдельным армиям и привести германское войско к полной катастрофе. Этого не случилось, главным образом, потому, что такого решительного преследования со стороны союзников не было.

б) Преследование (10 — 15 сентября 1914 г.)

В ночь с 9-го на 10 сентября, когда французское главное командование готовилось к возобновлению борьбы на рр. Урк, Клиньон, Марне, из перехваченных радио стало известно об отходе правофланговых германских армий. Союзники решают с 10 сентября начать преследование. «Ген. Жоффр, координируя действия своих армий, стремится в максимальной степени использовать победу, которая только что одержана им; он стремится настигнуть противника, который ускользает, маневрировать на его флангах, расчленить его (à le dissocier). Но

маневры, которые он предписывает, не могут быть осуществлены по причине быстроты, с которой отступают немцы, и усталости союзных войск»[1]. Ясная погода сменилась дождливой, что также отразилось на темпе преследования.

Этим, собственно, сказано все необходимое: Жоффр издавал превосходные директивы, написанные языком наполеоновской эпохи, но не было ни средств, ни возможностей их выполнить. Дело заключалось не столько в быстроте отхода немецких армий, сколько в крайней медленности наступления «преследующих» союзных армий: в среднем они делали всего лишь 10—12 км в сутки[2].

К концу дня 10 сентября 6-я французская армия, англичане и 5-я французская армия достигли без всякого соприкосновения с противником линии Санли (Senlis), Бец, Марейль на Урке, Нейльи Сен-Фрон (Neuily St Front), Дорман. 9-я французская армия продвинулась к северу от Сен-Гондских болот и Фер-Шампенуаз. Перед фронтом 4-й и 3-й армий немцы удерживались.

В середине дня ген. Жоффр обратился ко всем армиям со следующей директивой:

«Германские силы поддаются на Марне и в Шампани перед союзными силами центра и левого крыла. Чтобы закрепить успех, необходимо энергично вести (poursuivre) продвижение вперед таким образом, чтобы не дать противнику никакой передышки (aucun répit); победа теперь заключается в ногах нашей пехоты».

Оказалось, однако, что «ноги пехоты» уже недостаточны для эксплоатации победы в сражениях такого масштаба, как Марнская битва.

Согласно директивам Жоффра, преследование в целом должно было вестись в северо-восточном направлении. 6-я армия должна была наступать западнее линии Урк—Суассон, стремясь к охвату крайнего фланга противника с запада; англичане — между Суассон и Фер-ан-Тарденуа (Fère en Tardenois); 5-й армии предстояло обойти с запада лесной массив Эперней; 9-й армии — выйти на Марну между Эперней и Шалоном, одновременно содействуя в районе Сомпюи 4-й французской армии в выполнении ею флангового охвата 4-й германской армии.

Только между 14—16 час. 10 сентября армия Монури начинает свое движение на правый берег Урка. 5-я кав. дивизия, перейдя в полдень Уазу, к ночи достигла Сен-Жюст-ан-Шоссе (St Just en Chaussée), выдвинувшись на 40 км к северо-западу и нигде не встретив противника. Конечно, одной кавалерийской дивизии было совершенно недостаточно для достижения сколько-нибудь серьезного оперативного эффекта. Англичане продвинулись за день около 12 км, не встретив сопротивления. Кавалерийский корпус Конно достиг Ульши-Ле-Шато

---

[1] Les A. F. I[3], 49. Разрядка наша.
[2] Там же, 663.

(Oulchy-le Château — в 15 км от Шато-Тьери), встретив здесь незначительное сопротивление со стороны немецких арьергардов. Прочие корпуса 5-й армии переправились через Марну и заняли Дорман. 9-я армия левым крылом перешла Сен-Гондские болота, продвинувшись в северо-восточном направлении, всего около 15 км. Правое крыло армии Фоша немцы задержали на ручье Сомм. Между 5-й и 9-й французскими армиями образовался таким образом никем не занятый мешок, в глубине которого спокойно отходили части 2-й германской армии.

11 сентября ген. Жоффр посылает военному министру реляцию [1]: «Марнская битва закончилась неоспоримой победой. Отступление 1-й, 2-й и 3-й германских армий ускоряется перед нашими левым крылом и центром. В свою очередь 4-я армия противника начинает отступать к северу от Витри и Соризе, оставляя на месте многочисленных раненых и большие количества боеприпасов. Несмотря на усилия, проявленные войсками в течение этих 5 дней, они находят еще в себе энергию преследовать противника. Повсюду, где они продвигаются вперед, обнаруживаются следы напряженности борьбы и значительности средств, пущенных в дело германцами, чтобы сокрушить наш фронт. Сопротивление союзных армий и возобновление наступления в подходящий момент определили успех в нашу пользу, и этот успех утверждается все больше и больше всеми нашими армиями».

В 17 час. 11 сентября Жоффр дает более определенные директивы о задачах преследования. Отступающие силы немцев разделены на две группы, одна из которых отступает прямо на север, а другая — в северо-восточном направлении. 6-я, английская и левый фланг 5-й армии должны охватить с запада часть неприятельских сил, отступающих за р. Эн. 6-й армии с этой целью придается 13-й корпус, перебрасываемый из Лотарингии. Еще утром 11 сентября французское главное командование предложило кав. корпус Бриду направить на правый берег Уазы — к Компьен и Нуайону. Жоффр обращает внимание командующего 6-й армии на важность выдвижения как можно больше к западу: «следует предвидеть, что немцы окажут сопротивление на р. Эн и будет трудно их атаковать с фронта, необходимо поэтому, чтобы 6-я армия, сохраняя все время тесную связь с англичанами, действовала на правом берегу Уазы, чтобы охватить противника с фланга» [2]. 9-я и 4-я армии должны сосредоточить свои усилия против неприятельских сил, остающихся еще на своих позициях в Шампани, стремясь отбросить их к северо-востоку, а 3-я армия, двигаясь прямо на север, между Аргоннами и Маасом, должна стремиться перерезать сообщения противника. 5-я армия — в центре между двумя этими маневрирующими группами — должна быть го-

[1] Предварительное донесение было послано 10 сентября.
[2] Les A. F. I³, 57.

това действовать в северо-западном или северо-восточном направлении. Общее направление движения всех союзных армий — северо-восточное.

«В целом весьма широкий план, составленный ген. Жоффром для использования победы, имеет в виду взять в тиски союзных армий быстро отступающего противника, маневрировать против его флангов и, охватив их, сломить его центр, напротив которого находится 5-я французская армия, готовая действовать к северо-западу или северо-востоку, смотря по обстоятельствам» [1].

Жоффр предлагает не тратить «драгоценного времени, останавливаясь для атаки с фронта укрепленных пунктов, занятых авангардами противника, или естественных препятствий, на которых он смог бы организовать оборону. Необходимо, напротив, стремиться их окружать и обходить; фронты наступления армий достаточно широки, чтобы дать возможность действовать в этом смысле».

Что можно возразить против таких директив? Как они, однако, выполнялись?

5-я кав. дивизия 11 сентября переходит далее к западу в Бове (Bauvais); ее положение на фланге 1-й германской армии попрежнему не дает никакого оперативного эффекта. Прочие 2 кав. дивизии корпуса Бриду подходят к Уазе у Вербери (Verberie), но останавливаются перед разрушенным мостом. 6-я армия, двигаясь попрежнему прямо на север (восточнее Уазы), проходит за день 12—15 км и останавливается в 6—7 км от р. Эн, войдя в соприкосновение с противником. Англичане, чтобы избежать перекрещивания с 6-й французской армией, повертываются фронтом на северо-восток. Перейдя Урк, они несколько подвигаются вперед, отстав, однако, от 6-й армии, на одну линию с которой выходит лишь английская кавалерия. 5-я армия делает в течение дня захождение левым крылом, повертываясь фронтом к Реймсу; левофланговый 18-й французский корпус проходит за день около 20 км; перекрещивания частей замедляют и без того слабое продвижение вперед. Кавалерийский корпус Конно выдвигается к р. Вель, встретив некоторое сопротивление у Фим. 9-я французская армия главными силами выходит на Марну, западнее Шалон. Попытка воздействовать на фланг 4-й германской армии, еще остающейся на своих позициях, не дает успеха, так как в ночь с 10-го на 11-е 4-я германская армия начала уже отходить. Кавалерийский корпус Эспе доходит до Марны в районе Соньи (Sogny), но уже не застигает немецких колонн. 21-й корпус продвинулся около 20 км к Марне, но правое крыло 4-й французской армии все еще находится на р. Соль (Saulx). 4-я армия располагается, таким образом, под углом, вершину которого образует Витри-ле-Франсуа. 3-я армия остается на месте.

---

[1] Les A. F. I³, 57.

12 сентября 1-я германская армия, переправившись через р. Эн, отходит к северо-востоку, используя изрезанную и лесистую возвышенность для организации обороны. Направление отхода 2-й армии в точности неизвестно, 3-я и 4-я германские армии продолжают отходить, опережая авангарды французов, примерно, на 2 часа.

Французское главное командование уточняет свои директивы в части форсирования р. Эн:

«Чтобы обойти противника с запада, 6-я армия, оставив сильный отряд западнее массива Сен-Гобен (Saint Gaubin), с целью обеспечить, при всех обстоятельствах, связь с английской армией, главную часть своих сил должна направить на правый берег Уазы. Британские силы должны быть направлены на север... 5-я армия, поддерживая также тесную связь посредством отряда с правым флангом английской армии, своим левым крылом должна возможно скорее перейти р. Эн, располагаясь по обе стороны этой реки».

Ген. Френч со своей стороны считает, что германцы не станут удерживаться на позициях р. Эн, и предлагает составить общий план операций, имеющих в виду преследование германских армий, отходящих на Маас.

12 сентября кавалерийский корпус Бриду находится на правом берегу Уазы, но вся 6-я французская армия ведет фронтальное наступление против линии р. Эн. Левое крыло под артиллерийским огнем противника не может переправиться на северный берег реки. На правом крыле 7-й французский корпус форсирует реку в районе Вик (Vic sur Aisne). 45-я дивизия вступает в Суассон. Британская армия подходит к р. Эн в районе Вайльи (Vailly), 5-я французская армия, выполняя директиву о действии или на северо-западном или северо-восточном направлении, смотря по обстоятельствам, вытягивается фронтом к Реймсу, на линии около 20 км от Жоншери (Jonchery на р. Вель), юго-восточнее Ля-Монтань-де-Реймс (la Montagne de Reims). Части 1-го французского корпуса вечером занимают пригороды Реймса. Кавалерийский корпус попрежнему задержан в районе Фим; лишь к вечеру одна из кавалерийских дивизий переходит р. Вель. 18-й корпус за день прошел всего 10 км, тогда как предполагалось, что он будет к концу дня по ту сторону р. Эн. 9-я и 4-я французские армии, переправившись через Марну и Соль, вытягиваются фронтом на северо-восток, восточнее леса Ля-Монтань-де-Реймс, вдоль дороги Реймс—Бар-ле-Дюк. Кавалерийский корпус Эспе успевает настигнуть лишь арьергарды отступающего противника. 3-я французская армия приводит свои части в порядок в основном на прежних позициях.

13 сентября утром французское главное командование дает директиву об изменении общего направления движения всех армий с северо-восточного на северное, имея в виду сдвинуть весь фронт влево и всемерно облегчить маневр 6-й армии на правом берегу Уазы, куда должна теперь перейти вся эта армия, а британцам предстояло

примкнуть свой левый фланг вплотную к Уазе. Однако, пока что по ту сторону Уазы действует попрежнему лишь кавалерия, которая достигла Руа. Монури, под предлогом угрозы со стороны германских сил, которые, по его предположениям, должны быть брошены на правый берег Уазы, предпочитает попрежнему наступать фронтально, перебросив через Уазу лишь одну 37-ю дивизию [1]. Левое крыло 6-й армии переходит через Эн и продвигается севернее реки, не встречая сопротивления противника, который здесь, видимо, отводит свои силы. Но на возвышенности севернее Суассона противник оказывает упорное сопротивление. 5-я гр. рез. див. и 45-я дивизии не могут перейти р. Эн из-за артиллерийского огня немцев. Англичанам удается перебросить на ту сторону реки лишь отдельные части. 5-я французская армия, которой было предложено резко сдвинуться влево, очутилась в затруднительном положении, сильно растянув свой фронт. Левофланговый 18-й корпус легко переходит через реку и достигает Краонского плато, не встретив сопротивления; кавалерийский корпус Коннс также форсирует р. Эн, одна из его дивизий, пройдя 40 км, достигает Сисон. Прочие корпуса 5-й армии пытаются наступать на восток, но встречают упорное сопротивление немцев на высотах Бримон (Brimont) и Ножан л'Абесс (Nogent l'Abesse), севернее и восточнее Реймса. 9-я французская армия, пройдя несколько километров в северном направлении, наталкивается на укрепленные позиции противника у подножья Шампанских холмов (Monts de Champagne) вдоль дороги Реймс—Верден. 4-я армия, имея уже столкновение с немцами, достигает линии Сюип—Сен-Менегульд. 3-я французская армия начинает движение к северу, пройдя около 10 км.

14 сентября французский главнокомандующий напоминает армиям, что, сберегая силы войск, надо непрестанно преследовать противника по пятам, выдвигая вперед легкие авангарды, с очень сильной артиллерией. «Я усматриваю из донесений армий, что части упорствуют в фронтальных атаках укрепленных позиций неприятельских арьергардов. Хотят опрокинуть всякое сопротивление, которое встречается, вместо того чтобы выставить заслон и заставить очистить позиции путем обхода. Этот последний способ является более быстрым, чем фронтальная атака, которая всегда трудна и требует больше людей и больших усилий». По данным французского главного командования, 1-я германская армия и часть 2-й оторваны от общей массы германского войска. Необходимо покончить с правым крылом неприятельских сил, что составляет задачу 6-й, британской и части 5-й армий. Последняя должна главные свои силы перебросить по ту сторону р. Эн. Что касается трех других французских армий — 9-й, 4-й и 3-й,— их задача состоит в том, чтобы «продолжая отбрасывать противника, который находится перед ними, предусматривать общее

[1] Эта дивизия с 11 сентября вошла в состав 6-й армии (см. стр. 285).

движение в северо-восточном направлении, с выходом к Маасу: 3-я армия у Стеней (Stenay) исключительно; 4-я армия от Стеней включительно до Седана включительно; 9-я армия выше Седана...».

Однако, и этим директивам суждено было остаться неосуществленными. Ген. Монури, рассчитывая выдвинуть свой левый фланг по ту сторону Уазы у Нуайона, действует одновременно во фланг германским силам через Карльпон (Carlepont), однако, он оказывается вовлеченным в серьезный бой с противником, который, видимо, занял крупными силами возвышенности к северу от Суассона. На правом берегу Уазы кавалерия продвинулась дальше к северу от Руа. 13-й корпус находится у Клермона. Британская армия не может продвинуться вперед. Что же касается кавалерийского корпуса Конно, то он подвергается атакам свежих германских сил и отходит назад на левый берег р. Эн. 18-й корпус с трудом удерживается у Краона. Прочие корпуса 5-й армии не имеют успеха в своих атаках. 4-я и 9-я армии также натолкнулись на сопротивление немцев, которого не могут преодолеть. Лишь 3-я армия в течение 14 и 15 сентября в состоянии продвигаться вперед, продолжив фронт 4-й армии до Вердена. 15 сентября французское главное командование подводит итог: «Дело идет уже не о преследовании, а о методических атаках всеми нашими средствами».

в) Остановка на р. Эн

Остановка германских армий на фронте вдоль р. Эн и дальше к востоку в середине сентября 1914 г. получила историческое значение, так как именно она предрешила переход от маневренного к позиционному этапу мировой войны. Чем была вызвана эта остановка? Такой вопрос мало исследуется в существующей литературе. Обычно фигурируют два объяснения: во-первых, характер местности, создавший удачные условия для обороны; во-вторых, неудача маневров, предпринятых с обеих сторон, и в первую очередь со стороны союзников, после Марнской битвы. Но местность, несомненно, сыгравшая свою роль, не может дать полного объяснения такому выдающемуся моменту военных действий 1914 г. Достаточно указать, что всего за несколько дней до остановки германских армий на р. Эн в период марша немцев к Парижу местность не послужила сколько-нибудь серьезным препятствием для наступления германских армий. Стоило и теперь развернуть серьезный маневр западнее Уазы, чтобы немцы были вынуждены очистить свои позиции севернее р. Эн. Следовательно, именно неудача маневра, или, правильнее сказать, отсутствие его, предопределила остановку преследования союзниками. Остается открытым вопрос, почему же не удалось фронтальное наступление союзников, почему не удалось повторить пресловутую операцию про-

рыва в брешь, которая существовала между 1-й и 2-й германскими армиями, и воспроизвести, таким образом, в новой обстановке марнский маневр.

Но требуется ли объяснение вообще? При ближайшем рассмотрении остановка на р. Эн является простым следствием Марнской битвы. Выше было показано, что динамика сил в Марнском сражении вела к тому, что в ходе его уже устанавливался почти сплошной фронт от Парижа до Вердена. При более искусном руководстве со стороны германского главного командования (сдвиг всех сил к западу) такой результат был бы несомненен. Но германцы не сумели нейтрализовать выигрыш темпа, полученный союзниками в начале сражения. Несогласованность действий германских армий привела к тяжелому положению на правом крыле, и отвод этого последнего стал необходимостью.

Однако, мы уже знаем, что германское главное командование отнюдь не сразу пришло к решению — отступить всеми своими силами. Это промедление могло привести к катастрофе (при наличии крупных подвижных войск у союзников, чего, как известно, не было). С другой стороны, оно показывает, что германское главное командование вовсе не намеревалось отступить с территории Франции, оно стремилось лишь выправить изъяны расположения германских армий с минимальной потерей захваченной территории. На ближайшем же рубеже германское главное командование приостановило поэтому отступление своих армий. Замечательно при этом, что Мольтке полностью усвоил теперь суровый урок предшествовавшего этапа войны: он стремился на новом рубеже создать сплошной фронт. Если это сразу ему не удалось, винить его не приходится в чем-либо ином, как только в царившей тогда дезорганизованности руководства армий: отход Клука западнее Суассона явился для него неожиданностью. Мольтке в сущности с опозданием реализовал идею, которой был проникнут уже при движении германских армий к Парижу (см. главу вторую). Вопрос был для него такой исключительной важности, что при упорстве кайзера он решился на самостоятельную отдачу приказа об отступлении 3-й, 4-й и 5-й армий. Официальная германская история войны обязана была бы отметить эту бесспорную заслугу Мольтке, так как иначе разгром германского войска был бы неизбежен.

Но если германское главное командование предрешило остановку своих армий на рубеже р. Эн, что, спрашивается, могло помешать такому намерению? Перейдем к положению дел у союзников. В конце Марнской битвы они имели, или, правильнее, сохранили, свое преимущество на левом крыле. 1-й и 2-й германским армиям угрожало окружение. Но отступлением указанных армий угроза была снята. Достигнутое союзниками преимущество, по крайней мере в прежней его форме, тем самым терялось. В классических битвах прошлого победа

давала всегда некоторый реальный актив. В данном случае не было разгрома хотя бы части германского войска, не было сколько-нибудь ощутимой военной добычи. Потери были велики с обеих сторон. Победа была несомненной, но она скорее уподоблялась успешному отражению неприятельского штурма. В общем ходе войны это была историческая победа, так как она в корне разрушала германский план молниеносного разгрома своих врагов. Но непосредственный оперативно-стратегический выигрыш определялся только захватом территории.

При рассмотрении действий Бюлова в Марнской битве (глава пятая) было установлено, что далеко не всякое наступление дает преимущество выигрыша темпа. Подобно этому нужно сказать, что далеко не всякое отступление содержит в себе потерю темпа. Основная задача отступления — выигрыш времени, которое может быть использовано для захвата инициативы в свои руки. Все дело в том, как отступление происходит, все дело в искусном его осуществлении и использовании для получения нового преимущества. Объективная оценка событий показывает, что в данном случае отступление немцев, несомненно, носило характер отступления после поражения, которое внесло разброд и растерянность в руководство германского войска. Исследуя последовательно ряд фактов, начиная с внезапного столкновения 6-й французской армии с 4-м германским рез. корпусом 5 сентября, следует признать, что в этом разброде и растерянности трансформировался в конечном счете первоначальный выигрыш темпа, полученный союзниками. Но крайняя сложность причин, отмеченная в предыдущем изложении, продолжала действовать и после Марны. Германцы имели возможность рядом энергичных действий покончить с неурядицей в своем войске, а союзники, если они хотели решительного результата, должны были быстро и энергично завершить реализацию своего преимущества. В конечном счете получилось нечто среднее: германское главное командование осуществило необходимые мероприятия со значительным опозданием, поставив этим свое войско в тяжелое положение. Союзники же не использовали создавшейся ситуации. Впрочем, крайне сомнительно, могли ли они использовать ее вообще. У них не было для этого необходимых средств. Кавалерия была недостаточна по численности, действовала разрозненно и разбросанно, не была приспособлена к новым условиям ведения войны.

От трех французских кавалерийских корпусов, действовавших по разным направлениям, нельзя было ожидать серьезного результата. Пехота двигалась слишком медленно. Всякие надежды на маневр широкого размаха, на разгром отступающего противника были поэтому призрачны.

Оперативный баланс к моменту сражения на р. Эн был очень прост: союзники ничем не могли доказать своего преимущества.

Выигранный темп был растерян на пути преследования. Силы обеих сторон на р. Эн фронтально противостояли друг другу.

Правда, у французского главного командования оставалась еще надежда на брешь между 1-й и 2-й германскими армиями. Однако, здесь подтвердилась старая поговорка: «non bis in idem». Дважды провести немцев не удалось. Оказалось, что вовсе не брешь сама по себе, а внезапность, неожиданность играет роль. Теперь немцы знали, где слабое место их фронта, и без особого труда эту слабость устранили. Затем вступила в силу закономерность, которая знакома уже нам по Марнской битве (см. главу пятую), с той лишь разницей, что теперь наступали союзники, а немцы оборонялись. Но при наличии почти равных сил германская артиллерия, более могущественная по своему составу, выполнила задачу не хуже, чем французская в Марнской битве. Атаки союзников были отбиты, и фронт начал стабилизироваться. Получался, так сказать, оперативный пуль, который вовсе не означал, однако, отсутствия боевых усилий с той и другой стороны, а, вернее, выражал нулевой результат, полученный от сложения равных положительных и отрицательных величин.

14 сентября 1914 г. ген. Фалькенгайн был фактически назначен начальником главного штаба германских армий (формальное назначение состоялось 3 ноября, Мольтке продолжал еще оставаться в главной квартире, принимая участие в обсуждении планов). Как оценивал обстановку новый руководитель германских армий? На этот вопрос надо ответить, хотя сразу же обнаружилась целая пропасть между этой оценкой и намерениями нового начальника штаба, с одной стороны, и беспощадной логикой развития нового этапа войны — с другой. Субъективно Фалькенгайн вовсе и не думал отказываться от перспективы достигнуть решительной победы в ближайшее время и закончить успешно войну на западноевропейском театре. Сгоряча Фалькенгайн не мог не воздать дани оперативно-стратегическому творчеству в стиле самых широких предначертаний Шлиффена. Германское отступление — факт, из которого нужно волей-неволей исходить. Но Фалькенгайн намеревался завершить это отступление так, чтобы из него вырос новый маневр. Для этого надо не цепляться за землю, а пожертвовать пространством, оттянув правое крыло — 1-ю армию — на линию Камбре—Ле-Като. На ее правый фланг выходит новая 6-я армия, перебрасываемая из Лотарингии. Левее, между 1-й и 2-й армиями, располагается 7-я, перебрасываемая из Бельгии; возможный разрыв обеспечивается двумя кав. корпусами. 2-я и 7-я армии заходят вокруг Реймса, а три оставшихся армии — 3-я, 4-я и 5-я—немедля же атакуют противника, отбрасывая его к Марне и выходя на линию Тур (3-я армия) — Шалон (4-я армия) — Витри-ле-Франсуа (5-я армия). После этого правое крыло также переходит в наступление; 2-я армия выходит на Марну

к Эн—Эперней, а прочие армии правого крыла, заходя правым плечом, окружают противника, которому таким путем вновь уготованы «Канны». Как видим, план—шлиффеновского размаха. Он удивительно напоминает изложенную выше директиву Жоффра; но вместо Мааса—Марна, обратное направление маневра на юго-запад, вот и вся разница. Сходство довершается тем, что этот замысел полностью разделил судьбу директивы французского главнокомандующего: он был подшит к архивным документам и выполнен не был, ибо очень быстро из мира сладких оперативных грез Фалькенгайн вынужден был обратиться лицом к суровой действительности.

Начнем с первого реального фактора: времени. В плане Фалькенгайна отчетливо видны два темпа его осуществления: сначала следовало занять всеми армиями указанную линию Камбре—Марна—Туль, а потом заворачивать фланги во внутрь. Но сколько времени потребовал бы первый этап? По расчетам Фалькенгайна, не менее недели. Однако, таким промежутком времени, как сейчас увидим, Фалькенгайн не располагал. Идея выиграть темп, отгибая назад правый фланг, была построена на том, что, быстро уходя назад, правое крыло избегало опасности охвата союзниками. Продолжив правый фланг новыми силами, германское главное командование приобретало возможность в свою очередь охватить союзников. Таким путем выигрывался бы темп.

Но были ли способны измученные месячным тяжким походом германские армии к таким сложным маневрам, к новым форсированным маршам, к новым сражениям? Многие — если не все — части понесли тяжелые потери до 40—50% личного состава. Пополнение их было первой и неотложной заботой германского главного командования. 150 тысяч чел. пополнений двигались из Германии в армии; еще 280 тысяч чел. находились в пунктах обучения внутри страны. Это ликвидировало бы кризис личного состава в том случае, если можно было бы так же быстро организовать и обучить эти подкрепления, возместить тяжкие потери в командном составе. Кризис боеприпасов уже начинал явственно ощущаться, в особенности в части тяжелых снарядов.

Эти соображения, бесспорно, сразу же охладили пыл Фалькенгайна, который к тому же вовсе не был так уж горяч. Но еще более просты и беспощадно убедительны были расчеты относительно возможности быстрой переброски двух армий, без которых нечего было и думать о маневре «Канн». Распоряжения германского главного командования о создании 7-й армии были сделаны еще до Марнской битвы—5 сентября; ее ядро составляли штаб 7-й армии, 15-й корпус и 7-я кав. дивизия, взятые из Лотарингии, 9-й рез. корпус из войск, осаждавших Антверпен, 7-й рез. корпус из-под Мобежа. Армия должна была сосредоточиться в районе Сен-Кантен, имея в виду выйти на правый фланг германского расположения. Но два корпуса (15-й и

7-й рез.) пришлось срочно двинуть в брешь между 1-й и 2-й армиями, и только 9-й рез. корпус и 7-ю кав. дивизию можно было направить к Сен-Кантен. Переброска 6-й армии из Лотарингии, как уже было сказано, требовала около недели времени; фактически она началась 18 сентября. Железные дороги были в чрезвычайно плохом состоянии; переброска совершалась кружным путем — через Брюссель и Люксембург. Железнодорожный мост у Мобежа был разрушен, и дальше войска должны были следовать походным порядком.

Итак, оказалось, что Шлиффен все-таки был прав. Две армии в Эльзас-Лотарингии оказались ненужными, и теперь в крайне неблагоприятных условиях их приходилось перетаскивать на правый фланг, исправляя ошибки стратегического развертывания. Это исправление делалось слишком поздно, чтобы дать практический эффект для успеха маневра. Принимая донесения о медленном следовании эшелонов через Бельгию, Фалькенгайн мог убедиться, что время — слишком реальный фактор для развертывания маневра. В течение недели, требовавшейся для переброски, события пошли своим руслом, совершенно не тем, который рисовался Фалькенгайну.

Германские армии уже стояли на занятом рубеже, и Фалькенгайн столкнулся с готовым решением. Мольтке, правда, был неофициально смещен, но командование армиями (за исключением 3-й) и штабное окружение оставалось старым, и они-то и решили за Мольтке и за Фалькенгайна. Бюлов снова был облечен полномочием оперативного руководства на правом крыле (1-я, 7-я, 2-я армии). Напрасно Фалькенгайн указывал ему на свое намерение отвести правый фланг, по крайней мере к Ля-Фер. Бюлов прежде всего старался обезопасить свое положение на р. Эн, а с этой точки зрения всякий дальнейший отход 1-й армии казался ему опасным. Напротив, всю свою энергию он направил на заполнение бреши. По достижении этого Бюлов считал необходимым немедленно же с места перейти к контрманевру, нанеся удар противнику между Суассоном и Реймсом, с захождением 1-й армии вокруг Фим во фланг противнику. Полк. Тапшен и ген. Штейн, посланные Мольтке к армиям правого крыла, убедившись в серьезности положения, по согласованию с Бюловым отдали от имени Мольтке приказание о переброске на р. Эн трех корпусов, по одному из состава 3-й, 4-й и 5-й армий. Как видно, очень трудно разобрать, кто же командовал германскими армиями в этот момент. Вернувшись в Люксембург, оба эти офицера опротестовали план Фалькенгайна, считая невозможным новое отступление 1-й армии. Фалькенгайну пришлось санкционировать план Бюлова. Тем не менее Фалькенгайн не отказывается целиком от задуманного маневра. Он приказывает группе Штранца подготовить удар в основание Верденского выступа — против фортов Ле-Труайон и Камп-де-Рамэн. 15 сентября он отдает также приказ о переброске 6-й армии к Сен-Кантен.

Битва на р. Эн не может быть нами рассмотрена во всех деталях. Гораздо полезнее будет рассмотреть реальное значение происходивших движений. Обычно описания этого сражения рассматривают действия обеих сторон как выполнение изложенных выше планов маневра. Нет ничего ошибочнее такой установки. В действительности войска руководствовались в своих действиях совершенно иными импульсами. Со стороны союзников армии левого крыла вели фронтальное наступление, не произведя никакой перегруппировки сил. Правда, и при этом условии в бреши между 1-й и 2-й германскими армиями очутились значительные силы союзников, которые и стали продвигаться в открытое пространство. Французская конница (10-я кав. див.) прошла вплоть до Сиссона. Однако, как уже сказано, немцы приняли меры к тому, чтобы заткнуть дыру. Прибывший из 3-й армии 12-й корпус был двинут западнее Нефшателя. 7-й рез. корпус (7-я армия) усиленными переходами (35—40 км, 12 сентября—60 км) двигался к Краон со стороны Мобеж. Сюда же был двинут 15-й корпус. Их совместными усилиями была отбита атака 18-го французского корпуса, наступавшего в разрыв между 1-й и 2-й германскими армиями. Прочие корпуса 5-й французской армии наступали на восток по линии Эн-Марнского канала. Итак, никакого маневра к использованию бреши со стороны союзников по сути дела предпринято не было. Германские войска показали высокую подвижность и упорство в бою, но все дело сводилось с их стороны к заполнению пространства между 1-й и 2-й армиями, к штопанию дыры. Эта боязнь свободного пространства становится с каждым днем все более доминирующей в действиях обеих сторон. Она проистекала из того, что, потеряв способность к маневру, обе стороны все еще опасались его со стороны противника и стремились встать сплошной стеной, преграждавшей путь врагу.

Но оставался открытый фланг со стороны Уазы. Как была использована эта возможность с обеих сторон? Что касается 1-й германской армии, то Клук весьма недвусмысленно сформулировал свою точку зрения в рапорте от 16 сентября на имя германского главного командования; в этом рапорте он отвергал всякую идею маневра, связанную с передвижением его армии, ссылаясь на плохое состояние дорог. Он не выполнил также предписания Бюлова о сдвиге к востоку (чтобы скорее заполнить брешь). Он хотел одного: остаться на месте, на позициях, которые — плохо, хорошо ли — обеспечивали его от дальнейших сюрпризов со стороны врага. Разумеется, командующий армией лучше, чем германское главное командование, был осведомлен о состоянии своих частей, которые неспособны были больше к серьезным передвижениям. За свой правый фланг Клук опасался очень серьезно, и потому прибывший 9-й рез. корпус он немедленно направил в район Нуайона, а 7-ю кав. дивизию—к Лассиньи. Это было не более как прикрытие фланга путем удлинения фронта

армии. Однако, союзникам так и не удалось развернуть свой фланговый маневр. После прибытия 13-го корпуса французы сосредоточили на правом берегу Уазы 19 полков пехоты, 16 дивизионов артиллерии и 11 эскадронов конницы; передовым частям удалось даже овладеть Нуайоном. Кав. корпус Бриду вплоть до 20 сентября оперировал в районе Верман, Сен-Кантен, Боен, Камбре. Взгляд на карту может создать впечатление глубокого охвата германского фланга [1]. Но в действительности части действовали здесь разрозненно, и выдвинутые силы оказались недостаточными для серьезной операции. Обстановка могла бы измениться, если бы вся 6-я французская армия очутилась на правом берегу Уазы. Но ее командующий Монури вовсе не был склонен к такой операции. Он также предпочел фронтальное наступление на р. Эн. Мало-помалу и те части, которые были на правом берегу Уазы, перетягивались на левый. Заслуживает ли Монури упрека за этот отказ от возможного флангового маневра? В исторической перспективе нет, не заслуживает. Командующий 6-й французской армией скорее, чем высший штаб, внял голосу нового этапа войны, надвигавшегося с неизбежностью. Повторение Марнского маневра в худших условиях не сулило никакого серьезного успеха [2].

К концу сражения на р. Эн обе стороны убедились в своем **бессилии сдвинуть врага с места**. После ввода в брешь трех германских корпусов оба фронта стояли сплошной стеной друг против друга. Атаки, которые предпринял Бюлов 16 сентября и в последующие дни в направлении на Фим, кончились полной неудачей: «Войска были истощены потерями и усталостью, деморализованы неудачами. Плохо поддержанная артиллерией, у которой нехватало боеприпасов и которая стреляла плохо из-за потерь в кадрах, пехота видит, что наступательная способность ее уменьшается с каждым днем» [3].

Ни одна сторона не имела никакого серьезного преимущества. В этом теперь убедились и союзники: «Мы потеряли наше преимущество (notre avance); час прошел» [4]. **Темп наступления был**

---

[1] Лейт. полк. Варио пишет: „Отправляясь от Лассиньи—Руа как базы и наступая в направлении к Гюискар, главная масса этих сил могла бы успеть полностью охватить правый германский фланг, пребывавший в неподвижности юго-восточнее Нуайон, и сломить его сопротивление“. Мы считаем, что силы были недостаточны и слишком мало подвижны для такого маневра. („Les tentatives de la manoeuvre d'aile après la bataille de la Marne“, par le lieut. colonel Variot, „Revue Mil. Franç“. Avril 1931).

[2] Наше мнение расходится с высказываемым ген. Луазо в его цитированной уже неоднократно статье; Монури ставится в упрек, что он имел слишком мало сил на правом берегу Уазы. Однако, исходя из принципов, выдвинутых в этой же статье, следует указать на главный порок флангового маневра в данном случае, независимо от количества сил: он был лишен внезапности и потому был осужден неизбежно на неудачу.

[3] „De la bataille de la Marne à la course à la mer“, par le capitaine Mousset, „Revue Mil. Franç.“. Mars-1933.

[4] Variot.

потерян, и оба врага стояли друг против друга на позициях, с которых им не было суждено сдвинуться серьезно в продолжение четырех лет.

Надо со всей силой подчеркнуть, что вовсе не планы широкого маневра направляли действия войск на этом новом этапе войны; мало того, что войска таких планов вовсе не выполняли, главное командование обеих сторон свои фактические распоряжения давало вовсе не в плоскости этих блестящих директив, все еще писанных по наполеоновским образцам. Иные силы, иные заботы довлели над ними: в основном это была тенденция заполнить пустоты образовавшегося позиционного фронта и максимально закрепиться на занятых позициях. 16 сентября Жоффр доносил военному министру о том, что новая битва началась на фронте, означенном вчера; «оборонительные позиции противника серьезны, продвижения медленны». 17-го в 8 ч. 20 м. французское главное командование констатировало: «Общее наступление продолжается и продлится еще несколько дней; мы продвигаемся медленно, но все контратаки врага отбиты». В тот же день Жоффр отдает приказ своим армиям между Уазой и Маасом: следует «сохранить наступательное положение», но нужно предвидеть, что «настоящая битва может длиться несколько дней», а потому необходимо «закрепиться на завоеванной местности, установить резервы, позволяющие дать отдых войскам, и подготовить дальнейшие маневры». Чтобы понять подлинные мотивы этих последующих маневров, полезно вчитаться в следующие строки приказа Жоффра, направленного армии Монури в эти же дни: «Из поступивших сведений оказывается, что противник выполняет передвижку войска к северо-западу под прикрытием мощной оборонительной позиции [1]. Чтобы ответить на этот маневр, необходимо сосредоточить на левом фланге нашего расположения массу, способную не только парировать маневр обхода, но и со своей стороны обеспечить охват фланга». В связи с этим армии Монури предлагалось не упорствовать в дальнейших атаках с фронта, закрепиться на завоеванной местности и насколько возможно вытянуть свои силы в сторону левого фланга. На правый берег Уазы предполагалось перебросить 6-й корпус (3-я армия), а также, как только будет возможно, и 4-й. Туда же перебрасывался и 14-й корпус с правого крыла.

Цитируемые документы звучат уже не языком довоенных оперативных директив, в них явственно слышен голос новой эпохи. Главные факты, которые констатируются:

1. Наступательная мощность войск свелась на нет.

---

[1] Всюду разрядка наша.

2. Подвижность (тактическая, на поле боя) ничтожно мала.

3. Основная забота — отразить маневр противника, т. е. стратегически-оборонительная задача.

4. Значительна уже мощность возникших оборонительных позиций.

5. Стремление максимально продолжить фронт в сторону открытого фланга, т. е. отмеченная уже боязнь свободного пространства.

Именно эти моменты, а вовсе не замыслы нового наполеоновского маневра лежат в основе дальнейших решений с обеих сторон.

С германской стороны для этих же целей осуществлялась отмеченная выше переброска 6-й армии. На совещании 18 сентября в Люксембурге при участии Мольтке, полк. Таппена и кронпринца баварского (командующий 6-й армией) Фалькенгайн так сформулировал цель этого маневра: «6-я армия имеет задачей при помощи первых частей, прибывающих на место (21-й корпус), отбросить отряды противника, недавно появившиеся на правом фланге армий, и взять на себя обеспечение этого фланга. Однако, главная и постоянная цель 6-й армии — одержать решительную победу на правом крыле нашего расположения как можно быстрее [1] и с теми силами, которые будет возможно ввести в бой, если нужно, даже введя их последовательно» [2]. Как видно, Фалькенгайн ставит здесь две задачи: одну парадную, задуманную в стиле наполеоновской операции,— но кому же не ясно, что такую операцию несколькими корпусами, да еще введенными в дело «tropfenweise» (т. е. капля по капле, по частям); осуществить не удастся; другую реальную, чисто оборонительного порядка. Полная аналогия с задачами, поставленными французским главным командованием.

2. БЕГ К МОРЮ

(Схема 20)

а) Общий характер операций этого периода

Переброской 6-й германской армии и рядом последовавших вслед за тем перебросок с обеих сторон на запад и начинается период так называемого «бега к морю». Название это довольно метко означает суть происходивших операций, которые ничего общего не имели с широко задуманным стратегическим маневром с обеих сторон. Они были именно судорожно-лихорадочным передвижением всех сил, какие только обе стороны еще могли снять с других участков, где входила уже полностью в права позиционная война, и последних резервов, какие еще можно было наскрести в тылу. В самом деле, стра-

[1] Разрядка наша.

[2] Дословно „капля по капле“, т. е. по мере прибытия.

тегический маневр предполагает единую цель или по крайней мере стройно организованную совокупность целей и в соответствии с этим концентрацию имеющихся сил в строгом соответствии с поставленной задачей (задачами). Такого единства в маневрировании и боях крупных сил, вовлеченных в борьбу, с обеих сторон не было. Не было поэтому никакого единства стратегического маневра, а был ряд разрозненных операций, следовавших одна за другой без всякой внутренней единой связи. Этот довод о единстве и соответствии сил и плана имеет, однако, скорее формальное значение. Гораздо важнее другое соображение. Сила маневра состоит в том, что в нем заключено нечто творческое и оригинальное, нечто такое, что противнику трудно предвидеть и разгадать. Какую же цену имеет маневр, который сразу же ясен и очевиден противнику? Если силы равны, то противник всегда может парировать угрозу, если же он слишком слаб, то такой маневр вообще теряет интерес, так как разгром противника мог бы быть свершен и другими путями. С оригинальностью замысла тесно связана внезапность маневра, а эта внезапность означает выигрыш темпа, который активная сторона использует для накопления преимуществ в направлении удара; если эти преимущества окажутся серьезными, т. е. оперативное опережение достаточно большим, тогда противнику нехватит времени для парирования удара, и он будет смят прежде, чем сумеет перегруппировать свои силы и вообще принять необходимые контрмеры.

Но именно такой оригинальности, новизны, творческой силы не было в оперативных замыслах обеих сторон описываемого этапа. Оба противника знали о производимых перебросках, знали, в каком направлении они совершаются, знали, что опасность грозит со стороны открытого фланга. Понятно, что мысль их работала в одном направлении, и, как было уже показано, она лишь по внешности облекалась в наступательные формы, по существу же была проникнута заботой и опасениями обороны. При таком условии маневр превращался в простое передвижение сил: ни одна из сторон никакого преимущества не получала, ибо никакого выигрыша темпа, никакого опережения не выходило, силы же обеих сторон в основном были равны. На открытое пространство между Уазой и морем во время «бега к морю» были переброшены огромные силы: с германской стороны 18 корпусов и 4 кав. корпуса (2-я, 4-я и 6-я армии), со стороны союзников 30 пех. французских дивизий и 3 кав. (2-я и 10-я армии) и, кроме того, вся английская армия. Если бы такие силы одна из сторон использовала для нанесения мощного удара в едином, оригинально замышленном маневре, был бы, возможно, получен решающий стратегический эффект. Но был ли возможен такой маневр?

Критики руководства Фалькенгайна и Жоффра обычно ограничиваются формальным разбором оперативно-стратегических решений, при-

нятых ими. Они разбирают операции с обеих сторон, как если бы они велись еще в начале войны или, например, в наполеоновскую эпоху. Было еще свободное пространство, были неприкрытые пространства, обе стороны имели еще крупные силы,— значит, операции эти надлежит рассматривать в плане маневренной войны. При этом забывают маленькую деталь: на огромном протяжении от Уазы до швейцарской границы фронт уже отвердел, и это оказывало леденящее воздействие на ход событий также и на западной половине театра войны [1]. Процесс перехода к позиционной войне от Уазы до Вогезов никак нельзя рассматривать изолированно.

---

[1] Приведем общую оценку „бега к морю" у Фоша; он, как известно, командовал всеми французскими силами и в определенной мере также английскими и бельгийскими зап. Уазы (этим был положен фундамент к „коалиционной стратегии" Фоша в 1918 г.): „Впоследствии эту вторую часть войны, которая последовала за Марнской битвой, окрестили: „бег к морю" (la course à la mer). Слово очень эффектное, но само по себе оно может дать ложную идею предпринятого маневра. Оно нисколько не отвечает мысли, которая направляла боевые операции. Мы бежали не к морю, а навстречу врагу; мы стремились обойти и охватить его правый фланг, или, когда он опережал нас, мы парировали его маневр охвата, потому что он также стремился с большей быстротой (Выделено нами. — *М. Г.*) достигнуть успеха в подобном же маневре. Отсюда вытекал бег к флангу, к северному флангу армий обоих противников. Было необходимо в то же время остановить и иммобилизовать врага на остальном фронте, который все более удлинялся. Именно такой симметричный маневр заставлял быстро передвигать фланг все более ускоренным аллюром, через Иль-де-Франс. Пикардию, Артуа, Фландрию, вплоть до Северного моря. Море было, таким образом, концом, но не целью. На всем протяжении маневр охвата, преследуемый каждой из сторон, закончился фронтальным сражением без решительного результата. И когда у самого моря уже не было свободного пространства, чтобы достигнуть такого результата, с обеих сторон стремились с наивысшим напряжением разбить поспешно сооруженные, импровизированные позиции; это была битва у Ипра. И, таким образом, после месяца бега, союзные силы, которые разбили на Марне нашествие врага, снова остановили его наступление на Изере и, спасая порты Ламанша, укрепили коалицию и консолидировали франко-британский союз. Если им не удалось достигнуть решительной победы над германской армией, они разрушили все ее планы, закрыв ей последнюю дверь" („Mémoires", 1,167). Это гораздо более объективная оценка происходивших операций. Характерно, что Фош подчеркивает оборонительную сущность их со стороны союзников.

Немецкие авторы, в свою очередь, дают за последнее время весьма критическую оценку „маневра", предпринятого германской стороной во время „бега к морю". Не было никакого соревнования в „беге к морю" (kein Wettlauf nach dem Meere, как обычно говорят. Если бы это было так, то неизбежно пришли бы к использованию всей широты пространства и, таким образом, к операции с решительной целью. В действительности сражение вели у самого фланга. Намерение направить 6-ю армию к Сен-Кантен показывает, что вовсе не стремились к состязанию в „беге (Wettrennen) к морю" или к оперативному окружению широкого размаха. Просто констатировали опасность на правом фланге и направляли туда все новые силы. Враг имел преимущество, и против него только оборонялись. В этом суть, а все остальное — внешний придаток (Rabenau). Здесь правильно подчеркнута основная оборонительная тенденция также и с германской стороны и отсутствие подлинного стратегического маневра.

Воздействие этого все более костенеющего фронта к востоку от Уазы в основном совершенно очевидно: оно выразилось в **сковывании оперативно-стратегической инициативы** того и другого противника. К западу от Уазы действительно существовало пока что свободное пространство, но действия на нем были уже ограничены **проекцией будущего позиционного фронта**, который составлял как бы продолжение уже плотно осевшей в землю его части (к востоку от Уазы). Ни один из противников не имел свободы выбора в оперативных замыслах, и тот и другой были вынуждены непрерывно оглядываться на уже твердо начертанную линию окопов и полевых укреплений от Уазы до швейцарской границы. Ведь именно поколебать этот фронт стремилась каждая из сторон, когда замышлялись новые операции. Надо было не просто осуществить маневр, а добиться такого результата, который позволил бы сбить армии противника, вытянутые по линии к востоку от Уазы. Этим определялась уже форма и направление маневра с обеих сторон.

Можно было бы провести аналогию с началом войны, когда германцы должны были обойти с запада восточные укрепления союзников. Не должен ли был, таким образом, Фалькенгайн попросту повторить маневр Шлиффена? Но, конечно, такая аналогия была бы просто наивной. Вся суть шлиффеновского замысла состояла в том, что германцам удавалось **быстрее** сосредоточить подавляющие силы на западе, используя принцип **внезапности**. Но теперь на внезапность рассчитывать больше не приходилось, ибо становилось слишком ясным, что каждый из противников будет ждать подобного маневра охвата. Откуда взять силы для нового маневра? Их можно было выхватить лишь из действующих армий. Следовательно, важнейшая проблема флангового маневра — **опережение** — могла быть осуществлена лишь за счет **быстроты** переброски с восточной части театра военных действий на западную. Но, если будет позволено применить гегелевскую терминологию, в данном случае речь шла о «**дурной**» стремительности маневра, ибо она не давала никакого положительного, творческого результата. Суть ведь вовсе не в том, чтобы действовать только быстро, а в том, чтобы **опередить** противника. В статье «La course à la mer et la défense des Flandres en 1914» («La Revue Maritime», II, 1934) капитан Lemonnier указывает, что «результат зависел существенно от быстроты, с которой притекали пополнения... Нам бесспорно недоставало такой быстроты». Мы считаем, что опережения без внезапности получить нельзя. Но в этом смысле шансы обеих сторон были ничтожно малы, ибо в основном силы их были равны, одинаково расположены, одинаковы были средства передвижения, направление движения и расстояния. Если и были некоторые различия, они не могли дать решающего эффекта. Впоследствии при развернутой форме позиционной войны

также были слабые участки, где прорыв был возможен. Но имевшиеся в наличии условия для развития маневра на таком участке (внезапность, возможность продвижения вперед и охвата) сводились на-нет потому, что стабильность остальной части позиционного фронта позволяла противнику выиграть время для подброски резервов к месту прорыва. Конечно, в 1914 г. это явление оказывалось еще в зачаточной форме. Тем не менее фронт восточнее Уазы уже довлел над всеми попытками маневра, и широкие шлиффеновские замыслы неизбежно тяготели к нему, жались к его флангу, вырождались в простое продолжение его линии далее к западу.

Можно, например, поставить вопрос: если обе стороны сумели в конце концов выделить на западную половину театра военных действий столь значительные силы (см. выше), то почему бы не использовать их сразу и иначе, чем это было сделано в действительности? Почему бы, например, германское главное командование, вместо того чтобы вводить эти силы по частям вблизи открытого фланга, не могло сосредоточить один мощный кулак в Бельгии, чтобы выполнить операцию, которая явилась заключением «бега к морю»: двинуться вдоль побережья, захватить порты, отрезать англичан от их базы, произвести действительно глубокий охват союзного фронта, с целью, скажем, захвата Парижа? Но для такого маневра не было времени. Впоследствии оба противника, опираясь на стабилизованный фронт, смогут месяцами подготовлять ударную массу. Но теперь почва буквально горела под ногами. Когда и как смогли бы немцы сосредоточить указанный мощный кулак? Мы знаем, что 7-я армия немцев должна была двигаться форсированными маршами из Бельгии, чтобы заткнуть «дыру» между 1-й и 2-й армиями и обеспечить правый фланг германского расположения. Осада Антверпена форсировалась по мере возможности, но крепость еще держалась. Сосредоточить в Бельгии 6-ю армию? Это значило, что французская 2-я армия западнее Уазы смогла бы безнаказанно зайти во фланг немцам и получить синицу в руки, предоставив немцам ловить журавля в небе. Если во Фландрской битве, как увидим, союзники смогли задержать германское наступление вдоль побережья новыми силами англичан, отрядами французских моряков и бельгийцев до подхода главных сил (английская армия), почему бы эта операция не удалась и против 6-й армии? Дальше, — могли ли немцы сразу же выдернуть из стабилизирующейся части фронта все силы, выделенные впоследствии? Наивно полагать, что кто-либо взял бы на себя ответственность за такую операцию. Выдергивание сил производилось обоими противниками постепенно, ибо учитывалось, что с другой стороны фронт также ослаблялся. Требовать чего-либо иного значило бы мыслить вне той жестокой реальности, которая тяготела над обеими борющимися силами. В директивах той эпохи можно найти много разговоров о широком маневре. Но будничная деятельность главных шта-

боев определялась вовсе не этим, а тяжкими заботами о целости остановившегося фронта, об обеспечении его от флангового охвата. Эта задача довлела над всеми остальными, заставляя откладывать их до лучшего времени. Потому и получился вместо шлиффеновского маневра «бег к морю» [1].

б) Неудача плана Фалькенгайна

Рассматривать события в западной части изолированно от восточной было бы неверно потому, что противники вовсе не сразу, а только путем горького опыта пришли к отказу от попыток сдвинуть с места врага восточнее Уазы. 19 сентября в 10 ч. 30 м. Фалькенгайн, продолжая все еще цепляться за свою идею удара левым крылом (см. выше), отдал армиям следующий приказ: «Германская армия должна перейти в наступление по всему фронту. 2-я, 3-я, 4-я и 5-я — последняя, прикрываясь со стороны Вердена, — атакуют, воспользовавшись туманной погодой, на заре 20-го, чтобы избегнуть артиллерии противника. Необходимо стремиться овладеть его пехотными позициями и захватить возможно большую часть его артиллерии. 1-я и 7-я армии и правое крыло 2-й продолжают свое наступление». Стиль приказов начинает меняться. Как наивна еще эта директива — преодолеть трудности атаки, пользуясь темнотой, но очевидно, что эти трудности — уже главное, а величественные замыслы — уже нечто такое, о чем больше вслух не говорят. Ровно через 12 час. Фалькенгайн вынужден отменить эту директиву, ибо надежда на туман оказалась слишком недостаточной: атаки нигде не удались. Уроки полей сражения начинают пробивать себе дорогу в штабы. Боязнь за свой открытый фланг продолжает грызть Фалькенгайна. Он предлагает командующему 6-й армией как можно скорей ввести прибывающие части в бой. В инструкции, переданной через баварского военного атташе при германском главном командовании ген. фон-Веннин-

---

[1] Ген. Фожерон дал удачные формулировки, касающиеся „бега к морю“: „Оба противника испробовали в одно и то же время один и тот же маневр на одной и той же территории; из двух одинаковых концепций проистекли совершенно естественно симметричные движения, которые взаимно столкнулись и вызвали тяжелые и кровавые бои, не достигнув никакого заметного результата“. „Борьба вырождается и в некотором отношении превращается в вопрос транспорта. Необходимо действовать все более и более быстро, чем противник“. В то же время Фожерон возражает против обвинения „обоих главнокомандований в том, что им недоставало воображения“. Дело, конечно, не в воображении, а в том, что в маневре отсутствовали элементы оригинальности и внезапности и что форма флангового маневра прикрывала суть совсем иного порядка: простое вытягивание фронта на северо-запад. Недостаток анализа Фожерона, как и многих других исследователей, состоит в недоучете взаимоотношения восточной и западной половин театра военных действий, о чем мы уже говорили. („La recherche de la décision“ par le général Faugeron, „Revue Mil. Franç.“, oct. 1931).

гера, «кронпринц (баварский) приглашается как можно скорее ввести 21-й корпус в бой; направить 1-й и 2-й баварские корпуса правым крылом восточнее и южнее Перонн; развернуть их на широком фронте, стремясь охватить противника и добиться решительного результата. От войск требуется максимально форсированный марш; движения должны по возможности продолжаться и ночью».

21 сентября Фалькенгайн совершает объезд штабов армий; в 5-й, 4-й и 3-й армиях он узнает, что противник закрепляется на своих позициях. Командующий 2-й армией Бюлов предлагает направить 6-ю армию западнее к Амьен; но этот район уже занят союзниками. По возвращении в Люксембург Фалькенгайн отдает приказ от 22 сентября, которым намечается новый маневр: «1-я, 7-я и 2-я — 5-я армии, — говорилось в этом приказе, — единодушно сообщают, что враг находится перед их фронтом еще в крупных силах. Однако, нет никакого сомнения, что противник продолжает переброску своих сил к западу, и даже возможно, что он пытается создать новую группировку у Амьен или еще более к северу. Задача 6-й армии в одно и то же время — гарантировать безопасность фланга армий в этом направлении и маневром охвата добиться решительной победы в сражении, которое развертывают армии правого крыла... 1-я, 7-я и 2-я армии имеют задачей сковать противника на своих участках и, следовательно, не должны отказываться от проявления наступательной активности. Чем более они воспользуются ночным временем и туманом, чтобы овладеть пехотными позициями и дойти до артиллерии, тем большим будет успех». Наконец, наступление предписывалось также и левому крылу. Легко видеть, что весь маневр был проникнут оборонительным духом, что позиционные методы уже начинают господствовать на фронте восточнее Уазы. 6-й же армии, которая должна добиваться решительной победы, ставится в первую голову задача обеспечения фланга. В этот момент Бюлов вновь предлагает свои услуги, на этот раз советуя поручить ему создание сильной ударной группы между Ля-Фер и Гамон; но его предложение запаздывает.

23 сентября только два корпуса 6-й армии сосредоточились в районе Сен-Кантен — 21-й и 1-й баварский. 18-й корпус находился: 22-го — Лаон; 23-го Ля-Фер, 24-го Гюискар, Гам; 2-й баварский: 22-го Филипвиль, 23-го — 15 км восточнее Гиз, 24-го — западнее Боген, 25-го севернее Перонн; 14-й рез. корпус лишь 24—25-го — Камбре. В соответствии с указаниями Фалькенгайна командование армии решает нанести главный удар через Нэль — Руа, выходя к Компьен, чтобы совершить таким путем глубокий охват левого фланга союзников. Оно рассчитывает достигнуть Компьен к 27 сентября. Но уже день 25 сентября, когда корпуса 6-й армии начали свое продвижение, приносит горькое разочарование: повсюду они наталкиваются на сопротивление, продвижение вперед ничтожно. Скоро сомнения рассеиваются; перед 6-й германской армией стоит целая ар-

мия противника, и нет никакой серьезной надежды сбить ее с занятых позиций. 26 сентября кровопролитные бои на фронте восточнее Уазы также кончаются полным фиаско; в этих атаках германские войска понесли тяжкие потери. В некоторых пунктах — у Ля-Помпель (La Pompelle) и в районе Перт-ле-Юрлю (Perthes les Hurlus) — части с трудом удержали наступление французов. Ген. Гееринген, командующий 7-й армией, наконец доносит германскому главному командованию, что возможность наступления в ближайшее время исключена, а герцог Вюртембергский, командующий 4-й армией, непрерывно сообщает о возрастающей мощности оборонительных укреплений противника. 5-й армии удается продвинуться на несколько километров, после чего атакующие части выдохлись. Группа Штранца на правом берегу Мааса удачно провела при поддержке тяжелой артиллерии атаку с фронта Френ-ан-Воевр (Fresnes en Woëvre) — Тиокур (Thiaucourt). 24 сентября немцы овладели фортом Сен-Миэль, после чего наступление приостановилось. Эта операция по своим методам и результатам относится уже к периоду позиционной войны [1].

в) „Восходящий“ фланговый охват ген. Жоффра

Но откуда же выросла та новая сила, которая стала на пути германских корпусов, переброшенных западнее Уазы? Разумеется, Жоффр не мог оставить без внимания огромного незаполненного пространства от Уазы до моря. С одной стороны, он обеспокоен охраной побережья и Северной Франции, где по его указанию располагаются слабые, впрочем, отряды из территориальных дивизий и других случайных сил. С другой стороны, он стремится попрежнему выполнить маневр охвата германского правого фланга. Первоначально для этой цели кажутся достаточными силы 6-й французской армии, находившиеся на правом берегу Уазы (13-й корпус и др.). Но вскоре выясняется полная невозможность добиться при помощи их каких-либо существенных результатов. Тогда Жоффр принимает решение о переброске 2-й французской армии ген. Кастельно на запад. Французы находились в более благоприятных условиях для выполнения такого маневра, так как расстояния для переброски были короче, а состояние железных дорог гораздо лучше. Однако, французский главнокомандующий дал противнику возможность опередить себя в выполнении маневра.

Приказ о формировании новой армии Кастельно Жоффр отдал 18 сентября, тогда как решение о переброске 6-й германской армии было принято германским главным командованием еще 13 сентября. Но лишь 13-й корпус французов находился на месте. 4-й корпус был взят из состава 6-й французской армии, и уже 19-го он был перебро-

[1] Мы вернемся к ней в части второй настоящего труда.

шен по ту сторону Уазы. 14-й корпус (1-й французской армии) и 20-й корпус (из-под Вердена) были перевезены из Лотарингии очень быстро — 19 и 20 сентября они уже высаживались западнее Уазы. Однако, только 23-го 14-й корпус вышел на левый фланг 4-го западнее Руа, 25-го вступил в бой 20-й корпус. Между тем 21-й германский и 1-й баварский корпуса уже 24-го были на Сомме между Перонн и Гам (первый из Намюра, второй из Меца).

В результате, когда началась битва в Пикардии, 24 сентября, соотношение сил оказалось равным: со стороны французов — 13-й, 4-й и 14-й корпуса, со стороны немцев 9-й рез., 21-й и 1-й баварский корпуса, а также 2-й корпус, из состава 1-й армии, 25 сентября с французской стороны вступает в бой 20-й корпус, с германской 18-й. 26 сентября немцы вводят в сражение еще 2-й баварский корпус — севернее Соммы; только 27-го и 28-го Жоффр успевает дослать сюда еще два корпуса: 10-й (из 5-й армии) и 11-й (из 9-й армии).

Таким образом, опережение в переброске было на германской стороне. Однако, оно не дало никаких результатов, так как обе стороны, примерно, на одном и том же пространстве выставили равные силы. Жоффр проявил медлительность, упустив благоприятный шанс достигнуть некоторого перевеса к западу от Уазы [1]. Чем было вызвано это запоздание? Одна из важных причин заключалась в плохой информации о действиях противника. Жоффр имел сведения о переброске германских войск, но он относил их к 7-й германской армии, о 6-й же он узнал лишь тогда, когда сражение уже началось. Немаловажный пример того, какое значение имеет правильно поставленная разведка для своевременности развертывания маневра. Однако, значение запаздывания в данном случае никак нельзя преувеличивать. Выиграй Жоффр указанные пять дней, он все равно не получил бы решающего преимущества темпа. 23 сентября два германских корпуса были уже в районе Сен-Кантен; вместе с имевшимися уже в наличии силами они успели бы задержать французские корпуса. Сложнее стоит вопрос о том, не могли бы эти последние корпуса сразу же высадиться несколько севернее и наступать к северу от Соммы. Давая ответ на этот вопрос, нужно сказать два слова о директивах Жоффра, данных 2-й армии, и о фактическом развитии маневра.

В директиве № 32 от 19 сентября Жоффр так определяет задачи маневра: «2-я армия (Кастельно) будет вести операции на левом фланге нашего общего расположения. Ее задача — действовать против правого германского крыла, чтобы освободить 6-ю армию (Монури) и позволить этой армии, а также впоследствии всей совокупности наших сил возобновить движение вперед. Деятельность 2-й армии будет проявляться в охвате (par un rabattement — собственно в «отгибе»,

[1] Кап. Mousset справедливо критикует действия французского главного командования: „Если решение о маневре было принято в добрый час (не совсем так: Жоффр опоздал на 5 дней. — *М. Г.*), его развертывание было медленным",

«откидывании») правого крыла противника, но это охватывающее движение должно быть достаточно ограниченным во времени, для того, чтобы 2-я армия могла всегда продолжить охватывающее движение (marche débordante) по отношению к новым соединениям, которые противник выставит на линию. Задача преследования отступающего правого крыла противника потребовала бы в случае необходимости от 6-й армии общего движения со 2-й армией, которая должна находиться все время выше фланга противника, каково бы ни было расположение этого фланга. Операции 2-й армии зависят от движения главной массы наших сил, но это не значит, что должна быть тесная связь между этой армией и соседней: маневренный промежуток между двумя армиями скорее принесет пользу, чем вред. Группа территориальных дивизий из 4 дивизий и 18 эскадронов оперирует на левом фланге 2-й армии. Она уже получила задачу охраны Северной области, но в дальнейшем она получит приказ принять участие в операциях, направляя свое движение таким образом, чтобы находиться на значительном расстоянии впереди левого фланга 2-й армии, прикрывая одним своим присутствием марш этой армии».

Итак, приказ Жоффра намечал как будто очень глубокий маневр охвата германского правого фланга. Но торжественно поставленная задача в том же приказе формулируется весьма странным образом. Мы уже знакомы по предшествовавшим приказам Фалькенгайна и Жоффра с этой двойной бухгалтерией. 2-я французская армия также получает двоякую задачу: она должна, с одной стороны, непрерывно отбрасывать ближайший фланг немцев и, перепоручая продолжение этой задачи 6-й армии, уходить дальше на север. Жоффру очень хотелось бы свершить маневр широкого охвата, но в то же время он чрезвычайно опасается за положение на своем собственном левом крыле. Упоминание в приказе Жоффра о том, что не следует бояться интервалов в расположении с соседней армией, вовсе не говорит о действительном развитии свободного маневра, а скорее свидетельствует об обратном — насколько глубоко уже въелась в сознание идея непрерывного фронта[1]. Надо сказать, что Ка-

[1] „Армии 1914 г. были слишком тяжеловесны, — в гораздо большей степени, чем теперешние; они слишком тесно зависели от своих тылов, чтобы их начальники взяли на себя риск, даже только временный, допустить действия врага на своих сообщениях. Прошло время, когда крупное соединение могло сравнительно легко менять свою базу. Вывод из опыта всей войны таков, что нужно удерживать весь театр операций посредством непрерывной линии огня. Только при таком условии фланговый или какой-либо иной маневр станет осуществим; быть может, в этом и состоит новейшая форма старого принципа, что нельзя маневрировать против врага, не сковав его. Пусть нам не говорят, что это значит — отрицать принцип экономии сил. Нужные силы для удара можно было найти и в 1914 г., так как оборонительный участок войскового соединения и тогда был гораздо шире участка наступления". („De la bataille de la Marne à la course à la mer", par le cap. Mousset, „Revue Mil. Franç.", Juin 1936). Здесь не место обсуждать, насколько правильно опыт минувшей войны о „непрерывной

стельно выполнил директиву французского главного командования как мог более точно, и не его вина, если естественное развитие событий привело к тому, что одна из задач, означенных в приказе, без остатка поглотила другую. 2-я французская армия добросовестно старалась прежде всего отбросить находящегося перед ней противника на правом берегу Уазы. В результате уже 20—22 сентября 2-я армия оказалась вовлеченной в бои, из которых вырваться ей уже не удалось. Жоффр настойчиво повторял: «Распространить движение 2-й армии влево, оставляя минимум сил в районе Нуайон», но эту задачу можно было выполнить вовсе не так просто, как это рисовалось французскому главнокомандующему, т. е. отрываясь легко от противника и скользя непрерывно к северу: правый фланг 2-й армии был уже пригвожден. Оставалось одно: располагать севернее подходящие корпуса. Разгоревшийся упорный бой требовал все новых сил. 23 сентября германцы овладели Перонном. 24 сентября 4-й французский корпус подался назад под натиском германских сил, атаковавших в направлении на Руа. Пришлось 14-й корпус немедля выводить севернее 4-го, чтобы спасти положение. В 10 ч. 45 м. ген. Антуан, начальник штаба ген. Кастельно, телефонирует в главную квартиру: «Сражение началось. 4-й корпус атакован; 14-й корпус держится наготове, чтобы образовать новый эшелон и действовать в свой черед. Обнаружены 21-й и 1-й баварские корпуса противника. Его фронт кажется тесным и насыщенным».

В тот же день Жоффр настаивает перед военным министром на действиях бельгийской армии на сообщениях противника; группа территориальных дивизий должна пытаться произвести разрушения на железных дорогах в северной зоне; 10-й и 11-й корпуса направляются на запад. 25 сентября Жоффр требует от Кастельно развития активности к северу от Соммы, но командующий 2-й армией все свое внимание и свободные силы вынужден уделить тому, что происходит к югу от этой реки. Для того чтобы заполнить разрыв между 14-м и 4-м корпусами, приходится взять одну дивизию из состава 20-го корпуса. Итак, от теории — не бояться разрывов — ничего не осталось при первом же столкновении с боевой действительностью. Маневр охвата все более вырождается, таким образом, в фронтальное сражение. В следующие дни уже вырисовывается явственно угроза немцев со стороны Бапома: Жоффру не только не удалось охватить германский правый фланг, но его собственный левый фланг оказывается под угрозой охвата. К северу от Соммы направляются 10-й и 11-й корпуса. Из армии Фоша изымается еще 21-й корпус, из армии Монури — 45-я дивизия для переброски на север.

линии огня" переносить на будущее без всяких оговорок. Но указание на то, что крупные соединения в 1914 г. оказались слишком тяжеловесными и мало маневренными, справедливо. Они жались одно к другому, и непрерывный фронт вырастал стихийно и неотвратимо.

Теперь надо дать окончательный ответ на вопрос: не правильнее ли было бы сразу же бросить армию Кастельно севернее Соммы, чтобы осуществить действительно глубокий маневр захождения? В создавшихся условиях это была бы пустая и опасная затея. Германская 6-я армия вклинилась бы в пространство между 2-й и 6-й французскими армиями. Сдерживая северную группу французов двумя корпусами, остальными она успела бы выйти к Компьен, и тогда положение левого фланга французов стало бы опасным. Для ликвидации изолированной 2-й французской армии, силу которой никак нельзя преувеличивать, немцы нашли бы достаточные резервы. Удар 2-й французской армии во всяком случае попал бы впустую: для выхода в тыл и во фланг главным германским силам потребовалось бы слишком много времени, которым она совершенно не располагала.

г) Маневр вырождается в фронтальное столкновение

Итак, маневр с обеих сторон привел в конечном счете к фронтальным столкновениям на пространстве между Нуайомом и Бапомом,— столкновениям равных сил. Никакого маневра не получилось, ибо маневр предполагает и с к у с с т в о в вождении войск, с тем чтобы на определенном направлении добиться преимущества в силе и в положении. Для того чтобы направить одну часть в лоб другой, не нужно оперативного искусства. Результат получился вполне естественный: нащупав друг друга, обе стороны убедились в бесцельности попыток сдвинуть противника с места. Новое пространство в 100 км оказалось во власти позиционной войны. Обвинять ту или другую сторону в таком результате было бы слишком поверхностно. Невозможность маневра на этой ступени объяснялась уже, главным образом, действием мощного объективного фактора и лишь в малой степени ошибками, которые действительно были допущены с обеих сторон.

Теперь свободного пространства до моря осталось всего лишь 60 км. Беглого взгляда на карту достаточно, чтобы понять, что на этом кусочке громадной линии фронта уже немыслимо было развернуть широкий маневр шлиффеновского размаха, способный сдвинуть с места всю окостеневшую сплошную линию войск, протянувшуюся от Бапом до швейцарской границы. Борьба за фланг достигает наивысшего напряжения. Но слишком ясно, что идея флангового маневра превратилась здесь уже в бесплотный призрак, в пустую формальную схему. В самом деле, что могли бы достигнуть (и в некоторых случаях даже и достигли), охвативши фланг противника? Когда вы толкнете сбоку или сзади не успевшего повернуться к вам одного человека, вы, конечно, собьете его с ног; но попробуйте проделать эту операцию с целой дивизией, толкнув одного или нескольких человек, стоящих на фланге. Разве можно этим толчком сбить с ног всю дивизию? Но такую иллюзию питали штабы, когда, направив в охват фланга пару

корпусов, они мечтали о лаврах Ганнибала в отношении фронта, простиравшегося на несколько сот километров. До очевидности ясно, что часть, прорвавшаяся даже в тыл стабилизующегося фронта, была бы рано или поздно задержана брошенными ей навстречу войсками, причем отвердевающий позиционный фронт даже не пошелохнулся бы. Во всяком случае для такого прорыва,— этот термин уже получал свою значимость,— нужна была мощная масса, нечто вроде позднейших ударных армий. Такой массы не было и в помине ни на той, ни на другой стороне. Как попало и откуда попало надергивались корпуса, уже измотанные в боях или вновь испеченные, плохо обученные, и бросались «пакетами» на север. Противник проделывал то же самое, и ничего другого, как фронтальное столкновение, из этого получиться не могло; так в действительности и вышло. Именно таким столкновением спешно подбрасываемых с обеих сторон корпусов явилось так называемое сражение у Арраса 10-й французской армии под командованием ген. Модюи. (Приказ о формировании ее в районе Амьена был отдан 25 сентября). Сформирована она была следующим образом:

11-й корпус, взятый из 9-й армии, начал посадку 25 сентября для следования на Амьен, куда прибыл 27-го; выдвинут на левый фланг 2-й армии.

10-й корпус, из 5-й армии, отправлен 28-го к Амьену; 30 сентября он перебрасывается южнее Арраса.

77-я дивизия, из 1-й армии, отправленная 28 сентября к Аррасу и Лану, прибыла 30-го.

70-я дивизия, из 1-й армии, отправлена 28-го к тем же пунктам (севернее Арраса).

8-ю кав. дивизию, из 6-й армии, направили по железной дороге на Мондидье и затем в район Альбер.

4-я кав. дивизия, из 5-й армии, направлена 30 сентября и 8 октября переброшена к Хазебрук.

21-й корпус, из 9-й армии, 1 октября направлен к Лиллю, 4 октября прибыл в район Ля-Бассе.

45-я дивизия, из 6-й армии, переброшена на автомобилях до Компьен, оттуда по железной дороге на север, 3 октября — в Аррасе [1].

Тем временем совершается переброска сил немцами. Она рисуется в следующем виде:

Гвард. корпус, из 2-й армии, прибыл к Камбре 2 октября.

4-й корпус, из 1-й армии, 1-й баварский рез. корпус из Лотарингии; оба прибыли к Валансьен 1 октября.

14-й рез. корпус из Вогезов прибыл в Камбре 27 сентября.

14-й корпус из-под Вердена прибыл в Валансьен и Дуэ 7 октября.

19-й корпус, из 3-й армии, и 7-й корпус, из 2-й армии, 10 октября находились у Валансьен.

[1] „Mémoires du maréchal Joffre“, tome premier, p. 438—439.

Кроме того, немцы в те же числа сосредоточили на севере значительную конную массу из кав. дивизий 5-й армии, группы Штранца и др.

9 октября из этих корпусов были созданы две армии — 6-я — от Скарпы до р. Лис (командующий — кронпринц баварский Рупрехт) и 2-я — до верховьев р. Авр (командующий ген. Бюлов).

С 1 до 19 октября на крайнем левом фланге союзного фронта сосредоточивается английская армия; к ней в середине октября присоединяется бельгийская, прорвавшаяся из Антверпена.

Немцы в свою очередь сформировали новую — 4-ю армию (22-й, 23-й, 26-й и 27-й рез. корпуса из добровольцев и 3-й рез. корпус из-под Антверпена), которая в середине октября стала выдвигаться во Фландрию.

Итак, стремясь заполнить свободное пространство, еще оставшееся до моря, обе стороны сосредоточили сюда все силы, какие смогли вырвать отовсюду. Но, кроме приблизительного равенства сил, ничего другого достигнуть не удалось. При таких условиях кровопролитные сражения, разыгравшиеся у моря в 1914 г., никакого эффекта в смысле осуществления широкого стратегического маневра, могущего привести к исходу войны на всем западном театре, дать не могли. Тем не менее эти сражения оказали громадное влияние на ход войны в целом; они имели определенный стратегический смысл, однако, совершенно иной, чем это мыслили себе воюющие стороны.

3. ФЛАНДРСКАЯ БИТВА

(Схема 21)

а) Стратегический смысл заключительного этапа „бега к морю“

Бои во Фландрии, где оставалось еще свободное пространство для маневренной войны, носили уже определенно позиционный характер. Исследователи единогласно констатируют этот факт, но никто из них не дает удовлетворительного объяснения его. Явление тем более поразительное, что здесь вплоть до последних дней борьбы не было еще укрепленных позиций: они еще только создавались и строились в ходе борьбы. А между тем характер происходивших боев немногим отличается от тех, какие велись на этом участке в последующие годы позиционной войны. Конечно, если взять как измеритель количество снарядов и прочие аксессуары позиционных форм борьбы, то бои на той же местности, скажем, в 1917 г. были более грандиозны и потрясающи, но если взять другой, более существенный показатель, а именно невозможность продвижения вперед, то эта черта с полной очевидностью выявилась во Фландрской битве 1914 г.: позиционная война уже вступила в права, хотя внешние признаки ее еще не были налицо.

Во Фландрском сражении немцы наступали, союзники оборонялись. Почему вышло именно так, хотя обе стороны, как мы уже знаем, стремились к фланговому маневру? Этот факт нам также не объясняют, ограничиваясь простой его констатацией. Между тем он, очевидно, связан с общим направлением, какое принял «бег к морю»: «Бег к морю» мог пойти в западном направлении, например, по р. Сомме; совершенно очевидно, что это направление было выгодно немцам, так как они находились в весьма удобной позиции для возобновления атаки на Париж и, кроме того, оккупировали порты побережья, через которые велась связь между двумя союзными странами. Но будучи более выгодным, оно предъявило огромные требования к маневренности и подвижности германских армий, которые должны были пройти гораздо большее пространство и сделать это быстрей (или, по крайней мере, настолько же быстро), чем союзники.

Но действительным направлением «бега к морю» явилось, как известно, северное. От Уазы новая линия фронта начинает резко подниматься вверх, к северу, почти под прямым углом к уже установившейся ранее восточной части фронта. Это направление было, очевидно, гораздо более выгодным для союзников: оно освобождало значительную часть территории, ранее занятой немцами; оно приводило к сохранению за союзниками портов побережья, через которые велась транспортировка войск и грузов из Англии на материк; оно переносило борьбу в Бельгию, подавая руку помощи бельгийской армии; бесспорно, консолидация Антанты во многом выигрывала именно от такого направления. Однако, оно, очевидно, предъявляло сугубые требования к подвижности и маневренности союзных войск, которые в этом случае должны были раньше, чем немцы сосредоточиваться в пунктах, по которым вытянулась новая линия фронта. Правда, на севере уже имелись кое-какие отряды союзников, но эти силы были слишком малы, чтобы противостоять серьезному натиску.

Эта борьба двух различных направлений «бега к морю» мало осознавалась обеими сторонами в то время. События развивались скорее стихийно. Немцы стремились как можно дальше проникнуть на юго-запад, союзники, напротив, старались оттеснить их к северо-востоку. Результатом явилось направление новой линии фронта все же прямо на север. О чем это свидетельствует? О том, что союзные армии показали более высокую подвижность и маневренность. Основная причина лежит не столько в качестве самих армий, сколько в лучшем состоянии железнодорожной сети. Опять-таки, хотя и в незначительных масштабах, был использован автотранспорт. Германские войска за недостатком исправных железных дорог должны были совершать тяжелые марши, теряя на это время. Маневр охвата фланга союзникам не удался, так же как и немцам. Но союзникам удалось зато отогнуть назад германское правое крыло — и это могло быть достигнуто лишь преимуществом в быстроте выдвижения в сторону открытого

фланга. Получалось в высшей степени противоречивое явление: немцы вели яростное наступление, но действительная линия их фронта непрерывно отступала. Союзники оборонялись, но объективно они непрерывно отодвигали линию своего фронта вперед. Это ясно показывает, насколько поверхностен может быть анализ, ограничивающийся чисто внешней стороной событий.

В этом смысле, бесспорно, немцы потеряли темп в борьбе за фланг в течение месяца, с 15 сентября по 15 октября. К концу этого периода до моря оставалось уже совсем незначительное расстояние. Фалькенгайн решает именно сюда направить новую 4-ю армию. Здесь по инерции еще действовало прежнее побуждение — отодвинуть назад все левое крыло союзников путем охвата его с фланга. Но фланговый маневр уже окончательно был превращен в пустую схему. В самом деле, если бы 4-й армии даже удалось пролезть в узкий просвет между Армантьером и морем, разве удалось бы ей преодолеть силу тяжести плотной массы союзников, уже ставшей спиной к северо-западу от Уазы? Совершенно очевидно, что нет. Положение в известной мере было аналогично тому, какое сложилось к моменту начала боев западнее Уазы: как тогда над маневром тяготела уже стабилизовавшаяся линия фронта от Уазы до Швейцарии, так теперь ту же роль играла линия от Уазы до Армантьера. Разница состояла лишь в том, что тогда еще оставалось широкое незаполненное пространство; и роль стабилизованного фронта заключалась в том, что он притягивал, как магнит, маневр к своему флангу. Теперь воздействие стабилизованной части фронта сказывалось несравненно острее: оставался лишь узкий свободный проход между Армантьером и морем. Возможен ли был здесь свободный маневр? Нет, не возможен, так как он не мог обладать основным качеством маневра — внезапностью, он не мог дать основного преимущества — выигрыша темпа. Если бы даже противник не принял своевременно мер к сосредоточению здесь войск, то легко было бы незначительными силами забаррикадировать этот узкий проход и задержать наступление, используя это время для подброса резервов. Совершенно очевидно, что легче замазать дыру, чем выстроить новую стену. Эту немудрую истину продемонстрировала позиционная война, и на ней-то уже строилась оборона союзников во Фландрском сражении. Вся суть в том, что за изъятием этого узкого пространства у моря на всем остальном промежутке стояла сплошная стена позиционного фронта, где имелась уже основательная гарантия безопасности от ударов противника.

Говорят, что развитие позиционной войны задушило маневренную также и в районе Фландрии; это не так: напротив, неудача маневра породила и здесь позиционную войну. Маневр стал невозможен, а отсюда уже неизбежно нарастало окостенение фронта. Германское наступление, предпринятое 4-й армией вдоль Фландрского побережья, сколько угодно можно рассматривать как новый величественный ма-

невр флангового охвата. Реальное содержание его оставалось иным: это была борьба за владение побережьем, причем вопрос заключался в том, насколько далеко удалось бы продвинуться немцам на юго-запад, смогут ли они захватить Дюнекерк и Кале. Клич «Nach Calais» сменил прежний боевой лозунг «Nach Paris», и эта смена явилась символом изменения сути маневра. Невозможно было рассчитывать, что одним таким ударом можно достигнуть решающей победы на всем фронте. Для этого нужны были усилия и других армий. Наступление имело в виду решение частной, хотя и особо важной, задачи. Используя последний шанс, германское главное командование преследовало прежнюю цель как можно глубже внедриться в расположение союзников, заняв охватывающее положение.

Подготовка германского наступления (4-я армия) происходила скрытно от союзников. Появление новых резервных корпусов было для них полной неожиданностью. Разведка не смогла их своевременно распознать. 13-й рез. корпус искусно прикрывал развертывание новой армии, которая обрушилась неожиданно, имея абсолютный перевес над слабыми частями союзников, находившимися здесь. Но был ли здесь реальный выигрыш темпа? Его не было по той простой причине, что союзники также думали об охвате фланга противника, также выдвигали свои силы все дальше к северу. В район Ипра, начиная с 1 октября, передвигались части английской армии, и это передвижение было столь же неожиданным для немцев, как и сосредоточение в Бельгии 4-й армии для союзников. На стороне немцев было то преимущество, что они были ближе к цели, чем союзники. Но оно отчасти компенсировалось наличием у союзников некоторых сил во Фландрии и более работоспособной железнодорожной сети. В итоге ни та, ни другая сторона не имела преимущества в темпе развертывания сил для маневра, и эти силы в ходе сражения все более уравновешивались. Реально борьба сводилась за то, где именно должна была пройти окончательная линия неизбежно стабилизирующегося фронта. Это было, однако, отнюдь не малозначущим вопросом в силу указанных уже выше моментов.

б) Фош организует оборону побережья

Задача стабилизации фронта на более выгодном для союзников направлении была превосходно разрешена Фошем, с начала октября руководившим операциями к северо-западу от Уазы. Фошу впоследствии придется повторить ту же самую задачу в марте 1918 г., и нельзя не усмотреть разительной аналогии этих обеих кампаний.

В действиях Фоша осенью 1914 г. с полной очевидностью выясняется, что борьба уже перешла в стадию позиционной войны и вовсе не потому, что уже были налицо непрерывно вытянувшиеся линии окопов, окаймленных проволочными заграждениями: эти линии

все еще не были непрерывными, кое-где их не было вовсе, и во всяком случае по своей прочности они не могли быть еще сравниваемы с последующей эпохой. Внешне маневренные действия еще продолжались, мы видим даже участие с обеих сторон огромных конных масс. Но душа маневра отлетела прочь. Борьба шла за то, где пройдет стабилизованный фронт, борьба шла за более выгодные и удобные позиции, на которых обе стороны приступят к длительной осадной войне.

Заслуга Фоша в том, что он понял именно эту особенность наступившей борьбы. Принимая внешне директиву Жоффра об охвате неприятельского фланга, Фош больше заботился о деле, а оно состояло в том, что надо было удержать германские армии, не дав им проникнуть западнее линии Дюнкерк—Нуайон. Первая директива, которую он дает командующему 2-й армией, просившему разрешить отвести отдельные корпуса назад,— во что бы то ни стало держаться на месте. Командующий 10-й армией ген. Модюи получает приказ:

1. Остановить сначала движение врага на Аррас.
2. Крепко удерживать на месте войска первой линии.
3. Соединить как можно скорее остальные в тылу, захватывая в то же время некоторые пункты особой тактической важности, как, например, Нотр-Дам-де-Лоретт.
4. Наконец, вести наступление на нашем левом крыле, имея в виду всегда фланговый охват силами 21-го корпуса.

Итак, лишь последним пунктом подтверждалась директива французского главного командования, на деле и здесь происходило вытягивание линии фронта все дальше к северу. Процесс этот протекает с громадными трудностями: наступление 21-го корпуса к Лансу встречает непрерывное сопротивление противника, а фронт 2-й армии продолжает поддаваться под ударами германских войск.

Понятно, что внимание Фоша не могло не быть привлечено побережьем, где немцы могли еще проникнуть беспрепятственно на территорию Франции. Две кав. дивизии выдвигаются на р. Лис. Дюнкерк подготовляется к обороне, причем, если судить по словам самого Фоша, уже в это время предусматриваются меры к затоплению местности. Фош принимает меры к удержанию г. Лилль, который, однако, был взят немцами 13 октября.

Между тем английская армия уже приближается; по замыслу Жоффра она должна продолжать маневр охвата. Две кав. дивизии следуют походным порядком, два арм. корпуса — по железной дороге. В ночь с 5 на 6 октября они начали высаживаться в окрестностях Аббевиля и Этайля. Из Дюнкерка высылается терр. бригада и занимает линию канала Ваттен, С.-Омар, Эр, прикрывая развертывание англичан. Другая терр. бригада высылается к Понерингу. Таким образом, уже 5—6 октября начинается сосредоточение союзных войск на путях будущего наступления 4-й германской армии. К 10 октября англичане выдвигаются на линию Эр—Бетюн, новые английские части начи-

нают высаживаться в С.-Омаре. В личном свидании Фоша и Френча достигается договоренность о будущих действиях.

10 октября Фош намечал совместный маневр английской и 10-й французской армий путем выдвижения в Бельгию между р. Лис и Шельдой, на линию Куртре —Турне. Это подтверждает высказанную выше мысль о том, что намерением союзников было выдвижение как можно дальше к северо-востоку, перенося борьбу в Бельгию. Фош очень правильно уже здесь понял особенности и задачи коалиционной стратегии. В данном случае (как и впоследствии в 1918 г.) это имело более решающее значение, чем мало реальные планы маневра. Они и в самом деле оказались совершенно нереальными. Одна дивизия 3-го британского корпуса прибыла только 13 октября, а весь корпус был сосредоточен лишь вечером 15-го. Попытки левого крыла 10-й армии продвинуться в направлении к Лиллю были остановлены германскими атаками к югу от р. Лис. Впрочем, севернее этой реки англичане 15-го продвинулись вперед.

9 октября немцами был взят Антверпен. Эта крепость сыграла свою роль в исходе великой борьбы. Она позволила сохранить бельгийскую армию и удержать значительные германские силы. Известно, что это имело известное значение для хода Марнской битвы, куда немцы не могли перебросить 9-й рез. корпус в виду бельгийских атак. Бельгийской армии удалось уйти из Антверпена, и это, конечно, не может быть причислено к оперативным достижениям германского главного командования. На поддержку бельгийцам вышли высаженные с моря, под командованием ген. Раулинсона, 7-я английская пех. и 3-я кав. дивизии, а также бригада французских морских стрелков, под командованием адм. Ронарша. Эти отряды достигли Ганда, но затем были вынуждены отступить, прикрывая правый фланг бельгийской армии. Эта последняя достигла района Остенде, Туру, Диксмюд и Фюрна. Возникал вопрос, где ей избрать свою базу. Бельгийское командование, учитывая утомление и слабость армии, было расположено отступить вглубь, к Кале. Но это в корне противоречило намерениям французского главного командования, которое было заинтересовано удержать бельгийцев как можно дальше к востоку. Было решено, что бельгийская армия будет удерживать позиции на р. Изер, опираясь на Дюнкерк. Но между нею и англичанами зияло незанятое пространство с г. Ипр в центре. Фош 12 октября приказывает 87-й и 89-й терр. дивизиям расположиться на дороге Поперинг—Ипр. Однако, здесь нужно было сосредоточить более серьезные силы, чтобы установить сплошной фронт до моря. Будущее его очертание, таким образом, намечалось с достаточной очевидностью. Фош прибывает лично в бельгийскую главную квартиру и убеждает короля и начальника штаба бельгийской армии в том, что «бельгийская армия, зарываясь в землю (en s'enterrant), должна отбить удары врага и создать барьер, чтобы защитить остаток родной земли, закрепиться на Изере и дать

время союзным войскам прийти на помощь»[1]. 16 октября вечером, покидая Фюрн, Фош дает предписание адм. Ронаршу. Высказанные здесь идеи гораздо более поучительны, чем торжественные оперативные декларации: «В обстоятельствах, в каких мы находимся, тактика, которую следует вам практиковать, не содержит идеи какого-либо маневра, требуется только сопротивляться там, где вы находитесь... Что же касается способа, он состоит в том, чтобы начисто остановить врага, могуществом огня в частности». Так внедрялись новые идеи, идеи позиционных методов ведения борьбы. Для занятия района Ипра уже сосредоточивались войска: 1-й британский корпус высаживался в Газебруке 19 октября, за ним следовала Лагорская дивизия, далее в Дюнкерке высаживалась 42-я французская дивизия, 9-й французский корпус следовал в тот же район. Итак, еще до начала германского наступления во Фландрию стягивались крупные силы союзников, так как обе стороны стремились как можно скорее занять здесь выгодные позиции[2].

17 октября Фош в Сен-Поле встретился с Ллойд-Джорджем. Здесь опять обнаружилось умение его устанавливать в непринужденной беседе крепкие союзнические связи. Лейт-мотив Фоша оставался тот же — во что бы то ни стало остановить немцев[3]. Оба крупнейших деятеля коалиции уже здесь сформулировали «le programme de Saint-Pol», программу позиционной войны,—выигрыш времени, с тем чтобы подготовить новый этап борьбы; для этого нужно было во что бы то ни стало остановить германское наступление. Успеют ли союзники консолидировать фронт и не дать последней волне германского наступления залить снова территорию Франции[4]?

---

[1] Maréchal Foch, Mémoires, tome premier, p. 187 et 188.

[2] Фош так формулирует задачи завязавшейся борьбы: „По мере того как битва стабилизировалась в Пикардии и Артуа, эра новых событий начинается к северу от р. Лис. Это — последняя территория, которую немцы могут использовать, чтобы попытаться опередить нас в скорости (gagner de vitesse), чтобы захватить нас врасплох, раздавить нас тяжестью своих мощно вооруженных масс...“

[3] Фош рассказывает следующее об этой беседе с Ллойд-Джорджем: „Я ему сообщил мое решение: наши войска, зарываясь (en enfonçant) в траншеи, противостоят усилию врага, несмотря на его подавляющее вооружение, до того дня, когда мы сами, снабженные таким же вооружением, сможем предпринять наступление, которое только и может дать победу“. Фошу пришлось ждать этого момента 4 года. Ллойд-Джордж в своих воспоминаниях несколько иначе описывает эту беседу: „Я спросил его, не имеет ли он что-либо передать британскому кабинету, а он сказал: „Скажите ему, что здесь мы больше не будем отступать“. Я спросил тогда, не должен ли я также передать, что здесь стремятся и наступать. Он поколебался и был, очевидно, озадачен вопросом. После заметной паузы он ответил: „Это зависит от людей и средств вооружения (the men and material), которые вы способны бросить на боевую линию“. (War Memoirs of David Lloyd George, Volume one, p. 159).

[4] „Союзники стремятся воспользоваться еще инициативой и свободой действия, которые открылись для них в результате Марнской победы, чтобы опередить врага в его наступлении, атаковать его прежде, чем он смог бы обратить в свою пользу успех над Антверпеном и пустить в ход силы, которые

Бельгийская армия с 17 октября занимала левый берег р. Изер, между Ньюпортом и Безингом, общим протяжением в 30 км. Фронт занимали 4 бельгийских дивизии (две в резерве). Бригада французской морской пехоты занимала Диксмюд, 177-я терр. бригада — в Безинге. Впереди и к югу от Диксмюда находились бельгийская кав. дивизия и французский 2-й кав. корпус. Местность здесь низменна, ниже уровня моря, прикрытая со стороны моря плотинами и шлюзами; сама по себе р. Изер не представляла серьезного препятствия. Почва пропитана водой; траншеи на ней рыть было невозможно. С 18 октября начинаются германские атаки (первоначально силами 13-го рез. корпуса, а затем и 22-го рез. корпуса), но они не дают успеха вплоть до 21-го, когда прибывает 42-я французская дивизия, ставшая у Ньюпорта. 22-го немцам удается переправиться через реку у Терваэте. 24-го они форсируют линию обороны на р. Изер и заставляют бельгийцев податься назад. Пехотные атаки поддерживаются огнем тяжелой артиллерии и минометов. Положение бельгийской армии становится тяжелым, так как на пути отступления нет заметных преград для германского наступления. 24-го Фош прибывает в Фюрн, и здесь было решено остановить бельгийские войска по линии железной дороги Диксмюд—Ньюпорт и открыть шлюзы, чтобы наводнить подступы к ней. 25-го бельгийская армия заняла эту позицию. 26-го немцы возобновили атаку. 27-го были открыты шлюзы. Местность стала наполняться водой, и к 30 немцы отошли на правый берег реки.

Все это послужило к созданию одной из легенд войны — о чудесном избавлении от германского нашествия благодаря находчивости защитников, догадавшихся призвать себе на помощь морскую стихию [1]. Но в действительности это — не более как эпизод в великой исторической драме. Сам по себе он не мог бы иметь никакого решающего значения. С другой стороны, не будь его, германский маневр отнюдь не имел бы гарантии успеха. Все дело в том, насколько широкий размах получила бы операция, могла ли вся 4-я армия прорваться в тыл союзников, наконец, была ли бы ее атака поддержана усилиями прочих германских армий. И вот с этой точки зрения действия бельгийской армии получили крупное значение: они з а д е р ж а л и вы-

---

здесь освободились, прежде чем он сосредоточил свои могущественные резервы, подвезенные из Германии, прежде чем он предпринял свое наступление на оставшейся свободной территории, чтобы посредством маневра выиграть кампанию на западе. Но будем ли мы иметь время и возможность соединить еще рассеянные и разделенные войска трех союзных держав достаточной силы, чтобы ниспровергнуть этот план... Таков был вопрос, который нужно было решать в ужасающем столкновении, Фландрской битве“. (F o c h, I, 193).

[1] Немецкие авторы поддерживают эту легенду. Один из них (Kabenau) пишет: „Решение разрушить Изерские плотины и шлюзы Ньюпорта было принято и 30 октября проведено в жизнь. Побежденные водой, грязью и илом, немцы должны были прекратить наступление. В решительной атаке они были остановлены силами природы, но не врагами“.

полнение германского маневра в целом и дали время союзникам усилиться в районе Ипра и тем самым подготовиться к отражению германской атаки. В этом смысле имеет значение не только наводнение, но и сопротивление бельгийской армии, как бы ни маломощно было оно само по себе. Действия Фоша обнаруживают здесь ясное понимание своеобразно сложившейся обстановки, требующей прежде всего выигрыша времени. Конечно, это — характерный признак обороны, но, кажется, мы достаточно уже привели доказательств тому, что стремления союзников не выходили за рамки обороны: во что бы то ни стало остановить германское наступление.

в) Сражение у Ипра

В то время, как правофланговый 22-й рез. корпус атаковал бельгийцев на р. Изере, прочие резервные корпуса 4-й германской армии — 23-й, 26-й и 27-й — наступали на Ипр; в ходе сражения они были поддержаны правым крылом 6-й армии, а также 15-м корпусом и другими частями, переброшенными из прочих армий. Это германское наступление на Ипр наткнулось на английскую армию и французские части, вкрапленные между бельгийцами и англичанами на участке Диксмюд, северо-восточнее Ипра.

Сражение при Ипре всеми исследователями признается как последнее проявление маневренного периода войны. Это не совсем точно в том смысле, что подлинного маневра уже не существовало: происходило простое фронтальное столкновение сил. Тем не менее эта окончательная грань между маневренным и позиционным периодом заслуживает тщательного изучения, поскольку именно здесь можно почерпнуть очень ценные данные для установления того, как происходит такой переход. Нужно подчеркнуть, что на этом участке еще не было окопов, окаймленных проволокой. Только в ходе битвы кое-где появляются проволочные заграждения [1], но окопы-то как раз по условиям местности здесь нельзя было рыть [2].

Местность все же в других отношениях способствовала развитию позиционных форм борьбы: обилие мелких объектов, которыми загромождены окрестности Ипра, жилые постройки, сады и леса, заборы; дороги приобретали особо важное значение, но все они направлены концентрически к Ипру. Обозревать местность было очень трудно; часто невозможно было составить себе ясное представление, что делалось рядом. Отсюда вытекала характерная для Ипрской битвы

[1] Описывая бои 26 октября, Фош отмечает: „В нескольких пунктах противником уже были сооружены оборонительные позиции из проволочных заграждений“ (des défenses en fil de fer, I, 212).

[2] „В низкой местности, которая окружает Ипр, вода на поверхности земли препятствовала рытью окопов. После отступления от Шарлеруа большая часть наших войск к тому же не имела инструмента. Организация сплошной линии обороны была невозможна, она требовала к тому же благодаря только своей протяженности больших сил, чем те, которыми мы располагали“ (213).

раздробленность боев[1]. В результате происходило следующее: атака целых корпусов, расчлененная на множество мелких стычек, задерживалась хотя бы временно частями противника, на которые она обрушивалась; тем временем к слабому пункту спешили подкрепления, которые обе стороны подбрасывали беспрерывно. Позиционная война возникала неизбежно именно потому, что новые силы притекали вплоть до требуемой насыщенности данного участка живой силой. Такое положение необходимо вело к позиционным формам, так как обе стороны вставали друг против друга сплошной стеной, и для движения вперед требовался уже прорыв. Обе стороны пытались такой прорыв свершить, но обе оказались бессильными. Не хватало для этого артиллерийских средств[2]. В результате, не получалось основного условия маневра: достижения на каком-либо направлении преимущества в численности и расположении сил. Логика позиционной войны вела к сплошному расположению сил так, что обе стороны приходили к равновесию их на соответствующих участках[3].

Поясним еще этот важнейший момент. Маневр на западном европейском фронте становился все более невозможным прежде всего потому, что отсутствовал элемент внезапности. Обе стороны стремились к однообразному охвату фланга противника. Каждый раз такая попытка встречала на своем пути уже подброшенные сюда новые силы. Этого было достаточно для задержки атаки, но как только она задерживалась, подбрасывали новые силы, пока не достигали равновесия. Тогда ничего другого не оставалось, как закрепляться на занятой местности, рыть окопы и тянуть проволоку.

Ипрская битва изобиловала драматическими эпизодами. 30 октября в своей главной квартире в Касселе Фош узнает от посланного им офицера для поручений о прорыве английского фронта у Зиллебека; командир 9-го корпуса направляет туда 3 батальона; однако, наличные силы не могут заткнуть брешь. Фош немедленно направляется в С.-Омер, главную квартиру Френча, и, прибыв туда, велит разбудить мирно спящего английского главнокомандующего. Там Фош предлагает направить еще несколько батальонов 32-й дивизии, которые перебрасываются к месту прорыва.

---

[1] Эта совокупность обстоятельств приводила к сражению, как бы разделенному по перегородкам (compartimenté), с трудными сообщениями, при невозможности охватить происходящее и неизбежно вела к раздроблению действия.

[2] „Германская тяжелая артиллерия становилась с каждым днем все более многочисленной (но, очевидно, все же недостаточной для прорыва.—*М. Г.*), и мы были не в состоянии действительно подавить ее, благодаря отсутствию тяжелых орудий. Напротив, немцы были остановлены хорошо нацеленным, заградительным огнем (les tirs de barrage) наших 75-*мм* пушек; однако, мы должны были беречь снаряды. Они были в ограниченном количестве“ (Foch, I, 212).

[3] „Резюмируя — после пяти дней непрерывного наступления союзные войска увидели, что их усилия сведены на-нет таким же усилием врага: удар был жестокий, но безрезультатный. Силы противников были теперь равны“ (213).

На другой день 1-я английская дивизия сдает немцам Гелювельт и отходит в лес между Вельдеком и Хугом. Командир 1-го английского корпуса решает отступать. Фош, находящийся у Вламертинге, куда прибывает вскоре и Френч, узнает, что корпус начал отход в полном беспорядке. Тяжелая артиллерия вскачь несется на запад. Дороги запружены повозками, раненые бегут к Ипру. Это — начало общего поражения. Но соседний 9-й французский корпус удерживается на месте. Тогда Фош пишет на клочке бумаги приказ, начинающийся словами: «Абсолютно необходимо не отступать и для этого удерживаться на месте, окапываясь, где находишься...»

Френч на том же клочке бумаги делает свою пометку и пересылает его командиру 1-го корпуса, который немедленно прекращает отступление и удерживается на позициях, которые занимаются им вплоть до 15 ноября.

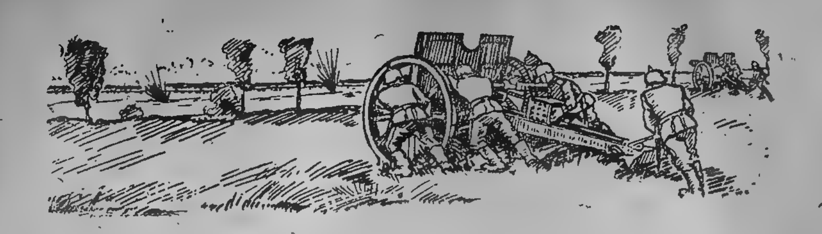
Личная энергия и инициатива продолжали играть огромную роль. Не будь этой интервенции Фоша, возможно было бы поражение и взятие Ипра немцами. Но эти инициатива и энергия движутся уже по определенному руслу. Все силы выдающейся личности Фоша не могут дать ничего иного, как остановить врага. Это лейт-мотив всех действий его в эти дни. Но большего сделать было нельзя. Атаки союзников так же окостеневали, как и германские. Заслуга Фоша в том, что он понял задачу дня: стабилизовать фронт и выиграть время для развертывания новых сил и средств, которые позволили бы перейти в наступление. Конечно, не один Фош понимал это. У англичан отчетливо представлял себе эту линию поведения Китченер [1].

Кровопролитная битва под Ипром, продолжавшаяся почти месяц, не дала никакого оперативного результата. Обе стороны вводили в бой новые корпуса, но ничего, кроме равновесия сил, не достигали. К 15 ноября бои прекратились, и фронт стабилизовался на всем 700-км пространстве.

---

[1] 1 ноября при посещении фронта президентом французской республики Фош в Дюнкерке встретился с Китченером. Отведя Фоша в сторону, Китченер сказал: „Ну что же! Мы разбиты“. Фош постарался разуверить его и просил как можно скорей новых подкреплений. Китченер ответил: „1 июля 1915 г. вы будете иметь во Франции миллион обученных английских солдат“. Фош на это возразил: „Мы не просим столько, но мы хотим как можно скорее, тотчас же“, но получил ответ: „До этой даты не рассчитывайте ни на что“. Китченер прекрасно понял направление развивающихся событий.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

(Схема 1)

Роль темпов в маневренном периоде мировой войны

Понятие «темпа» операции, или маневра, намеченное еще во вводной главе, приобретает теперь более конкретные очертания. В сущности речь идет о динамике, живой силе маневра, без которой не может быть победы. В чем же заключается эта динамика маневра?

Во-первых, в получении того преимущества, которое связано со внезапностью, оригинальностью замысла, сохранением тайны, искусной маскировкой, введением в заблуждение противника. Только при этих условиях можно получить опережение в развертывании и сосредоточении сил на одном каком-либо направлении (иногда нескольких), выиграть темп, т. е. получить известный запас времени, в течение которого после начала маневра явится возможность использовать достигнутый перевес сил. Такой выигрыш темпа имелся первоначально в германском наступлении (гл. II), в некоторой степени он получился у союзников в начале Марнской битвы (гл. I, III и след.), и, наконец, этот элемент маневра почти вовсе отсутствовал в период «бега к морю» (гл. VII).

Во-вторых, в твердом руководстве операцией, организации разведки, учете изменчивой обстановки и быстром принятии решений. Быстрота маневра не должна быть отождествлена с поспешностью (погоня Клука за ускользающей 5-й французской армией—гл. II). Отсутствие твердого руководства приводит к слепому «огульному» наступлению (Мольтке перед Марнской битвой и во время нее). Промедление в принятии решений, путаница, раздвоение воли командования играют крупнейшую роль в потере темпа маневра (Клук на р. Урк—гл. IV и VI, Бюлов в Марнской битве—гл. V). Жоффр и Фош дали, несомненно, образцы твердого руководства армиями в сложной

обстановке, однако, в Марнской битве их задача была облегчена бездействием германского главнокомандования [1].

В-третьих, в подвижности сил, совершающих маневр. Как отмечалось уже не раз, скорость движения войск и быстрота маневра—отнюдь не совпадающие понятия (Клук и англичане в Марнской битве—гл. IV). Понятие подвижности войск в свою очередь оказывается весьма сложным. Происходит ли движение вне или на поле сражения, встречает ли оно противодействие противника и какое именно, в каком направлении оно происходит—все это радикально меняет постановку вопроса.

В 1914 г., в начале кампании, внезапность достигалась, и маневр был еще возможен. Ошибки командования с обеих сторон—поучительный урок на будущее. Но решающую роль в исходе кампании, в отвердении маневра сыграл третий фактор—подвижность войск. Уяснение этого вывода составляет содержание настоящей заключительной главы.

1. ОТ ШЛИФФЕНОВСКОГО МАНЕВРА К НЕПОДВИЖНОМУ ФРОНТУ

Несмотря на огромное число исследований, посвященных 1914 году, мы не имеем удовлетворительного истолкования маневренного периода мировой войны. На западно-европейском фронте немцы получили подавляющий стратегический перевес. Дело кончается тем не менее Марной и установлением позиционного фронта от моря до швейцарской границы, после чего собственно война началась сызнова.

Шлиффен в основу своего плана положил прежде всего рассмотрение рельефа местности и расположения укрепленных полос на границе Франции.

«Франция должна быть рассматриваема,—писал он в своем меморандуме, написанном в 1905 г.,—в своей совокупности как гигантская крепость. Во внешнем поясе сектор Бельфор—Верден почти неприступен. Напротив, фронт Мезьер—Мобеж—Лилль—Дюнкерк, несмотря на отдельные укрепления, открыт и в данный момент почти не занят. Именно здесь мы должны сделать попытку прорваться внутрь крепости. Если это нам удастся, мы очутимся перед вторым поясом или по крайней мере частью его. Это — позиция, которая, упираясь в Верден, проходит по южному берегу р. Эн, через Реймс и Ля-Фер; но она может быть окружена с севера».

Эта установка оказалась объективно верной, иначе план Шлиффена и не мог бы расцениваться как выдающийся продукт буржуазной

[1] 1914 г. дает скорее отрицательные примеры в развитии и руководстве стратегическим маневром, что убедительно показано в труде т. Меликова „Проблема стратегического развертывания", т. I (ср., например, поспешность, проявленную русским главнокомандованием в развертывании наступления против германских сил до окончания сосредоточения).

стратегии. Тем не менее она гораздо больше походит на геометрическую схему, чем на конкретный анализ местности и укреплений с оперативно-стратегической точки зрения. В отношении неприступности восточного сектора Шлиффен был абсолютно прав, что и показала Марнская битва. Но, например, такой крупный рубеж, как р. Маас, не получил должной оценки. Интересно сопоставить с этим мнение Фоша. Он также высоко расценивал роль восточной крепостной зоны как преграды, почти непреодолимой для германского нашествия. Отсюда напрашивался вывод о возможности движения германских сил через Бельгию. Фош считал,— и в этом смысле его мнения были положены в основу французского плана войны,— что во всяком случае французское войско должно развернуться под прикрытием крепостной зоны и р. Маас. Чтобы выйти на этот фронт, немцам понадобится, после стратегического развертывания, около трех дней. Этот промежуток времени Фош рассчитывал использовать для передвижки влево, если потребуется, всего французского расположения; на Маасе между Мезьер и Намюр должно быть сосредоточено прикрытие, которое дало бы время сделать нужные передвижения. В том случае, если германское наступление остановить все же не удалось бы, Фош предусматривал отход французских сил в юго-западном направлении, к верховьям и среднему течению Сены и дальше на Ионну и Луару.

В стратегическом смысле концепция Фоша, хотя она и предусматривала как главную задачу марш на Берлин, была по существу оборонительной. Но заслуживает внимания прозорливость выдающегося полководца французских армий, который очень метко охватил важнейшие конкретные особенности будущей стратегической ситуации.

Этой реалистичной зоркости Фоша противостоял абстрактный схематизм Шлиффена. География приобретала у него значение некоего абсолютного, самодовлеющего фактора.

«Положение, в которое поставит их (французов) маневр охвата через Бельгию,— писал Шлиффен,— побудит их к поспешным (выделено нами.— *М. Г.*) движениям... Выйдя за полосу бельгийских и французских крепостей северной границы и за неблагоприятную местность Арденн, немцы, в случае атаки со стороны французов, будут находиться в более выгодном положении».

Итак, обойти с фланга естественные и искусственные преграды северной и восточной границ Франции — такова идея, которая господствовала над планом Шлиффена.

Она сочеталась со второй идеей, которую легенда увековечила в фразе, сказанной Шлиффеном перед смертью, о том, что охватывающее крыло должно быть максимально сильным. Этот момент в связи с ошибками Мольтке особо резко подчеркивается историками. Шлиффен, действительно, рассчитывал достигнуть подавляющего численного перевеса на правом крыле.

Известно, что Шлиффен считал недостаточными те силы, которые имелись налицо в 1905 г. для осуществления задуманного им маневра. В своей записке 1912 г. он требовал еще большего увеличения сил германского войска. Мольтке в еще большей мере ослабил и без того недостаточную мощность правого германского крыла.

Развертывание по плану 1905 г.	Развертывание, которое Шлиффен считал необходимым осуществить в будущем, по записке 1905 г.	Развертывание по записке Шлиффена 1912 г.	Действительное развертывание в 1914 г.
Северное крыло (обходящее)			
43 акт. див. 21 рез. див.	46 акт. див. 25 рез. див. 16 эрз. див.	51 акт. див. $34^1/_2$ рез. див. 16 эрз. див.	34 акт. див. 21 рез. див.
Южное крыло			
6 акт. див. 3 рез. див.	7 акт. див. 3 рез. див.	Предполагалось несколько усилить по сравнению с 1905 г.	12 акт. див. 5 рез. див.
На востоке			
—	—	Резервные и крепостные формирования.	6 акт. див. 3 рез. див.
В тылу			
—	—	—	$6^1/_2$ эрз. див.
Общее число дивизий по мобилизации			
49 акт. див. 24 рез. див.	— —	— —	52 акт. див. 29 рез. див. $6^1/_2$ эрз. див.

Идея Шлиффена — о численном перевесе на правом крыле — в основе своей глубоко верна. Хотя его указания полностью и не были выполнены, немцам все же удалось достигнуть численного перевеса. Роковые последствия этого для союзников уже достаточно известны.

Но вместе с тем показано, что ошибки Мольтке вовсе не были такого порядка, чтобы коренным образом изменить расчеты Шлиффена.

Если бы ограничиться двумя этими моментами, которые сам Шлиффен считал главнейшими для судьбы плана в целом, мы останемся попрежнему перед лицом загадки. Необходимо встать на другой путь, дать иную, более конкретную и четкую характеристику. Преимущества, полученные немцами в начале войны, были уже определены как выигрыш темпа. Противоречит ли такое определение двум главным моментам, указанным Шлиффеном? Конечно, нет. Выигрыш темпа и получился в силу использования географических особенностей театра войны; он реализовался в численном превосходстве, полученном на правом германском крыле. Но почему же в таком случае потребовалось это новое определение? Потому что без него нельзя понять всего происшедшего в действительности. Оно более конкретно и более соответствует реальному положению, сложившемуся в результате шлиффеновского маневра.

Можно пойти еще дальше. Шлиффен превосходно учитывал, что немцы опередят своего противника в быстроте сосредоточения сил в решающем пункте (районе) стратегического фронта. Когда французы начнут реагировать на этот факт, они будут вынуждены к импровизации, которая станет уже запоздалой, и немцы смогут достигнуть решительной победы раньше, чем французы успеют сделать необходимые перегруппировки. Фош также учитывал роль времени и делал свои расчеты, которые, однако, не были подтверждены историей. Можно было бы указать также и на то, что Шлиффен завлекал врага в эльзас-лотарингскую ловушку именно с целью выиграть время для главного маневра[1]. Словом, важность подчеркнутого нами момента о выигрыше темпа вовсе не была тайной для руководства с той и другой стороны.

Но в таком случае, почему этот важнейший момент не получил отчетливой и ясной формулировки у Шлиффена и до сих пор не понят и не уяснен со всей полнотой? Поскольку дело касается Шлиффена, были определенные исторические основания для такого умолчания. Никто не станет обвинять его в забвении динамики маневра, роли его стремительности, внезапности и молниеносной мощи. Разгадка в том, что все эти моменты Шлиффен рассматривал как нечто само собой разумеющееся. Шлиффен все время стремился к тому, чтобы придать маневру именно такой высоко динамичный разворот.

---

[1] „Там (на южном крыле) должна быть оставлена возможно слабая прикрывающая группа, которая могла бы спокойно отходить перед противником, возможно дальше завлекая его. Таким образом, Шлиффен мог выиграть время, в котором он нуждался, пока его план не станет оказывать действие...“ („Zur Ehre Schlieffens“, von General der Art. a. D. Kraft von Dellmensingen, „Deutsche Wehr“, 1933, № 38)

Кто станет особо упирать на динамику как сущность наполеоновского маневра? Это представляется всем таким бесспорным и ясным, что к этому вопросу не возвращаются: «Бог войны» мчался, как метеор, по Европе, все сокрушая на своем пути. Когда Наполеон III предложил престарелому Жомини набросать план кампании в Италии 1859 г., последний представил путаную схему из 25 линий. Значит ли это, что Жомини не понимал живой души наполеоновского маневра — его высшей динамичности? Конечно, нет. Наряду со своими схемами он дал замечательную по конкретности и силе изображения историю войн Великой французской революции. Живая динамика маневра мыслилась как что-то безусловно очевидное. Так мыслил себе маневр и Мольтке старший, очень мало говоривший о подвижности, но зато давший замечательные образцы практического осуществления такого маневра.

О динамике маневра вспомнили и заговорили тогда, когда он атрофировался под влиянием позиционной войны. Обращаясь теперь назад к шлиффеновскому маневру, мы не можем о сущности его говорить в тех выражениях, которые применялись до войны. На первое место следует поставить качество высокой подвижности, которое было столь очевидным тогда, что о нем не считали нужным особо говорить.

Центр анализа должен быть с разбора бумажных планов передвинут на гигантское поле сражения, которое началось германской атакой через Бельгию и кончилось кровавой схваткой у Ипра, ибо мы вправе рассматривать эти сражения и эти маневры начала войны как единую грандиозную четырехмесячную битву. На протяжении этого периода решающее стратегическое преимущество, полученное немцами в результате осуществления шлиффеновского маневра, было развеяно впрах. И лишь кровавая неудача у Ипра может считаться завершением этого процесса — р а с т р а т ы полученного стратегического преимущества.

В свете истории важно не только, как было достигнуто это преимущество, но и как оно было утеряно. Последнее должно быть изучено не по истории планов войны, а на основе фактов и результатов боевой действительности. Вот почему наше исследование имеет в центре важнейший кризис данного периода — Марнскую битву.

Только таким путем могут быть изучены и поняты во всей широте и конкретности причины неудачи шлиффеновского маневра, осознана роковая п о т е р я т е м п а в развитии этого маневра, в которой состоит суть всей проблемы.

В свете данной нами характеристики шлиффеновский маневр (это относится, конечно, ко всякому маневру) имел три стадии.

Первая стадия — когда маневр еще в «чистом» виде сохранял качество в н е з а п н о с т и, когда сущность его еще была т а й н о й для противника. В этой стадии главное состояло в б ы с т р о т е

стратегического развертывания по плану и еще большей быстроте движения войск к намеченным объектам.

Вторая стадия — когда маневр уже разгадан противником, когда на первый план выдвигается его р е а к ц и я. Это наиболее важная и ответственная стадия, когда маневр проверяется в огне сражения, когда противник в свою очередь может развернуть контрманевр.

Третья стадия — результат маневра, в данном случае позиционный фронт, символизировавший его крах.

В первой стадии немцы имели выдающийся успех, в конечной стадии — поражение. Центр исследования должен быть сосредоточен на промежуточной стадии, когда решалась судьба маневра. Грани ее весьма относительны. Можно сказать, например, что она началась в приграничном сражении и кончилась Марной, а можно расширить ее вплоть до битвы у Ипра.

И в том и в другом случае исследование сталкивается с чрезвычайно сложным и запутанным сплетением различных факторов, в чем читатель имел уже возможность убедиться. Мы поступим правильно, если руководящую нить будем искать в сопоставлении первой и третьей стадии маневра. М а н е в р — н е п о д в и ж н ы й ф р о н т — такова главная противоположность.

Было бы ошибкой думать, что эта противоположность резко обозначена лишь в сопоставлении первой и третьей стадий. Напротив, она проникает всю вторую, промежуточную, стадию. Уже в начале маневра можно усмотреть признаки, предвещавшие конец. И дальше, шаг за шагом, эти признаки все возрастают, чтобы завершиться полным о м е р т в л е н и е м м а н е в р а.

По мере развития войны сила маневра ослабевала, а процессы, вызвавшие к жизни «позиционный фронт», оказывали все более мощное давление.

Необходимо рассмотреть теперь две стороны проблемы: во-первых, динамическую силу маневра, или вопрос об о п е р а т и в н о й п о д в и ж н о с т и а р м и й; во-вторых, препятствия, которые он встретил в сфере тактики, т. е. вопрос о т а к т и ч е с к о й п о д в и ж н о с т и.

2. ОПЕРАТИВНАЯ ПОДВИЖНОСТЬ АРМИЙ В 1914 г.

а) Оперативная эффективность

До сих пор еще в расчетах соотношения сил обычно фигурирует численность войск обеих сторон, которая, с дополнением данных о вооружении, обученности и политико-моральном состоянии войск, считается надежным критерием для определения шансов в предстоящем столкновении. П о д в и ж н о с т ь, как важнейший фактор, обычно упускается из виду. Это было закономерно для эпохи, когда подавляю-

щую массу войск составляла пехота, подвижность которой была более или менее одинаковой для европейских стран. Наполеон, так же как и его противники, измерял по карте циркулем расстояния, какие должны были пройти его корпуса в течение дня. И все же он одержал свои победы, главным образом, благодаря более высокой подвижности своей армии. Для наполеоновской эпохи соотношение между численностью войск и их подвижностью выступало с классической простотой. При одной и той же боевой силе получался тем больший оперативный эффект, чем выше была подвижность. Плацдармом войн была вся Европа. От быстроты передвижения армии прямо и непосредственно зависела возможность нанести врагу внезапный и стремительный удар, заняв при этом более выгодное оперативное положение или выйдя даже на сообщения противника. Сила армии умножалась ее подвижностью.

б) Оперативная и тактическая подвижность. „Маневр“ ограничен „фронтом“.

В 1914 г. дело представилось несравненно сложнее.

Французский ген. Фожерон[1] указывает, что все предшествовавшие войны армии начинали маршем и контрмаршем, которые и составляли стратегический маневр.

«В 1914 г. ничего подобного. С той и другой стороны железные дороги выбрасывают в нескольких километрах друг от друга на всем протяжении границы вооруженные массы, которые фронтально противостоят одна другой. Им не нужен марш, чтобы итти навстречу друг другу: они сразу в боевом контакте, на всем поле сражения, и все движения, которые они должны свершить, происходят на поле боя. Их вдохновляет уже не стратегия, а просто тактика»...

В этой формулировке есть преувеличение. В действительности в 1914 г. армии после сосредоточения и стратегического развертывания еще имели пространство для маневра. Но это пространство было ограничено, во-первых, сравнительной узостью театра войны, особенно на западе, во-вторых, наличием крепостной зоны, в-третьих, развертыванием массовых армий, которые занимали значительную часть пограничной зоны.

Разрабатывая свой план, Шлиффен стремился в максимальной степени использовать имеющиеся возможности маневра.

«Битва на сокрушение,—писал Шлиффен,—может быть и ныне развернута по плану, составленному Ганнибалом в прошлые времена.

Главная атака должна быть направлена не против фронта противника, не сюда надо сосредоточивать силы и резервы: самое главное

[1] „La recherche de la décision“, par le gén. Faugeron, „Revue Mil. Franç.“, Mars 1932.

охватить фланги. Не следует эти фланги искать на линии фронта, но, напротив, во всей глубине расположения противника. Уничтожение сил противника должно быть завершено атакой против его тылов».

В своем плане войны Шлиффен оставляет минимальный заслон на юго-востоке с целью сковать силы противника на этом направлении, главную же маневренную массу развертывает в северо-западной части театра военных действий. Но из этой маневренной массы фактически только часть ее, а именно крайняя правофланговая группа, могла рассчитывать на движение действительно в свободном пространстве. Прочие же войска неизбежно должны были вскоре наткнуться на развернувшиеся силы противника. Впрочем, даже армиям крайнего правого фланга германского фронта предстояло с первых же дней опрокинуть сопротивление бельгийской армии. Таким образом, с самого начала марш сочетался с боями. Подвижность наступавшей армии в связи с этим приобретала особый характер. С одной стороны, сохранилась еще в известной степени подвижность в «чистом» виде, в свободном пространстве, без воздействия противника, или оперативная подвижность. С другой стороны, все большее значение стала приобретать тактическая подвижность на поле боя. Чем ближе к центру, вокруг которого совершалось захождение правым плечом (Тионвиль), тем в большей мере сказывалось значение тактического фактора, так как здесь было сосредоточено больше сил противника, и сопротивление его, опиравшееся на крепости и естественные преграды, сильно возрастало.

Если правофланговая группа все же получила свободу маневра и стала двигаться вперед с нормальной оперативной скоростью, то прочие армии скоро пришли к фронтальному столкновению с противником. В целом возникшие трения замедлили движение, темп развития всего маневра захождения.

Таким образом, в отличие от прежних эпох, фланговый маневр, совершенный массой, оказался ограниченным наличием сразу же возникшего «фронта», решающим образом повлиявшего на все обходящее крыло.

в) Темп маневра и „сила трения“

Из этой ограниченности вытекает крайне важное следствие: темп развития флангового маневра по сравнению с прежней эпохой должен быть значительно повышен.

В самом деле, чем выше сила сопротивления, которую встретят наступающие с фронта части, тем энергичней и стремительней должен быть развернут маневр с фланга.

Шлиффен, бесспорно, учитывал этот момент:

«Мы сделаем хорошо,— писал он,— если заранее подготовимся к переходу Сены выше слияния ее с Уазой и к окружению Парижа,

нападая сначала на западные и южные форты его. Надо стремиться во что бы то ни стало прижать французов к фортам Мозеля, Юры и Швейцарии, атакуя их левый фланг, фронтом на восток. Французская армия должна быть уничтожена. Главное—это образовать мощное правое крыло и использовать его для того, чтобы выигрывать сражения; основное — это, пользуясь силой этого крыла, в непрестанном преследовании вынуждать врага все время прерывать бой».

Идея мощного и сокрушительного флангового маневра выражена достаточно ясно. Но как же все-таки действовать силам, наступающим с фронта? Шлиффен совершенно определенно высказывается, что «каковы бы ни были обстоятельства, нужно все время атаковать фронт противника». И здесь-то начинает выступать другая концепция, о которой уже говорилось во второй главе.

Шлиффен, очевидно, не представлял себе движение германских корпусов как сомкнутую линию, с равномерным распределением вдоль нее всех сил. Но все же зародыш этой идеи уже существовал в известном распределении охватывающей массы на три группы: северную (9 арм. и 7 рез. корпусов), центральную (6 корпусов) и южную (8 корпусов); все эти силы должны были выйти западнее Вердена. Идея маневра здесь, конечно, сохранена: ясна подавляющая сила правофланговой группы; но и весь фронт движения всей наступающей массы также намечен с полной ясностью.

«Глаза направо, налево чувствовать локоть» — этой формулой, по свидетельству Ферстера, Шлиффен пользовался для того, чтобы показать, как должно было происходить выравнивание фронта наступающего крыла.

В мощности правофлангового маневра Шлиффен видел основное условие успеха. Однако, к этому условию необходимо было также добавить и быстроту движения, высокий темп в развитии маневра.

В прежних войнах эта быстрота требовалась потому, что нужно было опередить противника в развитии своего маневра. Этот момент сохраняется и в рассматриваемых условиях, но в осложненной форме.

Немецкий автор[1] Шак говорит о «скорости в проведении... операции, которая должна была не дать противнику времени к организованной переброске достаточно мощных сил со своего правого, неатакованного фланга на левое крыло».

Это совершенно верно, конечно, и мы знаем уже, что Шлиффен в своем плане учитывал этот момент. Но в чем же тогда состояло характерное и специфическое отличие от прежних войн, которого Шлиффен недоучел?

---

[1] „Umfassung grossen Stils oder Teilschläge", von Oberst a. D. Graf Schack, „Deutsche Wehr", 1934, № 42.

Оно состояло в **зависимости флангового маневра от фронта прочей наступающей массы.** Фланговый маневр был этим в известной мере скован и ограничен. Масса, осуществляющая обход, должна была преодолевать не только внутренние трения, которые она встречала на своем пути, но и **трения** всей наступающей массы. Для флангового маневра осталось **гораздо меньше времени**, чем это допускалось по масштабам прежних войн, именно потому, что, во-первых, реакция для противника облегчалась и, во-вторых, требовалось действовать гораздо быстрее, чтобы содействовать продвижению своих сил, наступающих с фронта.

Мы можем проследить эту закономерность на примере пограничного сражения, где от флангового маневра 1-й армии требовались гораздо более высокие темпы, чем она показала в действительности.

То же подтвердилось и на примере контрманевра Клука в Марнской битве. Именно скованность прочих германских армий с фронта, ограниченность поля маневра, близость противника требовали иных, высоких темпов маневра.

Наконец, в «беге к морю» оказалось, что наличие фронта, уже установившегося в восточной половине театра войны, требовало повышенных темпов флангового маневра.

г) Стратегическая внезапность и разведка

Как неоднократно было показано в предыдущих главах, разведка отказала с обеих сторон, что имело крайне существенное значение для хода операций. Французское главное командование вплоть до пограничного сражения не смогло распознать с достаточной точностью распределение наступающих германских сил (см. главу вторую). Кав. корпус Сорде, посланный в первых числах августа для разведки района севернее Нефшато, доносил в главную квартиру 13 августа, что немцы заняли линию р. Урт, сильно ее укрепив; в действительности 3-я германская армия находилась восточнее этой реки в движении прямо на запад; кав. корпус не смог дать никакой сколько-нибудь точной картины движения германских армий через Бельгию и Люксембург [1]. 3-я и 4-я французские армии не сумели использовать имевшиеся возможности и организовать разведку, чтобы установить состав 3-й германской армии и направление движения ее корпусов [2]. В результате пограничное сражение происходило в условиях почти полной неизвестности о противнике. Однако, после пограничного сражения информация Жоффра о движении германских армий становится более точной. Особенно важное значение получили своевременные

---

[1] „Etude sur la cavalerie dans l'exploration", par chef d'escadron de Bardies-Montfa, „Revue Mil. Franç.", Février 1934.

[2] „Comprendre", par le capitaine Carrias, „Revue Mil. Franç.". Juillet 1932.

сообщения о повороте Клука на юго-восток, о движении его корпусов восточнее Парижа и т. д.

С германской стороны дело обстояло еще хуже. В шлиффеновском плане имелась тенденция осуществить маневр, не считаясь с тем, что станет делать противник. Сколько-нибудь точная и обстоятельная информация о передвижении союзных сил левого крыла отсутствовала. Положение, в котором находилось германское главное командование во время Марнской битвы, было крайне незавидным.

Главное средство стратегической разведки той эпохи — кавалерия — было использовано совершенно неудовлетворительно. Авиация уже, правда, давала весьма ценные сведения, но это были еще первые робкие шаги.

С обеих сторон отсутствовала четкая работа штабов по изучению полученных данных и быстрому использованию их для оперативных целей.

Все эти факты с достаточной отчетливостью установлены в имеющейся литературе. Но выводы из них все же неясны. Отсутствует мера того, как именно дефекты разведывательной работы отразились на ходе операций. Картина станет иной, если их связать с тем, что только что изложено.

Правильно организованная и удачная разведка снижала бы роль стратегической внезапности, сокращала бы активное время, которым, благодаря этой внезапности, располагал противник. Пример Клука на Марне достаточно показателен. В плане же всего маневра очевидно — чем скорей Жоффр узнал бы точное распределение германских сил по фронту наступления, тем раньше смог бы он предпринять контрманевр.

В действительности же немцы имели в своем распоряжении полный выигрыш стратегической внезапности так, как он предусматривался Шлиффеном. Однако, Шлиффен и в данном случае не занимался точными расчетами. Он только в общей форме считал, что полученного преимущества будет достаточно для успешного завершения всего маневра. Факты показали, однако, обратное.

В новых условиях развертывания массовых армий возможностей скрыть и замаскировать маневр оказалось гораздо меньше, чем в прошлых войнах. Это вытекало не только из наличия новых средств разведки и связи (не забудем, что в эпоху Наполеона не было, например, телеграфа), но, главным образом, в силу указанной ограниченности поля маневра. Как маневр через Бельгию, так и фланговый маневр со стороны Парижа стали быстро известны противнику, и лишь масштаб их был в обоих случаях неизвестен. А к т и в н о е в р е м я, которое получается в результате выигрыша темпа, оказывается поэтому малым, и реакция противника следует быстрее. Необходимо как можно быстрее и энергичнее использовать его.

Ч е м в ы ш е п о д в и ж н о с т ь м а н е в р е н н о й м а с с ы, т е м б о л ь ш е э ф ф е к т с т р а т е г и ч е с к о й в н е з а п н о с т и.

д) Оперативная подвижность 1-й германской армии

1-я германская армия по охватывающей дуге от Маастрихта до Парижа должна была пройти около 400 км. 4-я же германская армия от Трира на запад до Мааса должна была пройти около 100 км и, склоняясь к югу до Марны, еще около 100 км. Следовательно, 1-й армии предстоял вдвое более длинный путь. Фактически разница была еще более значительна.

Радиус гигантской дуги, по которой наступала 1-я армия, может быть приближенно определен расстоянием от Вердена (центра круга) до Брюсселя — около 200 км; в дальнейшем он возрастал (расстояние Париж—Верден свыше 200 км). Это пространство (от окружности до центра) должно быть заполнено другими армиями наступающей массы (2-я, 3-я, 4-я, 5-я).

Если мы примем теперь как безусловную предпосылку, которую не раз подчеркивал Шлиффен, что охватывающее крыло (1-я—5-я армии) должно было равняться направо, т. е. по 1-й армии, то могут быть все же два варианта: или равнение должно было вестись по быстро и свободно, легко, так сказать, наступающей вперед 1-й армии, или равняться пришлось бы по отстающей, запаздывающей, медленно (относительно) продвигающейся вперед 1-й армии. Разница громадная и даже решающая для судьбы всего маневра захождения. В первом случае маневр действительно диктует волю противнику, как этого и хотел Шлиффен. Неприятельский фронт разрушается под мощным фланговым давлением; «граблям» остается лишь подбирать разгромленные части и не допускать им проскочить между зубьев, а также вцепиться в них и этим по мере возможности сковать противника. Тогда и отступление последнего станет не таким простым делом: как показала первая стадия борьбы, под тяжкой угрозой с запада союзные армии не могли сохранить равновесия и хладнокровия. Задержка грозила бы им катастрофой; 1-я армия действительно стала бы ведущей силой фронта захождения правым плечом.

Второй случай не требует никакой силы воображения, так как именно он произошел в действительности. В этом случае решающая роль перешла к фронту охватывающего крыла, который своей мощью опрокидывал встречающееся сопротивление. Но это фронтальное столкновение приводило к тому, что шаг за шагом терялся эффект маневра, который становился второстепенным фактором для достижения частных успехов над противником. Достигнутые успехи в фронтальных битвах, не имея решающего характера, принесли в конечном счете вред, раздергивая фронт наступления. Часть армий выскочила вперед, а обходящий фланг сильно отстал.

Роль 1-й германской армии была вдвойне сложна. Прежде всего, трудна сама по себе была эта задача покрыть в кратчайший срок

400 км до Парижа. Но еще более сложна была задача в этом движении — вести вперед все охватывающее крыло, ибо здесь нужно было не только итти вперед, но и быть впереди прочих армий.

Зададим себе вопрос: как быстро должна была 1-я армия для успеха маневра покрыть расстояние в 400 км до Парижа? Этого вопроса не ставил со всей ясностью Шлиффен. Он рассчитывал на быстрый, но близкий к нормальному марш пехоты. Беря кругло скорость движения в 20 км в сутки, получаем 20 дней. Почти в такой именно срок и дошла 1-я армия до Парижа (с 18 августа по 4 сентября). В этом смысле план Шлиффена имел, следовательно, реальную базу. Расчет Шлиффена основывался на том, что французы, развернувшись на северной границе, примут бой, окажутся скованными с фронта, и этим будет завоевано время для обходного маневра 1-й армии. Даже после того, как французы разгадают маневр, для перегруппировки им также потребуется много времени, которое использует наступающий.

Но Шлиффен упустил из виду, что положение 1-й армии на крайнем правом фланге охватывающей массы неизбежно требовало от нее значительно более высокой скорости движения, чем для прочих армий. Начнем с самого элементарного расчета.

Допустим, что 5 армий с фронта Маастрихт—Верден длиной около 200 км должны одновременно выйти на линию Париж—Верден той же длины. Допустим, что все они двигаются на отрезках равной ширины, т. е. около 40 км. Длина пути, который следовало бы пройти каждой армии, составила бы для 1-й армии 400 км, для 2-й — 320, для 3-й — 240 и т. д. Значит, правофланговая армия, чтобы успеть, должна была двигаться гораздо быстрее.

Скорость ее движения в таком маневре захождения прямо пропорциональна длине фронта наступления: чем больше этот фронт, тем быстрее должна была двигаться 1-я армия. Удивительно, однако, как это простое соображение не было доучтено Шлиффеном и его последователями. Допустим, например, что центральная — 3-я — армия с учетом задержек шла также со скоростью 20 км в сутки. Стало быть, она покрыла бы свое расстояние всего лишь в 12 дней. Уже в этом случае 1-я армия должна была двигаться вдвое быстрей, что для пехоты уже недоступно (на больших расстояниях).

Шлиффен, очевидно, рассчитывал, что центральная группа армий будет задержана в своем продвижении, а правофланговая за это время успеет продвинуться вперед. Фактически силы сопротивления французов были переоценены, и они не сумели оказать должного сопротивления 3-й и 4-й германским армиям. Отступая, они увлекли немцев за собой, и левый фланг обходящего крыла начал быстро выпирать вперед. В этих условиях 1-я армия неизбежно должна была отставать, что и получилось в действительности. В дни 13—17 августа

армия вышла западнее линии Гассель (Hasselt) — Сен-Трон (St. Trond). 20 августа, вынудив к отступлению бельгийскую армию, она достигла линии Брюссель — Намюр, 22 августа — линии Нинов (Ninove) — Сильи (Silly) — Миноль (Minault) — юго-восточнее Суаньи (Soignies). Положение, которое сложилось накануне приграничного сражения, уже рассмотрено раньше (глава вторая); оно характеризовалось двумя моментами: выигрышем стратегического темпа выдающегося значения и одновременно *отставанием* 1-й армии по отношению к расположению прочих армий.

До приграничного сражения 1-я армия прошла несколько меньше половины своего пути до Парижа. Это сражение явилось кризисом: стратегическая внезапность достигла своей высшей точки, и начинался уже период контрдействий со стороны противника. *Выигрыш темпа заключался в нескольких днях, в течение которых 1-я армия могла еще располагать преимуществом свободного маневра во фланг и тыл противника.* А между тем до Парижа оставалось еще около 200 км. *Борьба за темпы принимала крайне напряженный характер.* Армия прошла свыше 100 км через Бельгию (до выхода на канал Конде-Монс) за 5 дней, что дает в среднем нормальный марш пехоты — около 25 км[1] в сутки. И все же эта скорость предопределила отставание. Исследователи обвиняют Бюлова, которому 1-я армия в этот период подчинялась, в том, что он сковывал оперативную свободу 1-й армии, и это, бесспорно, верно. Тем не менее решающее звено следует искать все же в недостаточной оперативной подвижности 1-й армии; все равно большей скорости движения она дать не могла, а Бюлову оставалось лишь осаживать свою 2-ю армию назад. Но разве такой прием соответствовал стремительному духу шлиффеновского маневра?

Еще осторожнее, медленнее должны были двигаться остальные германские армии (3-я, 4-я, 5-я) обходящего крыла. Но они рвались в бой, одерживали победы, гнали противника, и естественным ходом вещей получалось, что 2-я и еще в большей мере 1-я германские армии отставали. Но требовать от войск в интересах маневра двигаться медленно, не атаковать там, где надо, германское главное командование не могло. Раз так, то во всем маневре был какой-то порок: схематизм ставился выше жизненной действительности. «Разыграть по нотам» такой грандиозный маневр не удалось.

---

[1] Французский автор указывает на „рекордную скорость движения“ 1-й армии к Парижу — 25 *км* в день. („Giberne du sapeur“, par colonel Bailles, „Revue Mil. Franç.“, Octobre 1932).

По сообщению немецкого автора, с 18 по 21 августа 1-я армия продвинулась на 70 *км* — 17,5 *км* в сутки; с 22 по 25 августа — 92 *км* — 23 *км* в сутки („Die Ursachen des Versagens der operativen Verbindungen“, „Deutsche Wehr“, 1932, № 11).

После приграничного сражения темпы движения 1-й армии становятся вопросом жизни и смерти для всего маневра в целом. Пока что 1-й армии приходится **догонять** англичан вместо захождения им в тыл и **нагонять** вырвавшиеся вперед соседние армии. 25 августа вечером она достигла линии Бушэн (Bouchain) — Солем (Solesmes) — Ландреси (Landrecis), а 26-го опрокинула англичан у Ле-Като (Le Cateau) и французов (терчасти и кавалерия) у Камбре. 28-го она достигла Соммы, а 29-го — линии Вильер Бретоне (Villiers Bretonneux) — Пруайар (Proyart) — Шольн (Chaulnes) — Нель (Nesle).

Пройдено еще 100 км с **несколько меньшей средней скоростью** — около 15 км в сутки. Чтобы выйти к Нижней Сене, западнее Парижа, осталось еще 100 км. Но теперь французы вполне разгадали маневр противника. Стратегическая внезапность как таковая уже отсутствует, но действие ее в виде выигрыша темпа еще продолжается; на пути 1-й армии к западу от Парижа неприятельские силы отсутствуют: у Жоффра **нет времени** сосредоточить сюда крупные силы. Шлиффеновский маневр может быть осуществлен.

Но в действительности исход событий был предрешен тем, что 1-я армия уже не была ведущей силой всей наступающей массы германского войска. Напротив, она сама тащилась за стратегической инициативой, которую осуществляли — плохо, хорошо ли — соседние армии: каждая из них действовала на свой страх и риск. Под силой инерции наступательного фронта 1-я армия подалась к востоку, гонясь за тенью отступающего противника. Об этом достаточно сказано во второй главе.

Поскольку маневр 1-й армии вследствие ее отставания не играл непосредственно решающей роли в ходе событий, начиная с приграничного сражения, постольку центр тяжести маневра все более сдвигался к другим армиям, фронтальные столкновения которых с противником определяли стратегическую ситуацию всего германского расположения. Это привело в конечном итоге к Марне.

Маневр огромными **массами**, которые вышли на театр военных действий в 1914 г., был **возможен**. Но никто, включая сюда и самого Шлиффена, не продумал всерьез вопроса о том, как привести в движение эту массу, отягощенную несравненно более богатым вооружением, чем в прежних войнах. Ведь речь шла не о маршах прежних эпох, когда армии преодолевали большое пространство, идя навстречу друг другу. Речь шла об едином маневре, где связанность и согласованность действий, темпы движения играли решающую роль. Изменилась резко численность армий, изменились масштабы пространства, на котором разыгрывался маневр, изменилась насыщенность техникой, а подвижность войск осталась той же самой. Всю эту возросшую тяжесть маневра должна была принять на себя пехота[1].

[1] „Скорость в проведении операции находит свой предел в скорости движения (Marschleistung) пехоты“. („Umfassung grossen Stils oder Teilschläge“, von Oberst a. D. Graf Schack, „Deutsche Wehr“, 1934, № 42).

При таких условиях маневр неизбежно должен был замедлиться, а при наличии активности со стороны противника и вовсе остановиться.

Вывод отсюда вполне ясен: шлиффеновский маневр был обречен на неудачу в силу недостаточной подвижности наступающей массы.

е) Маневр не может преодолеть силы трения

Надо представить себе со всей ясностью, какую гигантскую силу сопротивления должна была преодолеть крайняя правофланговая армия — армия маневра по преимуществу. Речь идет вовсе не только о силе сопротивления противника, которая на отрезке 1-й армии была в конце концов незначительной. Во всех исследованиях не уделяется достаточного внимания тому, что главным образом эта сила сопротивления выражалась в тяжеловесности фронта наступления германских армий, растянувшихся вплоть до Вердена. Надо понять, что сила этой тяжести оказывала чрезвычайное давление на армию, игравшую главную роль в маневре охвата.

Во второй главе мы стремились показать, как эта сила инертности заставила Клука повернуть на юго-восток. Небесполезно будет теперь еще раз вернуться к создавшейся тогда ситуации. Возьмем день 29 августа, день битвы при Гиз — Сен-Кантен.

В этот день 1-я германская армия, перейдя Сомму и продолжая преследование небольших сил противника, появлявшихся перед ее фронтом, вышла на линию Вильер Бретоне (2-й корпус), Пруайар, Шольн, Нель (9-й корпус); 4-й рез. корпус в тылу достиг Альбер. Хотя 1-я армия обогнала приблизительно на один переход 2-ю, находившуюся в районе Сен-Кантен и восточнее на Уазе, это опережение было слишком незначительно. Напротив, в отношении трех прочих армий опережения вовсе не было: 1-я армия находилась на одной высоте с ними. 4-я армия форсировала Маас. 3-я склонилась к ней, образовав разрыв в 60 км со 2-й; 5-я армия все еще не могла преодолеть водной преграды Мааса.

События 29 августа дают яркое представление о том, какое влияние оказывал на 1-ю армию весь остальной фронт наступления. Три левофланговых армии в результате битвы на Маасе сгрудились к востоку. 2-я армия осталась изолированной. Ее положение и действия получили решающее значение для дальнейшего течения маневра. 27 августа Бюлов получил указание германского главного командования преследовать противника в направлении Ля-Фер—Париж. Но можно ли двигаться вперед при условии такого отрыва 3-й армии? В 17 ч. 30 м. Бюлов принимает первое решение: 2-я армия останется 28-го на месте, чтобы подождать подхода соседа слева. Но, узнав о дальнейшем продвижении 1-й армии вперед, в 20 ч. 30 м. Бюлов меняет это решение и принимает второе: два правофланговых кор-

пуса (7-й и 10-й рез.) должны несколько выдвинуться к юго-западу. В 20 ч. 50 м. Бюлов получает сообщение от 3-й армии, что она движется на юго-восток; следовательно, ждать ее нечего; в 23 часа Бюлов отдает приказ (*третье решение*) левофланговым корпусом (10-й и гвардия) сосредоточиться севернее ручья Ирон, готовясь к форсированию Уазы. Утром 28-го поступает донесение авиаразведки о том, что Уазу прикрывают лишь слабые арьергарды противника. Бюлов решает, что бояться ему больше нечего, и отдает в 9 час. утра приказ (*четвертое решение*): правофланговые корпуса выходят на линию Флюкьер (Fluquières) — Грансерокур (Grandseraucourt) — Урвиллер (Urvillers), выдвинув авангарды к Гам (Ham) и Сен-Симон (на Сене); левофланговые форсируют Уазу с выходом на линию Рибемон (Ribemont) — Сен-Ришмон (Saint Richemont) [1].

Отдав эти распоряжения, Бюлов сам направляется в Сен-Кантен. Каково же было его удивление, когда, прибыв в Гомбльер (Homblières), он находит там дорогу прегражденной цепью... французских стрелков. «Я расположил,—пишет Бюлов,— тотчас против этой линии две роты, которые как раз проходили мимо в этот момент, и остановил противника». Но одновременно он слышит гром орудий с юга и востока. Что произошло? Оказывается, 5-я французская армия, столь преждевременно снятая со счетов, атаковала 2-ю германскую армию как раз в промежутке между южной (правофланговой) и северной (левофланговой) группами. Бюлов бросает в этот разрыв 13-ю дивизию, только что прибывшую после осады Мобежа. Между тем бой разгорается. Самое худшее — нет точных сведений о положении на участке 10-го германского корпуса и гвардии. Опасаясь охвата их открытого левого фланга, Бюлов обращается с просьбой о помощи к 3-й армии, но получает отказ. Тогда он обращается в 17 ч. 30 м. к своему соседу справа: «2-я армия вступила в серьезный бой на линии Эсиньи-ле-Гран (Essigny le Grand) — Ориньи (Origny) — Вульпе (Voulpaix) — Госьон (Haution). Кажется, что противник превосходит численностью. Просим настоятельно 30-го оказать поддержку частям 1-й армии, в направлении на Эсиньи-ле-Гран». Но еще до того Бюлов приказывает непосредственно командиру 9-го корпуса (из 1-й армии) направиться к востоку. 17-я дивизия немедленно движется севернее Сен-Кантен в направлении к Гиз, 18-ю Клук успевает задержать. Командующий 1-й армией на просьбу Бюлова пока что отвечает отрицательно, отправив следующее радио германскому главному командованию:

«1-я армия, выходя с линии Брей—Нель, атакует части противника, прибывшие из района Амьен—Марейль. Когда ему будет нанесено по-

---

[1] Колебания Бюлова выразительно показаны в статье полковника Берни „Essai sur le renseignement à la guerre“, par le col. Bernis, Revue Mil. Franç.“, Juillet 1933. Вполне основательно автор усматривает в этих колебаниях отсутствие правильной установки в разведывательной работе.

ражение, только тогда 1-я армия сможет поддержать 2-ю, если это еще необходимо».

30 августа утром, узнав, что 2-я армия все еще продолжает вести бой с противником, Клук приказывает своей армии склониться на юго-восток, левым флангом в направлении на Гюискар (Guiscard).

«Это решение создало ситуацию сражения на Марне»[1].

Совершенно очевидно, что именно инертность фронта наступления, его тяжелое давление на волю командования 1-й армии сковали ее маневр.

«На наступающем крыле германских армий 1-я армия составляла маневренную массу (la masse de manoeuvre), которая должна была реализовать охват французских сил»[2].

Что же могла 1-я армия противопоставить этой сковывающей ее движение инертности огромных масс корпусов, наступающих на пространстве около 200 км?

Первый показатель — масса, численность, ударная сила 1-й армии были недостаточны с точки зрения описанного нами наиболее критического момента маневра. Могли ли 5 корпусов выполнить такую задачу, как окружение французских армий западнее Парижа и удар им в глубокий тыл? Уже этим оперативная эффективность 1-й армии была чрезвычайно ослаблена. Уже поэтому она была бессильна по сути дела бороться с процессами торможения, которые стихийно развивались на фронте остальной наступающей массы. В этом нельзя не согласиться с критиками Мольтке, справедливо указывающими на его отступления от первоначального замысла Шлиффена. Но эти критики не видят другой стороны дела. Помимо своей слабости, 1-я армия в этот момент уже безнадежно отстала. Правда, ее корпуса были чуть-чуть впереди соседней 2-й армии, практически же они были на одной линии фронта с ней. Попытаемся теперь определить, каково же должно было быть опережение 1-й армии против остальных 29 августа. Конечно, наши расчеты совершенно условны, так как судьба маневра была уже предрешена событиями предшествовавших дней (см. вторую главу).

Ясно прежде всего, что 1-я армия, как и намечал Шлиффен, должна была двигаться несколькими эшелонами, а не в одну линию. Шлиффен считал, что она должна была выйти в район Руана, т. е. далеко на запад от Парижа. Но ввиду очевидной непосильности этой задачи Мольтке в директиве от 27 августа давал ее направление на Мант (Mantes), непосредственно западнее Парижа. Учитывая рубежи, достигнутые фактически 1-й и 2-й армиями 29 августа, необ-

---

[1] „Les journées des 29 et 30 août 1914", par le colonel Ch. Menu, „Revue Mil. Franç.", Février—Mars 1935. Статья содержит интересные тактические моменты, которые мы опускаем, так как в более отчетливой и яркой форме они выявились на Марне.

[2] Там же. Разрядка наша.

ходимо считать, что передний эшелон 1-й армии должен был выдвинуться по крайней мере на участок Бове (Beauvais) — Клермон (Clermont). Задача этого эшелона должна была состоять в возможно быстрейшем продвижении вперед к намеченной цели (Мант).

Допустим, что третий эшелон находился бы на линии, фактически достигнутой 29 августа, поддерживая контакт со всей наступающей массой германского войска. Между двумя этими эшелонами находился бы еще один — второй — приблизительно в районе Мондицье. Роль этого второго эшелона была бы чрезвычайно велика. В описанной ситуации посылка сравнительно небольшого отряда подвижных сил для овладения Компьеном вынудила бы к отходу всю британскую армию, расположенную на Уазе, и составила бы сильную и непосредственную угрозу для 5-й французской армии. Между тем, основная масса продолжала бы свое движение западнее Парижа, осуществляя главное стратегическое задание.

Очевидно, указанные три эшелона должны были различаться по своей подвижности. Шлиффен разумно полагал, что впереди 1-й армии должна была двигаться мощная конница. Указанный выше вывод о том, что подвижность 1-й армии должна была значительно превышать подвижность всей наступающей массы, имеет под собой, как мы уяснили, серьезные основания. 1-я армия должна была иметь возможность, без излишнего перенапряжения, достигнуть такого опережения в темпе развития своего маневра, чтобы действительно активно помочь всей наступающей массе германского войска преодолеть гигантскую силу трения, которая встречала на пути своего движения эта масса.

Но ведь все это нереально, возразят нам. Откуда мог Шлиффен взять средства, которые имели бы такую огромную подвижность? Совершенно верно. Это доказывает, однако, лишь одно: Шлиффен, как и его последователи, не понял соотношения между численно гигантски возросшей наступающей массой и темпом развития решающего маневра. Это соотношение при имевшихся тогда средствах предрешало неуспех маневра.

ж) Скорость движения и темп маневра

Роль скорости в осуществлении маневра германских армий в 1914 г. отмечается многими исследователями. Мнения высказываются, однако, противоположные.

Так, например, Лиддель-Гарт пишет: «Немцы наступали слишком быстро, опережая свое расписание, и снабжение не поспевало за ними. Усталость войск увеличивалась голодом... В германскую машину попало столько песчинок, что достаточно было небольшого разлада, чтобы она сломалась. Это и сделало Марнское сражение» [1].

---

[1] „Правда о войне 1914—1918 гг.", стр. 55.

Формулировка абстрактна и потому неверна. С точки зрения успеха маневра, задуманного Шлиффеном, германские армии центра наступали чересчур поспешно, а правофланговые, в особенности 1-я, слишком медленно.

Мысль Лиддель-Гарта может быть понята и так, что весь германский маневр в начале войны шел на пределе, с крайней напряженностью. Встретив толчок на Марне, эта напряженность разрядилась с отрицательным знаком для немцев. В маневре не было наполеоновской легкости. Совершенно верно. Но почему это произошло? Потому что оперативная подвижность войск не соответствовала требованиям маневра. Значит, все-таки правый фланг наступал не «слишком быстро», а слишком медленно. В этом и состоял коренной порок предпринятого маневра.

В своей выдающейся статье о фланговом маневре[1] ген. Луазо высказывает следующее суждение о причинах оперативной немощи 1-й германской армии в наиболее критический момент (27—30 августа):

«Из двух факторов — мощности и быстроты, которые были базой плана Шлиффена,— фактор мощности становится второстепенным, быстрота подавляет мощность[2], фланговый маневр превращается в преследование, и 1-я армия, задача которой заключалась в охвате, оказывается перед множественными задачами: эксплоатация успеха (быстрое продвижение к Нижней Сене), поддержка (вмешательство в бои 2-й армии), прикрытие (обеспечение фланга всех армий); недостаточность сил должна обречь ее на роль оборонительного эшелона».

Итак, главное в «недостаточности сил[3] охватывающей массы». Что же касается быстроты движения, то она лишь ухудшала и без того слабую оперативную мощь 1-й армии.

В то же время Луазо требует «тесной связи движения и силы» («l'association étroite du mouvement et de la force»); «успех в большой части связан с фактором времени», — пишет он в той же статье.

Как будто получается расхождение между общим выводом и оценкой маневра 1-й армии. С своей стороны мы считаем, что все же в этой оценке следует дать первенствующее место скорости, и вот почему.

Во-первых, ударная мощность 1-й армии была вовсе уж не так слаба, в особенности в части оснащения артиллерийскими средствами, как показывают события Марнской битвы.

Во-вторых, перед 1-й армией лежал почти совершенно открытый путь к поставленной ей цели. Правда, по достижении этой цели предстояли новые задачи, требующие крупных сил и средств.

---

[1] „La manoeuvre d'aile", par le général Loizeau, „Revue Mil. Franç.", Janvier 1933.

[2] Разрядка наша.

[3] Выделено в тексте.

Допустим, однако, что 1-я армия сохранила бы свои 4 дивизии, оторванные от нее для выполнения частных задач; допустим даже, что дополнительно она имела 1—2 корпуса. Изменилось бы от этого положение дела? По нашему мнению, нет. В этом и состоит суть вопроса.

Все равно — при тех темпах движения 1-я армия оставалась бы в оперативном смысле позади, она не смогла бы стать ведущей силой маневра.

Как уже указано, в современной немецкой военной прессе также отмечается роль скорости (Schnelligkeit) как «важной предпосылки для успешного проведения охвата» [1]. «При Намюр и Сен-Кантен, чтобы дать необходимое время для охватывающего движения (Umfassungsbewegung), требовалось сначала задержать позади германский центр. В обеих битвах ген. Бюлов поступил наоборот: он напал сильным центром на врага с фронта и этим лишь ускорил его отступление» [2].

Таким образом, фактор времени, скорости движения учитывается исследователями, и было бы странно, если бы дело обстояло иначе, когда речь идет о маневре. Различие выводов объясняется тем, что нет ясного понятия о данном факторе. Велика или мала была скорость движения 1-й армии? Достаточна ли была она? На эти вопросы получаются противоположные ответы, которые имеют свои основания. В известном смысле 1-я армия показала рекордные скорости марша до конца сражения на Марне. Все же в общем плане маневра эти скорости оказались недостаточными. Но если бы вместо скорости пехоты взять даже скорость современных высокоподвижных средств, возможно было бы, что эти скорости также оказались бы недостаточными. Все дело в том, что мера скорости наступающей массы не может быть одинаковой, раз навсегда установленной для всех случаев.

Все зависит от средств, которыми располагает противник, от обстановки маневра и т. д. Следует говорить поэтому не о скорости вообще, а о т е м п е м а н е в р а, в котором скорость движения, конечно, играет первостепенную роль. Вот почему в нашем исследовании фигурирует не просто скорость, а главным образом и прежде всего понятие «в ы и г р ы ш а т е м п а», опережения противника в темпе развития маневра. В статье Луазо имеется ряд моментов, подводящих к этому понятию. Например, внезапность, без которой нет выигрыша темпа,— это «прежде всего быстрота соединения и развертывания маневра».

---

[1] „Vorbedingungen erfolgreichen Umfassungsoperationen", von Oberst a. D. Graf Schack, „Deutsche Wehr", 1933, № 41.

[2] „Die Umfassungsgedanke in den Schlachten von Tannenberg, Namur und St. Quentin", того же автора, „Deutsche Wehr", 1934, № 51.

з) Стратегическая конница

Если верно, что скорость движения крайней правофланговой армии следовало увеличить по крайней мере вдвое, то не достаточно ли было составить эту армию из кавалерийских корпусов, чтобы получить такую скорость? Говорят, что у Шлиффена была мысль собрать все 10 германских кав. дивизий, которые имелись на западном фронте, на правом фланге [1]. Но этих кавалерийских дивизий было мало для того, чтобы всю 1-ю армию составить из кавалерийских масс. Мы считаем, что эту последнюю идею Шлиффен сразу отверг бы, если бы она ему была предложена, и он был бы прав. Могла ли бы 1-я армия, если ее рассматривать как единое целое соединение, способное выполнять самостоятельные оперативные задачи, обойтись без пехоты? Очевидно, это было невозможно. Достаточно вспомнить условия, в которых велось сражение у Монса. Обходя Париж с запада, 1-я армия должна была быть готова к боевому столкновению с крупными нерасстроенными вооруженными силами противника; она должна была быть готова выставить в тылу неприятельского расположения кордон, заграждающий отход к югу. Следовательно, в шлиффеновском маневре именно пехоту нужно было перебросить возможно быстрее вперед. Шлиффен и утверждал, что, «как и прежде, необходимо возлагать упование на превосходящее правое крыло с глубоким эшелонированием вправо и мощной кавалерией на флангах...» [2]

В действиях кавалерии начального периода обнаруживается органическое противоречие между оперативными целями, которые ей ставились, и оперативно-тактическими возможностями, которыми она обладала. Теоретически она рассматривалась как очень подвижный род войск, способный осуществлять самостоятельно задачи стратегического порядка (глубокий удар в тыл и во фланг противнику, стратегическая разведка, преследование). Довоенные уставы считали, что эти задачи могут быть разрешены с использованием коня не только как средства передвижения, но и на поле сражения. § 12 германского кавалерийского устава гласил: «Кавалерия должна всегда разрешать свои задачи наступательно. Только когда невозможно применить пику, она прибегает к карабину». Пеший бой рассматривался, следовательно, лишь как исключение.

Четыре германских кавалерийских корпуса на западном фронте с начала войны были разбросаны по всему фронту. 2-й кав. корпус на крайнем правом фланге вместо выполнения основной задачи —

---

[1] „В своих последних набросках маневра он предусматривает от 8 до 10 кав. дивизий перед решающим правым крылом, имея в виду это крыло сделать не только сильным, но и в высшей степени подвижным". (Fleck, Unsere Kavallerie im Weltkriege und in Zukunft, „Militär-Wochenblatt", 1934, № 37. Выделено нами.)

[2] „Operationsplan von 1905", Studie vom Dezember 1912.

разведки — выбрасывается вперед сначала на Тирлемон и затем на Гэлен (Haelen). «Бой при Гэлене — черный день 2-го кав. корпуса»[1]. 4-я кав. дивизия, атаковавшая в конном строю, потерпела кровавое поражение. 2-я кав. дивизия, получив задачу отрезать бельгийцев от Антверпена, после 20-км перехода 18 августа натыкается на противника у Эршот и останавливается. В дальнейшем корпус, подчиненный сначала 2-й армии, направляется на Шарлеруа, затем, перейдя в подчинение 1-й армии, — на Лилль. Это вызывает потерю времени, корпус не выполняет задачи стратегической разведки, и 1-я армия натыкается на англичан у Монс. Двинувшись немедленно же на юг, 2-й кав. корпус мог бы 26 августа достичь Пэронн с глубоким охватом противника. Но 25-го он направляется командованием 1-й армии на юго-восток. В битве у Ле-Като вместо движения в тыл 2-му английскому корпусу кавалерия, спешившись, ведет фронтальный бой с англичанами. До 29 августа кав. корпус следует позади пехоты.

30 августа два кав. корпуса, 2-й и 1-й, при едином командовании могли бы через Вильер-Котере — Суассон отрезать отступление 5-й французской армии[2]. Вместо этого оба корпуса действуют разрозненно. 1-й кав. корпус 31 августа повертывает прямо на восток. 1 сентября гвард. кав. дивизия достигла Суассона, но так как противник атакует арьергард, она уходит на север. 2 сентября, сделав марш в 20 км на юг, она уже запаздывает перехватить противника. 9-й германский корпус опережает, и кавалерия вновь движется позади пехоты. В это время 2-й кав. корпус получает направление через Вильер-Котере, но натыкается на англичан в фронтальном сражении. Противник безнаказанно уходит.

3-й и 4-й кав. корпуса используются для затыкания дыр в наступающем фронте пехотных корпусов. По словам ген. Бернгарди: «Тактика атаки в массе (Die Attacken und Massentaktik) стоила нашей кавалерии в начале войны тяжелых, кровавых и, к сожалению, совершенно бесполезных жертв».

Эти примеры показывают, что оперативная подвижность кавалерии была низка прежде всего вследствие слабой ударной мощности в конном строю. Спешившись, кавалерия теряла свое преимущество в подвижности, так как коней приходилось отводить далеко в тыл. В ре-

---

[1] „Die deutsche Heereskavallerie auf dem westlichen Kriegsschauplatz", „Militär-Wochenblatt", 1934, № 3.

[2] Генерал от кавалерии в отставке Позек считает, что при подчинении главному германскому командованию оба этих кавалерийских корпуса — всего 5 кав. дивизий — могли бы на правом фланге армии Клука оказать решающее влияние на ход битвы на р. Урк и вместе с тем на ход всего Марнского сражения. („Kriegserfahrungen in der Verwendung moderner Kavallerie", von General der Kavallerie a. D. M. v. Poseck, „Militär-Wochenblatt", 1935, № 31).

зультате получалось, что пехота даже опережала кавалерию в наступлении. Сверх того оперативное использование было неудовлетворительным. Важнейшая задача кавалерии — стратегическая разведка — была не выполнена.

По данным Позека, 8-я кав. дивизия на правом германском фланге прошла за 21 день 1 150 км, что дает 52 км в сутки [1]. Однако, эту цифру нельзя считать за среднюю скорость движения этой кавалерийской дивизии в плане всего маневра в целом. Кавалерийская дивизия выполняла многочисленные задания, отклонявшие ее от основного направления. Крупные затруднения возникали в отношении снабжения кавалерийских дивизий. Примером может служить оригинальная система «наступления» французских кавалерийских корпусов в Марнском сражении: они на ночь возвращались назад с достигнутого рубежа, чтобы накормить и напоить коней. Вооружение кавалерии оказалось совершенно недостаточным. Бой кавалерийские части вели спешившись.

Таким образом, создание армии целиком из кавалерийских корпусов в 1914 г. на западно-европейском фронте не имело под собой реальной базы. Другой вопрос, что имевшиеся кавалерийские части не были использованы с полной целесообразностью.

и) Железные дороги

Стратегическое развертывание современных массовых армий стало возможным лишь благодаря наличию обильной железнодорожной сети. В какой мере железные дороги повлияли на повышение оперативной подвижности войск в течение маневренного периода войны?

Разрушения, сделанные на железных дорогах Бельгии и Франции отступающими союзниками, осуществлялись, главным образом, взрывом железнодорожных мостов и повреждением тоннелей. Однако, и эти разрушения были произведены далеко не всюду.

В особенности было важно для германского наступления, что линии Льеж—Ландан—Брюссель—Монс—Валансьен—Шольн—Руа и Шони, обеспечивающие питание правого германского крыла резервами и продовольствием, попали почти нетронутыми в руки немцев и очень быстро были использованы для движения. Уже 29 августа было налажено сквозное движение до Монс, 30 августа — на участке Валансьен — Камбре, 3 сентября — до Перони, 4-го — до Сен-Кантен и до Руа.

---

[1] 7-я кав. дивизия в 24 дня прошла 800 *км* — около 33 *км* в сутки. (M. v. Poseck, Die deutsche Kavallerie 1914 in Belgien und Frankreich, S. 141). 18 сентября 9-я и 2-я кав. дивизии при переброске на правый фланг делали всего 20—25 *км* в сутки. („Hat die deutsche Heereskavallerie im Weltkriege versagt", von Oberst a. D. Graf-Schack, „Deutsche Wehr", 1933, № 1).

Разрушения в центре были гораздо более основательными. 14 железнодорожных мостов через Маас были разрушены; мы уже знаем, какие трудности возникли у немцев при форсировании этой реки. К Марнской битве движение существовало лишь до Анор (Anor), Фюмей (Fumay) и Седана.

2-я армия в Марнской битве была отделена от конечной железнодорожной станции на 150 км.[1]. Переброски с левого германского фланга на правый могли производиться лишь кружным путем, через Бельгию.

Таким образом, состояние железнодорожной сети в тылу германского войска в дни наступления наиболее благоприятствовало продолжению маневра крайнего правого крыла. Но, само собой разумеется, ускорение движения этого крыла отсюда не получилось, так как наступающая вперед пехота двигалась на своих ногах.

Казалось бы, что при средней скорости движения пехоты около 20 км в сутки железные дороги, способные перебрасывать войска на 400 км в сутки, должны служить средством гигантского ускорения маневра. И это, конечно, верно, но лишь в том смысле, что железные дороги стали «стратегическим орудием высшего командования»[2], орудием выдающегося значения. Ж.-д. транспорт в громадной степени повысил стратегическую подвижность войск. Но по самой природе своей (прикованность к рельсовому пути, который разрушается отходящим противником) он не мог повысить оперативной подвижности их.

Эта роль железных дорог, по сообщению немецких источников[3], явилась одним из решающих моментов переработки Мольтке шлиффеновского плана. По словам тогдашнего начальника полевых железных дорог, «шлиффеновский план имел успех или терпел неудачу в зависимости от владения всего лишь одной линией». Мольтке чрезвычайно опасался за свои тыловые сообщения, которые французы могли перерезать раньше, чем будет достигнут успех охватывающего крыла. Мольтке тщательно изучал железнодорожную сеть Франции, расстояние Аахен — Париж и «время, которого требовало движение с востока на запад». Очевидно, он пришел к мало обнадеживающим выводам, если решился на усиление своего центра и левого крыла.

Уже в эту эпоху считалось доказанным, что армии могут наступать не дальше как на 100 км от конечных пунктов железно-

---

[1] 2-я армия получала во время Марнской битвы продовольствие в Фурми (Fourmies) на расстоянии 200 *км*, 3-я армия в Шимей (Chimay)—150 *км*, 4-я армия в Седане и Кариньян—111—120 *км*.

[2] «Kriegsführung und Eisenbahnen", von Major a. D. Dr. Kretzschmann, „Militär-Wochenblatt", 1935, № 39.

[3] „Schlieffen-Plan von 1905, Moltke-Pläne 1908 bis 1914 und Schlieffen-Plan 1912", von v. Mantey, Oberst a. D. („Militär-Wochenblatt", 1935, № 16).

дорожных путей. Быстрое восстановление железнодорожных путей являлось поэтому непременным условием для движения армий вперед.

В рассматриваемом периоде относительная роль железнодорожного транспорта сказалась в том, что для германской стороны даже эти незначительные разрушения все же послужили известной задержкой в переброске войск вдоль фронта, в то время как союзники пользовались вполне исправной железнодорожной сетью. Эта задержка явилась одной из причин потери темпа в германском наступлении.

к) Связь

Крупнейшим фактором, повлиявшим на быстроту развития германского наступления в 1914 г., явилась связь. Как мы уже знаем, связь отказала в Марнском сражении, и это явилось одной из главных причин неудачного хода сражения[1]. Проволочная связь существовала только между главной квартирой и 3-й и 7-й армиями, с 1-й и 2-й она отсутствовала. Как же создалось такое нелепое положение? Связь с главной квартирой должна была обеспечить каждая из армий, которая располагала 82 км кабеля и 64 км проволоки. Корпус имел 106—160 км кабеля; дивизия не имела его вовсе. При таких запасах было трудно обеспечить линии, длина которых доходила до 600 км[2]. Однако, осуществить такую задачу было возможно при использовании государственных проводов. Как ни странно, но эти последние уничтожались кавалерией, и лишь 29 августа 1-й армии был дан приказ, запрещавший уничтожать их[3]. Самым же главным препятствием для создания прямой телефонной связи между германским главным командованием и армиями правого крыла были непрерывные их передвижения. Только к ночи устанавливалось место пребывания штаба армии, и войска связи могли приступить к постройке новой линии. «Короче говоря, телефонная связь на этих проводах установлена не была». Телеграфными полевыми аппаратами штабы армий не располагали вовсе.

Оставалась радиосвязь. Каждая армия располагала двумя радиостанциями, но главная квартира имела всего лишь одну. В результате, когда, например, 1-я армия сообщила 30 августа в 10 ч. 30 м. вечера о своем повороте к Уазе, в главной квартире сообщение было получено лишь 31-го утром. Были и еще более длительные задержки.

---

[1] Oberst Jochim. „Die Operationen und rückwärtigen Verbindungen der deutschen 1 Armee in der Marneschlacht 1914“.

[2] „Verwendung von Nachrichtenmitteln im ersten Kriegsjahr“, von Oberst Fellgiebel, „Militär-Wochenblatt“, 1935. № 34.

[3] „Die Ursachen des Versagens der operativen Verbindungen“, von Oberst a. D. Bernay, „Deutsche Wehr“, 1932, № 11.

3. ТАКТИЧЕСКАЯ ПОДВИЖНОСТЬ АРМИЙ В 1914 г.

Противоречие между маневром, который оказался недостаточно быстрым и подвижным, и «фронтом», который стихийно возникал и закреплялся, явилось коренной причиной неудачи шлиффеновского плана. Характерную особенность «фронта» в германском наступлении мы видели в его инертности, в силе трения, которая мешала свободному развитию маневра. Инертность возникала уже в силу громоздкости наступающей массы. Но только ли в этом было дело? Существовала целая цепь причин, которая сначала замедляла движение наступающих масс, а затем приводила к полной стабилизации.

а) Колючая проволока

Нарушая все установленные традиции, мы начинаем разбор с этого прозаического объекта. Но разве не связываются именно с ним обычные представления о позиционной войне? Конец маневренного периода ознаменовался установлением сплошной линии полевых укреплений, протянувшейся от моря до швейцарской границы. Отныне все попытки маневра разбивались об эту стену. Не следует ли искать именно в колючей проволоке, в полевых укреплениях конечной причины, приведшей к окостенению маневра? Небольшая фактическая справка поможет несколько прояснить суть вопроса.

Как и во многом другом, германское военное руководство не озаботилось созданием специального запаса колючей проволоки. Повышенного требования на нее со стороны войск не предвиделось. «И в самом деле, в первые месяцы войны оно оказалось очень малым и могло быть легко покрыто немецкой проволочной индустрией» [1]. В августе и сентябре 1914 г. поставки колючей проволоки составили 365 т, в декабре они повысились до 5 330 т. Промышленность же без всякого напряжения могла изготовить 3 000—7 000 т. Но в 1915 г. картина начинает резко меняться. В июле 1915 г. было произведено в Германии 8 020 т колючей проволоки, и это лишь на 59% удовлетворило потребности армии; в октябре поставки составили 18 750 т — 86% потребности фронта.

Таким образом, лишь в течение 1915 г. происходило то оборудование полевых укреплений, которое придало позиционному фронту его характерный облик. В 1914 г., как нами неоднократно указывалось, полевые укрепления были еще относительно слабы: они не могли служить сколько-нибудь серьезной преградой против ударной массы, располагающей достаточными средствами подавления. Система окопов с проволочными заграждениями — характерный внешний при-

[1] „Fertigung und Verbrauch von Drahthindernissen während des Weltkrieges", „Deutsche Wehr", 1934, № 31.

знак позиционной войны — появлялась вслед за постепенным потуханием маневра и, конечно, не могла служить причиной его.

Очень важно уяснить себе это с самого начала. Позиционную войну нельзя понять, оставаясь в рамках чисто статического рассмотрения: она так же, как и маневренный период, требует динамического анализа. Нелепо думать в самом деле, что протянутая тонкая стальная преграда по всему протяжению театра военных действий могла свершить «чудо» перехода от маневра к стабилизации. Позиционный фронт держался не этой зыбкой преградой, которая всегда могла быть разрушена в том или ином пункте, а своеобразным равновесием сил воюющих сторон.

б) Лопата

Непредусмотрительность германского генерального штаба относительно колючей проволоки была не случайна; она в такой же мере распространялась и на вопрос оснащения пехоты шанцевым инструментом. Статья 339 германского «Наставления по обучению пехоты» упоминала о самоокапывании, как об исключении. «Пехота должна культивировать присущее ей стремление к наступательному продвижению; ее действия должны быть руководимы одной мыслью: вперед на врага во что бы то ни стало» (ст. 265). Пехотному батальону в составе 1 054 чел. полагалось иметь 20 топоров, 96 кирок, 16 ножниц для резания проволоки и 400 лопат. Приблизительно на каждого из двух бойцов приходилась одна лопата, которая была мало пригодна для рытья окопов (ручка была слишком мала). После первых боев каждый солдат стремился обзавестись своей лопатой, которую брали у убитых и раненых. Вскоре и офицеры шли в бой, имея при себе лопату.

Роль лопаты уже была показана на ряде примеров. Оказалось, что для наступления она столь же важна, как и при обороне. Это вытекало из того факта, что сравнительно элементарное прикрытие давало уже почти полную гарантию от поражения настильным пехотным огнем. Но даже и артиллерия из-за отсутствия у союзников орудий с крутой траекторией не могла вести точного прицельного огня по пехоте, укрывшейся в окопах. Временно окопавшись, пехота могла возобновить атаку в подходящий момент. По германским же довоенным уставам она должна была итти вперед с поднятой головой, что привело к кровавым гекатомбам без достижения успеха.

Один из участников войны [1] говорит, что при наступлении на Мюльгаузен бойцы, еще не бывавшие в бою, бросали прочь лопаты, чтобы

[1] „Die Erfahrungen und Wandlungen der taktischen Kampfsanschauungen im Kriegsjahr 1914", von general der Inf. a. D. Reinicke, „Militär-Wochenblatt" 1935, № 27.

облегчить свою ношу. Через несколько часов они уже руками подкапывали под собой землю, чтобы спастись от убийственного огня (аналогичные факты наблюдались и в Марнской битве). Когда после боя стали рыть окопы, то делали это как попало, без всякого плана, не думая о правильном размещении групп и резервов, о расчленении в глубину, о поле обстрела и т. д.

Тот же автор дает резкую, но, видимо, более близкую к действительности картину того, что представляли собой первоначальные полевые укрепления при переходе к позиционной войне. «Позиционная война поставила войска перед лицом чего-то совершенно нового. Переход к ней оказал деморализующее действие. Упадок духа и бесперспективность охватили всех». Уже в битвах на Шмен-де-Дам и у Ипра самовольный уход с фронта принял опасные масштабы. Беспорядочные приказы сверху об атаках вели к новым бессмысленным потерям, и в конце концов части стали отказываться их исполнять. Новые пополнения приводили в темноте прямо на фронт. Части блуждали, попадали под огонь и разбегались. Окопы рыли стихийно, в виде сплошного рва, в котором части скучивались в тесноте: из-за узости окопов и переполнения людьми было невозможно проходить по ним; здесь же бойцы спали без смены. Не было предусмотрено необходимого для отправления естественных надобностей. Защиты против огня и непогоды не было, не было искусственных препятствий (Hindernisse fehlten). Первые убежища представляли яму, покрытую парой досок с насыпанной сверху землей; понятно, что они предохраняли только от осколков. Окопов 2-й и 3-й линии и ходов сообщения не было. Атаки носили попрежнему беспорядочный и неорганизованный характер: прямо выпрыгивали из окопов и устремлялись к окопам противника, который, впрочем, применял такую же «тактику». Соседям не доверяли, и на флангах ставили искусственные препятствия, которые затрудняли взаимодействие частей в случае атаки. Окопы считали временной позицией и не заботились об их совершенствовании. Пулеметы и даже орудия прямо ставили в передовой линии на случай отражения атаки противника. Маскировка отсутствовала. Разноцветные мешки (с песком) давали противнику ясно очерченную линию для точной пристрелки.

Конечно, не везде картина была именно такой, но во всяком случае верно одно, что полевые укрепления позиционной войны возникли не в один день. Верно и то, что они сами по себе явились следствием целого ряда причин, а не возникли внезапно сами собой, предрешив фактом своего появления переход к позиционной войне. Одна из причин заключалась в частности в неподготовленности войск к оборонительным формам войны. Оказалось, что такая подготовка была необходима как раз для успеха маневра: без лопаты наступать в новых условиях было так же невозможно, как и без оружия.

в) Пулемет

«Не массовые армии явились причиной позиционной войны, а неправильная оценка действия пехотного огня. Если бы в мирное время имели совершенно ясное представление об этом действии, иначе организовали бы пехоту и дали бы ей вооружение, в котором она нуждалась, чтобы быстро и действительно преодолеть окопавшегося противника. Тогда обороняющийся не имел бы времени возвести сильно укрепленные позиции. Предпосылок для позиционной войны (время и возможность постройки позиций) не было бы налицо. Позиционная война в том масштабе, как это случилось в мировой войне, не возникла бы»[1].

В очень дельной, хотя и краткой статье немецкий автор довольно конкретно сформулировал причины возникновения позиционной войны. Фактор времени, которое требуется для возведения укрепленных позиций, не оставлен без внимания. Надо расчленить два понятия: во-первых, реальное действие огня в первых сражениях мировой войны, во-вторых, умение наступать в условиях, когда это действие оказывается налицо. В приведенной цитате в качестве причины позиционной войны указывается именно второй («неправильная оценка действия пехотного огня»), а не первый фактор. Такое расчленение совершенно необходимо, иначе возникает путаница.

Фуллеровская школа, бесспорно, имела крупную заслугу в том, что ею была показана и разъяснена роль пулемета в возникновении позиционной войны.

«Застой окопной войны был вызван в первую очередь изобретением американца Хирама Максима. Имя его резче запечатлелось в истории мировой войны, чем имя любого другого человека. Императоры, государственные мужи и генералы могли привести к войне, но закончить ее они были не в силах. Завязав войну, они оказались беспомощными марионетками в руках Хирама Максима. Своими пулеметами он парализовал мощь наступления»[2].

Говоря далее о специальной болезни, выразившейся в утверждении позиционных форм ведения войны, Лиддель-Гарт пишет: «Этой болезнью был полный паралич наступательного порыва, сломленного оборонительной мощью многочисленных пулеметов, и болезнь эта обострялась наличием проволочных заграждений»[3].

В приграничном сражении 22 августа, вокруг Вирмоп — Нефшато, французские «войска слепо ринулись в штыковой бой, а их косили пулеметы»[4].

---

[1] „Die Ursachen des Stellungskrieges“, von General d. Inf. a. D. Wöllwarth, „Deutsche Wehr“, 1934, № 18.

[2] Лиддель-Гарт, „Правда о войне 1914—1918 гг.“, стр. 206.

[3] Там же, стр. 208.

[4] Там же, стр. 52.

Все это кажется совершенно бесспорным, тем более, что свидетельства участников подтверждают, казалось, эту картину. Вот, например, свидетельство об атаке 1-й роты 94-го полка (42-я дивизия, 6-й французский корпус, 3-я армия) 22 августа:

«Внезапно, продвинувшись несколько сот метров от Виль-о-Монтуа (Ville au-Montois, южнее Лонгви), командир 1-й роты приказывает снять ранцы и устремляется со своей ротой в штыковую атаку. Результат был ужасающим: в несколько секунд капитан, два лейтенанта, адъютант, три четверти состава роты были скошены пулеметами, скрытыми позади снопов. Оставшиеся в живых бежали в беспорядке, увлекая за собой 2-й батальон» [1].

Как ни красочен этот пример, все же ударение в цитате из книги Лиддель-Гарта следует поставить на слове «слепо». Не только эта 1-я рота, а весь 6-й корпус в приграничном сражении слепо шел вперед, игнорируя самые элементарные правила разведки, мер охранения при подходе к противнику и т. д. В результате дивизии корпуса оказались внезапно вовлеченными в бой с тремя корпусами противника, разбросанными на фронте в 20 км, без связи между дивизиями и отдельными частями. Своя артиллерия не успела вступить в бой, не зная, где противник, и боясь бить по своим. Как ни стараются французские авторы показать высокие качества ген. Саррайля (командовавшего 6-м корпусом в приграничном сражении)—его самообладание, спокойствие и мужество в тяжелой обстановке,—данное сражение, где были нарушены элементарные тактические правила, не служит к увеличению славы генерала. Сваливать неудачу на пулеметы поэтому неправильно. Разгром в такой обстановке был бы неизбежен, скажем, и в условиях 1870—1871 гг. Но в данном случае мы не собираемся сосредоточить внимание на общих тактических вопросах, а хотим притти к определенному выводу в отношении пулеметов.

В начале войны пулеметы не имели того решающего значения, которое они приобрели в более поздние годы войны [2].

Этот факт уже был установлен при рассмотрении Марнской битвы. Дело в том, что пулеметов было еще слишком мало, и во многих случаях они просто не вводились в бой. И в германской, и во французской армиях их имелось по шести на полк. В германской армии они были сведены в пулеметную роту, которую стремились использовать как единое целое для ведения сосредоточенного огня, преимущественно фланкирующего. Кроме того, существовало 11 единиц или «отрядов сопровождения» (Abteilungen), в которых имелось по шести пулеметов, монтированных на повозках, подобных артиллерийским зарядным ящикам. В этой организации было нечто сходное с артиллерией: пулемет являлся не столько органическим оружием пехоты, сопровождающим

[1] „Le 6-e Corps d'Armée à la Bataille des Frontières (22 août 1914)", par le lieut.-colonel Thierry d'Argenlieu, „La Revue d'infanterie", Avril 1933, p. 530.

[2] Статья Wöllwarth'a.

ее во всех перипетиях боя, сколько специальным оружием для ведения внезапного массированного огня в особых случаях. Пехота должна была уметь наступать и обороняться и без пулеметов. Практически пулеметная рота часто удерживалась в резерве, выжидая удобного момента, и часто наступающая пехота была предоставлена своим собственным силам. Между тем, по германскому уставу наступление заключалось в «переносе огня вперед к противнику». По развертывании пехота, не стреляя, должна была подойти возможно ближе к противнику и открыть огонь по нему. Под прикрытием огня необходимо было подойти на дистанцию штыковой атаки, которая одна могла окончательно подавить противника. Германские уставы требовали «огневого превосходства» (Feuerüberlegenheit), но оно, очевидно, достигалось лишь пехотным огнем без обязательного ввода в действие артиллерии и пулеметов.

6 сентября 15-й рез. пех. полк (2-я гвард. рез. дивизия, 10-й рез. корпус), перейдя М. Морен, атаковал французов, занимавших позиции у дер. Шарлевиль (Charleville) и Ля-Вильнев (La Villneuve). Бой характеризовался хорошо уже известными нам явлениями. Германская пехота атаковала без артиллерийской поддержки, неся большие потери. Французская артиллерия, заняв заранее подготовленные позиции, вела столь «подавляющий огонь, что трудно представить себе» (сообщение лейт. Нетц, командира 8-й роты)[1]. Пулеметная рота находилась в резерве и в первоначальной атаке не участвовала. Только когда передовые линии вплотную придвинулись к указанным деревням, пулеметная рота вышла из своего укрытия и стала продвигаться вперед, но попала под артиллерийский огонь и снова отошла назад. Понадобилась посылка лейт. Бок (1 батальон), чтобы повести ее вперед на подмогу пехоте. Один пулеметный взвод был направлен к группе, атакующей Шарлевиль, два других—против Ля-Вильнев.

Пулеметная рота занимает случайные позиции, не зная, где собственно находится противник, которого она должна обстрелять. В данном случае действие пулеметного огня могло дать мизерные результаты, и вся тяжесть боя легла на плечи пехоты, не имеющей сильной огневой поддержки и терпящей огромные потери. К утру 7 сентября под огнем французской артиллерии она вынуждена была отступить. Совершенно очевидно, что шесть пулеметов на полк не могли явиться серьезной силой в боях, разбросанных на большом пространстве.

С французской стороны дело обстояло еще хуже. Официальный пехотный французский журнал[2] прямо утверждает «преимущество, которое имела в начале немецкая пехота, благодаря своему вооружению (armement portatif), отчасти потому, что это вооружение было более

[1] „Ein Angriff in der Marneschlacht". „Die deutsche Volkskraft", Beilage zur „Deutsche Wehr", 1933, № 17.

[2] См. „Note sur l'armement comparé de l'infanterie française et de l'infanterie allemande en 1914". „Revue de l'infanterie", Avril 1933.

полным и разнообразным, отчасти потому, что оно иногда лучше использовалось, чем у французской пехоты». Во французской армии в начале войны существовало одно отделение из двух пулеметов на каждый батальон. Подразделения были недавно созданы и различны по типу (пулеметные повозки, вьюки). Почти все пулеметы были модели Сен-Этьен (у немцев Максима), конструкция была слишком сложной и требовала искусных стрелков. Гочкисов было еще очень мало [1]. Тактическое использование было в еще большей степени, чем у немцев, несоответствующим природе оружия: отделение пулеметов должно было «следовать» за пехотой; никакой определенной маневренной задачи ему не ставилось.

Между прочим, у немцев до войны имелись уже разработанные модели минометов; наставления упоминали о ручных гранатах. Но ни те, ни другие на оснащение армии введены еще не были. Это также один из самых тяжелых просчетов германского генерального штаба и военного министерства!

Эта справка заставляет с чрезвычайной осторожностью подойти к суждениям о том, что пулемет явился причиной позиционной войны. Формулировка Лиддель-Гарта о «полном параличе наступательного порыва, сломленного оборонительной мощью многочисленных пулеметов», как будто бы повисает в воздухе, так как этих многочисленных пулеметов еще не было в то время, когда наступательный порыв был уже подорван.

г) Артиллерия

Армии 1914 г. не имели еще пулеметов в тех количествах, которых требует природа этого оружия, предназначенного для массового оснащения пехоты; не имели ОВ, противогазов, танков, авиации, бывшей в ту эпоху еще в младенческом состоянии, не имели минометов, ручных гранат и т. д. Но зато они имели первоклассную, прекрасно организованную и крепко натренированную артиллерию. Конечно, легко поразить воображение сопоставлением двух столбцов цифр, относящихся к артиллерии начала и конца войны. Но за этим сравнением нельзя забыть о бесспорных фактах. И с немецкой и с французской стороны артиллерия показала себя как зрелый род оружия, достойный тех трудных задач, перед лицом которых встали армии с началом военных действий. Именно потому, что артиллерия оказалась наиболее подготовленной к боевым действиям в условиях маневренной войны, наиболее развитой организационно и технически, она наложила неизгладимый отпечаток на первоначальные операции мировой войны.

[1] Между тем, в труде Новицкого, например, указывается (т. I, стр. 58) без всяких оговорок, что на вооружении французской армии в начале войны состоял пулемет Гочкиса.

Бесконечно длится спор, какая из двух—французская или германская артиллерия—показала свое превосходство в 1914 г. Спор затемнен часто ошибочными суждениями, приводимыми даже людьми, которых трудно подозревать в военной безграмотности. Некритическое восприятие некоторых фактов и эпизодов начальной стадии войны, поверхностный прием на веру цифр, отсутствие анализа — приводят к весьма упорным предрассудкам, с которыми, конечно, нельзя изучить природу первых сражений войны.

Один немецкий автор [1] приводит характерный пример такого предвзятого подхода со стороны французского ген. де-Кастелли, командовавшего 8-м французским арм. корпусом, в его книге «Le 8-e Corps en Lorraine 1914». В бою 16 августа 15-я дивизия, по сообщению генерала, в районе Фолькрингера (Саарская область, Рейн-Марнский канал) была обстреляна тяжелыми орудиями, стрелявшими будто бы на дистанцию 10—12 км. В действительности огонь велся полевыми пушками 77 калибра и легкими гаубицами с максимальной дистанции 7 800 м для первых и 7 000 м для вторых. Французская артиллерия оказалась неспособной бороться в этом бою с немецкой. Однако, как указывается в этой же статье, французская полевая пушка могла стрелять на 3 000 м дальше немецкой, в то время как немецкая легкая гаубица на 1 000 м по дальности превосходила французскую гаубицу Римайло; немецкая мортира превосходила ее же на 3 500 м (максимальная дальность мортиры 9,7 км). Не могло быть и речи о стрельбе немецкой артиллерии на 10—12 км.

Ген.-лейт. Маркс уточняет и эти цифры [2]: французская полевая пушка шрапнелью стреляла до 8 450 м, гранатой—только до 7 500 м, немецкая — шрапнелью и гранатой до 7 825 м. Французский ген. Эрр [3] указывает, что ствол 75-мм пушки мог дать при соответствующем угле возвышения дальность свыше 8 000 м, но лафет и прицельные приспособления были рассчитаны для дальности не свыше 6 500 м. Эрр видит основное преимущество германской артиллерии в наличии легких и тяжелых полевых гаубиц (дальность гаубицы 6 400 м) [4].

Приведем, наконец, данные, сообщенные в самое последнее время немецкой печатью [5]. Для полевой немецкой пушки F. K. 96 n. A. (Feldkanone 96 neuer Art — полевая пушка 1896 г. нового типа) таблица

---

[1] „Artillerie im Nachhutgefecht“, von Generalmajor a. D. Friedrich-Franz Feeser, „Militär-Wochenblatt“, 1934, № 42.

[2] „Die überlegene Schussweite der französischen Feldartillerie 1914“, von General-leutenant Marx, „Militär-Wochenblatt“, 1932, № 32.

[3] Эрр, Артиллерия в прошлом, настоящем и будущем.—Мы отсылаем читателя к этой книге, не повторяя здесь данных о численности и составе артиллерии той и другой стороны в 1914 г.

[4] В труде Новицкого для французской полевой пушки предельная дальность дается в 8 500 м, для немецкой—8 000 м.

[5] „Schussweiten neuzeitlicher Geschütze“, von General-leutenant a. D. Botzheim, „Wehrtechnische Monatshefte“, 1935, № 5.

стрельбы была составлена только до дистанции в 7 000 м. На основании расчетов предельная дальность была определена в 8 400 м, фактически она составляла 7 800 м при начальной скорости в 465 м. Для французской полевой пушки 1897 г. при начальной скорости в 550 м дальность могла быть достигнута в 9 000 м. Но лафет допускал угол возвышения до 15° (немецкая) и 18° (французская), что соответствовало дальности полета в 5 500 м и 7 500 м; на это же расстояние были рассчитаны и прицельные приспособления. Для стрельбы на бо́льшие дистанции необходимо было зарывать хобот лафета, и возвышение придавать при помощи дополнительных приспособлений. Наилучшее действие шрапнели в глубину для французской пушки приходилось на 3 000—4 000 м — главные боевые дистанции той эпохи. Шрапнельная дистанционная трубка была рассчитана до 5 000 м (Германия) и 5 500 м (Франция) (указанная выше дальность для стрельбы шрапнелью — 8 450 м, с применением взрывателя). Дальность немецкой гаубицы l. F. H. 98/09 (leichte Feldhaubitze 98/09— легкая полевая гаубица 98/09) составляла 6 300 м.

Германская тяжелая артиллерия имела зато бесспорное преимущество в дальности и могуществе огня. Для 15-см s. F. H. 02 (schwere Feldhaubitze 1902 г. — тяжелая полевая гаубица 1902 г.) дальность составляла 7 500 м и для 21-см мортиры—9 200 м.

д) Артиллерия—наступательное или оборонительное оружие?

Известный немецкий военный писатель Дэникер в одной из статей недавно высказал мнение [1], что с начала войны 1914 г. резко обозначилось намечавшееся уже раньше разграничение оборонительного и наступательного вооружения. Оказалось именно, что пулемет является оружием чисто оборонительного свойства, а артиллерия — наступательного. Метафизичность определения и в данном случае приводит к искажению подлинных соотношений. Пулемет в мировой войне служил, главным образом (не всецело), оборонительным целям, но когда его покрыли броней и привели в движение мотором (танк), когда его, с другой стороны, поставили на самолет, когда появились, наконец, новые типы легких пулеметов, пулемет стал также оружием и наступательного типа. Что касается артиллерии 1914 г., то она воспитывалась до войны в духе ярко наступательной, маневренной доктрины. Но оказалось, что первоначально именно артиллерия (не пулемет, который еще не господствовал на поле сражения) послужила одним из важнейших факторов, приведших к позиционной войне. Как и почему это вышло? Необходимо здесь сформулировать следующее

[1] „Neuzeitliche Waffenentwicklung und Problem der Tankabwehr", von Major a. D. Däniker, „Wehrtechnische Monatshefte", 1935, № 4.

основное положение, касающееся действий артиллерии в первоначальный период войны.

1. Артиллерия в начале мировой войны показала огромную мощь в обороне, в стрельбе по атакующей пехоте с подготовленных и в особенности закрытых позиций. Она сделала почти невозможным продвижение пехоты по открытому полю и крайне затруднила атаку даже по пересеченной местности. Здесь артиллерия действительно показала значение возросших количеств орудий, могущества огня и пр.

2. Артиллерия почти полностью отказала как оружие поддержки своей пехоты в наступлении, в атаке. Этим мы вовсе не хотим сказать, что артиллерия превратилась из наступательного оружия в оборонительное. Подобные схематические разграничения должны быть отвергнуты. В данном случае лишь констатируется факт, относящийся к определенной эпохе. Хотя приведенный тезис имеет достаточное обоснование в описании Марнской битвы, полезно привести еще несколько примеров.

е) 61-й пех. полк (французский) в Лотарингской битве (август 1914 г.)[1]

61-й пех. полк (15-й корпус, 30-я див., 60-я бригада) участвовал в битве, которую 2-я французская армия вела между 15—20 августа в Лотарингии с 6-й германской армией. 2-я армия наступала с 14 августа в общем направлении на Саарбрюкен. Немцы отступали на восток. 18 августа 61-й полк вышел в район Дьеза (Dieuze), который был эвакуирован противником. На следующий день при продолжении движения на северо-восток полк наткнулся на сопротивление противника, который со своих оборонительных позиций ведет хорошо пристрелянный артиллерийский и пулеметный огонь. Пехота залегла среди открытого поля. «Нельзя составить себе точного представления о подавляющем действии, которое оказывали бомбардировки первых дней кампании на еще не обстрелянные войска. Вообразите себе тысячу человек, которые лежат в открытом поле, в густых соединениях, получая между 11½—18 час. залпы снарядов и имея единственное прикрытие в своем шанцевом инструменте и в нескольких хлебных снопах». Пулеметы не вводятся в действие: «Это новое оружие, мощности и способов употребления которого многие офицеры не подозревали и которое находилось часто в руках командиров, недостаточно обученных его использованию, сплошь и рядом в начале войны оставлялось позади с обозами». Никакой связи с артиллерией не было. Было неизвестно, где могла находиться дивизионная артиллерия, ко-

---

[1] „Le 61-e régiment d'infanterie à la bataille de Lorraine (août 1914)", par le lieut.-colonel Guigues, „La Revue d'infant.", Mai, Juin, Août 1932.

торая молчала в течение всего дня. На ночь 61-й полк располагается в местечке Вергавиль (юго-восточнее Дьез); никаких мер к укреплению его на случай внезапной атаки противника не принимается: «наступательная идея исключала задачу укрепления местности».

Утром 20 августа полк вновь выступает из Вергавиль навстречу противнику. Несмотря на урок, полученный накануне, движение происходит в маршевой колонне. Снова густые и хорошо нацеленные артиллерийские залпы обрушиваются на нее. 77-мм снаряды перемешаны со снарядами более крупных калибров, разрывы которых устрашающи. Подразделения, застигнутые огнем врасплох, колеблются, потом все ложатся, вновь пытаются подняться и снова прикованы к земле. Когда наступает пауза, вскакивает полковник, с ним командиры батальонов и другие офицеры с криком «вперед, вперед»; части бросаются вслед за ними. Это движение немедленно же было взято под сильный обстрел артиллерии и пулеметов противника и остановлено.

Неудачная попытка только ухудшает положение. Части понесли очень серьезные потери. В 3-м батальоне командир батальона и командир роты ранены, командир 2-й роты убит, значительное число унтер-офицеров также выбито. Некоторые роты пытаются найти укрытие, но поблизости, кроме небольших складок местности, ничего подходящего нет. Залпы следуют один за другим. Трубы играют снова атаку. Залегшие линии поднимаются и идут вперед. Встреченный огнем противника 61-й полк вновь пригвожден к земле, а затем вынужден отступить. В 9-й роте при попытке продвинуться вперед все 4-е отделение выбыло из строя. Остановившиеся группы также жестоко пострадали, и офицеры с револьверами в руках удерживают бегущих назад.

С крупными потерями, под непрерывным обстрелом со стороны противника, полк отходит под защиту небольшой возвышенности восточнее Вергавиль. Пулеметов и артиллерии попрежнему нет.

«Оказывается, что с утра французская артиллерия начисто подавлена германской: она не может открыть огонь без того, чтобы не быть сбитой орудиями большего калибра, чем 75-мм. Где находится она? Никакой эффективной связи с ней не существует, но если бы и было приказано такую связь наладить, ни один офицер не имеет понятия о ней».

Под напором противника французские части откатываются к границе и дальше под прикрытие крепостей.

Очень характерный для той эпохи пример. Можно ли из него сделать вывод, что французская артиллерия была плоха? Нельзя, так как вскоре же в Марнской битве сказалась ее огромная сила, и именно ее превосходной работе французское войско обязано во многом победе. Артиллерия в данном случае попросту отсутствовала. Как и почему это случилось? Надо учесть обстановку этих первых сражений. Войска

всецело были пропитаны навыками мирных маневренных учений, где все внимание сосредоточивалось на движениях и где другой фактор маневра — огонь — имел чисто условное обозначение. Из всего своего теоретического багажа командиры в пылу боя удержали прочно в головах лишь одну идею: наступление во что бы то ни стало.

«Это было непризнание могущества огня и специально роли и могущества артиллерии, огневого оружия по преимуществу»[1].

Такое непризнание могущества артиллерийского огня наблюдалось с обеих сторон. Французский ген. Гаскуэн в своей книге[2] раскрывает эту «грубую и упрощенную тактику» начального периода войны, приведшую французские армии к поражению в приграничном сражении. Полностью недооценивалось значение борьбы с артиллерией противника, важность стрельбы с крутой траекторией и с больших дистанций. Зачем беспокоиться об артиллерии противника, если пехота, которую ничто не сможет удержать, будет продвигаться вперед? Неприятельские орудия вынуждены будут поспешно уходить. Задача артиллерии — обеспечить атаку пехоты, а для этого не требуется дальности огня выше некоторого предела. Если противник укрепится в окопах, то стрельба дистанционными снарядами 75-мм пушки достаточна, чтобы не дать возможности неприятельской пехоте вести огонь по наступающим. В результате французская артиллерия вышла на войну по сути дела с единственным, правда, превосходным образцом — 75-мм полевой пушкой.

Ген. Гаскуэн приводит ряд примеров удачного применения французской артиллерии даже и в приграничном сражении. Например, 25 августа артиллерия 56-й дивизии в сражении у Этен (Étain) обратила вспять пехоту 33-й германской дивизии, отступавшей к Мецу. 75-мм французская батарея из четырех орудий была более гибкой и маневренной, чем 77-мм германская из шести орудий. Гаскуэн стремится доказать, что шрапнельный и фугасный снаряд 75-мм пушки далеко превосходили таковые 77-мм. Стрельба гранатой рикошетом (à ricochet), с максимальным использованием разрывного действия, производила потрясающий эффект, останавливая наступление германской пехоты.

Все это правильно, но вывод можно сделать лишь тот, что с обеих сторон использование артиллерии оставляло желать много лучшего.

24 августа французское главное командование обратилось ко всем армиям со следующим указанием:

«Из данных, полученных в боях, которые велись до сего времени, следует, что атаки не велись на основе тесной связи пехоты с артиллерией (une combinaison intime de l'infanterie et de l'artillerie). Для овладения опорным пунктом необходимо подготовлять атаку артиллерийским огнем (préparer l'attaque avec l'artillerie), удерживать

---

[1] „Le triomphe de l'idée", par le lieut.-colonel d'art. A. Pot, „Revue d'artillerie", Fevrier 1932.

[2] „Le triomphe de l'idée 1914", par le général F. Gascouin.

пехоту, которая должна бросаться в атаку (lancer à l'assaut) лишь с дистанции, с которой возможно достичь цели. Всякий раз, когда пехоту направляли в атаку слишком издалека, раньше чем противник почувствовал действие артиллерии, пехота попадала под огонь пулеметов и несла потери, которых можно было бы избежать. Как только опорный пункт захвачен, необходимо его немедленно укрепить, окопаться, привести туда артиллерию».

Таков урок приграничного сражения. Мы уже знаем, что в Марнском сражении он был усвоен французами.

ж) Причины перехода преимущества в использовании артиллерии на сторону французов (приграничное сражение и Марнская битва)

Несмотря на колебания в отдельных случаях, в целом преимущество в приграничном сражении осталось на стороне германской артиллерии, а в Марнской битве — на стороне французской.

Чем это объяснить?

В приграничном сражении сказалось прежде всего количественное превосходство германской артиллерии По данным Эрра, в августе 1914 г. немцы имели всего 5 500 полевых орудий, из них около ¼—105-мм гаубиц и 2 000 тяжелых орудий; французы—3 840 75-мм орудий и 308 полевых тяжелых орудий. Германский корпус имел 144 орудия див. артиллерии и 16 тяжелых орудий—корпусной; французский—72 орудия див. артиллерии и 48 орудий корпусной—все 75-мм калибра. Как уже было сказано, германская див. артиллерия имела в своем составе легкие гаубицы. Всего германский корпус располагал 24 легкими и 12—16 тяжелыми гаубицами.

Разумеется, это преимущество германской артиллерии было известно французам, которые, однако, считали, что «меньшее число орудий можно выравнять большей скорострельностью» [1]. Приграничное сражение показало всю беспочвенность такого взгляда и выявило значение численного превосходства и подавляющего могущества огня германской артиллерии.

Но тем более непонятным является крутой поворот, происшедший в Марнской битве. Куда же девалось это превосходство германской артиллерии в численности и мощности?

Разгадку этого факта лучше всего формулирует немецкий автор [2].

«До войны в обучении придавалось решающее значение из тактических оснований тому, чтобы научить артиллериста стрельбой быстро и уверенно подавлять всякую цель, которая попадает в круг наблюде-

---

[1] „Artillerieaufstellung“ und Munitionsverbrauch im Kriege 1914—1918“, von Oberstleutenant a. D. Dr Friedrich Stuhlmann.

[2] „Artilleristische Schiessgrundlagen“, von Kremmler (участник мировой войны, командир батальона пешей артиллерии), „Wehrtechnische Monatshefte“, Juni 1935.

ния. Поскольку в начале войны можно было еще видеть цели с какого-либо наблюдательного пункта, стрельба велась с наилучшим успехом. Когда же французская артиллерия после первых боев познакомилась с сокрушительным действием нашей превосходящей в численности и скорострельности тяжелой артиллерии, она исчезла из поля зрения нашего наблюдателя. Тем самым подавление неприятельских батарей, от которых как раз исходила наибольшая угроза нашей пехоте, оказалось под вопросом. Поэтому пространства, на которых предполагалось присутствие неприятельской артиллерии, наши батареи были вынуждены систематически обстреливать по карте с израсходованием больших количеств боеприпасов. Уже через 2 месяца войны эта стрельба по карте ((Planschiessen) была ограничена случаями крайней необходимости, так как боеприпасов не было больше налицо».

Ген. Гаскуэн в уже цитированной нами работе пишет:

«В Германии господствовала тогда (до войны) ложная идея слабого закрытия (défilement) батарей,—идея, дорогая кайзеру и мотивированная боязнью создать вредное впечатление у пехоты, что артиллерия страшится огня пушек противника. Это преувеличенное опасение стало роковым для тех батарей, которые становились впереди возвышенности и закрытия, следовательно, в виду нашей артиллерии; они были быстро уничтожены».

Гаскуэн утверждает, что французская артиллерия в большей степени была обучена стрельбе из-за закрытий, что квалификация французского артиллериста была выше. Это подтверждается в некоторой степени и немецкими источниками. Известный немецкий артиллерист ген.-лейт. (ныне в отставке) Маркс сообщает [1], что уже до войны у французов существовало разделение между группами «contre-batteries» (для борьбы с артиллерией) и «batteries d'infanterie» (поддержки пехоты). У немцев, напротив, считался необходимым массовый ввод всех наличных артиллерийских средств в бой для достижения скорейшего эффекта. Борьбе с артиллерией противника не придавалось должного значения. В начале войны эти различия в тактике артиллерии обеих сторон, если они и существовали, не получили серьезного значения: «Подавление или даже только ослабление действительно укрыто стоящей артиллерии (противника) не удалось ни той, ни другой стороне». Французская артиллерия в приграничном сражении часто стреляла с открытых позиций. С другой стороны, неправильно считать, что германская артиллерия пренебрегала вовсе стрельбой с закрытых позиций и их маскировкой в самом начале войны.

Тот же Маркс приводит в своих «Артиллерийских воспоминаниях» [2] очень характерный пример того, как велась стрельба германской ар-

[1] „Erfahrungen über die Verwendung der Artillerie im ersten Kriegsjahr", von General-leutenant a. D. Marx, „Militär-Wochenblatt", 1935, № 28.

[2] „Friedensausbildung—Kriegserfahrung", von Generalleutenant a. D. Marx, „Wehr und Waffen", 1935, № 1—2.

тиллерией в приграничном сражении, в сражении у Нульон-Пон (Nouillon-Pont; вблизи Spincourt на реке Отен—Othain). Батарея, которой командовал Маркс, произвела в день сражения, 24 августа 1914 г., около 800 выстрелов прямой наводкой, без всякого применения уровня. Маркс откровенно указывает, что германские артиллерийские офицеры в начале войны почти всецело применяли этот наиболее простой способ стрельбы путем непосредственного наблюдения цели. Однако, позиция была выбрана с большим искусством—в лесу, с маскировкой дула орудий таким образом, чтобы французская артиллерия ни по блеску, ни по дыму не могла определить местонахождения батареи. Результаты стрельбы этой и рядом расположенных батарей были весьма успешны. По свидетельству Маркса, наступающая французская пехота была сокрушена и выбита из упомянутого местечка, а французские батареи, выдвинутые на открытые позиции, были вынуждены отступить.

В приграничном сражении французская пехота слепо, без всякой разведки, очертя голову ринулась вперед. Артиллерия оказалась неспособной поддержать ее в наступлении, хотя в некоторых пунктах сражения она даже преобладала в численном отношении над германской артиллерией. Пять корпусов 4-й французской армии, вступивших в бой 22 августа, располагали всего 600 орудиями. Из них приняли участие около 400. Большая часть полков корпусной артиллерии не смогла развернуться из-за отсутствия подходящих позиций и наблюдательных пунктов (бой происходил в лесном районе). Так, например, 28-й арт. полк 11-го корпуса и 52-й арт. полк 12-го корпуса не сделали ни одного выстрела. Немцы, участвовавшие в бою против 4-й армии, имели 400 орудий, но зато полностью пустили их в ход. У Россиньоль 57-й арт. полк 12-й дивизии сделал 5 353 выстрела [1].

Вот еще характерный пример, как достигалось преимущество германской артиллерии над французской в приграничном сражении:

«Атака 5-го корпуса (3-я армия) должна была начаться в 5 час. 22 августа. По причине тумана не было произведено никакой арт. подготовки против позиции, на которой 13-й германский корпус, поднятый по тревоге еще с 18 час. вчерашнего дня, имел возможность обосноваться; разведки произведено не было. Пехота неожиданно натыкается на эту позицию; встреченная огнем в упор, который причиняет ей значительные потери, она начинает отступать с 7 ч. 30 м. Когда туман рассеивается, дивизионная артиллерия, застигнутая врасплох на открытой местности, быстро подавляется тяжелой артиллерией 13-го корпуса. В 11 час. весь 5-й корпус отходит на плато Теланкур (Tellancourt)» (La bataille des frontières, par le colonel E. Valarché).

---

[1] „Du rôle joué par le terrain à la bataille des Ardennes", par le lieut.-col. Pugens, „Revue Mil. Franç." Septembre 1931.

В Марнской битве до некоторой степени повторилась та же картина, но в обратном порядке. Как мы уже знаем, французское командование трезво учло суровые уроки и избегало бросать пехоту против артиллерии противника, предпочитая в таких случаях выжидать и предоставлять слово огню своей артиллерии. Эта последняя также быстро учла свои ошибки в начале кампании и быстро перестроилась, причем отмеченное выше преимущество в обученности французских артиллеристов, очевидно, сказалось.

В описании Марнской битвы[1] была уже отмечена искусная работа артиллерии 6-го французского корпуса, находившегося на правом фланге 3-й армии; этому корпусу противостоял 16-й германский корпус, а также 13-й корпус. Действиями артиллерии руководил крупнейший французский артиллерист ген. Эрр (Herr)[2]. 8 сентября 6 дивизионов 75-мм пушек и 2 дивизиона 120-мм вели разрушительный обстрел неприятельских батарей в районе Сомен (Sommaisne), местоположение которых было определено при помощи двух самолетов, корректировавших стрельбу. 9-го к вечеру артиллерия корпуса покинула свои позиции на линии Рамберкур-о-По (Rembercourt aux Pots) — Эриз-ла-Птит (Erize la Petite) и отошла на ночлег в тыл. Ночью разразилась германская атака; немцы захватили Ля-Во-Мари (La Vaux Marie) и окрестные высоты. Ген. Эрр при свете фонаря диктует приказ. Артиллерия должна занять позиции западнее Эриз-ля-Гранд (Erize la Grande) и установить огневую завесу вдоль дороги Рамберкур — Эриз-ля-Птит, чтобы преградить путь германской пехоте. Ночью артиллерия занимает свои позиции, и с рассветом 18 батарей открывают огонь. Германская пехота скована и не может подняться. Германская артиллерия вначале молчит, но затем открывает огонь, который причиняет потери французским батареям. Однако, «в 10 час. утра генерал, начальник артиллерии корпуса, получает в свое распоряжение самолет, и часть корпусной артиллерии становится на контрбатарейный огонь. Германские батареи засечены и взяты на прицел». Однако, лощины северо-восточнее Ля-Во-Мари не могли быть обстреляны действительным огнем ввиду отсутствия гаубиц.

Маркс со своей батареей находился в районе Во-Сен-Мари и пишет следующее о стрельбе французской артиллерии[3]: «Огонь технически велся превосходно. Вполне ясно сказалось, какое преимущество получили французы благодаря тому, что еще в начале века они перешли к применению непрямой наводки, лимба с делениями и т. д.». Тактически, однако, в стрельбе имелись крупные пробелы. Сплошь и рядом обстреливались незанятые отрезки местности. Германская артиллерия

---

[1] См. главу пятую.

[2] „Du groupement à la batterie dans la bataille de 1914", par le lieut.-col. de Mazenod, „Revue d'artillerie", Octobre 1932.

[3] В упомянутой статье.

жестоко страдала в тех случаях, когда огонь велся с открытых позиций. «Наш дивизион гаубиц, который был придан 13-му корпусу, вел без потерь действительный огонь с закрытой позиции».

Опередив несколько противника в использовании уроков войны, французская артиллерия смогла блестяще выполнить свою задачу в Марнской битве. Но не забудем, что эта задача была оборонительного порядка. Французская артиллерия смогла остановить наступление германской пехоты, но не больше. Сверх того нельзя преувеличивать размера полученного ею преимущества. Часть французских батарей вела огонь с открытых позиций, а с другой стороны, и противник усваивал новый опыт. На р. Эн обе стороны нейтрализовали друг друга.

Приведем в заключение оценку артиллерии в Марнской битве, которая дается в официальном французском труде [1]:

«75-мм пушка — один из победителей в битве. Обслуживаемая отборным и хорошо укомплектованным составом, она полностью превзошла полевую артиллерию противника, благодаря точности и быстроте своей стрельбы, действительности ее снарядов против людского состава, благодаря своей силе и подвижности. Дивизионы и батареи смело вводились в дело, выставлялись вперед, иногда чересчур. Поддержка, оказываемая пехоте, была почти постоянной и действительной; не раз огонь артиллерии подавлял германские атаки и порождал доверие в измученных пехотинцах».

В части поддержки пехоты артиллерией изложение приукрашено. Союзники продвигались вперед лишь там, где не было германской артиллерии. Там, где последняя преграждала дорогу своим огнем (на р. Урк, например), атака останавливалась. С своей стороны французская артиллерия остановила наступление германской пехоты, ведя огонь с заранее подготовленных укрытых позиций, которые остались недоступными обстрелу германских тяжелых орудий.

з) На пороге позиционной войны

20 сентября 1914 г. 27-й рез. пех. полк (германский) принял участие в общей атаке французских позиций на р. Эн в составе 1-й германской армии [2]. Правее наступал 71-й, левее 72-й рез. пех. полки. Полк получил задание со своих позиций юго-западнее Нуврон (Nouvron) атаковать французские окопы и выйти на р. Эн между Ле-Пор (Le Port) и Футенуа (Foutenoy); фронт атаки около 1 200 м. Первоначально атака протекала успешно, частям 27-го рез. полка удалось перейти окопы противника и выйти к окраине указанных объектов.

---

[1] Les A. F. I[3], 1324.

[2] „Geschichte des Res. Inf. Regts 27“, bearbeitet von Oberstleutenant Reinhold Dahlmann. Abschnitt „Ein heisser Tag“.

Вслед за тем французы перешли в контратаку, отбросив немцев назад, на исходные позиции. Нас интересуют действия артиллерии и пулеметов в этом бою. Повторяется старая картина.

Атаке предшествовал артиллерийский обстрел позиций противника, после чего пехота пошла в наступление; штыковым ударом французы были выбиты из окопов. Но дальше все зависело от поддержки артиллерии. Для сопровождения атаки была назначена 4-я батарея 74-го арт. полка (4-й корпус). Один арт. взвод промчался вперед и обстрелял Ле-Пор, вызвав пожары. Другие орудия также пытались обстрелять важные цели, экономя снаряды. Большая часть орудий была вынуждена к молчанию, так как недостаток боеприпасов требовал крайней бережливости.

Участники боя сообщают следующее о моменте остановки наступления:

«Пулеметы противника так пристрелялись, что люди падают один за другим. Прикрытие снесено, подкрепления возвращаются под шрапнельным огнем назад, наша артиллерия молчит».

Пулеметные роты с германской стороны употреблялись в этом бою, как и раньше, следуя позади пехоты. Далеко не всегда они находили подходящие позиции и объекты для стрельбы, тогда как артиллерийский огонь противника вырывал жертвы так же беспощадно, как и у наступающей пехоты. Потери были велики. Полк потерял в один день 4 убитых офицеров, 8 раненых, 3 без вести пропавших; из остального состава 35 убитых, раненых 186, без вести пропавших 440. Часть попала в плен при отступлении. Рейхсархив [1], указав на «невосстановимые потери в офицерах и в людях», так констатирует общий итог сражения на р. Эн: «Фронтальное наступление на подготовившегося к обороне противника с имевшимися в то время средствами оказалось невозможным. Это признание должно было привести к глубоким последствиям».

и) Могла ли пехота наступать в 1914 г.?

Казалось бы, слишком много примеров приведено нами, чтобы сразу же ответить отрицательно на этот вопрос. Тем не менее такой вывод неверен и противоречит фактам. Пехота могла не только наступать, но и одерживать победы. Когда поэтому из уроков 1914 г. делают слишком схематичные и общие выводы, этим явно искажают историческую перспективу.

«Еще при Сен-Прива гвардия могла наступать без артиллерийской поддержки; хотя потери были и очень тяжелы, атака все же удавалась. Повторение такой попытки в начале мировой войны приводило

---

[1] „Der Weltkrieg", V, S. 73.

к неудачам или к ужасающим кровавым жертвам. Вскоре пришли к необходимости помогать пехоте артиллерией и тяжелым пехотным оружием»[1].

Пехота и артиллерия — во взаимоотношении этих двух важнейших родов оружия 1914 г.—ищут разгадки всех тайн начального периода войны. «Здоровая тактика основана на правильном использовании действия оружия пехоты и артиллерии»[2]. Такой тактики в 1914 г. не было, — в этом видят основную причину неудачи пехотных атак в 1914 г.

Германская пехота 1914 г. шла в атаку с промежутками в два шага от человека к человеку, не ожидая артиллерийской поддержки и во многих случаях без достаточной боевой разведки. Ее стрелковые линии сосредоточивались в 300—400 м от противника и начинали вести пехотный огневой бой.

Тактика германской пехоты в 1914 г. мало чем отличалась от тактики 1870—1871 гг., хотя устав и указывал, что задача наступления—«перенос огня вперед к противнику, в случае необходимости, на ближайшее расстояние», и считал предпосылкой успеха атаки огневое преимущество над противником; однако, под «огнем» явным образом понимался пехотный огонь; притом не пулеметный, как было уже сказано. Наступали плотными колоннами, боясь, что в решительный момент впереди не окажется достаточных сил. Подготовка атаки, поддержка пехоты со стороны артиллерии, как правило, отсутствовали. При всей доброй воле артиллерия не могла помочь атакующей пехоте, так как не знала расположения передовых линий. Установленные уставом условные обозначения последних были не видны, телефонная связь или отсутствовала или действовала плохо. Батарее оставалось лишь смело выдвигаться вперед на открытые позиции, что и практиковалось часто, но этим она обрекала себя сплошь и рядом на гибель.

Пехотные командиры не умели даже в более поздние периоды правильно использовать приданную им артиллерию. Характерные примеры дает немецкий автор[3] в отношении периода — октябрь 1914 г. 25 октября 1-му баварскому пех. полку был придан 1-й дивизион 9-го баварского арт. полка. Наступая западнее Домпьер (Dompierre, западнее Перонн—Péronne), полк наткнулся на противника у местечка Шюинь (Chuigne). Командир 1-го батальона пех. полка приказал пулеметной роте и одной батарее выдвинуться вперед на открытую позицию; здесь батарея подверглась разгрому со стороны неприятельской артиллерии. Между тем, для двух других батарей командир ди-

---

[1] „Ist der frontale Infanterieangriff noch durchführbar?“, von Wim Brandt, „Militär-Wochenblatt“, 1935, № 39.

[2] „Die deutsche Feldartillerie im Weltkriege“, von Major v. Rost, „Militär-Wochenblatt“, 1935, № 47.

[3] „Gefahren der Begleitartillerie“, von Major a. D. Deuringer, „Militär-Wochenblatt“, 1933, № 25.

визиона выбрал закрытые позиции, откуда они вели огонь, будучи невидимыми противнику.

В этом и многих других случаях пех. командиры считали, что артиллерия должна нести жертвы, так же как и пехота, безоглядно выдвигаясь вперед. Резонно автор замечает, что при этом забывалась невозможность для артиллерии, подобно пехоте, зарыться в землю или использовать самое незначительное препятствие; на открытой позиции батарея — слишком хорошо видимая цель, чтобы избежать наблюдения артиллерии противника. «Пехота — оружие ближнего боя, артиллерия же—дальнобойное оружие». Вместо того, чтобы лишь поставить задачу приданной артиллерии, предоставив артиллерийским начальникам изыскание способов ее выполнения, пехотные командиры отдавали непосредственно приказы батареям.

Это лишь один из многочисленных примеров несогласованности действий, отсутствия связи между пехотой и артиллерией в 1914 г. Из них никак не следует, что сама по себе артиллерия была плоха. Напротив, во многих случаях она действовала превосходно, примеров чего приведено уже достаточно. Точно так же неверно давать отрицательную оценку и пехоты 1914 г., в чем можно убедиться на примере Марнской битвы. Но гармонии между двумя этими мощными боевыми факторами начальной стадии войны не было. Было ли это решающим моментом в сложной цепи событий 1914 г.? Нет, это был лишь один, правда, чрезвычайно важный, момент. Правильный вывод состоит в том, что, лишенная огневой поддержки в атаке, наступающая пехота в 1914 г. не имела успеха там, где ей противостоял заранее организованный и достаточно мощный огонь артиллерии противника, ведущей стрельбу с закрытой позиции. Но такие укрепленные позиции встречались пехотой далеко не всюду; для их подготовки требовались время и средства; средств же в эту эпоху было еще недостаточно, чтобы сорганизовать более или менее мощную оборону на всем пространстве, где наступали германские армии. Вот почему в 1914 г. наступление пехотных масс еще имело шансы на успех. Правда, эти шансы были ограничены, и требовалось огромное напряжение как оперативного, так и тактического порядка, чтобы во-время использовать их.

к) Вела ли артиллерия в 1914 г. неизбежно к позиционной войне

Такой вывод напрашивается из всего предыдущего изложения, и он делается многими исследователями [1]. Артиллерия не была способна

[1] Например: „Позиционная война должна была возникнуть как результат возросшего действия оружия, которое со своей стороны коренится в быстрых успехах техники вооружения и означает час рождения материальных сражений" („Bewegungskrieg-Stellungskrieg", „Militär-Wochenblatt", 1933, № 32). Типично механистическое умозаключение, страдающее однобокостью и схематизмом.

в 1914 г. поддержать и обеспечить непрерывным участием наступление пехоты. Предположение Юстрова [1], что собранная в массе артиллерия в самом начале войны могла бы проложить германской армии путь через Верден в тыл французам, именно в силу этого не имеет под собой почвы, не говоря уже, что оно переносит на 1914 г. опыт последующей эпохи. Напротив, оборонительная мощь артиллерийского огня оказалась превосходящей всякое предвидение. Пехотные атаки разбивались действием массированного огня артиллерийских орудий, стреляющих с укрытых позиций, где при состоянии артиллерии той эпохи они были недоступны для артиллерии противника.

Однако, как нельзя из наличия массового войска делать вывод о неизбежности позиционной войны, так нельзя его делать, исходя из факта увеличения численности и действительности огня артиллерии 1914 г. Как можно в таком случае объяснить результат приграничного сражения?

Все дело в том, что с началом войны еще не было сплошного распределения артиллерийских средств по всему пространству театра военных действий. Для маневрирования оставалось свободное пространство, и на этом именно и был построен шлиффеновский план. В Марнской битве еще оставалось свободное пространство для маневра, но в ограниченной мере. Впоследствии борьба за это пространство выразилась в «беге к морю». Артиллерия, как мы уже знаем, из-за недостатка боеприпасов истощала свое действие, и именно в этот период ослабления могущества артиллерии родилась позиционная война. Далеко не сразу удалось создать непрерывный позиционный фронт: для этого нехватало ни артиллерийских орудий, ни пулеметов. Это указывает, что причину перехода к позиционной войне следует усматривать не в абсолютном, а в относительном действии артиллерии, которая явилась лишь одним из факторов, приведших к господству позиционной войны.

л) Плотность фронтов в 1914 г.

Понятие о «полосах наступления» (Gefechtsstreifen), об определенных боевых участках, которые даются каждой части в бою (Gefechtsbreiten), существовало и в довоенное время. Один немецкий автор [2] утверждает, что ген. Бюлов, в бытность свою командиром 3-го арм. корпуса, проводил такую систему разграничения боевых участков между отдельными частями в обучении войск своего корпуса. Механическая нарезка таких участков приводила, по мнению автора, в начале войны к нежелательной потере времени в наступлении, так как части, следуя в установленных для них границах, упускали возможности маневри-

---

[1] „Feldherr und Kriegstechnik", von Karl Justrow, Oldenburg 1933.

[2] „Abschnittsweises Vorgehen," von Major a. D. Deuringer, „Militär-Wochenblatt", 1934, № 32.

рования. По другим данным [1], боевой участок германской дивизии определялся в 2,5—3 км, что давало плотность насыщения около 30 орудий легких и около 5 тяжелых на 1 км. Здесь мы уже попадаем в сферу арифметики эпохи позиционной войны; эта арифметика своими механистичными и упрощенческими приемами породила множество заблуждений. В начале войны у союзников на фронт протяжением около 500 км приходилось 80 дивизий, в конце 1914 г. фронт разросся до 700 км, число дивизий не превышало 90 [2]. Что следует отсюда? Можно вычислить плотность насыщения фронта, которая определится в 1 дивизию на 6—7 км, 60 орудий на 6 км (число орудий в дивизии с придачей половины корпусной артиллерии), или 10 орудий на 1 км. Эта цифра очень мала по сравнению с «нормами» позиционной эпохи и явно недостаточна для создания сплошного позиционного фронта. Но она мало показательна потому, что в действительности распределение сил и артиллерийских средств было неравномерно. В Марнской битве на фронте в 200 км у союзников имелось 3 000 орудий, или 15 орудий на 1 км, на участке же наступления против 1-й германской армии (на рр. Урк и Марна) 852 орудия на 40 км, или 22 орудия на 1 км [3].

По данным Черчиля («Мировой кризис 1916—1918 гг.», т. I), в 1914 г. на каждую 1 000 бойцов приходилось у немцев 2,9 орудия, у французов 2,1, у англичан 3,7. Эти цифры, с одной стороны, свидетельствуют о равенстве противников в этом отношении, с другой — о слабой насыщенности артиллерийскими средствами.

м) Боеприпасы

Избыток или недостаток снарядов привел к позиционной войне? Несмотря на внешнюю парадоксальность — вопрос не праздный. Ведь именно артиллерия остановила наступление на Марне, и та же артиллерия дала возможность немцам организовать оборону на р. Эн. Для этого было истрачено громадное (по тем временам) количество снарядов. И в то же время нам говорят, что именно недостаток снарядов привел к позиционной войне. Зерно истины имеется в обоих утверждениях, но читатель согласится с нами, что, по крайней мере внешне, они противоречивы.

На одну 75-мм французскую пушку в начале войны имелось 1 250 выстрелов, на одну 77-мм германскую пушку и того меньше — около 900. Один французский автор [4] указывает, что при стрельбе

[1] „Artillerieaufstellung und Munitionsverbrauch im Kriege 1914—1918", „Wehr und Waffen", 1932, № 4.

[2] „Données statistiques sur les forces françaises de 1914 — 1918", par le lieut.-col. Larcher, „Revue Mil. Franç.", Mai 1934.

[3] „Die Schlacht vor Paris", S. 234.

[4] „Les fabrications régionales de Toul 1914—1918", par C. Démé, „Revue d'Artillerie", Septembre 1935.

8 выстрелов в минуту (максимальная скорострельность 20 выстрелов в минуту) одна 75-мм пушка могла бы истратить весь запас в течение одного дня. Фактическая трата снарядов по сообщению Жоффра [1] составляла в августе — сентябре 1914 г. по 20 выстрелов на одно орудие в день. Понятно, что уже в Марнской битве создалось довольно напряженное положение с боеприпасами [2]. После этого сражения оно становилось с каждым днем все более опасным. Французское главное командование настаивало на ежедневном производстве 50 000 снарядов, 12 снарядов на каждое орудие. Между тем, до конца декабря удалось повысить это производство лишь до 13 000, 3—4 выстрела на орудие.

24 сентября Жоффр отправил следующую телеграмму командующим армиями:

«Тыловые запасы в данный момент исчерпаны. Если расход снарядов будет вестись так, как до сих пор, невозможно будет через 15 дней продолжать войну из-за недостатка боеприпасов... Я должен обратить все ваше внимание на исключительную важность этого предписания, от которого зависит спасение отечества. О получении сообщите. Жоффр».

26 сентября Жоффр предложил командующим 3-й, 4-й, 5-й, 6-й и 9-й армиями «отказаться от наступления против укрепленных позиций, которые требуют затраты боеприпасов при результате малой значимости. Необходимо беречь снаряды для отражения атак».

В телеграмме 2-й армии 26 сентября французское главное командование рекомендует против укрепленных позиций не 75-мм пушку, а маневр!

Битва во Фландрии сопровождалась громадной затратой снарядов. 4 ноября Жоффр приказал перейти к обороне. Важнейшим мотивом было катастрофическое положение со снарядами.

«Перед нашими армиями мощность укрепленных позиций продолжала увеличиваться. Это первоначальное опоздание никогда уже нельзя было возместить» [3]. Нельзя с этим не согласиться.

н) Потери

О громадном значении потерь, которые несли войска в начале войны, говорилось много раз на протяжении этого труда. Как велики были эти потери в целом? [4] Потери германских армий в 1914 г. на западном фронте составили 757 000 чел., французских 955 000. Что касается

---

[1] Письмо ген. Жоффра военному министру 20 сентября 1914 г.

[2] Эрр, стр. 46.

[3] „Les fabrications de guerre," par le colonel Menue, „Revue Mil. Franç.", Mai 1933.

[4] Цифры наши взяты из статей: „Données statistiques concernant la guerre 1914—1918", „Revue Mil. Franç", 1933, и „Données statistiques sur les forces françaises de 1914—1918", „Revue Mil. Franç.", 1934, par le lieut.-col. Larcher,

германских армий, то в следующие годы здесь потери дали снижение (принимая во внимание, что в 1914 г. потери относятся лишь к пяти месяцам); только в 1918 г. количество потерь превышает потери 1914 г.—1 497 000 чел. Для французских армий потери достигли максимума в следующем 1915 г.—1 430 000; относительно они выше в 1914 г. Однако, наибольшие потери за всю войну падают на август 1914 г.—216 000 и сентябрь 1914 г.—238 000. Максимальная цифра потерь за месяц в 1915 г. составляла 180 000. Эти цифры показывают, что качественное значение потерь в 1914 г. было особо высоко (моральный эффект, истребление лучших кадров мирного времени, огромные потери в офицерском составе). Однако, в 1914 г. не могло быть еще речи об истощении резервов, годных к военной службе, и обученных контингентов. К июню 1914 г. во Франции численность армии составляла всего 947 000 чел., из них в колониях—112 000. 15 августа — после мобилизации — численность вооруженных сил возросла до 3 781 000 чел., а к концу года (после призыва класса 1914 и 1915 гг.)—5 820 000. Численность армий на фронте составила на 15 августа — 2 700 000. Пополнения 1914 г. составили 1 323 000; потери—969 000; общая численность, следовательно, возросла на 354 000 чел. Качественный уровень, разумеется, резко снизился.

о) Боевой путь 87-го пех. полка (германского)

Выше нами рассмотрена только часть факторов, влиявших на боеспособность войск в 1914 г. В сумме взаимодействия каждому из них отводится свое место, но ни одному не принадлежит решающего или исключительного значения. Прежде чем перейти к разбору важнейшего фактора — тактической подвижности, — рассмотрим еще один конкретный пример [1].

87-й пех. полк (1-й Нассауский, г. Майнц) принадлежал к составу 21-й пех. дивизии (4-я германская армия). После отмобилизования он был направлен в район южнее Трира, откуда через Люксембург наступал на Арлон. 12 августа после 25-км ночного марша Арлон был взят без боя. До 20-го полк простоял в этом городе. 20 августа—6-часовой бой в районе Невильер (Neuvillers). Пройдя в течение 20—21 августа 50 км, полк участвовал в атаке на Ошамп (Ochamps), окончившейся победой. 23-го—марш, 18-часовой бой у Гербемон (Herbeumont). 24—27 августа—подход с боем к Маасу—марш 20 км. Перейдя Маас, 28-го полк наткнулся на превосходные силы противника у Отрекур (Autrecourt). В тяжелом артиллерийском бою полк потерял 5 офицеров, 116 унтер-офицеров и бойцов убитыми; 9 офицеров, 387 унтер-офице-

---

[1] „Betrachtung über 56 Tage Bewegungskrieg“, „Militär-Wochenblatt“, 1933, № 11.

ров и бойцов ранеными. 29-го полк укрепился на позиции у Рокур (Raucourt).

30-го днем—отдых и затем ночной 20-км марш в южном направлении. 30 августа—5 сентября—преследование противника; небольшой бой у Сен-Жан (St. Jean sur Tourbe) 3 сентября; за эти дни пройдено 120 км. 6 сентября—наступление из Гейльтц-ле-Морюп (Heiltz le Maurupt) на Парньи (Pargny). После перехода р. Орнэн, Марнско-Рейнского канала, р. Ля-Соль 7-го вечером взята дер. Парньи. До 10-го шли бои за овладение высотами вокруг этой деревни. Рано утром 11 сентября получен приказ об отступлении; бой длился 6 суток. С 11 до 16 сентября полк совершил переход к Реймсу—135 км. С 16-го по 20-е—бой за овладение замком Луавр. 21—24 сентября—новый переход через Лаон—Ля-Фер—Гюискар к Солент (Solente)—120 км. 25—30-го—5-дневный бой в р-не Солент. 30 сентября взят Руа. С 1 по 3 октября полк вел безуспешные атаки против Вильер-ле-Руа (Villers les Roye), которая была взята ночью с 4-го на 5-е. Затем полк укрепил свои позиции на линии Дамери (Damery)—Андеши (Andechy) южнее Амьен. Началась позиционная война.

Из 56 дней 21 были походными днями, 29— днями боя и 8—днями отдыха. Пройдено было всего около 500 км, в среднем на 1 день падает около 10 км. Обычный переход 20—25 км; в дни, когда не было боев, до 30 км. Таким образом, хотя в 1914 г. были случаи переходов по 50—60 км в сутки, действительная скорость движения была около 20 км и даже ниже. Причину такого слабого результата следует искать в низкой тактической подвижности войск. Именно этот момент оказал наиболее сильное воздействие на исход операций в 1914 г.

п) Выводы. Тактическая подвижность падает

Война явилась суровым и непререкаемым учителем. Некоторые истины, достаточно очевидные и даже шаблонные, она облекла в плоть и кровь, напомнив их тем, кто за частым повторением фраз отвык улавливать их смысл. Великие мастера военного искусства на бесчисленных примерах показали, что лучший маневр тот, посредством которого удается разбить врага в бою. Истина, столь очевидная на войне, слишком легко забывается в мирное время, когда самая суть военных действий—бой—представляется лишь условностями во время упражнения войск.

Главный урок из рассмотренных фактов можно сформулировать так, что оборонительная мощь средств вооружения той эпохи оказалась гораздо выше, чем наступательная. Эта обычная формулировка требует, однако, уточнения, которое дается ниже. В 1914 г. весьма часто можно было наблюдать, что пехотные атаки разбивались огнем орудий и пулеметов. Войска оказались неподготовленными к бою в этих новых условиях и несли с первых дней огромные потери.

На западно-европейском театре войны эти жестокие уроки были усвоены попеременно — сначала одной, потом другой стороной. Первой жертвой оказались французы и англичане; неудачи их в пограничном сражении объясняются, главным образом, недоучетом действительности современного огня. В особенности потрясающее впечатление произвело действие германской тяжелой артиллерии.

В Марнской битве роли переменились: французы кое-чему научились; были даны строжайшие директивы о поддержке артиллерией пехотных атак. Напротив, теперь немцы проходили кровавый курс наглядной тактики новой эпохи.

Нетрудно, казалось бы, понять еще до войны, что введение пулемета и современных усовершенствованных орудий революционизирует тактику. Но когда разыгрались первые битвы мировой войны, этот факт оказался целым откровением. Быть может, правильно сказать, что всю глубину его не поняли до конца войны. Что в этом удивительного, если эта глубина не вполне осознана и по сей день?

Артиллерия и пулемет остановили наступление пехоты, — отсюда возникла позиционная война. Вообще говоря, вывод правилен, как верно то, что пасмурный день объясняется тучами и облаками, застилающими небо. Что сказали бы, однако, о мудреце, который на этом основании сказал бы, что солнце исчезло навсегда? Не так просто уступает солнце тучам, и нужна весьма сложная совокупность причин, чтобы сплошной пеленой скрыть его. Подобно этому действие артиллерии и пулемета — лишь звено в сложной совокупности факторов, приведших к позиционной войне.

Мы рассматриваем маневренный период мировой войны, и для этого периода указанный вывод о всесилии артиллерии еще относителен. Но даже и в самые мрачные времена безраздельного господства позиционных форм пехота ходила в атаку и очень часто с успехом. С другой стороны, истина, что против пули не попрешь, была хорошо известна и в минувших войнах (прусско-французская война, англо-бурская, русско-японская). А разве не демонстрировалась она с давних времен на примере крепостной и горной войн (вспомним так называемую «Кавказскую войну»—завоевание Кавказа,—длившуюся свыше 60 лет)? Разве Шлиффен не исходил в построении своего плана из того, что крепостная зона на восточной границе Франции почти непреодолима?

Окопы начали возникать с первых дней войны, но в течение всего описываемого периода еще шли бои в о т к р ы т о м п о л е. Еще не сформировалась окончательно и повсеместно сплошная линия окопов и проволочных заграждений. Но там, где эти носители новой позиционной эпохи уже возникли, они не приняли еще затвердевшей, непроницаемой формы. Наиболее наглядное представление об этом переходном периоде дает именно Марнское сражение, которое находится в центре его. На Урке тянутся окопы, но еще слишком свежа земля,

вырытая здесь. Линия фронта — это дорога, где пехота имеет минимальное прикрытие и где самую главную преграду создает огонь артиллерии. Но противники имеют на фланках открытое поле маневра. На других участках битвы линия движется взад и вперед, пехотные атаки сменяют одна другую, войска маневрируют, но как жалок и худосочен этот маневр!

Когда мы говорим об остановке германского наступления на Марне, например, и указываем на роль артиллерии, этим вовсе не имеется в виду *механическое* действие одной артиллерии, которое *мгновенно* приводило к остановке пехоты. Ведь германские войска с боем дошли до Марны; во время Марнской битвы они показали поразительные примеры тактического успеха пехотной атаки (Сен-Гондские болота, 5-я германская армия у Вердена и т. д.). В этих случаях прорыв фактически уже был осуществлен, но остался неразвитым, *запоздал*. Статика опять нам ничего объяснить не может. И научное исследование должно углубиться в динамику явлений, происходивших на полях сражения.

Пехота могла еще наступать против артиллерии и пулеметов того периода, но наступление шло слишком медленно.

Необходимо помнить, что артиллерию тогда использовать еще не научились. Пулеметов было еще слишком мало, и в Марнской битве войска жалуются именно на артиллерийский, а не пулеметный огонь. Позиционная война связана с огромными количествами орудий, снарядов, пулеметов; это еще музыка будущего. Только там, где достигли массирования (по понятиям того периода) артиллерийских средств (фронт на р. Урк с германской стороны) или добились их искусного применения на заранее подготовленных позициях (французская артиллерия в Марнской битве, восточный сектор и т. д.), только там добивались результатов, которые заставляли раскрывать будущее.

Объяснение надо искать в *тактической подвижности* войск. Она тесно связана с понятием оперативной подвижности. И в том, и в другом случае речь идет об одной и той же войсковой массе, которая движется, имея ту или иную оперативную или тактическую задачу. Отличие совершенно относительное: оперативная подвижность имеет в виду тот случай, когда войско движется в свободном пространстве (на фланге, в тылу своем или противника и т. п.); тактическая подвижность связана с движением войска на поле сражения, т. е. *с боем*.

Легко видеть, что во время войны в «чистом» виде ни та, ни другая подвижность не встречается. Мы исследовали, например, оперативную подвижность 1-й армии; но ведь она почти непрерывно вела бои, и, следовательно, ее оперативная подвижность не может быть рассматриваема вне тактической; вспомним кстати, что эта последняя была очень малой (глава вторая, приграничное сражение).

Попытаемся теперь более четко представить себе, какова же была тактическая подвижность войск в 1914 г.

1. Сразу же обнаружилось, что она меньше, чем было принято считать по опыту минувших войн. Чем это объясняется? Весьма многочисленными и разнообразными причинами:

а) Во-первых, неумением пехоты правильно наступать в новых условиях, когда огневые средства возросли количественно и качественно. Во всех армиях твердили о наступлении во что бы то ни стало и всюду, где войска натыкаются на противника. Как наступать — об этом заботились мало. Наступали в густых колоннах, наступали в стрелковых линиях. Лишь путем кровавого опыта на поле боя пехота приучалась быстро расчленяться, наступать редкими волнами и небольшими группами, используя малейшие прикрытия на местности.

б) Эффект огня обороны оказался полной неожиданностью. Вспомним кровавые уроки атак прусской гвардии в первые дни Марнской битвы. Необходимо помнить, что далеко не всегда речь шла о действительной непроницаемости огня обороны: «огневой завесы» ведь в ту эпоху еще не было. Однако, моральный эффект артиллерийского огня был огромным. Цепи стихийно залегали и беспомощно пребывали под убийственным градом снарядов.

в) Поддержка артиллерией наступающей пехоты, а тем более артиллерийская подготовка, хотя о них и говорилось кое-где в довоенных уставах, как правило, отсутствовали. Значение артиллерийской поддержки пехота изучала эмпирически, попав под губительный огонь артиллерии противника.

г) Так же стихийно пехота училась и обороняться. Довоенные уставы считали рытье окопов чем-то случайным, что во всяком случае препятствует наступательному порыву. Лопата не состояла на вооружении каждого бойца. Что из этого вышло, показывают эпизоды Марнской битвы.

д) Со всем этим связаны огромные потери, в особенности в командном составе. Потери эти не только обескровливали и обезглавливали части, но и производили чрезвычайно гнетущее моральное впечатление.

е) Сказывался в ряде случаев недостаток боеприпасов, так как орудийный боезапас оказался слишком малым.

2. Тактическая подвижность, которая была недостаточна уже с самого начала, становилась все меньше.

а) Хотя войска и учились на кровавом опыте полей сражения новой тактике, но учились слишком медленно. Кроме того, уроки и сводились как раз к тому, что безоглядная атака ведет к истреблению. Сверху отдаются прежние бравурные приказы, но части под всяческими предлогами отказываются от их выполнения.

б) Все с большей силой сказывалась оборонительная мощь артиллерийского огня, который велся все более искусно и планомерно. Однако, в наступлении артиллерия оставалась попрежнему беспомощной и оторванной от пехоты.

в) Все более возрастает роль пулеметов, численность которых увеличивается и которые во много раз повышают мощь обороны.

г) Окопы — в первых сражениях еще более или менее случайное явление — возникают теперь повсеместно. С одной стороны, они укрепляют оборонительную мощь своих войск, но с другой — снижают их наступательный порыв: вылезать из окопов и итти навстречу гибельному огню становилось все труднее.

д) Факторы истощения действуют со все большей остротой: выбиты лучшие кадры, которые сразу заменить нечем; возрастает физическая и моральная усталость войск; потребности фронтов гигантски возрастают, и начинаются перебои на разных участках боеснабжения.

е) Недостаток боеприпасов — наиболее яркий внешний признак истощения, казалось бы, прежде всего должен был бить по обороне (на восточно-европейском фронте так и получилось в 1915 г.); однако, на западно-европейском фронте он проявился с обеих сторон более или менее равномерно и потому усиливал тенденцию к равновесию; имеющимися запасами фронт кое-как держать было можно. Поэтому недостаток боеприпасов в первую очередь привел к остановке наступательных операций.

3. Недостаточная оперативная подвижность снижала тактическую, а эта последняя в свою очередь снижала оперативную. Без понимания этой взаимозависимости ничего нельзя понять в процессах этой эпохи.

Блестящие тактические успехи ничего не давали, ибо маневр запаздывал (ср. роль запоздания контрманевра Клука). Но из маневра ничего не выходило, так как наступление войск совершалось слишком медленно (наступление гвардии в Марнской битве).

Именно этот факт оказался решающим для угасания маневра в первом периоде войны. Вспомним еще раз динамику главных факторов в германском марш-маневре к Парижу. Обладая недостаточной оперативной подвижностью, 1-я армия наступала недостаточно быстро, что оказало роковое влияние на наступление прочих германских армий. Эти последние завязли в отдельных боях, и выявившаяся здесь недостаточная тактическая подвижность привела к ослаблению всего маневра в целом.

Только так может быть понята динамика образования стабильного фронта.

В приграничном сражении слабая тактическая подвижность германских войск была преодолена силой маневра. Но она все же подкосила эту силу. Кроме того, у немцев тактическая подвижность оказалась все же выше, чем у французов и англичан.

В Маасском сражении немцы сохранили превосходство в тактической подвижности, но ее слабость в абсолютном выражении сказалась еще резче, чем раньше. То же самое следует сказать о битве при Сен-Кантен—Гиз. Инертность наступающего фронта повисла еще более тяжкой гирей на маневре, вызвав известные уже нам последствия. Оперативная подвижность, и без того недостаточная, оказалась подкошенной слабой тактической подвижностью.

В Марнской битве немцы все еще превосходили противника в тактической подвижности. Но этот противник научился кое-чему и искусным применением артиллерии еще более снизил тактическую подвижность германского войска. Наступление было остановлено.

На р. Эн все более снижающаяся тактическая подвижность становится уже главным фактором, что сказывается на непрерывном снижении оперативной подвижности во время «бега к морю».

4. Снижение оперативной и тактической подвижности подрывало наступательную мощь германского войска и, напротив, давало некоторый шанс обороне (конечно, лишь некоторый, так как и для обороны нужна подвижность). Так выглядит в конкретной форме традиционная формула, приведенная выше. Соотношение менялось, таким образом, не в пользу немцев, ибо для союзников на первых порах достаточно было остановить их наступление. Марнская битва — победа обороны. К моменту ее оперативная и тактическая подвижность германского войска настолько снизились, что маневр стал невозможен, что предрешило неудачу.

Основной факт начальной стадии мировой войны в сфере тактики состоял, таким образом, в том, что тактическая подвижность войск, непрерывно снижаясь, все в большей степени подрывала маневр, наступательную способность войск.

4. ПРОЦЕСС ОБРАЗОВАНИЯ СТАБИЛЬНОГО ФРОНТА

Переход от маневренной войны к позиционной послужил основой для многочисленных теорий, которые обычно выражают одну какую-либо сторону процесса, упуская из виду прочие моменты.

а) Основные причины образования сплошного фронта

К началу военных действий на западно-европейском фронте силы обеих сторон численно были приблизительно равны. Расчет Шлиффена строился на том, чтобы путем маневра достигнуть решающего численного перевеса на правом крыле и, быстро используя

это преимущество, достигнуть победы раньше, чем враждебная коалиция сможет развернуть все свои силы, в совокупности бесспорно превышающие силы австро-германского союза. В начале войны этот расчет казался верным. На самом деле уже с приграничного сражения начинается гибельный для германского войска процесс, который позволил союзникам уравновесить соотношение сил на всем протяжении театра военных действий.

В течение всего маневренного периода войны 1914 г. происходит такое перераспределение сил воюющих сторон, что каждой массе войска одной стороны противостоит равная или почти равная масса войска другой, иначе говоря, устанавливается оперативное равновесие. Необходимо иметь в виду, что в первоначальном периоде позиционной войны еще не везде фронт представлял узкую линию окопов, занятую более или менее равномерно бойцами. В этом периоде часто одна войсковая масса противостояла другой, шли сражения, происходили легкие сдвиги, но в основном фронт уже стабилизовался. Объяснения требует именно эта определенная тенденция к уравновешиванию сил, которая сказалась с самого начала войны и завершилась в достижении почти полного относительно равновесия, что и было уже позиционной формой войны.

Конкретный анализ того, как именно устанавливалось в постепенном развитии операций это оперативное равновесие, дан выше. Но из многочисленных примеров, приведенных нами, можно сделать и некоторые общие выводы. Были какие-то определенные причины, которые всякую операцию начального периода войны приводили к тому же результату. Главной причиной являлась потеря темпа. Она в свою очередь проистекала:

а) из нового стратегического факта — тенденции к фронтальному развертыванию современных массовых армий; отсюда вытекала ограниченность маневра в пространстве и, что самое важное, во времени;

б) из недостаточной оперативной подвижности маневренной массы, недостаточной в новых условиях ведения маневра, указанных в п. «а»;

в) из низкой тактической подвижности армий 1914 г.

Именно комбинация этих трех моментов и приводила к потере темпа.

Рассмотрим сначала случай фронтального столкновения сил. Здесь сразу же резко сказалась низкая тактическая подвижность, которая вызывала задержку наступления и давала, таким образом, выигрыш времени обороняющемуся. Этот выигрыш времени последний мог использовать или для отвода своих сил под прикрытием сильных арьергардов с целью перегруппирования и контрманевра, или для подброса подкреплений. В этом последнем случае обороняю-

щийся успевал сосредоточить к угрожаемому участку, где у противника обнаружился перевес, равные силы, т. е. достигнуть оперативного равновесия.

Оставался, таким образом, маневр, который должен был этот заколдованный круг разрушить. Но именно наличие фронта, где уже сказывалась в сильной мере задерживающая сила тактического фактора (не забудем о существовании крепостной зоны, где фронтальное столкновение во всяком случае было неизбежно), ограничивало маневр в пространстве. Нами показана уже эта сила, сковывающая подвижность маневра: эту силу проявлял фронт как во время марш-маневра к Парижу, так и в период «бега к морю». Но что означала эта ограниченность пространства маневра? Она означала облегчение реакции противника; вспомним положение на западном крыле Марнской битвы и в особенности уроки «бега к морю»: чем меньше было свободного пространства, тем неизбежнее была своевременная реакция со стороны противника, который уже заранее нацеливал сюда свои силы. Только высокая оперативная подвижность в сочетании с внезапностью могла дать выигрыш темпа, достаточный для того, чтобы реакция противника запоздала. Но этого условия не было налицо, и потому противник успевал сосредоточить против маневренной массы свои силы. Происходило фронтальное столкновение.

Тот факт, что оперативный маневр встречает те или иные силы противника, еще не предрешает неуспеха его. Никогда и нигде не было оперативного маневра в «чистой форме», который происходил бы на абсолютно свободном пространстве. 1-я германская армия столкнулась с силами бельгийцев, а затем англичан. Отсюда вовсе не следовало, что шлиффеновский маневр терпел тем самым неудачу (разумеется, столкновение с бельгийской армией неизбежно входило в систему шлиффеновского плана). Точно так же столкновение 6-й французской армии с германским IV рез. корпусом 5 сентября вовсе не означало неудачи флангового маневра. Во всех таких случаях предполагается, что мощная маневренная масса быстро уничтожает слабые силы противника, встреченные ею на пути, и стремительно выходит в тыл главным силам противника. Новый факт, обнаружившийся в начале мировой войны, состоял, следовательно, вовсе не в том, что на пути маневренной массы встречались силы противника. Новое состояло в том, что при общей недостаточности оперативной подвижности задерживающая сила встречающихся на пути маневра преград оказалась гораздо выше, чем в прежние войны. Всего один лишь резервный корпус задержал достаточно долго (до подхода подкреплений) наступление 6-й французской армии. Именно этот факт — возможность задержки наступательного маневра сравнительно слабыми силами — давал обороняющемуся решающий вы-

игрыш времени. Обороняющийся успевал подбросить новые резервы, и дело переходило в простое фронтальное столкновение с переходом к равновесию сил в данном районе.

Позиционный фронт сформировался в результате многочисленных столкновений противников и попыток маневра со стороны каждого из них. Был испробован каждый свободный клочок территории, все возможности для достижения успеха. Но во всех случаях результат получался один и тот же: происходила задержка в наступлении, что давало возможность обороняющемуся уравновесить силы. В конце концов такое равновесие было достигнуто на всем пространстве от Швейцарии до моря. Но оно никогда не было абсолютным. Нет вовсе непроходимой грани между маневренным периодом 1914 г. и последовавшей эпохой позиционной войны. Указанная «игра» продолжалась и дальше: новые попытки атаки для прорыва фронта, новые перегруппировки сил. Однако, эта тенденция уравновешивания сохраняла свою силу: задержка — потеря темпа — выигрыш времени обороняющимся для перегруппировки сил. Равновесие восстанавливалось.

Не окопы, не проволока, не пулеметы, не артиллерия, не местность, не массовые армии являются характерным признаком позиционной войны, ее главной основой и причиной, а именно это равновесие сил, которое возникло из совокупности действия масс артиллерии, пулеметов, проволоки и пр. На западно-европейском фронте уже с самого начала силы обеих сторон были почти равны, и только маневр мог изменить это соотношение на одном из участков в пользу той или иной стороны. Но каждый раз, как такой маневр предпринимался в 1914 г., оказывалось, что противник успевает сосредоточить сюда новые силы и отразить удар Вот почему в особых условиях, какие были на западно-европейском театре войны в 1914 г., равновесие зависело от темпа развития наступательной операции. Только маневренная масса, обладающая высшей оперативной подвижностью, сочетающейся с высокой тактической подвижностью, способна была разрубить гордиев узел. Но такой массы в 1914 г. не было.

Но в таком случае надо оставить в стороне взгляд на позиционную войну как эпоху мертвого затишья, пришедшую на смену бурному 1914 г. Различие оставалось по сути дела внешним. Маневр 1914 г. уже был скован стабилизирующей силой фронта, а позиционный фронт последующих лет имел свой — ублюдочный, выморочный — маневр. В обоих случаях маневр был, однако, бесперспективен.

Говорят, что позицонная война возникла в силу истощения обеих сторон или даже в силу отказа их от новых операций. Допустим, что это так; но разве маневр в дни «расцвета», в начале войны, не страдал уже тем же органическим пороком, что и впоследствии?

б) Роль крепостей и естественных преград

Восточная крепостная зона обычно фигурирует в анализе шлиффеновского плана, но фактическая роль ее в 1914 г. часто остается вне поля исследований, которые ограничиваются изложением событий, не делая отсюда важнейших выводов. Между тем, если верно, что Шлиффен в основу своего плана положил задачу — обойти крепостную зону с фланга и тем предотвратить возникновение войны осадного, позиционного типа, то не менее правильно, что эту задачу разрешить не удалось. И вот тогда-то восточный крепостной район выступил в качестве крупнейшего стабилизирующего фактора. Уже 27 августа в штабе 6-й германской армии в Дьезе были получены данные, что французы «окапываются повсюду, как в Манчжурии» [1].

К началу Марнской битвы здесь уже установилась позиционная война.

Между юго-востоком, где с самого начала война принимала волей-неволей формы осадной войны, и северо-западом, где развертывался маневр, шла упорная борьба в течение всего 1914 г., борьба двух начал — маневренной и позиционной войны. Судьба кампании решалась у Парижа, но позиционная война зародилась именно на юго-восточном секторе.

Роль крепостей не была понята правильно в начале войны. После падения бельгийских крепостей под огнем тяжелых германских орудий стали считать, что крепости потеряли боевое значение. Это неправильно даже в отношении бельгийских крепостей, роль которых была очень велика [2]. Тем более такая оценка неверна в отношении главных французских крепостей. Необходимо лишь правильно выразить, в чем именно их роль состояла.

Между тем, еще Вобан утверждал, что «смысл роли крепостей (places fortes) состоит в том, что они останавливают преследование армий и дают средства затягивать продолжительность войны». Фридрих II в «Анти-Макиавелли», уже указывал на то, что «французы умеют оценивать значение крепостей». Наполеон писал [3], что крепости — «единственное средство для того, чтобы задержать, мешать, ослаблять, беспокоить противника-победителя».

Именно в задержке и затягивании и состояла роль, сыгранная крепостями в 1914 г. Фактор первостепенного значения.

---

[1] „La manoeuvre de Lorraine“, par le colonel Pugens. „Revue mil. franç.“, XII, 1934.

[2] Например в отношении крепости Намюр: „Крепость привлекла к себе и удержала в решительный момент массы и средства, которых недоставало на правом германском крыле“. („La défense de la position fortifiée de Namur en août 1914“, par le lieut.-col. Desmazes, „Revue Mil. Franç.“, Août 1931).

Исключительно велика в этом же смысле была роль Антверпена.

[3] „Correspondance“, 31-e t., 8-e note sur l'Art de la guerre, n° 44.

Отсюда крайняя наивность доказательств, которыми занимаются немецкие авторы, в пользу того, что Верден мог быть взят в 1914 г. Еще 2 сентября 5-я германская армия получила приказ приступить к осаде крепости. Было создано две артиллерийских группы: первая, западнее Мааса, из двух полков 21-см мортир, двух батарей 10-см пушек; вторая, восточнее Мааса, из австрийского мортирного дивизиона и батальона тяжелых гаубиц. Возможно, что этих средств было достаточно, чтобы взять Верден. Однако, 6 сентября первая важнейшая группа была переброшена на Марну, где решалась судьба кампании. Оставшихся средств оказалось недостаточно, и в ходе Марнского сражения, как мы уже знаем, Верден взять не удалось [1]. 2 сентября силы и средства, принимавшие участие в операции против крепости, были переброшены на запад.

Париж и Верден в 1914 г. сыграли роль центров сопротивления, задерживающих наступление противника. Этот выигрыш времени послужил основой для выигрыша оперативного темпа. В целом восточная зона крепостей явилась опорой оборонительного фронта союзников, и именно здесь начал формироваться и крепнуть сплошной позиционный фронт.

Но этот вывод относится не только к крепостям, а также и к естественным преградам всякого рода. Арденны и Маас задержали движение германского центра. Роль водных преград и Сен-Гондских болот показана в описании Марнской битвы. Естественные преграды по берегу р. Эн дали немцам возможность выиграть время для организации обороны. Затопление местности у Ньюпора остановило последнюю попытку германского маневра и т. д. Ни одна из этих преград, как и ни одна из крепостей, не являлись сами по себе непреодолимой преградой, но они задерживали германское наступление (а также — обратно — наступление союзников) и этим вместе с падающей тактической подвижностью подрывали самую основу маневра, суть которой заключается в выигрыше темпа.

Вокруг крепостей и естественных преград формировались первые звенья сплошной цепи позиционного фронта. Именно здесь с наибольшей силой сказывалась низкая тактическая подвижность войск. Именно здесь впервые затвердевал маневр, и это окостенение постепенно распространялось на весь театр войны.

---

[1] Указывая на неправильное расходование боеприпасов тяжелой артиллерии, немецкий автор пишет: „Недостаток боеприпасов, в особенности для тяжелой артиллерии, был одной из главных причин того, что наступление против крепости Верден не было проведено в 1914 г.; оно имело бы тогда, когда французы не построили еще мощных позиций перед Верденом, гораздо большие виды на успех, чем в 1916 г." („Munitionsverschwendung durch mangelhaftes Verständnis für schwere Artillerie", von Oberst a. D. Blümner, „Deutsche Wehr", 1934, № 28.)

5. НЕОБХОДИМОСТЬ МОТОМЕХАНИЗАЦИИ, КАК ВЫВОД ИЗ ОПЫТА 1914 г.

В наши дни, когда германский фашизм с лихорадочной поспешностью готовит повторение в еще более ужасающей форме кровавой катастрофы 1914 г., оценка итогов маневренного периода минувшей войны имеет сугубо злободневное значение. Было бы целесообразно с точки зрения изученного материала и сделанных выводов обрисовать перспективу начального этапа будущей войны. От этой задачи в полном ее объеме мы вынуждены здесь отказаться. В самом деле, дают ли рассмотренные выше факты основу для того, чтобы от них перекинуть мост к будущему? Если дают, то только частично. Приняв, что предпосылка о маневренном характере начальной стадии будущей войны доказана, мы должны сразу же сказать, что маневр и сражение будут происходить в условиях, отличных от тех, что были в 1914 г. Нечего и говорить о коренных отличиях политического порядка: наличие нового мощного фактора — СССР; новая расстановка сил в капиталистическом мире, который резко ослаблен минувшей войной и кризисом; фашизм (в первую голову германский) как главный застрельщик, организатор и вдохновитель новой еще более истребительной войны, чем прошлая. Но и в сфере оперативно-тактической будущая война неизбежно выявит в той или иной мере действие факторов, которые возникли в последующем ходе мировой войны в 1915—1918 гг. Пройти мимо этих факторов, сказать, что в начале будущей войны будет простое повторение 1914 г., значило бы совершить слишком очевидную и грубую ошибку.

Оставаясь на почве исследования фактов, мы в заключение лишь подчеркнем вывод, сделанный уже в некоторых местах нашей работы, а именно, что операции 1914 г. стихийно толкали к применению **мотора**, как средства повысить подвижность войск. В 1914 г. мы видим первые шаги к применению автотранспорта для военных целей.

В 1914 г. авиация уже принимала участие в боевых действиях, но почти исключительно для разведывательных целей. Применение ее для бомбардировки и для корректирования артогня было еще в самом зачатке.

а) „Воздушные Канны“

Выше было указано, что для осуществления маневра охвата в масштабах шлиффеновского плана требовалась оперативная подвижность, в несколько раз превышающая скорость движения пехотных масс. Теперь этот вывод ничего фантастического в себе не заключает. Авиация может дать несравнимо более высокие темпы.

Вместо целого месяца трудного и мучительного пути воздушная армия смогла бы появиться над Парижем чуть ли не через 1 час.

Таков гигантский скачок, проделанный техникой за эти годы, скачок, кардинально меняющий все установки в способах ведения войны.

Современная буржуазная печать наполнена статьями и трудами, которые пропагандируют идею «воздушных Канн». Согласно этим теориям, авиация одними своими силами способна победоносно закончить войну, нанеся противнику сокрушительное поражение.

Стремление рассматривать действия отдельных родов войск изолированно и схематично коренится в самой природе буржуазного исследования. Но в действительности самолет и танк возникли не на пустом месте: они являются дальнейшим развитием и совершенствованием «старых» средств ведения боя, хотя и представляют собой новый качественный тип.

Шмитхеннер, автор капитального труда по истории войны, в котором господствует в основном типичная гелертерская схема, характеризует современную эпоху как век оружия дальнего действия (Fernwaffen) [1]. Артиллерия, бронированный самолет и танк — главные его разновидности. «Огромное преобладание огневого действия на дальние расстояния (Fernfeuerwirkung), которое новые роды оружия — самолет и танк — еще более увеличили, выступило с подавляющей силой». При всей односторонности этой формулировки в ней есть зерно истины. Самолет и танк призваны в самом деле как бы продолжить на большое расстояние действие артиллерии. Самолет несет взрывчатые и отравляющие вещества по воздуху, танк быстро везет по местности артиллерийские средства. Что не отмечено в формуле германского автора (кстати, поющего осанну войне в духе новейшей «культуры» фашизма) — это то, что танк в отличие от артиллерии приближается к объекту атаки, и, следовательно, в этом смысле он — оружие ближнего боя.

Современные военно-технические средства, следовательно, гигантски умножают могущество и действительность огня, и потому все они являются модификациями одной и той же тенденции.

Если мы рассмотрим теперь действия авиации против вооруженных сил противника, то мы вправе сравнить их с действием сверхдальнобойной артиллерии. Эффект будет приблизительно таков, как если бы могущественная артиллерия обстреливала расположение войск. Об огромной силе такого эффекта говорить не приходится. Однако, результаты его едва ли придется расценить выше, чем действие артиллерийской бомбардировки. Жертвы будут громадные, потрясение исключительной силы, но по опыту артиллерийской подготовки эпохи мировой войны надо признать эти результаты недостаточными, чтобы понудить противника к капитуляции. Сверх того именно в районе расположения армий следует предвидеть наибольшую мощность средств ПВО как активных, так и пассивных.

---

[1] Paul Schmitthenner, „Krieg und Kriegführung im Wandel der Weltgeschichte", S. 315.

Воздушная бомбардировка имеет два основных качества: это, во-первых, огромная быстрота и внезапность, с которой она может быть развернута, во-вторых, ее глубина, способность поражать районы, недоступные для других средств военной техники. Очевидно, что нецелесообразно применять авиацию для поражения ближайших целей (речь идет, конечно, об основной массе бомбардировочной авиации). Наиболее мощным способом использования авиации является удар по базам противника, подразумевая под этим его политические и экономические центры и тыловые армейские базы.

В рассматриваемом случае авиация могла бы обрушиться на Париж и прилегающую область глубокого тыла союзных армий. Результаты такой воздушной атаки были бы потрясающими. Другой вопрос, можно ли считать их также и решающими. Противник может ликвидировать панику в своем тылу. Если ему это удастся, он может бросить в ход оставшиеся у него средства борьбы и в первую очередь свои вооруженные силы, которые при воздушной атаке, направленной против баз, остались в целости. Но в будущей войне, как и в прошлых, нельзя достигнуть победы, не уничтожив вооруженной силы врага.

Что даст воздушная атака для достижения этой основной цели? Она произведет гигантские разрушения в глубоком тылу. Этим в громадной степени сковывается активность войск. Пока не восстановлены тыловые базы и пути сообщения, армии были бы бессильны совершить маневр отхода. Таким образом, намечается разрешение проблемы сковывания, которое при помощи авиации совершается не с фронта, а с тыла. Однако, достигнутый эффект необходимо использовать чрезвычайно быстро, ибо при современных средствах восстановление тылов может быть произведено гораздо быстрее, чем раньше.

Арманго пишет по этому поводу: «Можно признать, что воздушные атаки в начале войны произведут эффект разрушения и деморализации длительного порядка, способный сильно повлиять на течение военных операций. Конечно, было бы лучше сблизить во времени первые воздушные атаки с первым наступлением сухопутных сил, но задерживать атаку воздушной армии — значило бы лишить себя огромного преимущества внезапности. Именно сухопутным силам надлежит максимально ускорить свое вступление в действие посредством нового способа мобилизации и концентрации. . .» [1]

Применение авиации как мощного средства оперативного маневра с сугубой силой ставит вопрос об усилении темпов его развертывания. Результаты воздушной атаки нужно использовать возможно скорее, а это предъявляет гигантские требования к повышению подвижности армий, действующих на земле. И здесь мотор должен сыграть решающую роль.

---

[1] См. ст. „L'organisation de l'armée de l'air", „Revue Mil. Franç.", Novembre 1933.

б) Мото-мехсилы в маневре окружения

Охватывающее крыло германского наступления 1914 г. в нашу эпоху должно быть моторизовано и механизировано. Выше мы уже подвели читателя вплотную к этому моменту, показав, как должна бы выглядеть организация маневренной массы на правом крыле, т. е. в первую голову 1-й армии. Она должна была бы состоять из трех эшелонов.

Первый эшелон должен обладать максимальной оперативной подвижностью и ударной мощностью. В наибольшей степени это условие может быть осуществлено путем сформирования его из мехбригад быстроходных танков.

Это была бы своего рода «механическая конница». Требуемые скорости движения легко могут быть перекрыты современными типами быстроходных танков. Большие трудности возникли бы в отношении «оперативной выносливости», т. е. способности перекрыть громадное протяжение не менее 1 000 км пути (принимая во внимание, что, кроме движения к цели, понадобилось бы маневрирование). Лучшим решением было бы поэтому оснащение колесно-гусеничными машинами типа Кристи, способными развивать на колесах предельные скорости, легко переводимыми на гусеницы. Наиболее удачное сочетание оперативной и тактической подвижности дало бы громадное преимущество соединениям таких машин.

Второй эшелон составили бы мехбригады из лёгких и средних гусеничных танков, предназначенные, главным образом, для ведения боя против укрепившегося противника, на которого мог бы наткнуться передовой эшелон. Здесь же должны быть предусмотрены отряды боевых машин для движения во фланг противнику, стремительных атак в тыл его (см. выше, пример 1-й армии 29 августа 1914 г.).

Третий эшелон состоял бы из моторизованной пехоты.

Все три эшелона действуют в тесной связи друг с другом.

При такой организации были бы возможны максимально быстрое выбрасывание вперед наиболее быстроходных танков, своевременная поддержка их гусеничными танками, наиболее приспособленными к атаке закрепившегося противника, и, наконец, занятие местности пехотой, следующей на автомашинах.

Какие скорости могли бы быть получены для всей этой маневренной массы?

Один немецкий автор [1] дает следующий расчет скоростей:

пех. дивизия	в час	4 км,	в день	25—40	км.
кав. дивизия	„ „	7—8	„ „	40—60	„
мехсоединения (танки)	„ „	20	„ „	150—200	„
пехота на автомашинах	„ „	30	„ „	250—300	„

[1] „Heereskavallerie und motorisierte Verbände", „Militär-Wochenblatt", 1935, № 34.

Согласно французскому кавалерийскому уставу, кавалерия (современная) может дать среднюю скорость марша в сутки 53—100 км; бронемашины — 80—150, dragons portées — 90—150.

Для мото-мехчастей теоретически можно говорить о скорости в 180—200 км в сутки; учитывая неизбежные задержки, получаем около 120 км в сутки. т. е. скорость их движения превысит скорость кавалерии вдвое, а пехоты — в шесть раз.

Минусом этой маневренной массы была бы ее громоздкость; мехбригады при движении по дорогам вытягиваются на расстояние от 20 до 50 км. Движение потребовало бы величайшей планомерности и организованности.

Моторизованная пехота весьма уязвима при воздушной атаке и потребовала бы мощных средств охранения.

Местность сыграла бы чрезвычайно большую роль. В рассматриваемом случае наличие многочисленных и хороших дорог благоприятствовало бы движению автомашин и танков; гусеничные машины было бы желательно, где возможно, перевозить по железной дороге и на грузовиках, используя их, главным образом, для боя. По словам известного немецкого автора [1], «несмотря на крайне благоприятные условия французской сети дорог для моторизованных войск, надо полностью уяснить себе, что броневая дивизия не смогла бы развернуть максимальную скорость движения». Имеется в виду крайняя загруженность дорог. Местность имеет свои специфические трудности — пересеченность водными преградами, а также густая застроенность. Это могло бы привести к значительным задержкам.

Снабжение представило бы исключительно трудную проблему в отношении мото-мехсил, которые требуют громадных количеств горючего. При движении крупной мото-мехмассы с обеспеченными тыловыми дорогами требовалась бы громадная организованность и четкость в организации подвоза, но непреодолимых трудностей не возникло бы. Гораздо острее стоял бы вопрос при самостоятельных действиях мото-мехсил с отрывом от своих баз.

Мы ограничиваемся этими несколькими соображениями, оставляя в стороне вопрос, как выглядел бы маневр на базе применения мотомехсил в нашу эпоху, что потребовало бы специального исследования. Анализ уроков 1914 г. неизбежно приводит к выводу, что без применения мотомехсредств такой маневр стал уже невозможен [2].

---

[1] „Motor und Panzer im neuzeitlichen Heere“, von Schack, „Deutsche Wehr“, 1934, № 21.

[2] По мнению немецкого автора, „операция столь крупных сил, которые наступали тогда на правом германском фланге, не может быть и теперь существенно ускорена“ („Umfassung grossen Stils oder Teilschläge“). Это неверно: при самых скромных расчетах скорость маневра может быть повышена в несколько раз.

в) Наступление пехотной массы с фронта

Можно ли в маневре подобного размаха обойтись без пехоты? Читатель, затративший труд для знакомства с предыдущими главами, ясно представит себе нелепость постановки такого вопроса. Вся сложность грандиозного маневра, который проводился миллионным войском на громадном пространстве, все многообразие задач, которые возлагались на отдельные части и группы этой наступающей массы, слишком очевидно выступают в ходе событий 1914 г. Авиация и мото-мехсилы — оружие наступательного порядка. Но разве в шлиффеновском маневре не переплетались элементы наступления и обороны, удара и сковывания? Без пехоты маневр окружения такого стиля не может быть выполнен.

Продолжая анализ той конкретной формы, которая была в 1914 г., необходимо рассмотреть теперь состав наступающей с фронта пехотной массы. Особенность ее состояла в том, что она сразу же вступила в непосредственное соприкосновение с противником, и, как мы уже знаем, элементы тактической подвижности получили здесь особо важное значение. Само собой разумеется, что задачи отдельных армий несколько отличны друг от друга. Для 2-й армии, например, требовалась более высокая оперативная подвижность, чем для находившихся левее нее. Она должна была быть в состоянии поспевать за движением 1-й армии вперед. Эти соображения о разности скоростей движения изложены выше. Несмотря на это различие, основная масса 2-й, 3-й, 4-й и 5-й армий должна была состоять из пехоты. Очевидно, ее следовало бы обеспечить автотранспортом для быстрых передвижений там, где этого потребовала бы обстановка. В этом смысле и эта масса войска была бы моторизована.

Не забудем, однако, что на автомашинах бой вести нельзя, а нам уже известно, как часто приходилось вступать в непосредственное соприкосновение с противником армиям, наступавшим с фронта. Применение автосредств должно быть в данном случае, следовательно, чрезвычайно гибким и целиком соответствовать задачам момента. Для повышения тактической подвижности необходимо самое широкое применение танков, без которых, как правило, современная пехота не будет вести наступление широкого масштаба. Само собой разумеется, что авиация также должна принять участие в обеспечении наступления пехотных масс. Артиллерия не только сохранит, а во много раз умножит свою роль и значение.

Оснащенная этими и всеми другими средствами современного вооружения, пехота, ведущая наступление с фронта, имела бы все шансы выполнить свои многообразные задачи. Она обладала бы мощными возможностями преодолеть сопротивление задержавшихся сил противника; быстро следовать вперед там, где маневр правого крыла уже

оказал свое действие; преследовать противника; с другой стороны, сковывать его там, где требовалось по общестратегическим соображениям, и обороняться в случае контратак.

Мото-мехсилы, конечно, должны быть использованы в соответствующих пунктах фронта наступления. В частности 2-я армия должна была располагать ими, чтобы своевременно поддержать успех продвижения 1-й.

Управление этой гигантской массой было бы обеспечено современными средствами связи.

г) Об уроках Марны

Пожалуй, излишне оговаривать после всего сказанного выше, что все эти новейшие средства дают в о з м о ж н о с т ь победы, но отнюдь не являются г а р а н т и е й ее. Искусство использования этих средств в будущем сыграет несравненно большую роль, чем в 1914 г. К о о р д и н а ц и я с к о р о с т е й д в и ж е н и я различных сил и средств, посредством которых совершается маневр, предъявила бы несравненно более высокие требования к главнокомандованию. Самые лучшие средства не обеспечат в н е з а п н о с т и, если маневр лишен о р и г и н а л ь н о с т и замысла и того зерна «хитрости», которое должно ввести в заблуждение противника. Уже поэтому простое повторение шлиффеновского маневра едва ли может обеспечить победу. Несомненно, руководители германского фашизма это понимают и постараются придумать нечто новое.

Но проблема особенно осложняется тем, что применение новых средств коренным образом изменяет постановку вопроса о контрманевре противника, для которого теперь имеются гораздо более богатые возможности.

Лишь очень бегло можно здесь наметить возможность контрманевра союзников в рассматриваемом конкретном случае, учитывая наличие современных военно-технических средств. Надо прежде всего признать, что и с этой точки зрения планы Жоффра заслуживали бы осуждения. Контрнаступление в горной местности Эльзас-Лотарингии или в лесном массиве Арденн было бы нецелесообразно при применении мото-мехсредств, которые могли бы попасть в тяжелые условия на дорогах, в горах и в лесах. Эти препятствия, а также цепь германских крепостей могли бы быть гораздо проще форсированы воздушным путем. Авиация союзников могла бы в свою очередь обрушиться на глубокие тылы наступающей армии. По мнению Арманго, воздушная атака (кроме чрезвычайно важной функции — стратегической разведки) могла бы «замедлить» германское наступление; это, несомненно, верно, но результаты ее могли бы быть и несравненно шире. Состязание двух воздушных армий, обрушивающихся взаимно на тылы, оценить крайне трудно, но в данном случае более благо-

приятная обстановка была бы скорее для германских армий, которые находились ближе к жизненным центрам противника.

Основное преимущество, какое могли бы мото-мехсилы дать союзникам, состояло бы в применении их на левом фланге, т. е. противопоставляя контрудар обходному движению правого германского крыла. Кроме того, громадное значение имел бы удар в тыл немцев со стороны высадившейся в Бельгии английской механизированной армии. Здесь, однако, как и в воздушной войне, не следует увлекаться фантастическими картинами сражений одной танковой армии с другой, как это рисуют нам Фуллер и его последователи. Неправильно считать, что масса атакующих танков может быть задержана танками противника.

Гораздо более основательную преграду могла бы представить правильно организованная система ПТО, прежде всего глубоко эшелонированная сеть орудий ПТО, обладающих большой подвижностью. Главный удар танков был бы направлен против пехотных масс и в частности против моторизованных колонн. Мы считаем, что союзникам едва ли удалось бы в указанной обстановке предотвратить прорыв в глубокий тыл механизированных сил. Но зато они могли бы внести громадное замешательство в развитие маневра, атакуя германскую пехоту, без которой, как мы видели, окружение состояться не могло. Больше чем когда-либо успех маневра зависел бы от быстроты действий. Конечный результат определялся бы тем, какой из сторон удалось бы разгромить главную массу вооруженных сил, т. е. пехоту. Этот вывод находится в полном противоречии со взглядами сторонников Фуллера и Дуэ.

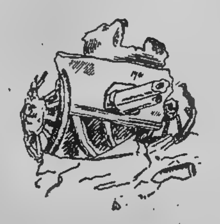
Шансы **внезапности** маневра большого стратегического размаха сильно снижаются благодаря, главным образом, наличию глубокой воздушной разведки, но это может быть компенсировано возросшей стремительностью маневра. Быть может, в будущих сражениях **выигрыш темпа** будет измеряться не днями, а часами, но этих часов будет достаточно для реализации успеха; так было бы, например, в случае применения мото-мехсредств на р. Урк или в Марнской бреши. Само собой разумеется, что и реакция противника будет происходить гораздо более ускоренным темпом, однако, к ней в свою очередь будут предъявлены более высокие требования в смысле ее быстроты.

Потеря темпа в операциях 1914 г. возникала, как мы уже знаем, из **противоречия между маневром и «фронтом»**, или, иначе говоря, **между оперативной и тактической подвижностью**. Преодоление этого противоречия требует применения новой высокоподвижной техники. В 1914 г. были сделаны еще только первые робкие шаги на этом пути.

Намеченные здесь проблемы могут быть более конкретно рассмотрены лишь после учета выводов из эпохи позиционной войны.

В центре первой части нашего труда мы поставили разбор величайшего в истории войн сражения—Марнской битвы. Со всей силой нужно подчеркнуть еще раз, что именно в ней содержится капитальное звено, определяющее основные выводы. Как бы ни сложилась обстановка будущей войны, какие бы формы ни принял первоначальный маневр, совершенно неизбежно это гигантское столкновение масс, в котором обе стороны бросят все свои силы и средства для достижения победы. Уроки Марны выходят за рамки отдельного вывода или нескольких выводов, сделанных нами. Только конкретное изучение этого величайшего урока мировой войны способно дать понятие о том *кризисе*, каким является общее сражение развернувшихся по тому или иному стратегическому плану войсковых масс. Как бы ни был превосходен маневр, решает все же бой, сражение, в котором войско, имеющее на своей стороне оперативно-стратегические плюсы, должно с оружием в руках доказать свое превосходство. В каком резком противоречии оказались планы сторон и боевая действительность на полях Марнской битвы! Этот потрясающий урок не должен быть забыт. Судьба шлиффеновского плана показывает, как опасна *абстракция*, которая лишена животворящей силы опыта и практики, того умения сочетать великое с «малым», которому учит нас Сталин.

Конец первой части.

Приложение 1

БОЕВОЙ СОСТАВ АРМИЙ, УЧАСТВОВАВШИХ В МАРНСКОЙ БИТВЕ, НА 8 СЕНТЯБРЯ

ГЕРМАНСКОЕ ВОЙСКО

Главнокомандующий (Oberfeldherr) — кайзер Вильгельм II

Н-к генштаба — ген. Мольтке

А. Правое крыло (собственно Марнская битва)

1-я армия — ген. Клук, н-к штаба ген.-майор Куль

2-й, 3-й, 4-й, 9-й — арм. корпуса

4-й рез. корпус (кроме 43-й рез. бригады, прибывшей на поле сражения 9 сентября)

2-й кав. корпус — ген.-лейт. Марвиц — 2-я и 9-я кав. дивизии; 4-я кав-дивизия

Всего: 8 пех., 2 рез., 3 кав. дивизии (3-й и 9-й рез. корпуса—в Бельгии)

2-я армия — ген. Бюлов, н-к штаба ген.-лейт. Лауэнштейн

Гвард. корпус, 7-й арм. корпус (кроме 26-й пех. бригады в пути из Мобежа)

10-й арм. корпус, 10-й рез. корпус, 2-я гвард. и 19-я рез. дивизии

1-й кав. корпус — ген.-лейт. Рихтгофен — гвард. и 5-я кав. дивизии

Всего: 6 пех., 2 рез., 2 кав. дивизии

(7-й рез. корпус — в пути из Мобежа к Сен-Кантену)

3-я армия — ген. Гаузен, н-к штаба ген.-майор Геппер

12-й (23-я и 32-я пех. дивизии) и 19-й (24-я и 40-я пех. дивизии) арм. корпуса

12-й рез. корпус (24-я рез. дивизия с 9 сентября)

Всего: 4 пех., 2 рез. дивизии

4-я армия — Альбрехт, герцог Вюртембергский, н-к штаба ген.-лейт. Лютвиц

8-й и 18-й (21-я и 25-я пех. дивизии) арм. корпуса

8-й и 18-й (21-я и 25-я рез. дивизии) рез. корпуса

Всего: 4 пех., 4 рез. дивизии

5-я армия — кронпринц германский Вильгельм, н-к штаба Кнобельсдорф

6-й, 13-й, 16-й (33-я и 34-я пех. див.) арм. корпуса, 6-й рез. корпус

4-й кав. корпус — ген. Голлен — 3-я и 6-я кав. дивизии

Всего: 6 пех., 2 рез., 2 кав. дивизии

5-й арм. корпус и 5-й рез. — вост. Мааса (прикрытие против маасских фортов и Вердена)
33-я рез. дивизия — в Меце

Б. Левое крыло (Лотарингия и Эльзас)

6-я армия — кронпринц баварский Рупрехт. н-к штаба ген.-майор Крафт Дельмензинген
14-й и 21-й арм. корпуса
1-й (подготовлен к отправке к Сен-Кантену), 2-й, 3-й баварские арм. корпуса
14-й и 1-й баварский рез. корпуса
6 эрзацдивизий, 3 ландв. бригады, 8-я баварская кав. дивизия
Всего (исключая 1-й баварский корпус): $8^1/_2$ пех., 4 рез.,
6 эрзацдивизий, 3 ландв. бригады, 1 кав. дивизия.

7-я армия — ген. Геерингон — 15-й корпус — предназначена к отправке к Сен-Кантену
Итого: собственно на Марнском поле сражения—40 пех. и рез., 7 кав. дивизий
Включая сражавшиеся у Нанси и в Эльзасе части — 60 пех., рез. и эрзац и 8 кав. див.
Не приняли участия в сражении (5-й, 15-й, 1-й баварский арм. корпуса, 3-й, 5-й, 7-й, 9-й рез. корпуса; 30-я и 33-я рез. дивизия, 7-я кав. дивизия)— $15^1/_2$ пех. и рез. дивизий, 1 кав. дивизия

ФРАНЦУЗСКОЕ ВОЙСКО

Главнокомандующий (général en chef) — ген. Жоффр, н-к генштаба ген. Белэн

А. Правое крыло (Лотарингия и Эльзас)

1-я армия — ген. Дюбайль, н-к штаба — ген. Деманж
8-й, 13-й, 14-й арм. корпуса
41-я пех. дивизия, 57-я, 58-я, 66-я, 71-я рез. дивизии
6-я кав. дивизия
Всего: 7 пех., 4 рез. дивизии, 1 кав. див.

2-я армия — ген. Кастельно, н-к штаба — ген. Антуан
16-й (31-я, 32-я, 74-я дивизии) и 20-й (11-я, 39-я и 70-я дивизии) арм. корпуса
59-я, 64-я, 68-я, 73-я рез. дивизии
2-я кав. дивизия
Всего: 9 пех., 4 рез., 1 кав. дивизий

Б. Левое крыло (собственно Марнская битва)

3-я армия — ген. Саррайль, н-к штаба полк. Лебук
5-й, 6-й (12-я, 40-я дивизии, 107-я пех. бригада) и 15-й арм. корпуса
72-я рез. дивизия
65-я, 67-я, 75-я рез. дивизии (группа Дюранда)
7-я кав. дивизия
Всего: 11 пех., 1 кав. дивизий

4-я армия — ген. Лангль де Кари, н-к штаба ген. Мэстр

2-й, 12-й, 17-й, 21-й (13-я и 43-я дивизии) и
колониальный (2-я и 3-я дивизии) корпуса
4-я кав. дивизия
Всего: 10 пех., 1 кав. дивизий

9-я армия — ген. Фош, н-к штаба полк. Вейган

9-й (17-я, 18-я [1], 52-я и Марокканская дивизии) и
11-й (21-я, 22-я, 60-я пех. дивизии) корпуса
42-я пех. дивизия, 9-я кав. дивизия
Всего: 8 пех., 1 кав. дивизий

5-я армия — ген. Франше д'Эсперей, н-к штаба Уасель

1-й, 3-й (5-я, 6-я, 37-я дивизии), 10-й (19-я, 20-я, 51-я дивизии) [2],
18-й (35-я, 36-я, 38-я дивизии) арм. корпуса
53-я и 69-я рез. дивизии (группа Валабрега)
Кав. корпус Конно — 6-я, 8-я, 10-я кав. дивизии
Всего: 13 пех. и рез., 3 кав. дивизий

6-я армия — ген. Монури, н-к штаба полк. Гильемен

4-й и 7-й (14-я, 63-я дивизии) арм. корпуса
45-я дивизия
Марокканская бригада Дитта
55-я и 56-я дивизии (5-я группа рез. дивизий ген. Ламаза)
61-я и 62-я дивизии (6-я группа рез. дивизий ген. Эбенера)
Кав. корпус Бриду (до того Сорде) — 1-я, 3-я, 5-я кав. дивизии
Всего: 9 пех. и рез., 3 кав. дивизии

БРИТАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИОННАЯ АРМИЯ

Главнокомандующий — фельдмаршал Френч, н-к штаба ген.-лейт. Муррей

1-й корпус (Хейг), 2-й корпус (Смит Доррьен)
3-й корпус (Пультеней)
5 кав. бригад
Всего: $5^1/_2$ пех. и $1^1/_2$ кав. дивизий
Итого у союзников (собственно Марнское поле сражения) — 56 пех. и рез., $10^1/_2$ кав. дивизий. Включая части, сражавшиеся у Нанси и южнее — 79 пех. и рез., $11^1/_2$ кав. дивизий.

---

[1] С 8 по 13 сентября 18-я пех. дивизия включалась в состав 11-го корпуса.
[2] С 9 по 12 включался в состав 9-й армии.

Приложение 2

БОЕВОЙ СОСТАВ 1-Й ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ

2-й арм. корпус

3-я пех. дивизия

5-я бригада

2-й гренад. полк
9-й гренад. полк

6-я бригада

34-й полк фюзильеров
42-й пех. полк
3-й драг. полк
2-й арт. полк
38-й арт. полк
1-я рота 2-го сап. полка

4-я пех. дивизия

7-я бригада

14-й пех. полк
149-й пех. полк

8-я бригада

49-й пех. полк
140-й пех. полк
12-й драг. полк
17-й арт. полк
53-й арт. полк
2-я рота 2-го сап. полка
61-й батальон 15-го полка пеш. арт.

3-й арм. корпус

5-я пех. дивизия

8-й лейб-гренад. полк
48-й пех. полк
12-й гренад. полк
52-й пех. полк
3-й гусар. полк
18-й арт. полк
54-й арт. полк
1-я рота 3-го сап. полка

6-я пех. дивизия

20-й пех. полк
35-й полк фюзильеров
24-й пех. полк
64-й пех. полк
3-й арт. полк
39-й арт. полк
2-я рота 3-го сап. полка
3-я рота 3-го сап. полка
1-й батальон 2-го гв. полка пеш. арт.

4-й арм. корпус

7-я пех. дивизия

13-я бригада

26-й пех. полк
66-й пех. полк

14-я бригада

27-й пех. полк
165-й пех. полк
1-й гусар. полк ($^1/_2$)
4-й арт. полк
40-й арт. полк
1-я рота 4-го сап. батальона

8-я пех. дивизия

15-я бригада

36-й полк фюзильеров
93-й пех. полк

16-я бригада

72-й пех. полк
153-й пех. полк
2-й гусар. полк ($^1/_2$)
74-й арт. полк
75-й арт. полк
94-й рез. пех. полк

9-й арм. корпус

17-я пех. дивизия

75-й пех. полк
76-й пех. полк
89-й гренад. полк
90-й полк фюзильеров
16-й драг. полк ($^1/_2$)
24-й арт. полк
60-й арт. полк
1-я рота 9 сап. батальона
2-я и 3-я роты 4-го сап. батальона
1-й батальон 4-го полка пеш. арт.

18-я пех. дивизия

35-я бригада

84-й пех. полк
86-й полк фюзильеров

36-я бригада

31-й пех. полк
85-й пех. полк
16-й драг. полк ($^1/_2$)
9-й арт. полк
45-й арт. полк
2-я и 3-я роты 9-го сап. батальона
1-й батальон 20-го полка пеш. арт.

4-й рез. корпус

7-я рез. дивизия

13-я рез пех. бригада

27-й рез. пех. полк
36-й рез. пех. полк

14-я пех. рез. бригада

66-й рез. пех. полк
72-й рез. пех. полк
4-й рез. егер. батальон
7-й рез. арт. полк
4-я рота 4 сап. батальона

22-я рез. дивизия

43-я рез. пех. бригада Лепеля

71-й рез. пех. полк

44-я пех. рез. бригада

32-й рез. пех. полк
82-й рез. пех. полк
11-й рез. егер. батальон
22-й рез. арт. полк
1-я и 2-я роты 4-го сап. батальона

10-я ландв. пех. бригада

12-й пех. ландв. полк
52-й пех. ландв. полк.

2-й кав. корпус

2-я кав. дивизия

2-й драг. полк
3-й улан. полк
7-й кирас. полк
12-й гусар. полк
1-й лейб.-гусар. полк
2-й лейб-гусар. полк
35-й кон.-арт. полк

9-я кав. дивизия

4-й кирас. полк
8-й гусар. полк
11-й гусар. полк
5-й улан. полк
19-й драг. полк
13-й улан. полк
10-й кон.-арт. полк
3-й, 4-й, 9-й и 10-й егер. батальоны

4-я кав дивизия

2-й кирас. полк
9-й улан. полк
17-й драг. полк
18-й драг. полк
15-й гусар. полк
16-й гусар. полк
7-й егер. батальон
3-й кон.-арт. полк

Приложение 3

БОЕВОЙ СОСТАВ ГЕРМАНСКОГО ГВАРДЕЙСКОГО КОРПУСА

1-я гвард. пех. дивизия

1-я гвард. пех бригада:

1-й гвард. полк
3-й гвард. полк

2-я гвард. пех. бригада:

2-й гвард. полк
4-й гвард. полк

2-я гвард. пех. дивизия

3-й гвард. пех. бригада:

Полк кайзера Александра (1-й гв.-гренад. полк)
Полк королевы Елизаветы (3-й гв.-гренад. полк)

4-я гвард. пех. бригада:

Полк кайзера Франца (2-й гв.-гренад. полк)
Полк королевы Августы (4-й гв.-гренад. полк)

Каждый полк состоит из трех батальонов:

1-го, 2-го и Ф (фюзильеров)
Лейб-гвардии гусар. полк
2-й гвард. улан. полк
1-я гвард. арт. бригада (1-й и 3-й арт. полки)
2-я гвард. арт. бригада (2-й и 4-й арт. полки)
1-й батальон 1-го гвард. полка пеш. арт.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ:

Сталин. Вопросы ленинизма.

Молотов. В борьбе за социализм. Речи и статьи.

Ворошилов. Статьи и речи.

Меликов. Проблема стратегического развертывания, т. I.

„Les armées françaises dans la grande guerre", tome premier, troisieme volume, Paris 1931 (ссылки в примечаниях: Les A. F. I[3]).

„Der Weltkrieg 1914—1918. Bearbeitet im Reichsarchiv. Vierter Band. Der Marnefeldzug. Die Schlacht". Berlin 1926.

„Das Marnedrama 1914". Bearbeitet und herausgegeben im Auftrage des Reichsarchivs Verfasser Major a. D. Thilo v. Bose. Bearbeitet im Generalstabe im Reichsarchiv: Archivrat Alfred Steuger. 1. Teil Oldenburg — Berlin 1934. 2. Teil Oldenburg — Berlin 1928. 1. Abschnitt des 3. Teiles. Die Kämpfe des Gardekorps und des rechten Flügels der 3. Armee vom 5. bis 8. September. Oldenburg — Berlin 1928. — 2. Abschnitt des 3. Teiles. Der Ausgang der Schlacht. Oldenburg — Berlin 1928.

„Die Schlacht vor Paris". Verfasser: Hauptmann a. D. Reinhold Dahlmann. Bearbeitet im Reichsarchiv: Archivrat Alfred Steuger. Oldenburg — Berlin 1928.

„Der grosse Krieg 1914 — 1918." Herausgegeben von M. Schwarte. Der deutche Landkrieg. Erster Teil. Leipzig 1921.

„La bataille des frontières. Le déroulement de la bataille", par le colonel E. Valarché. Paris 1931.

„La manoeuvre de la Marne", par le colonel E. Valarché. Paris 1932.

„La 1-re armeé allemande dans la bataille de l'Ourcq (5 — 9 Septembre 1914)", par le lieut.-colonel Koeltz. Paris 1930.

„Die Marneschlacht 1914. Eine deutsche Tragödie", von Generalleutenant a. D. Ernst Kabisch. Berlin 1934.

„Studien zu Marnefeldzug und Marneschlacht 1914", von Wolfgang Lautemann. Berlin 1933.

„Mémoires du maréchal Joffre", tome premier. Paris 1932 (ссылка: Joffre, I).

Maréchal Foch, „Mèmoires pour servir à l'histoire de la guerre de 1914 — 1918", tome premier. Paris 1931 (ссылка: Foch, I).

ОГЛАВЛЕНИЕ

★

К ПЕЧАТИ ПОДГОТОВИЛИ:

Редакторы *Ф. Матросов* и майор *Н. Подорожный*
Технический редактор *Д. Моисеенко*
Корректор *В. Кравченко*
Выпускающий *Ф. Виноградов*

Сдано в производство 19.5.36
Подписано к печати 11.1.37

Формат бумаги 62×94/16
Объем 26,5 печ. л. +21 вклейка, 34,88 авт. л.
В бумажном листе 94.040 знаков

№ Г—35213
Издательский № 143. Заказ № 1901
Тираж 20 000 экз.

Цена книги 7 р., переплета 1 р. 20 к.

Текст отпечатан на бумаге Камского бумкомбината
Переплетные материалы Щелковской ф-ки

Адрес изд-ва: Москва, Орликов пер., д. 3

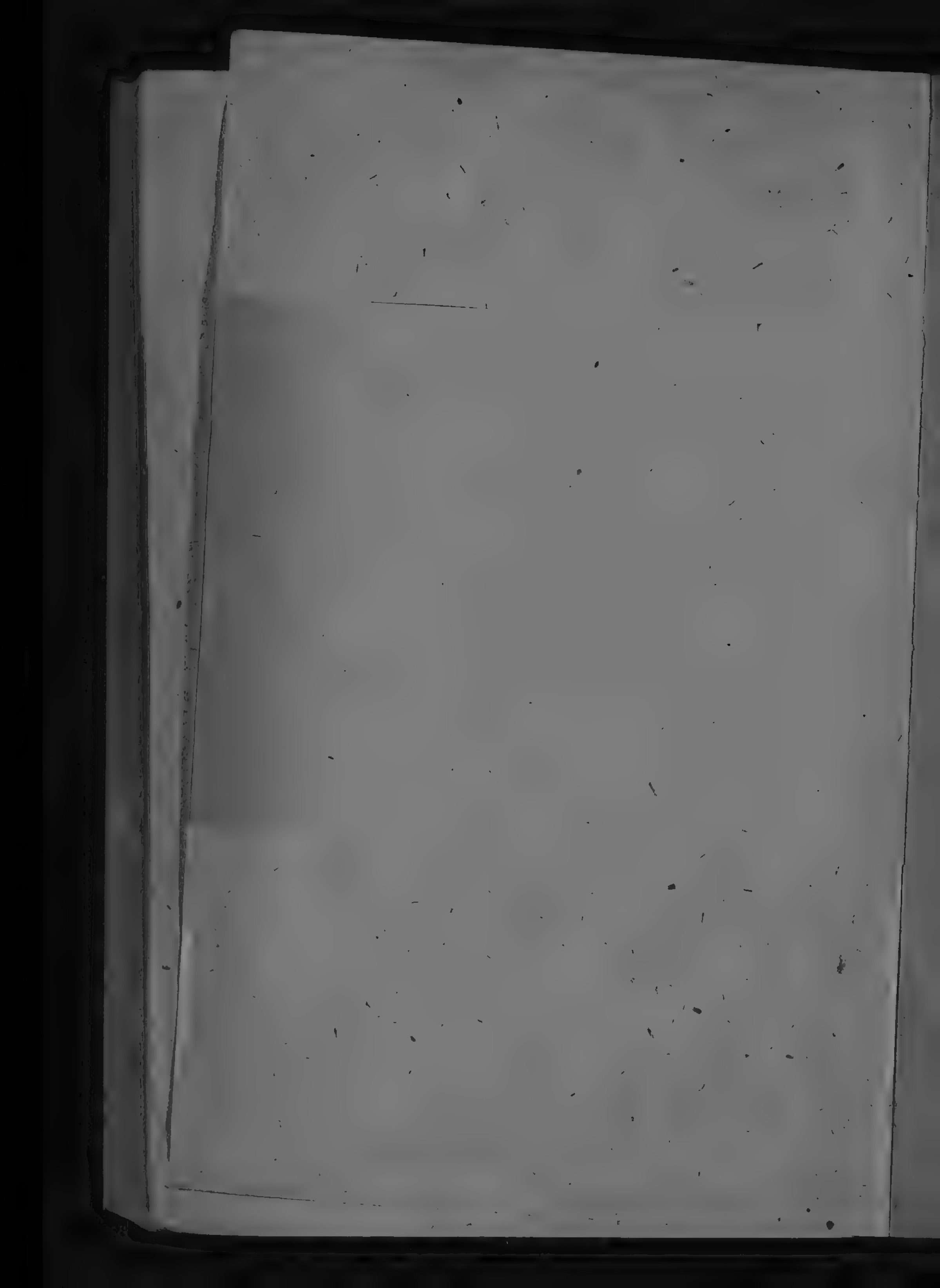
Отпечатано во 2-й типографии
Государственного военного изд-ва НКО СССР
им. Кл. Ворошилова
Ленинград, ул. Герцена, 1

★

Опечатки в тексте

Страница	Строка	Напечатано	Нужно
43	1 и 2 сверху	(из 2-й армии), 18-я дивизия. 5 сентября прибывает в район Труа 11-й корпус,	(из 2-й армии, 18-я дивизия 5 сентября прибывает в район Труа), 11-й корпус,
75	20 сверху	— 9-й и гвардейский	— 10-й и гвардейский
92	6 снизу	резервной дивизии	резервных дивизий
188	13 сверху	4 сентября полк прошел	4 сентября батальон прошел
333	8 сверху	находились	находились бы
415	8 снизу	Всего: 9 пех.	Всего: 6 пех.

М. Галактионов. „Темпы операций“.

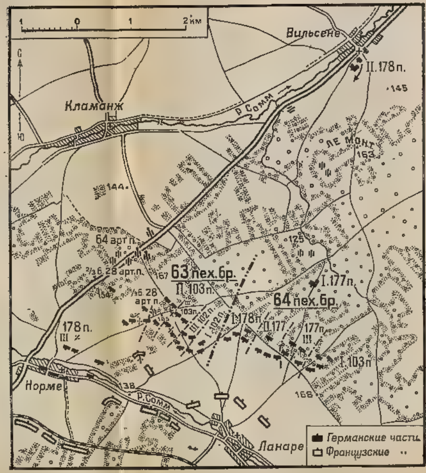

Схема 12. Наступление 32-й пехотной дивизии 6 сентября

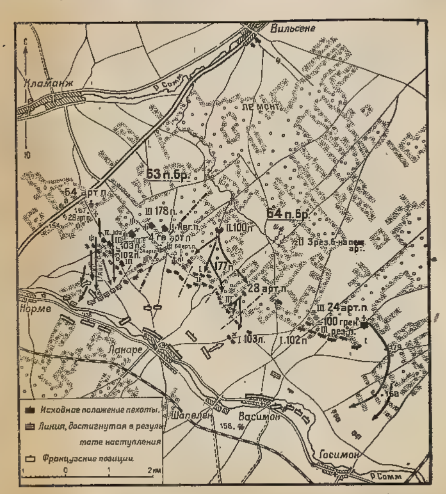

Схема 13. Наступление 32-й пехотной дивизии 7 сентября

Исходное положение пехоты.
Рубежи, достигнутые пехотой к 5 ч. утра
Положение атакующей пехоты к полудню.
Занятие Фер Шампенуаз вечером 8 сент.
Исходное положение артиллерии.
Положение артиллерии после атаки.

Схема 14. Атака гвардейским корпусом и 32-й пехотной дивизией 8 сентября 1914 г.

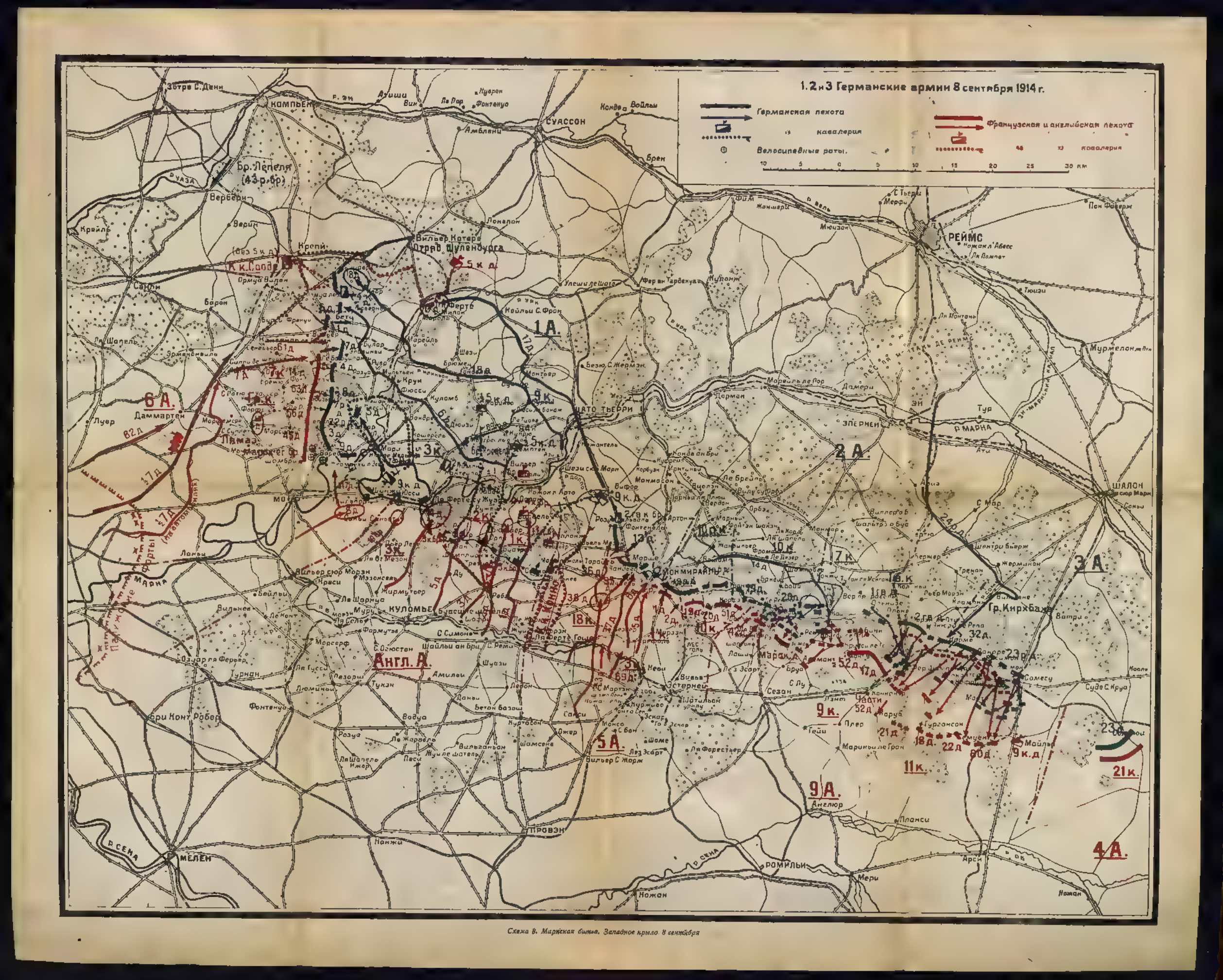

Схема 8. Марнская битва. Западное крыло 8 сентября

Схема 15. Марнская битва ... 9 ... сентября

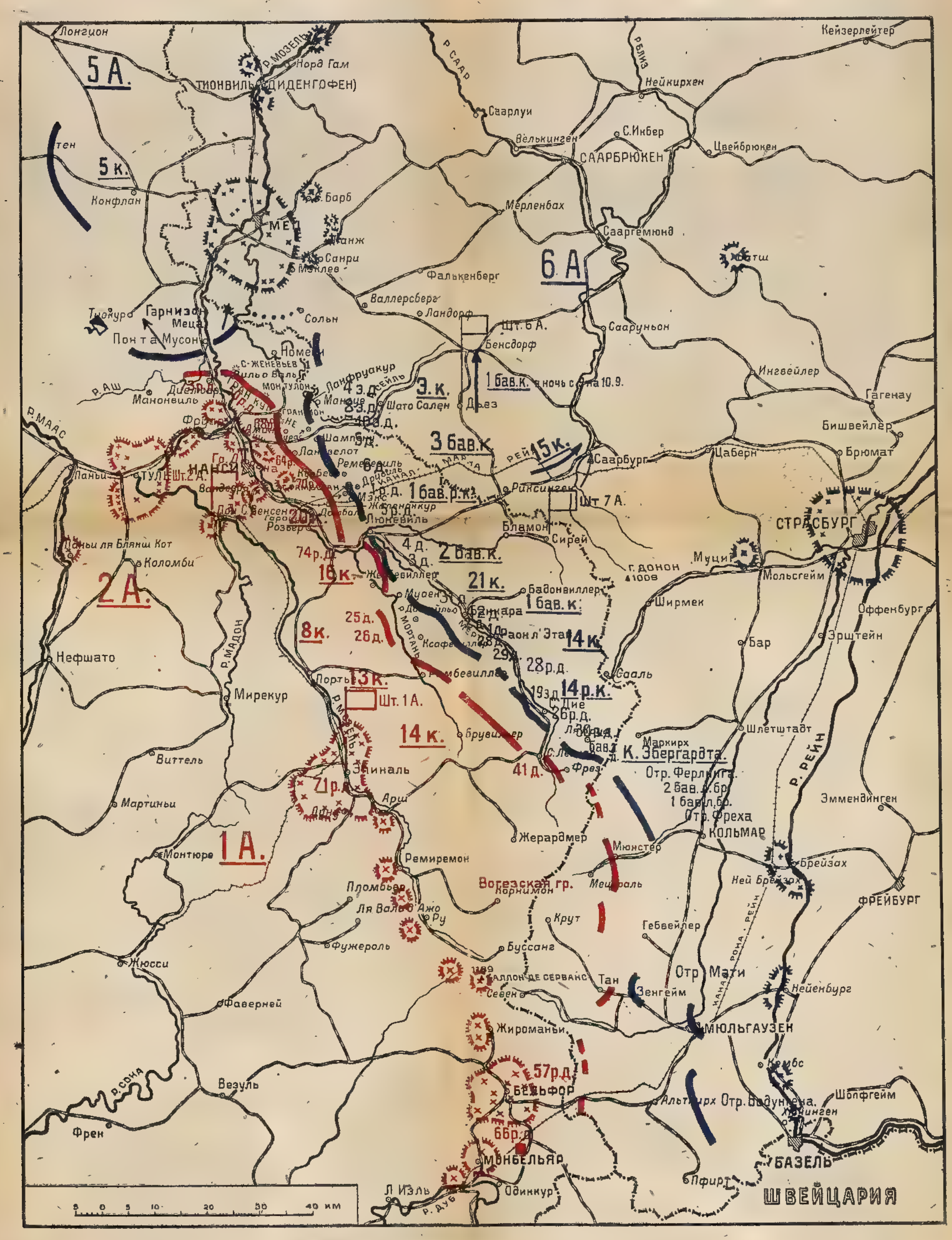

Схема 17. Восточное крыло в дни 5—9 сентября

Схема 15. Район Монмирайля и Сенгондских болот

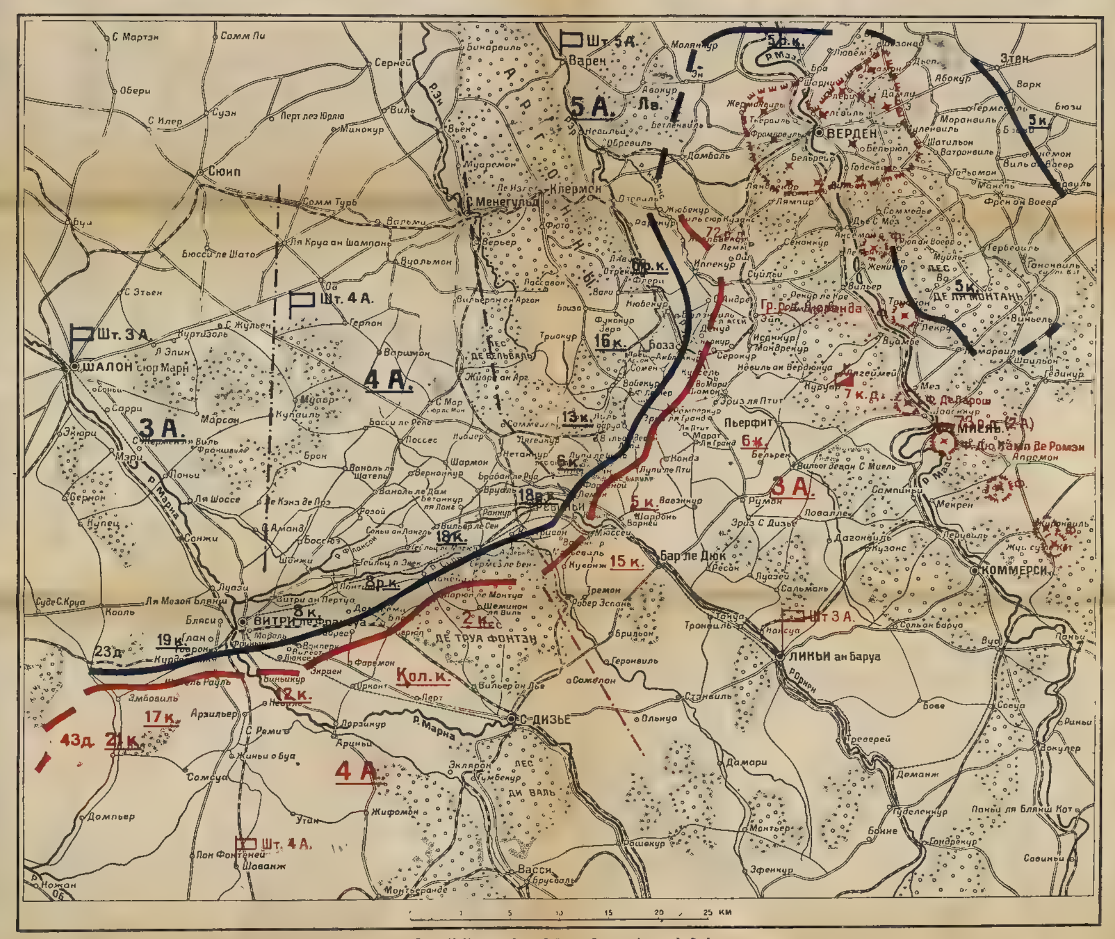

Схема 16. Марнская битва. Район от Витри-ле-Франсуа до Вердена

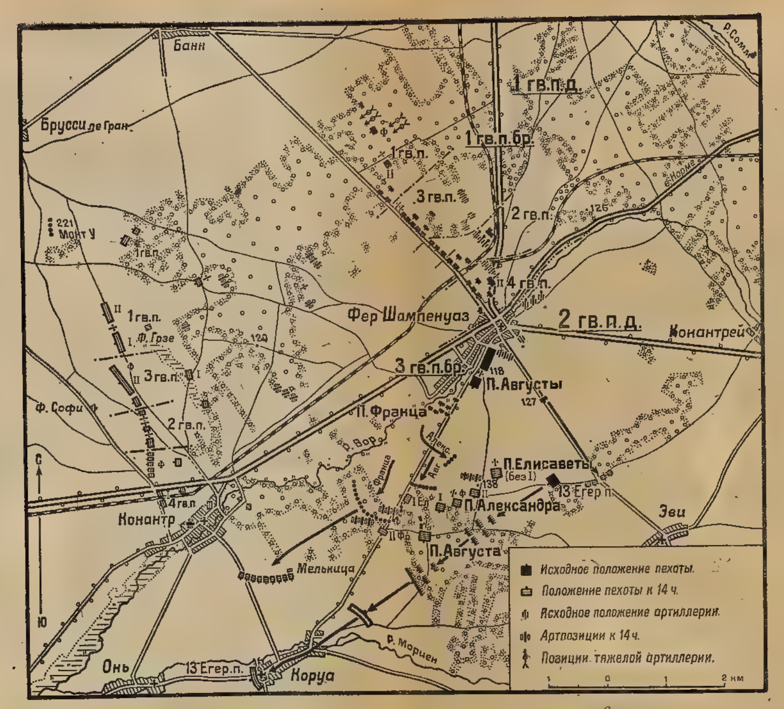

Схема 19. Наступление гвардейского корпуса 9 сентября

Схема 20. Бег к морю. Положение на 5 октября

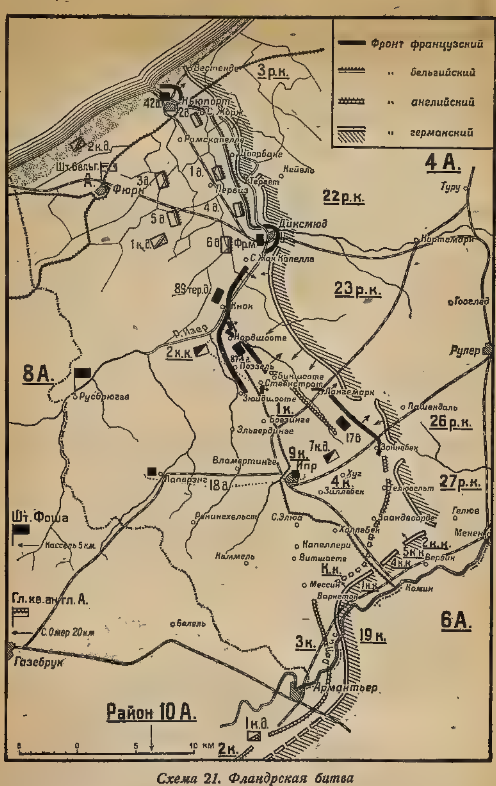

Схема 21. Фландрская битва

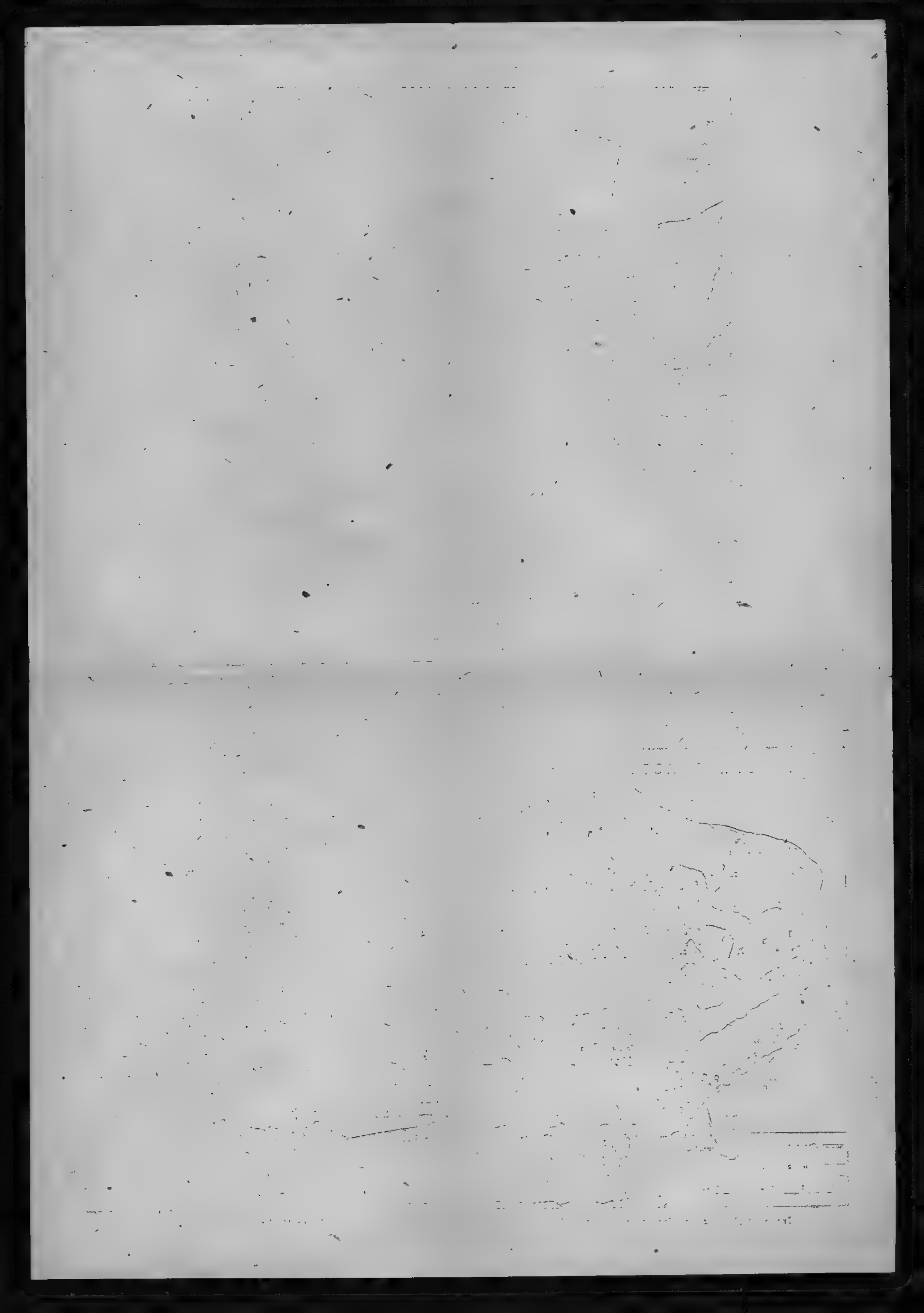

Схема 9. Наступление 1-й гвардейской дивизии 6 сентября

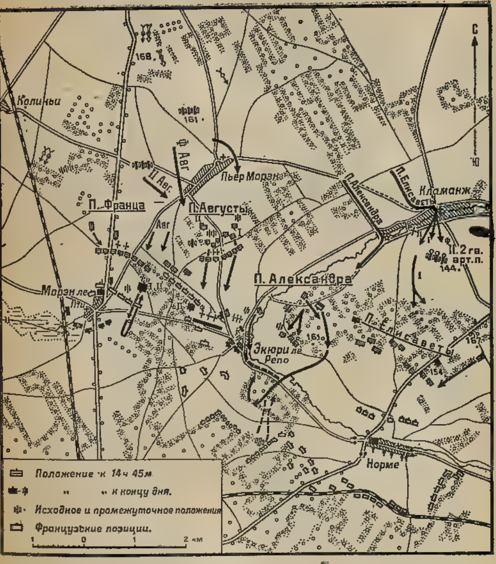

Схема 10. Наступление 2-й гвардейской дивизии 6 сентября

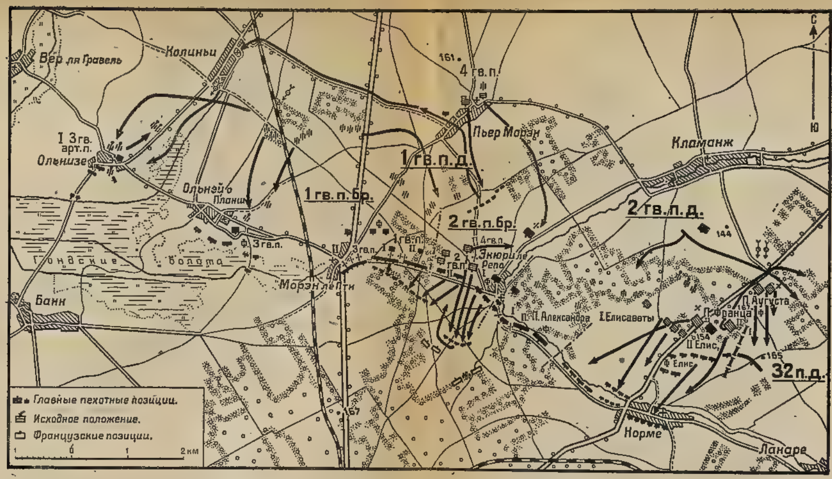

Схема 11. Наступление гвардейского корпуса 7 сентября

Схема 7. Марнская битва. Западное крыло 7 сентября

Схема 5. Фронт на р. Урк 8 сентября

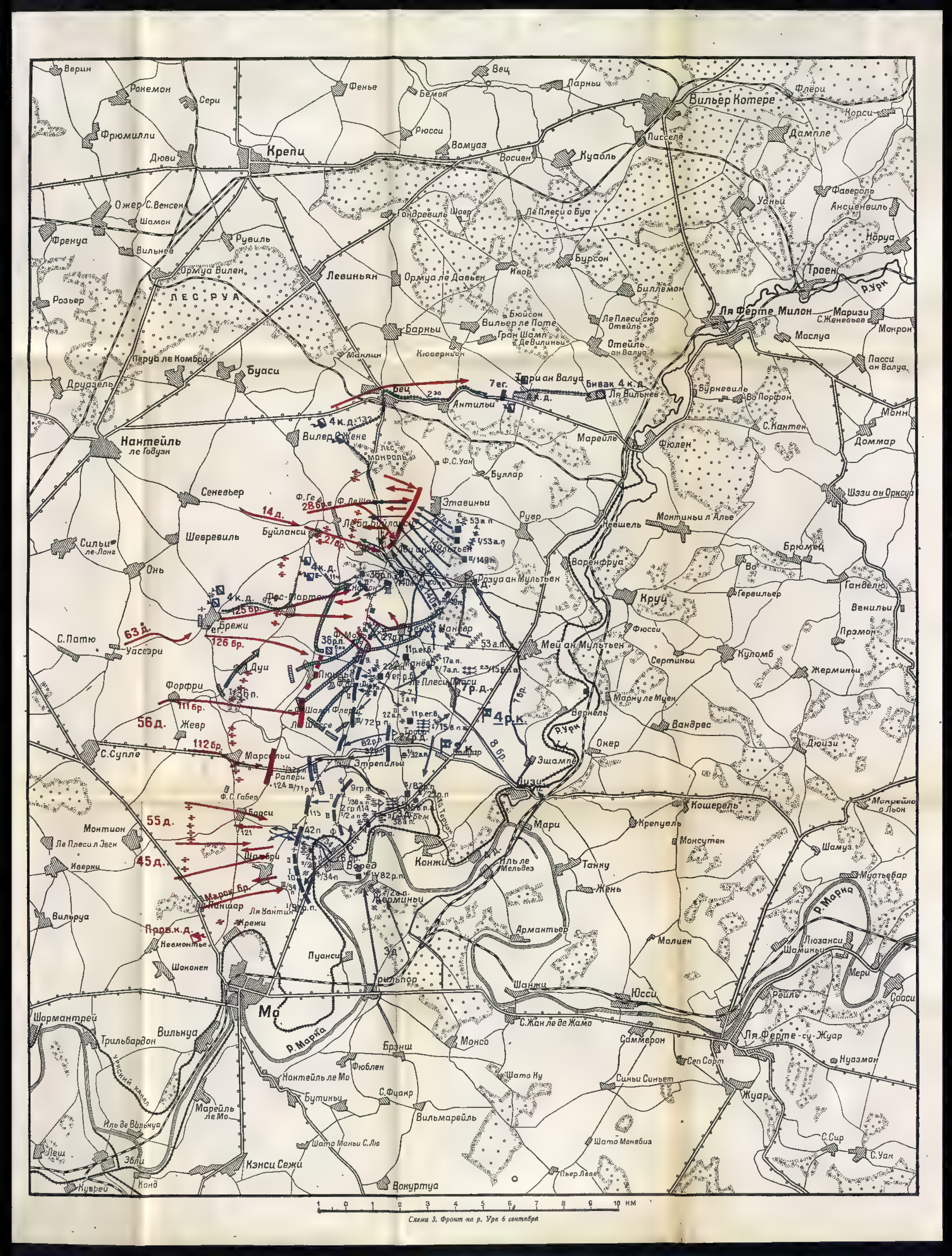

Схема 3. Фронт на р. Урк 6 сентября

20 0 20 40 60 80 100 120 140 КМ

Схема 1. Театр военных действий Западной Европы 1914 г.

Схема 2. Район Мезьер—Седан—Люнмеди

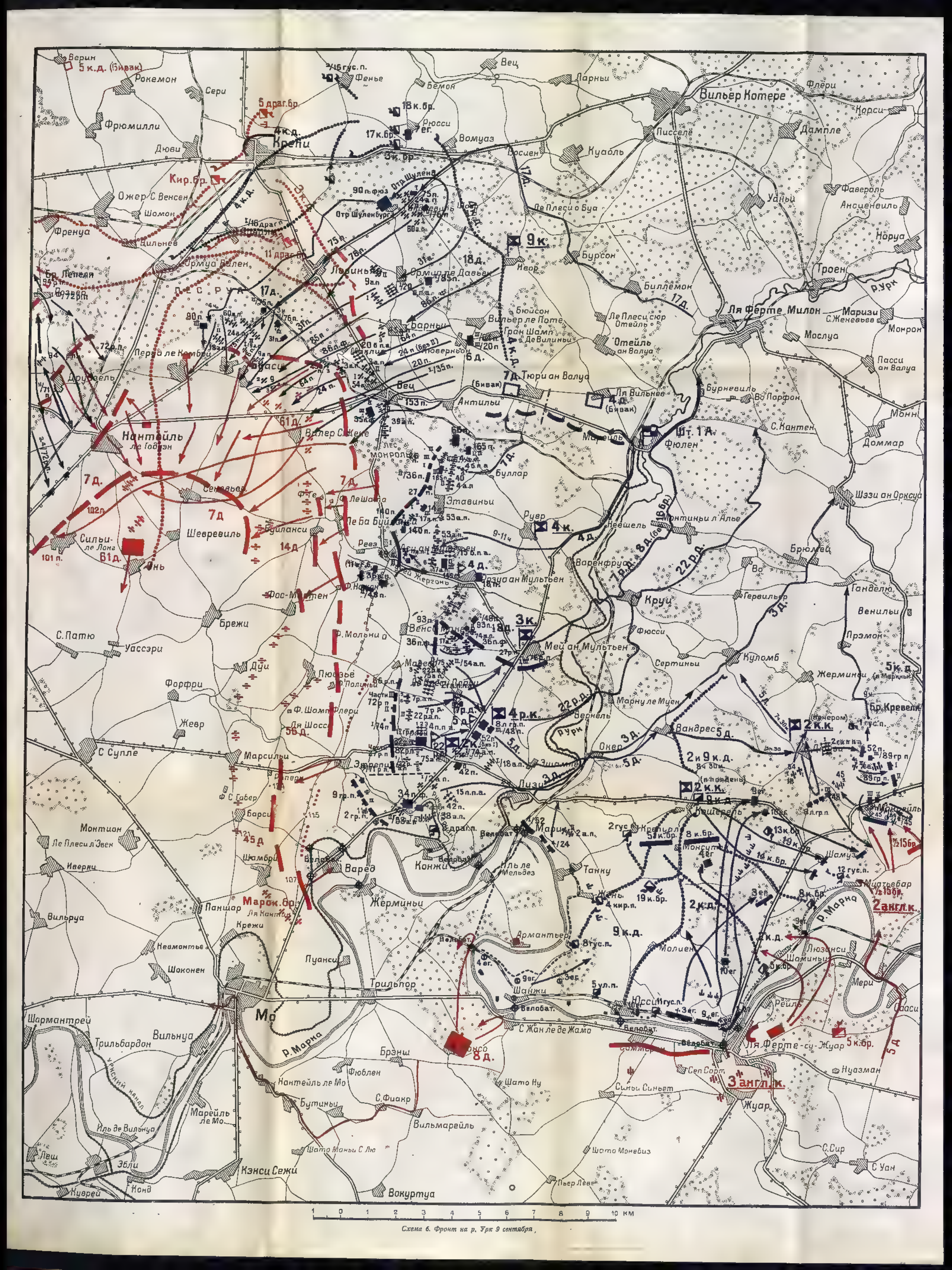

Схема 6. Фронт на р. Урк 9 сентября

Схема 4. Фронт на р. Урк 7 сентября

